Новое Слово

Журналъ

Пров. 50

Научно-литературный и политическій

3112
А. И. ГЕРЦЕНА

Годъ II. кн. 2.

Ноябрь 1896.

В. Зейпель Гр.

1896 г.—Ноябрь № 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ЗАБЫТЫЙ ПОНОМАРЬ. (Повѣсть). *(Окончаніе)*. Н. Потапенко. 1—
2. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ГРАМОТНОСТИ ВЪ РОССІИ. *(Окончаніе)*. В. Петрова . . . . . 35—
3. НА «ШЕСТОМЪ НОМЕРѢ». (Очеркъ). Д. Мамина-Сибиряка. 66—1
4. ВЪ МАСТЕРСКОЙ АНТОКОЛЬСКАГО. С. Ан—скаго . . . 103—1
5. БРИШАНТО. (Очерки изъ жизни французскаго актера). *(Окончаніе)*. Жюля Клареси. Пер. О. П. . . . . 116—1
6. ИСКРА ПОТУШЕНА. (Разсказъ). О. Демертъ. . . . . 135—1
7. РАЗСКАЗЫ Стефана Жеромскаго. (Переводъ В. Зеленевской). I. Забвеніе.—II. Воскресенье. . . . . 163—17
8. ОТКЛИКИ. Стихотвореніе. П. Я. 177
9. Стихотвореніе. ***. М. Михаловскаго. 178

10. КУСТАРИ НА ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ. *(Окончаніе)*. А. Погосской. . . . . 1— 1
11. СОСТАВЪ ГОРОДСКИХЪ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ СОБРАНІЙ ПРИ КВАРТИРНОМЪ ЦЕНЗѢ. Дмитрія Семенова. . . . . 20— 5
12. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ. . . . . 52— 5

13. НОВЫЯ КНИГИ.

Беллетристика. Критика. Исторія литературы. Л. Мельшина. Въ мірѣ отверженыхъ. Спб. 1896 г.—Вл. Череванскаго. Подъ боевымъ огнемъ. Спб. 1896 г.—Бьернстерна-Бьернсона. Собраніе сочиненій. Кіевъ. 1896 г.—М. Е. Соколовъ. Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губ. Петровскъ. 1896 г.—Джеромъ Джерома. Втроемъ по Темзѣ. Спб. 1896 г.—**Исторія. Общественныя науки. Юриспруденція, публицистика.** І. Ф. Шершеневича. Учебникъ русскаго гражданскаго права. Казань. 1896 г.—А. ф. Кистяковскаго. Изслѣдованіе о смертной казни. Спб. 1896 г. — Сэра Джона Леббока. Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Умственное и общественное состояніе дикарей.—М. С. Корелина. Очеркъ итальянскаго возрожденія. М.

Открыта подписка на новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ:

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ.

Эдуарда Б. ТЭЙЛОРА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ,

исправленное и дополненное по третьему англійскому изданію,

подъ редакціей Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО

въ 2-хъ томахъ.

Томъ I вышелъ изъ печати.

Содержаніе: Наука о культурѣ.—Развитіе культуры.—Переживаніе въ культурѣ.—Эмоціональный и подражательный языкъ.—Искусство счисленія.—Миѳологія.

Томъ II выйдетъ въ декабрѣ.

По выходѣ II тома цѣна будетъ повышена.

Цѣна за оба тома по подпискѣ **2** р. **50** к., съ пересылкой **3** р. *).

При требованіи наложеннымъ платежомъ къ суммѣ **3** р. (2 р. 50 к. стоимость сочиненія и 50 к.—перес.) прибавляется **10** коп. за наложенный платежъ.

Подписка принимается въ конторѣ изданій **О. Н. Поповой** (Спб., Невскій, 54, библіотека Черкесова) и ея отдѣленіяхъ (Спб., Спасская, 15, редакція журнала „НОВОЕ СЛОВО“) и **Москва**, книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, д Спиридонова.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору изданій.

Вышелъ новый Каталогъ изданій О. Н. Поповой; по требованію высылается безплатно.

*) Пересылку изданій по подпискѣ контора ни въ какомъ случаѣ на свой счетъ не принимаетъ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій. 4 т. Съ портр. автора и біографіей, составленной А. М. Скабичевскимъ. Спб. 1896. Ц. безъ перес. 7 р. Пересылка по разстоянію за 9 фунтовъ.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій. 2 т. Второе доп. изд. Ц. 3 руб.

Шелгуновъ, Н. В. Очерки русской жизни. Ц. 2 р.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. Т. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Герой безвременья. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895 г. 300 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ) Спб. 1895. Ц. 40 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Приключенія двухъ кораблей. (Изд. для народа). Спб. 1896. Ц. 20 к.

Рубакинъ, Н. А. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Съ рисунками. Изд. 3-е Спб. 1896. Ц. 18 к.

Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства. — Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Станюковичъ, К. Морскіе силуэты. Нянька. — Матроска. — Генералъ-арестантъ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Станюковичъ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Дарвинъ, Ч. Сочиненія 2 т. Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Спб. 1896 г. Ц. 4 р. 50 к.

Т. I. Вступительная статья проф. К. Тимирязева.—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. К. Тимирязева.—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. А. Бекетова. — Происхожденіе видовъ. Нов. перев. проф. К. Тимирязева.—Т. II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ, перев. академ. А. О. Ковалевскаго.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Пер. съ англ. Д. Коропчевскаго. Спб. 1895. 80 к.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Земля.—Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ посл. франц. изд., подъ ред. и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Съ 359 рис. и 23 картами. Спб. 1895. (осталось небольшое число полныхъ экз., въ переплетѣ по 2 т.) Ц. 7 р. 50 к.

Вып. Ч. II. Земля какъ планета.—Ч. II. Суша, горы и равнины. Ц. 90 к. (Вып. I распроданъ). — Вып. II. Ч. III. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к. — Вып. III. Ч. IV. Подземныя силы. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. IV. Ч. V. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. V. Ч. VI. Атмосфера и воздушныя явленія. Ц. 1 р.—Вып. VI. Ч. VII. Жизнь. Ц. 1 р. 30 к.

Реклю. Земля и люди. Всемірная географія. Вып. I. Швеція и Норвегія. Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ прилож. очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистич. таблицъ и библіограф. указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. Съ 75 рис. и прилож. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Іонасъ-Ли. Ніобея. Романъ. Пер. О. Н. Поповой. Ц. 60 к.

Культурно-историческая библіотека.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Минье. Исторія французской революціи. Пер. под. ред. и съ предисл. К. К Арсеньева. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го рус. изданія, допущ. въ библіотеки среднеучебн. заведеній. Ц. 1 р.

Мармери, Д. В. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Пер. съ англ. съ прилож. библіографич. указателя научныхъ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Буассье, Гастонъ. Картины древне-римской жизни. Очерки обществ. настроенія временъ цезарей. (Opposition sous les Cesars). Пер. съ франц. Е. В. Дегена. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Ингрэмъ. Исторія рабства. Пер. З. Журавской, съ дополненіями. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Гардинеръ, С. Р. Пуритане и Стюарты. 1603—1660 г. **Эйри, О.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

* * *

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «Новое Слово» (Спб. Спасская ул., д. № 15) и изъ конторы изданій О. Н. Поповой (Спб. Невскій, 54. Библ. Черкесова), за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Складъ изданій у Н. П. Карбасникова (СПБ., Варшава, Москва).

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бирдъ. Исторія реформаціи. Перев. подъ ред. проф. Н. И. Карѣева.

Гольмсъ. Великіе люди и великія ихъ произведенія.

Реклю, Э. Земля и люди. Вып. II. Бельгія и Голландія.

Минье. Исторія французской революціи. Изд. 3-е.

Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ.

Журналъ «Новое Слово», ноябрь, № 2.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Г. ГЕТТНЕРЪ.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVIII ВѢКА.

ТОМЪ I.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(1660—1770).

Переводъ **А. Н. Пыпина.**

Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное по послѣднему, 5-му, изданію подлинника.

Цѣна 1 р. 50 к.

19439
1922.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ II. КН. 2.

НОЯБРЬ

1896.

3112

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1896 г.—Ноябрь № 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ЗАБЫТЫЙ ПОНОМАРЬ. (Повѣсть). *(Окончаніе)*. Н. Потапенко. 1— 34
2. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ГРАМОТНОСТИ ВЪ РОССІИ. *(Окончаніе)*. В. Петрова . . . . . 35— 65
3. НА «ШЕСТОМЪ ПОМЕРѢ». (Очеркъ). Д. Мамина-Сибиряка. 66—102
4. ВЪ МАСТЕРСКОЙ АНТОКОЛЬСКАГО. С. Ан—скаго . . . 103—115
5. БРИШАНТО. (Очерки изъ жизни французскаго актера). *(Окончаніе)*. Жюля Клареси. Пер. О. П. . . . . 116—134
6. ИСКРА ПОТУШЕНА. (Разсказъ). О. Демертъ. . . . . 135—162
7. РАЗСКАЗЫ Стефана Жеромскаго. (Переводъ В. Зеленевской). I. Забвеніе.—II. Воскресенье. . . . . 163—176
8. ОТКЛИКИ. Стихотвореніе. П. Я. 177
9. Стихотвореніе. ***. Д. Михаловскаго. 178

10. КУСТАРИ НА ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ. *(Окончаніе)*. А. Погосской. . . . . 1— 19
11. СОСТАВЪ ГОРОДСКИХЪ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ СОБРАНІЙ ПРИ КВАРТИРНОМЪ ЦЕНЗѢ. Дмитрія Семенова. . . . . 20— 51
12. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ. . . . . 52— 59

13. НОВЫЯ КНИГИ.

Беллетристика. Критика. Исторія литературы. Л. Мельшина. Въ мірѣ отверженыхъ. Спб. 1896 г.—Вл. Череванскаго. Подъ боевымъ огнемъ. Спб. 1896 г.—Бьернстерна-Бьернсона. Собраніе сочиненій. Кіевъ. 1896 г.—М. Е. Соколовъ. Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губ. Петровскъ. 1896 г.—Джеромъ Джерома. Втроемъ по Темзѣ. Спб. 1896 г.—**Исторія. Общественныя науки. Юриспруденція, публицистика.** І. Ф. Шершеневича. Учебникъ русскаго гражданскаго права. Казань. 1896 г.—А. ф. Кистяковскаго. Изслѣдованіе о смертной казни. Спб. 1896 г. — Сэра Джона Леббока. Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Умственное и общественное состояніе дикарей.—М. С. Корелина. Очеркъ итальянскаго возрожденія. М. 1896 г.—

Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Извлечены и приведены въ систему Юліею Рэймондъ Гинджеллъ. Съ портретомъ Г. Спенсера. Пер. съ англ. А. Гойжевскій, подъ ред. Вл. Соловьева. Спб. 1896 г.—Г. П. Сазонова. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895 гг.). т. 1-й, 2-й и 3-й.—**Педагогія. Народное образованіе**, В. Л. Вахтерова. Внѣшкольное образованіе народа. Сельскія библіотеки. Книжные склады. Воскресныя школы и повторительные классы. М. 1896 г.—Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. М 1896 г.—Памяти К. Д. Ушинскаго. Изд. 1896 года. . . . . 60— 81

14. ВОСПОМИНАНІЕ О ЖЕНСКОМЪ МЕЖДУНАРОДНОМЪ КОНГРЕССѢ ВЪ БЕРЛИНѢ. А. Шабановой . . . . . 82— 93

15. О БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКИХЪ СРЕДСТВАХЪ РОССІИ. Л. Бертенсона. . . . . 94—103

16. ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ. Л. Е. Оболенскаго. . 104—120

17. ДМИТРІЙ НАРКИСОВИЧЪ МАМИНЪ. А. Скабичевскаго. . . 121—146

18. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Изъ жизни современной Германіи. I. Берлинскія злобы дня Промышленная выставка.—Два убійства.—Правовое чувство.—Офицерская честь.—Милитаризмъ.—Реакція противъ него.—Рѣчь профессора Квидде.—II. Готскій партейтагъ. Двадцать одинъ годъ.—Дѣло Либкнехта.—Искусство и рабочій классъ.—Академики. — Правовѣрная и еретичка.—Анархисты.—Профессіональные союзы. **В. Поссе** . . . 147—170

I. **Европейскіе интересы дня.** Отголоски европейскихъ выставокъ и конгрессовъ.—Трудыпо общественному образованію въ Женевѣ.—Вопросъ о современномъ журнализмѣ въ иностранной прессѣ.—Борьба католичества съ масонствомъ, какъ съ культомъ дьявола.—Протестъ голландца Ванъ-деръ Веера противъ войны и мнѣніе о немъ гр. Л. Н. Толстаго и «Journal des Débats». — Гражданское воскресенье въ Лондонѣ.—Можно-ли арестовать китайца въ Англіи безъ суда? — Китайскія тайныя общества. . . . . 170—182

II. **Между журналами и газетами.** В. Т. . . . . 182—193

Константинопольская рѣзня. (Письмо изъ Константинополя). О. Кайдановой. . . . . 193—197

19. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

ОБРАЗЧИКЪ ЧАСТНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ОБЛАСТИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. Я. Абрамова. . . . . 198—208

КЪ ВОПРОСУ О ЗЕМСКИХЪ ФИНАНСАХЪ. С. Г—ина. . . . . 209—213

ИЗЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ. Д. Л. . . . . 213—223

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Тверской губерніи. (Къ вопросу о народныхъ библіотекахъ-читальняхъ). А. Б.—Изъ Кузнецкаго у. Саратовской губ. (Къ вопросу о переселеніяхъ). Г. У.—Изъ Якутской области. **Алек—нова**. . . . . 223—240

20. ОБО ВСЕМЪ. С. К. . . . . 241—252

21. НЕКРОЛОГИ: В. О. Португаловъ и А. П. Батуевъ . . . . . 253—254

22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

23. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерана** . . . . . 145—168

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова

ЗАБЫТЫЙ ПОНОМАРЬ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

IX.

Отецъ Сергій возвращался домой въ не особенно пріятномъ настроеніи. Наставительный тонъ отца Анастасія пришелся ему не по душѣ. Конечно, онъ старался себя сдерживать и довольно удачно достигъ этого, потому что говорилъ съ человѣкомъ, убѣленнымъ сѣдинами и разбитымъ параличемъ, но съ какой стати этотъ старикъ, не имѣющій уже никакого голоса въ дѣлахъ прихода, читаетъ ему наставленія? Вовсе не за тѣмъ онъ поѣхалъ къ нему: это былъ просто долгъ вѣжливости, чтобы никто потомъ не имѣлъ права сказать, что онъ неуважителенъ къ старости и къ почтеннымъ людямъ.

„Но однако же, долженъ сказать, что распустилъ онъ здѣсь и причтъ, и прихожанъ! Надо подтянуть, надо поскорѣе ихъ подтянуть, чтобы они сразу видѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло... И потомъ надо покончить съ этимъ старикомъ... Онъ чувствуетъ себя въ церкви, какъ дома, ходитъ въ алтарь, поетъ на клиросѣ, кадило подаетъ, на часточку принимаетъ. Этого никакъ нельзя допускать. Надо устранить его сразу“.

Отецъ Сергій нарочно не говорилъ съ отцомъ Анастасіемъ о Леонидѣ. Когда онъ ѣхалъ къ нему, у него было это намѣреніе, но, разслышавъ въ его тонѣ склонность покровительствовать причетникамъ, онъ счелъ за лучшее умолчать. „Какіе тутъ могутъ быть совѣты?—думалъ онъ.—Тутъ надо собственною властью распорядиться. Это будетъ вѣрнѣе“.

Молодая матушка ждала его дома. Она ходила по комнатѣ изъ угла въ уголъ и рѣшительно не знала, что дѣлать и за что приняться.

Это было существо городское въ полномъ смыслѣ этого слова. Она родилась и выросла въ городѣ, въ стѣнахъ церковнаго дома.

Потомъ, когда она подросла, ее отдали въ епархіальное училище, гдѣ она благополучно кончила курсъ. Ничего другого она не знала, кромѣ городской жизни и городской обстановки. Природа олицетворялась въ ея глазахъ въ маленькомъ палисадникѣ посреди церковнаго двора, въ которомъ она играла съ такими же точно дѣтьми, выросшими въ церковномъ домѣ. Потомъ представленіе ея о природѣ немного расширилось, такъ какъ при монастырѣ, при которомъ было епархіальное училище, находился изрядный садъ.

Но когда она сегодня утромъ выѣхала за городъ и увидѣла передъ собою широкую степь, сливавшуюся съ горизонтомъ, эта широта сразу какъ-то придавила ее. Она совсѣмъ не была подготовлена къ ней и начала даже слегка тревожиться и задыхаться. Затѣмъ, въ деревнѣ, она встрѣтилась лицомъ къ лицу со всѣми признаками хозяйства, которое было совершенно чуждо ей. Въ городѣ все доставлялось рынкомъ, куда кухарка, а иногда сама матушка, мать ея, ходила съ большой корзиной по утрамъ и приносила все, что нужно было на цѣлый день.

А тутъ коровы, лошади, свиньи, куры. За всѣмъ этимъ, повидимому, надо самой смотрѣть, иначе, какъ говорятъ, придется сидѣть безъ пищи и безъ хлѣба. И она, еще не начинавшая своей хозяйской дѣятельности, уже растерялась. Пока съ нею былъ отецъ Сергій, еще было ничего, она чувствовала себя какъ бы подъ его защитой, но, оставшись одна, она просто не знала, какъ ей быть; нервы ея были разстроены.

Она смотрѣла въ окна и видѣла, какъ по церковной площади бѣгали деревенскіе мальчишки и дѣвчонки, босые, безъ шапокъ, иные въ однихъ рубашонкахъ, и не знала, что ей подумать. Достаточно-ли это прилично съ ихъ стороны и не оскорбительно-ли это для нея? Можетъ быть, слѣдуетъ постучать имъ въ окно, или велѣть сторожу прогнать ихъ? А можетъ быть, это всегда такъ дѣлается и въ порядкѣ вещей?

Она ходила по комнатѣ и въ иныя минуты ей казалось, что она совсѣмъ одинока, что ее завезли въ эту глушь и бросили среди какой-то варварской обстановки. Она останавливалась и прислушивалась къ тому, что происходило во дворѣ. Какой-то странный крикъ, совсѣмъ незнакомый и непонятный ей. Хрюканіе свиней, крикъ поросенка, нечаянно, по глупости, попавшаго въ какую-то яму и не умѣвшаго оттуда выкарабкаться, кокотанье куръ, зычное гиканіе гусей,—все это казалось ей какимъ-то враждебнымъ, угрожающимъ хоромъ, какой-то насмѣшливой серенадой по ея адресу. Но, въ сущности, это были только нервы,—она хорошо

знала, что ее не забросили и что она находится подъ надежной защитой отца Сергія.

Съ отцомъ Сергіемъ она познакомилась еще тогда, когда была монастыркой. Онъ тогда состоялъ въ первомъ богословскомъ классѣ, значитъ, года черезъ полтора собирался кончить курсъ и получить приходъ.

Какъ ученикъ семинаріи, онъ шелъ безъ особеннаго блеска, всегда состоялъ во второмъ разрядѣ. Но за то онъ занималъ выдающееся положеніе, какъ пѣвчій архіерейскаго хора. У него былъ превосходный теноръ, и онъ исполнялъ роль перваго солиста. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ Сергій былъ мастеръ своего дѣла. Когда онъ выдѣлывалъ соло въ какомъ-нибудь церковномъ концертѣ, все въ церкви замолкало и только слушало его. Поэтому его знали всѣ въ городѣ и, когда онъ шелъ по улицѣ, каждый узнавалъ его и говорилъ другому: „вотъ это солистъ Антидоровъ. Ахъ, какъ онъ поетъ!“

Такимъ образомъ въ положеніи Антидорова было что-то героическое, а все героическое нравится женщинамъ, особенно очень юнымъ и сидящимъ въ строгихъ стѣнахъ учебнаго заведенія. Съ виду онъ, правда, не былъ похожъ на героя. Его маленькій ростъ, приземистость, какая-то общая короткость, какъ будто въ его тѣлѣ недоставало какой-нибудь важной части, груди или живота, много портили ему. Съ лица онъ былъ, пожалуй, благообразенъ: все у него было на мѣстѣ и какъ слѣдуетъ, но въ то же время въ лицѣ его было что-то сухое и холодное, даже что-то не симпатичное, и при помощи одного лица онъ никогда не могъ бы имѣть успѣха. Но когда онъ начиналъ пѣть, ему все прощалось, и тогда женщины начинали интересоваться имъ,—женщины, конечно, преимущественно духовнаго званія.

Точно также покорилъ онъ сердце и Елизаветы Антоновны и, такъ какъ она была дочь третьяго соборнаго священника, то Антидоровъ, разумѣется, тотчасъ же началъ ухаживать за нею, а перейдя во второй богословскій классъ, то-есть, послѣдній, сдѣлалъ Елизаветѣ Антоновнѣ предложеніе. Пѣвчій, и притомъ солистъ, могъ всегда разсчитывать на лучшее мѣсто, если не въ городѣ, гдѣ, большею частью, были академики, то въ какомъ-нибудь большомъ селѣ, и потому предложеніе Антидорова не встрѣтило препятствія со стороны родителей Елизаветы Антоновны.

А все-таки Елизавета Антоновна въ глубинѣ души лелѣяла надежду, что Антидорову дадутъ назначеніе гдѣ-нибудь въ городѣ. Воспитанная исключительно въ средѣ духовныхъ интересовъ, она

нѣсколько преувеличивала его пѣвческое значеніе. Ей думалось, что солистъ, да еще теноръ, это—чрезвычайно важная птица, и что архіерей и консисторія должны сдѣлать для него все, чего онъ только захочетъ. Выходя замужъ, она даже не допускала мысли, что его могутъ назначить въ деревню, и потому всѣ планы ея жизни сосредоточивались въ городѣ и примѣнительно къ городскимъ условіямъ. Самъ Антидоровъ тоже питалъ такія же надежды, и когда она его спрашивала, еще будучи невѣстой, онъ отвѣчалъ съ увѣренностью:

— Ну, разумѣется, какъ же иначе, я думаю... Не пошлютъ же меня куда-нибудь въ захолустье! Я полагаю, преосвященный меня знаетъ и не допуститъ...

Но вотъ состоялась свадьба, былъ возбужденъ вопросъ о приходѣ, и Антидорова назначили куда-то въ очень отдаленную глушь, больше сотни верстъ отъ губернскаго города. Елизавета Антоновна пришла въ ужасъ и сдѣлала своему молодому супругу первую сцену. Она расплакалась, объявила себя совершенно несчастной и даже очень ясно выразила ту мысль, что еслибы знала, то не вышла бы замужъ.

— Что же это такое?—говорила она, пересыпая свои слова рыданіями:—какой же это приходъ? Съ какой стати я удалюсь въ эту пустыню? Вѣдь такой приходъ можетъ получить всякій, а я не вышла бы замужъ за всякаго. Да я, право, не знаю,—мнѣ и папа не позволилъ бы... Да нѣтъ, я просто не поѣду, вотъ и все,—я останусь здѣсь и буду жить въ городѣ до тѣхъ поръ, пока не дадутъ хорошаго прихода.

Антидоровъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ. Въ особенности ему неловко было передъ новой родней. Что такое, въ самомъ дѣлѣ? Ему, пѣвчему, первому солисту, и вдругъ даютъ приходъ, который можетъ получить всякій! Да вонъ его товарищи, которые не были не только солистами, но даже и пѣвчими, да и по списку стояли ниже его, и тѣ получили лучшіе приходы.

Онъ поднялъ цѣлую исторію: снарядилъ къ преосвященному своего тестя, который все же обладалъ нѣкоторымъ вліяніемъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ пошелъ.

Преосвященный чувствовалъ какую-то непреодолимую слабость къ пѣвчимъ и потому встрѣтилъ ихъ благосклонно.

— Въ чемъ дѣло, Антидоровъ? Вѣдь ты уѣзжаешь на приходъ? Очень мнѣ жаль, что я лишусь такого солиста. Другого такого, пожалуй, и не найдется.

— Я къ вамъ съ почтительнѣйшей просьбой, ваше преосвя-

щенство,—молвилъ Антидоровъ:—вотъ и отецъ Антоній о томъ же самомъ проситъ.

— Я думаю,—съ усмѣшкой замѣтилъ архіерей: — онъ твой тесть, вы теперь слились воедино. Въ чемъ же ваша просьба?

— Вашему преосвященству благоугодно было назначить меня въ Стратоновку, а Стратоновка находится на такомъ далекомъ разстояніи отъ города, что все равно какъ бы въ пустынѣ придется жить...

— Сколько же верстъ?—спросилъ архіерей.

— Болѣе ста верстъ, ваше преосвященство. Я лелѣялъ надежду, что своей службой снискалъ...

— Да ты постой. Чего ты тамъ лелѣялъ!.. Почему же ты думаешь, что мнѣ было благоугодно, какъ ты выражаешься, назначить тебя?.. Я и не думалъ назначать... Это консисторія, должно быть.

— Я этого не знаю, ваше преосвященство, но такое получилъ назначеніе.

— По всей вѣроятности, нѣтъ другого прихода,—предположилъ архіерей. — А вотъ кстати,—промолвилъ онъ, увидя входившаго благочиннаго.—Вотъ и самъ отецъ благочинный, онъ намъ и разъяснитъ. Скажи пожалуйста,—обратился онъ къ отцу благочинному: — почему это Антидорова такъ далеко назначили? У него молодая жена, и отецъ Антоній по ней скучать будетъ...

— Не было прихода подходящаго!—отвѣтилъ благочинный.

— Да вѣдь это какъ посмотрѣть!—шутливо промолвилъ архіерей:—у васъ, то-есть, я говорю—въ консисторіи, никогда нѣтъ хорошаго прихода, а когда захотятъ, да поищутъ, такъ, смотришь, и найдется. Такъ, что-ли?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, дѣйствительно не было прихода.

— Ты говоришь—не было и этимъ какъ бы даешь надежду, что теперь онъ есть?

— Да, теперь имѣется. Вотъ только сегодня утромъ получилъ я извѣстіе, что священникъ села Крутые подвергся удару и болѣе не можетъ продолжать служеніе, а потому долженъ быть уволенъ въ заштатъ.

— А какъ зовутъ священника?—спросилъ преосвященный.

— Отецъ Анастасій.

— Богоявленскій? Знаю. Жаль, очень жаль, хорошій былъ священникъ... А сколько же это верстъ? Кажется, немного?

— Верстъ сорокъ будетъ.

— Ну, это пустяки. А приходъ тамъ хорошій, это я знаю. Такъ вотъ тебѣ, Антидоровъ; коли хочешь, бери. А нѣтъ, оставайся безъ прихода...

— Какъ будетъ вамъ угодно, ваше преосвященство!—кротко и смиренно отвѣтилъ Антидоровъ.

— Мнѣ угодно, чтобы ты ѣхалъ на этотъ приходъ! Нечего тебѣ особенно быть разборчивымъ...

— Я, ваше преосвященство, предпочелъ бы, хотя бы и незначительное мѣсто, но въ городѣ!—нерѣшительно попытался заявить Антидоровъ.

— Я знаю, что ты предпочелъ бы. Такъ это же невозможно, милый мой. Самъ знаешь, что въ городѣ у насъ исключительно академиками вакансіи замѣщаются. Развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ и то за особыя заслуги. Вотъ ты поѣзжай въ село Крутые и окажи особыя заслуги, тогда мы тебя и въ городъ переведемъ. Вѣдь отецъ Антоній тебѣ тесть,—продолжалъ уже совсѣмъ шутливо архіерей;—а отецъ благочинный отцу Антонію пріятель, ну, значитъ, и не трудно тебѣ особыя заслуги оказать... Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, поѣзжай въ Крутые, тамъ тебѣ хорошо будетъ.

Елизаветѣ Антоновнѣ пришлось примириться, и такъ какъ благочинный обѣщалъ найти случай, чтобы при первой возможности сдѣлать архіерею представленіе объ Антидоровѣ въ смыслѣ перевода его въ городъ, то она, пріѣхавъ въ деревню, смотрѣла на нее, какъ на временное свое мѣстожительство. Когда она представляла себѣ, что придется возиться съ коровами, курами, телятами и всякими хозяйственными принадлежностями, ей становилось страшно. Ей казалось, что она никогда этому не научится.

Она ужасно обрадовалась, когда къ дому подъѣхала коляска и даже пошла на встрѣчу отцу Сергію.

X.

— Что это у тебя такой недовольный видъ?—спросила Елизавета Антоновна своего мужа, когда онъ вошелъ въ комнату.

— Я думаю, будешь недоволенъ. Богъ знаетъ, что они о себѣ думаютъ. Всѣ они такъ распустились, что съ ними и разговаривать нельзя,—гнѣвно говорилъ отецъ Сергій.

— Да въ чемъ же дѣло?

— Этотъ старикъ вздумалъ мнѣ нотаціи читать, понимаешь! Вмѣшивается не въ свои дѣла! Съ какой стати? По какому праву? Онъ меня учитъ, какъ я долженъ обращаться съ причтомъ и съ

прихожанами. Какъ будто я не знаю своихъ правъ и обязанностей. Эти старики думаютъ, что имъ все позволено. Въ особенности, если у нихъ какая-нибудь болѣзнь. Какъ будто болѣзнь даетъ какія-нибудь преимущества, вродѣ набедренника или камилавки или протоіерейскаго званія...

— Ну, полно, успокойся, Сережа! Охота тебѣ изъ за такихъ пустяковъ!

— Какіе же это пустяки? Это вовсе не пустяки, мой другъ. Если этакъ каждый будетъ вмѣшиваться въ мои распоряженія, какой же я послѣ этого буду настоятель? Однако, и у тебя видъ не важный. Ты чего же разстроилась?

— Ахъ, да, я дѣйствительно ужасно разстроилась. Мнѣ почему-то здѣсь какъ-то страшно; я чувствую себя, какъ будто бы попала въ дикую страну среди дикихъ звѣрей.

— Ну, это ужъ совсѣмъ глупости. Дикихъ звѣрей здѣсь нѣтъ, а съ людьми мы справимся. Прежде всего намъ нужно, чтобы освободили весь домъ. Это Богъ знаетъ что такое: подъ самымъ носомъ торчатъ какіе-то посторонніе люди, куча дѣтей, скотъ, птица. Это просто невыносимо!

— Да, это ужасно! — подтвердила Елизавета Антоновна. — Только какъ же быть, если имъ больше негдѣ жить? Куда же они пойдутъ?

— Ахъ, повѣрь, что они лучше насъ это знаютъ. Каждый съумѣетъ о себѣ позаботиться, а главное, необходимо настаивать на своемъ правѣ. Если не настаивать, такъ они какъ разъ намъ на шею сядутъ.

— Но стоитъ-ли безпокоиться? Вѣдь не можетъ же быть, чтобы насъ здѣсь долго оставили, это было бы безчеловѣчно! Вѣдь насъ скоро переведутъ въ городъ.

— Какъ же, жди! Это не такъ-то скоро дѣлается, душа моя! — съ досадой отвѣтилъ отецъ Сергій—Эти академики... Я положительно не знаю, за что имъ такое преимущество. Какъ будто я не умѣю такъ же, какъ они, обѣдню служить, или крестить, или хоронить. Всѣ одинаково это дѣлаютъ, и не надо кончать академіи, чтобы умѣть это. При томъ же, всѣ мѣста заняты. Это мнѣ самъ архіерей сказалъ, что всѣ мѣста заняты. Надо, чтобы кто-нибудь умеръ. А никто, кажется, умирать не собирается. Какъ на зло, все такой здоровый народъ.

— А вотъ отецъ Иванъ, на кладбищѣ, онъ такой старый! — промолвила Елизавета Антоновна:—я думаю, онъ долго не проживетъ.

— Насъ съ тобой переживетъ, голубушка. Это такой крѣпкій человѣкъ, я его знаю.

— А въ соборѣ отецъ Серафимъ, второй священникъ, онъ такой больной...

— Ну, тоже сказала, въ соборѣ, да еще второй священникъ! Неужели ты думаешь, что меня могли бы туда назначить? Это было бы ужъ слишкомъ хорошо, и на это я разсчитывать не имѣю права... Нѣтъ, ты не особенно мечтай, Лиля. Намъ придется здѣсь долго просидѣть, съ этимъ надо примириться. Потому я и хочу поставить здѣсь себя сразу, какъ слѣдуетъ.

Онъ рѣшилъ осмотрѣть дворъ и провѣрить, исполнилъ-ли дьяконъ его желанія. Онъ вышелъ во дворъ, посреди котораго, привязанная къ повозкѣ, стояла тройка лошадей, принадлежавшая отцу дьякону. Лошади мирно жевали сѣно и тихонько помахивали хвостами. „Значитъ, вывелъ ихъ изъ конюшни“, съ чувствомъ удовлетворенія подумалъ отецъ Сергій. „Однако, это не особенно удобно, если онѣ будутъ постоянно торчать. Лиля не рѣшится даже черезъ дворъ пройти. Она вѣдь боится лошадей“.

Онъ пошелъ дальше и сталъ заглядывать въ разные уголки. Онъ заглянулъ въ сарай и увидѣлъ тамъ рядомъ съ своей коляской бричку отца дьякона.

„Какъ же это, однако? вѣдь я его просилъ бричку отсюда убрать. Это мнѣ совсѣмъ не нравится“.

Какъ разъ въ это время во дворѣ появился дьяконъ, и отецъ Сергій довольно строго обратился къ нему:

— Послушайте, отецъ дьяконъ, вѣдь я же просилъ васъ убрать отсюда вашу бричку. Это крайне неудобно.

— Я не могу, отецъ Сергій! — спокойно и просто отвѣтилъ дьяконъ.

— Какъ же это не можете? Почему же вы не можете?—сильно нахмуривъ брови, спросилъ отецъ Сергій.

— Потому же, отецъ Сергій, почему и вы вашу коляску не оставили бы здѣсь, во дворѣ.

— Но позвольте...

— Мнѣ моя бричка денегъ стоила, отецъ Сергій. Она, хотя и не такая дорогая, какъ ваша коляска,—продолжалъ прежнимъ тономъ дьяконъ,—но мнѣ она тяжелымъ трудомъ досталась... А отъ солнца на ней краска потрескается и сойдетъ... Всякому свое добро дорого, отецъ Сергій.

Отецъ Сергій какъ-то весь ощетинился.

— Я вовсе не имѣю намѣренія разсуждать съ вами, отецъ

дьяконъ,—сухо промолвилъ онъ.—Я вамъ говорю дѣло и желаю, чтобы вы исполняли.

— Не могу.

— Но позвольте, однако. Я вамъ предлагаю, а могъ бы и приказать...

— Нѣтъ!—твердо отвѣтилъ дьяконъ,—этого приказать вы не можете. Этого права у васъ нѣтъ.

Отецъ Сергій поднялъ голову и посмотрѣлъ на него: рѣшительно это былъ не тотъ дьяконъ, который разговаривалъ съ нимъ вчера, когда онъ пріѣхалъ: это былъ совсѣмъ, совсѣмъ другой, точно его подмѣнили. Смотрѣлъ онъ строго, взглядъ у него былъ неподвижный, твердый и увѣренный. „Однако, съ нимъ надо строго!“—подумалъ отецъ Сергій и сказалъ:

— Но, какъ вы можете позволять себѣ со мной такъ разговаривать?

— Я говорю дѣло, отецъ Сергій,—отвѣтилъ дьяконъ:—я не могу! Всякому свое добро дорого, какъ вамъ, такъ и мнѣ.

— Но вы забыли, кажется, съ кѣмъ говорите...

— Нѣтъ, я не забылъ, отецъ Сергій. Я знаю, что вы отецъ настоятель.

— Но вы должны уважать, по крайней мѣрѣ, мой санъ...

— И у меня есть санъ, отецъ Сергій. Какъ вамъ, такъ и мнѣ, онъ Богомъ данъ, и обоихъ насъ преосвященный владыка рукополагалъ.

Отецъ Сергій прикусилъ губу. На это онъ не съумѣлъ ничего возразить. Онъ сказалъ:

— Хорошо, я поговорю объ этомъ съ благочиннымъ, можетъ быть, онъ вразумитъ васъ лучше, чѣмъ я.

— Какъ вамъ будетъ угодно, отецъ Сергій, а только я безъ сарая не могу остаться.

— Хорошо, хорошо, это мы посмотримъ. А ваши лошади тутъ и будутъ стоять, среди двора?

— Вы изволили приказать вывести ихъ. Не могу же я поставить ихъ у себя въ комнатѣ.

— Но, послушайте, отецъ дьяконъ, вы мнѣ, кажется, грубите?

— Въ чемъ же моя грубость? Я прямо говорю, отецъ Сергій, и готовъ то же самое передъ отцомъ благочиннымъ и даже предъ преосвященнымъ владыкой повторить.

Отецъ Сергій на это ничего не сказалъ. Онъ ушелъ въ домъ и явился къ Елизаветѣ Антоновнѣ совершенно взбѣшенный.

— Ну, хорошо, я имъ покажу. Этого имъ спускать нельзя!—говорилъ онъ, угрожая кому-то кулакомъ.

— Ахъ, ну, не волнуйся же такъ, вѣдь это Богъ знаетъ, что такое!—восклицала Елизавета Антоновна.—Нѣтъ, надо просить перевода, надо просить перевода. Что же, въ самомъ дѣлѣ! Не даромъ же ты былъ солистомъ! вѣдь это что-нибудь значитъ! Какъ же это такъ?

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, Лиля! Что солистъ? Что такое солистъ, скажи пожалуйста? Ровно ничего. Ну, былъ солистомъ, а теперь пересталъ имъ быть, вотъ и все.

Однимъ словомъ, въ церковномъ домѣ было полное разстройство. Цѣлый день однѣ непріятности. Но каковъ дьякопъ! Какъ онъ перемѣнился! Должно быть, въ это время успѣлъ переговорить съ этимъ старымъ калѣкой, отцомъ Анастасіемъ. Но онъ, отецъ Сергій, покажетъ имъ всѣмъ. Надо только поскорѣе выяснить вопросъ на счетъ этого причетника съ тоненькой косичкой. Вотъ чудеса, въ самомъ дѣлѣ! Кажется, нигдѣ нѣтъ такихъ порядковъ. По штату полагается двое, а на мѣстѣ оказывается трое. Это ужъ прямо самоуправство какое-то.

Отецъ Сергій при этомъ не принималъ въ разсчетъ, что самоуправство это было сопряжено съ добровольной потерей дохода, такъ какъ отецъ Анастасій добровольно уступалъ извѣстную долю въ пользу Леонида.

Въ дверь постучали изъ сѣней.

— Кто такой?— сердито спросилъ отецъ Сергій, а Елизавета Антоновна вспорхнула и выбѣжала въ другую комнату.

— Это я!—послышался изъ сѣней несмѣлый голосъ.

— Кто такой ты?

— Я, сторожъ, Григорій.

— Что же тебѣ? Войди.

Григорій вошелъ и остановился у порога.

— Я на счетъ вечерни,—уже четыре часа; не прикажете-ли благовѣстить?

— Какой вечерни?—съ изумленіемъ спросилъ отецъ Сергій.

— А какъ же! У насъ всегда въ воскресенье вечерня служится, это такъ заведено.

— Заведено? Кѣмъ же это заведено?

— Заведено. Отецъ Анастасій всегда служили.

— Гм! Отецъ Анастасій! Значитъ, я непремѣнно долженъ дѣлать все то, что дѣлалъ отецъ Анастасій! Такъ, по вашему?

Григорій не рѣшился отвѣтить на этотъ вопросъ. Но въ это время въ намѣреніяхъ отца Сергія произошелъ внезапный переворотъ.

„Пожалуй, что надо служить вечерню!—подумалъ онъ:— не слѣдуетъ нарушать установившихся обычаевъ. Надо, чтобы они не имѣли противъ меня никакихъ данныхъ, на которыя могли бы ссылаться“.

— Хорошо, поди и благовѣсти. Я буду служить вечерню!— съ нѣкоторой строгостью въ голосѣ сказалъ онъ Григорію:—да, да, я совсѣмъ забылъ... поди и начинай звонъ.

Григорій ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ раздался звонъ, потомъ началась служба. Во время вечерни Леонидъ, какъ ни въ чемъ не бывало, исполнялъ всѣ свои обычныя обязанности, пѣлъ на клиросѣ и читалъ, ходилъ въ алтарь, раздувалъ и подавалъ кадило, гасилъ свѣчи, которыя уже догорѣли. Между прочимъ, онъ уловилъ свободную минуту и тихонько сказалъ дьякону:

— Вотъ видите, отецъ дьяконъ, вы говорили Богъ знаетъ что, а онъ совсѣмъ не такой уже страшный. Вотъ же я служу себѣ, и онъ ничего мнѣ не говоритъ.

Дьяконъ мрачно посмотрѣлъ на него изподлобья и ничего не сказалъ; онъ только подумалъ: погоди, скоро увидишь, какое это „ничего“.

И это было какъ бы предсказанье. Когда послѣ вечерни отецъ Сергій выходилъ изъ церкви, то обратился къ дьякону и довольно строгимъ начальническимъ тономъ сказалъ ему:

— Прошу васъ явиться ко мнѣ, когда окончите уборку въ церкви!

Дьяконъ выслушалъ и съ своей стороны промолвилъ:

— А когда же будете повѣрять церковь, отецъ Сергій? У насъ все готово.

— Я не объ этомъ говорю и прошу васъ исполнять то, что я предлагаю!—сухо замѣтилъ отецъ Сергій и ушелъ.

„Что-то онъ такое будетъ говорить? — подумалъ дьяконъ:— только ужъ я теперь не сдамся, нѣтъ, не сдамся. Пускай говоритъ, что хочетъ, а я не уступлю.

Всей своей твердостью и храбростью дьяконъ былъ обязанъ дьяконшѣ. Конечно, онъ и самъ уже не питалъ къ отцу Сергію тѣхъ чувствъ, съ какими встрѣтилъ его вчера. То было чувство подчиненнаго къ начальнику. Онъ считалъ себя обязаннымъ угождать и повиноваться. Но онъ ждалъ, что и начальникъ къ нему отнесется, по крайней мѣрѣ, хоть человѣчнѣе, но увидѣлъ съ его стороны только грубыя придирки и корысть и уже тогда, когда у него на сердцѣ что-то закипѣло противъ настоятеля, онъ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ. Но окончательно повернула его на-

правленіе дьяконша:—ничего ты, дьяконъ, не бойся! Нѣтъ, ты ему не поддавайся! Что бы онъ ни говорилъ, ни дѣлалъ, а не можетъ этого быть, чтобы по его было. Ты ничего не сдѣлалъ дурного, ты свою службу исправно правишь, никогда на тебя жалобъ не было, и отецъ Анастасій можетъ это завѣрить. Слѣдовательно, нечего тебѣ дрожать и извиваться передъ нимъ. Это даже больно смотрѣть... Не такіе твои года, чтобы тебѣ униженіе терпѣть... И кто онъ такой? Едва семинарію кончилъ, молокососъ и уже носъ задираетъ...

Дьяконъ подумалъ, что и въ самомъ дѣлѣ ничего дурного онъ не сдѣлалъ и ни въ чемъ худомъ не замѣченъ, чего же ему бояться? И онъ сталъ храбрѣе.

Покончивъ уборку церкви, загасивъ вмѣстѣ съ Леонидомъ свѣчи и лампадки и вообще исполнивъ все, что нужно, дьяконъ направился къ отцу Сергію. Онъ сказалъ Леониду:

— Звалъ придти. Что-нибудь такое приказывать будетъ. Отъ него къ тебѣ приду.

И пошелъ.

Отецъ Сергій, очевидно, ждалъ его и явно находился въ волненіи. Елизаветы Антоновны здѣсь не было, она была во внутреннихъ комнатахъ. Дьяконъ вошелъ и въ скромно-почтительной позѣ остановился неподалеку отъ стола.

— Приказывали явиться, отецъ Сергій!—сказалъ онъ.

— Да,—рѣзко и отрывисто говорилъ отецъ Сергій.—Я желаю выяснить роль вотъ этого старика, который поетъ на клиросѣ... Онъ собственно на какихъ же основаніяхъ здѣсь? Онъ пользуется доходомъ?

— Да. По штату съ каждаго рубля настоятелю полагается семьдесятъ копѣекъ и псаломщику тридцать. А у насъ отецъ Анастасій бралъ шестьдесятъ, значитъ,—десять копѣекъ съ рубля отдавалось Леониду.

— Такъ-съ!—кратко отвѣтилъ отецъ Сергій.—Ну, а такъ какъ по штату этого не полагается, то прошу васъ объявить этому господину, чтобы онъ на клиросъ не являлся и вообще не принималъ никакого участія въ церковныхъ дѣлахъ. И, разумѣется, доходовъ ему никакихъ не полагается.

— Но чѣмъ же онъ будетъ жить, отецъ Сергій? — спросилъ дьяконъ.

— Чѣмъ ему угодно. Мало-ли есть на свѣтѣ бѣдняковъ, но мы не можемъ ихъ содержать! Церковь не богадѣльня.

Дьяконъ хотѣлъ было еще что-то возразить, но отецъ Сергій рѣшительно перебилъ его:

— Нѣтъ, прошу васъ, объ этомъ разговоръ покончимъ. Больше намъ не о чемъ говорить на этотъ разъ, конечно.

Дьякону оставалось поклониться и выйти, что онъ и сдѣлалъ. Очень тяжело ему было идти къ Леониду и онъ прежде зашелъ домой и посовѣтовался съ дьяконшей. Они долго совѣтовались о томъ, какъ быть, какъ сказать Леониду такую страшную вещь. Вѣдь главное, что въ этомъ случаѣ отецъ Сергій былъ правъ. Что же ему возразить, коли дѣйствительно по штату не полагается. Тутъ даже дьяконша, обыкновенно находчивая, ничего не могла придумать.

— Господи, Ты, Боже мой!—говорила она:—какъ стѣсняютъ человѣка! Нѣтъ, должно быть, у него совсѣмъ сердца нѣту.

Но этимъ сочувствіемъ дѣла поправить было нельзя. Дьяконъ пошелъ къ Леониду.

XI.

Онъ нашелъ Леонида въ оградѣ около сторожки. Леонидъ сидѣлъ на большомъ камнѣ и смотрѣлъ на западъ, гдѣ солнце собиралось заходить.

— Ну, что, былъ разговоръ?—спросилъ Леонидъ.

— Да... такъ... пустое!—отвѣтилъ дьяконъ, и тутъ же почувствовалъ, что онъ совершенно не въ состояніи сказать Леониду правду, что у него не хватитъ на это духу.

— Присаживайтесь, отецъ дьяконъ! Хорошъ воздухъ нынче!—промолвилъ Леонидъ.

— Воздухъ дѣйствительно хорошъ,—отозвался дьяконъ и присѣлъ тутъ же на камнѣ.

— Оттого я и говорю, что не слѣдуетъ дурного ожидать отъ человѣка!—говорилъ Леонидъ:—зачѣмъ ему быть злымъ, я говорю, всякому человѣку, когда воздухъ хорошъ, и тепло, и красота такая, вонъ посмотрите...

Дьяконъ машинально поднялъ голову и посмотрѣлъ туда, на западъ, и не могъ не согласиться, что небо, сливавшееся съ золотистымъ полемъ, было красиво. Но ему было не до этого, его мысли шли совсѣмъ въ другомъ направленіи и онъ говорилъ, какъ бы про себя, можетъ быть, разчитывая еще, что эти слова приведутъ его къ цѣли. „Да, вотъ живешь себѣ, живешь, и вдругъ надъ тобой этакъ гроза ни съ того, ни съ сего...“

— И чего это вы огорчаетесь, отецъ дьяконъ?—спрашивалъ Леонидъ:—развѣ что-нибудь такое дурное случилось? Ну, стѣсненіе, конечно, квартирку вотъ вамъ пришлось оставить, теперь трудно, разумѣется, такъ безъ этого-жъ невозможно!

— Да нѣтъ, что тутъ! Я не объ этомъ!—отговаривался дьяконъ и чувствовалъ, что языкъ у него рѣшительно не повернется сказать Леониду горькую истину. Такъ онъ и не сказалъ, а подумалъ про себя: „нѣтъ, я лучше къ отцу Анастасію схожу и скажу ему! Можетъ, онъ съумѣетъ передать Леониду, а я не могу: нѣтъ, не могу". И онъ поднялся.

— Куда же это вы, отецъ дьяконъ? Развѣ уходите уже? — спросилъ Леонидъ.

— А ты что теперь будешь дѣлать, Леонидъ?

— Да вотъ Маринкѣ обѣщалъ почитать объ отрочествѣ Іисуса... Я ей часто читаю, она это любитъ. Этакъ передъ сномъ... Какъ почитаю ей, такъ потомъ она всю ночь хорошіе сны видитъ.

— Ну, почитай, почитай, а потомъ приходи къ отцу Анастасію, я тамъ буду.

— Что-жъ, ладно!—согласился Леонидъ,—я не долго, отецъ дьяконъ, такъ съ часокъ повожусь, а тамъ и прилетусь.

Дьяконъ пошелъ къ отцу Анастасію и засталъ того бодрымъ и даже, какъ ему показалось, значительно оправившимся. При его появленіи отецъ Анастасій такъ твердо и увѣренно поднялъ руку, что дьяконъ рѣшился даже взять у него благословеніе, и это сошло вполнѣ удачно.

— Что скажешь, дьяконъ? Опять бѣда какая-нибудь?—спросилъ отецъ Анастасій.—Я теперь отъ васъ только и жду, что бѣды.

— Да ничего другого и ждать не приходится!—отвѣтилъ дьяконъ.—Вотъ, не знаю, какъ и быть,—приказано Леонида въ отставку.

— Ага, такъ я и ждалъ. Ужъ я видѣлъ по немъ... и что-жъ, ты сказалъ ему?

— Да нѣтъ, отецъ Анастасій, не могъ рѣшиться. Языкъ не повернулся. Вотъ сейчасъ спдѣлъ съ нимъ, и бесѣдовали о томъ и объ этомъ, а только про настоящее сказать не могъ. Такъ и рѣшилъ себѣ: пойду къ вамъ, скоро и Леонидъ будетъ, такъ ужъ вы ему какъ-нибудь это и откройте.

— Тяжелое дѣло ты на меня наваливаешь, дьяконъ. Легко-ли сообщить такую вещь? Ахъ, горе, горе мое! Что-жъ мы будетъ дѣлать съ Леонидомъ?

— Не знаю, отецъ Анастасій, ничего не могу придумать. Вотъ и съ женой совѣтовался, такъ и она говоритъ: тоже ничего, говоритъ, не могу придумать.

Пришла и матушка и тоже приняла участіе въ обсужденіи положенія и тоже ничего не могла придумать. Скоро явился и Леонидъ. Отецъ Анастасій встрѣтилъ его обычными восклицаніями, причемъ

приложилъ всѣ старанія, чтобы въ голосѣ его не было слышно ничего печальнаго.

— Ну, какъ, что, Леонидъ? Разсказывай! Скрутили васъ?

— Да я ничего!—добродушно отвѣтилъ Леонидъ.—Я отъ него дурного не вижу.. Что въ сторожкѣ пришлось жить, такъ онъ же не виноватъ въ этомъ, а въ остальномъ ничего.

— Экій ты у меня младенецъ, Леонидъ, прямо младенецъ!—промолвилъ отецъ Анастасій:—ну, садись-ка да выслушай. Вѣдь ты знаешь, какая у тебя должность! Должности-то собственно никакой и нѣтъ, а такъ по дружбѣ ты оставался съ нами. Ну, а этотъ дружбы къ тебѣ не питаетъ, а потому и не хочетъ оставлять тебя въ причтѣ..

— То-есть какъ это, отецъ Анастасій?—спросилъ Леонидъ.

— А такъ, голубчикъ ты мой Леонидъ, что приказалъ онъ тебѣ болѣе въ церкви не прислуживать и доходу не получать.

— Не можетъ этого быть, отецъ Анастасій! Какъ же можно, чтобы человѣкъ рѣшился вдругъ старика.. нѣтъ, не можетъ этого быть...

— Постой, Леонидъ. Я не шучу! Неужто ты думаешь, что я шутилъ бы такъ съ тобой въ такомъ дѣлѣ?

Твердость Леонида какъ бы начала колебаться.

— Такъ какъ же это? Какъ же оно будетъ? Такъ вѣдь у меня же ничего другого нѣтъ! — говорилъ Леонидъ, и голосъ его какъ-то необычно вибрировалъ.

Всѣмъ было въ эту минуту тяжело. Замолкъ и Леонидъ, молчали и остальные. Первый заговорилъ отецъ Анастасій.

— Ты вотъ что, Леонидъ: поѣзжай ты въ городъ и хлопочи.

— Гдѣ я буду хлопотать? Никакихъ правъ я не имѣю. Кто для меня сдѣлаетъ?

— Хлопочи, говорю я тебѣ, Леонидъ. Самъ бы я поѣхалъ за тебя хлопотать, да не могу: видишь, какой я сталъ. А я тебѣ записку къ отцу благочинному дамъ. Отецъ благочинный ко мнѣ расположенъ, и къ тебѣ тоже.

— Нѣтъ, ничего не выйдетъ,—совсѣмъ дрожащимъ голосомъ возражалъ Леонидъ:—нѣтъ не выйдетъ! —молвилъ Леонидъ, и голова его поникла, и совсѣмъ онъ омрачился. Онъ думалъ, конечно, не о себѣ, а о Маринкѣ, которую надо было кормить и которой грозила такая печальная судьба.

Вдругъ среди глубокаго молчанія раздались тихія всхлипыванія. Всѣ обернулись. Леонидъ плакалъ.

— Простите... ради Господа, простите...—вытирая слезы полой кафтана, говорилъ онъ:—когда бы не Маринка.. а то вѣдь мала она.... долженъ же я чѣмъ-нибудь кормить ее.

— Говорю тебѣ, Леонидъ, поѣзжай къ отцу благочинному!

— Эхъ, не поѣду я, ничего не выйдетъ, ничего!—выразительно промолвилъ Леонидъ:—нѣтъ, ужъ видно судьба моя такая... Прощайте, отецъ Анастасій, и вы, матушка, и вы, отецъ дьяконъ! Я только разстраиваю васъ своими слезами... А то, можетъ, отецъ дьяконъ, вмѣстѣ пойдемъ?

Дьяконъ готовъ былъ согласиться, но отецъ Анастасій какъ-то выразительно подмигнулъ ему и остановилъ его.

— Нѣтъ, дьяконъ останется!—сказалъ онъ:—намъ надо еще поговорить на счетъ его квартиры... Вѣдь и ему не сладко...

— Ну, такъ я одинъ пойду!—промолвилъ Леонидъ и ушелъ.

— Я тебя нарочно, дьяконъ, оставилъ! — сказалъ отецъ Анастасій:—надо его дѣло поправить. Онъ, дѣйствительно, еслибы и поѣхалъ въ городъ, то ничего бы не достигъ; не умѣетъ онъ съ дѣлами обходиться. А ты вотъ что: поѣзжай-ка ты въ городъ и отвези мою записку къ благочинному. Леонидъ вѣдь, какъ дитя, за него надо хлопотать. Кстати и на счетъ дома поговоришь съ отцомъ благочиннымъ.

Дьяконъ согласился. На другой день утромъ онъ пошелъ къ отцу Сергію и просилъ у него позволенія ѣхать въ городъ.

— Хорошо, поѣзжайте,—сказалъ отецъ Сергій: — только къ вечеру непремѣнно пріѣзжайте домой, потому что я завтра хочу ѣхать въ городъ; надо, чтобы кто-нибудь оставался при церкви.

Дьяконъ поѣхалъ въ городъ. Благочинный принялъ его ласково. Въ особенности, когда узналъ, что онъ привезъ записку отъ отца Анастасія, съ которымъ у него всегда были добрыя отношенія. Дьяконъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Благочинный зналъ, на какомъ положеніи былъ Леонидъ, но, выслушавъ теперь дьякона, самъ ничего не взялся рѣшить.

— Погодите,—сказалъ онъ:—надо посовѣтоваться въ консисторіи! Дѣло это рѣдкостное. Да вотъ что, пойдемте вмѣстѣ, тутъ два шага!

Они отправились въ консисторію, гдѣ благочинный имѣлъ вліяніе, и тутъ всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что Антидоровъ совершенно правъ. Коли по штату не полагается, то никакъ нельзя заставить его уменьшать свой доходъ.

— А что касается церковнаго дома,—пояснили дьякону:—то тутъ вашъ Антидоровъ совсѣмъ неправъ, и не имѣетъ онъ права васъ выселить, потому что церковный домъ строится для всего причта.

— Такъ, значитъ, дѣло Леонида совсѣмъ пропащее?—спросилъ онъ благочиннаго передъ отъѣздомъ.

— Совсѣмъ пропащее!—отвѣтилъ благочинный.—Развѣ онъ станетъ просить преосвященнаго о назначеніи его на другое какое-либо мѣсто!

Дьяконъ махнулъ рукой.

— Гдѣ ужъ тамъ? И не рѣшится онъна это, да и старъ ужъ.

Онъ поѣхалъ домой, сильно ободренный на счетъ своего личнаго дѣла. По крайней мѣрѣ онъ теперь былъ увѣренъ, что отецъ Сергій не имѣетъ права изгнать его изъ дома. Значитъ, на счетъ конюшни, экипажнаго сарая и тока онъ можетъ съ нимъ разговаривать болѣе твердо. Онъ пріѣхалъ прямо къ отцу Анастасію и разсказалъ ему все, какъ было.

— Экій бѣдняга Леонидъ!—воскликнулъ отецъ Анастасій:—что мнѣ съ нимъ дѣлать? Вотъ что. Конечно, это, можетъ быть, и наивно съ моей стороны, но все же надо попробовать. Попрошука я его, отца Сергія, къ себѣ и попробую расположить его. Не можетъ быть, чтобъ у него было такое каменное сердце.

И онъ написалъ отцу Сергію записку, въ которой въ очень сердечныхъ выраженіяхъ извинялся, что позволяетъ себѣ приглашать его, чему единственная причина—болѣзнь, иначе онъ самъ бы пріѣхалъ.

— Ну, вотъ,—сказалъ отецъ Анастасій:—ты эту записку ему отдай. Авось будетъ толкъ.

— Нѣтъ ужъ,—сказалъ дьяконъ:—вы это не черезъ меня, отецъ Анастасій. Пусть онъ лучше не думаетъ, что я объ этомъ хлопочу. Богъ съ нимъ,—и дѣлу отъ этого только хуже будетъ. Пошлите черезъ вашего работника.

— А пожалуй, ты правъ; такъ мы и сдѣлаемъ.

Дьяконъ ушелъ къ себѣ домой, а черезъ четверть часа отецъ Анастасій позвалъ работника и послалъ его къ отцу Сергію съ письмомъ. Прочитавъ письмо, отецъ Сергій долго размышлялъ, какъ ему быть. Вѣдь онъ считалъ себя оскорбленнымъ. Но письмо ничего враждебнаго въ себѣ не заключало и было написано въ такихъ мирныхъ, почти дружескихъ, выраженіяхъ. И онъ рѣшилъ показать примѣръ смиренія и поѣхать.

Опять на деревенской улицѣ показалась коляска съ желтыми колесами, съ кучеромъ въ городской формѣ, и остановилась у дома заштатнаго настоятеля.

Отецъ Анастасій сразу началъ разговоръ въ задушевномъ тонѣ.

— Я говорю съ вами, отецъ Сергій, какъ отецъ съ своимъ сыномъ. Конечно, каждый хочетъ, чтобъ ему было лучше, и я хочу

того же, и это вовсе не грѣхъ. Но вы пастырь, вы должны примѣръ другимъ показывать. На васъ всѣ смотрятъ и всѣ отъ васъ поучаются жизни. Всѣ будутъ видѣть, что вы великодушны.

— Но позвольте, отецъ Анастасій,—возражалъ Антидоровъ, стараясь тоже держаться, сколько могъ, задушевнаго тона:—повѣрьте, что я вамъ очень благодаренъ за совѣтъ. Только, право же, я никакъ не могу этого понять... Вѣдь по штату полагается только священникъ и псаломщикъ. Какъ же я могу идти противъ штата?

— Да что вамъ штатъ? Я говорю про сердце, а вы мнѣ про штатъ. Вы хорошее дѣло сдѣлаете, а штатъ ей-ей же не обидится. Богъ съ нимъ, со штатомъ...

— Но однако же, судите сами, отецъ Анастасій,—возражалъ Антидоровъ:—ежели одному сдѣлать, то сейчасъ же и другой можетъ найтись, а тамъ и десятокъ, и цѣлая сотня. Вѣдь этакъ, ежели всѣмъ выдѣлять изъ дохода, то и самому ничего не останется.

Отецъ Анастасій видѣлъ, что они дѣйствительно не понимаютъ другъ друга и, наконецъ, отчаялся и рѣшилъ не тратить понапрасну словъ.

— Ну, какъ себѣ хотите. Вижу, отецъ Сергій, что мы съ вами одними и тѣми же словами разныя вещи называемъ. Одно только я скажу вамъ: дурно вы начинаете ваше пастырское служеніе, отецъ Сергій, очень дурно! Простите вы мнѣ, но долженъ сказать, что вы поступаете не какъ пастырь, а какъ волкъ...

Конечно, послѣ такого замѣчанія, отецъ Сергій довольно рѣшительно всталъ и началъ прощаться. Отецъ Анастасій и не удерживалъ его, и коляска скоро вернулась въ церковный домъ. Уже по одной этой скорости дьяконъ могъ понять, что результатъ разговора былъ неблагопріятный.

Съ Леонидомъ сдѣлалось что-то странное. Онъ цѣлый день съ самаго утра ходилъ въ оградѣ, не завтракалъ и не обѣдалъ, и шаги его все дѣлались чаще и чаще. Дарья разъ десять подступалась къ нему и звала его откушать, но онъ смотрѣлъ на нее какими-то непонимающими глазами.

— Отойди, отойди, Дарья, не хочу, ничего не хочу! — говорилъ онъ ей.

И Дарья съ изумленіемъ отходила отъ него. И цѣлый день у него была все одна и та же мысль. Онъ думалъ о томъ, какъ ему быть съ Мариной. Марина была ему дороже всего на свѣтѣ. Любилъ онъ свою Лукьяну, но ее Богъ отнялъ отъ него, и осталась у него одна отрада въ жизни—Марина. Жизнь—тяжелая штука. Конечно, надо терпѣть, но вѣдь и терпѣніе можетъ лопнуть. Все же

легче тому, у кого есть хоть одна отрада. А у него есть эта отрада. Оттого-то онъ и не знаетъ, что такое тоска и скука. Какъ только на душѣ станетъ мрачно, онъ подумаетъ про Марину, и сейчасъ же ему сдѣлается легче. И вся забота его жизни сосредоточилась въ Маринѣ.

Но теперь, чѣмъ онъ будетъ кормить ее? Вѣдь ничего другого онъ не умѣетъ дѣлать. Всю свою жизнь съ ранней молодости онъ пономарствовалъ. Учился онъ въ семинаріи, да не умѣлъ научиться. Не было у него способностей къ книжной мудрости, и рано онъ оставилъ школу. Такъ только, слегка попюхалъ, да и отошелъ. И за всю жизнь ничему другому не научился. Да еслибы и умѣлъ что, такъ силъ уже нѣтъ, старъ сталъ.

Еслибы добрые люди хоть Марину прокормили, а ужъ онъ какъ-нибудь прожилъ бы,—ему одному немного надо.

Дарья посматривала на него и сильно тревожилась:—„съ нашимъ Леонидомъ Марковичемъ что-то такое нехорошее дѣется; никогда этого не бывало"!—говорила она. Ходила она къ дьяконшѣ и ей жаловалась. Дьяконша объяснила ей, въ чемъ дѣло, и Дарья пришла въ ужасъ.

Пріѣхалъ и дьяконъ, но онъ тотчасъ же засѣлъ въ своей конурѣ и боялся выйти, чтобъ не встрѣтиться съ Леонидомъ. Впрочемъ, Леонидъ, кажется, и не зналъ, что онъ уѣзжалъ въ городъ; не зналъ онъ также и того, что отецъ Анастасій звалъ къ себѣ отца Сергія.

Уже стемнѣло. Дарья вышла изъ сторожки и кликнула:—Леонидъ Марковичъ! Марина васъ кличетъ, спать ложиться хочетъ.

Каждый вечеръ, когда Марина ложилась спать, Леонидъ былъ около нея. Дарья раздѣвала дѣвочку, Леонидъ присутствовалъ при ея молитвѣ, крестилъ ее, сидѣлъ около ея кроватки и долго тихимъ протяжнымъ голосомъ что-нибудь разсказывалъ ей, пока она не засыпала.

Услышавъ теперь призывъ Дарьи, онъ вздрогнулъ, и его мысли какъ-то вдругъ пресѣклись. Какъ-то онъ вдругъ почувствовалъ, что ему надо непремѣнно, во что бы то ни стало, пересилить себя, и онъ пошелъ въ домъ. Дарья раздѣвала дѣвочку. Леонидъ глядѣлъ на нее, и ему хотѣлось плакать, но онъ удержалъ себя.

— Ну, ну, дѣтка моя, ну, дѣвчонка, ложись, ложись... Вотъ помолись-ка Богу... Проси-ка его, чтобы послалъ тебѣ счастье... Такъ... Теперь и въ постельку...

Онъ сидѣлъ около кроватки и глядѣлъ на это единственное близкое ему существо. Въ комнатѣ тускло горѣла лампадка, и

никто не видѣлъ, какъ въ полумракѣ изъ глазъ его катились слезы...

Онъ наклонился надъ дѣвочкой. „Заснула, крошка!“ —тихо прошепталъ онъ, всталъ, перекрестилъ Марину, и въ это время въ головѣ его вдругъ созрѣло рѣшеніе.

XII.

На другой день отецъ Сергій поѣхалъ въ городъ. Онъ направился прямо въ церковный домъ, гдѣ жилъ его тесть, и тотчасъ же излилъ передъ нимъ свои жалобы. Отецъ Антоній слушалъ его внимательно и никакъ не могъ найти въ его разсказахъ ничего такого, что заставило бы и его возмущаться и негодовать.

У отца Антонія издавна была репутація неумнаго человѣка. Между тѣмъ это была совершенная неправда. Все это происходило единственно отъ слабости характера и отъ какой-то, если можно такъ сказать, нравственной лѣни. Въ душѣ онъ былъ достаточно уменъ и обо всѣхъ вещахъ имѣлъ свои опредѣленныя мнѣнія. И когда ему представлялось какое-нибудь обстоятельство, или ему о чемъ-нибудь разсказывали, онъ тотчасъ же создавалъ себѣ ясный взглядъ на дѣло. И если ему предоставлялось поступать свободно, какъ ему хотѣлось, онъ поступалъ твердо и правильно. Но когда вдругъ въ дѣло вмѣшивалось постороннее лицо и начинало убѣждать его въ томъ, что онъ, отецъ Антоній, не правъ, а что нужно думать какъ разъ наоборотъ, у него не хватало силы оставаться при своемъ убѣжденіи. Онъ совсѣмъ не соглашался съ противоположнымъ мнѣніемъ и оставался въ душѣ при своихъ взглядахъ, но чужое мнѣніе подавляло его, и онъ не чувствовалъ силы сопротивляться.

Точно также случилось и теперь. Слушая отца Сергія, отецъ Антоній думалъ: — „но вѣдь это въ порядкѣ вещей. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ дьякону остаться безъ жилища, а если у него лошади есть, то надо ихъ держать въ сараѣ, точно такъ же, какъ и экипажъ. Я не понимаю, какъ это отецъ Сергій можетъ добиваться такого права“.

И онъ пытался даже возражать отцу Сергію:

— Оно такъ, конечно... Само собою неудобно, когда подъ носомъ другіе живутъ и постоянно сталкиваются, но согласись, отецъ Сергій, что нельзя же человѣка выбросить на улицу...

Говорилъ онъ это нерѣшительно, какъ бы даже извиняясь въ томъ, что у него есть свое мнѣніе и что это мнѣніе противорѣчитъ взглядамъ отца Сергія. Но отецъ Сергій замахалъ на него руками.

— Но позвольте, отецъ Антоній, что же вы это говорите? Какъ же это можно? Вѣдь мнѣ придется, можетъ быть, десятки лѣтъ жить такимъ образомъ, вѣдь это все равно, что я въ гостяхъ живу, а не дома... Наконецъ, я настоятель, значитъ же это что-нибудь; долженъ же я пользоваться какими нибудь преимуществами.

— Да ты постой...—пытался остановить его отецъ Антоній.

— Да нѣтъ, что тутъ и говорить? Это ясно, какъ день... я даже увѣренъ, что и вы сами такъ думаете, отецъ Антоній, только хочется вамъ противорѣчить...

У отца Антонія уже начала совсѣмъ пропадать охота возражать. Онъ впадалъ уже въ то состояніе, когда готовъ былъ согласиться со всякимъ мнѣніемъ, хотя бы самымъ нелѣпымъ.

— Такъ чего же ты отъ меня желаешь, отецъ Сергій? — спросилъ онъ, какъ бы уже согласившись съ нимъ.

— Какъ чего? очень просто: надо отправиться въ консисторію и просить, чтобы послали указъ или тамъ предписаніе или что...

— Въ консисторію!..

Отецъ Антоній и тутъ явственно почувствовалъ, что это нелѣпость. Не можетъ быть, чтобы консисторія была такъ пристрастна или настолько неясно понимала вещи, чтобы разрѣшить священнику или даже предписать такъ жестоко распорядиться съ причетникомъ. Тѣмъ не менѣе, у него уже окончательно изсякла энергія, и онъ почти машинально сказалъ:

— Въ консисторію... пожалуй, пойдемъ въ консисторію...

Антидоровъ этого только и добивался. Онъ зналъ, что въ консисторіи у отца Антонія свои люди, что члены ея, то-есть, завѣдующіе всѣми ея дѣлами,—соборные священники, его товарищи. И, значитъ, полагалъ Антидоровъ, для отца Антонія ни въ чемъ не можетъ быть отказа. А ему непремѣнно надо было достигнуть своей цѣли не столько потому, что его въ самомъ дѣлѣ стѣсняло сосѣдство дьякона, сколько для сохраненія настоятельскаго престижа.

Отецъ Антоній надѣлъ рясу и камилавку и они вышли. Консисторія помѣщалась при архіерейскомъ домѣ, неподалеку отъ соборнаго дома. Это было длинное двухъэтажное зданіе, окрашенное въ кирпичный цвѣтъ, скучнаго казеннаго вида. Множество низенькихъ оконъ, расположенныхъ близко одно около другого, безъ балконовъ и дверей, низенькіе этажи, свидѣтельствовали о томъ, что зданіе это было построено давно. Они нашли единственный подъѣздъ и вошли. Деревянная лѣстница вела во вто-

рой этажъ. Уже на ней чувствовался какой-то особенный затхлый запахъ, какой бываетъ въ закрытыхъ зданіяхъ, безъ вентиляціи, со множествомъ народа; на лѣстницѣ они встрѣтили нѣсколько духовныхъ лицъ въ невзрачныхъ рясахъ, повидимому, деревенскихъ, являвшихся сюда въ качествѣ просителей. Внутри зданіе было раздѣлено на безчисленное множество комнатъ, главнымъ украшеніемъ которыхъ были шкафы съ дѣлами, длинные столы, обитые клеенкой, и чиновники. Работа была въ самомъ разгарѣ. Маленькіе писцы скрипѣли перьями, надсаживаясь надъ длинными многословными бумагами; къ потолку подымались столбы табачнаго дыма; около столовъ въ почтительныхъ позахъ стояли просители въ длинныхъ одеждахъ. Когда они проходили чрезъ безконечный рядъ комнатъ, отецъ Антоній впереди, а Антидоровъ позади его, то всюду чиновники, не только малые, но и значительные, привставали и кланялись отцу Антонію. Наконецъ, они вошли въ большую комнату съ большимъ продолговатымъ столомъ посрединѣ; столъ этотъ былъ покрытъ не клеенкой, а зеленымъ сукномъ; на стѣнахъ были портреты архіереевъ и другихъ важныхъ лицъ. Тутъ и воздухъ былъ лучше, и табачный дымъ совершенно отсутствовалъ. У окна стояли и о чемъ-то степенно разсуждали два духовныхъ лица, одинъ совсѣмъ уже старикъ съ длинной сѣдой бородой, лысый, другой помоложе. Оба они прекратили разговоръ и привѣтливо направились къ отцу Антонію.

— Какъ, и вы къ намъ съ просьбой пришли?—шутливо говорили они въ одинъ голосъ:— можетъ быть, вы подъ судомъ, отецъ Антоній? Вотъ мы васъ упечемъ подальше, въ монастырь, на покаяніе.

Оба при этомъ улыбались, и отецъ Антоній отвѣчалъ имъ тѣмъ же.

— Чего добраго,—говорилъ въ тонъ имъ отецъ Антоній:— за этимъ недалеко ходить! Человѣкъ слабъ, долго-ли согрѣшить?. Особенно противу консисторіи... А вотъ позвольте вамъ представить: мой зять, отецъ Сергій Антидоровъ. По его-то дѣлу я и пришелъ.

Всѣ сѣли и одинъ изъ членовъ консисторіи спросилъ, обращаясь къ Антидорову:

— Какое же это дѣло?

— Дѣло вотъ какое,—отвѣчалъ Антидоровъ, слегка однако-жъ волнуясь, потому что все же на него дѣйствовали величіе и сановитость собесѣдниковъ.—Назначенъ я на приходъ въ село Крутые, и домъ тамъ церковный имѣется...

И отецъ Сергій подробнѣйшимъ образомъ разсказалъ обстоятельства дѣла.

— Такъ что же вы хотите?—спросили его.

— Желаю, какъ сказано въ предписаніи консисторіи, что имѣю я право занимать церковный домъ такъ, чтобы я и дѣйствительно занималъ его, а не былъ бы обязанъ держать тамъ и дьякона.

— Гм... такъ, такъ.

И видно было, что члены консисторіи, хотя и выслушали его, но никакъ не могли себѣ ясно представить, въ чемъ дѣло.

— А вотъ погодите, отецъ Сергій, мы сейчасъ справочку наведемъ.

И старшій протоіерей позвонилъ. Не прошло и минуты, какъ въ комнату вошелъ чиновникъ, довольно почтеннаго вида.

— Вотъ тутъ надо навести справку,—обратился къ нему членъ консисторіи:—въ селѣ Крутые... церковный домъ...

— Село Крутые?—поспѣшно перебилъ чиновникъ:—я знаю... тутъ уже справлялись.

— Какъ справлялись?—спросилъ отецъ Сергій:—кто же собственно?

— Дьяконъ оттуда... вчерашняго дня пріѣзжалъ и справлялся.

„Гм... такъ онъ уже, значитъ, успѣлъ побывать здѣсь“,—подумалъ Антидоровъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ членъ консисторіи.—Тамъ имѣется домъ церковный?

— Имѣется церковный домъ одинъ для всего причта, и живутъ въ немъ настоятель и дьяконъ. И, по словамъ дьякона, настоятель желаетъ, чтобы весь домъ ему достался, а другого помѣщенія нѣтъ, и, слѣдовательно, дьякону жить негдѣ...

— Такъ это? — спросилъ членъ консисторіи, обращаясь къ Антидорову.

— Именно такъ!—отвѣтилъ Антидоровъ:—но согласитесь сами, что...

— Но позвольте... Я что-то тутъ не понимаю!—вступилъ въ разговоръ другой членъ консисторіи, помоложе:—вы говорите, что домъ одинъ... И другого помѣщенія не имѣется! такъ? Слѣдовательно, какже тутъ быть? Можетъ быть, вы имѣете въ виду какое-нибудь другое помѣщеніе для дьякона?

— Нѣтъ, я вѣдь только три дня, какъ на приходѣ. Можетъ быть, и есть, но я не знаю.

— Такъ извините, я даже не понимаю этого. Вѣдь дьякону надо же гдѣ-нибудь жить. Тутъ—и членъ консисторіи началъ обращаться

къ отцу Антонію:—ужъ вы извините, отецъ Антоній, а тутъ даже консисторія ничего не можетъ подѣлать...

— Я это говорилъ!—промолвилъ отецъ Антоній:—я это съ самаго начала еще говорилъ...

— Но, однако, это странно!—замѣтилъ Антидоровъ.

— Ничего нельзя подѣлать, потому что это въ порядкѣ вещей. Въ большей части приходовъ причтъ живетъ въ одномъ домѣ. Надо мириться.

— Вотъ то-то и оно,—промолвилъ отецъ Антоній, укоризненно обращаясь къ Антидорову:—вотъ то-то и оно!

— Да, ничего нельзя подѣлать,—съ волненіемъ говорилъ старшій членъ консисторіи и, поднявшись съ мѣста, началъ ходить по комнатѣ, видимо ломая голову и отыскивая какой-нибудь выходъ, который бы былъ пріятенъ отцу Антонію.—Ничего нельзя подѣлать. Развѣ вотъ что: сходите къ преосвященному, можетъ быть, онъ и разрѣшитъ...

— Нѣтъ!—довольно угрюмо отозвался Антидоровъ:—зачѣмъ же безпокоить преосвященнаго? Нѣтъ, это нейдетъ.

Въ сущности, онъ и самъ уже сознался, что домогательство его не имѣетъ никакихъ основаній.

— А за симъ,—сказалъ онъ:—у меня есть и вторая просьба. Такъ какъ по штату полагается въ приходѣ Крутые только священникъ и псаломщикъ, а, между прочимъ, тамъ имѣется еще и пономарь, который состоитъ на должности противузаконно...

— Какъ такъ?—спросили въ одинъ голосъ члены консисторіи.

— Дѣйствительно, объ этомъ тоже вчерашній дьяконъ справлялся,—пояснилъ остававшійся еще здѣсь чиновникъ:—есть такой пономарь.

— Какимъ же это образомъ?

— Да онъ, такъ сказать, забытый.

— Какъ забытый?

— Такъ и есть,—объяснялъ чиновникъ:—такъ онъ и есть забытый пономарь. Это, какъ вышло лѣтъ двѣнадцать тому назадъ постановленіе, чтобы пономарямъ больше не быть, а чтобы были только псаломщики, такъ во всѣхъ другихъ приходахъ пономари уничтожились, а этотъ по волѣ настоятеля остался.

— Значитъ, сверхъ штата?

— Да, собственно по желанію настоятеля.

— Странно. Чѣмъ же онъ живетъ?

— Вчерашній дьяконъ объяснилъ, что настоятель выдѣлялъ ему съ каждаго рубля изъ своей части десять копѣекъ.

— Скажите, пожалуйста! —Что-жъ, это похвально! это очень даже похвально со стороны настоятеля. Это на рѣдкость. Но скажите пожалуйста, какой странный случай! Такъ вы, отецъ Сергій, желаете это прекратить?

— Обязательно, какъ же иначе? Я, право, не знаю, почему это старый настоятель такъ поступалъ! Можетъ быть, онъ ему родственникъ или свойственникъ тамъ...

— Ну, это очень просто. На это консисторія имѣетъ право, потому что тутъ законъ. Штатъ; противъ штата никто не можетъ идти. Послушайте,—обратился членъ консисторіи къ чиновнику:— напишите-ка бумажку: до свѣдѣнія, молъ, консисторіи дошло и проч. и проч. ну, вы знаете, какъ тамъ написать.

И въ голосѣ его слышалась даже радость, очевидно, по поводу того, что онъ могъ все-таки сдѣлать хоть что-нибудь пріятное отцу Антонію.

— А на счетъ дома оно дѣйствительно неудобно, это вѣрно!—мягко продолжалъ членъ консисторіи:—это правда, что лучше, когда чувствуешь этакъ самостоятельность, но что-же дѣлать, какъ-нибудь устраивайтесь. Ну, напримѣръ, общество попросите; можетъ быть, оно построитъ вамъ новый домъ, а то, можетъ быть, нѣтъ-ли какихъ-нибудь церковныхъ суммъ. Можно на церковный счетъ построить домъ. Это мы вамъ разрѣшимъ...

Но все это очень мало утѣшало Антидорова. Вѣдь онъ ѣхалъ въ городъ съ сильно преувеличенными надеждами. Онъ почему-то до послѣдняго момента все еще вѣровалъ въ свои преимущества бывшаго пѣвчаго и солиста, а также и въ вѣсъ отца Антонія.

— Эхъ, — говорилъ отецъ Антоній, когда они возвращались изъ консисторіи домой, получивъ бумагу, рѣшавшую судьбу Леонида:—говорилъ я, что нельзя, ну, вотъ по моему и вышло.

— Это несправедливо! несправедливо! — твердилъ все-таки Антидоровъ, хотя, кажется, въ глубинѣ души и самъ уже не вѣрилъ въ свою правоту.

Черезъ полчаса онъ ѣхалъ домой, удовлетворенный только наполовину. Всю дорогу ему представлялся дьяконъ, но не въ томъ видѣ, какъ онъ его встрѣтилъ въ день пріѣзда, а съ холоднымъ, суровымъ лицомъ, со взглядомъ изподлобья и съ смѣлыми, грубоватыми отвѣтами. Теперь онъ, пожалуй, станетъ еще смѣлѣе, и ужъ окончательно потеряетъ всякую почтительность. Антидоровъ былъ крайне мрачно настроенъ. А тутъ еще, когда онъ подъѣзжалъ къ селу, вдругъ на небѣ собрались тучи и грянулъ непріятный осенній дождь.

Пріѣхалъ онъ домой, когда уже стемнѣло.

XIII.

Когда наканунѣ Леонидъ вышелъ изъ своей конуры съ важнымъ рѣшеніемъ въ головѣ, было уже поздно; въ окнахъ церковнаго дома не свѣтилось ни одного огонька, значитъ, тамъ уже спали. Но съ этого момента все безпокойство, которое цѣлый день мѣшало ему ѣсть и пить и разговаривать съ людьми, какъ-то вдругъ отошло отъ него. Онъ отложилъ свое рѣшеніе на завтра, вернулся въ комнату, взялъ свой старенькій кафтанъ и подушку, затѣмъ, отыскалъ себѣ уголокъ въ оградѣ, легъ на своемъ кафтанѣ и заснулъ блаженнымъ сномъ. Такая была способность у этого человѣка: придумаетъ онъ себѣ что-нибудь, сейчасъ же увѣруетъ и такъ крѣпко увѣруетъ, какъ будто это уже совершилось.

На другой день Дарья его не узнавала. Ужъ она стала думать, не было-ли то, чѣмъ такъ напугали ее, сказкой, или можетъ быть, все заново порѣшили и опять жизнь пойдетъ по старому. Леонидъ былъ разговорчивъ, довольно веселъ, игралъ съ Маринкой, шутилъ съ Дарьей. Утромъ онъ опять путешествовалъ къ церковному дому, но тамъ узналъ, что отецъ Сергій уѣхалъ въ городъ. Хотѣлось ему поговорить съ дьякономъ, но дьяконъ объявился больнымъ и упорно не выходилъ изъ дому, всячески избѣгая встрѣчи съ Леонидомъ. Наконецъ, когда уже стемнѣло, дождикъ прошелъ и земля стала подсыхать, Леонидъ узналъ, что отецъ Сергій вернулся изъ города, опять вышелъ изъ ограды и пошелъ къ церковному дому.

Дѣло въ томъ, что Леонидъ рѣшилъ поговорить съ самимъ отцомъ Сергіемъ. Онъ разсуждалъ такимъ образомъ: „человѣкъ же онъ, Боже ты мой милостивый! Не можетъ же быть, чтобы у него не отыскалось жалости. Конечно, онъ дѣйствуетъ по формѣ, но, можетъ быть, оттого, что не знаетъ всего дѣла, а ежели узнаетъ, то и дѣйствовать иначе станетъ. Вѣдь ежелибы, напримѣръ, мнѣ пришлось бы вотъ такъ... Положимъ, я былъ бы настоятель, а онъ былъ бы Леонидъ, и у него была бы Маринка, скажемъ, и онъ былъ бы старикъ... ну, и прочее; такъ вѣдь я же оставилъ бы его служить, а не пустилъ бы по міру... Ну, и онъ, когда узнаетъ, то же самое сдѣлаетъ. Какъ же иначе? иначе и быть не можетъ...“

Въ то время, когда онъ направлялся къ церковному дому, на заваленкѣ сидѣлъ дьякопъ. Онъ видѣлъ, что приближается какая-то тѣнь, но не понялъ, что эта тѣнь была никто иной, какъ Леонидъ. Еслибы онъ понялъ, то тихонько поднялся бы и

улепетнулъ, такъ какъ для него теперь не было ничего тяжелѣе, какъ встрѣча съ Леонидомъ. Вѣдь онъ весь былъ заряженъ дурными вѣстями.

Но уйти уже не было никакой возможности: Леонидъ подошелъ слишкомъ близко и, конечно, узналъ дьякона.

— Здравствуйте, отецъ дьяконъ! —сказалъ Леонидъ, и въ голосѣ его, къ удивленію дьякона, не было ничего печальнаго, а слышалось обычное добродушіе: — а я васъ ужъ, кажется, два дня какъ не видалъ. Вчера, знаете, такая тоска охватила, что даже съ людьми разговаривать не хотѣлось, а сегодня прошло; да вотъ никакъ васъ найти не могъ; мнѣ даже сказали, что вы нездоровы, правда-ли, отецъ дьяконъ?

— Да... такъ что-то... Такъ, неладность какая-то,—съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ дьяконъ.

— А вчера дома были?

— Вчера въ городъ ѣздилъ!—сильно понизивъ голосъ, сказалъ дьяконъ.

— Какъ, опять въ городъ? Часто же вы ѣздите. Можетъ быть, благочинный что-нибудь?

— Нѣтъ, такъ, по своимъ дѣламъ. Вотъ хлѣбъ смолотилъ, такъ на счетъ цѣны... Ну и прочія тамъ дѣла. Между прочимъ, и о твоемъ дѣлѣ справлялся...

— Напрасно, отецъ дьяконъ.

— Какъ такъ напрасно?

— А такъ напрасно, потому — мое дѣло ясное. Онъ дѣйствительно по закону дѣйствуетъ. Что-жъ говорить, когда это такъ.

— Да оно, конечно. Такъ и въ консисторіи сказали,—мрачно отозвался дьяконъ.

— А вы и въ консисторію ѣздили? Охота вамъ! А я, знаете, что надумалъ, отецъ дьяконъ?

— А что такое?

— Да вотъ что: надумалъ я пойти къ нему, къ отцу Сергію.

Дьяконъ съ изумленіемъ поднялъ на него глаза:—вотъ какъ? Ну, и что же?

— Пойду и скажу: такъ молъ и такъ... Вѣдь онъ, можетъ, и не знаетъ всего, какъ слѣдуетъ. А, можетъ, какъ узнаетъ и смягчится... Я такъ думаю, отецъ дьяконъ, что у всякаго человѣка есть сердце.

— Гм... У всякаго!—началъ было скептически дьяконъ, да потомъ подумалъ, что не стоитъ огорчать его. „Все равно, отецъ

Сергій огорчитъ, зачѣмъ же я буду огорчать?"—подумалъ онъ и сказалъ:—ну, что-жъ, иди, можетъ, что-нибудь и выйдетъ.

— И пойду. А вотъ и кстати: эй, послушай Степанида,—обратился онъ къ бабѣ, которая вышла изъ дома. Она уже присосалась къ семейству новаго настоятеля и поступила къ нему въ услуженіе:—Что дѣлаетъ батюшка?

— Чай пьютъ!—отвѣтила баба.

— А ты пойди и доложи ему, что, молъ, Леонидъ желаетъ повидаться съ нимъ и о дѣлѣ поговорить, такъ и доложи.

Баба вернулась въ домъ и доложила.

— Какой это Леонидъ?—спросилъ отецъ Сергій.

— А это нашъ пономарь.

— О чемъ же это я съ нимъ буду говорить? Мнѣ кажется, что это лишнее.

— Да отчего же, Сергѣй, и не поговорить?—вступилась Елизавета Антоновна:—можетъ, ему это и нужно.

— Не вижу надобности... А впрочемъ, мнѣ не трудно, пусть войдетъ, пусть говоритъ... Скажи, чтобъ пришелъ.

Баба ушла и объявила Леониду, что ему позволено войти.

— Ну, вотъ, видите, отецъ дьяконъ!—сказалъ Леонидъ передъ тѣмъ, какъ войти въ домъ, вотъ онъ меня и принялъ. Вѣдь могъ отказать, а между тѣмъ принялъ... Можетъ, онъ и выслушаетъ и передумаетъ.

— Иди, иди, Леонидъ, Богъ тебѣ въ помощь.

Леонидъ отправился къ отцу Сергію. Онъ нашелъ молодого батюшку съ матушкой за чайнымъ столомъ. Отецъ Сергій былъ въ свѣтленькомъ кафтанѣ, который придавалъ странный видъ его слишкомъ молодому лицу и низко остриженной головѣ. Леонидъ остановился недалеко отъ порога и поклонился.

— Что же вамъ собственно отъ меня угодно?

— Пришелъ изъяснить вамъ, отецъ Сергій,—прочувствованнымъ голосомъ началъ Леонидъ:—изъяснить, каково мое положеніе!

— Да вѣдь ничего новаго не скажете,—замѣтилъ отецъ Сергій.

— А можетъ и скажу. Оно, конечно, новаго ничего нѣтъ, но для васъ, какъ вы у насъ недавно, все здѣсь новое. Такъ вотъ и это дѣло. А мое положеніе такое, отецъ Сергій, что всю жизнь я состоялъ пономаремъ, и все при этой церкви, и десять копѣекъ съ рубля, которыя давалъ мнѣ отецъ Анастасій, кормили меня, но я ихъ получалъ не даромъ, я зарабатывалъ. Я всячески служилъ и церкви, и ему, отцу Анастасію, какъ и вамъ могъ бы слу-

жить, ежелибъ вы того захотѣли. А что самое главное, отецъ Сергій, такъ это Маринка...

— Какая это Маринка?—спросила Елизавета Антоновна.

— Маринка, матушка, это моя дочка. Она у меня одна, она еще мала, а человѣкъ я вдовый, и больше никого у меня нѣтъ на всемъ свѣтѣ. И долженъ я ее кормить и какъ ни какъ въ люди вывести. Такъ позвольте же васъ спросить, чѣмъ я ее въ такомъ случаѣ кормить буду? Еслибъ только не она, такъ я бы и не безпокоился, а я собственно для Маринки, и ужъ повѣрьте, отецъ Сергій, что эти десять копѣекъ я у васъ такъ заслужу...

— Но, видите-ли, это все не относится къ дѣлу,— прервалъ его отецъ Сергій.—Я вотъ сегодня еще былъ въ консисторіи...

— Эхъ, что консисторія! Вѣдь отецъ Анастасій дѣйствовалъ безъ консисторіи.

Отецъ Сергій слегка покраснѣлъ.

— Я не понимаю, съ какой стати вы мнѣ всѣ тычете отца Анастасія! Отецъ Анастасій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Я, право, даже и не ожидалъ, что мнѣ придется на этомъ приходѣ вынести столько непріятностей. Ахъ, оставь пожалуйста, ты ничего не понимаешь!—бросилъ онъ по адресу Елизаветы Антоновны, которая пыталась, кажется, заступиться за Леонида.—Я желаю дѣйствовать по закону. И чтобы не было дальнѣйшихъ разговоровъ, вотъ извольте получить эту бумагу.

Онъ взялъ со стола сложенную вчетверо бумагу и протянулъ съ нею руку по направленію къ Леониду.

— Бумага...—пробормоталъ Леонидъ:—зачѣмъ же бумагу?

— А вотъ именно затѣмъ, чтобы вы поняли, что я дѣйствую по закону и чтобы больше не было никакихъ разговоровъ. Я даже не могу понять, какъ вы, сознавая, что занимаете не присвоенную вамъ должность, рѣшаетесь настаивать на томъ, чтобы и впредь ее занимать. Вѣдь вы, конечно, знаете, что по штату полагается здѣсь...

— Отецъ Сергій!—возвышеннымъ голосомъ перебилъ его Леонидъ:—вы говорите по штату... а я говорю—Маринка у меня, дочь, кормить ее надо...

— Это, наконецъ, можетъ вывести изъ терпѣнія... Позвольте, у васъ дочь, но вѣдь мало-ли у кого есть дочери, я же не могу ихъ всѣхъ кормить...

— Да,—сказалъ Леонидъ:—это дѣйствительно такъ. Ну, что-жъ извините... Извините!!—какъ-то безпомощно повторилъ онъ, опять поклонился и направился къ порогу. Но онъ остановился, потому что услышалъ позади себя рѣчь отца Сергія.

— Впрочемъ,—говорилъ отецъ Сергій:—я даже не понимаю, почему вы именно меня объ этомъ просите? Вѣдь я здѣсь не хозяинъ и не настоятель. Тутъ у васъ дѣлаютъ, что хотятъ, распоряжается дѣлами дьяконъ и прежній настоятель... Это они настоятели, а не я. А я тутъ не при чемъ...

Леонидъ, разслышавъ эти слова, понялъ, что они уже собственно не относятся къ дѣлу и, даже не дослушавъ ихъ до конца, вышелъ.

Дьяконъ все еще сидѣлъ на заваленкѣ. Когда появился Леонидъ, то онъ уже по походкѣ его понялъ, что разговоръ не привелъ ни къ чему хорошему. Леонидъ подошелъ къ нему и тяжело опустился на заваленку. Дьяконъ молчалъ. Зачѣмъ было спрашивать, когда и такъ все было ясно?

Леонидъ тяжело вздохнулъ и опустилъ голову. Онъ тоже не чувствовалъ потребности передавать дьякону подробности своего разговора. Для него было ясно, что дьяконъ понимаетъ все. Такъ они просидѣли молча съ полчаса. Потомъ Леонидъ поднялся и, не сказавъ дьякону ни слова, тихонько поплелся въ ограду.

Дьяконъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, покачалъ головой и подумалъ: „эхъ, бѣдняга! И чтобъ такое ему придумать? Взялъ бы къ себѣ Маринку, да своихъ цѣлая куча... Работалъ человѣкъ всю жизнь, а тамъ взяли его да и выбросили на улицу... Вотъ она—наша судьба. И вѣдь этакъ со всякимъ можетъ случиться. Хорошо, что отцу Анастасію общество домъ подарило, а мнѣ вотъ оно ничего не подарило, и случись со мною такая бѣда, какъ съ нимъ, отстаятъ меня въ заштатъ, что я буду дѣлать съ своею оравой? Да мнѣ тогда еще хуже будетъ, чѣмъ Леониду. У Леонида, по крайности, одна Маринка, а у меня ихъ цѣлыхъ семеро. Тогда просто хоть возьми всѣхъ свяжи одной веревкой, да вмѣстѣ съ ними въ рѣчку. Вотъ каково наше положеніе!“

XIV.

Леонидъ тихими и мелкими шажками прошелъ черезъ калитку церковной ограды, осторожно пріотворивъ ее и заперевъ за собою, и также тихо пробрался въ сторожку, въ свою новую квартиру. Въ маленькой комнаткѣ было душно. Передъ иконой, наскоро поставленной на столикѣ, въ углу, теплилась лампада, распространявшая тусклый свѣтъ. Марина спала на своей кроваткѣ. Дарья, утомленная дневной работой, уснула на полу, около двери, въ ожиданіи обѣщанныхъ Леонидомъ наръ, и спала крѣпчайшимъ сномъ. Леонидъ неслышно вошелъ въ комнату, притворилъ за собою дверь

и подошелъ къ дѣтской кроваткѣ. Тихонько онъ пододвинулъ табуретъ и присѣлъ у самаго изголовья. Онъ долго смотрѣлъ на спавшую Марину. Лицо ея было спокойно. Она набѣгалась за цѣлый день по солнцу, и сонъ ея былъ крѣпокъ.

За стѣной происходила какая-то возня; слышно было глухое ворчаніе. По всей вѣроятности, Григорій ссорился съ женой. Ихъ стѣснили, они были недовольны и потому злы. Слышенъ былъ также дѣтскій плачъ. Леонидъ представилъ себѣ, какъ имъ съ тремя дѣтьми неудобно и тѣсно въ маленькой конурѣ: „мнѣ худо,—думалъ онъ,—а ему еще хуже“.

Думы его были тихія, онѣ даже не доставляли ему мученія. Онъ медленно переводилъ свои взоры съ одного предмета на другой, и всякая вещь наводила его на размышленія. Вонъ Дарья, усталая, свернулась въ клубокъ и спитъ. Добрая женщина—Дарья. Съ чего она хлопочетъ? Никто ее не понуждаетъ, никакой корысти отъ своей работы она не видитъ. „Вѣдь вотъ,—думалъ Леонидъ:—никто и не просилъ ее, а она сама вся отдалась чужой работѣ. Увидала горе и не могла удержаться, чтобъ не помогать. И отчего это люди такъ странно созданы: одни добры, а другіе злы. Вѣдь, кажется, сердце у всѣхъ одинаково устроено. Всѣ созданы Богомъ, по его образу и подобію, а какая разница между одними и другими!“

Онъ опять перевелъ свой взглядъ на Маринку, и мысли его пошли въ другомъ направленіи. Спитъ, бѣдняжка, и ничего не знаетъ. Она и не подозрѣваетъ, какая ее ожидаетъ судьба. Конечно, онъ будетъ изъ силъ выбиваться, чтобы прокормить ее, и не допуститъ до испытанія. Но вѣдь онъ знаетъ свои силы: побьется, а тамъ и руки опустятся, и возьмутъ ее чужіе люди и будутъ помыкать ею, и сколько она натерпится! Вѣдь она такая слабая, такая хрупкая! Конечно, терпѣть надо всѣмъ, нельзя и прожить безъ того. И Христосъ терпѣлъ. Но зачѣмъ же малому дитяти столько страданій? Вѣдь только и есть у человѣка истинной радости, что дѣтскіе годы. Какъ выростетъ и станетъ на жизненный путь, тогда и пойдутъ огорченія за огорченіями. „Эхъ, Луша,—раздумывалъ Леонидъ, вспоминая свою покойницу:—хорошо тебѣ на томъ свѣтѣ; лучше, чѣмъ намъ съ Мариной здѣсь!“—и думалось ему, что и въ самомъ дѣлѣ хорошо, что Луша умерла рано, а то теперь и ей пришлось бы тяжело.

Но какъ же быть? Вѣдь все-таки надо же чѣмъ-нибудь кормиться! Еще прожить какъ-нибудь можно въ этой конурѣ, хотя зимой будетъ холодно, и воздуху въ ней совсѣмъ нѣтъ, но ужъ кормиться совсѣмъ нечѣмъ. Онъ перебиралъ въ своихъ мысляхъ все,

на что могъ разсчитывать: жита намолотилъ семь четвертей, проса три... ну, все это, разумѣется, надо продать. Только это ненадолго хватитъ. Потомъ онъ, пожалуй, сколотитъ на ведро водки, поѣдетъ на хутора... Но тутъ онъ самъ остановилъ свою мысль. Да въ какомъ же чинѣ онъ поѣдетъ? Прежде онъ былъ все-таки пономарь, лицо духовное, извѣстное, а теперь что? Теперь онъ ничто, нуль. Ну, и что же дальше? А дальше пропадать придется. Что онъ могъ бы дѣлать? Косить? Служить въ работникахъ? Землю копать въ саду или въ огородѣ? Гдѣ тамъ! У него руки дрожатъ, даже когда онъ подаетъ кадило, а великъ-ли это трудъ? Вѣдь подъ шестьдесятъ лѣтъ ему,—никуда не годенъ. Нѣтъ, объ этомъ и думать нечего.

А въ комнатѣ было душно, и ему хотѣлось выйти на воздухъ.

— Спи, спи, крошка,—прошепталъ онъ, обращаясь къ Маринѣ:—а я пойду, пройдусь...

Онъ вышелъ. Только тутъ понялъ онъ, какъ долго просидѣлъ онъ около Маринкиной кровати. Уже вѣяло утреннимъ холодкомъ. Значитъ, ночь миновала. Постоялъ онъ безъ всякой цѣли около церкви, потомъ вышелъ изъ ограды, прошелъ площадь. Все спитъ еще. И собаки присмирѣли, утомились сторожить хозяевъ и тоже заснули. Впрочемъ, онѣ чувствуютъ, что онъ свой, оттого и спятъ спокойно. Будь это чужой, повскакивали бы и набросились.

Онъ все идетъ, не думая о томъ, куда и зачѣмъ. Идетъ онъ, идетъ, а небо все проясняется, звѣзды гаснутъ одна за другой. Вотъ уже забѣлѣли хаты, зажелтѣли стожки соломы на токахъ. А вотъ и домъ отца Анастасія.

Онъ поднялъ голову и нисколько не удивился тому, что пришелъ къ дому отца Анастасія. Подошелъ поближе и присѣлъ на заваленкѣ. Ставни были еще закрыты. Собаки встали и сладостно потягивались. Потомъ онѣ подошли къ нему и всѣ улеглись около него. Собаки любятъ быть поближе къ человѣку.

Уже и солнце взошло, а онъ сидитъ на заваленкѣ, и у него такое чувство, какъ будто онъ на что-то надѣется. Скрипнула калитка, за ворота вышла горничная.

— Здравствуйте, Леонидъ Марковичъ! — привѣтливо сказала она.—Что это вы такъ рано?

— Такъ!—отвѣтилъ Леонидъ, и больше не далъ никакихъ поясненій.

Она стала отворять ставни, а когда кончила, опять ушла въ калитку. Вотъ распахнулось окно, и изъ комнаты выглянула матушка.

— Что это? Да вѣдь это Леонидъ!—воскликнула матушка, высунувшись наполовину изъ окна.

— Это я, матушка!—отвѣтилъ Леонидъ.

— Что такъ рано?

— Некуда мнѣ дѣваться,—вотъ и пришелъ.

— Охъ, ты, Господи... Иди же въ комнату. Отецъ Анастасій проснулся. Иди, чай будемъ пить.

Леонидъ покорно поднялся и пошелъ во дворъ. Онъ вошелъ въ сѣни и услышалъ доносившійся сюда возгласъ изъ кабинета:

— Это ты, Леонидъ? Иди же сюда, ко мнѣ иди.

Это звалъ его отецъ Анастасій. Значитъ, — соображалъ Леонидъ:—матушка уже ему сказала. И какая-то теплота какъ бы вливалась въ его душу въ этомъ домѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ такъ много привѣтливости. Онъ вошелъ въ кабинетъ. Отецъ Анастасій лежалъ на диванѣ, въ бѣльѣ, прикрытый одѣяломъ.

— Ну, садись-ка тутъ и разсказывай! — сказалъ онъ, и Леонидъ сѣлъ на диванѣ на краешкѣ.

— Ну, въ чемъ же дѣло?

Леонидъ молчалъ. Отецъ Анастасій поднялъ на него глаза.

— Да что это ты? Ахъ, старина, старина! Ну, успокойся, успокойся... Эхъ ты!

Леонидъ плакалъ, оттого и не говорилъ ни слова. Единственное, что онъ могъ выговорить, было: „Маринка моя... Ежелибъ не она... ежелибъ не она...“

— Отказъ?—спросилъ отецъ Анастасій.

— Окончательно.

— Ахъ, ты, горемычный! Ну, давай думать, давай думать... Постой-ка,—говорилъ отецъ Анастасій такимъ успокоительнымъ голосомъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ужъ что-нибудь придумалъ:—вотъ чайку попьемъ и станемъ думать.

Леонидъ на это только махнулъ рукой, выражая этимъ ту мысль, что напрасно и думать, все равно ничего не придумаешь. Горничная поставила столикъ у самаго дивана и подала чай. Леонидъ сидѣлъ, склонивъ голову, и не уходилъ съ дивана, какъ бы боясь потерять послѣднее прибѣжище.

А отецъ Анастасій думалъ. И вотъ, послѣ долгаго тяжелаго молчанія, среди котораго можно было разслышать только звонъ ложечекъ, которыми мѣшали чай въ стаканахъ, лицо отца Анастасія просвѣтлѣло и онъ заговорилъ сперва неувѣренно, а потомъ, какъ бы, наконецъ, напавъ на счастливую мысль, рѣшительно и твердо:

— Гм... да... Вотъ что. Матушка! попадья! А поди-ка сюда на совѣтъ!

Вошла матушка и сейчасъ же заговорила:—Знаю ужъ, знаю... все слышала, все слышала.

— Все да не все!—сказалъ Анастасій, и подъ усами у него играла улыбка. — Ну, вотъ что. Ужъ я, можно сказать, окончательно ни на что негоденъ. А хозяйство у насъ кой-какое есть, слѣдственно, вести его надо. Ну, гдѣ жъ тебѣ, женщинѣ, одной со всѣмъ возиться? Такъ вотъ я и думаю, что Леонидъ и будетъ замѣсто меня хлопотать... У насъ около кухни есть чистая половина. Такъ ты, Леонидъ, и будешь тамъ жить... А Маринку въ комнаты возьмемъ. Пускай растетъ себѣ на волѣ. Согласна, попадья?

— Что-жъ,—отвѣтила матушка:—Леонидъ человѣкъ хорошій и дѣльный, онъ мнѣ большія услуги окажетъ... Это правда, что одной мнѣ не справиться.

Леонидъ сперва смотрѣлъ на нихъ обоихъ съ недоумѣніемъ или съ недовѣріемъ; можетъ быть, даже онъ не понималъ хорошенько, что они такое говорятъ; но потомъ онъ вдругъ понялъ и, упавъ на колѣни, сталъ цѣловать руки отца Анастасія и матушки.

— Есть-таки, есть добрые люди на свѣтѣ... Нельзя пропасть человѣку, нельзя!—лепеталъ онъ и слезы мѣшали ему говорить.

— Встань, встань, Леонидъ... Чего тутъ!—мы съ тобой старые товарищи. Выпей-ка чаю... Ну...

Леонидъ всталъ и отъ умиленія и благодарности не зналъ, что сказать, куда кинуться. Но вдругъ онъ что-то вспомнилъ.

— А Дарьюшка... Отецъ Анастасій... матушка... ее жалко. Она такъ служила, и Маринка ее любитъ...

— Ну,—промолвила матушка:—и Дарьѣ мѣсто найдется. Она баба дѣльная...

Леонидъ въ новомъ порывѣ благодарности опять цѣловалъ ихъ руки.

— Только ужъ я, простите, чаю пить не стану, а побѣгу... Ужъ я такъ осчастливленъ, Господи, Господи!

И онъ побѣжалъ домой и сообщилъ радостную вѣсть Дарьѣ и Маринкѣ. Къ полудню маленькая комнатка въ сторожкѣ была освобождена. Леонидъ съ Дарьей и Мариной перевозли свои вещи къ отцу Анастасію. Григорій былъ несказанно радъ этому. Леонидъ, прощаясь съ дьякономъ, сказалъ ему:

— А все-таки, отецъ дьяконъ, пропасть человѣку нельзя. Доброта гдѣ-нибудь да откроется. Вотъ, когда покойница Луша оставила насъ съ Маринкой, доброта въ Дарьюшкѣ проявилась, а теперь, когда меня, забытаго пономаря, безъ заработка оставили, она у отца Анастасія съ матушкой обозначилась. Такъ-то, отецъ дьяконъ! И никогда человѣку среди людей пропасть нельзя...

И. Потапенко.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ГРАМОТНОСТИ ВЪ РОССІИ.

(КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІИ НАРОДА КЪ ГРАМОТѢ).

(Окончаніе).

VIII.

Нежеланіе крестьянъ учить своихъ дѣтей и недовѣріе къ школамъ, переживъ моментъ освобожденія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ сказано, отзывались почти до половины 70-хъ годовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ весь тотъ печатный матерьялъ, который говоритъ о постановкѣ школьнаго дѣла и народнаго образованія за три предъидущія десятилѣтія. Такъ, напримѣръ, владимірская губернская земская управа въ 1868 г. говоритъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій въ развитіи дѣла народнаго образованія является «уклоненіе сельскихъ обществъ отъ участія въ расходахъ на училища»; затѣмъ управа указываетъ и причину такого уклоненія: «препятствіе это,—говоритъ она,—прежде всего возникло отъ несознанія крестьянами пользы обученія дѣтей», которое выразилось «рѣшительнымъ нежеланіемъ отдавать дѣтей въ школы» [1]). Въ Воронежской губерніи, въ серединѣ 60-хъ годовъ, «населеніе высказывало полный индифферентизмъ къ грамотѣ, учителямъ и училищамъ» [2]), причемъ индифферентизмъ этотъ такъ былъ великъ, что для устраненія его нѣкоторыя уѣздныя земскія собранія рѣшили обратиться къ содѣйствію гг. мировыхъ посредниковъ. Не болѣе сочувственно, повидимому, относилось къ грамотѣ и крестьянское населеніе Вологодской губерніи, какъ это видно изъ заявленія гласнаго отъ крестьянъ Шишигина, утверждавшаго, что «если устройство школъ и пожертвованія на нихъ будутъ предоставлены самимъ крестьянамъ, безъ употребленія нѣкоторой власти, то онъ не надѣется, чтобы былъ какой-либо успѣхъ въ этомъ дѣлѣ» [3]).

Вятская губернская земская управа въ докладѣ своемъ «о народномъ образованіи» за 1867 г. сообщаетъ, что «хотя и есть отдѣльные случаи, гдѣ крестьяне заявляютъ о необходимости устройства у нихъ

---

[1]) Докладъ Влад. губ. з. управы губернск. собранію — «о мѣропріятіяхъ по распростр. народн. образов.» 1866 г., стр. 14. Докл. членовъ отъ земства губ. уч. совѣта 1880 г., стр. 32.

[2]) «Воронежское земство 1865—1889 г.», Ф. Щербины, стр. 552.

[3]) «Журн. 2-го вологод. земск. собр. 1870 г.», стр. 178.

училищъ, но можно безошибочно сказать, что еслибы земство предоставило самимъ обществамъ назначать сборы на расходы по училищамъ, то послѣднія въ огромномъ числѣ не только не стали бы увеличиваться, а мало-по-малу пришли бы въ совершенный упадокъ и были бы закрыты» [1]). И можно думать, что предположеніе губернской управы было болѣе чѣмъ основательно; «въ этомъ убѣждаетъ печальный примѣръ попинскаго училища (въ Глазовскомъ у.), закрытаго въ началѣ 1867 г. *за неимѣніемъ учащихся*» [2]). Въ Новгородской губерніи въ числѣ причинъ—«болѣе чѣмъ неудовлетворительнаго состоянія сельскихъ школъ»—въ 60-хъ г.г. отмѣчается—«отсутствіе въ крестьянскомъ сословіи любви къ школѣ и пониманія школы» [3]). Нижегородское губернское земское собраніе 1866 года, отклонивъ предложеніе гласнаго Хотяинцева—ходатайствовать о введеніи обязательнаго обученія въ губерніи, мотивировало это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что крестьне—«еще не сознали всей важности образованія и будутъ роптать на лишній налогъ» [4]). Мнѣніе это раздѣлялось также и губернской земской управой, которая также признавала «очевиднымъ», что въ пользѣ школьнаго обученія крестьяне пока еще не убѣдились» [5]). Еще рѣшительнѣе въ этомъ смыслѣ высказывались въ уѣздахъ: такъ, княгининская уѣздная земская управа въ 1866 году заявила, что «въ настоящее время она не видитъ въ народѣ общаго желанія учиться, а потому и всякія затраты земства на этотъ предметъ окажутся непроизводительными [6]). Н. Барсовъ, говоря о народномъ образованіи въ средней Россіи, указываетъ, что «по мнѣнію людей, хорошо знакомыхъ съ этимъ краемъ и народомъ, крестьянство мало расположено къ образованію; его упрекаютъ въ равнодушіи къ начинаніямъ распространителей образованія»; отмѣчая это, авторъ подкрѣпляетъ свое указаніе ссылкою на слова составителя памятной книжки Орловской губерніи, утверждавшаго, что въ этой губерніи «потребность ученія не развита въ народѣ и оно не считается необходимостью» [7]). Всѣ хуторскія училища Области Войска Донского въ началѣ 70-хъ гг., по словамъ директора новочеркасской гимназіи, подходили къ категоріи трехъ слѣдующихъ описанныхъ имъ училищъ: Жуковскаго (въ Филипповской станицѣ), въ которомъ, «по донесенію учителя, учениковъ налицо нѣтъ, по неимѣнію дома для помѣщенія училища»; Ширяйскаго (въ Старопригорьевской станицѣ), въ которомъ «отведенный обществомъ для училища домъ чрезвычайно малъ: окна

---

[1]) «Журн. вятск. губ. зем. собр.» 1867 г., стр. 137.

[2]) «Журн. глазов. у. земск. собр.» 1868 г., стр. 103.

[3]) «Докл. Новг. Губ. Земск. Упр.» 1869 г. стр. 7.

[4]) «Собр. пост. ниж. губ. з. собр. за 1865—86 гг., стр. 393.

[5]) Третье очер. губ. з. собр. Ниж. губ., стр. 157.

[6]) «Сборн. пост. уѣздн. земск. собраній Нижегор. губ. за 1865—89 гг., стр. 1293.

[7]) Н. Барсовъ, «О народн. образов. въ средней Россіи», въ «Отеч. Запискахъ» 1863 г. №№ 11 и 12, стр. 496.

съ выбитыми рамами; полы въ дырахъ и почти никогда не моются, такъ что въ классной комнатѣ пыль невыносимая», и Плетневскаго (въ Нижне-Курмоярской станицѣ), учитель котораго со времени открытія училища (за 4 мѣсяца) «на содержаніе онаго (училища) ничего не получалъ изъ обѣщанной обществомъ суммы» [1]).

Въ Рязанской губерніи (свѣдѣнія относятся къ Спасскому уѣзду, но едва-ли уѣздъ этотъ былъ исключительнымъ) «начинаніе въ открытіи училищъ сдѣлано было высшею властью и безъ принужденія», причемъ «многіе изъ крестьянъ сдѣланное имъ предложеніе отдавать дѣтей своихъ для обученія грамотѣ приняли за новую повинность, за новый налогъ, даже за притѣсненіе со стороны духовенства» [2]).

Нежеланіе обучать дѣтей констатировалось земскими управами и земскими собраніями и въ Пермской губерніи: въ оханскомъ земскомъ собраніи 1873 года гласный О. В. Пьянковъ, онъ же и законоучитель одной изъ школъ уѣзда, въ особой запискѣ указывалъ, что «народъ не понимаетъ пользы грамоты, плохо относится къ школамъ»; при этомъ гласный задавался вопросомъ: «не оттого-ли онъ (народъ) такъ неохотно идетъ въ школу, что не видитъ на то правительственной воли, повиноваться которой онъ привыкъ такъ безпрекословно и съ такимъ довѣріемъ» [3])? Нежеланіе крестьянъ учить дѣтей и отрицательное отношеніе къ школѣ имѣло мѣсто и въ Ирбитскомъ уѣздѣ [4]).

Въ Саратовской губерніи, а именно въ Саратовскомъ уѣздѣ, какъ это видно изъ доклада о народномъ образованіи за 1870 годъ, самою главною причиною неудовлетворительной постановки школьнаго дѣла было то, что «многія общества (крестьянъ) относятся къ училищамъ несочувственно» [5]), и даже въ 1876 году инспекторъ народныхъ училищъ заявлялъ земскому собранію, что «если льгота при отбываніи воинской повинности и послужитъ въ будущемъ побудительнымъ средствомъ для крестьянъ учить грамотѣ своихъ дѣтей, то невозможно считать, что въ настоящее время оно вошло въ сознаніе ихъ, и на это потребуется много времени» [6]).

Предсѣдатель смоленской губернской земской управы, Н. А. Мельниковъ, въ «Обзорѣ дѣятельности земства Смоленской губ. за 1866—1880 г.», сообщалъ, что даже въ концѣ 70-хъ годовъ «въ дѣлѣ устройства сельскихъ училищъ, помимо разныхъ другихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ земствомъ, одно изъ главныхъ—нежеланіе самихъ крестьянъ въ большей части губерніи содѣйствовать этому дѣлу». Говоря о недале-

---

[1]) «Постановленія областн. войска Донскаго собр.» 1876 г., стр. 344.

[2]) «Православное Обозрѣніе» за августъ 1863 г., замѣтка о «положеніи сельской приходской школы», стр. 219.

[3]) «Обзоръ развитія нар. обр. въ Оханскомъ у.», стр. 21.

[4]) «Очеркъ развитія нар. обр. въ Ирбитск. у.», стр. 16.

[5]) «Докладъ о народн. образов.», стр. 21.

[6]) «Журн. саратов. земск. собр.» 1876 г., стр. 69.

комъ прошломъ, составитель «обзора» указываетъ, что было много примѣровъ, когда, «не смотря на убѣжденія, дѣлаемыя крестьянамъ на ихъ сельскихъ и волостныхъ сходахъ представителями земства и другими лицами изъ интеллигентнаго класса, крестьяне упорно отказывались отъ устройства школъ. Были случаи (и недавніе), говорится въ этомъ «обзорѣ» далѣе, «что въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ гласные отъ крестьянъ подавали голоса противъ назначенія земскихъ денегъ на народное образованіе или за сокращеніе этихъ расходовъ.» [1]).

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ архіереями и епархіальными комитетами въ Высочайше утвержденное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства въ 1863—64 году, видно, что равнодушіе крестьянъ къ грамотности отмѣчалось въ отзывахъ по слѣдующимъ епархіямъ: архангельской, воронежской, екатеринославской, кавказской, кіевской, курской, минской, новгородской, орловской, пензенской, подольской, рязанской, саратовской, симбирской, смоленской, тамбовской, тобольской, томской, тульской, харьковской, черниговской и ярославской [2]).

Если при этомъ еще имѣть въ виду, что нѣкоторыя епархіи не попали въ этотъ списокъ только потому, что вовсе не представили никакихъ свѣдѣній по данному вопросу, то едва-ли преувеличеннымъ будетъ заключеніе, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ равнодушіе къ грамотѣ проявлялось крестьянскимъ населеніемъ почти во всей Россіи.

Въ разсматриваемомъ отношеніи тѣ факты, которые относятся къ Московскому уѣзду, Московской губерніи, представляются особенно поучительными: забѣгая нѣсколько впередъ, замѣтимъ, что въ настоящее время едва-ли даже можетъ возникнуть вопросъ о томъ, желаютъ-ли крестьяне этого уѣзда обучать своихъ дѣтей: изслѣдованіе, произведенное въ 1893 году, показало, что въ Московскомъ уѣздѣ грамотные мальчики составляли около 90% дѣтей школьнаго возраста, а грамотныя дѣвочки около 45%. Это же изслѣдованіе показало, что изъ числа 9.923 зарегистрованныхъ мальчиковъ и 9.548 дѣвочекъ—только 23 мальчика и 370 дѣвочекъ не учатся, въ виду неблагопріятнаго «отношенія населенія» къ ученью; причемъ въ число отвѣтовъ, характеризующихъ такое отношеніе, включены были и такіе, какъ, напримѣръ «сами дѣти не пожелали», «не пришлось», «не подумали» [3]) и т. п. И вотъ, въ Московскомъ-то именно уѣздѣ, въ 1867 году, «оказалось, что на поддержку со стороны крестьянскихъ обществъ разсчитывать невозможно. Изъ числа поступившихъ въ управу приговоровъ сельскихъ обществъ большая часть содержитъ отказы крестьянъ оказывать хотя бы малѣйшее пособіе къ назначеннымъ земствомъ средствамъ, и только 11 сельскихъ обществъ изъявили готовность оказать пособіе въ пользу

[1]) «Обзоръ дѣят. земства Смоленск. губ.», стр. 146.

[2]) «Начальн. народн. училища и дѣятельность въ нихъ прав. духовенства», стр. 51

[3]) «Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Моск. и Можайскомъ у.» П. П. Боголѣпова, стр. 23, 38, 42 и 100.

преподавателей»... Причина такого отношенія къ школьному дѣлу ясно высказывается въ донесеніи озерецкаго волостного правленія: «крестьяне,—говорится въ этомъ донесеніи,—въ настоящее время не обращаютъ на сей важный предметъ никакого вниманія и вовлекаются, большею частью, въ одну только слабость, черезъ что и разстраиваютъ свое хозяйство» [1]).

Обращаясь къ разъясненію причинъ такого равнодушія къ школѣ, приходится отмѣтить то же, на что указывалось и ранѣе: та школа, которая предлагалась народу, до нѣкоторой степени отвѣчала идеалу ея устроителей; но идеалъ этотъ создался подъ вліяніемъ такихъ условій жизни, которыя были совершенно почти неизвѣстны народу. Требовать, чтобы народъ сочувственно отнесся къ предлагаемымъ ему школамъ, значило требовать отъ него правильной оцѣнки тѣхъ условій жизни, съ которыми давно уже освоились другіе классы общества, но съ которыми народъ только-что началъ знакомиться, будучи до этого отдѣленъ отъ нихъ стѣною крѣпостного права. Характеръ отношенія народа къ школѣ продолжалъ все еще оставаться тѣмъ же, какимъ былъ и ранѣе, и результаты такого отношенія продолжали сказываться долго спустя послѣ 1861 года. Любопытныя свѣдѣнія о причинахъ этого находимъ мы въ отчетѣ «Съѣзда въ г. Новгородѣ учителей и учительницъ начальныхъ школъ», состоявшемся въ 1882 году. На этомъ съѣздѣ учитель В. Алексѣевъ, въ своемъ рефератѣ «о положеніи сельскихъ учителей», ставя вопросъ: «чего ждутъ крестьяне отъ школы?», отвѣчаетъ: «того же, чего ждали и отъ старой школы, т.-е. простой выучки письму и чтенію... Больше этого крестьянинъ ничего не ждетъ, а отсюда и взглядъ ихъ на новую школу тотъ же, что и на старую, даже еще хуже, потому что въ старой школѣ ихъ заставляли читать псалтирь, а не сказки, да и розгами сѣкли, отчего они были скромнѣе, чѣмъ теперь» [2]). Нѣчто подобное высказывалось на съѣздѣ же учителей и учительницъ Новоторжскаго уѣзда въ 1881 году: здѣсь также «выяснилось, что крестьяне иногда относятся къ школѣ недовѣрчиво. Такое явленіе объяснялось отчасти тѣмъ, что для крестьянъ совершенно непонятны новые способы преподаванія; для нихъ, напримѣръ, весьма страннымъ кажется обученіе чтенію не по церковно-славянской печати, а по гражданской; чтеніе послѣ прохожденія букваря не часослова, а статей изъ книгъ, изданныхъ для перваго года обученія» [3]), и т. д. На «неполное довѣріе крестьянъ къ новымъ методамъ обученія» высказывались жалобы также и на нижегородскомъ съѣздѣ учителей въ 1872 году [4]). То же самое отмѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ

[1]) В. Ю. Скалонъ, «Народная школа подъ Москвою», въ «Вѣстн. Евр.» 1883 г., стр. 78 и 80.

[2]) «Съѣздъ въ г. Новг. учителей и учительницъ нач. школъ» въ 1882 г., стр. 73.

[3]) «Протокол. засѣд. тверск. губ. зем. собранія 1882 г.», стр. 69.

[4]) «Сборн. постанов. уѣздн. земск. собраній Нижегор. губ. за 1865—1889 гг.».

изслѣдованій [1]) статистикъ, Ф. А. Щербина: говоря о той постепенности, съ которою новая школа со своими порядками, предметами и методами ихъ изученія получала права на существованіе въ Острогожскомъ уѣздѣ, изслѣдователь замѣчаетъ, что «до практическаго знакомства съ результатами звукового способа обученія способъ этотъ нерѣдко возбуждалъ неудовольствіе крестьянъ, находившихъ его не соотвѣтствующимъ важности, серьезности и цѣлямъ учебнаго дѣла». «Крестьянину,—говорится далѣе въ этомъ же изслѣдованіи,—не всегда понятна общеобразовательная сторона обученія, объяснительное чтеніе кажется смѣшнымъ и излишнимъ, поэтому они просятъ, вмѣсто «побасенокъ», учить одному «божественному».

Таково было, и даже еще очень недавно, отношеніе народа къ новой школѣ, построенной не на тѣхъ принципахъ, которые, въ глазахъ народа, освящены были вѣками и религіей. При этомъ нужно замѣтить, что такого рода явленіе отнюдь нельзя считать результатомъ какихъ-либо особенностей именно русскаго народа; то же самое можно найти и въ исторіи другихъ народовъ. Вотъ что, напримѣръ, имѣло мѣсто въ Швейцаріи въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, когда постановка школьнаго дѣла въ цюрихскихъ школахъ подверглась такой же ломкѣ, какъ и у насъ въ 60-хъ годахъ: «Новые учебники, содержаніе и цѣли которыхъ народъ не понималъ, новая метода, исключающая склады и связывающая чтеніе съ письмомъ, возбудили въ народѣ сильное вниманіе. Вѣковое употребленіе освятило для нихъ азбуку, катихизисъ и библію и исключеніе этихъ книгъ изъ школьнаго употребленія казалось имъ нападеніемъ на религіозное образованіе. Обыкновенныя слова и простыя предложенія, взятыя изъ обыденной жизни, казались народу не только смѣшными, но и недостойными школы. Сначала крестьяне насмѣхались надъ именами животныхъ, выставленными на таблицахъ для чтенія; но когда увидали, что и дѣйствительно дѣти начали читать эти слова и предложенія, тогда во многихъ семействахъ и мѣстечкахъ начался серьезный ропотъ»... А затѣмъ «начались собранія народа, явились краснорѣчивые защитники старыхъ школьныхъ методъ и учебниковъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ согласился не посылать дѣтей въ новыя школы и объявилъ, что не будетъ платить штрафа, назначеннаго за такой проступокъ. Въ другихъ мѣстахъ неудовольствіе народное выразилось еще сильнѣе: собравшіяся толпы бросались въ школу, выламывали двери и выбрасывали въ окно шеровскія таблицы. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что правительство республики сочло необходимымъ употребить силу, и здѣсь, едва-ли не въ первый разъ въ исторіи педагогики, находимъ мы такія неумѣстныя слова, какъ батальонъ пѣхоты, артиллерійская батарея и т. п. Драки, конечно, не было; зачинщиковъ выдержали подъ арестомъ, на-

[1]) «Народн. образованіе въ Острогожск. у.» (Воронежск. губ.), стр. 112.

казали штрафомъ и выпустили, а таблицы опять развѣсили по стѣнамъ школы» [1]).

И если у насъ не случилось того же, что вызвано было школьной реформой въ Швейцаріи, то едва-ли не главную причину этому слѣдуетъ видѣть въ крѣпостномъ правѣ, которое настолько обезличило народную массу, такъ пріучило ее безпрекословно повиноваться, что даже и нежелательныя для нея мѣропріятія и реформы не могли вызвать съ ея стороны активнаго противодѣйствія.

Подводя итогъ изложенному выше о характерѣ отношенія народа къ грамотѣ и обученію въ періодъ времени, непосредственно слѣдующій за освобожденіемъ, можно, повидимому, придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Понятіе большинства народа о грамотности и въ это время отличалось тѣми же чертами, какими характеризовалось оно и въ древности, т.-е. представленіе грамотности было тожественно съ представленіемъ образованія на церковно-религіозной основѣ.

2) Главнѣйшею цѣлью грамоты, поэтому, было не удовлетвореніе матерьяльныхъ нуждъ, а потребностей духовно-нравственныхъ.

3) Результатомъ такого пониманія и отношенія къ грамотѣ было то, что значительное большинство крестьянскаго населенія,—частью не имѣя возможности или не видя надобности приложенія грамотности, частью же не довѣряя устроеннымъ школамъ, а нерѣдко и по обѣимъ этимъ причинамъ вмѣстѣ,—не имѣло достаточныхъ побужденій къ пріобрѣтенію грамотности.

IX.

Такъ какъ забота объ удовлетвореніи потребности народа въ образованіи вообще и грамотности въ частности принята была на себя высшими классами общества и правительствомъ, то представляется не безъинтереснымъ, параллельно съ разсмотрѣніемъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи къ образованію самого народа, возстановить и тѣ черты, которыми характеризовалось отношеніе къ тому же предмету и въ то же время со стороны высшихъ классовъ и правительства.

Тотъ матерьялъ, который даетъ намъ исторія народнаго образованія за первое десятилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ, ничего почти, однако, не говоритъ объ отношеніи наиболѣе образованныхъ классовъ общества къ грамотѣ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Повидимому, грамотность сама по себѣ не представлялась еще тогда такимъ предметомъ, который заслуживалъ бы разсмотрѣнія безотносительно къ образованію вообще. Понятія грамотности и образованія, въ статьяхъ и рѣчахъ, имъ посвященныхъ, какъ бы не разъединялись,

[1]) Собр. соч. К. Д. Ушинскаго—«Педагогич. поѣздка по Швейцаріи», стр. 466.

и въ этомъ отношеніи взглядъ высшихъ классовъ общества и остальной массы народа имѣли нѣчто общее: основною цѣлью обученія считалось достиженіе извѣстнаго уровня интеллектуальнаго развитія, образованія, задачи котораго, впрочемъ, тѣми и другими понимались далеко не одинаково. Вопросъ о народномъ образованіи ставился тогда интеллигентною частью общества чрезвычайно широко. «Цѣль народнаго образованія,—говорилось, напримѣръ, въ докладѣ вятской губернской земской управы за 1867 г.,—безъ сомнѣнія, не заключается въ одной только грамотности; еслибы образованію положить такія узкія границы, то тогда не было бы никакой надобности тратить на это земскія средства въ такихъ большихъ размѣрахъ и такъ много безпокоиться о разрѣшеніи разсматриваемаго вопроса. Управа полагаетъ, что главную цѣль просвѣщенія должно составлять нравственное развитіе народа, возвышеніе уровня его понятій, что обусловливается распространеніемъ въ народѣ полезныхъ свѣдѣній и знаній, и для чего грамотность необходима только какъ одно изъ вспомогательныхъ средствъ» [1]).

То же самое высказывалось и на другихъ земскихъ собраніяхъ шестидесятыхъ годовъ: «Задачи школы,—указывалъ В. А. Шепшинъ въ засѣданіи кромскаго земскаго собранія 1867 г.,—служить нравственному и умственному развитію народа, къ подготовленію его къ гражданской жизни, успѣшное развитіе которой возможно только при ясномъ пониманіи гражданскихъ своихъ правъ и обязанностей» [2]). Нѣчто подобное высказывала и новгородская губернская земская управа, которая цѣлью народнаго образованія ставила—«прекращеніе пьянства, безобразныхъ отношеній семейныхъ, уваженіе къ закону и личности и наконецъ развитіе народнаго благосостоянія» [3]). Нижегородская губернская земская управа высказывалась въ томъ же смыслѣ: «одно только образованіе въ состояніи смягчить грубые нравы, уменьшить преступленія, искоренить предразсудки и дать народу новыя силы для промышленнаго труда и для торговыхъ занятій» [4]). «Никакой успѣхъ, никакое развитіе общественнаго благосостоянія,—замѣчалось калужской губернской земской управой,—немыслимо безъ народнаго образованія; въ особенности, если народъ получилъ на свою долю часть самоуправленія собственными своими дѣлами, то могутъ-ли эти дѣла получить правильное направленіе, когда самъ народъ остается безъ направленія, т.-е. безъ воспитанія и образованія», а поэтому главнѣйшею цѣлью обученія управа признавала — «распространеніе возможно большимъ числомъ учителей грамотности и здравыхъ

---

[1]) «Журн. вятск. губ. земск. собр.» 1867 г., стр. 149.

[2]) «Участіе Кромскаго земства въ нар. образов. съ 1866 по 1886 г.», стр. 14.

[3]) «Журн. крестецк. уѣзд. земск. собр.» 1869 г., стр. 397.

[4]) «3-е очередн. нижегород. губ. земск. собр.», стр. 157.

понятій о предметахъ общественной жизни» [1]); сходное съ этимъ воззрѣніе на задачу обученія находимъ также въ докладѣ 1870 г., «о народномъ образованіи», вологодской губернской земской управы [2]).

Ограничиваясь этими выписками, замѣтимъ только, что такого рода замѣчаній не мало можно найти, какъ въ докладахъ земскихъ управъ, такъ и въ журналахъ земскихъ собраній разныхъ губерній шестидесятыхъ и даже семидесятыхъ годовъ.

Но еще болѣе широкія задачи ставило народному образованію само же правительство. Отмѣчая неудовлетворительность постановки народнаго образованія въ дореформенный періодъ, вотъ что говоритъ «Объяснительная записка къ проекту устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній»: «Теперь оказывается, болѣе чѣмъ когда-либо, настоятельная необходимость приготовлять людей для всѣхъ поприщъ и для всякой дѣятельности. Чтобы пользоваться разумно правами человѣческими, необходимо развить въ массахъ сознаніе этихъ правъ, возбудить любовь къ труду разумному и поселить въ каждомъ уваженіе къ самому себѣ и человѣку вообще. Только при такихъ условіяхъ можетъ уничтожиться господствующее еще у насъ разъединеніе между сословіями и явиться разумное распредѣленіе занятій между всѣми общественными дѣятелями» (стр. 100).

Таковы были тѣ задачи, рѣшеніе которыхъ, главнымъ образомъ, возлагалось и на народныя училища.

Но въ то-же время нельзя было не видѣть, конечно, и того, что громадное большинство народа, не желая устраивать для себя школы, не хотѣло учиться и въ тѣхъ школахъ, которыя для него устраивались. И вотъ, отсюда-то сама собою уже являлась мысль о необходимости введенія обязательнаго обученія: обязательность эта въ глазахъ ея апологетовъ безусловно оправдывалась тѣми высокими цѣлями, достиженіе которыхъ казалось возможнымъ при помощи школьнаго обученія. Едва-ли не прежде другихъ учрежденій и лицъ, вопросъ о введеніи обязательнаго обученія возбужденъ былъ самимъ правительствомъ. Уже въ 1860 году, издавая «Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ», министерство такимъ образомъ редактировало 2-й его параграфъ: «начальныя школы должны быть устроены повсемѣстно; устройство и содержаніе школъ для городовъ и сельскихъ обществъ обязательно; безграмотность влечетъ за собою утрату или ограниченіе нѣкоторыхъ правъ» [3]).

Предложенный на обсужденіе публики и компетентныхъ лицъ, проектъ этотъ, вмѣстѣ съ «Проектомъ общаго плана», вызвалъ многочисленныя замѣтки, изъ которыхъ очень многими обязательность обученія признавалась необходимою, въ виду того, что нельзя

[1]) «Журн. очереди. калужск. губ. земск. собр.» 1868 г., стр. 295.

[2]) «Журн. 2-го вологодск. губ. земск. собр.» 1870 г., стр. 171.

[3]) Цитировано по ст. Миропольскаго—«Школа и государство», стр. 79.

было надѣяться, чтобы народъ сталъ учиться, если это не будетъ поставлено ему въ обязанность, такъ какъ, по наблюденію лицъ, дѣлавшихъ эти замѣчанія, народъ не сознавалъ еще пользы грамотности и обученія. То же самое указывалось и въ различныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналахъ шестидесятыхъ и даже семидесятыхъ годовъ. «Дожидаться,—читаемъ мы, напримѣръ, въ одномъ изъ №№ журнала «Воспитаніе»,—пока самъ народъ бросится въ школы—чистая химера». «При свободномъ обученіи,—говорилось въ другомъ журналѣ,—большинство дѣтей остается неграмотными, и остается просто отъ того, что ему и въ голову не приходитъ учиться, отъ того, что отцы и дѣды не учились же, да жили» [1]). На страницахъ третьяго журнала, и притомъ опять-таки журнала, посвященнаго именно разсмотрѣнію вопросовъ народнаго образованія, также указывалось, что «невѣжественная масса естественно сама по себѣ не сознаетъ нужды образованія.—«Книжка хлѣба не дастъ»—разсуждаютъ крестьяне, и на посѣщеніе школы дѣтьми смотрятъ, какъ на потерю времени. Нужны особыя, исключительныя условія, чтобы народъ созналъ самъ потребность образованія. Пока такихъ условій нѣтъ, обязательное образованіе является единственнымъ средствомъ для распространенія образованія въ массахъ и для повсемѣстнаго устройства школъ» [2]).

То же самое почти указывалось и на земскихъ собраніяхъ [3]), вызывая нерѣдко даже постановленія ходатайствовать о введеніи обязательнаго обученія, при чемъ ходатайства эти основывались на тѣхъ же соображеніяхъ, на которыя указывалось выше.

Не менѣе рѣшительнымъ поборникомъ обязательнаго обученія выступило въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и наше духовенство. Въ виду того «равнодушія къ грамотности, вслѣдствіе котораго крестьяне или вовсе не посылаютъ дѣтей своихъ въ школы, или если посылаютъ, то и берутъ ихъ домой по произволу, когда имъ вздумается, возникло во многихъ епархіяхъ желаніе, чтобы произволу этому былъ

---

[1]) «Народная школа» 1873 г., № 8.

[2]) «Наша начальная школа» 1875 г. № 11; цитировано по книгѣ Мирополъскаго—«Школа и госуд.», стр. 207.

[3]) Основываясь на имѣвшихся печатныхъ матерьялахъ, можно указать слѣдующія земскія собранія, на которыхъ вопросъ этотъ такъ или иначе дебатировался. Уѣздныя: ардатовское, буинское, бѣжецкое, бѣлгородское, вольское, верейское, ветлужское, вышегородское, грязовецкое, екатеринославское, ефремовское, жиздринское, задонское, земляпское, золотоношское, каргопольское, конотопское, константиноградское, кинешемское, коротоякское, кролевецкое, ливенское, мамадышское, можайское, нижнеломовское, нижегородское, новоладожское, никольское, полинское, нижнедѣвицкое, одесское, осинское, орловское, оханское, павлоградское, пензенское, ростовское, самарское, сапожковское, серпуховское, старицкое, сосницкое, спасское, симбирское, сарапульское, тетюшское, тотемское, тульское, устюжское, чернское, чухломское, царицынское, шадринское, шлиссельбургское, юрьевецкое и яранское; затѣмъ — губернскія: владимірское, воронежское, вятское, казанское, московское, олонецкое, полтавское, тверское, херсонское и черниговское.

положенъ конецъ и чтобы обученіе дѣтей грамотѣ сдѣлано было для крестьянъ обязательнымъ». Желаніе ввести такую обязательность въ той или иной ея формѣ выражено было епархіями: архангельской, волынской, воронежской, екатеринославской, кавказской, калужской, новгородской, орловской, пензенской, подольской, псковской, рижской, самарской, саратовской, с.-петербургской, смоленской, тобольской и харьковской [1]).

Ходатайства о введеніи обязательнаго обученія, начиная съ 1866 г., стали поступать въ министерство въ числѣ на столько значительномъ, что уже въ 1867 г. министръ народнаго просвѣщенія нашелъ нужнымъ обратить на это вниманіе и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Не возражая противъ того, что въ дѣлѣ обученія «нашъ сельскій людъ болѣе всякаго нуждается въ понужденіи, такъ какъ, предоставленный самому себѣ, онъ не въ состояніи проникнуться сознаніемъ обязанностей, лежащихъ на немъ въ семъ отношеніи» [2]), министерство, однако, отнеслось къ вопросу о введеніи обязательнаго образованія очень осторожно. «Конечно,—говорится по этому поводу въ томъ же отчетѣ,—ничто такъ не желательно, какъ сообщить широкое развитіе нашему народному образованію; но прежде, чѣмъ требовать отъ народа обязательнаго посѣщенія школъ, необходимо подождать, чтобы обозначились результаты тѣхъ предначертаній правительства, которыя приводятся нынѣ въ исполненіе. Пусть опредѣлится степень участія нашего земства въ столь важномъ дѣлѣ, пусть увеличится число училищъ, пусть народъ проникнется надлежащимъ къ нимъ довѣріемъ, пусть обезпечено будетъ содержаніе учителей, которые до сихъ поръ исполняли свои обязанности кое-какъ, именно потому, что принуждены были бороться съ крайнею нуждою: когда упрочены будутъ такимъ образомъ основы обученія нашего народа, тогда явится возможность заняться практическимъ рѣшеніемъ вопроса — слѣдуетъ-ли поставить въ непремѣнную обязанность крестьянамъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ школы и какими способами этого достигнуть».

Но ставить этотъ вопросъ такимъ образомъ—значило отложить рѣшеніе его въ дальній ящикъ, а между тѣмъ какъ для земскихъ собраній, такъ и для разныхъ учрежденій и частныхъ лицъ казалось очевиднымъ, что до примѣненія этой мѣры школы будутъ оставаться пустыми. Съ другой стороны—не менѣе вѣскими представлялись многимъ и тѣ соображенія, которыя заставляли министерство отложить рѣшеніе вопроса объ обязательности обученія на неопредѣленное время. Дѣйствительно, школъ было мало, и, при всѣхъ успѣхахъ зем-

---

[1]) «Начальныя народныя училища и участіе въ нихъ духовенства. (Извлеченіе изъ свѣдѣній, доставленныхъ въ Высочайшее утвер. присутств. по дѣламъ правосл. духовенства)». Спб. 1865 г., стр. 108—109.

[2]) «Матерьялы по вопр. о введеніи обязат. обуч. въ Россіи», стр. IV.

ства и правительства, ихъ, во всякомъ случаѣ, не могло быть создано столько, сколько понадобилось бы, при примѣненіи системы обязательнаго обученія. Но и не одинъ только недостатокъ школъ препятствовалъ осуществленію этой мѣры: «Ввести обязательное обученіе,—не безъ ироніи замѣчала вятская губернская управа,—очень легко и идея обязательнаго обученія осуществится, нужно только 1) устранить препятствующія причины по семейному положенію; 2) устроить достаточное количество школъ; 3) имѣть достаточное число спеціально-подготовленныхъ учителей, въ особенности для инородцевъ, и 4) давать недостаточнымъ ученикамъ содержаніе отъ земства» [1]).

Это сознаніе невозможности введенія всеобщаго обязательнаго обученія, вмѣстѣ съ желаніемъ привлечь населеніе къ обученію, явилось причиною того, что многія земства, признавая примѣненіе такой мѣры во всей возможной ея широтѣ «вопросомъ будущаго», предлагали все-таки распространить такую обязательность хотя бы на населеніе тѣхъ мѣстностей, гдѣ примѣненіе этой мѣры представлялось возможнымъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ тѣ же самыя причины заставляли проектировать такія мѣры, которыя, замѣняя собою обязательность обученія, могли бы привлечь къ обученію въ школахъ крестьянское населеніе. Такъ, напримѣръ, земства соснинское, нижнеломовское, осинское и нижегородское предлагали признать обязательнымъ обученіе для жителей только тѣхъ селеній, гдѣ имѣются школы; константиноградское земство ходатайствовало «о введеніи обязательнаго обученія въ селеніяхъ, отстоящихъ не далѣе 2-хъ верстъ отъ школы», при чемъ, однако, земство находило справедливымъ освободить отъ исполненія этой обязанности «дѣтей одиночекъ и не могущихъ учиться по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ» [2]); за двухверстную обязательность высказалось также и конотопское земство; бѣлозерское уѣздное земское собраніе 1877 года, «вполнѣ раздѣляя мнѣніе управы, что причина непосѣщенія школъ большинствомъ дѣтей учебнаго возраста — невѣжество и небрежность родителей», пришло къ заключенію о необходимости «введенія обязательнаго обученія въ районѣ, доступномъ посѣщенію школъ» [3]) и т. п.

Въ числѣ мѣръ, принятіе которыхъ въ то время рекомендовалось, въ видахъ возможно быстраго распространенія народнаго образованія, встрѣчались иногда очень оригинальныя. Владимірское губернское земство, напримѣръ, «стараясь изыскать средства къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ всеобщее обязательное обученіе и устроить достаточное для того количество школъ, ходатайствовало о взиманіи на этотъ предметъ 1% съ градуса спирта» [4]), а затѣмъ возбудило ходатайство о

[1]) «Журн. вятск. губ. земск. собр. 1873 г.», стр. 97.

[2]) Миропольскій—«Школа и госуд.», стр. 162.

[3]) «Обозр. дѣят. земства по народн. образов. за 15 лѣтъ», стр. 49.

[4]) «Докл. членовъ отъ земства—губ. училищ. совѣта» 1880 г., стр. 36.

томъ, чтобы введено было обязательное обученіе въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ устроены школы.

Устюжское земское собраніе постановило въ 1862 году «взыскивать съ каждаго владѣльца помѣщенія, отдаваемаго подъ питейное заведеніе въ городѣ и уѣздѣ, по 5 руб., и сборъ этотъ назначить исключительно на народное образованіе, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что склонность народа къ пьянству зависитъ отъ недостатка умственнаго и нравственнаго развитія; вслѣдствіе этого сборъ съ питейныхъ заведеній долженъ идти на народное образованіе въ тѣхъ видахъ, чтобы пьянство такимъ образомъ само себя уничтожило» [1]).

Наконецъ, нѣкоторыя земства, не касаясь введенія лично-обязательнаго обученія, находили болѣе цѣлесообразнымъ обязательное устройство училищъ, т.-е. обязательность общинную; таковы, напримѣръ, предложенія, возбуждавшіяся въ нолинскомъ [2]), богучарскомъ [3]) и землянскомъ [4]) земскихъ собраніяхъ, изъ которыхъ богучарское полагало, что, «въ видахъ устраненія препятствій къ открытію школъ, необходимо ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы при разрѣшеніи построенія церквей ставить прихожанъ въ обязанность строить при церкви помѣщенія для школъ»; земляпская же земская управа, «теряясь въ предположеніяхъ» о томъ, какъ подвинуть впередъ дѣло народнаго образованія, находила желательнымъ «установить обязательное устройство и открытіе школъ при каждомъ волостномъ правленіи, назначивъ въ пособіе 300 руб. на школу». Не ограничиваясь одними пожеланіями и теоретическими соображеніями, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стараніемъ мѣстныхъ дѣятелей обязательное обученіе было примѣнено и на практикѣ. Попытки эти, однако, оказались настолько неудачными, что уже, во всякомъ случаѣ, не могли ничего сказать въ пользу введенія обязательнаго обученія. Вотъ что, напримѣръ, находимъ мы на страницахъ сборника «Матерьяловъ по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи»: «Крестьянами Вичужской волости, Кинешемскаго уѣзда, въ 1863 году, при содѣйствіи мирового посредника Яковлева, составленъ приговоръ, по которому каждое изъ 100 сельскихъ обществъ названной волости обязано было представлять по три мальчика во вновь открытое тогда вичужское училище и давать каждому изъ этихъ мальчиковъ по 10 р. въ годъ»; въ результатѣ этого получилось то, что «выборъ мальчиковъ (въ училище) сопровождался большими непріятностями, плачемъ и тому подобными сценами, похожими на отправку въ рекруты въ былые годы, и на первыхъ же порахъ можно было отдѣлаться отъ этой новой повинности посредствомъ откупа и найма. Наймиты мальчики посту-

[1]) «Очеркъ нар. обр. въ Новгор. губ. за 1884—1885 г.», стр. 2.
[2]) «Журн. полпнскаго уѣздн. земск. собр.» 1873 г., стр. 82.
[3]) «Докл. Воронежск. губ. земск. упр.» 1866 г., стр. 364.
[4]) Ф. Щербина—«Воронежское земство 1868—1889 г.», стр. 496.

пали въ училище, конечно, для того только, чтобы взять условную плату, рѣдко посѣщали классы и выполняли только формальную сторону для прикрытія обязательной вакансіи. Прошло не болѣе года, какъ этотъ порядокъ разстроился, и волость, замѣтивъ непроизводительность ежегоднаго расхода въ 300 руб., нашла для себя неудобнымъ обязательное обученіе и рѣшила на сходѣ учиться кому надобно и кто гдѣ хочетъ» [1]).

Настолько же неудачными оказались опыты примѣненія обязанности въ дѣлѣ обученія въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губ., а также въ Коротоякскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, причемъ въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ, «когда волостные старшины приводили въ исполненіе приговоры (составленные подъ вліяніемъ мировыхъ посредниковъ), то въ нѣкоторыхъ случаяхъ для побужденія крестьянъ посылать своихъ дѣтей въ школы, они должны были прибѣгать къ аресту родителей, не хотѣвшихъ отпускать дѣтей изъ дому, на томъ основаніи, что мальчикъ, оставаясь дома, былъ бы занятъ какой-нибудь работой, способствующей къ облегченію тяжелаго матерьяльнаго быта крестьянъ» [2]); а въ Коротоякскомъ уѣздѣ, гдѣ, согласно приговорамъ, въ нѣкоторыхъ обществахъ введено было обязательное обученіе, оно, не смотря на приговоры, не могло охватить всѣхъ дѣтей опредѣленнаго возраста въ этихъ селеніяхъ: «дѣти бѣдныхъ родителей не могли посѣщать школу въ зимнее время, за неимѣніемъ обуви и одежи» [3]). Имѣя въ виду эти послѣдніе факты, понятнымъ дѣлается замѣчаніе гласнаго отъ крестьянъ бѣлгородскаго земства, г. Василькова, который въ собраніи 1872 года, возражая противъ обязательнаго обученія, «принятаго въ Германіи и другихъ государствахъ Европы», высказалъ, что, желая добра тому сословію, которое онъ на собраніи представляетъ и отъ котораго уполномоченъ, онъ, тѣмъ не менѣе, «по совѣсти, считаетъ долгомъ сказать, что введеніе обязательнаго обученія въ Россіи—мѣра еще преждевременная», такъ какъ не хватаетъ нужнаго для того числа училищъ. «Кромѣ того, — замѣтилъ этотъ гласный,—домашній бытъ крестьянина такъ скуденъ, хозяйство его такъ ничтожно, что на немъ лежитъ еще много другихъ такихъ заботъ; при такомъ положеніи не придетъ на умъ ученье, все равно, какъ по примѣру басни Крылова, «кому придетъ на умъ пѣть, когда желудокъ голодный» [4]).

Но не однѣми принудительными мѣрами предполагалось тогда достигнуть всеобщей грамотности; этой же цѣли должны были служить также и мѣры поощрительныя, какъ, напримѣръ, освобожденіе гра-

---

[1]) «Матерьялы по вопр. о введ. обуч. въ Россіи», стр. 157.
[2]) «Сборн. матерьяловъ по истор. тверск. земства», стр. 962.
[3]) Ф. Щербина—«Воронежское земство 1865—1889 г.», стр. 508.
[4]) «Сборн. стат. свѣд. по Курской губ.», т. X, стр. 247.

мотныхъ отъ тѣлеснаго наказанія [1]); въ особенности же, какъ многіе думали тогда, распространенію грамотности могутъ послужить нѣкоторыя льготы для грамотныхъ по отбыванію воинской повинности: «объяви государство,—замѣчала въ своемъ докладѣ лукояновская земская управа,—что каждому рекруту, кончившему курсъ народнаго училища, срокъ воинской службы уменьшится на три года, и куда дѣнется народный предразсудокъ: народное образованіе въ нѣсколько лѣтъ шагнетъ неимовѣрно!» [2]).

«Положеніе» 1874 года, давшее подобнаго рода льготу, встрѣчено было, какъ извѣстно, съ большимъ сочувствіемъ, причемъ, какъ въ годъ изданія «положенія», такъ и нѣсколько позднѣе, все еще продолжали встрѣчаться замѣчанія, выражающія надежду, что съ изданіемъ этого «положенія» дальнѣйшее поступательное движеніе народной грамотности и даже народнаго образованія можно считать уже обезпеченнымъ: «Въ настоящее время,—говорилось, напримѣръ, въ докладѣ ветлужской земской управы,—сокращеніе срока воинской службы для лицъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно подѣйствуетъ на желаніе крестьянъ дать своимъ дѣтямъ доступное образованіе и не брать ихъ изъ школы до тѣхъ поръ, пока они будутъ въ состояніи воспользоваться такою льготою. Такимъ образомъ, въ настоящее время, въ искусственныхъ мѣрахъ со стороны земства для привлеченія учениковъ въ училища и для содѣйствія окончанію ими полнаго курса не настоитъ надобности» [3]).

«Крестьянскія общества,—читаемъ мы также въ докладѣ острогожскаго предсѣдателя уѣздной земской управы,—въ дѣлѣ народнаго образованія, благодаря уставу о воинской повинности, должны получить толчокъ въ пользу его, въ настоящее время мало сознанную ими»; въ виду тѣхъ выгодъ, которыя теперь предоставляются, говорится далѣе въ этомъ докладѣ, справедливо будетъ требовать отъ крестьянъ настоящее равнодушіе къ школѣ замѣнить полнымъ обезпеченіемъ ея. Въ исторіи народнаго образованія незабвенна будетъ воля законодателя, давшая по новой системѣ отбытія воинской повинности всѣмъ льготы по образованію и освободившая вовсе учащихъ отъ отбыванія воинской повинности» [4]).

Надеждамъ этимъ, однако, суждено было оправдаться далеко не въ той степени, какъ это предполагалось сначала; въ той же, напримѣръ, Воронежской губерніи и въ томъ же году встрѣчается слѣдующій фактъ: валуйское земство, признавая, что, «со введеніемъ льготъ для грамотныхъ, при отбываніи воинской повинности, вопросъ о пользѣ гра-

---

[1]) «Постанов. VI очередн. ростовск. на Дону уѣздн. земск. собр.», стр. 253.

[2]) «Отчетъ о дѣйств. лукояновской уѣзд. земск. управы за 1867 г.», стр. 50.

[3]) «Постанов. ветлужск. уѣздн. земск. собр. 1874 г.», стр. 150.

[4]) «Журн. воронежскаго губ. земск. собр.» 1874 г. стр. 221.

мотности уже не можетъ быть вопросомъ», тѣмъ не менѣе, для того, чтобы побудить крестьянъ «на возможно щедрыя пожертвованія для своихъ школъ, какъ деньгами, такъ и натурою», принуждено было обратиться за содѣйствіемъ въ этомъ направленіи къ гг. мировымъ посредникамъ [1]).

X.

Но, не смотря на то, что предлагавшіяся различными учрежденіями и лицами мѣры, имѣвшія задачею распространеніе грамотности, приняты не были, вопреки опасеніямъ, которыя высказывались относительно судьбы грамотности; эта послѣдняя стала мало-по-малу развиваться, причемъ населеніе стало искать грамотности исключительно почти по собственной иниціативѣ. И если на эти первые признаки развитія грамотности не обращалось должнаго вниманія и, параллельно съ ихъ появленіемъ, все еще продолжали раздаваться со стороны интеллигенціи и земства требованія обязательности обученія, то едва-ли не главною причиною этого было то, что какъ земство, такъ и вообще интеллигенція видѣли въ грамотности только первую ступень образованія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и если требовали обязательности обученія, то, конечно, только въ смыслѣ необходимости образованія, лишеніе котораго представлялось лишеніемъ законнаго права каждаго человѣка. А между тѣмъ, та грамотность, которая все болѣе и болѣе стала распространяться среди крестьянскаго населенія, имѣла слишкомъ мало общаго съ образованіемъ: она была вызвана и служила не этическимъ, не духовнымъ, а исключительно почти только практическимъ потребностямъ жизни, характеръ и направленіе которыхъ были сильно измѣнены паденіемъ крѣпостного права. Уничтоживъ посредничество помѣщика, реформы, связанныя съ освобожденіемъ крестьянъ, поставили крестьянина лицомъ къ лицу съ самыми разнообразными факторами экономической и общественной жизни государства, а отстраненіе господской опеки потребовало отъ крестьянъ дѣятельности за свой собственный страхъ и рискъ. А все это, силою роковой необходимости, заставляло крестьянъ прибѣгнуть къ грамотѣ, какъ къ такому средству, обладаніе которымъ представляло значительное жизненное удобство.

Правда, что такая потребность въ грамотности проявилась не тотчасъ же за отмѣною крѣпостнаго права; но иначе и не могло быть: народъ не сразу вошелъ въ сферу новой для него жизни; но чѣмъ раньше пришлось населенію той или иной мѣстности столкнуться съ новыми требованіями и новыми условіями жизни, тѣмъ раньше пришлось ему обратиться къ грамотѣ. И если еще и теперь можно найти мѣстности, для населенія которыхъ грамота не получила еще такого

[1]) Тамъ же, стр. 239.

значенія, то, съ другой стороны, уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ можно было подмѣтить стремленіе къ пріобрѣтенію грамотности, въ связи съ особенностями экономической или промысловой жизни населенія. Такъ, напримѣръ, въ Ярославской губерніи еще въ 1862—1863 годахъ было уже наблюдено, что «большее или меньшее число грамотныхъ зависитъ отъ мѣстныхъ условій, преимущественно отъ рода занятій и степени благосостоянія жителей», причемъ «въ мѣстностяхъ, откуда наиболѣе отправляются въ столицы, особенно много грамотныхъ; запросъ на нихъ возрастаетъ и требованія становятся годъ отъ года строже» [1]). Въ Нижегородской губерніи—и тоже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—«школы возникли особенно въ большихъ и промышленныхъ селахъ, гдѣ жизнь населенія была интенсивна» [2]). Въ Московскомъ уѣздѣ въ серединѣ и концѣ шестидесятыхъ годовъ наблюдались одновременно совершенно противуположныя явленія: въ то время, какъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ уѣзда польза ученія совсѣмъ не признавалась, въ деревняхъ, ближайшихъ къ Москвѣ, школы уже учреждались; въ 1866 году въ Московскомъ уѣздѣ было уже 49 училищъ, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣти обучались за плату, изъ чего можно заключить, что и въ то время потребность въ знаніи грамоты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ была уже настолько велика, что побуждала крестьянъ для полученія ея затрачивать даже свои средства. «Само собою разумѣется,—говоритъ по этому поводу В. Ю. Скалонъ,—что прибѣгали къ этому крестьяне наиболѣе состоятельные и притомъ, *по условіямъ своего быта, наиболѣе ощущавшіе потребность грамотности*» [3]). Такого рода указанія, по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени, дѣлаются все чаще и чаще и констатированіе связи между промышленностью, торговлею и грамотностью становится, наконецъ, общимъ мѣстомъ статистико-экономическихъ изслѣдованій. Н. М. Бычковъ въ своей сводкѣ данныхъ о «грамотности сельскаго населенія», добытыхъ за время съ 1880 по 1887 гг. по 110 уѣздамъ Европейской Россіи,—руководствуясь этими многочисленными данными, отмѣчаетъ, что «однимъ изъ существенныхъ условій, вліяющихъ на развитіе образованія (вѣрнѣе сказать, грамотности),—слѣдуетъ считать родъ занятій населенія. Промышленность и торговля больше предъявляютъ требованій на знаніе грамоты, чѣмъ земледѣліе» [4]), причемъ это общее положеніе авторъ иллюстрируетъ данными, взятыми изъ статистическихъ сборниковъ по Воронежской, Курской, Самарской, Саратовской и Тверской губерніямъ.

---

[1]) Сухомлиновъ—«Замѣтки объ училищахъ въ Ярославской губ.» въ «Журн. Министр. Нар. Просв.» 1861 г., т. I, стр. 175.

[2]) «Сборн. постанов. нижегородскаго губ. земск. собранія» 1865—1868 гг., стр. 390.

[3]) В. Ю. Скалонъ «Народная школа подъ Москвою».—«Вѣсти. Евр.» 1883 г., стр. 74.

[4]) Н. Бычковъ—«Грамотность сельскаго населенія». «Юридическ. Вѣстн.» 1890 г. № 7—8, стр. 317.

Оцѣненная по достоинству прежде всего въ мѣстностяхъ промышленныхъ и торговыхъ, грамотность мало-по-малу, по мѣрѣ усложненія разнообразныхъ жизненныхъ условій, оказывалась необходимою все большей и большей массѣ населенія.

Пользуясь статистическими данными, показывающими % грамотнаго крестьянскаго населенія за годы, ближайшіе къ послѣднему и за годы болѣе ранніе, легко видѣть, какъ быстро возрасталъ % грамотнаго населенія; еще яснѣе видно направленіе движенія грамотности изъ сопоставленія % грамотныхъ по возрастнымъ группамъ. Пользуясь такого рода свѣдѣніями, имѣющимися въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній» по Новоторжскому уѣзду, получимъ слѣдующее сопоставленіе, показывающее, сколько приходилось грамотныхъ на 1.000 человѣкъ каждой нижеуказанной возрастной группы:

На 1.000 челов. въ возрастѣ:	Приходилось грамотныхъ: Мужч.	Женщ.	На 1.000 челов. въ возрастѣ:	Приходилось грамотныхъ: Мужч.	Женщ.
Старше 70 лѣтъ	63	5	Отъ 45 до 40 лѣтъ.	283	11
Отъ 70 до 65 лѣтъ	102	4	» 40 » 35 »	456	12
» 65 » 60 »	127	4	» 35 » 30 »	460	17
» 60 » 55 »	165	4	» 30 » 25 »	560	27
» 55 » 50 »	174	2	» 25 » 20 »	524	19
» 50 » 45 »	234	8	» 20 » 14 »	690	69

Отсюда видно, что грамотность въ Новоторжскомъ уѣздѣ быстро возрастала съ каждымъ пятилѣтіемъ, причемъ среди молодого мужского поколѣнія въ возрастѣ 14—20 лѣтъ грамотность распространена болѣе чѣмъ вдвое шире, чѣмъ между поколѣніемъ въ возрастѣ 40—45 лѣтъ, т.-е. тѣмъ поколѣніемъ, которое пріобрѣло грамотность, приблизительно, въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія; кромѣ этого, при разсмотрѣніи приведеннаго сопоставленія, не надобно забывать также и того, что грамотность, полученная за время послѣдняго тридцатилѣтія, пріобрѣтена безъ всякаго внѣшняго принужденія, чего, конечно, нельзя сказать о грамотности дореформенной. И едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что безъ этого послѣдняго условія, % населенія, получившаго грамотность тридцать лѣтъ назадъ, оказался бы еще менѣе значительнымъ, а ростъ грамотности за послѣднее время представился бы, поэтому, еще болѣе быстрымъ.

То же самое отмѣчается данными и по другимъ мѣстностямъ Россіи. Въ Осташковскомъ уѣздѣ, какъ это показалъ сдѣланный нами подсчетъ, въ 1879 году грамотные мужчины составляли 9,9%, а женщины 0,9%; послѣдняя перепись (1890 г.) показала, что грамотность первыхъ возросла вдвое—до 19,9%, а грамотность женщинъ поднялась до 1,45%. То же самое констатируется статистическими свѣдѣніями по уѣздамъ Саратовской губерніи, какъ это видно изъ сопоставленія слѣдующихъ данныхъ, заимствованныхъ нами изъ «сборниковъ статистическихъ свѣдѣній» по уѣздамъ: Хвалынскому, Кузнецкому, Сердобскому, Вольскому и Камышинскому.

Въ уѣздахъ:	% грамотныхъ среди мужскаго населенія въ возрастѣ: 60 лѣтъ и болѣе:	60—18 л.	18—14 л.	% грамотныхъ среди женскаго населенія въ возрастѣ: 55 лѣтъ и болѣе:	55—16 л.
Хвалынскомъ	5,8	12,2	15,0	0,3	0,6
Кузнецкомъ	4,5	12,3	20,1	0,5	1,6
Сердобскомъ	3,0	18,5	27,0	0,2	0,7
Вольскомъ	7,7	20,4	31,6	0,9	3,0
Камышинскомъ	5,9	24,5	29,9	0,4	1,8

Еще болѣе краснорѣчивыя числа даютъ намъ изслѣдованія по Московской губерніи, по двумъ уѣздамъ которой—Московскому и Можайскому—мы имѣемъ свѣдѣнія о грамотности населенія за три момента: за 1869, 1883 [1]) и 1893 годы.

Сопоставляя этого рода данныя, находимъ, что въ Московскомъ у. въ 1869 году было 12,9% грамотныхъ мужчинъ и 1,7% грамотныхъ женщинъ; черезъ 14 лѣтъ грамотные мужчины составляли 38,3%, а женщины—6,4%; а въ 1893 году % грамотныхъ мальчиковъ колебался около 90%, а дѣвочекъ—около 45% [2]). Въ Можайскомъ уѣздѣ въ 1869 году грамотные составляли 8,5% мужского и 0,5% женскаго населенія; въ 1883 году грамотныхъ мужчинъ (28,8%), такъ же какъ и грамотныхъ женщинъ (1,8%), по сравненію съ 1869 годомъ, было уже болѣе, чѣмъ втрое, а теперь, среди дѣтей школьнаго возраста, грамотные мальчики составляютъ 80%, а дѣвочки—18%.

Всѣ эти данныя ясно показываютъ, какъ быстро и неуклонно распространяется грамотность среди крестьянскаго населенія Россіи.

Помимо того заключенія, которое только-что было высказано, послѣднія цифровыя данныя приводятъ къ одному чрезвычайно любопытному сопоставленію: сравнивая % грамотныхъ дѣтей школьнаго возраста въ уѣздахъ Московскомъ и Можайскомъ, находимъ, что разница между этими величинами далеко не такъ значительна, какъ этого слѣдовало бы ожидать, судя по постановкѣ школьнаго дѣла въ обоихъ уѣздахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что число, какъ это принято называть, правильно организованныхъ школъ въ Московскомъ уѣздѣ относительно почти вдвое больше, чѣмъ въ Можайскомъ (въ первомъ изъ этихъ двухъ уѣздовъ одна школа приходится на 493 человѣка мужского населенія, а во второмъ на 911 человѣкъ) [3])—% грамотныхъ мальчиковъ (80) въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ довольно высокъ и только на 10% меньше, нежели въ Московскомъ уѣздѣ. Объясненіе этому явленію дается тѣмъ, что населеніе Можайскаго уѣзда, не имѣя достаточнаго числа правильныхъ школъ, но имѣя потребность въ грамотности, прибѣгаетъ къ помощи такъ называемыхъ школъ грамоты, которыхъ здѣсь (50) вдвое больше, чѣмъ въ Московскомъ уѣздѣ, и въ которыхъ обучается до 30% дѣтей крестьянскаго населенія.

[1]) «Сборн. стат. свѣд. по Московской губ.» т. IX, стр. 210 и 211.

[2]) И. П. Боголѣповъ—«Грамотность среди дѣтей школьн. возраста», стр. 40.

[3]) Число населенія взято изъ данныхъ переписи 1883 года.

То же самое явленіе отмѣчается и по другимъ губерніямъ: въ нихъ, какъ и въ Московской губерніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ оффиціальныхъ школъ, населеніе обучаетъ своихъ дѣтей въ школахъ грамотности, и—чѣмъ меньшей части населенія представляется возможность пользоваться услугами школы правильной, тѣмъ большая часть населенія обращается къ помощи школы неоффиціальной,—школы грамотности.

Слѣдующее сопоставленіе данныхъ, относящихся къ нѣкоторымъ уѣздамъ Смоленской губерніи, какъ нельзя лучше подтверждаетъ это послѣднее заключеніе:

Въ Юхновскомъ уѣздѣ:				
% населенія въ извѣстныхъ группахъ волостей, пользующійся оффиціальною школою	0—9	10—30	31—60	61—100
Въ тѣхъ же группахъ волостей % населенія, обращающійся къ платной, неоффиціальной школѣ	75	56	38	12
Въ Гжатскомъ уѣздѣ:				
% населенія въ извѣстныхъ группахъ волостей, пользующійся оффиціальною школою	0—10	11—40	41—70	71—100
Въ тѣхъ же группахъ волостей % населенія, обращающійся къ платной, неоффиціальной школѣ	55	30	21	6
Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ:				
% населенія въ извѣстныхъ группахъ волостей, пользующійся оффиціальною школою	0—15	16—30	31—64	
Въ тѣхъ же группахъ волостей % населенія, обращающійся къ платной, неоффиціальной школѣ	43	28	13	

Сопоставленіе это ясно показываетъ, что чѣмъ меньшій % населенія можетъ пользоваться оффиціальной школой, тѣмъ большая часть его обращается къ помощи школъ грамоты. Говоря иначе, населеніе указанныхъ уѣздовъ, имѣя настоятельную нужду въ грамотности, удовлетворяетъ эту потребность, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вблизи не имѣется оффиціальной школы; нанимая учителей на свой счетъ, оно и въ этихъ случаяхъ не оставляетъ своихъ дѣтей безъ обученія грамотѣ.

Въ Тверской губерніи также «большинство селеній, удаленныхъ отъ школы, не можетъ примириться съ своимъ невыгоднымъ положеніемъ относительно полученія образованія». Исходомъ изъ этого положенія «является наемъ учителей изъ грамотныхъ крестьянъ и другихъ лицъ, могущихъ обучать грамотѣ; являются школы грамотности» [1]). Въ Самарской губерніи, какъ это указываютъ «Сборники статист. свѣд.» по Бугурусланскому и Самарскому у.у., замѣчается то же самое: «въ виду, съ одной стороны, пробудившагося въ крестьянахъ сознанія необходимости обучать своихъ дѣтей грамотѣ, и невозможности за отдаленностью школы удовлетворить своему желанію, съ другой,—крестьяне многихъ обществъ прибѣгаютъ къ найму для обученія своихъ дѣтей

[1]) «Сборн. статист. свѣд. по Зубцовскому у.», стр. 63.

сторонніхъ, временно проживающихъ въ селеніи лицъ, или же поручаютъ это дѣло своимъ прибывшимъ изъ службы солдатамъ [1]).

Изслѣдователи Курской губ. указываютъ, что «когда потребность въ грамотѣ стала болѣе или менѣе серьезной потребностью большинства, и въ отдаленныхъ закоулкахъ родной земли зашевелилась темная народная масса, начала учиться. Средства, которыя практикуются въ этомъ направленіи—самыя разнообразныя: гдѣ позволяютъ экономическія условія, тамъ открывается общественная школа; гдѣ же упомянутыя условія отсутствуютъ, т.-е. въ малыхъ поселкахъ, или же и большихъ, но малоспособныхъ экономически, тамъ, по желанію отдѣльныхъ лицъ, нуждающихся въ обученіи дѣтей, приглашается грамотѣй, или же дѣти обучаются у духовенства» [2]) и т. д.

Такого рода факты можно наблюсти и во многихъ, если только не во всѣхъ, остальныхъ губерніяхъ, и едва-ли будетъ ошибочнымъ заключеніе, что въ настоящее время потребность въ грамотности ощущается громаднымъ большинствомъ мужского крестьянскаго населенія Россіи, которое, стараясь удовлетворить этой потребности всѣми доступными для него способами, достигло уже въ этомъ отношеніи довольно значительныхъ результатовъ.

XI.

Но какую же именно цѣль имѣетъ въ виду крестьянское населеніе, такъ настойчиво и, можно сказать, такъ успѣшно стремясь къ пріобрѣтенію грамотности?

Тѣ или иные отвѣты на этотъ вопросъ можно найти во многихъ отчетахъ и статьяхъ по народному образованію, хотя, къ сожалѣнію, такого рода указанія обыкновенно бываютъ недостаточно прочно обоснованы. Въ данномъ случаѣ было бы наиболѣе желательно имѣть не замѣчанія по данному вопросу отдѣльныхъ лицъ, которыя всегда почти даютъ подобнымъ указаніямъ болѣе или менѣе субъективную окраску, а или отзывы самихъ крестьянъ, или сводку отдѣльныхъ отзывовъ населенія о причинахъ, заставляющихъ его искать грамотности.

Къ счастью, однако, въ нашей литературѣ имѣются и такого рода данныя: они представляются тѣми изслѣдованіями, которыя были произведены въ 1881—1883 гг. въ Кромскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ 1885—1887 гг. въ Воронежскомъ и Острогожскомъ уѣздахъ Воронежской губерніи и въ 1893 году въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ Московской губерніи. Слѣдующія выписки даютъ наиболѣе харак-

---

[1]) «Сборн. статист. свѣд. по Самарск. губ.. Бугурусланскій у.», стр. 143. «Самарскій у.», стр. 239.

[2]) «Сборн. стат. свѣд. по Курской г.», т. X. «Бѣлгородскій у.», стр. 202. «Корочанскій у.» (стр. XXX). «Старооскольскій и Тимскій» (стр. XCVIII).

терныя указанія тѣхъ мотивовъ, которые побуждаютъ пріобрѣтать грамотность крестьянское населеніе Кромскаго уѣзда [1]):

«— Походятъ ребята 2—3 зимы (въ школу грамоты)—и читать, и писать выучатся, до хорошей науки—писать не дойдутъ, а все что-нибудь напишетъ, а мужику только и нужно: потому что какъ мало-мальски годочки подошли, въ работники идутъ. Учить стало нужно; у солдаты возьмутъ, облегченье дается; записать что по извозу, деньги получаютъ, грамотный самъ запишетъ и расчетъ сдѣлаетъ, а то въ люди ходи; грамотнаго и зовутъ всюду прочитать, подписать что, другой условіе можетъ написать; въ волости по книгамъ и всякое дѣло ему виднѣй; — онъ не платитъ, а скорѣй самъ получитъ. Письменный всюду гожъ: приведи къ купцу, въ лавочку, въ шинокъ,—его принимаютъ, они натираются скорѣй; и дома росписка какая и всякое дѣло ему виднѣй. Грамотный все не то; а теперь расписаться, справка какая, все (т.-е. надо оплачивать) деньгами; рукомесло не гонится за человѣкомъ; податя расчетъ какой—все видно, а то смотришь и не видишь, неученый, народъ темный. Школа въ нашей деревнѣ нужна бы: грамотный всѣ счета производитъ и все, что нужно, прочитаетъ, а то, на-ка, разбери, пожалуйста, да поклонись ему за это; по торговлѣ грамота много значитъ: тотъ и запишетъ, и въ долгъ можетъ дать, и цѣну возьметъ хорошую, а то есть другой и остроумъ, а какъ неграмотный, то и не до всего можетъ дойти и цѣна ему другая» и т. п.

Таковъ характеръ большинства отвѣтовъ на вопросъ, для чего именно нужна грамотность крестьянскому населенію Кромскаго уѣзда. Правда, что среди подобныхъ отвѣтовъ встрѣчаются иногда и такіе, которые отличаются меньшей практичностью и заставляютъ предполагать, что тѣмъ же крестьянамъ не чужды и другіе интересы: «ученый,—замѣтили напримѣръ крестьяне одной деревни,—всюду хорошъ: другой—какой мальчишка, а придетъ домой, отцу указываетъ... Они и почитаютъ намъ, и разскажутъ, какъ тамъ лисица обманула, или про пѣтуха,—смѣху съ ними»... «Какъ не учить,—говорили крестьяне другой мѣстности, — грамотный совсѣмъ другое дѣло: онъ и молитвы знаетъ, и всякое дѣло разберетъ» и т. п. Но, повторяемъ, отвѣтовъ такого рода такъ немного и притомъ они настолько неопредѣленны, что почти не нарушаютъ того впечатлѣнія, которое дается отзывами, приведенными выше.

Точно также и въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, хотя и наблюдались случаи, когда «крестьяне, приводя въ школу своихъ дѣтей, просили учителей учить дѣтей «церковному» и нерѣдко приносили съ собою псалтырь или часословъ», но главнѣйшимъ образомъ населеніе требовало отъ школы всего того, «что предъявляетъ имъ на этотъ счетъ ихъ обыденная жизнь. Крестьянинъ требуетъ, чтобы мальчикъ могъ прочесть не только книжку, но и документъ, росписку, сдѣлку, письмо, сосчитать деньги и занести сосчитанное на бумагу, провѣрить, что написалъ сельскій писарь въ податной книжкѣ, и пр. и пр.». И вотъ, быть можетъ, почему «учителямъ населеніе придаетъ лишь то значеніе, какое даетъ имъ ихъ профессіональная дѣятельность. Учитель—это человѣкъ, долженствующій научить грамотѣ кре-

[1]) «Участіе кромскаго земства въ нар. образованіи съ 1866 по 1886 г.».

стьянскихъ дѣтей и—только. Никакого воспитательнаго значенія крестьяне не придаютъ педагогической дѣятельности учителей... Область воспитанія (а также—какъ это видно изъ дальнѣйшаго—и образованія), обнимающую, по мнѣнію крестьянъ, преимущественно отношенія ребенка къ религіи, къ семьѣ, старшимъ, сторонним людямъ, къ обществу, къ чужой собственности и въ особенности къ хозяйственнымъ задачамъ, считаютъ своимъ личнымъ дѣломъ... Итакъ, слѣдовательно, въ отношеніи крестьянъ къ школѣ, какъ и къ школьнымъ учителямъ, сказывается одна и та же преобладающая черта: школа и учителя дѣлаютъ крестьянскихъ дѣтей лишь грамотными, и такая только цѣна школьному дѣлу, съ точки зрѣнія крестьянина. Взглядъ, замѣчаетъ съ своей стороны изслѣдователь, вполнѣ оправдываемый характеромъ и практическимъ значеніемъ современной сельской школы». Къ такимъ же точно заключеніямъ приводитъ изслѣдованіе народнаго образованія и въ Воронежскомъ уѣздѣ. Слѣдующіе затѣмъ отзывы принадлежатъ крестьянамъ Московской губерніи и тоже отмѣчаютъ собою тѣ мотивы, которые заставляютъ ихъ обучать мальчиковъ:

«— Мальчиковъ въ люди отдаемъ, все думаемъ, не попадетъ-ли на хорошее мѣстечко. Кромѣ того, и въ солдатахъ, говорятъ, легче служить. Живетъ на сторонѣ съ хозяиномъ, нужно дѣла дѣлать. Въ старосты, можетъ, когда придется идти, опять нужна грамота. Солдатъ приходитъ и говоритъ: эхъ, братъ, тамъ безъ грамоты очень плохо; памяти нѣту, да и разсудокъ не такъ соображаетъ, ну и подучиваемъ. Мальчика обязательно надо учить; на чужую сторону пойдетъ все пригодится, а то и пользы отъ него ожидаемъ; можетъ, хорошее мѣсто получитъ. Грамотный всюду годенъ. Примѣрно, неграмотный поѣдетъ въ Москву, ничего онъ не запишетъ и все забудетъ, а грамотный все смекнетъ».

«Всѣ остальные отзывы,—говорится въ цитируемомъ нами трудѣ,—совершенно въ томъ же родѣ, т.-е. что грамотность мальчикамъ современемъ можетъ пригодиться въ ихъ промысловыхъ занятіяхъ, при отбываніи ими воинской повинности, при прохожденіи общественной службы и т. д.» [1]).

Но какое же значеніе, въ качествѣ мотива къ пріобрѣтенію грамотности, имѣетъ забота объ отбываніи воинской повинности? Нѣкоторое выясненіе этого вопроса тѣмъ болѣе умѣстно, что выше отмѣчалось уже нѣчто, на первый взглядъ, совершенно противуположное: указывалось на то, что дарованіе льготы по отбыванію воинской повинности лицамъ, окончившимъ курсъ начальной школы, далеко не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на эту мѣру. Дѣйствительно, ожидать того, чтобы отцы семействъ, въ видахъ сбереженія для своей семьи рабочей силы взрослаго человѣка, въ болѣе или менѣе отдаленномъ и вѣроятномъ будущемъ, отказались отъ примѣненія рабочей силы подростка въ настоящее время, значило—надѣлять этихъ отцовъ семейства такою предусмотрительностью, проявленіе которой представлялось возможнымъ только при болѣе или менѣе значи-

[1]) «Грам. ср. дѣт. шк. возр.», И. П. Боголѣповъ, стр. 64

тельномъ экономическомъ достаткѣ. Въ большинствѣ же случаевъ, какъ это дѣлалось раньше и дѣлается теперь,—родители, нуждаясь въ рабочей силѣ или услугахъ своего 10 или 12-лѣтняго сына, берутъ его изъ школы за годъ или за полтора до окончанія курса. И съ тѣмъ вмѣстѣ, не смотря на такое, на первый взглядъ, индифферентное отношеніе къ будущему, нельзя отрицать того значенія, какое имѣетъ воинская повинность въ качествѣ фактора, на ряду съ другими, побуждающаго къ пріобрѣтенію грамотности. Введеніе всеобщей воинской повинности, въ связи съ уменьшеніемъ срока обязательной службы, грозящей каждому подростку тѣмъ, что черезъ извѣстное число лѣтъ онъ будетъ оторванъ на нѣкоторое время и отъ родной семьи, и отъ обычныхъ занятій, несомнѣнно заставляетъ прибѣгнуть къ грамотѣ, какъ къ такому средству, которое до нѣкоторой степени связываетъ взятаго въ солдаты крестьянина съ его на время покинутою семьею и не позволяетъ ему совершенно отъ нея оторваться. Кромѣ того, грамота требуется и самою солдатскою службою: слухъ о трудностяхъ изученія «хитрой» солдатской «словесности» давно уже проникъ въ деревню и тоже, конечно, побуждаетъ къ предварительному ознакомленію съ грамотою.

Какъ видимъ, и въ этихъ случаяхъ потребность въ грамотности вытекаетъ изъ чисто практическихъ соображеній. Посмотримъ теперь, какъ относится крестьянское населеніе къ женской грамотности.

Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя даетъ Н. М. Бычковъ въ сводкѣ всѣхъ данныхъ относительно размѣровъ грамотности сельскаго населенія Россіи, которыя имѣлись ко времени 1887 года, видно, что грамотныя женщины составляли 2,6% всего женскаго населенія Россіи, т.-е. что среди женскаго населенія грамотность была распространена почти въ 7 разъ меньше, нежели среди населенія мужского. Разница между распространенностью грамотности женской и мужской представится еще рельефнѣе, если, пользуясь тѣми же указаніями г. Бычкова, сопоставить % грамотныхъ мужчинъ и женщинъ по группамъ уѣздовъ въ слѣдующей таблицѣ:

Въ скольких (изъ общаго числа изслѣдованныхъ) уѣздахъ % грамотн. равняется:	Среди мужск. населенія:	Среди женск. населенія:
0— 1 процентамъ въ	— уѣздахъ	59 уѣздахъ
1— 3 »	» — »	26 »
3—10 »	» 25 »	17 »
10—20 »	» 48 »	4 »
20—30 »	» 20 »	3 »
31—40 »	» 13 »	1 »
40 и болѣе »	» 4 »	— »

Если же при этомъ еще имѣть въ виду, что maximum % грамотныхъ женщинъ падаетъ на уѣзды Евпаторійскій, Камышинскій, Симферопольскій, Ѳеодосійскій, Ямбургскій, Петербургскій, Петергофскій и

Перекопскій, т.-е. преимущественно на тѣ уѣзды, гдѣ высота % женской грамотности обусловлена, главнымъ образомъ, распространенностью ея среди инородческаго (преимущественно нѣмецкаго) населенія, то вполнѣ будетъ ясно, насколько женская грамотность распространена у насъ слабѣе мужской.

Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что несоотвѣтствіе это въ значительной степени обусловливается тою разницею въ размѣрахъ потребности, которая ощущается въ дѣлѣ пріобрѣтенія грамотности мужскимъ и женскимъ населеніемъ. Мѣстныя изслѣдованія указываютъ, что мужская и женская грамотность различаются не только своею распространенностью, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и своимъ характеромъ. Такъ, напримѣръ, въ Самарской губерніи «грамотность женщинъ вездѣ низкопробнѣе грамотности мужчинъ, въ томъ смыслѣ, что между грамотными женщинами умѣющихъ писать гораздо меньше, чѣмъ среди грамотныхъ мужчинъ, что и весьма понятно: соціально-общественная жизнь крестьянской женщины еще слишкомъ мало развита, чтобы дать непосредственный толчекъ къ образованію, чтобы женщина видѣла и испытала на себѣ прикладное значеніе грамотности, поэтому, выйдя изъ школы, она скорѣе мужчины забываетъ письмо, какъ и вообще грамоту, за недостаткомъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ вспомнить вынесенное изъ школы, а также и за недостаткомъ свободнаго времени: женщина вездѣ, кромѣ татаръ, работаетъ больше мужчины. Характеръ женской грамотности, такъ сказать, мистически религіозный, особенно среди черничекъ и келейницъ,—наиболѣе грамотнаго слоя женскаго населенія,—онѣ нерѣдко всю свою грамотность утилизируютъ для религіозныхъ цѣлей: нерѣдко по церквамъ, молельнямъ исполняютъ обязанности причетника, наставницы, читаютъ по покойникамъ, молятся за усопшихъ и т. д. Въ письмѣ надобность встрѣчается у нихъ рѣдко, а потому умѣющихъ писать крайне мало» [1]).

Еще ярче эта послѣдняя черта отмѣчается «Сборникомъ статистическихъ свѣдѣній» по Самарскому уѣзду; здѣсь также «грамотныхъ и учащихся женщинъ, сравнительно съ мужчинами, весьма мало. Большинство грамотныхъ женщинъ выучиваются грамотѣ у келейницъ или «калагурокъ», которыя распространены по всему уѣзду. Дѣвочки, первоначально обучавшіяся въ школѣ чтенію, нерѣдко выходятъ изъ нея до окончанія курса съ тѣмъ, чтобы идти «доучиваться по псалтыри». Онѣ идутъ доучиваться къ келейницѣ, призваніе которой «служеніе Богу: чтеніе псалтыря по покойникѣ, пѣніе въ кельяхъ по вечерамъ божественныхъ гимновъ, чтеніе и истолкованіе священнаго писанія и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отправленіе разныхъ службъ и обрядовъ: поминовеніе усопшихъ, крестины и пр. На этомъ основаніи и грамотность, т.-е. чтеніе книгъ признается келейницами только цер-

[1]) «Сборн. стат. свѣд. по Самарской губ.», т. V, стр. 138

ковно-славянское, а обученіе письму ограничивается списываньемъ съ церковно-славянскихъ книгъ. Грамотныя женщины встрѣчаются почти исключительно между бездѣтными вдовами, старухами, не вышедшими замужъ пожилыми дѣвицами, но рѣдко между замужними женщинами, имѣющими на рукахъ дѣтей» [1]).

То же самое читаемъ мы и въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Бузулукскому уѣзду». Отмѣчая, что женское населеніе этого уѣзда въ 9 разъ безграмотнѣе мужского, «Сборникъ» указываетъ, что «объясненіе этого явленія лежитъ въ общественномъ и семейномъ положеніи женщины, а также и во взглядѣ крестьянъ на грамоту. Взглядъ этотъ, въ большинствѣ случаевъ, утилитарный: грамотѣ учатся потому, что она нужна на службѣ, въ торговыхъ сдѣлкахъ и т. п. Женщина не можетъ утилизировать грамотность и остается безграмотной. Что это такъ, доказывается, во-первыхъ, слишкомъ высокимъ % полуграмотныхъ среди женскаго населенія, а во-вторыхъ, тѣмъ, что въ волостяхъ съ значительнымъ количествомъ сектантовъ % грамотныхъ женщинъ гораздо выше, ибо тамъ взглядъ на грамоту иной, менѣе утилитарный» [2]).

Изслѣдованія, произведенныя въ Тверской губерніи, показали, что и здѣсь грамотность среди женщинъ распространена гораздо слабѣе, нежели среди мужчинъ, причемъ исключеніе изъ этого правила «представляютъ тѣ мѣстности, гдѣ распространенъ расколъ и гдѣ грамотность опирается на религіозныя потребности, одинаковыя для обоихъ половъ» [3]). Наконецъ, въ Московской губерніи и даже въ Московскомъ уѣздѣ «по переписи 1869 года раскольничье населеніе представлялось грамотнѣе православнаго, *особенно женщины*», и только въ 1883 году «перевѣсъ сталъ клониться на сторону православныхъ обоего пола» [4]),

Данныя эти представляются чрезвычайно любопытными. По своему характеру и по своимъ задачамъ, та грамотность, о которой только что говорилось, какъ это легко замѣтить, очень близка къ нашей старинной грамотности допетровскаго періода. А это, въ свою очередь, какъ нельзя лучше показываетъ, до какой степени сильны и живучи были тѣ религіозно-нравственные устои и тѣ духовные запросы народа, которые выработали извѣстный взглядъ на образованность и грамотность, пережившій и татарскій, и крѣпостной гнетъ, и различныя мѣропріятія правящихъ классовъ, то такъ, то иначе понимавшихъ задачи народнаго образованія.

Спѣшимъ, однако, замѣтить, что это послѣднее замѣчаніе сдѣлано далеко не съ тою цѣлью, чтобы оттѣнить безусловную желательность и въ настоящее время того направленія и того характера грамотности,

---

[1]) «Сборн. стат. свѣд. по Самарской губ.», т. II, стр. 234.

[2]) «Сборн. стат. свѣд. по Самарск. губ.—Бузулукскій у.», стр. 169.

[3]) «Сборн. ст. свѣд. по Новоторжскому у.», стр. 42.

[4]) «Сборн. ст. свѣд. по Московской губ.» т. I, вып. II, стр. 30.

какими она отличалась ранѣе; напротивъ, то и другое, благодаря отсутствію, или, вѣрнѣе, слабой дѣятельности критической мысли, представляло много крайне одностороннягo и нежелательнаго. Но, во всякомъ случаѣ, старинная грамотность, служившая исключительно почти духовнымъ потребностямъ народа, должна быть отнесена, благодаря этому, такъ сказать, къ болѣе высокому типу, нежели грамотность современная, служащая преимущественно потребностямъ практическимъ. Изъ этого, повторяемъ, вовсе не слѣдуетъ, что современныя школы должны быть устраиваемы по образцу школъ до-петровскихъ. Какъ характеръ древней, такъ и характеръ современной грамотности опредѣляются не желаніями или дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, а тѣми могучими силами, которыя носятъ названіе общихъ условій жизни народа. А условія эти теперь таковы, что настоятельно требуютъ уже почти отъ каждаго отдѣльнаго представителя народа знанія грамоты, и притомъ исключительно почти для удовлетворенія потребностей практическихъ; къ сожалѣнію, условія эти далеко еще не даютъ возможности примѣнить знаніе грамоты къ удовлетворенію потребностей интеллектуальныхъ...

Стремиться къ удовлетворенію интеллектуальныхъ потребностей народа—задача великая; но, при выборѣ средствъ для рѣшенія этой задачи, не слѣдуетъ забывать, что школа, училище, въ этомъ случаѣ, является средствомъ, наименѣе важнымъ и дѣйствительнымъ: школа—сама, въ общихъ чертахъ ея характера и направленіи ея дѣятельности, — продуктъ извѣстныхъ условій жизни, и полагать, что эти послѣднія можно измѣнить, измѣнивши программу школы, это все равно, что стараться измѣнить направленіе вѣтра, поворачивая крыло мельницы въ противуположную сторону.

Примѣръ нашей церковно-приходской школы въ этомъ отношеніи очень поучителенъ. Учреждаемая на «незыблемой опорѣ»: «послушаніи матери церкви, искреннемъ, въ простотѣ сердца, какъ это свойственно дѣтямъ» [1]), школа эта, подъ давленіемъ дѣйствительности, не оправдала надеждъ, на нее возлагаемыхъ, и, вмѣсто «воспитанія», стала давать своимъ ученикамъ одну только голую грамотность.

XII.

Старинный взглядъ на грамотность, и особенно на грамотность женскую, удержавшійся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти до послѣдняго времени, мало-по-малу измѣняясь, замѣняется другимъ, при чемъ нерѣдко наблюдается, что даже тамъ, гдѣ архаическое отношеніе къ женской грамотности констатировалось еще такъ недавно, теперь уже

---

[1]) «Программа учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ, утвержденная святѣйшимъ синодомъ». Спб. 1886 г., стр. XIII.

такое отношеніе стало анахронизмомъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы выяснить, съ какою послѣдовательностью измѣнялось прежнее отношеніе къ грамотѣ; но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что тутъ имѣла мѣсто нѣкоторая постепенность; такъ, напримѣръ, въ Московскомъ уѣздѣ, какъ это уже отмѣчалось ранѣе, въ 1869 году, «раскольничье населеніе представлялось сравнительно грамотнѣе православнаго, особенно женщины», затѣмъ, въ 1883 году такой разницы уже не наблюдалось; а въ 1893 году матерьялъ, полученный спеціальнымъ изслѣдованіемъ, не даетъ даже никакой почвы для постановки такого рода вопроса; онъ констатируетъ только, что, согласно взгляду населенія, грамотность сообщается мальчикамъ потому, что «грамота со временемъ можетъ пригодиться въ ихъ промысловыхъ занятіяхъ, при отбываніи ими воинской повинности, при прохожденіи общественной службы» и т. д. Въ виду этого понятно также, почему теперь значительное большинство народа пока еще нѣсколько иначе смотритъ на обученіе дѣвочекъ и почему на вопросъ — отчего дѣвочки мало или вовсе не учатся грамотѣ?—населеніе весьма часто высказывается такимъ образомъ: «а зачѣмъ ихъ учить?»

«Дѣвочекъ учить не къ чему: намъ ихъ не за барина отдавать. Все равно, за соху придется браться». «Зачѣмъ дѣвочекъ учить?—вѣдь имъ не въ лавкѣ сидѣть». «Дѣвочекъ не учимъ, потому что не въ солдаты имъ идти и не за приказчиковъ выходить замужъ». «У насъ дѣвки мало учатся—не заведено. Еслибы за лавочниковъ ихъ отдавать, а то и выучится, да за такого же растрепая выйдетъ, какъ и неученая. Вотъ А. и грамотница, а вмѣстѣ съ нами дрова возитъ; когда ей книжки-то читать?» «Зачѣмъ дѣвочкамъ грамота? Развѣ одна изъ сотни выйдетъ за кого-нибудь, а то всѣ за мужиковъ пойдутъ: все равно жать и молотить будутъ». «Держась такихъ, вполнѣ отрицательныхъ взглядовъ, на пользу обученія дѣвочекъ—говоритъ по поводу приведенныхъ отвѣтовъ И. П. Боголѣповъ,—населеніе, конечно, не можетъ проявлять большого стремленія къ тому, чтобы обучать ихъ» [1]).

Но этого мало; изъ личныхъ наблюденій, которыя намъ привелось сдѣлать въ той же Московской губерніи, припоминаются отзывы, не только подобные вышеприведеннымъ, но и такіе, изъ которыхъ видно, что въ числѣ лицъ, отрицательно относящихся къ обученію дѣвочекъ, иногда бываютъ грамотныя ихъ матери. И это вполнѣ понятно: проучиться въ школѣ два или три года, т.-е. просидѣть сотни дней въ душной атмосферѣ школьнаго помѣщенія, вынести массу разнаго рода непріятностей изъ-за «буквы *ъ* въ корняхъ», или окончаній «ушко и ышко», «тскій, дскій и цкій» и т. п. и все это для того, чтобы послѣ, позабывши все это «художество граматическое», не прочесть ни одной книги, какъ за отсутствіемъ этихъ книгъ, такъ и потому, что для чтенія ихъ не хватаетъ времени... Какая же мать рѣшится предоставить такой участи свою дочь безъ особой для того надобности?!

И есть основаніе полагать, что такое отрицательное отношеніе къ обученію дѣвочекъ со стороны грамотныхъ ихъ матерей далеко не

[1]) «Грамотн. среди дѣт. школьн. возр.», стр. 64.

составляетъ какого-либо выдающагося исключенія, вопреки очень распространенному афоризму, утверждающему, что «грамотная мать никогда не оставитъ безграмотными своихъ дѣтей». И дѣйствительно, сдѣланный нами подсчетъ данныхъ подворной переписи по Осташковскому уѣзду, между прочимъ, указалъ, что въ семьяхъ, гдѣ есть грамотныя женщины въ возрастѣ отъ 26 лѣтъ и старше, и дѣти школьнаго возраста, грамотные мальчики составляютъ 67%, а грамотныя дѣвочки только 27% [1]); откуда видно, что даже въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ уже имѣются грамотныя женщины и матери семействъ, отношеніе ихъ къ грамотности женской далеко не таково, какъ къ грамотности мужской.

Необходимо, однако, при этомъ добавить, что такое индифферентное отношеніе къ женской грамотности является возможнымъ и наблюдается только, такъ сказать, въ переходную эпоху; но какъ только для женскаго населенія той или другой мѣстности начинаютъ создаваться такія же условія жизни, въ которыхъ уже находится населеніе мужское, тотчасъ же мѣняется и характеръ отношенія къ женской грамотности, причемъ одинаковость условій жизни обусловливаетъ собою и сходство въ дѣлѣ отношенія къ грамотѣ. Такъ, напримѣръ, цитированнымъ уже выше изслѣдованіемъ «грамотности среди дѣтей школьнаго возраста» въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ, между прочимъ, отмѣчается, что «съ теченіемъ времени и въ этомъ дѣлѣ начинаютъ происходить довольно существенныя перемѣны», свидѣтельствующія о томъ, что въ будущемъ воззрѣнія крестьянскаго населенія будутъ совершенно иныя.

«Дѣвочекъ раньше совсѣмъ не учили, заведенья такого не было. Ихъ стали учить только недавно».—«Мальчики у насъ всѣ учатся, а дѣвочекъ учатъ мало: моды такой не было; теперь, однако, ихъ стало больше учиться».—При этомъ «имѣющіяся теперь свѣдѣнія показываютъ, что главнѣйшей побудительной причиной обученія дѣвочекъ является для населенія рисующаяся въ перспективѣ возможность полученія отъ того какихъ-либо особыхъ выгодъ. Въ чемъ, по мнѣнію населенія, могутъ заключаться послѣднія, объ этомъ позволяютъ судить нижеслѣдующія выписки: «Оно необходимо, такъ какъ приходится жить въ Москвѣ, а тамъ грамота нужна. Это нужно и для дѣвочекъ: онѣ въ портнихи пойдутъ; кстати, здѣсь въ школѣ учатъ и рукодѣлію».—«Дѣвочекъ учимъ: можетъ, пригодится. У насъ вотъ двѣ дѣвочки въ учительницы идутъ». — «И для дѣвочекъ грамота нужна, для домашней надобности, больше—письмо прочесть, а можетъ, и записать что».—«Кто е знаетъ, зачѣмъ мы учимъ дѣвочекъ? Все думается — грамотной лучше будетъ: живемъ бѣдно, отдадимъ ее въ люди, а тамъ грамота нужна».

«Такимъ образомъ,—резюмируетъ изслѣдователь эти отзывы,—дѣвочкамъ, какъ и мальчикамъ, грамота нужна въ виду того, что имъ приходится жить на сторонѣ, участвовать въ отхожихъ промыслахъ», (стр. 65—66). Такого же рода указанія находимъ и въ данныхъ по Курской губерніи.

«Причины столь незначительнаго развитія (0,35%) грамотности женщинъ среди

[1]) Такихъ семей оказалось 97 въ 57 селеніяхъ уѣзда, при чемъ изъ 76 мальчиковъ въ этихъ семьяхъ—грамотныхъ было 51, а изъ 89 дѣвочекъ—24.

крестьянскаго населенія,—читаемъ, напримѣръ, мы въ «Сборникѣ статистическихъ вѣдѣній» по Грайворонскому уѣзду,—кроются, главнымъ образомъ, во взглядѣ крестьянъ на женское образованіе, какъ на совершенно излишнюю вещь».—«На что дѣвкѣ грамота,—говорятъ обыкновенно крестьяне,—это совсѣмъ не бабье дѣло, ея дѣло—хозяйство; вотъ обучить мальченку — это иная статья: ему и въ солдатахъ легче будетъ, да и по мужичеству нынѣ безъ грамоты плохо—нужда бываетъ въ городѣ по дѣламъ, или на заработки, а то еще выберутъ въ податные или старосты—мужику приходится всякіе обороты дѣлать, а баба дома сидитъ».

«Только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе постоянно утрачиваетъ свои земельныя традиціи и выступаетъ на новый путь развитія, находя себѣ занятіе въ торговлѣ, промышленности и ремеслахъ, тамъ стремленіе женщинъ къ образованію получаетъ уже серьезное направленіе. Жена ремесленника имѣетъ уже болѣе широкій кругъ дѣятельности: она нерѣдко закупаетъ сырье, принимаетъ заказы, продаетъ продукты производства, ведетъ разсчетъ съ мастерами и проч.; о торговцахъ уже нечего и говорить... Правда, грамотныя и учащіяся женщины встрѣчаются и въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, но уже, какъ рѣдкость, и то лишь, гдѣ подъ бокомъ безплатная земская школа» (стр. 212).

Почти то же самое сообщается и «Сборникомъ статистическихъ свѣдѣній» по Бѣлогородскому уѣзду.

И такъ, мало-по-малу, къ грамотности женской начинаютъ предъявляться тѣ же требованія, какъ и къ грамотности мужской, причемъ и распространеніе ея начинаетъ опредѣляться совершенно почти одинаковыми условіями.

По мѣрѣ своего развитія и осложненія, соціально-экономическая жизнь народа дѣлаетъ болѣе сложными жизненныя отношенія не только мужчины, но и женщины; а это, въ свою очередь, заставляетъ женщину такъ же, какъ и мужчину, прибѣгать къ помощи грамотности, какъ къ такому средству, которое сообщаетъ жизни значительныя удобства, являясь иногда необходимымъ условіемъ при промысловомъ трудѣ или торговлѣ. Понятно, что при этомъ и взглядъ на грамотность долженъ сильно отличаться отъ прежняго. Грамота теперь уже не является цѣлью сама по себѣ, она только средство, и, по условіямъ жизни, такое средство, которое имѣетъ преимущественное приложеніе не въ интеллектуальной, а въ соціально-экономической жизни народа.

Правда, что есть много указаній, свидѣтельствующихъ, что народъ пользуется грамотностью и для удовлетворенія духовныхъ своихъ потребностей: это подтверждается и обычными отчетами о школьныхъ и другихъ библіотекахъ, и нѣкоторыми спеціальными изысканіями; видно это, наконецъ, и изъ того, что книжная торговля, разсчитывающая на массоваго покупателя, развивается и совершенствуется; но, во всякомъ случаѣ, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что такое быстрое распространеніе грамотности за время послѣдняго двадцатипятилѣтія обусловливается преимущественно причинами обще-экономическаго характера.

Это доказывается многочисленными статистическими данными, которыми, между прочимъ, отмѣчается такой любопытный фактъ, что въ числѣ причинъ, побуждающихъ къ пріобрѣтенію грамотности, рядомъ съ экономическою обезпеченностью, дающею возможность пріобрѣсть грамотность, какъ средство образованія, стоитъ и экономическая обездоленность, заставляющая продавать свой трудъ и побуждающая искать грамотности съ цѣлью узко-практическаго свойства.

Есть поэтому основанія полагать, что распространеніе грамотности такъ тѣсно связано съ теченіемъ современной жизни народа, что задержать распространеніе первой уже невозможно, не остановивши предварительно теченія второй.

И вотъ почему, думается, главнѣйшая задача, какъ для правительства и общества, такъ и для отдѣльныхъ личностей, заключается теперь не въ распространеніи одной только грамотности, которая будетъ распространяться и безъ этой помощи, а въ распространеніи образованія и въ доставленіи возможности получать послѣднее, т.-е. въ обезпеченіи народа такою степенью благосостоянія, которая позволила бы ему удовлетворять свои интеллектуальныя потребности, и въ устраненіи препятствій, которыя мѣшаютъ осуществленію этой задачи.

В. Петровъ

НА „ШЕСТОМЪ НОМЕРѢ“.

Очеркъ.

I.

„Старикъ“ сидѣлъ на обрубкѣ дерева передъ костромъ, смотрѣлъ на огонь и, молча, посасывалъ коротенькую англійскую трубочку, начиненную злѣйшей россійской махоркой. Онъ сидѣлъ такъ каждый вечеръ, охваченный какой-то блаженной дремотой, и это почему-то всѣхъ раздражало, хотя вечеръ полагался на отдыхъ, и каждый могъ распоряжаться имъ по собственному усмотрѣнію.

— „Старикъ“, ты ужасно походишь на сыча, когда такъ сидишь передъ огнемъ, —раздраженнымъ тономъ говорила ему Парасковья Ивановна.

— Вы находите?—удивлялся „Старикъ“.

— Нѣтъ, онъ походитъ на Будду,—увѣрялъ братъ Парасковьи Ивановны, Ефимъ Иванычъ.

„Старикъ“ не отвѣчалъ, что еще сильнѣе раздражало всѣхъ, и Парасковья Ивановна поставила вопросъ:

— Интересно было бы знать, о чемъ это чучело думаетъ?..

Въ выраженіяхъ, какъ видите, не стѣснялись, и только одинъ „Старикъ“ оставался неизмѣнно вѣжливымъ. Онъ какъ будто считалъ себя немного виноватымъ, особенно когда Парасковья Ивановна раздражалась, а послѣднее случалось слишкомъ часто. Она даже плакала въ такіе моменты, что уже совсѣмъ не шло къ ея рослой фигурѣ и грубому, почти мужскому голосу. У Парасковьи Ивановны, какъ оказалось, были нервы, чего раньше какъ-то никто не подозрѣвалъ. Открылось это совершенно случайно, ровно черезъ день, какъ она пріѣхала на пріискъ. Дѣло въ томъ, что въ лѣсу постоянно насвистывала такъ называемая птичка „горюнъ“. Она издавала всего одну ноту, протяжную и унылую, и эта музыка продолжалась цѣлые дни. Парасковья Ивановна приходила въ отчаяніе и умоляла убить горюна.

— Зачѣмъ это убивать ни въ чемъ неповинную птицу?—слабо протестовалъ „Старикъ“.—Она вѣдь никому не мѣшаетъ...

— А если я не могу слышать этихъ стоновъ? Она не поетъ, а стонетъ, какъ умирающая... Не могу, не могу!.. Старикъ, ты ее непремѣнно убей...

„Старикъ“ покорно бралъ ружье и отправлялся выслѣживать несчастнаго горюна. Но птичка была хитрая, забивалась въ самую вершину какой-нибудь мохнатой ели, и невозможно было ее просмотрѣть. „Старикъ“ пробовалъ стрѣлять по вершинѣ наудачу, но изъ этого ничего не выходило, — горюнъ замолкалъ на нѣсколько минутъ, а потомъ его стоны начинали раздаваться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Это была какая-то птица-невидимка. Особенно надоѣдала она по вечерамъ, когда въ лѣсу водворялась мертвая тишина. Казалось, что горюнъ стонетъ прямо въ ухѣ. Впрочемъ, волновалась не одна Парасковья Ивановна, и если проклятая птица замолкала, всѣ начинали ждать, когда она опять застонетъ. Въ концѣ концевъ выходило какъ-то такъ, что какъ будто виноватъ „старикъ“. Какъ это выходило, по какой логикѣ— никто объ этомъ не думалъ.

— Я убѣждена, что этому идіоту доставляетъ удовольствіе слушать горюна,—увѣряла Парасковья Ивановна.

— Навѣрно! —поддакивалъ Ефимъ Иванычъ, во всемъ и всегда соглашавшійся съ сестрой.—Вѣроятно, раньше старикъ прикармливалъ горюна...

Послѣднее предположеніе являлось совершенной нелѣпостью и поэтому, вѣроятно, производило особенно сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, „старикъ“ самъ подалъ поводъ къ такому обвиненію. Разъ, когда Парасковья Ивановна особенно къ нему приставала, онъ замѣтилъ:

— Ну, что же, пусть нравится... У каждаго свой вкусъ.

Въ описываемый мной вечеръ „старикъ“ былъ особенно задумчивъ. Горюнъ такъ и надрывался гдѣ-то надъ самой головой. „Старику“ сегодня нравились эти стоны, потому что они отвѣчали его грустному настроенію. Онъ не замѣчалъ, какая чудная ночь спускалась надъ горами, какъ обступившій пріисковую контору лѣсъ тонулъ въ мягкомъ сумракѣ, какъ красиво всполохи краснаго пламени изъ сгущавшейся, ароматной, лѣсной мглы выхватывали какія-то причудливыя тѣни, какъ землю постепенно охватывалъ торжественный покой, какъ на днѣ горной рѣчки Полудепки, гдѣ были поставлены пріисковыя работы, поднимался волокнистый туманъ, точно паръ отъ дыханія какого-то сказочнаго чудовища. Все кругомъ было торжественно хорошо, хорошо строгой, молитвенной красотой, какая царитъ въ дремучемъ лѣсу по

ночамъ и которой отвѣчаетъ здѣсь каждая линія. Какъ, напримѣръ, хороши вотъ эти великолѣпные папортники, придававшіе всему какой-то таинственный, сказочный характеръ. Они убирали землю сквознымъ зеленымъ кружевомъ, точно въ лѣсной гущѣ происходилъ таинственный праздникъ невидимыхъ духовъ. Послѣднихъ видѣли только молчаливыя строгія ели, рвавшіяся въ небо своими прорѣзными вершинами-стрѣлками да пестрые дятлы, неумолчно долбившіе гнилое дерево.

И вся эта красота дремучаго сѣвернаго лѣса сейчасъ не существовала для „Старика“. Онъ сидѣлъ на обрубкѣ дерева, свѣсивъ руки, и смотрѣлъ на огонь, гдѣ прыгали красныя змѣйки. Его худощавое лицо, изборожденное преждевременными морщинами, сегодня казалось особенно некраснвымъ. Длинный носъ, узенькіе сѣрые глазки, впалыя щеки, жиденькая бородка песочнаго цвѣта—все было некрасиво. Всѣ называли его старикомъ, хотя ему было всего подъ сорокъ. Эта кличка установилась за нимъ еще въ школѣ да такъ и осталась на всю жизнь. Онъ, впрочемъ, не протестовалъ, да и не интересовался собственной наружностью. И костюмъ сидѣлъ на немъ по стариковски—болотныя сапоги, шведская кожаная куртка, поповская шляпа. Сейчасъ въ головѣ „Старика“ бродила одна фраза, которую онъ услышалъ еще утромъ. Парасковья Ивановна, когда еще пили чай, разсчитанно громко сказала:

— А *онъ* выѣзжаетъ...

„Старикъ“ чувствовалъ, что всѣ смотрятъ на него, и сталъ внимательно наблюдать чаинки, плававшія въ его стаканѣ. Ему было какъ-то неловко и немного совѣстно. Онъ зналъ, о комъ говорила Парасковья Ивановна и не понималъ, почему она говоритъ такимъ вызывающимъ тономъ. И сейчасъ онъ повторялъ про себя эту фразу, повторялъ безъ конца, точно въ головѣ у него ходилъ часовой маятникъ.

Въ разговорѣ не принималъ участія только чахоточный черноволосый мужчина, одѣтый въ синюю суконную блузу и широкополую соломенную шляпу. Онъ тоже сосредоточенно насасывалъ коротенькую англійскую трубочку и, время отъ времени, съ какимъ-то ожесточеніемъ сплевывалъ на огонь. Парасковья Ивановна наблюдала за каждымъ его движеніемъ и убѣждалась все больше и больше, что онъ положительно красивъ, особенно если смотрѣть въ профиль. Ей хотѣлось заговорить съ нимъ, но она не рѣшалась нарушать его поэтической задумчивости. Вдругъ скажетъ что-нибудь такое бабье, а у него въ головѣ, можетъ быть, происходитъ что-нибудь необыкновенно серьезное. Звали чахоточнаго господина Его-

ромъ Егорычемъ, и онъ почему-то всегда обижался, когда его такъ называли. Отчего не Георгій Георгіевичъ? Парасковья Ивановна чувствовала, когда онъ сердится, и смущалась. Ее больше всего на свѣтѣ угнетало молчаніе.

Около огня нѣкоторое время царило молчаніе. Ефиму Ивановичу это надоѣло, и онъ проговорилъ вызывающимъ тономъ:

— На англійскую набережную кули таскать... да!.. Сдѣлайте милость, сколько угодно... Изъ меня отличный крючникъ будетъ.

Въ доказательство послѣдней мысли Ефимъ Иванычъ даже засучилъ рукава, чтобы показать свои могучія руки. Сложенъ онъ былъ, дѣйствительно, богатыремъ, и только нѣжная, бѣлая, барская кожа нѣсколько портила впечатлѣніе. Произнесенная тирада очень хорошо была извѣстна всѣмъ присутствующимъ, потому что повторялась слишкомъ часто. Въ переводѣ она означала, что Ефимъ Иванычъ недоволенъ чѣмъ-то. Не получивъ отвѣта на свой вызовъ, Ефимъ Иванычъ дополнилъ свою мысль:

— Мы чернодѣлы, мужики... Что мнѣ нужно? Русскую самую простую горошницу, потому что въ ней много фосфора, потомъ кусокъ вяленой рыбы съ душкомъ, потому что въ ней много іода— и сытъ, слѣдовательно, независимъ, слѣдовательно, моя нравственная личность ничѣмъ не подавлена.

Опять молчаніе. Ефимъ Иванычъ посмотрѣлъ кругомъ своими добрыми сѣрыми глазами, разгладилъ окладистую русскую бороду и, повидимому, остался доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Кажется, пора спать...—нерѣшительно заявила Парасковья Ивановна, вынимая золотые дамскіе часики.

— Совершенно пора...—подтвердилъ Ефимъ Иванычъ, поднимаясь съ мѣста.—Мы не господа, чтобы сидѣть до вторыхъ пѣтуховъ.

Егоръ Егорычъ тоже поднялся и утомленной походкой направился къ конторѣ. Парасковья Ивановна посмотрѣла уничтожающимъ взглядомъ на „Старика“, который былъ всегда и во всемъ виноватъ, хотѣла что-что сказать, но круто повернулась и ушла молча. Ефимъ Иванычъ нѣкоторое время оставался, чтобы хлопнуть „Старика “по плечу и проговорить:

— Такъ-то, старина...

— А... что?

— Да такъ... *Онъ*, братъ, выѣхалъ, т.-е. выѣзжаетъ.

— Я это знаю...

— Мнѣ, собственно говоря, плевать, Старикъ. Ты знаешь— я человѣкъ прямой... да. Говорю откровенно... А чай ты пойдешь пить?

— Нѣтъ...

На „Старика“ напало совершенно непонятное упрямство. Не спроси его Ефимъ Иванычъ—онъ пошелъ бы, а тутъ точно на пень наѣхалъ. Не пойду—и конецъ.

II.

„Старикъ“ нѣсколько времени оставался у костра, не мѣняя позы. Онъ видѣлъ, какъ въ конторѣ освѣтились окна, какъ задвигались тѣни, какъ растворялась и затворялась дверь, выходившая на широкое русское крыльце, почему-то названное Парасковьей Ивановной верандой. Тамъ готовили чай и легкій холодный ужинъ. „Старику“ хотѣлось и закусить, и напиться горячаго чаю, но онъ съ ожесточеніемъ повторялъ про себя, какъ раскапризничавшійся ребенокъ: „а вотъ и не пойду... да. Возьму и не пойду, а вы ѣшьте и пейте“. По пути онъ припомнилъ, что еще годъ тому назадъ на мѣстѣ нынѣшней пріисковой конторы стоялъ дремучій ельникъ, и какъ онъ мечталъ именно о такой конторѣ, гдѣ и свѣтло, и просторно, и дождь не мочитъ. Но вотъ явилась и контора, но онъ почему-то не рѣшается перебраться въ нее изъ своей землянки.

На верандѣ слышался громкій говоръ Ефима Иваныча, потомъ чему-то смѣялась Парасковья Ивановна, а Егоръ Егорычъ шагалъ изъ угла въ уголъ съ мрачнымъ видомъ человѣка, приговореннаго къ смерти.

— Эй, Старикъ, иди же чай пить!—громко крикнулъ Ефимъ Иванычъ, свѣшиваясь черезъ перила веранды.—Парасковья Ивановна разсердится, если будешь капризничать...

— Я иду спать...—отвѣтилъ „Старикъ“.

Парасковья Ивановна нашла этотъ отвѣтъ почему-то смѣшнымъ и залилась неестественнымъ смѣхомъ. Это окончательно обидѣло „Старика“, и онъ поднялся. Дѣйствительно, пора спать... Не торопясь, онъ зашагалъ разбитой походкой, какъ опоенная лошадь, къ своей землянкѣ, до которой было рукой подать — стоило только спуститься подъ гору, гдѣ надъ Полуденкой живой пеленой сгущался туманъ.

Отъ землянки падала разбѣгавшаяся полоса свѣта,—это старый штейгеръ Лука натапливалъ очагъ, чтобы ночью было теплѣе. Трубы въ землянкѣ не полагалось, и клубы дыма валили въ открытую дверь. Старикъ сидѣлъ у очага, сложеннаго кое-какъ изъ камня-дикаря, и что-то помѣшивалъ деревянной ложкой въ котелкѣ, приставленномъ къ огню. Надъ очагомъ висѣлъ мѣдный походный чайникъ, замѣнявшій самоваръ. Вода уже закипала и

падала изъ носка чайника пѣнившимися каплями. Появленіе „Старика“, очевидно, произвело на Луку неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ сурово посмотрѣлъ на хозяина своими покраснѣвшими отъ дыма глазами и проворчалъ:

— Охота вамъ, баринъ, опять дымъ глотать...

„Старикъ“ ничего не отвѣтилъ и, молча, на корточки присѣлъ къ очагу. Онъ, вообще, любилъ огонь и могъ просиживать въ такомъ положеніи цѣлые часы. Избушка, вросшая въ землю, была полна дыма, и только привычный человѣкъ могъ усидѣть передъ очагомъ, не задохнувшись отъ кашля. Лука молча отодвинулъ свой котелокъ отъ огня, еще разъ помѣшалъ ложкой приготовленное варево, посолилъ на глазомѣръ и поставилъ на обрубокъ дерева, замѣнявшій столъ. Это была вкусная похлебка изъ пшена, приправленная сухой сибирской поземиной. Старикъ съ величайшимъ удовольствіемъ отвѣдалъ варева и принялся ѣсть. Правда, хлѣбъ, лежавшій на полкѣ, припахивалъ дымомъ, но голодные люди не разбираютъ. Лука ѣлъ молча и сосредоточенно, стараясь не крошить хлѣба и старательно облизывая ложку. Его худенькое, морщинистое лицо, съ всклокоченными волосами и жиденькой бородкой, походило на болотную кочку, еслибы кочка могла принимать постоянно недовольное выраженіе. И сейчасъ Лука черпалъ варево съ такимъ видомъ, точно въ каждой ложкѣ была новая обида.

— Ну, слава Богу, Богъ напиталъ—никто не видалъ,—проговорилъ Лука, облизывая въ послѣдній разъ свою ложку. — А теперь чай будемъ пить, баринъ.

Чаемъ Лука называлъ горный шалфей, который онъ собиралъ въ періодъ цвѣтенія и засушивалъ какимъ-то особеннымъ образомъ. Заваренный въ чайникѣ шалфей давалъ пріторно-пахучій настой желтоватаго цвѣта. „Старикъ“ во время своихъ скитаній по уральскимъ золотымъ промысламъ поневолѣ привыкъ къ этому оригинальному напитку и не безъ удовольствія выпилъ двѣ чашки.

Пока происходили эти церемоніи, дрова въ очагѣ прогорѣли, и землянка очистилась отъ дыма настолько, что можно было ложиться спать. Лука слазалъ на крышу и закуталъ свѣжей травой дымовое отверстіе, замѣнявшее трубу.

— Ну, теперь, баринъ, и на боковую пора,—наставительно говорилъ Лука, плотно припирая расщелявшуюся дверь.—Свѣчку не будемъ зажигать? Не надо? Ну, и отлично... Тоже деньги плачены. Охъ-хо-хо!.. Господи, прости меня, грѣшнаго...

„Старикъ“ очень скоро уложился на просторныхъ нарахъ, занимавшихъ всю заднюю половину землянки. Онъ ощупью нашелъ

все необходимое. Въ землянкѣ было жарко, какъ въ банѣ, но Лука страстно любилъ тепло и не признавалъ никакой вентиляціи. Все равно, къ утру вотъ—какъ выдуетъ, и цыганскій потъ еще проберетъ. „Старикъ“ долженъ былъ примириться и съ этимъ, чтобы не обижать Луку. Онъ и не то видалъ, когда по недѣлямъ приходилось жить въ полузатопленной водой землянкѣ, какъ было при началѣ работъ. Сейчасъ въ землянкѣ было „царство“, какъ говорилъ Лука, сравнивая настоящее съ прошлымъ. Тогда здѣсь всѣхъ-то десять человѣкъ спало, тѣснота, вонь, грязь.

„Старикъ“ не могъ уснуть и ворочался съ боку на бокъ. Лука угнетенно вздыхалъ, припоминая какіе-то тайные грѣхи. „О, Господи милостивый; прости ты меня, раба недостойнаго... Микола угодникъ, моли Бога о насъ!“ Въ землянкѣ было темно, какъ въ трубѣ.

— Баринъ, а баринъ?

— Ну?

Лука широко зѣвнулъ и проговорилъ сонным голосомъ:

— Ну, и просты вы, баринъ, какъ я на васъ погляжу... Даже черезъ число просты, а другимъ-то это и на руку, значитъ, ваша простота.

— Тебѣ-то какое дѣло до другихъ, Лука?

— А, вѣдь, я все вижу... Не ослѣпъ еще, слава Богу. Давѣ, вонъ, стряпка Маланья какое слово выразила: „васъ, гритъ, съ бариномъ-то давно на подтопку пора отдать“... Ахъ, курва!..

— А ты не слушай, что болтаетъ глупая баба.

— Да, вѣдь, баринъ, маленькая собачка лаетъ—отъ большой слышитъ. Тоже можемъ своимъ умомъ понимать... Тошно глядѣть.

Лука сѣлъ и нѣсколько времени съ ожесточеніемъ чесалъ голову пятерней. „Старикъ“ молчалъ. Онъ предчувствовалъ непріятный разговоръ.

— Баринъ, вы спите?

— Нѣтъ...

— Давно я хочу вамъ одно словечко сказать...

— Говори, только не болтай глупостей, пожалуйста. Ты знаешь, что я не люблю глупостей...

— Какія глупости, баринъ... Что ни есть самое настоящее дѣло. Взяли бы вы эту самую Парасковью Ивановну—такъ, напримѣрно говорю,—да, какъ кошку, за хвостъ да объ стѣну.

— Лука...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, баринъ... Долго я терпѣлъ... все терпѣлъ, а сейчасъ не могу. Къ самому горлу подошло...

— Лука!

— Нѣтъ, ужъ позвольте!.. Вѣдь они всѣ на готовое пришли? Такъ я говорю? Мы-то тутъ достаточно и пыли наглотались, и грязи нахлебались, пока обыскали золото, а они, сдѣлай милость, совсѣмъ на готовое слетѣлись. На готовое-то и я первый воевода.

— Да, вѣдь, они не сами пришли сюда, а я ихъ созвалъ, Лука.

— А для чего позвали? Мы тоже очень это понимаемъ... да. Конешно, дѣло было вѣрное, а одному не подъ силу—вотъ вы и набрали пріятелевъ. И у насъ, мужиковъ, тоже самое бываетъ, только не такъ кончается. Конешно, не кормя, не поя, ворога не наживешь, а все-таки ты чувствуй, ежели тебя рыломъ въ молоко, какъ слѣпого щенка, ткнули. Правильно я говорю, баринъ... Ну, а какіе ихніе поступки касаемо васъ? Тошнехонько глядѣть. И всему заводчицей эта самая халудра Парасковья Ивановна, штобы ей ни дна, ни покрышки!..

— Она?

— Извѣстно, она... Все отъ нея и пошло. Пряменько сказать: совсѣмъ васъ въ уголъ загнали, какъ послѣдняго раба. Для кого контора - то строилась? А какъ выстроили, она и пошла свои бабьи слова поговаривать: „эта, вотъ, комната моя... эта братцу Ефиму Иванычу... эта Егору Егорычу, а эта, слышь, чай пить“. А вамъ-то ничего и не осталось. Хорошо это?..

Въ темнотѣ раздался тихій смѣхъ „старика“, и Лука только развелъ руками. Рехнулся, видно, баринъ окончательно... Потомъ Лука разсердился, а баринъ продолжалъ хохотать, уткнувшись головой въ подушку. Лука даже плюнулъ.

— Ну, Лука, еще скажи-ка что-нибудь про Парасковью Ивановну?

— А што мнѣ про нее говорить: хоша и барыня, а все баба—одна у нихъ вѣра. Вонъ и чаю вамъ не дала напиться... Сама, не бойсь, цѣлый самоваръ вылопала. Люта она чай пить... Одного сахару сколько стравитъ. Тоже и насчетъ ужны.

— Тебѣ обидно, что они ужинаютъ, Лука?

— Не завидно, а просты вы... Только вотъ палкой васъ не гонятъ. Прямешенько надо говорить. А я достаточно наглядѣлся. Форцу настоящаго у васъ нѣтъ, баринъ. По настоящему-то какъ вамъ слѣдовало разговаривать съ ними: „Пошолте вонъ, дармоѣды!“

III.

Пріискъ назывался довольно оригинально: № 6-й. По системѣ глухой рѣчонки Полуденки, сбѣгавшей по восточному склону

Урала, было разбросано очень много пріисковъ, такъ что первому владѣльцу № 6-го было лѣнь подбирать новое названіе. Мѣсто было кругомъ самое глухое, какъ вся сѣверная часть казенной гороблагодатской дачи. Даже проходившая черезъ нее желѣзная дорога не внесла никакого оживленія, и промысловые пути сообщенія находились въ самомъ первобытномъ состояніи, а на № 6-й едва можно было пробраться только верхомъ. Въ лѣтнее время горныя болота почти прекращали возможность всякаго передвиженія, и только опытные таежные люди могли ѣхать верхомъ по горнымъ тропамъ и болотнымъ „сланямъ“. Парасковью Ивановну, принимая во вниманіе ея женскую слабость, а также кухарку Маланью, перетаскивали въ двухъ мѣстахъ черезъ болота на широкихъ лубкахъ. Это послѣднее постоянно ставилось „Старику“ въ счетъ, какъ самое яркое проявленіе женскаго героизма. Старый Лука, впрочемъ, объяснялъ иначе.

— Чего же тутъ мудренаго? Волокли черезъ болота, какъ двѣ рѣдьки. Извѣстно: бабы. У ней, у бабы, ужъ такой законъ—всего боится... Ежели бы она не боялась, такъ съ ней и сладу бы не было.

„Шестой номеръ“ на непривычнаго человѣка производилъ самое угнетающее впечатлѣніе, впечатлѣніе какой-то подавляющей тѣсноты, обидной уже потому, что на сорокъ верстъ кругомъ не было никакого жилья. Рѣка Полуденка пробиралась между лѣсистыми, непривѣтливыми горами какими-то закоулками, и ея теченіе постоянно преграждалось разными естественными препятствіями—то загородитъ дорогу обочина горы, то каменный утесъ, то цѣлая гора. Рѣчная вода съ упорствомъ женщины преодолѣвала всѣ эти препятствія и достигала цѣли обходными путями, конечно, теряя много во времени. „Шестой номеръ“ получилъ свое существованіе, благодаря горѣ Чуманъ, которая точно сознательно загородила дорогу лѣсистымъ плечомъ живой горной водѣ. По разсчету перваго золотопромышленника, дѣлавшаго здѣсь заявку, золото именно должно было „подбиться“ къ этой горѣ, благодаря задержанному теченію. Образовался крутой, узкій и длинный логъ, напоминавшій брешь, сдѣланную какимъ-то непріятелемъ въ основномъ горномъ массивѣ. Когда „Старикъ“ въ первый разъ явился сюда, онъ не могъ не согласиться съ этимъ предположеніемъ и купилъ пріискъ съ казенныхъ торговъ. Кто былъ этотъ первый предприниматель, гдѣ онъ пропадалъ сейчасъ—разорился, умеръ или разувѣрился въ дѣлѣ—оставалось неизвѣстнымъ, но идея продолжала существовать. „Старикъ“ вѣрилъ въ нее

и, послѣ цѣлаго года тяжелыхъ испытаній и всяческихъ неудачъ, добился своего. „Шестой номеръ“ оправдалъ себя, какъ говорятъ на промыслахъ. Долго не дававшееся въ руки золото, какъ заклятый кладъ, было найдено именно имъ, „Старикомъ“.

Сейчасъ „Шестой номеръ“ имѣлъ самый оживленный видъ, благодаря именно этой увѣренности въ открытой надежной розсыпи. Какъ по щучьему велѣнью выросла и новая контора, и новая казарма на пятьдесятъ рабочихъ, и всѣ признаки живой работы, а, главное, точно въ самомъ воздухѣ висѣло бодрое настроеніе и увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Въ „Шестой номеръ“ теперь вѣрили всѣ. Это отражалось на всемъ, а главнымъ образомъ, на настроеніи рабочихъ.

Когда „Старикъ“ раннимъ утромъ выходилъ изъ своей землянки, его ухо пріятно поражалъ трудовой шумъ, висѣвшій надъ весело работавшимъ пріискомъ. Въ его душѣ невольно просыпалось горделивое чувство, что главнымъ виновникомъ всего является именно онъ, и только онъ одинъ. Теперь „Старикъ“ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ то недавнее время, когда онъ бѣдствовалъ въ своей землянкѣ и приходилъ въ отчаяніе отъ преслѣдовавшихъ его неудачъ. Благодаря этимъ воспоминаніямъ, ему особенно дорогой дѣлалась вотъ эта самая землянка, въ которой онъ столько пережилъ. Парасковья Ивановна никакъ не могла этого понять, захвативъ въ конторѣ лучшія комнаты. Да, онъ будетъ жить въ своей землянкѣ, какъ живутъ другіе рабочіе. Только часть рабочихъ помѣщалась въ новомъ корпусѣ, выстроенномъ на пятьдесятъ человѣкъ. Это были такъ-называемые „кондрашные“, работавшіе по годовымъ контрактамъ. А большая часть рабочихъ помѣщалась по ту сторону Полуденки, въ землянкахъ или коекакъ слаженныхъ на скорую руку балаганахъ, прилѣпившихся къ обочинѣ горнаго увала, какъ гнѣзда стрижей. Тутъ жили старатели, работавшіе съ золотника намытаго золота. По вечерамъ около этихъ балагановъ такъ весело курились старательскіе огоньки, и слышались несмолкаемыя пѣсни. Безъ пѣсни русскій человѣкъ не умѣетъ работать, а отдыхать тѣмъ больше.

Собственно пріискъ, гдѣ залегала золотоносная розсыпь, дѣлился на двѣ неравныхъ половины. На лучшей половинѣ, гдѣ работали кондрашные, были поставлены хозяйскія работы, что можно было издали замѣтить по зимней вскрышѣ турфовъ (верхній слой земли, прикрывающій розсыпь), по только что устроенному пруду и особенно по большой золотопромывальной машинѣ сибирскаго типа, которая называется „бутарой“. Старатели работали въ раз-

бродъ, и каждый отыскивалъ счастье въ свою голову. Промывка производилась ими на ручныхъ станкахъ, безъ всякихъ другихъ приспособленій.

„Старикъ“ съ наслажденіемъ обходилъ всѣ работы, разговаривалъ съ рабочими и чувствовалъ, что всѣ эти простые люди уважаютъ и любятъ его, за исключеніемъ, можетъ быть, одного Луки, склоннаго ко всякому предательству по натурѣ. Вѣрить коварному человѣку было нельзя ни въ чемъ, но „Старикъ“ такъ сжился съ нимъ, что отказать ему не могъ.

— Слава Богу, всѣ хлѣбъ ѣдимъ отъ васъ, баринъ,—повторялъ Лука, обходя съ „Старикомъ“ работы.—На што старателишки и тѣ мало-мало кормятся, которые ежели съ умомъ...

Лука немилосердно грабилъ этихъ старателишекъ и всячески вымогалъ изъ нихъ взятки, особенно, когда дѣло доходило до отвода новыхъ дѣлянокъ или пріема намытаго золота. До „Старика“ доходили жалобы на этого стараго негодяя, котораго слѣдовало давно прогнать, но „Старику“ дѣлалось какъ-то совѣстно за него же, и онъ, вмѣсто того, чтобы обругать его по крайней мѣрѣ, какъ-то заискивающе говорилъ:

— Лука, ты бы того, братецъ... гм...

— Я? Да я, баринъ... Ахъ, Божже мой!—начиналъ клясться старый пріисковый воръ.—Да я для вашего интересу изъ своей кожи готовъ вылѣзти семьдесятъ семь разовъ съ разомъ.

Въ доказательство послѣдней метафоры Лука съ ожесточеніемъ бросалъ свою шапку о земь и начиналъ креститься.

— Да я... Вотъ не сойти съ этого самаго мѣста. Можно прямо сказать: стараюсь, какъ неумытый песъ.

— Все-таки, Лука, ты бы того... вообще, не очень...—еще болѣе смущенно бормоталъ „Старикъ“:—старатели жалуются...

— Старатели? жалятся? А того они не сказали вамъ, баринъ, што они есть первые воры... За ними какой глазъ-то нужно имѣть. Не доглядѣлъ, а они сейчасъ, напримѣрно, наше родное золото на сторону и потащатъ... Модель извѣстная. Плачетъ объ нихъ острогъ, обо всѣхъ...

„Старикъ“ всячески старался смягчить суровый режимъ стараго хапуги и вора, но всѣ его мѣры какъ-то не имѣли дѣйствія, и Лука имѣлъ полное основаніе смѣяться надъ простоватымъ барином.

Въ конторѣ, гдѣ засѣдалъ Ефимъ Иванычъ, тоже дѣло было какъ будто не совсѣмъ чисто, и недѣльные отчеты сплошь и рядомъ не сходились, причемъ Ефимъ Иванычъ имѣлъ нахальство оправдываться близорукостью, благодаря которой постоянно смѣшивалъ цифры 3 и 5.

— Можетъ быть, ты меня подозрѣваешь въ воровствѣ? —обижался Ефимъ Иванычъ въ концѣ концовъ, переходя въ наступленіе.

— Нѣтъ, я этого не говорю,—оправдывался „Старикъ“, проклиная свое желаніе просмотрѣть отчетъ за недѣлю.—А только вообще...

— Пожалуйста, не отпирайся!—гремѣлъ Ефимъ Иванычъ.

— Да, ей-Богу же, я ничего... я такъ...

— Нѣтъ, говори прямо!..

„Старику“ приходилось извиняться, и онъ даже краснѣлъ, какъ напроказившій школьникъ.

— Я, братъ, на англійскую набережную кули таскать,—заканчивалъ Ефимъ Иванычъ: —у меня разговоры короткіе. А затѣмъ въ этомъ проклятомъ лѣсу я окончательно потеряю здоровье...

Заботы о здоровьѣ составляли, кажется, главную задачу всей жизни Ефима Иваныча, и это настроеніе поддерживалось Парасковьей Ивановной съ какой-то ожесточенной энергіей. Каждое утро, когда Ефимъ Иванычъ выходилъ къ чаю, она пытливо осматривала его и зловѣщимъ тономъ говорила:

— Ефимъ, покажи языкъ... Мнѣ кажется, что у тебя сегодня нехорошій цвѣтъ лица. Тебѣ необходимо принимать желѣзо...

Ефимъ Иванычъ повиновался и даже ложился въ постель, когда этого требовала Парасковья Ивановна. Вообще, это былъ неисправимый дармоѣдъ, который могъ въ свое оправданіе сказать только то, что Егоръ Егорычъ еще большій дармоѣдъ, дармоѣдъ озлобленный, считавшій себя вѣчно обиженнымъ кѣмъ-нибудь. Судьба преслѣдовала Егора Егоровича съ замѣчательнымъ постоянствомъ и загнала его въ концѣ концовъ въ такую трущобу, какъ „Шестой номеръ“. Предъ всѣми остальными онъ гордился тѣмъ, что былъ въ Петербургѣ и насмотрѣлся тамъ всяческихъ чудесъ, а главное видѣлъ, какъ живутъ настоящіе люди. Ефимъ Иванычъ съ завистью слушалъ его разсказы, изъ которыхъ почему-то усвоилъ только одну фразу о тасканіи какихъ-то кулей на англійской набережной.

IV.

Черезъ три дня Парасковья Ивановна за утреннимъ чаемъ съ таинственнымъ видомъ проговорила:

— *Онъ* выѣхалъ...

Егоръ Егорычъ и Ефимъ Иванычъ, какъ по командѣ, посмотрѣли на „Старика“, который молча пилъ чай одинъ стаканъ за другимъ. Это была одна изъ его дурныхъ привычекъ, возмущавшая Парасковью Ивановну до глубины души. „Старикъ“ имѣлъ обыкновеніе выпивать цѣлыхъ пять стакановъ чаю, тогда какъ Егоръ Его-

рычъ пилъ всего два. Егоръ Егорычъ сейчасъ служилъ для Парасковьи Ивановны мѣрой всѣхъ вещей, той нормой, уклоненіе отъ которой въ ту или другую сторону приводило ее въ негодованіе.

Въ контору „Старикъ“ приходилъ только пить чай и обѣдать, что его сейчасъ очень смущало. Онъ предпочелъ бы въ тысячу разъ питаться у себя въ землянкѣ, но это было бы нѣкоторой демонстраціей. Приходилось покоряться установившемуся режиму, хотя это и составляло для него настоящую пытку. Когда онъ приходилъ въ контору, всѣ умолкали и таинственно переглядывались между собой, точно въ комнату вошелъ шпіонъ. Положеніе получалось невыносимое, тѣмъ болѣе, что присутствовавшіе начинали обмѣниваться какими-то шифрованными фразами, о смыслѣ которыхъ онъ могъ только догадываться. Особенно донимала „Старика“ Парасковья Ивановна, принимавшая видъ неумолимой судьбы. Еслибы всѣ они знали, какъ мучился и страдалъ „Старикъ“ и вмѣстѣ какъ было ему совѣстно вотъ за нихъ же, за ихъ несправедливое отношеніе къ нему. Онъ даже краснѣлъ.

На „Шестомъ померѣ“ собралась самая удивительная компанія, какую только возможно себѣ представить. Пріискивая жизнь, полная приключеній, непріятныхъ неожиданностей и поджигающаго риска, создала цѣлый контингентъ совершенно особенныхъ людей, которыхъ можно встрѣтить только на золотыхъ промыслахъ и которые никуда больше не годятся и нигдѣ больше жить не могутъ. Въ большинствѣ случаевъ это самые неисправимые мечтатели и фантазеры, которые, не глядя ни на что, хотятъ силой вырвать у несправедливой судьбы свое счастье. Мысль о какомъ-то дикомъ успѣхѣ служитъ главной основой этой промысловой психологіи. Сегодня бѣденъ, какъ церковная крыса, а завтра богатъ. Для иллюстраціи всегда имѣются цѣлые десятки самыхъ яркихъ примѣровъ самаго безшабашнаго обогащенія, когда изъ ничтожества возникаютъ милліонеры. Эти баловни судьбы у всѣхъ на глазахъ, и происхожденіе ихъ богатства окружено цѣлыми легендами. Ихъ имена превращаются во что-то въ родѣ обиходной монеты, дѣлаются нарицательными настолько, что ими думаютъ. Кто не знаетъ Парфенова, Егорова, Мокрякова, Большакова? Всѣ они начали ни съ чего, терпѣли всевозможныя превратности судьбы и закончили милліонами.

Можетъ быть, самымъ неисправимѣйшимъ изъ этихъ мечтателей былъ Николай Сергѣичъ Крутиковъ, онъ же „Старикъ“. Это былъ человѣкъ, который могъ существовать только на фонѣ пріисковой обстановки и совершенно не существовавшій внѣ ея. Онъ убилъ всю жизнь на промысловое дѣло. Началъ онъ, какъ большинство, съ

небольшого капитала, доставшагося въ наслѣдство. Капиталъ былъ зарытъ въ одно лѣто, и „Старикъ“ оказался выброшеннымъ на пріисковую улицу безъ гроша въ карманѣ. Много лѣтъ онъ перебивался мелкой пріисковой службой, по грошамъ скапливалъ небольшія суммы, чтобы зарыть ихъ и опять мыкать горе, утѣшая себя несбыточными мечтами. Всегда оказывалось какъ-то такъ, что для счастья не доставало какихъ-нибудь пустяковъ, иногда нѣсколькихъ десятковъ рублей, и другіе обогащались тамъ, гдѣ „Старикъ“ раззорялся. Послѣ каждаго неудачнаго опыта онъ строго провѣрялъ себя и находилъ истинныя причины краха. Это была настоящая школа неудачъ. Прибавьте къ этому замѣчательное упорство и вѣру въ себя, граничившую съ помѣшательствомъ. Знакомые считали „Старика“ немного повихнувшимся и говорили:

— А чортъ его знаетъ, дуракамъ счастье...

Послѣднее, кажется, служило главнымъ основаніемъ всей удивительной карьеры „Старика“, такъ что въ него даже начали вѣрить, какъ въ лунатика, который пройдетъ тамъ, гдѣ нормальный человѣкъ свалится десять разъ отъ страха.

Ближайшій другъ „Старика“ (онъ питалъ всегда большое влеченіе къ деликатнымъ чувствамъ), Андрей Ильичъ Лизуновъ, тоже пріискавое перикати-поле, особенно изощрялъ свое остроуміе по поводу пріятеля—Лизуновъ страдалъ остроуміемъ, какъ другіе золотухой или чесоткой. Другъ Лизуновъ говорилъ такъ:

— „Старику“ недостаетъ только денегъ, чтобы сдѣлаться богачемъ, а глупости для этого у него достаточно вполнѣ.

Уколы дружбы „Старикъ“ переносилъ стоически, какъ законное возмездіе за скрытую слабость своей души, и сообщилъ первому Лизунову объ открытомъ золотѣ на „Шестомъ номерѣ“. Это открытіе было совершенно неожиданно и взволновало весь промысловый міръ, какъ новое доказательство дикаго счастья. Лизуновъ, получившій приглашеніе войти въ компанію къ вѣрному дѣлу, говорилъ:

— Д-да... Дуракамъ счастье. Этакому оболтусу, и вдругъ богатство.

Пріисковая жадная голь была убѣждена въ глубокой несправедливости судьбы и злословила по адресу „Старика“. Во всей этой исторіи было что-то таинственное. „Старикъ“ забрался съ маленькими средствами въ самую глухую трущобу, гдѣ и пропадалъ цѣлое лѣто, питаясь одними сухарями и ишенной кашей. Осенью онъ вернулся пѣшкомъ, оборванный, голодный, обросшій волосами, какъ настоящій дикарь. Золото было найдено вѣрное, но нужно было его взять, а для этого требовались средства. Тутъ выручилъ Лизуновъ.

— Мы составимъ компанію на паяхъ,—объяснялъ онъ.—Ты будешь главнымъ пайщикомъ, а другіе дадутъ средства. Понимаешь?

„Старикъ“ вѣрилъ Лизунову, потому что любилъ его. На сцену сразу явились и капиталисты—Ефимъ Иванычъ и Парасковья Ивановна Артюховы (они съ часа на часъ ожидали наслѣдства послѣ умиравшей третій годъ двоюродной тетки), а потомъ Егоръ Егорычъ Ивановъ (у него былъ домъ, принадлежавшій женѣ, съ которой онъ не жилъ пятнадцать лѣтъ). Составлено было формальное условіе новой компаніи, и всѣ отправились на „Шестой номеръ“. Правда, что при отъѣздѣ у компаньоновъ не оказалось ни гроша за душой—тетка Артюховыхъ продолжала еще умирать, а жена Иванова продала домъ и бѣжала, но это было пустяки. Молва уже разнесла вѣсть о золотѣ на „Шестомъ номерѣ“, и „Старикъ“ безъ особенныхъ затрудненій нашелъ кредитъ. Компаньоны нисколько не были смущены этимъ обстоятельствомъ и быстро вошли въ роль настоящихъ владѣльцевъ. Въ успѣхахъ „Старика“ они видѣли какъ бы косвенное оскорбленіе ихъ и съ негодованіемъ говорили:

— Что же тутъ удивительнаго, если этому дураку даютъ деньги? Дайте намъ, и мы бы тоже взяли...

Контора и казарма для рабочихъ были выстроены еще зимой. На „Шестомъ номерѣ“ жилъ въ своей землянкѣ всю зиму одинъ „Старикъ“, и компаньоны явились только весной, когда все уже было готово. Лизуновъ страшно раскритиковалъ все, что было сдѣлано и даже кричалъ на „Старика“:

— Такъ можетъ дѣлать только сумасшедшій!.. Развѣ это контора? Конюшня какая-то...

Извѣстно, что на Лизунова нельзя было сердиться. Онъ всегда волновался и кричалъ, а на другихъ тѣмъ меньше. Въ глубинѣ души „Старикъ“ даже былъ ему благодаренъ, потому что только Лизуновъ могъ завезти Парасковью Ивановну въ такую трущобу. На промыслахъ женщина представляетъ предметъ роскоши, даже самая простая баба, а Лизуновъ приспособилъ настоящую даму. Парасковьѣ Ивановнѣ было за тридцать лѣтъ, и особенной привлекательностью она не отличалась, а мужской голосъ, рѣзкія манеры и красное лицо дѣлали ее „полумужичьемъ“, какъ говорилъ Лука. Но „Старикъ“ всю жизнь провелъ бобылемъ и видѣлъ женщину такъ близко въ первый разъ. Онъ проникся какимъ-то благоговѣніемъ къ Парасковьѣ Ивановнѣ, въ которой, какъ въ фокусѣ, сосредоточивались всѣ женскія прелести. Въ довершеніе всего, Парасковья Ивановна была дѣвица, т.-е. существо, затаившее въ себѣ какое-то особенно таинственное счастье, которымъ имѣлъ быть награж-

день еще болѣе таинственный избранникъ ея сердца. На „Старика“ точно пахнуло никогда еще неиспытаннымъ теплом и онъ часто смотрѣлъ на Парасковью Ивановну такими глазами, точно она могла вспорхнуть или разбиться.

— Этотъ дуракъ, кажется, влюбился въ тебя,—замѣтилъ довольно грубо Ефимъ Иванычъ сестрѣ.—Я ему всѣ ребра переломаю...

— Оставь его,—со вздохомъ проговорила Парасковья Ивановна:—пока онъ ничего еще такого не дѣлаетъ... Мало-ли кто кого любитъ,—прибавила она таинственно:—сердцу не прикажешь...

Въ спеціальномъ вѣдѣніи Парасковьи Ивановны оказалась вся область любовной психологіи и жизни сердца вообще. На промыслахъ на каждую женщину смотрѣли очень ужъ просто, безъ всякихъ иллюзій и даже больше того—какъ на печальную необходимость, что Егоръ Егорычъ могъ подтвердить собственнымъ примѣромъ.

Молчаливое обожаніе „Старика“ сдѣлалось неистощимой темой, особенно для Лизунова, который говорилъ:

— Дураки отличаются отъ умныхъ людей тѣмъ, что каждый по своему съ ума сходитъ.

Про себя Лизуновъ называлъ Парасковью Ивановну пріисковой кувалдой и чортовой куклой.

V.

— Онъ пріѣхалъ!..

Это случилось ночью, когда весь пріискъ спалъ. Штейгеръ Лука, страдавшій старческой безсонницей, первый услыхалъ лошадиный топотъ и сразу опредѣлилъ опытнымъ ухомъ:

— Три конника ѣдутъ, баринъ...

— Какъ три? — испугался „Старикъ“: — Лизуновъ уѣхалъ только съ однимъ обережнымъ...

— Уѣхалъ вдвоемъ, а выворотился втроемъ.

Кто могъ быть этотъ третій? Въ душу „Старика“ закралось тайное предчувствіе чего-то нехорошаго, но въ контору онъ не пошелъ. Утромъ все объяснится. Однако, всю ночь онъ спалъ очень плохо и видѣлъ во снѣ какую то невообразимую чепуху.

Утромъ Лука замѣтилъ:

— Коней-то было три, а голосовъ четыре... Четвертый-то какъ будто не по-нашему лопочетъ. Прахъ его разберетъ...

„Старикъ“ умылся, одѣлся и отправился въ контору съ тайнымъ предчувствіемъ чего-то дурного... На „верандѣ“ вся компанія уже

расположилась вокругъ чайнаго стола. Когда онъ подходилъ, раздался громкій крикъ:

— Дурракъ!.. Дурракъ...

Всѣ разомъ захохотали, особенно Парасковья Ивановна. „Старикъ“ остановился въ смущеніи и только теперь замѣтилъ большую мѣдную клѣтку съ попугаемъ. Это былъ сюрпризъ Лизунова Парасковьѣ Ивановнѣ, которая всю жизнь мечтала о говорящемъ попугаѣ. Парасковья Ивановна сіяла.

Лизуновъ, плотный мужчина съ окладистой русой бородкой и веселыми голубыми глазами, привѣтствовалъ „Старика“ съ снисходительной фамильярностью:

— Ну, здравствуй, старина. На попку ты не сердись... Птица все-таки умная. А вотъ я еще компаньона привезъ: прошу любить и жаловать... Ѳедоръ Матвѣичъ Пржчъ.

Раздался опять общій хохотъ. Парасковью Ивановну начали душить слезы. Изъ-за стола поднялся господинъ съ лихо закрученными усами, стриженный подъ гребенку и одѣтый въ канаусовую шелковую рубашку и бархатную поддевку.

— Это я,—коротко объяснилъ онъ, протягивая руку.—Моя фамилія, дѣйствительно, немного странная для непривычнаго русскаго уха, но я—сербъ и ничего не могу подѣлать. Можно произносить такъ: Пржичъ. Это все равно...

„Старикъ“ въ это время сосчиталъ присутствующихъ и окончательно смутился: получалась роковая для него цыфра шесть. Эта цыфра положительно преслѣдовала его...

— Я съ нимъ случайно познакомился,—объяснялъ Лизуновъ, прихлебывая чай изъ своего стакана, — и просто ахнулъ, когда узналъ фамилію. Да, вѣдь, такого человѣка до самой Москвы не сыщешь, а намъ въ самый разъ... Онъ, братъ, дока по части двойной итальянской бухгалтеріи. Ты вотъ все на Ефима Иваныча нападалъ за счета, ну, теперь мы все дѣло поведемъ на чистоту. Вообще надо сосчитаться. Короче счеты—дальше дружба...

— Что же я... я ничего не имѣю противъ,—виновато бормоталъ „Старикъ“.—Я очень радъ...

„Старикъ“ понялъ только одно, что этотъ Пржчъ и былъ тотъ самый таинственный *онъ*, о которомъ говорила Парасковья Ивановна. Она была предупреждена Лизуновымъ съ какой-то „оказіей“. Затѣмъ „Старикъ“ понялъ, что Егору Егорычу дана была уже чистая отставка, и дѣвичье сердце Парасковьи Ивановны билось теперь для этого сомнительнаго сербскаго человѣка. Очевидно, Лизуновъ для этой цѣли его и привезъ. Онъ не могъ жить,

чтобы не выкинуть какой-нибудь замысловатой штуки. Егоръ Егорычъ сидѣлъ темнѣе тучи,—еще разъ онъ долженъ былъ пострадать отъ женщины. О, несправедливая судьба! о, неумолимый жребій!..

Чай прошелъ очень весело. Лизуновъ привезъ два новыхъ анекдота, которые разсказалъ еще разъ для „Старика“. Всѣ опять смѣялись, а Пржчъ игралъ золотой цѣпочкой и внимательно наблюдалъ. „Старикъ“ смотрѣлъ въ свой стаканъ, какъ приговоренный къ какому-то наказанію.

— Да, чуть не забылъ...—спохватился Лизуновъ:—золото я сдалъ, получилъ за него ассигновки, а за нихъ деньги. Пришлось немного потерять на коммиссіи, ну, да ничего не подѣлаешь. Вотъ Пржчъ все разберетъ... Онъ на этихъ дѣлахъ собаку съѣлъ. Ты ничего не имѣешь, конечно, что я купилъ попугая на компанейскій счетъ?

— Рѣшительно ничего...

— И еще привезъ два олеандра и банку варенья. Ты согласенъ?

— Очень...

— Ну, вотъ... я былъ увѣренъ. Вѣдь Парасковья Ивановна у насъ одна, а наша обязанность услаждать ея жизнь въ этой трущобѣ.

— Я васъ совсѣмъ не просила дѣлать сюрпризы...—жеманно отвѣтила Парасковья Ивановна.

За завтракомъ „Старикъ“ былъ свидѣтелемъ очень интересной сцены, которую понялъ только потомъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ была Парасковья Ивановна. Она, очевидно, старалась показать себя съ самой лучшей стороны передъ новымъ человѣкомъ и завела горячій споръ.

— Я раздѣляю людей на двѣ половины,—ораторствовала она,—одни эксплуатируютъ, а другіе, которыхъ эксплуатируютъ. Такъ было всегда и, вѣроятно, будетъ...

— Вы ужъ очень мрачно смотрите на жизнь,—сказалъ Пржчъ съ мягкостью большого человѣка, который говоритъ съ ребенкомъ:—Да... Наконецъ, эксплуататора всегда можно ограничить.

— По-моему, все надо на чистоту! —вступился Ефимъ Иванычъ.—А иначе на англійскую набережную кули таскать.

— Я говорю, вообще, о человѣческой природѣ, господа,—объяснила свою мысль Парасковья Ивановна: —отдѣльные факты рѣшительно ничего не доказываютъ... Вы встрѣтили на улицѣ хромого—что это доказываетъ? Это не значитъ, конечно, что всѣ должны быть хромыми, а только то, что существуютъ уроды.

Весь споръ сводился на эксплуатацію кѣмъ-то и кого-то. Егоръ Егорычъ мрачно смотрѣлъ на „Старика“ и съ ожесточеніемъ жегъ одну папиросу за другой. Время отъ времени и другіе тоже поглядывали на „Старика“, но онъ ничего не понималъ, больше—онъ рѣшительно не желалъ ничего понимать. Его безсовѣстность начинала возмущать Парасковью Ивановну въ окончательный формѣ.

— По моему, просто есть нравственные уроды, какъ и физическіе,—подчеркивая слова, замѣтила она:—они утрачиваютъ даже способность стыдиться...

За обѣдомъ обсуждалась тоже тема объ эксплуатаціи, эксплуататорахъ и эксплуатируемыхъ, и „Старикъ“ опять притворился ничего не понимающимъ. Это было возмутительно до послѣдней степени.

Вечеромъ, впрочемъ, все разъяснилось.

Послѣ ужина Лизуновъ отправился провожать „Старика“ до его землянки. Ночь была великолѣпная, и впечатлѣніе портилось только стонами неугомоннаго горюна, который нынче насвистывалъ даже ночью. Лизуновъ взялъ „Старика“ подъ руку и, шагая рядомъ, говорилъ самымъ задушевнымъ тономъ:

— Ты знаешь, „Старикъ“, какъ я тебя люблю? Никто не желаетъ тебѣ добра столько, какъ я... Согласенъ?

— Да...

— Тебѣ повезло дикое счастье... да? Такъ... но это еще не значитъ, что ты долженъ эксплуатировать своихъ друзей.

— Я?!. Эксплуатировать?!..

— Да, эксплуатировать. Ты знаешь, что я человѣкъ откровенный и говорю прямо. Всѣ возмущены противъ тебя, а всѣхъ больше Парасковья Ивановна. Мнѣ большого труда стоило уговорить ее остаться здѣсь, т.-е. на „Шестомъ номерѣ“.

— И она противъ меня?!

— Она-то и есть главная... ну, какъ это сказать? Главный твой врагъ... т.-е. не врагъ, а недовольная. Я тебѣ говорю все это только по дружбѣ... Понимаешь? Между нами, какъ говорятъ французы. А потомъ, какое мое положеніе? Я ихъ всѣхъ пригласилъ въ компанію, и вдругъ... Вообще, ты меня поставилъ въ самое невозможное положеніе.

— Что же мнѣ дѣлать?—взмолился „Старикъ“:—вѣдь я никому не дѣлалъ зла... я не хотѣлъ... а Парасковья Ивановна просто несправедлива ко мнѣ.

— Ну, ты совсѣмъ не знаешь женщинъ, а всѣ женщины,

братецъ, одинаковы. Онѣ созданы несправедливыми... Вообще, не стоитъ говорить. Да... Такъ вотъ я—ты знаешь, какъ я люблю тебя—и привезъ этого Пржча. Пусть онъ всѣхъ насъ разсудитъ...

— Позволь, почему же именно онъ, а не кто-нибудь другой? Вѣдь онъ совсѣмъ чужой человѣкъ...

— Вотъ это-то и важно, что онъ совсѣмъ чужой, а это значитъ, что онъ будетъ совершенно безпристрастенъ. Понялъ?

— Что же, вы хотите судить меня?

— Не судить, а только разобрать всѣ дѣла. Путаница понятно выходитъ, а для компаніи это смерть... понимаешь? У него только фамилія сербская, а самъ онъ настоящій русакъ. Водку такъ и хлещетъ... Даже закуски никакой не признаетъ. Вотъ какой, братъ, человѣкъ... Слабоватъ на счетъ бабъ, ну, да это насъ не касается. Пусть за Парасковьей Ивановной ухаживаетъ... Ха-ха!.. Она давеча за обѣдомъ чуть шею себѣ не вывихнула—все заглядывала на него.

„Старикъ“ нахмурился. Его охватило въ первый разъ нехорошее ревнивое чувство. Положимъ, Егоръ Егорычъ пользовался всегда нѣкоторыми преимуществами, но къ этому „Старикъ“ уже привыкъ и помирился до извѣстной степени, а тутъ совсѣмъ другое. „Старикъ“ возненавидѣлъ проклятаго сербскаго человѣка...

VI.

Съ появленіемъ Пржча положеніе „Старика“ сдѣлалось совершенно невыносимымъ. То, о чемъ раньше могъ только догадываться, теперь сдѣлалось фактомъ. Еслибы фальшивая монета могла чувствовать свое фальшивое положеніе, вѣроятно, она испытывала бы то же самое, съ той разницей, что она не могла бы любить Парасковьи Ивановны и ревновать ее къ проклятому сербскому человѣку.

А компаньоны продолжали что-то замышлять противъ „Старика“ и посвящали Пржча во всѣ компанейскія тайны. Когда появлялся „Старикъ“, они демонстративно умолкали и переглядывались между собой. Парасковья Ивановна непремѣнно кончала разговоръ темой объ эксплуатаціи, и „Старикъ“ начиналъ краснѣть, что было явнымъ доказательствомъ его виновности. А между тѣмъ „Старикъ“ краснѣлъ за нихъ же, за ихъ слишкомъ откровенное нахальство. Еслибы Парасковья Ивановна могла видѣть то, что дѣлалось въ душѣ „Старика“, она никогда не говорила бы объ эксплуатаціи. Къ заговору былъ пріобщенъ и штейгеръ Лука, который былъ радъ показать все, что было нужно компаньонамъ.

Онъ теперь сталъ держать себя съ „бариномъ“ свысока, какъ настоящій предатель.

— Ужо барину-то каппаньены подвяжутъ хвостъ куфтой,— размышлялъ про себя Лука:—Лизуновъ-то вотъ какъ достигаетъ...

Участь „Старика“ была рѣшена впередъ, и Лука въ качествѣ опытнаго пріисковаго дипломата старался предупреждать событія, выгораживая себя. Будетъ, послужилъ „барину“, пора и честь знать. Лука тоже началъ считать „барина“ виноватымъ во всемъ и быстро убѣждался, что это именно такъ.

Въ сущности говоря, „Старикъ“ ждалъ разрѣшенія собиравшейся надъ его головой грозы съ спокойнымъ сердцемъ, потому что чувствовалъ себя кругомъ правымъ, и ему было даже жаль неблагодарныхъ компаньоновъ, ослѣпленныхъ жадностью. Да, богатство было вотъ тутъ, въ двухъ шагахъ, и блескъ золота вызывалъ алчность, затемняя всѣ проявленія совѣсти. Въ этой азартной игрѣ онъ оказывался теперь лишнимъ, и онъ ушелъ бы съ пріиска, предоставивъ все компаньонамъ, если бы не Парасковья Ивановна. Ему хотѣлось отъ кого-то защищать ее, выговорить всѣ ласковыя слова, которыя сейчасъ мучили его, просто сказать ей, наконецъ, какой онъ простой и хорошій человѣкъ и какъ онъ любитъ ее. Про себя „Старикъ“ говорилъ необыкновенно убѣдительные монологи, какъ не умѣлъ говорить даже Егоръ Егорычъ, былъ находчивъ и остроуменъ больше Лизунова, даже смѣлъ и нахаленъ, какъ Пржчъ. Вѣдь женщины любятъ немножко нахальства, того нахальства, которое дѣйствуетъ на нихъ неотразимо. О, какъ „Старикъ“ понималъ отлично все, рѣшительно все, и когда Парасковья Ивановна была бы его, онъ объяснилъ бы ей, что по натурѣ онъ совсѣмъ не нахальный человѣкъ и что сдѣлался остроумнымъ по необходимости. Раздумавшись на эту тему, „Старикъ“ удивлялся, какъ это Парасковья Ивановна не видитъ всего того, что было скрыто въ немъ? Вѣдь онъ рѣшительно всѣхъ умнѣе, храбрѣе, остроумнѣе и, если говорить правду, то и красивѣе... Съ этой точки зрѣнія и Егоръ Егорычъ, и Лизуновъ, и Пржчъ казались „Старику“ такими маленькими, чѣмъ-то вродѣ очень смѣшныхъ насѣкомыхъ, о которыхъ не принято даже говорить изъ вѣжливости. А они еще мечтаютъ что-то такое устроить ему...

— Ты, братъ, того... не обижайся...—нѣсколько разъ успокоивалъ Лизуновъ, принимая дружескій тонъ:—твое дѣло вѣрное, и для тебя-же лучше. Чтобы не было личностей, мы пустимъ вопросъ на баллотировку... Однимъ словомъ, парламентскій способъ.

— Да я и не безпокоюсь... Дѣлайте, что хотите.

— Ну, вотъ и отлично. Я тебя всегда уважалъ, какъ порядочнаго человѣка... Ты знаешь, какъ я тебя люблю.

— О, да...

Лизуновъ даже обидѣлся, когда на его слова „Старикъ“ скептически улыбнулся. Это было еще первое проявленіе какой-то совершенно непонятной самостоятельности. Ему говорятъ серьезно, а онъ смѣется... Это хоть кого можетъ взорвать. А „Старикъ“ стоялъ и улыбался. О чемъ они такъ хлопочутъ? Еслибы они знали, какъ ему это рѣшительно все равно. Давно-ли онъ самъ мечталъ о богатствѣ, и вотъ оно почти въ рукахъ, но сколько непріятностей оно принесло ему сразу! Давно-ли онъ такъ любилъ вотъ хоть этого Лизунова и вѣрилъ ему во всемъ, а сейчасъ онъ не можетъ не видѣть, какъ Лизуновъ хитритъ съ нимъ и продаетъ его не хуже предателя Луки. Еслибы не Парасковья Ивановна, съ какимъ удовольствіемъ онъ бросилъ бы все, чтобы снова сдѣлаться перекати полемъ. Вѣдь это счастье вѣрить всѣмъ и жить такъ, какъ хочется.

Въ конторѣ, когда „Старикъ“ уходилъ послѣ вечерняго чая въ свою землянку, шли самыя оживленныя совѣщанія.

— Онъ это нарочно дѣлаетъ, чтобы досадить намъ,—объясняла Парасковья Ивановна поведеніе „Старика“:—я ему предлагала взять мои двѣ комнаты, но онъ упрямъ... По моему мнѣнію, у него на чердакѣ не совсѣмъ того...

Парасковья Ивановна въ подтвержденіе своихъ словъ вертѣла пальцемъ около своего лба, и всѣ находили это остроумнымъ.

— Меня удивляетъ одно, какъ такой человѣкъ могъ найти золото?—говорилъ Пржчъ:—положимъ, дуракамъ счастье, но все-таки...

— А вы забыли упрямство? Только изъ одного упрямства... Какой разумный человѣкъ въ состояніи былъ бы прожить здѣсь одинъ цѣлое лѣто? Это, знаете, прямо сумасшествіе...

— Очень милое сумасшествіе, за которое теперь приходится расплачиваться другимъ.

— Мы его будемъ судить судомъ Линча,—предлагалъ Ефимъ Иванычъ, припоминая какой-то романъ Эмара: — кажется, всѣ достаточно натерпѣлись отъ него...

Молчалъ, по обыкновенію, одинъ Егоръ Егорычъ, считавшій себя обиженнымъ больше другихъ. Утративъ благосклонное вниманіе Парасковьи Ивановны, онъ теперь ко всѣмъ относился съ презрѣніемъ. Развѣ это люди? Если-бы они знали, чѣмъ могъ

быть и чѣмъ долженъ былъ быть Егоръ Егорычъ... Несчастные, они даже и представленія не имѣютъ, какіе бываютъ люди. А всѣхъ отвратительнѣе была Парасковья Ивановна, проявившая способность быть только бабой.

— Что же, господа, потребуемте отъ него отчетъ по предварительнымъ расходамъ,—предлагалъ Лизуновъ: —тогда все будетъ ясно...

Это предложеніе было встрѣчено общимъ сочувствіемъ, потому что всѣ надѣялись на неаккуратность „Старика“, и Лука тоже увѣрялъ, что никакихъ счетовъ не писалось.

Нѣкоторое замѣшательство произошло только по вопросу о томъ, какъ потребовать у „Старика“ этотъ отчетъ. Ефимъ Иванычъ заявилъ откровенно:

— Что касается меня, господа, то я ни за какія коврижки къ „Старику“ за отчетомъ не пойду... Мнѣ еще жизнь дорога, а неизвѣстно, что у него на умѣ. Возьметъ да прямо въ упоръ и выстрѣлитъ... Лука видѣлъ у него револьверъ.

Это было уже смѣшно, и Лизуновъ вызвался все устроить. Онъ отправился въ землянку къ „Старику“ днемъ, вскорѣ послѣ обѣда, когда онъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть съ трубочкой у огня.

— Я къ тебѣ по дѣлу, „Старикъ“,—началъ Лизуновъ, подсаживаясь напротивъ,—предупреждаю впередъ: не обижайся.

„Старикъ“ только посмотрѣлъ на него своими усталыми глазами и пустилъ густой клубъ табачнаго дыма.

— Видишь-ли, въ чемъ дѣло... Однимъ словомъ, ты знаешь, что у меня нѣтъ ничего завѣтнаго, когда дѣло коснется тебя. Я это такъ, къ слову...

— Ну?

— Мы, т.-е. компаньоны, рѣшили, т.-е. не я, а другіе... да, рѣшили потребовать отъ тебя отчета предварительныхъ расходовъ по развѣдкамъ на „Шестомъ номерѣ“. Вѣдь эти расходы должны быть разложены на всѣхъ по ровну... Понимаешь?

— Что же, я ничего противъ этого не имѣю. У меня все записано...

— Вотъ и отлично... — забормоталъ Лизуновъ, не ожидавшій такого исхода своей дипломатической миссіи:—да, отлично... ты знаешь вообще, какъ я...

„Старикъ“ ушелъ къ себѣ въ землянку, долго гдѣ-то рылся, что-то бормоталъ себѣ подъ носъ и, наконецъ, вынесъ толстую приходо-расходную книгу въ очень подержанномъ переплетѣ.

— Вотъ...—коротко объяснилъ онъ:—тутъ все есть. Всѣ мои оправдательные документы...

— Прекрасно. Я всегда былъ въ тебѣ увѣренъ, т.-е. въ твоей аккуратности. Позволь-ка, я посмотрю...

„Старикъ“ передалъ книгу, а потомъ схватилъ ее и потянулъ назадъ.

— Видишь-ли... гмъ...—бормоталъ онъ смущенно:—эту книгу я никому не могу дать...

— Вотъ тебѣ разъ!..

— Да ужъ такъ... кромѣ расходовъ у меня тутъ занесены кое-какія замѣтки совершенно личнаго характера. Я могу только самъ прочитать, т.-е. запись расходовъ.

— Гм... Знаешь, это немного странный способъ отсчитываться. Вѣдь эта книга—оффиціальный документъ, слѣдовательно, она принадлежитъ уже не тебѣ одному, а всей компаніи.

VII.

„Старикъ“ проявилъ невѣроятное упорство по поводу расходной книги, и потребовалось дѣятельное вмѣшательство самой Парасковьи Ивановны, чтобы ее отнять. Парасковья Ивановна, именно, отняла—пришла въ землянку и отняла, не смотря на общественное мнѣніе, относившееся къ такимъ визитамъ неопытной дѣвушки въ берлогу стараго холостяка не совсѣмъ одобрительно. Все дѣло, конечно, заключалось въ ненасытномъ женскомъ любопытствѣ. Что такое могъ написать „Старикъ“ въ этой таинственной книгѣ?

— Сдѣлайте это для меня, „Старикъ“,—съ предательской ласковостью уговаривала Парасковья Ивановна — она въ послѣднее время для большей язвительности говорила „Старику“ „вы“.— Понимаете, для меня?

— Я не знаю... право... замялся растерявшійся „Старикъ“.— Это я для себя писалъ...

— Тѣмъ интереснѣе... Ну, не упрямьтесь, голубчикъ!.. Вѣдь это вамъ рѣшительно ничего не стоитъ...

Парасковья Ивановна заискивающе улыбнулась, а эта улыбка окончательно погубила „Старика“, какъ отравленная смертельнымъ ядомъ стрѣла.

Такимъ образомъ, таинственная книга очутилась въ конторѣ. Составилось что-то въ родѣ военнаго совѣта. Лизуновъ перелистывалъ книгу и пожималъ плечами.

— Это какой-то романъ, господа...—заявилъ онъ наконецъ съ недоумѣніемъ.—Т.-е. дневникъ... Кто будетъ читать, да и читать-ли? Говоря между нами, тутъ, вѣроятно, напорота страшная чушь.

— Читать! читать!.. Это лучшій документъ для нашихъ цѣлей...

По писанному всѣ читали съ трудомъ, и дѣло было предоставлено Егору Егорычу на томъ основаніи, что онъ когда-то былъ актеромъ и даже игралъ на гитарѣ.

Всѣ приготовились слушать. Егоръ Егорычъ развернулъ книгу, разгладилъ измятый листъ ладонью, откашлялся и спросилъ:

— Такъ читать, господа?

— Читать, читать...

Водворилось молчаніе. Егоръ Егорычъ еще разъ откашлялся и началъ.

„16 іюня 1892 года, вершина р. Полуденки. Бываютъ, положительно, роковыя цифры, какой для меня является *шесть*. Судите сами... Родился я въ 1856 году (самая непоправимая ошибка въ моей жизни), сейчасъ я имѣю отъ роду ровно 36 лѣтъ, выгнанъ я изъ шестаго класса гимназіи, ровно шесть разъ поступалъ на службу и ровно шесть разъ ее бросалъ и, наконецъ, сегодня, 16 іюня я пишу эти строки въ землянкѣ, на собственномъ золотомъ пріискѣ, который носитъ роковое для меня названіе „Шестой номеръ“ и за который я заплатилъ 616 руб. на казенныхъ торгахъ...

— Позвольте... остановилъ Пржчъ, вооружаясь карандашемъ:— 616 р.? Такъ и запишемъ... Продолжайте.

„Да, я началъ свой дневникъ, потому что испытываю непреодолимую потребность излить свои мысли и чувства... Какое ужасное слово: нѣтъ людей! Я сейчасъ пишу на крышкѣ своего походнаго чемодана, при свѣтѣ сальнаго огарка, вставленнаго въ горлышко бутылки изъ-подъ водки—и это послѣдніе признаки покинутой мной цивилизаціи. Мои мысли немного путаются, и я не могу изложить ихъ вполнѣ послѣдовательно. Дѣло въ томъ, что нельзя требовать отъ человѣка душевнаго равновѣсія, когда, вотъ уже третью недѣлю безостановочно льетъ дождь, упорный, безпощадный, нахальный, уничтожающій, безконечный, проклятый дождь!.. Я чувствую, какъ понемногу превращаюсь въ слизняка, въ улитку, въ устрицу, а моя землянка только раковина, и очень скверная раковина. Я начинаю думать, что г. дождь идетъ спеціально для меня, чтобы размыть до основанія всѣ мои разсчеты, соображенія, смѣты и надежды. (Въ публикѣ движеніе. „Кажется, онъ хочетъ поставить намъ въ счетъ этотъ дождь?“ шепчетъ кто-то). Но и это еще не все. Когда моя партія только-что привалила на „Шестой номеръ“, и едва мы успѣли развести первый огонекъ, какъ послышался свистъ, однообразный, методичный, какъ капли падающей воды. Что это такое?

„— А это птица, Николай Сергѣичъ, — объяснилъ мнѣ мой штейгеръ Лука—кстати, преестественный плутъ.—Такъ она и прозывается: горюнъ. Какъ зарядитъ насвистывать—конца не будетъ“.

„И теперь эта адская пытка продолжается уже цѣлый мѣсяцъ. Свистъ начинается съ ранняго утра и продолжается даже послѣ заката солнца. Можно сойти съ ума отъ этой проклятой птицы... Сколько разъ я ходилъ за ней съ ружьемъ, чтобы застрѣлить и ничего не могъ подѣлать. Обѣщалъ рабочимъ три рубля, если ее убьютъ, и это не помогло. Потеряно только нѣсколько рабочихъ дней, а горюнъ продолжаетъ посвистывать. Какое нужно имѣть проклятое горло, чтобы свистать цѣлый мѣсяцъ безъ передышки! Даже мои рабочіе приходятъ въ ярость и начинаютъ продѣлывать цѣлый рядъ совершенно безцѣльныхъ штукъ—бросаютъ камнями въ то дерево, съ котораго раздается свистъ, бьютъ обухомъ по древеснымъ стволамъ, стрѣляютъ изъ моего ружья и т. д.“ Господа, на полѣ отмѣтка: куплено два фунта пороха.

— Такъ и запишемъ: на горюна потрачено два фунта пороха и нѣсколько рабочихъ дней,—считалъ Пржчъ.—Вѣдь за все мы должны расплачиваться...

„26. Дождь переставалъ дней на пять, но въ это время рабочимъ приходилось отливать воду изъ старыхъ шурфовъ. Вода, вообще, одолѣваетъ меня и подступала къ самой землянкѣ, такъ что я даже подозрѣвалъ, не начало-ли это второго потопа. Кстати, о рабочихъ... Ихъ шестеро, т.-е. восемь, но двое получили задатокъ и бѣжали. Одного изъ этихъ каналій пришлось одѣть съ ногъ до головы. Что дѣлать, люди отличаются неблагодарностью. Изъ оставшихся на лицо на первомъ планѣ стоитъ Лука, большой плутъ, затѣмъ какой-то дьячокъ бродяга, башкиръ Ахметъ, отставной фотографъ и еще двое очень подозрительныхъ субъектовъ“.

„Сегодня утромъ меня будитъ Лука и говоритъ виноватымъ тономъ:

„— Николай Сергѣичъ, а, вѣдь, у насъ солонина-то того“...

„— Что: того“?

„— Значитъ, мы ее въ яму закопали въ лѣсу, чтобы не портилась. Ну, сегодня, пошелъ плепорцію взять на варево, а яма разрыта... Значитъ, медвѣдь всю ее и слопалъ, нашу солонину“.

„— Пять пудовъ?!“

„Всѣ до чиста слопалъ... Какъ его только не разорвало!“

„Это былъ жестокій ударъ для моего хозяйства. Нужно было посылать рабочаго за шестьдесятъ верстъ, а онъ проѣздилъ цѣлую недѣлю. Но одна бѣда не приходитъ. Исчезло цѣлое ведро

водки. Конечно, свалить эту пропажу на медвѣдя было неудобно, и рабочіе чистосердечно признались, что не утерпѣли и со скуки потихоньку выпили все ведро".

„Себѣ же хуже сдѣлали,—говорю я, стараясь сохранить спокойствіе.—Водка вѣдь для васъ была куплена, но выпили бы ее въ свое время, а теперь все равно, что за окно ее вылили"...

„— Это вы правильно, Николай Сергѣичъ... А только и то сказать—тоска на этомъ „Шестомъ номерѣ". Смертынька... Одинъ горюнъ всю душеньку вымоталъ".

„Рабочіе ожидали, что я буду ругаться, топать ногами и, вообще, неистовствовать, поэтому нѣсколько смущались. а когда ничего подобнаго не случилось, они отнеслись къ факту совершенно равнодушно. Я не замѣтилъ даже тѣни раскаянія или мученій совѣсти. Мало этого, я въ ихъ глазахъ уронилъ свой хозяйскій авторитетъ процентовъ на двадцать... Вообще, я теперь поневолѣ занимаюсь самыми тонкими наблюденіями надъ пріисковыми рабочими и прихожу къ очень печальнымъ заключеніямъ. Пріисковые рабочіе, положимъ, даже по контракту не обязаны быть праведниками („Какая счастливая мысль!" замѣтилъ Ефимъ Иванычъ), но ихъ нравственный уровень нисколько не выше, чѣмъ у медвѣдя, съѣвшаго мою солонину. Какъ мнѣ казалось, совѣстнѣе другихъ былъ Лука, бывшій севастопольскій ратникъ, и я постепенно пробовалъ приводить его къ сознанію, что пить чужую водку, вообще, не хорошо, а выпить ее въ такомъ количествѣ даже вредно для здоровья".

„— Да, вѣдь, мы ее росчали еще дорогой, Николай Сергѣичъ,— отвѣтилъ Лука въ свое оправданіе:—дьячокъ укладывался, онъ ее первый и унюхалъ".

„— И никто изъ васъ не подумалъ, что это не хорошо? продолжалъ я.—Если бы я, напримѣръ, укралъ у тебя сапоги и пропилъ ихъ"...

„Понятіе воровства и выпивка чужой водки никакъ не укладываются въ головѣ Луки вмѣстѣ. До этого роковаго пункта онъ понимаетъ все отлично, а тутъ дѣлаетъ глупое лицо и какъ-то особенно безнадежно моргаетъ глазами. Единственное и самое лучшее, что можно и что слѣдовало сдѣлать—это прогнать всѣхъ съ пріиска въ шею и нанять другихъ рабочихъ, но, во-первыхъ, подобная резолюція стоила бы недѣли три дорогого лѣтняго рабочаго времени, а во-вторыхъ—всѣ пріисковые рабочіе, какъ откровенно объяснилъ Лука, „всѣ на одну колодку, перо въ перо". Положеніе довольно безнадежное"...

— Господа, необходимо подвести счетъ,—предлагаетъ Пржчъ, дѣлая отмѣтки карандашемъ. — Во-первыхъ, черная неблагодарность двухъ убѣжавшихъ рабочихъ... легкій завтракъ медвѣдя, съѣвшаго пять пудовъ нашей солонины... ведро водки, расчатое любопытнымъ дьячкомъ... Вообще, получаются спеціальныя графы, по которымъ придется разносить эти предварительные расходы.

Всѣ хохотали до слезъ, и каждый изощрялъ остроуміе въ свою долю.

— Нужно прибавить еще безнравственность Луки, господа...

Собственно запись расходовъ была занесена на поляхъ и приходилось дѣлать выборки по датамъ дневника. Это была самая оригинальная приходо-расходная книга, когда-либо существовавшая.

VIII.

Чтеніе дневника продолжалось и на слѣдующій день. Это было лучшимъ развлеченіемъ среди прінсковой скуки. Читалъ опять Егоръ Егорычъ. Даже онъ на время потерялъ свой обиженный видъ.

— Господа, вниманіе...

„Августа 6. Странно, что когда я бралъ пріискъ въ аренду, не было даже мысли о самомъ ближайшемъ, т. е. о помѣщеніи. Воображеніе рисовало картину во вкусѣ Майнъ-Рида; и себя самого я представлялъ чѣмъ-то въ родѣ Робинзона. Говорили, что на „Шестомъ номерѣ“ есть что-то, и это „что-то“ оказалось полуразвалившейся землянкой. Но какъ-нибудь можно перебиться до осени, а развѣдки сдѣлать необходимо. Въ двухъ шурфахъ оказались порядочные „знаки золота“. Бѣда въ томъ, что рядомъ было совершенно пусто. Это меня серьезно огорчаетъ.“

„Въ горахъ завсегда такъ, Николай Сергѣичъ,—успокоиваетъ меня Лука въ качествѣ спеціалиста:—рѣчонка крутая, ну, золото и подбилось гнѣздами...“

„— Этакъ и правильныя работы нельзя будетъ поставить“.

„— А отчего нельзя? Можно натакаться на огромадное гнѣздо, вотъ все и окупится сразу.“

„— Гм... да... Конечно, бываютъ случаи.“

„— Все отъ того, Николай Сергѣичъ, у кого какое счастье... На одномъ мѣстѣ могутъ пять человѣкъ разориться, а шестой разбогатѣетъ.“

„— Шестой?“

„— Кому, говорится, счастье“...

„А если я именно этотъ *шестой*? У меня даже является что-то въ родѣ надежды. Впрочемъ, молчаніе... Настоящіе игроки

никогда не смотрятъ своихъ картъ, пока не сдана вся колода. Будемъ ждать и терпѣть. Вчера нашу землянку чуть не залило водой, которая просочилась гдѣ-то въ стѣнѣ. Положеніе становится проклятымъ. Рабочіе ропщутъ, и я начинаю ждать открытаго возстанія моихъ вѣрныхъ подданныхъ. Въ общемъ скверно. Впрочемъ, погода, повидимому, желаетъ исправиться. Было уже два солнечныхъ дня!"

„12 августа. Ура! Солнце... Запоздавшее солнце, но все-таки солнце. Вѣдь все лѣто было отчаянно дождливое, а тутъ и свѣтъ, и тепло. Рабочіе замѣтно пріободрились. Но въ самый разгаръ работы неожиданный сюрпризъ. Сегодня утромъ приходитъ Лука, по обыкновенію нѣсколько времени мнется, а потомъ говоритъ залпомъ:

„— Николай Сергѣичъ, а вѣдь хлѣба-то у насъ нѣтъ."

„— Какъ нѣтъ?"

„— Да ужъ такъ: весь съѣли."

„— Что же ты раньше ничего не говорилъ, Лука?"

„— А што говорить, когда онъ былъ. На завтра еще хватитъ. Надо будетъ дьячка послать, потому какъ у него лошадь. Онъ живой рукой обернется. Ужъ дьячокъ обыщетъ... Тутъ гдѣ-то есть деревнюшка, верстахъ въ пятидесяти."

„— А что мы будемъ дѣлать, пока онъ ѣздитъ?"

„— Поголодаемъ малость. У воды безъ хлѣба пока еще не сживали".

„Дьячокъ получилъ пять рублей на хлѣбъ и отправился въ экспедицію. Мы его провожали самыми трогательными совѣтами.

„— Ужъ я постараюсь,—говорилъ онъ съ какимъ-то самодовольствомъ.—Ужъ будьте спокойны. Изъ земли добуду."

„— Водки, главное, не касайся,—совѣтовалъ Лука."

„Августа 10. Увы! мы голодаемъ уже третьи сутки. Настоящій форменный голодъ. Чтобы обмануть желудокъ, пьемъ горячій настой изъ шалфея и ѣдимъ грибы. Лука добываетъ въ лѣсу луковицы горной саранки, и мы дѣлаемъ изъ нея похлебку. Положеніе становится безвыходнымъ. Ходилъ на охоту, но ничего не убилъ. Голодные рабочіе мрачно отмалчиваются. Заставлять работать голодныхъ людей несправедливо, и они ровно ничего не дѣлаютъ. Конечно, во всемъ виноватъ Лука, не предупредившій во время. Сегодня онъ, впрочемъ, понесъ достойное наказаніе. У насъ было двѣ лошади. Дьячокъ уѣхалъ на своей (есть подозрѣніе, что онъ совсѣмъ не вернется), оставалась лошадь Луки. И вдругъ — представьте ужасъ нашего положенія: эту вторую

лошадь, представлявшую для насъ и желѣзную дорогу, и пароходъ, сегодня задралъ медвѣдь. Мы отрѣзаны отъ всего остального міра. Лука въ полномъ отчаяніи.“

„— Ежели бы двѣ лошади ходили вмѣстѣ, такъ медвѣдю не скрасть бы ни въ жисть,—увѣряетъ онъ.—Которая-нибудь да учуяла бы. А все изъ-за васъ, Николай Сергѣичъ!“

„— Вотъ тебѣ разъ!..“

„— А ужъ такъ. Вѣдь вы послали дьячка за хлѣбомъ.“

„Это меня взорвало, какъ верхъ всякой несправедливости. Я виноватъ. Можетъ быть, я же виноватъ, что рабочіе выпили мою водку, что шелъ цѣлое лѣто дождь, что стоналъ горюнъ? Нѣтъ, это невозможно! Я начинаю терять терпѣніе. А голодъ начинаетъ всѣхъ донимать, и я приписываю несправедливость Луки именно голоду. Голодный человѣкъ не можетъ быть справедливымъ. („Какая вѣрная мысль!“—замѣчаетъ Ефимъ Иванычъ, любившій покушать). Я впадаю въ философію и начинаю понимать, что именно только голодные люди могли дойти до философскихъ обобщеній. Больше ничего не остается дѣлать голодному человѣку, какъ только обобщать, анализировать, размышлять и углубляться въ корень вещей. Есть даже цѣлыя націи—философы, какъ мой башкиръ Ахметъ. Этотъ милый субъектъ лежитъ совершенно неподвижно по цѣлымъ днямъ, очевидно стараясь не расходовать послѣдняго запаса энергіи, и я какъ-то поставилъ это на видъ упавшему духомъ Лукѣ. Но оказалось, что подкладка этой башкирской философіи совсѣмъ другая.

„— Хорошо ему лежать, идолу!—выругался Лука.—Онъ вотъ лежитъ, лежитъ такимъ манеромъ, а потомъ пойдетъ потихоньку, отрѣжетъ кусище отъ моей задранной лошади, поджаритъ на угольках и слопаетъ. Ну, вотъ и лежитъ... Тьфу!“

„Но на четвертый день Ахметъ не вытерпѣлъ и заявилъ мнѣ въ самой категорической формѣ:

„— Твой дьячка кунчалъ... Ахметъ домой гулялъ... разсчетъ.

„Получилъ разсчетъ и ушелъ. Это очень скверный примѣръ для другихъ. Остающіеся двое рабочихъ смотрятъ на меня такими голодными глазами, и я начинаю серьезно ихъ побаиваться. Ложусь спать съ заряженнымъ ружьемъ, хотя и сознаю полную безполезность такой предосторожности.

„Августа 14. День отчаянія... день позорнаго отступленія. Бываютъ же такіе проклятые дни! Сегодня ночью мои мрачные сотрудники бѣжали, захвативъ на память мое ружье и чемоданчикъ. У меня отъ голода дѣлаются спазмы въ желудкѣ, и го-

лова начинаетъ кружиться. Лука сохраняетъ удивительную ясность духа и для нравственнаго ободренія вспоминаетъ разные случаи изъ своей севастопольской жизни. Утромъ, когда убѣжали рабочіе, Лука долго молчалъ и только встряхивалъ головой, точно отгонялъ муху. Наконецъ, онъ проговорилъ:

„— А знаеге, Николай Сергѣичъ, отъ чего вся наша причина вышла?“

„— Отчего?“

„— И даже весьма все это дѣло просто, ежели разобрать. Бабы у насъ на пріискѣ не было—вотъ и вся причина. Она, эта самая баба, развѣ бы стравила медвѣдю солонину? Ни, Боже мой, ни въ жисть... Тоже и касаемо водки ухранила бы въ лучшемъ видѣ. Никому бы понюхать не дала... А ужъ ежели на счетъ хлѣба, такъ мы бы еще двѣ недѣли сыты были. Однимъ словомъ, все отъ бабы вышло...“

„Вопросъ о бабѣ поднимался еще при наймѣ рабочихъ, но ни одна „стряпка“ не пожелала забираться съ незнакомой артелью въ такую трущобу, какъ „Шестой номеръ“. На промыслахъ вообще баба знаетъ себѣ цѣну и давно разрѣшила свой женскій вопросъ. Какъ мнѣ кажется, Лука былъ правъ... Отсутствіе женщины даже въ такой примитивной формѣ, какъ промысловая стряпка, чувствуется на каждомъ шагу. Но теперь было уже все кончено, и женскій вопросъ для „Шестого номера“ остался открытымъ“.

„И такъ, день позорнаго отступленія... Золото было найдено и хорошее золото, судя по знакамъ, и оставалось только его реализировать, что составляетъ вопросъ будущаго. Когда мы съ Лукой уходили съ пріиска, сопровождаемые насвистываньемъ горюна, мнѣ показалось, что въ сторонѣ мелькнула неуклюжая медвѣжья тѣнь. Можетъ быть, онъ провожалъ насъ насмѣшливымъ взглядомъ и облизывался, вспоминая съѣденную солонину.“

Этимъ заканчивался дневникъ „Старика“. Слушатели нѣсколько времени молчали, не зная, что говорить. Но изъ этого затрудненія вывелъ всѣхъ Пржчъ.

— Что же, господа, къ предъидущему добавимъ бѣжавшаго съ пятью рублями дьячка...

— Задранную медвѣдемъ лошадь Луки...

— А тѣнь неудавшейся пріисковой бабы? Куда мы ее помѣстимъ? Такой и графы не придумаешь... Ахъ, „Старикъ“, „Старикъ“!.. Кого угодно насмѣшитъ...

— Однимъ словомъ, комикъ!.. И, вѣдь, какъ гладко пишетъ...

— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже совсѣмъ трогательно,—при-

бавила отъ себя Парасковья Ивановна, дѣлая томные глаза. — У него положительно есть сердце...

— Сердце при немъ и останется, а намъ вотъ нужно будетъ серьезно все подсчитать, господа.

— Да, да, подсчитать. Намъ его не нужно, и своего мы не желаемъ отдавать...

IX.

„Старикъ“ относился почти безучастно ко всему, что сейчасъ дѣлалось на пріискѣ. Онъ зналъ о замыслахъ своихъ компаньоновъ и оставался спокойнымъ. Правда, у него по временамъ являлась такая мысль: а что, если въ одно прекрасное утро взять и выгнать всѣхъ этихъ негодяевъ? Вѣдь пріискъ его, и они не внесли рѣшительно ничего въ общее дѣло. Ему рисовалась даже самая картина того эффекта, который произвело бы всего одно его слово:

— Вонъ, гг. негодяи!..

Письменнаго договора не существовало, слѣдовательно, всѣ права были на его сторонѣ. О, съ какимъ бы позоромъ они ушли съ „Шестого номера“, призывая на его голову всевозможныя проклятія. Это было бы только заслуженной карой за ихъ коварство. Но, съ другой стороны, ему рисовалась картина иного характера: вмѣстѣ съ компаньонами съ пріиска уйдетъ и Парасковья Ивановна. Воображеніе „Старика“ отказывалось работать дальше, за этой роковой гранью. Онъ теперь уже не могъ представить собственнаго существованія безъ Парасковьи Ивановны. Положимъ, что она оказывала до сихъ поръ явное предпочтеніе другимъ—сначала Егору Егорычу, а потомъ Пржчу, но кто не знаетъ, какъ сердце женщины измѣнчиво, слѣдовательно, могъ быть и третій счастливецъ... La donna emobile, какъ говоритъ Лизуновъ. Вѣдь все могло быть... У „Старика“ оставалась еще надежда, что Парасковья Ивановна когда-нибудь оцѣнитъ его и поймете. А еслибы онъ выгналъ ее съ пріиска, то все было бы кончено, и впереди не оставалось бы никакой надежды. Женщины не умѣютъ прощать подобныхъ оскорбленій, а у Парасковьи Ивановны былъ такой рѣшительный характеръ.

Вопросъ о соперникахъ серьезно занималъ „Старика“, и онъ даже не спалъ по ночамъ, раздумывая на эту тему. Ему рисовался цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ картинъ. Центромъ являлся вездѣ онъ. Напримѣръ, такая комбинація. Онъ намѣренно говоритъ Пржчу дерзости и вызываетъ его на дуэль. Все равно, одинъ долженъ исчезнуть, потому что двоимъ оставаться нельзя. Вотъ онъ, „Старикъ“ уже стоитъ на своемъ пунктѣ, а въ двадцати шагахъ Пржчъ... Онъ

цѣлится прямо ему въ грудь, а Пржчъ паводитъ дуло своего револьвера прямо ему въ лобъ. Лизуновъ, въ качествѣ секунданта, отдаетъ команду: разъ... два... три... Разомъ грянули два выстрѣла, а въ результатѣ Пржчъ, смертельно раненый, падаетъ на траву. „Старикъ“ видитъ, какъ онъ хватается за простр'ѣленную грудь, видитъ это мертвенно блѣдное лицо, остановившіеся отъ испуга глаза и не чувствуетъ даже жалости. Или другой примѣръ: Пржчъ не принимаетъ вызова и, мало этого, оскорбляетъ „Старика“ въ присутствіи Парасковьи Ивановны. Тогда онъ выхватываетъ револьверъ, Парасковья Ивановна падаетъ въ обморокъ... на одно мгновеніе все застилается дымомъ выстрѣла... кто-то бѣжитъ... Слышится испуганный голосъ Лизунова:

— „Старикъ“, что ты надѣлалъ? Ты знаешь, какъ я тебя люблю...

— Нѣтъ, вы не знали, господа, какой я человѣкъ. Вы думали, что я умѣю только молчать... О, вы совсѣмъ меня не понимали! Довольно, господа... Я слишкомъ много терпѣлъ отъ васъ.

Всѣ подавлены, всѣ перепуганы, Парасковья Ивановна успѣваетъ оправиться отъ своего обморока и смотритъ на „Старика“ испуганными глазами. Да, женщины любятъ только того мужчину, котораго боятся. Страхъ и уваженіе для нихъ синонимы.

Общія размышленія о компаньонахъ тоже были невеселаго характера. Прежде всего, вѣдь, онъ, „Старикъ“, желалъ имъ всѣмъ только добра и охотно дѣлился свалившимся съ неба богатствомъ, а они ведутъ дѣло къ тому, чтобы окончательно вышвырнуть его изъ дѣла и, мало этого, открыто обвиняютъ его въ эксплуататорствѣ. Откуда могло явиться это злобное отношеніе именно къ нему, къ человѣку, который никогда и никого не желалъ обижать. Все поведеніе компаньоновъ представляло собой одну сплошную несправедливость. А между тѣмъ они считали себя правыми и во всемъ обвиняли его. Неужели блескъ золота до такой степени можетъ ослѣплять людей? „Старикъ“ напрасно подыскивалъ другіе мотивы для объясненія и не находилъ ихъ... По пути онъ припомнилъ цѣлый рядъ другихъ компаній, кончавшихъ тоже взаимными обвиненіями и распадавшихся изъ-за пустяковъ. Отчего самый простой мужикъ всегда работаетъ артелью лучше, чѣмъ въ одиночку, а интеллигентные люди не могутъ? Вопросъ оказывался неразрѣшимымъ. Въ глубинѣ души „Старикъ“ продолжалъ любить своихъ коварныхъ компаньоновъ и жалѣлъ только объ одномъ, что не умѣлъ этого высказать. Про себя онъ часто говорилъ пламенныя рѣчи.

— Господа, что я вамъ сдѣлалъ? Опомнитесь, пока еще есть время. Да... Вѣдь вы всѣ хорошіе люди, я въ этомъ убѣжденъ,—

зачѣмъ же намъ ссориться? У насъ есть общее дѣло, общіе интересы, общее, наконецъ, будущее... Пойдемте же впередъ рука объ руку и покажемъ другимъ, какъ слѣдуетъ жить и работать. Я даже не сержусь на васъ, хотя и пережилъ нѣсколько очень грустныхъ минутъ. Не подумайте, что я хочу показаться великодушнымъ— на вашемъ мѣстѣ я, быть можетъ, былъ бы еще хуже. И т. д., и т. д.

Но центромъ всѣхъ мыслей „Старика“ была все-таки Парасковья Ивановна. Онъ любилъ о ней думать, и она представлялась ему въ тысячѣ видовъ, какъ перевоплощеніе всего женскаго рода. „Старику“ казалось, что онъ дѣлается и лучше и чище, когда думаетъ о Парасковьѣ Ивановнѣ. Онъ припоминалъ выраженіе ея лица въ разные моменты, походку, голосъ, улыбку, манеру садиться и тѣ чисто женскія слабости, какія она себѣ позволяла. По утрамъ она любила пить чай просто въ утренней кофточкѣ, повязавъ голову по-бабьи бумажнымъ платкомъ. Къ ней все шло, даже когда она бранилась. „Старикъ“ дошелъ въ своемъ увлеченіи до той роковой грани, когда люди уже теряютъ способность опредѣлить, краснѣ или некрасивъ предметъ ихъ страсти, добръ или золъ, хорошъ вообще или дуренъ. Про себя онъ называлъ ее всевозможными нѣжными именами и повторялъ ихъ про себя даже въ ея присутствіи. Наконецъ, ему хотѣлось спасти ее отъ какой-то опасности, утѣшить въ какомъ-то непзвѣстномъ горѣ и вообще проявить цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ, лучшая награда которыхъ одинъ благодарный взглядъ, одно пожатіе руки, одна улыбка.

Компаньоны, пока „Старикъ“ предавался своимъ любовнымъ мечтамъ, не дремали. Подсчетъ предварительныхъ расходовъ былъ сдѣланъ съ замѣчательной точностью, причемъ бухгалтерскіе таланты Пржча проявились во всемъ своемъ блескѣ. При встрѣчахъ компаньоны держали себя со „Старикомъ“ какъ-то особенно вѣжливо, какъ съ человѣкомъ, которому хотятъ произвести очень мучительную операцію. Наконецъ, Лизуновъ отъ имени всѣхъ заявилъ:

— Ну, „Старикъ“, намъ пора сосчитаться и выяснить все.

— Что-же, я очень радъ,—отвѣтилъ „Старикъ“ какъ-то равнодушно.

На „верандѣ“ было устроено что-то въ родѣ засѣданія полевого суда. Предсѣдательствовалъ Лизуновъ, за секретаря былъ Пржчъ, вооруженный карандашемъ и бумагой, Парасковья Ивановна изображала собой публику. „Старикъ“ занялъ мѣсто подсудимаго и держалъ себя спокойно, что подѣйствовало на всѣхъ неблагопріятно.

— Видишь-ли, другъ мой,—началъ Лизуновъ, глотая слюну:— ты знаешь, какъ я тебя люблю, и поймешь, какъ мнѣ непріятно

брать на себя роль главнаго обвинителя. Да... вообще... Но я считаю себя отвѣтственнымъ предъ остальными компаньонами, которые собственно довѣряли одному мнѣ. Да... Дѣло прежде всего въ томъ, что всѣ мы собрались здѣсь на честное слово, и ты можешь насъ даже выгнать.

Въ публикѣ произошло нѣкоторое движеніе.

— Я повторяю: ты можешь насъ даже выгнать,—продолжалъ Лизуновъ, дѣлая удареніе: — потому что все велось на честномъ словѣ...

— Позволь... я,—вступился „Старикъ“, начиная краснѣть за оратора.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ позволь досказать все до конца, а тамъ уже можешь говорить... То, что я высказалъ такъ откровенно, чувствовалось всѣми. Прибавь къ этому еще весь рискъ предпріятія, который тоже ложится на всѣхъ. Мы подсчитали твои расходы и приняли ихъ въ полномъ размѣрѣ. Кажется, мы поступали по-товарищески?

Лизуновъ сдѣлалъ драматическую паузу и обвелъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ. „Старикъ“ виновато опустилъ глаза и ждалъ продолженія.

— Еслибы ты—ты знаешь, какъ я тебя люблю? Еслибы ты былъ хорошимъ товарищемъ—извини, я привыкъ говорить правду!—то не поставилъ бы всѣхъ въ самое фальшивое положеніе. Развѣ мнѣ пріятно все это говорить? А кто меня заставляетъ это говорить?

Рѣчь Лизунова продолжалась довольно долго, и онъ даже прослезился, что вышло особенно эффекто. Голова „Старика“ опускалась все ниже. Лизуновъ закончилъ довольно вычурной тирадой:

— По-моему, прежде всего, въ человѣкѣ важна совѣсть... Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. Безъ совѣсти нельзя жить... Теперь ты, „Старикъ“, можешь говорить.

„Старикъ“ поднялъ голову, обвелъ глазами присутствующихъ и спокойно заявилъ:

— Вы, господа, совершенно правы... Я ничего не имѣю противъ совѣсти. Именно, совѣсть... это главное...

— Теперь позвольте мнѣ, господа,—перебилъ его Пржчъ, сгоравшій отъ нетерпѣнія представить свой отчетъ.—Цифры иногда бываютъ краснорѣчивѣе людей, и мы перейдемъ къ нимъ.

Цифры, иллюстрированныя остроумными комментаріями изъ дневника „Старика“, дѣйствительно, оказались вполнѣ краснорѣчивыми, такъ что даже улыбался самъ авторъ дневника. Это было уже возмутительно. Закончивъ отчетъ, Пржчъ прибавилъ:

— Мы рѣшили принять этотъ отчетъ въ полномъ его составѣ и такимъ образомъ являемся полноправными членами. Не будемъ ничего говорить о томъ, на что тратились деньги и какъ тратились, не будемъ называть автора этихъ затратъ нашимъ эксплуататоромъ, на что имѣемъ полное право, а просто помиримся съ фактомъ. Но, разъ мы все это принимаемъ, мы требуемъ и соотвѣтствующихъ правъ. Теперь каждое лицо является отвѣтственнымъ передъ нашимъ обществомъ, и каждый его поступокъ подлежитъ общему обсужденію. Я предлагаю, господа, баллотировать теперь вопросъ о самомъ правѣ нѣкоторыхъ членовъ компаніи быть таковыми, и первый съ особенной охотой подвергаюсь такой баллотировкѣ.

„Старикъ“ понялъ устроенную ловушку и заявилъ:

— Господа, я понимаю, что все это значитъ... все понимаю и... и ухожу самъ.

— Нѣтъ, баллотировать!—сразу заявило нѣсколько голосовъ.—Намъ не нужно великодушія. Теперь дѣло общее...

„Старику“ пришлось повиноваться. Баллотировочной урной служила полоскательная чашка, прикрытая носовымъ платкомъ, а вмѣсто баллотировочныхъ шаровъ служили казанскіе орѣхи, безъ которыхъ Парасковья Ивановна не могла жить. Первымъ баллотировался Прячъ и получилъ всѣ шары избирательные, за нимъ тоже продѣлали остальные и съ тѣмъ же результатомъ. Послѣдняя очередь принадлежала „Старику,“ и онъ не получилъ ни одного избирательнаго шара. Это была полная гражданская смерть.

— Я ухожу...—немного дрогнувшимъ голосомъ заявилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

— Т.-е. вамъ приходится уходить,—поправила его Парасковья Ивановна не безъ ехидства.—Вы уходите по общему рѣшенію.

„Старикъ“ ничего не сказалъ и медленно вышелъ изъ „веранды“, не простившись ни съ кѣмъ. У него были слезы на глазахъ.

— Какой нахалъ,—замѣтила Парасковья Ивановна, провожая его глазами.—Вотъ чего я не ожидала...

А „нахалъ“ шелъ къ своей землянкѣ, дѣлая какіе-то таинственные знаки лѣвой рукой. Его голова повторяла эти движенія. Это былъ цѣлый діалогъ, котораго, къ сожалѣнію, никто не слышалъ. Можно было предположить, что онъ былъ не менѣе интересенъ, чѣмъ дневникъ.

Когда Лука узналъ, что „баринъ“ уходитъ съ „Шестого номера“ совсѣмъ, то счелъ своимъ долгомъ „ужахнуться“.

— Ахъ, баринъ, какъ же это самое дѣло?.. Ахъ, Божже мой...

— Очень просто...

„Старикъ“ былъ спокоенъ и смотрѣлъ на вѣрнаго слугу улыбавшимися глазами. Но Лука въ данномъ случаѣ проявилъ вполнѣ искреннія чувства. Положимъ, онъ продавалъ барина компаньонамъ и многое прибавилъ отъ себя, но совсѣмъ не ожидалъ, что баринъ возьметъ да и уйдетъ. У Луки вмѣстѣ съ предательствомъ уживалась мистическая вѣра въ барина—рука у него легкая на золото.

— Ахъ, баринъ, баринъ,—причиталъ Лука:—што же я, напримѣрно, буду дѣлать здѣсь?

— Если хочешь, пойдемъ со мной. Будемъ искать новое золото...

Лука подумалъ, бросилъ шапку о земь и рѣшительно заявилъ:

— Гдѣ наше не пропадало, баринъ. Значитъ, пойдемте опять обыскивать счастье...

X.

Стояло крѣпкое осеннее утро, когда „Старикъ“ уходилъ съ „Шестого номера“. Онъ нарочно выбралъ раннее утро, чтобы никто не видалъ этого позорнаго отступленія. Полуденка еще была закрыта туманомъ, но горюнъ уже насвистывалъ. Пара осѣданныхъ лошадей жалась отъ холода и била копытами землю. „Старикъ“ долго смотрѣлъ на пріискъ, и его сердце сжималось тоской. Онъ не жалѣлъ собственно золота, которое оставлялъ—Богъ съ нимъ, но здѣсь было похоронено его сердце.

— Все готово, баринъ, — докладывалъ Лука, одѣтый по дорожному.

— Я сейчасъ...

„Старикъ“ побѣжалъ подъ гору и скрылся въ туманѣ. Черезъ полчаса онъ вернулся съ большимъ букетомъ изъ горнаго шалфея и желтыхъ болотныхъ цвѣтовъ. Черезъ пять минутъ этотъ букетъ красовался на столѣ веранды.

Они выѣхали молча, и „Старикъ“ ни разу не оглянулся, какъ уходятъ съ кладбища. Онъ сидѣлъ въ сѣдлѣ, согнувшись и распустивъ поводья. Лука про себя ругалъ компаньоновъ.

Съ отъѣздомъ „Старика“ золото точно обрѣзало на „Шестомъ номерѣ“. Поиски и новыя развѣдки унесли все, что было заработано раньше, и компанія распалась сама собой. По слухамъ, „Старикъ“ гдѣ-то далеко, на сѣверномъ Уралѣ, нашелъ новую золотоносную розсыпь.

Д. Мамин-Сибиряк.

ВЪ МАСТЕРСКОЙ АНТОКОЛЬСКАГО.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, я обратился къ М. М. Антокольскому съ просьбой позволить мнѣ посѣтить его мастерскую. Въ отвѣтъ на мое письмо, я получилъ отъ него телеграмму, что его мастерская открыта для посѣтителей по воскресеньямъ, отъ 3 до 5 часовъ дня. Въ первое воскресенье я и отправился.

Часа полтора пришлось мнѣ ѣхать отъ Латинскаго квартала до Rue Bayen, небольшой глухой улицы на самой сѣверо-западной окраинѣ Парижа. На этой улицѣ, въ rez-de-chaussée небольшого, довольно невзрачнаго дома, по сосѣдству съ базаромъ овощей, помѣщалась мастерская.

Я позвонилъ. Дверь почти тотчасъ открылась, и я вошелъ въ небольшую полутемную прихожую. Меня встрѣтилъ высокій, худой французъ, въ блузѣ, съ засученными рукавами и весь испачканный въ глинѣ.

— Г. Антокольскій теперь работаетъ и никого не принимаетъ, — заявилъ онъ мнѣ спокойно и апатично, какъ произносятъ заученную фразу.

Я отвѣтилъ, что именно это время мнѣ было назначено г. Антокольскимъ и подалъ свою карточку. Французъ молча принялъ ее и скрылся за портьерой. Черезъ минуту онъ вернулся.

— Зайдите, пожалуйста, сюда, направо,—указалъ онъ мнѣ на другую портьеру:—г. Антокольскій сейчасъ выйдетъ къ вамъ.

Я очутился въ высокой и довольно обширной залѣ, тѣсно заставленной статуями, бюстами, барельефами, гипсовыми, мраморными, бронзовыми. Между статуями едва оставались узкіе проходы. Громадныя, но полузанавѣшенныя окна пропускали спокойный меланхолическій полусвѣтъ, съ которымъ очень гармонировали глубокая тишина и какая-то особенная прохлада.

Признаюсь, вошелъ я въ залу съ какимъ-то страннымъ, безпокойнымъ чувствомъ. Въ оцѣнкѣ произведеній искусства главное значеніе имѣетъ непосредственное, неподготовленное впечатлѣніе, — а такого впечатлѣнія я ожидать не могъ. Я зналъ, что увижу произведенія замѣчательныя, чуть-ли не геніальныя—и въ то же время былъ почти увѣренъ, что они не произведутъ на меня соотвѣтственнаго впечатлѣнія. Подготовленное впечатлѣніе реагируетъ большей частью предательски. Мнѣ казалось, что раньше, чѣмъ уловить въ холодномъ мра-

морѣ и жесткой бронзѣ идею, воплощенную въ нихъ художникомъ, мой непривычный взглядъ будетъ отвлеченъ мелкими техническими и художественными погрѣшностями, неизбѣжными даже въ самомъ геніальномъ произведеніи; мнѣ казалось, что какъ бы замѣчательны ни были произведенія, которыя я увижу, они останутся для меня мертвыми, нѣмыми, не найдутъ отклика въ моей душѣ. Нѣчто подобное случилось со мною, когда я въ первый разъ посѣтилъ Лувръ и остановился передъ Венерой Милосской...

Но я ошибся. Съ первой минуты, едва я успѣлъ окинуть взглядомъ залу, я почувствовалъ, что меня охватываетъ какое-то новое, особенное ощущеніе, которое приподымаетъ мое настроеніе до уровня окружающей обстановки, — ощущеніе, не похожее на то, какое я испытывалъ при посѣщеніи художественныхъ выставокъ и музеевъ. Отсутствіе толпы, съ ея шумомъ, толкотней и большей частью индифферентными лицами, отсутствіе сторожей въ мундирахъ, кокетливыхъ подставокъ, ярлычковъ съ оцѣнкой произведеній по всѣмъ четыремъ градаціямъ до «Hors-Concours», вообще, чего бы то ни было лавочнаго, разсчитаннаго на эффектъ. Даже напротивъ: нѣкоторыя произведенія казались неоконченными: «Ермакъ» стоялъ безъ лѣвой руки, у «Спинозы» въ подбородкѣ и кончикѣ носа были вбиты гвозди, «Несторъ» былъ весь испещренъ мелкими крестиками— и все это, не ослабляя впечатлѣнія, придавало залѣ характеръ особенной интимности. На произведеніяхъ живо чувствовалась рука художника, его не остывшее еще вдохновеніе.

Еще сильнѣе почувствовалъ я различіе между этой залой и художественной выставкой, когда нѣсколько освоился съ окружающими меня произведеніями: «Христосъ»... «Спиноза»... «Мефистофель»... «Петръ»... Это не отдѣльныя статуи, случайно собранныя вмѣстѣ, какъ въ музеѣ, какъ на выставкѣ, гдѣ рядомъ съ распятымъ Христомъ вы можете увидѣть нагую вакханку, рядомъ съ реалистическимъ произведеніемъ геніальной кисти—декадентское «пятно», какія-нибудь «фіолетовыя руки на эмалевой стѣнѣ». Здѣсь, въ этой залѣ, почти всѣ произведенія проникнуты однимъ опредѣленнымъ, строго выдержаннымъ направленіемъ и составляютъ въ общемъ нѣчто цѣльное, законченное, глубоко продуманное.

Я остановился передъ «Мефистофелемъ». Статуя эта — бронзовая оригинальная по композиціи и поставленная въ центрѣ залы — рѣзко выдѣлялась среди остальныхъ гипсовыхъ и мраморныхъ. Она первая остановила на себѣ мой взглядъ и приковала къ себѣ мое вниманіе.

На краю скалы, сгорбившись и обхвативъ руками колѣни свѣшенныхъ и закинутыхъ одна на другую ногъ, сидитъ Мефистофель. Голое, крѣпкое, исхудалое тѣло, длинные костлявые пальцы, продолговатое, худое, мускулистое лицо съ острой бородкой; громадный лобъ, тонкій, горбатый, нѣсколько искривленный носъ съ замѣтнымъ раздвоеніемъ

на кончикѣ; сухія, крѣпко сжатыя губы съ холодной, ядовитой, кривой усмѣшкой презрительной ироніи. Но особенно поразителенъ взглядъ: сильный, надменный, полный презрѣнія гордаго одиночества, полный негодованія скованнаго генія, онъ пронизываетъ своимъ мертвымъ холоднымъ блескомъ, напоминающимъ блескъ стальнаго лезвія. Ото всей этой фигуры, въ одно и то же время измученной и сильной, страшной и привлекательной, вѣетъ чѣмъ-то убійственнымъ, а между тѣмъ отъ нея нельзя оторвать глазъ. И чѣмъ больше на нее смотришь, тѣмъ ближе, роднѣе, понятнѣе становится этотъ величественный мученикъ— и въ душу проникаетъ жгучая, болѣзненная жалость. Въ этомъ Мефистофелѣ положительно чувствуется обнаженная душа нашего геніальнаго и больного вѣка, во всемъ его величіи въ области мысли, со всѣми его муками въ области чувства, съ его безпощаднымъ анализомъ, безвѣріемъ и холоднымъ отчаяньемъ...

Послышался шорохъ раздвигаемой портьеры, и въ залу вошелъ невысокій, довольно стройный мужчина лѣтъ 50, въ которомъ я какъ-то сразу узналъ М. М. Антокольскаго. Сосредоточенный, задумчивый взглядъ, неправильныя, нѣсколько жесткія черты, коротко остриженные волосы съ просѣдью и круглая бородка. Морщина на лбу, рѣзкая складка возлѣ губъ и особенный блескъ глазъ придавали лицу выраженіе нервной измученности и особеннаго, глубокаго, хроническаго недовольства, свойственнаго лицамъ именно большихъ художниковъ, у которыхъ чувство и пониманіе красоты слишкомъ глубоки и тонки, чтобы ихъ можно было передать даже геніальными рѣзцомъ, перомъ, кистью. Отсюда — постоянное недовольство художника своими произведеніями, отсюда робость, неувѣренность въ своихъ силахъ. Это выраженіе да и вообще весь характеръ лица М. М. Антокольскаго мнѣ живо напомнилъ лицо Микель Анджело. Въ чертахъ — никакого сходства, но тотъ же взглядъ, тотъ же типъ, то же выраженіе измученнаго труженика-плебея, достигшаго своей славы очень тернистымъ путемъ, ворочавшаго собственными руками тѣ самые камни, которые одухотворилъ и обезсмертилъ его рѣзецъ и отдавшагося всецѣло съ истиннымъ фанатизмомъ своему высокому призванію.

Чтобы выйти ко мнѣ, Маркъ Матвѣевичъ, очевидно, прервалъ работу. Онъ былъ безъ сюртука съ засученными рукавами рубашки. Руки были въ глинѣ. Нервной, быстрой походкой пробрался онъ ко мнѣ между статуями. Сердечно улыбаясь, онъ кивнулъ мнѣ, какъ старому знакомому.

— Здравствуйте,—заговорилъ онъ какъ-то просто и задушевно:— простите, что въ такомъ костюмѣ встрѣчаю васъ,—работаю. Даже руки подать не могу: въ глинѣ.

И онъ протянулъ мнѣ локоть.

Я поблагодарилъ его за телеграмму.

— Что же, мнѣ очень пріятно... Да вотъ жаль только, что здѣсь

теперь большинство моихъ работъ изъ гипса. Непріятно и самому смотрѣть, и другимъ показывать. Нѣтъ ничего противнѣе гипса. Мраморъ, одинъ только мраморъ и можетъ что-нибудь передать...

Онъ слегка прикоснулся къ «Мефистофелю», возлѣ котораго мы стояли, и повернулъ его ко мнѣ профилемъ.

— Поразительно, какъ онъ къ себѣ приковываетъ,—замѣтилъ я:— все это время я только на него и смотрѣлъ. И, знаете, я подумалъ, что ему, можетъ быть, больше подходило бы названіе «XIX вѣкъ», чѣмъ «Мефистофель».

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Да... отчасти...—произнесъ онъ задумчиво:—одно время у меня даже была мысль такъ назвать его. Во всякомъ сдучаѣ, это не гётевскій Мефистофель. Въ сущности, герои гётевскаго произведенія—Мефистофель, Фаустъ и Вагнеръ—составляютъ вмѣстѣ одинъ цѣльный типъ—Гёте напрасно раздробилъ его на три личности... Такого цѣльнаго Мефистофеля я именно и стремился создать.

— Помнится,—продолжалъ онъ, помолчавъ: — тому лѣтъ 10 или больше была въ «Вѣстникѣ Европы» небольшая замѣтка о моемъ «Мефистофелѣ» [1]). Въ ней замѣчательно вѣрно схваченъ общій характеръ Мефистофеля вообще и моего въ частности. Статья эта, кажется, одна изъ наиболѣе дѣльныхъ о моемъ «Мефистофелѣ»... Впрочемъ, о немъ очень немного и писали,—добавилъ онъ какъ-то нечаянно.

— Онъ, однако, пользуется въ Россіи извѣстностью.

— Да, это я знаю... «Мефистофель» и «Иванъ Грозный». Замѣчательно, что русскимъ нравятся больше всего произведенія этого характера: выраженіе глубокаго страданія, отчаянья, болѣзненнаго настроенія и т. п. «Грозный» имѣлъ въ Россіи больше успѣха, чѣмъ «Петръ». чѣмъ «Спиноза»...

— Спиноза вообще не особенно-то знакомъ большой публикѣ,— замѣтилъ я.

— Конечно, но все-таки...

На губахъ его появилась вдругъ усмѣшка.

---

[1]) Вѣроятно, статья К. Д. Кавелина: «Мефистофель Антокольскаго». («Вѣстникъ Европы», 1880, № 7). Статья эта была вызвана стихотвореніемъ А. Голенищева-Кутузова «Къ Мефистофелю». Въ этомъ стихотвореніи Мефистофель рисуется чуть-ли не жалкимъ воришкой. Поэтъ посылаетъ его

«...въ вертепы лести и разврата,
«Туда, гдѣ смѣхъ и плачъ, бряцанье злата,
«Гдѣ пьяное веселье, шумъ и тьма».

Кавелинъ, указавъ поэту, что тотъ не понялъ Мефистофеля, даетъ ему свою довольно пространную характеристику, въ которой намъ кажется сомнительнымъ лишь слѣдующее мѣсто: «Мефистофель Антокольскаго съ его рѣдкими волосами и болѣзненной худобой обличаетъ не стараго, не дряхлаго человѣка, который много пережилъ, много испыталъ и завялъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ». Эпитеты: «дряхлый», «завявшій», которыми выражается безсиліе не только физическое, но и духовное, кажется, меньше всего подходятъ къ Мефистофелю.

— Припомнился мнѣ курьезъ одинъ. Нѣсколько времени тому назадъ, дама одна, довольно важная, пришла посмотрѣть мои работы. Смотрѣла, смотрѣла, наконецъ, остановилась передъ «Спинозой».—«А это кто?»—спрашиваетъ.—«Это—Спиноза»—отвѣчаю ей.—«Ахъ, Спиноза! какъ же! знаю!—заторопилась она:—«Спиноза! Она была женой извѣстнаго полководца... Ахъ, Боже мой, какъ его звали?»

И онъ нервно разсмѣялся.

Я перевелъ глаза на «Спинозу», который стоялъ почти рядомъ съ «Мефистофелемъ». Трудно представить себѣ контрастъ болѣе рѣзкій, чѣмъ эти двѣ фигуры. Это—двѣ крайности человѣческаго духа. Ормуздъ и Ариманъ нашего времени.

Спиноза сидитъ въ креслахъ утомленный, измученный, съ нѣсколько поникшей головой и сложенными руками. Ноги окутаны одѣяломъ, на колѣняхъ и у ногъ рукописи. На худомъ, съ крупными оригинальными чертами, безбородомъ лицѣ, окаймленномъ длинными вьющимися волосами, лежитъ мягкое, мечтательное, грустно страдальческое выраженіе. Достаточно взглянуть на это лицо, на эту позу, чтобы понять и почувствовать, что надъ этимъ человѣкомъ только что пронесся ураганъ дикой и мрачной злобы ожесточеннаго фанатизма, прозвучало грозное проклятіе, отлученіе. Не убило, не потрясло геніальнаго мыслителя это проклятіе, не вызвало оно у него ни злобы, ни негодованія. Физическая усталость да глубокая грусть—вотъ что выражаетъ его лицо. Взглядъ, глубокій, долгій, сосредоточенный и спокойный, устремленъ куда-то вдаль, какъ бы въ тотъ необъятный міръ, который великій мыслитель охватилъ своимъ геніемъ, одухотворилъ и воплотилъ въ стройную систему. «Все понялъ,—все простилъ»,—говоритъ этотъ взглядъ. И вмѣсто озлобленія, вы находите въ лицѣ и во взглядѣ выраженіе всеобъемлющей, сознательной и выстраданной любви... Это—апоѳеозъ разумной мысли.

М. М. Антокольскій стоялъ рядомъ со мною, опираясь на подножіе Мефистофеля. Онъ тоже смотрѣлъ на «Спинозу» и смотрѣлъ тѣмъ особеннымъ взглядомъ, какимъ можно смотрѣть лишь на живое существо, безконечно дорогое и любимое.

— «Спиноза» мнѣ дороже всего, что я сдѣлалъ,—заговорилъ онъ какъ-то вдругъ:—это мое лучшее произведеніе. Въ него я вложилъ всю свою душу. Въ минуты тоски и тяжелаго настроенія я нигдѣ не нахожу такого успокоенія, какъ передъ этой статуей... Рядомъ со «Спинозой» я ставлю одно лишь мое произведеніе—«Христіанскую мученицу». Она—духовная сестра «Спинозы». Какъ женщина, она, можетъ быть, прекраснѣе его... Ея теперь здѣсь нѣтъ,—добавилъ онъ, замѣтивъ, что я ищу ее глазами.—Здѣсь нѣтъ и нѣкоторыхъ другихъ моихъ работъ: нѣтъ «Сократа»...

— А вашъ первый барельефъ: «Нападеніе инквизиціи на евреевъ»,—вспомнилъ я.

— Здѣсь его тоже нѣтъ, но онъ у меня сохранятся. По правдѣ сказать, я не придаю ему того значенія, какое ему придаетъ Стасовъ [1]),— прибавилъ онъ индифферентно.

Какъ ни интересно было мнѣ выслушивать отзывы самого художника объ его произведеніяхъ, я все-таки помнилъ, что своимъ посѣщеніемъ я оторвалъ его отъ работы, и сказалъ ему это.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ онъ просто.—Я все равно собирался отдохнуть... А теперь вотъ пойду, еще немного поработаю. Кончите осматривать здѣсь, зайдите ко мнѣ туда, въ мастерскую. Увидите мои послѣднія работы.

И онъ скрылся за портьерой.

Я стоялъ передъ статуей «Иванъ Грозный».

Въ монашескомъ одѣяніи, въ скуфейкѣ, съ четками на лѣвой рукѣ сидитъ Грозный въ царскомъ креслѣ. Сгорбившись и конвульсивно сжавъ ручку кресла, онъ какъ бы дѣлаетъ порывистое движеніе подняться. Исхудалое, измученное лицо съ печатью окостенѣлой жестокости, съ выраженіемъ внутренняго пожирающаго недуга, освѣщено, какъ зловѣщимъ заревомъ пожара, выраженіемъ мрачнаго негодованія, смѣшаннаго съ мучительнымъ страданіемъ.

Художникъ взялъ моментъ наиболѣе трагическій. На колѣняхъ у Грознаго лежитъ поминальный «синодикъ», куда онъ заносилъ имена тѣхъ, которые «изволили отъ него, строптиваго владыки, пострадать и вѣнецъ жизни (вѣчной) наслѣдовать» [2]). Тяжело было Грозному разставаться съ своими жертвами. Ему должно было казаться поистинѣ ужаснымъ сознаніе, что, отнявъ у своего врага жизнь—только жизнь!—онъ, безграничный владыка, теряетъ всякую власть надъ нимъ. Чтобы затушить, обмануть это обидное сознаніе, онъ, можетъ-быть, и придумалъ свой «синодикъ пострадавшихъ». Хоть молитвой вцѣпиться и не отпускать отъ себя своей жертвы, не терять съ нею «связи». Въ подобной молитвѣ Грозный могъ находить особенное, тонкое, болѣзненное удовольствіе. Страстно обнять свою жертву и въ то же время упиваться ея кровью—извѣстная форма извращенной страсти, давно отмѣченная психопатологіей.

Но теперь Грозный не упивается своей рафинированной жестокостью. На этотъ разъ «синодикъ» обманулъ его, не потѣшилъ больной страсти, не успокоилъ тревожныхъ сомнѣній. Напротивъ, онъ пробудилъ въ душѣ чувство ужаса, негодованія, бѣшенства. Ужасъ вызванъ не укоромъ проснувшейся совѣсти, не проблескомъ здоровой мысли. На

---

[1]) Объ этомъ барельефѣ г. Стасовъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Антокольскій не создалъ на своемъ вѣку ничего оригинальнѣе, своеобразнѣе, новѣе, нигдѣ онъ не проявилъ такой творческой иниціативы, какъ здѣсь, и этому роду созданій принадлежитъ одна изъ самыхъ капитальныхъ ролей скульптуры будущаго» («Наша скульптура за послѣднія 25 лѣтъ». «Вѣст. Евр.» 1883, № 2).

[2]) Выраженіе изъ его письма къ Курбскому.

лицѣ Грознаго нѣтъ печати этихъ ощущеній, не говоритъ о нихъ и его поза. Проблескъ человѣческаго чувства долженъ былъ бы заставить его отшатнуться отъ вызванныхъ призраковъ, а не податься впередъ.

Онъ читалъ «синодикъ». Передъ нимъ возстали тѣни его «злодѣевъ», посягавшихъ на его власть, на его жизнь. Воскресло въ памяти и воспоминаніе объ ихъ преступленіяхъ. Слишкомъ велики эти преступленія, чтобы ихъ можно было искупить пыткой и смертью... А вотъ и живые, не истребленные, не отомщенные враги. Много ихъ, все боярство. Со всѣхъ сторонъ окружаютъ они его тронъ, грозятъ заговоромъ, измѣной... А сколько ихъ бѣжало, чтобы изъ безопасной дали издѣваться надъ нимъ въ своихъ дерзкихъ посланіяхъ... Всюду—и на землѣ, и въ аду, и у себя и на чужбинѣ—всѣ, и мертвые и живые, возстали противъ него, посягая на его безграничную власть.

Острой болью пронизываетъ его эта мысль. Синодикъ брошенъ. Рука конвульсивно хватается, какъ за опору, за ручку кресла. Возбужденная мысль углубляется въ себя, какъ бы спрашивая отвѣта на страшный вопросъ. Голова опущена, брови грозно насупились. Взглядъ, за секунду передъ тѣмъ блеснувшій испуганнымъ недоумѣніемъ, теперь, полный негодованія, остановился, замеръ, какъ замираетъ въ поднебесьѣ коршунъ, чтобы тѣмъ стремительнѣе пасть на свою жертву. Изъ глубины больной души ужъ подымается бѣшеная ярость, которая сейчасъ всецѣло охватитъ этого «мучителя-мученика». Чтобы потушить этотъ пожаръ больной страсти, понадобятся потоки крови, сотни и тысячи новыхъ жертвъ; чтобы укрѣпить въ душѣ властелина пошатнувшуюся вѣру въ свое могущество, понадобятся новыя, болѣе утонченныя пытки — потѣхи, которыми жертвы были бы измучены, истерзаны «до конца», такъ чтобы каждый нервъ, каждая капля крови, каждое ощущеніе жизни вопіяли бы къ Грозному въ смертельной мукѣ: «Ты—мой владыка!»

«Грозный» — первое крупное произведеніе г. Антокольскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое мрачное и безотрадное, совершенно не гармонирующее съ его послѣдующими произведеніями. Точно художникъ сознательно спѣшилъ закончить счеты съ мрачными проявленіями человѣческаго духа, чтобы свободно перейти къ свѣтлымъ характерамъ Сократа, Христа, Спинозы, Нестора. Грозный мрачнѣе даже Мефистофеля. Мефистофель ненавидитъ и презираетъ въ человѣкѣ не живое существо, а безсиліе и ничтожество, которыя онъ считаетъ присущими человѣческой природѣ. Онъ злобно издѣвается надъ добромъ, надъ честью, надъ справедливостью, потому что онъ въ нихъ не вѣритъ, считаетъ безсильными, потому что онъ знаетъ силу болѣе могучую, силу зла; потому, наконецъ, что они не могутъ покорить его самого. О Мефистофелѣ можно сказать, какъ о Спинозѣ: «Онъ все понялъ». Но... онъ «ничего не простилъ». Не простилъ онъ потому, что въ немъ нѣтъ вѣры въ

человѣка. Но въ его душѣ есть почва для этой вѣры. Воскресите ее, убитую человѣческимъ ничтожествомъ, и Мефистофель перестанетъ быть «геніемъ зла». Вмѣстѣ съ вѣрой въ ожесточенной душѣ возродится любовь, вмѣстѣ съ любовью—прощеніе.

Совершенно иначе рисуется личность Ивана Грознаго. Типъ, созданный г. Антокольскимъ — не сознательный истребитель боярства, дальновидный политикъ, неуклонно стремившійся къ опредѣленной цѣли. Это — безсознательная стихійная сила зла и разрушенія, an und für sich, безъ просвѣта, безъ преграды, руководимая одной лишь дикой, больной страстью и мрачной безумной идеей безграничной власти.

И тутъ же рядомъ—Несторъ.

Старикъ сидитъ у простого деревяннаго стола за большой книгой. Продолговатое, благообразное лицо съ правильными, даже слишкомъ правильными, красивыми чертами, длинной окладистой бородой и стройной фигурой. На лицѣ печать скромной чистоты и цѣломудрія, выраженія неутомимаго труженичества. Взглядъ ясный, спокойный, тихій и мечтательно-грустный. Старика не волнуютъ ни страсти, ни сомнѣнія. Спокойно, въ порядкѣ проходятъ передъ его умственнымъ взоромъ вереницы событій: войны, пораженія и побѣды, гладъ и моръ, предзнаменованія и чудеса—вся эта длинная «повѣсть времянныхъ лѣтъ». Въ этой повѣсти все ясно, все опредѣленно, и нѣтъ мѣста ни злобѣ, ни радости, ни волненію. А между тѣмъ, сколько въ этомъ спокойномъ взглядѣ старика истинно-христіанской доброты, сколько человѣчности! Особенно рельефно вырисовывается эта личность рядомъ съ Грознымъ. Неужели они дѣти одной земли, неужели ихъ одна родина вскормила? Да... только татарское иго легло между ними.

Въ двухъ углахъ залы, другъ противъ друга, стоятъ гигантскія статуи двухъ типичнѣйшихъ представителей Россіи. Одинъ—представитель Россіи мужицкой, лапотной, темной и доброй, не чувствующей своей мощи, не знающей своего генія. Другой—представитель Россіи культурной. И въ томъ, и въ другомъ съ перваго взгляда поражаютъ выраженія неизсякаемой, бьющей ключемъ силы и несокрушимой энергіи. Но разница между ними огромная.

Ермакъ—это ребенокъ-гигантъ. Богатырскіе мускулы и дѣтски добродушное лицо съ крупными расплывчатыми чертами: носъ картофелиной, глаза ясные, съ выраженіемъ глубокаго самороднаго ума и наивной хитрости. На всей фигурѣ лежитъ печать какой-то «легкости», простоты и спокойствія. Видно, что человѣкъ этотъ проникнутъ вѣрой въ свои силы. Легко, какъ перышко, приподнялъ онъ могучей рукой большой топоръ — и вы чувствуете, что съ той же легкостью, съ той же наивной простотой подыметъ онъ и всю Сибирь, чтобы положить ее къ ногамъ того вотъ хилаго и мрачнаго владыки; вы чувствуете, что ни татарское иго, ни бѣшеный произволъ этого владыки, ни сотни другихъ бѣдъ не согнули и не согнутъ этого желѣзнаго колосса.

Петръ—совершенно иной. Стройный, мощный, затянутый въ мундиръ, съ отброшенной рукой, сильно опирающейся на «дубинку»—онъ весь кипучая сила. Онъ поражаетъ своей напряженностью. Это напряженіе гордаго вызова стихійной силѣ, напряженіе геркулеса, выступающаго на бой съ гидрой. Петръ понимаетъ, какъ силенъ его врагъ, инертная московская Русь, и онъ напрягаетъ всѣ свои силы. Но онъ выступаетъ впередъ съ глубокой вѣрой въ свою побѣду, съ дерзостью генія. Какъ испытанный капитанъ, ведущій свой корабль въ темную ночь по бушующему океану, стоитъ одинъ на своемъ посту, лицомъ къ лицу съ грозной стихіей, такъ стоитъ Петръ лицомъ къ лицу съ старой Россіей.

Долго смотрѣлъ я на эту грандіозную фигуру, стараясь уловить постоянное выраженіе загадочнаго лица Петра. Во взглядѣ, въ чертахъ я читалъ одновременно и выраженіе жестокаго деспотизма, произвола и татарской грубости, и выраженіе строгой, разумной, непреклонной законности. Геніальный преобразователь совмѣщалъ въ себѣ эти обѣ крайности, и художникъ, повидимому, такъ его и понялъ. У Петра въ правой рукѣ «дубинка», въ лѣвой—свитокъ законовъ...

Я зашелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ работалъ Маркъ Матвѣевичъ. Это была мастерская. На каменномъ полу лежала кучками мокрая глина, валялся гипсъ и были разбросаны разные инструменты и техническія приспособленія. Статуй здѣсь было двѣ. Одна, еще изъ глины, не оконченная—М. М. надъ нею и работалъ — представляла собою высокую, стройную женщину-ангела съ крыльями, стремящуюся въ высь (заказъ для памятника). Не смотря на то, что фигура была мало выработана, она поразила меня своей красотой, легкостью и граціозностью. Она цѣликомъ тянется вверхъ съ такой стремительностью, что кажется, вотъ еще мигъ—и она улетитъ. Вторая статуя—тоже для памятника—законченная и отлитая изъ гипса, представляетъ группу—жанръ, совершенно новый для г. Антокольскаго—«Сестра милосердія». Надъ раненымъ солдатомъ наклонилась сестра и дѣлаетъ ему перевязку. Фигуры живы, типичны, исполнены превосходно. Особенно тонко переданы вниманіе и осторожность, съ которой молодая дѣвушка исполняетъ свое дѣло,—вниманіе, ярко свидѣтельствующее о самоотверженной преданности и глубокой любви къ страждущимъ. На любой выставкѣ группа эта, конечно, явилась бы произведеніемъ выдающимся. Она одна была бы въ состояніи создать репутацію художника. Но... въ мастерской М. М. Антокольскаго она является произведеніемъ слабымъ, стоящимъ какъ-то отдѣльно, не соотвѣтствующимъ ни по широтѣ замысла, ни по силѣ исполненія прежнимъ его произведеніямъ. Даже какъ-то грустно сдѣлалось, когда послѣ Спинозы, Нестора, Грознаго, Мефистофеля и другихъ шедевровъ пришлось остановиться на этой группѣ, какъ на куль-

минаціонномъ пунктѣ двадцатипятилѣтней творческой дѣятельности замѣчательнаго художника.

Кромѣ Марка Матвѣевича и его помощника-француза, въ мастерской никого не было. М. М. работалъ нервно, лихорадочно. Онъ вырабатывалъ складки платья женщины. Смѣлой рукой прибавлялъ онъ тутъ и тамъ куски глины, быстро срѣзывалъ лишнее, отходилъ въ сторону, бросалъ внимательный нервный взглядъ, опять подходилъ, снова срѣзывалъ, подправлялъ, сильно нажималъ ладонью мокрую глину, проводилъ пальцемъ складку и т. д.

— Ну, что, кончили? осмотрѣли? — спросилъ онъ, когда я вошелъ, и въ его голосѣ прозвучало то же нервное возбужденіе, какое замѣтно было въ его работѣ.

Я отвѣтилъ, что успѣлъ осмотрѣть лишь наиболѣе крупныя произведенія и, между прочимъ, замѣтилъ, что мнѣ особенно понравилось выраженіе цѣломудрія въ лицѣ Нестора.

— Именно цѣломудріе!—подхватилъ онъ, нервно качнувъ головой.— Даже немного иконопись напоминаетъ. Сначала я было придалъ его лицу выраженіе болѣе мыслящее, болѣе глубокое, нѣсколько философское. Потомъ исправилъ. Несторъ не философъ. Онъ типиченъ именно своей простотой. Даже вотъ Ермакъ—и тотъ не то что умнѣе, а глубже Нестора. Ермакъ—политикъ, и для своего времени положительно не дюжинный. Помните, какъ дипломатично онъ велъ себя съ плѣнными: обласкалъ и отпустилъ. Несторъ—человѣкъ не отъ міра сего, святая душа, проникнутая правдой.

Понемногу онъ перешелъ къ общимъ разсужденіямъ о современномъ искусствѣ съ его новыми теченіями, о художественной критикѣ. Онъ говорилъ о нихъ спокойно, но съ глубокой затаенной горечью.

Было ужъ больше пяти. Онъ какъ-то сразу прервалъ работу и промолвилъ рѣшительно:

— Пора кончить!

Я вернулся въ залу, чтобы тѣмъ временемъ, пока онъ будетъ готовъ уйти, хоть бѣгло осмотрѣть остальныя его произведенія.

Насколько мнѣ помнится, г. Антокольскій изображалъ Христа въ четырехъ произведеніяхъ: «Христосъ» (съ крестомъ въ рукѣ), «Спаситель» (съ простертыми руками), «Послѣдній вздохъ» (барельефъ) и «Христосъ передъ судомъ народа» («Царство мое не отъ міра сего»). Въ залѣ находилась только одна послѣдняя статуя.

Христосъ, величавый и спокойный, стоитъ со связанными руками передъ своими судьями. Еслибъ его руки не были связаны, за судью можно было бы принять именно его—до того вся его фигура дышетъ величіемъ, до того его взглядъ проникаетъ въ душу. «Царство мое не отъ міра сего»—говорилъ онъ тѣмъ, которые, собравшись его судить,

«не вѣдали, что творили». Но въ устахъ *этого* Христа слова эти имѣютъ совершенно иной смыслъ, иное значеніе.

«Христосъ» Антокольскаго—убѣжденный и страстный пророкъ-борецъ, у котораго вѣра и жизнь слились въ одно нераздѣльное цѣлое. *Личное* «царство», *личныя* стремленія такого пророка, каковъ бы онъ ни былъ самъ и что бы онъ ни проповѣдывалъ, всегда было, будетъ и не можетъ быть «не отъ міра сего» и не для міра сего. Иначе онъ не могъ бы «глаголомъ жечь сердца людей». Онъ не можетъ отступить передъ пыткой и казнью, какъ бы дорога ни была ему жизнь, и онъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать своимъ судьямъ: «Вы не вѣдаете, что творите, вы казните не то, что осудили. Осудивши безсмертный духъ, вы казните невинное смертное тѣло».

Произведеніе г. Антокольскаго представляетъ намъ Христа съ личной, психической стороны, Христа-человѣка, Христа-борца за убѣжденія, но не показываетъ намъ Христа-провозвѣстника великаго ученія. Въ этой фигурѣ мы видимъ пророка, но не слышимъ пророчества, мы видимъ борца, но не видимъ учителя любви и всепрощенія, мы видимъ форму, но не видимъ содержанія.

Мнѣ припомнился «Христосъ въ пустынѣ» Крамскаго, геніальное произведеніе, предъ которымъ нельзя не преклониться всей душой. Тамъ въ фигурѣ, въ лицѣ, во всей позѣ Спасителя вы находите полное гармоничное сочетаніе божественной мысли, всеобъемлющаго чувства, непреклонной силы и глубокой нѣжности, подернутой дымкой скорби. Нѣтъ, до такого чуднаго изображенія Христа еще ни одинъ художникъ въ мірѣ не поднялся.

Рядомъ съ «Христомъ»—«Голова Іоанна Крестителя». Горельефъ этотъ сразу не поражаетъ, не останавливаетъ. Обычное лицо стараго еврея, съ крупными чертами, громаднымъ лбомъ, горбатымъ искривленнымъ носомъ и старчески беззубымъ ртомъ. Губы полураскрыты и сложены въ ту «жалкую» «полуулыбку» смерти, которая («улыбка») удерживаетъ на губахъ застывшей каплей послѣднее ощущеніе жизни, предсмертный вздохъ. Но сколько въ этомъ лицѣ благородства и прямодушія, сколько ума и энергіи!

Я смотрѣлъ на это лицо—и постепенно возстала предо мною вся фигура Іоанна, этого величественнаго фанатика съ алмазно-чистой душой. Въ жизни Іоанна не могло быть такихъ моментовъ, какъ «моленіе о чашѣ», какъ потрясающій крикъ: «Или́, Или́! лама́ савахоани́!» раздавшійся съ креста. Но ей были чужды и тѣ эпизоды, проникнутые глубокой поэзіей, которые придавали Божественному Учителю такое чарующее обаяніе. Іоаннъ—прямолинейный фанатикъ-аскетъ, холодный идеалистъ, мечтавшій вмѣстить ученіе безграничной любви въ желѣзныя рамки холоднаго, непроклоннаго моисеева закона. Такимъ именно изобразилъ его рѣзецъ г. Антокольскаго.

Рядомъ съ нимъ другой горельефъ: «Ярославъ Мудрый». Если г. Анто-

кольскій назвалъ «Христіанскую мученицу» духовной сестрой «Спинозы», то «Ярослава» можно назвать духовнымъ братомъ «Нестора». Ярославъ—тотъ же сынъ народа, прекрасный въ своей простотѣ. Такія лица еще и теперь иногда встрѣчаются въ деревнѣ. Но Ярославъ не инокъ и не крестьянинъ. Онъ князь и мудрый князь; онъ авторъ «Русской Правды». И какъ чудно хорошо художникъ выразилъ это! Глубокая, вдумчивая серьезность не въ состояніи скрыть природной доброты и открытаго характера. Изъ-подъ нависшихъ бровей умный, красивый взглядъ положительно освѣщаетъ все лицо и очаровываетъ зрителя. Простота, выраженіе религіозности, сознаніе собственнаго достоинства и спокойная увѣренность въ свою силу—вотъ что выражаютъ и взглядъ, и лицо мудраго творца «Русской Правды». Не берусь судить, красивѣе ли этотъ горельефъ фигуры Нестора, но онъ несомнѣнно разностороннѣе и глубже. Я собирался уже уйти, какъ мнѣ бросился въ глаза мраморный горельефъ, стоявшій совершенно особнякомъ у стѣны. Съ перваго взгляда онъ меня поразилъ, почти испугалъ. Кто это?

Дѣвушка, почти еще дѣвочка. Молодая, тонкая, хрупкая, съ нѣжнымъ-нѣжнымъ лицомъ, некрасивымъ, но поразительно милымъ, чистымъ и дѣвственнымъ. Въ широко раскрытыхъ глазахъ взглядъ только-что подстрѣленнаго оленя. Это не только испугъ, это недоумѣніе вмѣстѣ съ глубокимъ страданіемъ: испугъ вмѣстѣ съ смертной тоской; это первый моментъ неопредѣленнаго, неяснаго, но страшнаго сознанія гибели. Точно вотъ только что тяжелая колесница проѣхала по этому хрупкому созданію. За что же и кто такъ грубо сорвалъ и смялъ этотъ нѣжный цвѣтокъ?! Кто она?

— Офелія, подсказалъ мнѣ подошедшій г. Антокольскій.

Произведенія г. Антокольскаго стоятъ далеко отъ современной жизни; не принадлежатъ они и другой какой-нибудь одной опредѣленной эпохѣ: Сократъ, Несторъ, Ермакъ, Спиноза, Петръ—все это представители различныхъ эпохъ, культуръ, народностей, личности, съ перваго взгляда мало или ничего общаго между собой не имѣющія. Гдѣ объединяющая ихъ идея? Почему именно они остановили на себѣ вниманіе художника? Неужели имъ руководила одна лишь слѣпая случайность? Достаточно хоть сколько-нибудь присмотрѣться къ произведеніямъ г. Антокольскаго, чтобы убѣдиться, что всѣ они проникнуты одной общей идеей, которая пробивается наружу во всемъ, къ чему ни прикасался свободный рѣзецъ геніальнаго скульптора.

Главные типы Антокольскаго—отъ Сократа до Петра—всѣ піонеры, новаторы, люди несокрушимой энергіи, непоколебимаго убѣжденія и вообще громадной духовной силы. За исключеніемъ Нестора и Ярослава—тоже великихъ піонеровъ—всѣ они стоятъ совершенно одинокіе передъ враждебной, грозно-бушующей толпой (иногда цѣлымъ міромъ), которой они первые бросили вызовъ. Каждая изъ этихъ лично-

стей является передъ вами героемъ эпической борьбы, въ которой, въ большинствѣ случаевъ, на одной сторонѣ—стихійная сила тьмы и застоя, на другой — свѣтлая, только что народившаяся мысль. Излюбленный типъ Антокольскаго—борецъ идейный, но иногда онъ беретъ свои типы и изъ другихъ сферъ, вооружаетъ ихъ матерьяльной силой и властью—и опять-таки ставитъ лицомъ къ лицу съ враждебной средой. Таковы Петръ и Ермакъ, Грозный и Мефистофель. Кромѣ своей идеи, свѣтлой или мрачной, въ рукахъ этихъ борцовъ и другая сила, столь же могучая и стихійная, какъ та, противъ которой они выступаютъ.

Побѣда остается, если не всегда за толпой, то всегда за темной матерьяльной силой. Она отравляетъ Сократа, обезглавливаетъ Іоанна, распинаетъ Христа, бросаетъ на арену римскаго цирка молодую христіанку, предаетъ проклятію Спинозу. Не побѣждаетъ она лишь тогда, когда ей навстрѣчу выступаетъ другая матерьяльная сила, столь же могучая. Короче, матерьяльная сила, грубая, жестокая, темная, въ чьихъ бы рукахъ она ни была, въ рукахъ-ли толпы или одного человѣка, въ рукахъ-ли фарисеевъ или Грознаго, всегда и вездѣ торжествуетъ, властвуетъ — и у ногъ ея лежатъ трупы отравленныхъ Сократовъ и истерзанныхъ Спинозъ. Таковъ общій фонъ картины, мрачной, проникнутой глубокимъ пессимизмомъ, надъ которой, какъ обобщеніе, раздается холодный, ядовитый смѣхъ Мефистофеля.

Однако, странное дѣло. Разсматривая произведенія Антокольскаго, вы почему-то не замѣчаете ихъ пессимистической тенденціи; вы не ощущаете подавляющаго чувства. Напротивъ, чѣмъ болѣе вы къ нимъ присматриваетесь, тѣмъ свѣтлѣе и бодрѣе становится ваше настроеніе. Передъ вами какъ будто не истерзанные, лежащіе во прахѣ мученики, а гордые и сильные борцы, передъ вами побѣдители...

Да, они и есть побѣдители. Отравленные, обезглавленные, распятые, истерзанные и измученные—они гордо стоятъ съ высоко поднятымъ факеломъ разума, съ знаменемъ побѣды. Да развѣ пытки и казни въ состояніи были не только побѣдить, даже коснуться того царства разума и свѣта, которое они возвѣстили и оставили потомству? Смерть и мученія ихъ только ярче засвидѣтельствовали ихъ безсмертіе, ихъ побѣду. Нѣтъ, не мрачнымъ пессимизмомъ, а глубокой вѣрой въ торжество разума и истины надъ стихійной силой тьмы и застоя проникнуты произведенія Антокольскаго. Они—торжественный гимнъ безсмертному, непобѣдимому разуму. Девизъ Антокольскаго:

«Да здравствуетъ разумъ—да скроется тьма!»

С. Ап—скій.

БРИШАНТО.

ИЗЪ ЖИЗНИ АКТЕРА.

Жюля Клареси.

(Окончаніе).

Прошлое Бришанто.

— Вы можете мнѣ сказать, что всѣ мои разсказы—пустяки и хвастовство; не желаете-ли вы, какъ нынче говорятъ, получить рекомендаціи? Но прежде, чѣмъ я сдѣлался болтливымъ старикомъ, я былъ молодъ, и у меня былъ свой апофеозъ; повѣрьте мнѣ, то, что я вамъ разсказываю, голая правда, я никогда не былъ лжецомъ. Да, я былъ когда-то молодъ, а не всякій можетъ это сказать про себя! Но это было такъ давно! Съ тѣхъ поръ я скитался по жизненному пути и сталъ искать хлѣба, послѣ того, какъ искалъ славы. Но въ то же время я еще не старикъ, мнѣ нѣтъ еще шестидесяти пяти лѣтъ, и мои мускулы не утратили упругости; объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать тотъ злоумышленникъ, который напалъ на меня вчера вечеромъ, на бульварѣ Вальенъ: онъ собирался меня обокрасть, а можетъ быть и придушить, но ему не поздоровилось. Да! видалъ я виды! Сколько воспоминаній подъ этими сѣдинами! Было время, когда Бовалле мнѣ завидовалъ, а Рашель не соглашалась принять меня въ свою труппу, боясь, что я отниму у нея часть аплодисментовъ. Вы думаете, я хвастаю? Нѣтъ, я давно пережилъ пору иллюзій, и сегодня, какъ вчера, какъ всегда, говорю вамъ одну правду.

Бовалле былъ моимъ профессоромъ въ консерваторіи. Я вступилъ въ это старое зданіе на улицѣ Пуассоньеръ въ годъ революціи 48 года. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ. Надежды, мечты волновали мою душу. Еще крошкой я уже декламировалъ стихи подъ тѣнью деревьевъ, въ садикѣ, который окружалъ домъ моихъ родителей. Я случайно попалъ въ театръ нашего городка и видѣлъ «Дѣтей Эдуарда»; съ тѣхъ поръ у меня было одно желаніе сдѣлаться актеромъ,—актеромъ, который господствуетъ надъ толпой и бросаетъ ей слова поэта. Отецъ мой служилъ въ канцеляріи мэра и прочилъ и меня на ту же должность. Нѣтъ, благодарю покорно, сидѣть и строчить бумаги, подбирать слово къ слову, чтобы выходили казенныя «отношенія», не имѣющія никакого жизненнаго значенія; они пишутся для того, чтобы господамъ

мэрамъ и ихъ помощникамъ было на чемъ расчеркивать свои фамиліи, а вѣдь это очень пріятное занятіе — расписаться да еще съ какой-нибудь хитрой закорючкой!

— Ты хочешь сдѣлаться актеромъ?—говорилъ мнѣ отецъ.—Въ умѣ ли ты? Это профессія лѣнтяевъ; ты умрешь съ голода, Себастіанъ, подумай только, умрешь съ голода.

Я не обращалъ вниманія на его слова. Я училъ наизусть цѣлыя тирады. Матери я разсказывалъ жизнеописанія великихъ артистовъ; всего эффектнѣе выходилъ разсказъ о Тальмѣ, это былъ король среди актеровъ.

— Чортъ возьми,—говорилъ отецъ,—если изъ тебя выйдетъ Тальма!

И онъ пожималъ плечами.

Я отвѣчалъ:—почему же нѣтъ?

Но мать перебивала:—если изъ него и выйдетъ Тальма, то занятіе актера противно ученію церкви.

Къ счастью для меня, отецъ былъ свободнымъ мыслителемъ; онъ читалъ Вольтера. Въ душѣ онъ тоже любилъ театръ и сознавалъ, что должность писца въ уѣздномъ городишкѣ не составляетъ еще верха человѣческаго благополучія. Ему удалось уговорить мою мать; она рѣшила, если я сдѣлаюсь актеромъ, молиться за меня еще болѣе горячо, чѣмъ молилась до сихъ поръ, и только повторяла:

— Еслибы ты былъ вторымъ Тальма!

А почему бы нѣтъ? У меня былъ ростъ, хорошій голосъ, волосы мои вились, а глаза могли метать искры; я могъ воплощать въ себѣ героевъ Корнеля и Виктора Гюго; въ особенности плѣняли меня дѣйствующія лица комедій Гюго: во мнѣ сохранились преданія романтизма, и я ненавижу буржуазность въ литературѣ.

Четырнадцати лѣтъ я зналъ наизусть всего Рью-Блаза и Эрнани, но я изучалъ и классическія произведенія; это было необходимо для поступленія въ консерваторію.

Никогда не забуду октябрьскаго дня, когда я предсталъ передъ жюри; я былъ такъ же взволнованъ, какъ въ день перваго причастія. У меня и теперь передъ глазами это страшное жюри. Маленькая зала, въ помпейскомъ вкусѣ, и небольшая сцена въ нѣсколько ступенекъ вышины; передъ нею столъ въ видѣ подковы, за которымъ сидѣли мои судьи. О! это зеленое сукно съ чернильницами изъ бѣлаго фарфора,—подобными административной чернильницѣ моего отца, въ которую онъ всю жизнь погружалъ свое чиновничье перо! Листы бѣлой бумаги были разбросаны по всему столу, а надъ ними склонились лысыя головы двѣнадцати профессоровъ, все старики; но вотъ головы приподнялись, и всѣ онѣ смотрѣли на меня, слушали, изрѣдка дѣлая отмѣтки на бѣлыхъ листахъ.

Я часто бывалъ потомъ въ этой залѣ!.. Но въ первый разъ я не видѣлъ ничего передъ собой, только большую дыру и вдалекѣ, за огромнымъ роялемъ, нѣсколько плѣшивыхъ головъ.

Ахъ! какая минута, когда привратникъ выкликнулъ мою фамилію! Я стоялъ въ пріемной и разговаривалъ съ молодыми людьми и молодыми дѣвушками, которые ждали своей очереди, и вдругъ слышу:

— Мосье Бришанто!

Отворяется дверь. Я стремительно вылетаю на сцену и начинаю монологъ Ореста. Странное дѣло: я былъ очень взволнованъ, ожидая своей очереди, но, вступивъ на подмости, на мои первые подмостки, вполнѣ овладѣлъ собой. Я человѣкъ битвы, человѣкъ дѣйствія... Публика не подавляетъ меня, а, напротивъ, воодушевляетъ. Или ты артистъ, или ты не артистъ:— одно изъ двухъ. Я почуялъ порохъ, въ первый разъ меня слушали, и увѣряю васъ, что меня слышали.

Голосъ мой наполнялъ залу подобно раскату грома. Я видѣлъ, какъ предсѣдатель безпокойно заерзалъ на креслѣ, а мосье Самсонъ, у котораго былъ очень тоненькій голосокъ, зажалъ себѣ уши. Я часто игралъ Ореста, но никогда не выражалъ такъ ярко его негодованія, я весь трепеталъ, я дрожалъ, какъ натянутая струна. Движенія мои соотвѣтствовали роли, и я самъ удивляюсь, откуда у меня взялась такая развязность.

Вдругъ президентъ постучалъ по столу молоткомъ изъ слоновой кости и сказалъ мнѣ, впрочемъ, довольно любезно:

— Благодарю васъ, мосье.

Я поклонился комитету, поклонился привратнику и ушелъ сопровождаемый одобрительнымъ шепотомъ. Спустившись по лѣстницѣ, я вышелъ на просторный дворъ консерваторіи, гдѣ были другіе кандидаты, нетерпѣливо и нервно дожидавшіе своей очереди.

Ахъ, это сѣрое небо и эти молодыя лица! Юноши и молодыя дѣвушки! Нынѣшняя консерваторія не даетъ и понятія о томъ, что она была сорокъ лѣтъ тому назадъ; нынѣшнія конкуррентки похожи на герцогинь въ сравненіи съ тѣми дѣвушками, мечтавшими сдѣлаться Рашелями. Откуда онѣ явились? Изъ полутемныхъ коморокъ консьержевъ, изъ мансардъ Монмартра и Бельвиля, въ скромныхъ платьицахъ, сшитыхъ руками заботливой маменьки, въ гладкихъ шаляхъ, плохо выглаженныхъ воротничкахъ, въ грошевыхъ шляпкахъ и съ завтракомъ, завернутымъ въ кусочекъ газетной бумаги! Нынче въ день экзамена вы увидите шелковыя платья, фай и атласъ! Многія пріѣзжаютъ въ каретахъ—сцена явилась выходомъ для дочерей обанкрутившихся банкировъ, раззорившихся купцовъ и вышедшихъ въ отставку полковниковъ. Театръ—это положеніе въ свѣтѣ. На репетиціи идутъ, какъ на службу и разсчитываютъ, что выгоднѣе,—играть на театрѣ или быть продавщицей въ Луврѣ. Бѣдные, какъ мы были глупы! Мы стремились къ лаврамъ, забывая, что у насъ есть желудокъ. Изъ всѣхъ дѣвушекъ, меня окружавшихъ, ни одна не мечтала, я въ томъ увѣренъ, о богатомъ отелѣ, а теперь каждая мечтаетъ именно объ этомъ

Алтарь искусства! Вотъ что мы видѣли передъ собою; теперь же только смѣются надъ этимъ алтаремъ!

Всѣ меня окружили. Ну что, страшно?—Каковы судьи?—Сердиты они?—Какъ надо говорить, громко?—Я отвѣтилъ:

— Говорите какъ можно громче. Я гремѣлъ, въ полномъ смыслѣ слова гремѣлъ!

На меня смотрѣли уже съ нѣкоторымъ восторгомъ, какъ на человѣка, который сдалъ экзаменъ передъ комитетомъ. Я чувствовалъ, что имѣю нѣкоторое значеніе, я давалъ совѣты направо и налѣво.

— Какъ вы счастливы, что сдали экзаменъ,—сказала мнѣ молодая дѣвушка дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—а мнѣ кажется, я никогда, никогда не осмѣлюсь!

Я взглянулъ на нее. Это была блондинка, небольшого роста, страшно застѣнчивая и на видъ очень бѣдная. Она нервно теребила свою черную поношенную шаль; изъ подъ черной же, поношенной шляпы выглядывало худенькое лицо, похожее на лица англичанокъ, продающихъ цвѣты у входа въ театръ Лондона, среди сырости, холода и тумана. Я видѣлъ изображеніе ихъ на картинахъ.

— Не осмѣлитесь? Почему же? Надо смѣть, сударыня, я же осмѣлился—берите примѣръ съ меня.

— О, вы совсѣмъ другое дѣло.

— Дорогое мое дитя,—отвѣтилъ я задушевнымъ голосомъ,—природа не создаетъ всѣхъ по одному образцу. У всякаго есть свои особенности, у васъ однѣ, у меня другія. Будьте смѣлы!

Потомъ я спросилъ ее, что она приготовила для своего экзамена.

— Ариси.

— Ну, что жъ, это великолѣпно! Вы граціозны, элегантны, у васъ нѣжный голосъ. Подойдите какъ можно ближе къ рампѣ и пропойте имъ свой монологъ. Я гремѣлъ—это вполнѣ естественно; для васъ же необходимо быть нѣжной; я—громъ, вы—сладкозвучная лира.

Она слушала, устремивъ на меня свои умные глаза, синіе, глубокіе. Мнѣ казалось, что я уже учитель, наставникъ, обучающій свою ученицу: пять минутъ дебюта придали мнѣ увѣренность, которая не измѣняла мнѣ во всю мою долголѣтнюю практику! Мнѣ было пріятно прогуливаться съ этимъ прелестнымъ ребенкомъ по дворику консерваторіи; она приблизилась ко мнѣ инстинктивно, какъ слабое созданіе, которое прибѣгаетъ подъ защиту сильнаго.

Ей было всего шестнадцать лѣтъ. Въ эти годы еще умѣютъ быть довѣрчивыми. Она была дочерью театральнаго машиниста изъ театра «Амбигю», упавшаго съ мачты во время представленія «La Closerie des Genets»; бѣдняга умеръ въ больницѣ, а дочь его, выросшая на подмосткахъ, не желала ничего другого, какъ посвятить себя этимъ же подмосткамъ, на которыхъ погибъ ея отецъ. У нея была вѣра въ свое призваніе, и она, какъ и я, жила призрачною жизнью театра. Ее

смущали только прирожденная робость и тонкій голосъ: не достаточно громкій для подмостокъ, голосъ ея былъ голосомъ элегій.

— Если вы будете приняты, я научу васъ подавать голосъ.

— А! Вы! Вамъ это легко.

Мы разговаривали, увлеченные одинаковыми чувствами и волненіями. Опасность сближаетъ людей. Не прошло и десяти минутъ, какъ она знала мое имя, а я ее. Женни Валадонъ, такъ звали мою знакомую.

— Валадонъ! Вамъ надо перемѣнить фамилію, она не годится для театра, развѣ только для тенора.

— За этимъ дѣло не станетъ, фамилію можно подыскать!.. Но главное—надо пройти экзаменъ, я вся дрожу при одной мысли о судьяхъ, которые засѣдаютъ въ залѣ.

Она дѣйствительно трепетала, какъ нѣжный листъ, да, признаться, и я самъ не былъ спокоенъ, вспоминая зеленый столъ и скрипучія перья комитета; у меня шумѣло въ ушахъ и по спинѣ пробѣгала дрожь. Быть принятымъ или отвергнутымъ! Я повторялъ монологъ Гамлета, прохаживаясь взадъ и впередъ по мостовой дворика.

— Если, дойдя до конца, число камней будетъ четное, я буду принятъ: разъ, два, три, четыре!

Получилось нечетное число; но я утѣшалъ себя, что ошибся и начиналъ считать съизнова: разъ, два, три, четыре! Я старался убить время. Наконецъ, кончился и этотъ день, принесшій съ собой столько волненій; наступилъ часъ, когда жюри установилъ, на основаніи сдѣланныхъ отмѣтокъ, кто принятъ и кто не принятъ; мы стояли, какъ стадо барановъ, усталые, съ пересохшимъ горломъ, и ждали выхода котораго-нибудь изъ членовъ, чтобы узнать свою участь! Въ тѣни наступившаго вечера всѣ ждали, широко раскрывъ глаза, въ страшномъ нервномъ напряженіи; было что-то трогательное въ этой нѣмой толпѣ, которая больше часа ждала у ступенекъ лѣстницы, по которой должны были спуститься члены комитета. Говорили шепотомъ; слышно было біеніе этихъ сердецъ! Всякая тѣнь, которая скользила по лѣстницѣ, вызывала сдержанныя восклицанія; всѣ были бы рады устремиться впередъ, но сторожа сдерживали толпу, и она стояла и трепетала, волновалась и ждала.

Наконецъ, показались судьи—они медленно сходили по лѣстницѣ одинъ за другимъ... Когда первый изъ нихъ показался въ дверяхъ, то очутился въ осадномъ положеніи: его останавливали, цѣплялись за его одежду, хватали за руки; отовсюду раздавались восклицанія:

— Приняли? Годаръ, Луи Годаръ?

— Палмаренъ принятъ?

— А сынъ мой, Жанъ Бужаро?

— А Мартино?

И такъ далѣе безъ конца. Онъ насилу пробирался сквозь толпу, отдѣлываясь неопредѣленными восклицаніями: — «Не знаю, не помню,

кажется, принятъ, боюсь, что не принятъ». Затѣмъ то же продѣлывалось со слѣдующимъ; восклицанія, крики, негодующіе возгласы, стоны, истерики—все это сливалось въ общій неясный гулъ. Свою судьбу я узналъ отъ Скриба; онъ явился моимъ спасителемъ, разрѣшивъ муки ожиданія.

На мой отчаянный вопросъ:

— Бришанто, мосье Бришанто?

Онъ отвѣтилъ мнѣ быстро, на ходу, стараясь убѣжать отъ докучливыхъ вопросовъ.

— Да, да, Бришанто принятъ, навѣрное принятъ.

Теперь у меня была одна мысль—какъ можно скорѣе добѣжать до станціи желѣзной дороги и поѣхать къ родителямъ, чтобы сообщить имъ радостную вѣсть.

— Вашъ сынъ—ученикъ національной консерваторіи музыки и декламаціи.

Но я не рѣшался уйти; а вдругъ мосье Скрибъ ошибся? Между конкуррентами былъ нѣкто Принсето, онъ могъ спутать съ Бришанто; хотя я увѣренъ, если у него былъ вкусъ, онъ не могъ сдѣлать такой ошибки. Однако, я остался стоять въ толпѣ.

По окончаніи испытаній, профессора дѣлятъ между собою учениковъ; одни назначаются для комедій, другіе для трагедій. Мнѣ потомъ разсказывали, что по поводу моего назначенія случился маленькій инцидентъ. Когда прочитали мое имя, мосье Самсонъ произнесъ своимъ острымъ, пронизывающимъ голосомъ.

— А, этотъ предназначенъ для трагедій! Классъ мосье Бовалле.

На что послѣдній возразилъ своимъ громовымъ голосомъ:

— Почему же это? Позвольте васъ спросить.

— Потому что у него голосъ, какъ у фельдфебеля.

— Развѣ трагедія ремесло солдата?—возразилъ мосье Бовалле.

— Нѣтъ, но...—мосье Самсонъ замялся.

Послѣдовала стычка, которая ознаменовалась всевозможными колкостями съ обѣихъ сторонъ, и, хотя Бовалле и согласился взять меня въ свой классъ, но сдѣлалъ это безъ порыва, съ чувствомъ досады. На что? На обиду, оказанную г-мъ Самсонъ? На мой голосъ? На то и другое вмѣстѣ. Мой голосъ создалъ мнѣ врага въ лицѣ учителя. Онъ самъ славился необыкновеннымъ голосомъ, а мой гремѣлъ, и его раскаты заглушали голосъ мосье Бовалле. Ему казалось, что я подрываю его славу, и, по зависти, столь свойственной даже великимъ людямъ, онъ не могъ мнѣ простить силы моего голоса. Даже подъ старость, когда заходила рѣчь обо мнѣ, онъ всегда бывало засмѣется и замѣтитъ:

— Бришанто! Какъ же, помню: онъ хвалился, что можетъ заглушать мой громовый голосъ.

Заглушать—это было вполнѣ вѣрно; я былъ, такъ сказать, утроенный Бовалле. Если онъ кричалъ—я ревѣлъ; онъ кричалъ сильнѣе, я

еще сильнѣе; наши уроки были состязаніе рева; да, мы оба показывали, что можемъ оглушить хоть какую аудиторію. Товарищи мнѣ хлопали, чѣмъ окончательно выводили изъ себя Бовалле.

За то въ день выхода, когда трое изъ насъ состязались на первый призъ, я получилъ лишь третій нумеръ и, выходя изъ зданія консерваторіи, готовъ былъ броситься въ воду, такъ велико было мое отчаяніе... Я не завидовалъ другимъ, я только скорбѣлъ о своей неудачѣ. «Ты не виноватъ, Бришанто,—утѣшалъ я себя,—это месть профессора, месть соперника!» Я отправился къ директору и сказалъ ему:

— Мосье Оберъ, дорогой наставникъ, это несправедливо!

Онъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать одинъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, вы увидите еще много несправедливостей на своемъ вѣку.

Онъ былъ правъ: я видѣлъ ихъ довольно. Несправедливость—это мостовая, по которой свершаешь свой земной путь. Возмущенный, я покинулъ консерваторію, вмѣсто того, чтобы провести еще годъ въ классѣ Бовалле; весьма вѣроятно, что на слѣдующій годъ меня ожидала удача, но я бросился на дорогу случайностей и служилъ искусству, скитаясь по большимъ дорогамъ.

Я игралъ въ театрѣ «Gaîté», въ циркѣ, на бульварѣ Темпль, въ этомъ прелестномъ уголкѣ Парижа; въ немъ я пожалъ первыя рукоплесканія. По выходѣ изъ театра меня ждала Женни, Женни Валадонъ, мой товарищъ по консерваторіи, моя ученица, и мы съ ней отправлялись на улицу Мальты, гдѣ свили себѣ гнѣздышко, высоко, очень высоко, подъ самою крышей. Случилось то, что должно было случиться. Я влюбился въ Женни, она мнѣ отдалась, какъ отдалась искусству, слѣпо, безъ разсчета. Женни—это моя молодость. Прекрасная, чудная дѣвушка! Если я былъ сила—она была очарованіе. Она привязалась ко мнѣ, какъ лоза дикаго винограда, которая обвиваетъ могучій дубъ. Мы жили очень хорошо и любили другъ друга крѣпко, горячо, и оба вмѣстѣ обожали искусство, театръ. Мы себя любили въ немъ. Въ нашей мансардѣ мы проводили ночи напролетъ, декламируя стихи на крошечномъ балконѣ передъ Парижемъ у нашихъ ногъ. Вамъ это покажется наивнымъ? Въ двадцать лѣтъ душа полна поэзіи,—это мои самыя лучшія воспоминанія, и я еще теперь не могу проходить равнодушно тѣ мѣста, гдѣ мы гуляли вмѣстѣ съ нею.

Она раздѣляла мои надежды; у ней, какъ и у меня, было врожденное отвращеніе ко всему пошлому, къ мелкому искусству, къ водевилю. Не имѣя достаточнаго успѣха въ Парижѣ, мы рѣшились пуститься въ провинцію. У меня сохранилась копія перваго моего контракта съ антрепренеромъ, я знаю его наизустъ. Есть вещи, которыя не забываются.

«Мы нижеподписавшіеся, Пуаріе-Тивіаръ, содержатель театра въ Турнэ, и Себастіанъ Бришанто, заключили между собою слѣдующее условіе:

«Себастіанъ Бришанто обязуется, по желанію властей и директора, выступать на всѣхъ театрахъ Франціи и заграницы, гдѣ бы ни угодно было вышепоименованному директору, какъ въ первыхъ роляхъ, такъ и въ роляхъ второстепенныхъ, по указанію директора.

«Пунктъ первый. Нижеподписавшійся артистъ обязуется играть на всѣхъ представленіяхъ, гдѣ выставлена его фамилія на афишѣ, и долженъ являться на всѣ репетиціи, *если онѣ назначены даже по окончаніи спектакля.* Въ случаѣ неявки артиста или его опозданія, дирекція имѣетъ право его штрафовать въ размѣрѣ, который или опредѣленъ, или еще подлежитъ опредѣленію».

Не правда-ли, какъ хорошо? Я долженъ былъ подписать даже неизвѣстную величину!

«Пунктъ третій. Артистъ обязуется играть всѣ роли, которыя доступны ему по его физическимъ свойствамъ, предоставляя дирекціи *въ самомъ полномъ смыслѣ слова, не вдаваясь ни въ какія разсужденія,* раздачу ролей въ пьесѣ, не обращая вниманія на то, были-ли эти роли въ репертуарѣ артиста въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, артистъ долженъ сыграть, по крайней мѣрѣ, *десять ролей* въ видѣ услуги.

«Пунктъ пятый. Артистъ долженъ сдѣлать себѣ всѣ костюмы, обувь, парики и аксесуары, необходимые для ролей, *даже не его амплуа.*

«Пунктъ седьмой. При всякой постановкѣ оперъ, драмъ и водевиля, артистъ долженъ быть на сценѣ, если у него даже нѣтъ роли въ пьесѣ и участвовать въ хорахъ, процессіяхъ и т. д. Въ случаѣ измѣненія пьесы онъ долженъ немедленно играть всякую раньше игранную роль, по заявленію директора, поэтому долженъ присутствовать на всякомъ представленіи...»

Да, приходилось мнѣ пѣть въ операхъ, быть въ качествѣ гостей, исполнять выходныя роли, всего было довольно. Оберъ былъ правъ: всякія униженія выпали на мою долю. Но лучше всего пунктъ восьмой.

«Въ случаѣ закрытія театра, по причинѣ народнаго бѣдствія, революціи, религіозныхъ празднествъ, эпидеміи, наводненій, холода, наконецъ, всякой причины, которая бы вызвала пониженіе доходности, дирекція имѣетъ право распустить труппу, при чемъ прежде всего покрываются расходы дирекціи, и только оставшаяся сумма дѣлится между артистами сообразно получаемаго ими содержанія. Музыканты, хористы и прочіе служащіе получаютъ полное удовлетвореніе.

«Пунктъ девятый. Въ случаѣ болѣзни артиста, какъ бы продолжительна она ни была, съ перваго же дня выдача жалованья прекращается до полнаго выздоровленія артиста и возобновленія его участія въ представленіяхъ. Жалованье замужнимъ женщинамъ или не-

замужнимъ, въ случаѣ ихъ беременности, прекращается въ продолженіе шести мѣсяцевъ, даже если ихъ положеніе и не производитъ еще непріятнаго впечатлѣнія на зрителей... Дирекція имѣетъ право искать замѣстителя такому артисту, который по слабости здоровья нарушаетъ установленный репертуаръ, но онъ долженъ дожидаться, пока не явится его замѣститель».

Не правда-ли, недурно? Не смѣй хворать, или ты долженъ умереть съ голода. Моли Бога, чтобы не было религіозныхъ торжествъ, или тебѣ заплатятъ меньше простого ламповщика! Старайся нравиться городскимъ властямъ, муниципалитету, иначе тебѣ откажутъ черезъ мѣсяцъ, и ты останешься на улицѣ; тебѣ заплатятъ лишь билетъ третьяго класса и два пуда багажа! Вотъ та дѣйствительность, которая явилась взамѣнъ нашихъ мечтаній. Носись по житейскимъ волнамъ на произволъ всякимъ случайностямъ и утѣшайся безсмертнымъ искусствомъ! Это я и сдѣлалъ. Смѣйтесь надо мною, если хотите; когда средства были особенно плохи и содержаніе болѣе чѣмъ скудно, мы ѣли свой водянистый супъ, воображая, что это амброзія, и старались быть счастливыми. Мы жили только аплодисментами; отъ нихъ не растолстѣешь, но за то сердце радуется и душа веселится.

Всѣ мои воспоминанія, всѣ разочарованія и искушенія я не промѣнялъ бы на званіе президента совѣта. Я былъ болѣе чѣмъ министромъ, я былъ королемъ, я былъ всѣмъ, чѣмъ угодно. Какъ припомнишь пережитое, кровь закипаетъ въ жилахъ.

Но случилось нѣчто, заставившее и меня пріуныть не на шутку. Всему виною мой громовый голосъ, какъ я вамъ докладывалъ. Моя бѣдная Женни изнывала отъ того, что я говорилъ слишкомъ громко, она надсаживалась, подавая мнѣ реплики. Она походила на зяблика, который пѣлъ при раскатахъ грома. Понимаете? Она задыхалась, хрипѣла, и, наконецъ, ей грозила полная потеря голоса.

Однажды мы играли Эрнани. Въ пятомъ дѣйствіи Женни отъ натуги покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и всѣ зрители разсмѣялись, когда она сказала, обращаясь ко мнѣ: «Не правда-ли, я очень блѣдна для невѣсты?»

Блѣдна, бѣдная дѣвочка! Она была красна, какъ ракъ. Я посовѣтовалъ ей обратиться къ доктору. Докторъ заявилъ категорично, что ей грозитъ потеря голоса. «Вы требуете отъ голоса такой силы, которая не соотвѣтствуетъ силѣ вашихъ легкихъ». Плохи были наши дѣла. что дѣлать! Директоръ не любилъ шутить, надо было бросать подмостки.

Легко сказать, но чѣмъ было жить? Къ тому же, маленькая Женни обожала театръ... Ей надо было играть съ другимъ актеромъ, у котораго бы не было такого громкаго голоса. Проклятый голосъ! Я готовъ былъ проклинать природу, которая надѣлила меня такимъ громовымъ басомъ.

Разстаться со мною или отказаться отъ театра,—вотъ какъ стоялъ вопросъ. Докторъ сказалъ, что дѣло идетъ о жизни или смерти. Еще три мѣсяца такой гимнастики, и кровь пойдетъ горломъ, а затѣмъ...

Былъ еще исходъ—остаться въ труппѣ, но играть съ другимъ. Но тутъ былъ вопросъ самолюбія, здѣсь требовалась жертва, несовмѣстная съ понятіями артиста.

— Быть около тебя и слышать, какъ ты играешь съ другой, нѣтъ,—говорила она,—я не могла бы этого вынести. Лучше уѣхать, чѣмъ такъ страдать!

«Уѣхать», она бросила это слово такъ, на удачу, но оно заключало въ себѣ приговоръ надъ нашею любовью. Мой голосъ ее убивалъ, она должна была играть съ другимъ — намъ надо было разстаться, не могъ же я продолжать медленное убійство.

Разстаться! Послѣ того, что мы столько лѣтъ дѣлили вмѣстѣ и радость и горе; проклятый голосъ! Еслибы не онъ, я былъ бы теперь въ «Comédie française». Но надо было рѣшаться на что-нибудь, и я произнесъ ужасное слово—разлука. «Мы разлучимся только на время, наши сердца найдутъ другъ друга».

Гдѣ? Я этого не зналъ; я сказалъ эту фразу: она встрѣчалась въ какой-то драмѣ, которую я игралъ, и какъ разъ подходила къ драмѣ моей жизни.

Я утѣшалъ ее, предсказывая ей успѣхи въ нѣкоторыхъ роляхъ, со мной она легко могла потерять свою женственность.

— Ты фіалка, надъ которой разразился громъ,—говаривалъ я ей.

— Ахъ, какъ это ужасно, ужасно! Ты такой добрый, Себастіанъ!— отвѣчала она, всхлипывая.

Мы рѣшили видаться непремѣнно въ роковое число нашей разлуки. Мы видѣлись четыре года подрядъ: это мало? не такъ-ли, но для человѣческой любви это много, Женни поправилась; она продолжала играть въ провинціи, но только въ комедіяхъ, драму она бросила. Даже въ искусствѣ мы пошли по разнымъ дорогамъ.

— Я жалѣю Гюго, но надо жить,—говорила она.

Жила-ли она? Боюсь, что ея жизнь не была краше моей. А сколько ей пришлось перенести оскорбленій, столь ужасныхъ для ея чуткой женской души! Годы шли. Въ условленное число мнѣ случалось быть въ Америкѣ, ей въ Румыніи. Сперва мы переписывались, потомъ и письма прекратились. Время ткало паутину и окутывала наши воспоминанія.

Я говорилъ себѣ, старѣясь: «она теперь играетъ благородныхъ старухъ», какъ вдругъ прочиталъ слѣдующее объявленіе въ театральной газетѣ: «Продаются женскіе театральные костюмы, ростъ средній, театральныя брошюры, брилліанты и вѣнки, наслѣдство послѣ г-жи Віола». Это былъ ея псевдонимъ.

Сразу все мое прошлое озарилось точно молніей. Консерваторія, мосье Бовалле, судьи, скрипѣвшіе перьями, Женни, товарищи, про-

винція, тяжелые годы, разлука, и горячія слезы полились на газетный листокъ.

«Громъ и молнія!»—закричалъ я такъ громко, что публика оглянулась и захохотала; я сидѣлъ въ скверѣ Монталонъ. Проклятый голосъ! Онъ былъ причиной, что люди смѣялись, когда я оплакивалъ Женни, свою Женни. Много голоса и мало удачи—вотъ моя судьба, но я не жалуюсь, у меня есть искусство, и я могу сказать, что пожилъ не даромъ на бѣломъ свѣтѣ.

Проводы Панаціоля.

Онъ умеръ, бѣдный Панаціоль! Мы свезли его вчера на кладбище Монмартръ, гдѣ онъ уже давно купилъ себѣ кусокъ земли; онъ тоже заготовилъ себѣ памятникъ и самъ ходилъ къ монументщику, чтобы слѣдить за работой, такъ же аккуратно, какъ прежде ходилъ на репетиціи. Панаціоль былъ всегда необыкновенно изященъ въ одеждѣ и въ привычкахъ, поэтому желалъ, чтобы послѣднее украшеніе было выполнено по его вкусу.

Большой талантъ этотъ Панаціоль! Я его очень любилъ. Правда, традиціи его игры были нѣсколько устарѣлы, голосъ выдѣлывалъ постоянныя тремоло, рука постоянно ерошила волосы при любовныхъ объясненіяхъ; но въ то же время онъ былъ настоящій первый любовникъ и становился на колѣни, какъ никто, а поцѣлуй руки у него выходилъ просто божественный! Мы были соперниками на подмосткахъ, но въ жизни всегда добрыми друзьями.

И вотъ онъ умеръ! Театръ онъ оставилъ въ цвѣтѣ силъ: этотъ человѣкъ хотѣлъ быть любимымъ во что бы то ни стало, а когда онъ замѣтилъ, что волосы его сильно сѣдѣютъ, и, къ тому же, одинъ зубъ началъ портиться, онъ далъ прощальное представленіе, поселился въ предмѣстьѣ Парижа, въ маленькомъ домикѣ, и сказалъ: нѣтъ больше перваго любовника!

Его сильно интересовалъ свой собственный надгробный памятникъ. Онъ слѣдилъ, чтобы на немъ были высѣчены заглавія его лучшихъ ролей, въ двухъ столбцахъ, раздѣленныхъ потухшимъ факеломъ. Факелъ славы или факелъ любви, я, право, не знаю. Панаціоль уже не можетъ намъ этого объяснить. Онъ умеръ на прошлой недѣлѣ, и хотя и говорятъ, что дружба артистовъ не долговѣчна, насъ собралось порядочное число передъ дверьми, драпированными чернымъ сукномъ, и почти всѣ поѣхали провожать его на Монмартрское кладбище.

Надо вамъ сказать, что погода была теплая, зима еще не вступила въ свои права. Много старыхъ товарищей встрѣтились у гроба умершаго друга, не мало было и женщинъ, уже съ побѣлѣвшими волосами, потому что друзья поспѣшили отдать послѣдній долгъ Панаціолю, который никогда не былъ ни завистливымъ, ни интриганомъ, и мы всѣ принесли ему цвѣты.

Похороны были вполнѣ приличны, хотя не обошлось безъ приключеній. Чтобы ѣхать до кладбища, семейство покойнаго (оно состояло изъ одного племянника) предоставило въ наше распоряженіе два похоронныхъ омнибуса. Очень хорошо придумано, особенно если находишься въ знакомомъ обществѣ. Если дорога дальняя, можно разговаривать. Къ счастью, мы всѣ знали другъ друга. Тутъ былъ Дюверди, третій любовникъ театра «Gaîté», Мартинаръ, комикъ Топине, прекрасный гримеръ, и женщины пожилыя,—кто знаетъ, быть можетъ, когда-то онѣ его любили,—и молодыя, пришедшія изъ любопытства и въ тайной надеждѣ, что какой-нибудь репортеръ помѣститъ ихъ имена въ газетѣ. Наконецъ, мы поѣхали, локоть объ локоть, колѣна около колѣна, было немного тѣсновато.

Сперва мы были печальны; намъ была видна траурная колесница, медленно подвигавшаяся, покрытая вѣнками, которые подпрыгивали и дрожали при каждомъ толчкѣ. Переѣзжая черезъ мостъ, мы посмотрѣли на Сену, которая катила свои мутныя волны.

— Сегодня не весело было бы кататься на лодкѣ,—сказалъ кто-то.

— Кто-жъ теперь катается на лодкахъ? Теперь всѣ ѣздятъ на велосипедѣ,—отвѣтила одна изъ женщинъ.

— Плохое упражненіе для женщинъ,—замѣтилъ Шевріе,—это обнаружится со временемъ.

— А для молодыхъ людей? Оно ихъ дѣлаетъ горбатыми,—прибавилъ Мартинаръ.

Я молчалъ, хотя вообще люблю поболтать. Я слушалъ и думалъ о Панацолѣ. Я видѣлъ его молодымъ, красивымъ, стройнымъ, въ роли Мантеклена, въ роли донъ-Карлоса. Я игралъ Эрнани, онъ—донъ-Карлоса, прекрасный вечеръ! А теперь этотъ же самый Панацоль, любимецъ публики, герой женщинъ, ѣхалъ въ своемъ дубовомъ ложѣ, на тряской колесницѣ, въ свой крошечный каменный домикъ, который онъ самъ себѣ подготовилъ.

Я находилъ, что слишкомъ мало говорили именно о томъ, ради кого мы собрались; да, положительно слишкомъ мало, пока мы ѣхали по нескончаемымъ прямымъ улицамъ предмѣстья.

— Бѣдный Панацоль!—вырвалось у меня,—ему кланяются въ послѣдній разъ,—прибавилъ я, указывая на прохожихъ, которые почтительно снимали шляпы, поровнявшись съ траурной колесницей.

— Ахъ, да! Эти поклоны,—они мнѣ дали недавно хорошій урокъ скромности. Вообразите себѣ, шелъ я недавно вдоль Авеню де л'Опера, со стороны Пале-Рояля, моего бывшаго храма; встрѣчаю господина, онъ снимаетъ мнѣ шляпу... Хорошо. «Вотъ знакомый, котораго я что то не помню». Я кланяюсь ему въ отвѣтъ и продолжаю свой путь. Черезъ два шага опять встрѣча и опять поклонъ. Я отвѣчаю очень вѣжливо. Третья встрѣча и третій поклонъ. «Ахъ, чортъ возьми, но вѣдь это слава, положительно слава! Радуйся, Мартинаръ, публика тебя не

забыла, хотя фотографіи молодыхъ и замѣнили твой портретъ въ витринахъ писчебумажныхъ лавокъ!» Я отдаю и этотъ поклонъ. Не могу скрыть, что почувствовалъ себя сильно польщеннымъ. Вдругъ я встрѣчаю даму, которая начинаетъ креститься; тутъ я оборачиваюсь и что же вижу: слѣдомъ за мной ѣдетъ траурная колесница. Поклоны относились къ почившему, моя слава—это была вѣжливость къ усопшему. Повторяю, этотъ случай научилъ меня скромности.

— Не дурно,—замѣтилъ Топине.—Эхъ, старина! По прежнему мастеръ разсказывать, юморъ тебѣ не измѣняетъ!

Женщины засмѣялись.

Начались воспоминанія о театрѣ; вспоминались былые годы. «Помнишь! Ты видѣлъ меня въ этой роли? А случай съ Папаполемъ?»—разсказывали анекдоты про покойнаго, отрывки изъ его актерской жизни.

— Странно теперь подумать, что я игралъ съ нимъ «Tour de Nesle».

— Онъ игралъ въ трико, на половину розовомъ, на половину лиловомъ и въ башмакахъ. Вотъ бы поглядѣлъ на него теперь!

Слово «трико» прозвучало какъ-то странно и не вязалось съ представленіемъ о покойникѣ.

— Странный это было вечеръ,—замѣтилъ Дюверди,—впрочемъ, довольно пріятный по воспоминаніямъ. Публика была плохо настроена, потому что въ тотъ вечеръ выпалъ снѣгъ, а снѣгъ—это смерть актерамъ; вся зала страдаетъ ревматизмами. Моимъ амплуа была роль Буридана, но я далъ ее Дальвимару, который просилъ меня оказать ему эту услугу. Дѣло въ томъ, что дочь привратника съ улицы Эскермуазъ влюбилась въ него, хотѣла выйти за него замужъ и привела своихъ родителей въ театръ показать имъ, что у Дельвимара есть будущность.

Весь омнибусъ заинтересовался этимъ разсказомъ.

— Не дурно! Представленіе въ ожиданіи свадьбы!

— Ну и что жъ, Дельвимаръ былъ принятъ родителями?

— Какъ же! Дѣвица вышла за него замужъ, но потомъ убѣжала съ теноромъ изъ Большого театра.

— Берегитесь дочерей привратниковъ!

Воспоминанія такъ и сыпались. Они поднимались, какъ выводки тетеревей. Мартинаръ разсказывалъ свои похожденія въ провинціи, Топине передразнивалъ товарищей. Онъ зналъ Грассо, который смѣшилъ цѣлое поколѣніе тѣмъ, что поднималъ правую руку и говорилъ: «Гнуфъ, гнуфъ». Топине повторялъ это слово, и всѣ смѣялись. Заспорили о какомъ-то старомъ куплетѣ, и Ирена Готье, у которой былъ хорошенькій голосокъ, стала его напѣвать. Нашлись и другіе пѣвцы, и куплетъ смѣнялся куплетомъ; Дюранде пѣлъ:

Mes bons amis,
Mes chers amis,
Vive la vie
Et la folie!

Хоръ подхватывалъ, и Панацоль былъ забытъ. Поѣздка начала напоминать пикникъ. Еслибы не зима, навѣрное остановились бы выпить по стаканчику; было весело.

Впрочемъ, по мѣрѣ приближенія къ кладбищу, всѣ сдѣлались опять серьезными. Тихими шагами, низко опустивъ головы, провожали мы нашего друга до мѣста его успокоенія, чтобы разстаться съ нимъ навсегда. Мы пробирались среди могилъ къ тому уголку земли, гдѣ красовался у самаго обрыва глубокой ямы памятникъ, сооруженный стараніями покойнаго, и на немъ красовалась надпись золочеными буквами: «Панацоль».

Печальное шествіе остановилось; всѣ стали толкаться, чтобы встать поближе къ ораторамъ я посмотрѣлъ на нихъ. Ихъ было двое—одинъ, молодой комикъ изъ «Фоли-драматикъ», долженъ былъ говорить отъ имени молодыхъ,—звали его Вальбуске; другой, Моревель, представитель ассоціаціи драматическихъ артистовъ; онъ былъ не чуждъ литературы и даже издалъ сборникъ: «Размышленія во время антрактовъ»; рекомендую его вашему вниманію.

Моревель очень серьезенъ и сосредоточенъ, Вальбуске блѣденъ и видимо взволнованъ. Это его первыя похороны, поэтому онъ потрясенъ; Моревель видалъ виды, сколько разъ приходилось ему участвовать въ похоронныхъ процессіяхъ, къ тому же, у него есть даръ слова.

Священникъ прочиталъ молитву, окропилъ могилку святой водой; ораторы подвинулись впередъ. Панацоль въ гробу присутствовалъ при послѣднемъ апофеозѣ своей артистической карьеры.

Всѣмъ было жутко, всѣ были взволнованы, а тѣ, которые громче всѣхъ смѣялись, теперь имѣли самый убитый видъ. Моревиль сдѣлалъ шагъ впередъ, и я подумалъ: слушай, Панацоль, послѣдній актъ наступилъ.

«Милостивые государи!» произнесъ Моревель, и эти слова пронеслись по кладбищу, заставивъ всѣхъ замолчать. «Человѣкъ, котораго мы хоронимъ, котораго оплакиваемъ, былъ добрый товарищъ и выдающійся артистъ. Онъ не передавалъ роли, онъ ихъ создавалъ. Онъ дѣлалъ честь своему призванію. Панацоль умеръ, увѣнчанный лаврами; если на его груди не красовалась красная ленточка въ петлицѣ, это оттого, что онъ никогда не добивался этого чиновничьяго отличія, украшающаго, увы! часто лицъ весьма сомнительнаго достоинства».

Фраза произвела эффектъ. На кладбищѣ люди обыкновенно очень сдержанны, но иногда бываютъ минуты волненія, не уступающія одобрительному шопоту.

«Передъ нами актеръ и только актеръ, товарищъ и только товарищъ; мы сопровождаемъ его къ мѣсту отдохновенія, котораго не избѣгнетъ никто изъ насъ. Свидѣтель жизни покойнаго и его успѣховъ, я могу сказать безъ лести, что отвергнутый въ консерваторіи, непринятый на экзаменахъ, Жанъ-Жанъ Эдгаръ Панацоль самъ,

собственными усиліями и упорнымъ трудомъ, создалъ свой талантъ, свои успѣхи, свою артистическую личность.

«Безъ сомнѣнія, Панацолю случалось играть роли, которыя къ нему не подходили. Онъ пожелалъ испробовать свои силы на классическомъ репертуарѣ, и тутъ обнаружилась полная неподготовка къ исполненію принятой имъ задачи. Комедія, легкій водевиль,—вотъ въ чемъ была его сила. Кромѣ того, у него былъ недостатокъ произношенія и манеры его не всегда были удачны; говорю это, потому что прежде всего стою за справедливость; да, я долженъ признаться, что ты иногда былъ просто нехорошъ. Не могу обойти молчаніемъ его умѣнья одѣваться къ лицу! Не даромъ говорили, что бо́льшею частью своихъ успѣховъ онъ обязанъ своему портному!

«Всѣ воспоминанія о своихъ успѣхахъ, всѣ великія имена, доставившія ему славу, онъ пожелалъ обезсмертить вмѣстѣ съ собой на своей могилѣ; потушенный факелъ гласитъ, что умеръ тотъ, кто умѣлъ играть, умѣлъ любить. Быть можетъ, потомство вычеркнуло изъ списка нѣкоторыя роли, въ которыхъ покойный не былъ на высотѣ своего призванія, но не намъ, товарищамъ, осуждать его за невольное тщеславіе, мы должны обойти его молчаніемъ. Только время имѣетъ право стирать надписи людей! Поэтому, не буду продолжать разбора его почтенной дѣятельности; я ограничусь тѣмъ, что вмѣстѣ съ присутствующими пролью слезы надъ этой свѣжей могилой. Прощай, Панацоль, прощай, товарищъ! До свиданья, безподобный первый любовникъ, до скораго свиданья, мой бѣдный другъ!»

Послѣ этихъ словъ Моревель смахнулъ слезу рукавомъ, обшитымъ мерлушкой, свернулъ трубочкой бумажку, по которой читалъ рѣчь, и отошелъ, чтобы смѣшаться съ толпой.

— Какое это надгробное слово, это просто насмѣшка!—сказалъ Дюверди.

— Онъ налилъ уксуса въ свою святую водицу!—замѣтила Ирена Готье.

Я былъ ошеломленъ. Бѣдный Панацоль! Вотъ такъ апофеозъ! Твой мавзолей услышалъ суровый приговоръ. Я взглянулъ на племянника покойнаго, толстаго малаго съ глупымъ, краснымъ лицомъ. Онъ благодарилъ Моревеля, находя рѣчь его прекрасной. Бѣдняга не понялъ. Ахъ, ужъ эти наслѣдники!

Мы, старые друзья, обмѣнялись печальными взглядами. Но дѣло приняло еще болѣе плохой оборотъ, когда выступилъ маленькій Вельбуске. Онъ еще болѣе поблѣднѣлъ, и только длинный носъ покраснѣлъ отъ волненія. «Гм, гм», откашлялся несчастный ораторъ, роясь въ карманахъ своего пальто; наконецъ, вытащилъ свернутую тетрадку и, развертывая ее, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Верхняя губа скривилась отъ невольной гримасы.

— Ему не прочитать,—замѣтилъ кто-то,—а посмотрите на его глаза: онъ до того испуганъ, точно боится, что мы его проглотимъ. Онъ

дѣйствительно ворочалъ глазами во всѣ стороны и только нетерпѣливый топотъ ногъ по мокрой землѣ заставилъ его, наконецъ, приступить къ чтенію:

— Кто я?—воскликнулъ онъ.—Кто я? Развѣ вы не видите? Я словарь, да, словарь академіи.

Словарь! Съ ума онъ, что-ли, сошелъ? Словарь академіи! Мы не знали, что подумать. Громъ, грянувшій съ неба, не удивилъ бы насъ болѣе, чѣмъ слова этого страннаго господина. А онъ продолжалъ:

— А! Меня не скоро кончатъ! Но надо сказать правду, когда я оконченъ, меня начинаютъ сначала. Я вѣчный словарь, нескончаемый словарь, сло...

Вальбуске внезапно остановился, ударилъ себя рукой по лбу и воскликнулъ:—Дуракъ, я дуракъ, простите великодушно, это моя роль, а не рѣчь, простите!

Онъ ошибся карманомъ. Вмѣсто приготовленной рѣчи, онъ началъ читать послѣднюю роль, которую разучивалъ для «Фоли-драматикъ». Онъ игралъ въ одно и то же время Словарь Академіи, микроба и фонографъ. Сколько онъ потомъ ни распространялся о талантѣ Панаціоля, объ его заслугахъ, никто его не слушалъ. Какъ ораторъ онъ провалился разъ на всегда. Съ этой минуты его звали не иначе, какъ «Ходячій Словарь». Дюверди шепнулъ мнѣ на ухо: «Не дурно! Такая ошибка похожа на театральный эффектъ».

— И все-таки менѣе обидна для покойнаго, чѣмъ дифирамбъ Моревеля. Вотъ чучело!—сказала Ирена Готье.

Мы бросили по горсточкѣ земли въ могилу товарища и проходили по очереди мимо его племянника, смотрѣвшаго на насъ презрительнымъ взглядомъ добраго буржуа, ненавидящаго театральную богему.

Я подалъ руку Иренѣ Готье, которая шла съ трудомъ, благодаря ревматизму.

— Если я умру, то не дай Богъ, чтобы на моей могилѣ говорили рѣчи. Принеси мнѣ букетъ фіалокъ, мой добрый Бришанто, въ два су; это будетъ лучше, чѣмъ все ихъ краснорѣчіе! Бѣдный Панаціоль! Онъ ее любилъ, а можетъ быть, и она его.

У выхода она мнѣ сказала:

— Я покину васъ. Мнѣ надо на репетицію. Я тоже участвую въ Обозрѣніи, которое дается въ фоли, вмѣстѣ съ этимъ дуракомъ Вальбуске.

Я посмотрѣлъ на толстую старуху, разбитую, немощную, съ сѣдыми пожелтѣвшими волосами.

— Да, участвую,—повторила она, понявъ мой взглядъ.—Но не играю, всякій живетъ, чѣмъ можетъ. Я завѣдую костюмами. Что дѣлать, старина!

Она усѣлась въ похоронный омнибусъ и сказала кучеру адресъ. Племянникъ Панаціоль былъ щедръ: взялъ омнибусъ на цѣлый день.

*

Я самъ раздѣляю мнѣніе Ирены Готье и не желаю товарищескихъ рѣчей послѣ смерти. Лучше я самъ сочиню рѣчь, и пускай ее прочтутъ на моей могилѣ. Комичный случай, который произошелъ сегодня, навелъ меня на грустныя размышленія. Трагическое и комическое идутъ въ жизни рука объ руку, особенно въ нашей жизни служителей трагедіи и оперетты. Вотъ что.

Послѣдняя встрѣча.

Я говорилъ себѣ, пожимая плечами:

— Бришанто, милый другъ, надо перемѣнить амплуа.

«Перемѣнить амплуа? Играть благородныхъ отцовъ. Сдѣлаться басомъ, послѣ того, что былъ теноромъ? Играть Рюи Гомеца послѣ того, какъ игралъ Эрнани? Нечего спорить съ природой, законъ ея неумолимъ, такъ-то Бришанто».

— Ну что жъ, рѣшено и сдѣлано. Перемѣняй амплуа.

Но, чтобы перемѣнить амплуа, надо имѣть театръ. А у меня не было театра. Да, я былъ бродягой, разжалованный, бульварный актеръ старой школы. Я былъ другого поколѣнія; «корабль, на которомъ я когда-то плавалъ, далъ течь и медленно шелъ ко дну. Наступили другія времена. Старый романтикъ, начиненный классицизмомъ, я не понималъ ни Ибсена, ни вообще современнаго репертуара... Черезъ мое искусство пестрой лентой перекинулась оперетка, опрокинула моихъ боговъ, разрушила мои алтари. Можно-ли играть «Марино Фальеро» послѣ «Моста вздоховъ»? «Мосты вздоховъ»—это очень смѣшно, а Людовикъ Галеви такой остроумный писатель. Оперетка поглотила мой репертуаръ, и развѣ кое-гдѣ въ предмѣстьяхъ рисковали еще ставить драму. Я игралъ что случалось, игралъ въ Буффахъ игралъ на Монпарнасѣ. Когда-то я воплощалъ королей и героевъ, а теперь со ступеньки на ступеньку спустился до самаго площаднаго балагана. А годы идутъ, годы ревматизма и пустого желудка; голодъ физическій и голодъ нравственный; тогда я вспоминаю бывшія оваціи, тріумфы, оживленіе и подъемъ душевный! Мнѣ казалось, что я представляю изъ себя отверженника среди народившагося поколѣнія артистовъ, которые думаютъ, выходя изъ консерваторіи, что они совершенства и воображаютъ, что играютъ реально, между тѣмъ какъ играютъ просто скверно, необдуманно, грубо. Они говорятъ: гдѣ искусство? Какъ его достигнуть?—Путемъ кафе-шантановъ,—и направляются туда. Не могу сказать, чтобы я особенно страдалъ, вслѣдствіе своего одиночества. Нѣтъ. Я говорилъ себѣ: «Бришанто, ты не похожъ на прочихъ. У тебя есть вѣра, и ты не заключалъ постыдныхъ сдѣлокъ. Ты умрешь вмѣстѣ съ драмой, но, побѣжденный, ты сохранишь себя незапятнаннымъ и не уронишь въ грязь своего идеала». Не смотря на бодрость духа, я чувствовалъ, что старѣю, что почва уходитъ изъ подъ ногъ; директоры театровъ заставляли меня дежурить въ своихъ передникъ, и... пора было позаботиться о кускѣ хлѣба.

Получить мѣсто... Какое мѣсто? Я почти не смѣю назвать вамъ свое настоящее занятіе. Признаться? Ну, куда ни шло. Я состою стартеромъ у велосипеднаго общества, подаю сигналъ на гонкахъ, иногда стрѣльбой изъ пистолета—пафъ! иногда крикомъ: «трогай». Голосъ мой остался такимъ же могучимъ, какъ тогда, когда ему завидовалъ Бовалле. Вы слышите его глубину, это не голосъ, а трубный звукъ И вотъ, я сотрудничаю—служитель идеи—упадку искусства посредствомъ велосипеда, потому что велосипедъ — это гибель театра. Пріѣзжаютъ домой усталыми, нѣтъ охоты одѣваться, чтобы идти слушать Корнеля. Корнель и велосипедъ—это два понятія несовмѣстимыя. Все время проводятъ на стальномъ конѣ—читать некогда, развѣ пробѣгутъ листокъ спорта. Нѣтъ различія половъ — мужчины и женщины походятъ другъ на друга. Единственный результатъ—здоровые мускулы. Но, чортъ возьми, у насъ тоже были мускулы, но, кромѣ того, у насъ былъ мозгъ, энтузіазмъ, идея!

Я присутствую на праздникахъ декадентства. Концертъ и велодромъ. Случается, что, закрывъ глаза, я кричу: «трогай», и воображаю, что я еще на подмосткахъ даю сигналъ къ дуэли, какъ, напр., въ «Горбатомъ» или «La dame de Monsoreau». Мнѣ слышатся удары сабли и крики браво. Стрѣляя изъ револьвера, я сохраняю иллюзію, что играю Андре въ «Пиратахъ Саванны»: запахъ пороха напоминаетъ мнѣ былыя времена. Былыя!

Тогда я «побивалъ рекордъ» надеждъ. Я видѣлъ во снѣ, что засыпаю на цѣлыхъ ворохахъ лавровыхъ вѣнковъ, какъ побѣдители спятъ на знаменахъ побѣжденныхъ. Я переживалъ славу и расположеніе къ себѣ людей! Былое! Сколько содержитъ въ себѣ одно это слово!

Жизнь насмѣялась надо мной, но я ни о чемъ не сожалѣю. Конецъ плохъ, но что же дѣлать, за то ни малѣйшей уступки. Я могу быть стартеромъ: это ремесло, какъ всякое другое, оно не унижаетъ человѣка, но промѣнять драму на шансонетку—этого я не сдѣлалъ. Впрочемъ, извините: разъ мнѣ пришлось выступить въ кафе-шантанѣ, въ фобурѣ Сенъ-Мартенъ. Я произнесъ тираду изъ Корнеля и меня освистали или, вѣрнѣе, освистали Корнеля. «Шансонетку!»—кричали пьяные голоса. Требовать шансонетки отъ меня! Я подалъ въ отставку, хотя не зналъ, гдѣ буду ночевать завтра. Но въ искусствѣ, какъ въ убѣжденіяхъ, нѣтъ уступокъ: можно быть стартеромъ, поденщикомъ, чѣмъ угодно, но измѣнить тому, что составляло идею всей жизни — никогда!

Отчего зависитъ удача въ жизни? Отъ случайности, отъ обстоятельствъ. Но самая главная удача все же спокойная совѣсть и сознаніе, что не былъ никогда измѣнникомъ. Остальное неважно».

Себастіанъ Бришанто казался очень усталымъ и разбитымъ, когда я встрѣтилъ его въ послѣдній разъ и выслушалъ то, что только-что передалъ вамъ. Изъ-подъ шляпы съ широкими полями падали волосы, зна-

чительно побѣлѣвшіе. Онъ старался держаться прямо, но плечи его выдавались острыми углами, и вытертое пальто плохо сидѣло на осунувшейся фигурѣ бывшаго трагика. Въ рукахъ у него былъ дождевой зонтикъ, не смотря на чудную весеннюю погоду,—онъ служилъ ему вмѣсто палки; старыя шведскія перчатки были слишкомъ длинны и распоролись на концахъ пальцевъ; широкія сѣрыя панталоны болтались на тонкихъ ногахъ и были сильно обиты и потерты.

Въ глазахъ, когда-то жгучихъ и полныхъ воодушевленія, можно было прочесть тихую грусть; усы еще были зачесаны кверху, но и на нихъ легла рука времени — они тоже побѣлѣли, а губы выражали иронію надъ собственной судьбой. Только голосъ сохранился: слова вылетали съ прежнею силою, и, казалось, вотъ-вотъ раздадутся раскаты, которые, бывало, заставляли оглядываться прохожихъ.

— А, мосье Бришанто,—сказалъ я ему:—очень радъ васъ встрѣтить! Вы знаете, какъ я уважаю въ васъ честнаго человѣка и убѣжденнаго артиста.

Онъ передалъ мнѣ свои послѣднія впечатлѣнія, и, хотя и храбрился, но я чувствовалъ, что ему было очень и очень не легко. Быть стартеромъ послѣ того, какъ вся жизнь была посвящена искусству. Я постарался выразить ему свое участіе.

— А теперь, addio,—сказалъ онъ мнѣ:—улетучились всѣ чудные призраки юныхъ дней! Театръ доставлялъ мнѣ иллюзіи въ молодости, теперь велодромъ доставитъ кусокъ хлѣба.

И онъ пошелъ по направленію къ авеню Веласкуецъ, а заходящее солнце освѣщало согбенную фигуру бывшаго актера. Длинная тѣнь падала на дорогу аллеи. Я оглядѣлся вокругъ,—все дышало весной: свѣжая листва блестѣла подъ золотистыми лучами заката, на лужайкахъ пестрѣли бѣлые и желтые цвѣты. Бришанто временами останавливался, размахивалъ руками и, казалось, что-то говорилъ самъ съ собою. Я слѣдилъ за нимъ глазами. Онъ еще гордо закидывалъ голову, какъ въ дни юности, и, казалось, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на пеструю толпу конокъ, омнибусовъ, велосипедовъ; но эта толпа поглотила его, могучій силуэтъ смѣшался съ пестрой вереницей гулявшихъ, и я потерялъ его изъ виду; жестокая волна парижской мостовой подхватила и унесла стараго идеалиста.

Онъ шелъ домой, и, кто знаетъ, не найдетъ-ли онъ тамъ въ тайникахъ шкатулки забытый локонъ, выцвѣтшую фотографію, потрепанный томикъ Гюго, измятую тетрадь былыхъ ролей? Свою молодость! Любовь и славу—свои мечты! Кто знаетъ, можетъ быть, онъ счастливъ этими призраками минувшаго, онъ, Себастіанъ Бришанто, французскій актеръ всѣхъ театровъ Франціи!

О. Н.

ИСКРА ПОТУШЕНА.

Карета давно стояла у подъѣзда, а барыня все еще не выходила. Толстый кучеръ съ досадой думалъ о несправедливости своихъ господъ.

— Какъ-же! И завтракомъ торопили, и папироски докурить не дали путемъ... Подавай да подавай, а теперь вотъ больше получаса зябни на морозѣ. Эхъ, жизнь подневольная!

Выѣздной лакей въ щегольской ливреѣ и шляпѣ съ галунами тоже почти задремалъ въ швейцарской на стулѣ, тщетно ожидая электрическаго звонка изъ прихожей сверху — знака, что барыня выходитъ.

А барыня между тѣмъ неожиданно для себя засидѣлась въ комнатѣ Зины, уже въ шляпѣ и перчаткахъ, ведя оживленный разговоръ съ своей единственной семнадцатилѣтней дочерью.

Мать и дочь представляли между собою положительный контрастъ. Madame Рябинина, 38-ми-лѣтняя пышная брюнетка, была настоящая belle femme: красивая, величественная, слегка надменная. Въ своемъ дорогомъ костюмѣ цвѣта „креветъ“, въ кокетливой шляпѣ, она, пожалуй, могла бы затмить блѣдную, худощавую фигуру молодой дѣвушки, красоту которой составляли только одни глаза: большіе, задумчивые и ласковые. Мать, уѣзжая съ визитами, хотѣла зайти мимоходомъ поцѣловать дочь и спросить, окончательно-ли перестало болѣть ея горло, но Зина выглядѣла такой грустной и несчастной, что мать не могла обойти это молчаніемъ. Разговоръ по этому поводу завязался серьезный и продолжительный.

— Тебѣ скучать, Зина, право, даже грѣшно,—съ жаромъ говорила мать, нервно похлопывая по столу своей изящной визитной книжечкой.—Помилуй, ну чего тебѣ недостаетъ? Право, немногія дѣвушки имѣютъ такъ много для себя, какъ ты... Мы всѣ тебя такъ любимъ; кажется, всѣ заботы, всѣ старанія...

— Ахъ, maman, но развѣ я жаловалась...

— Нѣтъ, подожди, не перебивай меня,—у матери даже одна щека начинала разгораться пятномъ отъ волненія:—у тебя есть

все: ты прекрасно играешь, мило поешь, рисуешь по фарфору... Хочешь читать—всѣ книги, доступныя твоему возрасту, къ твоимъ услугамъ, катаешься, гуляешь, имѣешь абонементъ въ оперѣ, прекрасные туалеты... Никто не виноватъ, что ты одѣваешься, какъ... какъ пріютка, — замѣтила вскользь мать, взглянувъ на скромное платьице Зины изъ сѣраго кашемира.

— Ну, выскажи наконецъ, чего тебѣ не достаетъ? Скажи опредѣленно, и я тебѣ даю слово, что я и папа, мы постараемся исполнить, если это только возможно.

Дочь сидѣла съ виноватымъ лицомъ, опустивъ голову.

— Eh bien, mon enfant, du courage... As-tu quelque chose à me dire? Sois donc franche..

Дѣвушка умоляюще подняла глаза на мать.

— Но нѣтъ же, мама, увѣряю, это кажется такъ тебѣ: я такая же, какъ и всегда.

Мать пожала плечами.

— Или ты больна еще, или это дѣйствительно слѣды инфлуенцы, и тетя Катя права. Дѣвушка въ семнадцать лѣтъ, окруженная всеобщей любовью семьи, всѣмъ, чего можетъ только желать — и скучаетъ... худѣетъ! Это же непонятно. Я предлагала тебѣ ѣхать со мной, ты отказалась, а между тѣмъ докторъ положительно позволилъ выѣзжать въ каретѣ, даже находилъ это полезнымъ. Наконецъ, отчего ты забросила все? Ты не рисуешь, не играешь, не дѣлаешь цвѣтовъ, какъ прежде... отчего?..

— Я нахожу это все безцѣльнымъ, maman,—тихо отвѣтила Зина, почти не поднимая головы.

— Безцѣльнымъ?—протянула мать съ удивленіемъ:—то-есть, какъ... какая же цѣль можетъ быть у молодой дѣвушки съ хорошими средствами, когда она занята работой. Voilà une idée... Да развѣ работа не есть цѣль уже сама по себѣ... Музыка наконецъ... усовершенствованіе, это-ли не цѣль?..

— Играю я такъ посредственно...

— Ахъ нѣтъ, Зина, мы оставимъ этотъ вопросъ до другого раза... Богъ мой, уже четверть четвертаго, я и такъ опоздала. До свиданія, и пожалуйста, подумай о нашемъ разговорѣ. Запомни только одно, что молодая дѣвушка хорошаго общества никогда не тоскуетъ и не скучаетъ, если у нея нѣтъ извѣстнаго всѣмъ горя. Au revoir.

Надежда Павловна, шелестя треномъ, выплыла изъ комнаты. Въ прихожей, надѣвая ротонду, сходя по лѣстницѣ и даже покачиваясь на эластичныхъ подушкахъ кареты, она все думала о странности ея дочери, подмѣченной ею съ нѣкоторыхъ поръ.

— Нѣтъ, это положительно слѣды инфлуенцы, не иначе,— рѣшила она, выходя у подъѣзда перваго дома, отмѣченнаго въ ея книжкѣ.

Оставшись одна, Зина немного постояла на прежнемъ мѣстѣ, раздумывая, что бы ей начать дѣлать. Поднявъ глаза, она встрѣтилась съ своимъ отраженіемъ въ большомъ стеклѣ зеркальнаго шкафа.

Правда, какая-то она несчастная, блѣдная, унылая... фи!.. И отчего ей дѣйствительно скучно? Вѣдь вотъ Julie, ея подруга, занята тѣмъ же, чѣмъ и она, а говоритъ, что встаетъ въ 8-мь часовъ и то не видитъ времени. А она? Встанетъ около десяти, и какъ вспомнитъ весь предстоящій ей день, такъ даже и вставать не хочется.

Наряды ее совсѣмъ не занимаютъ,—не даромъ дѣдушка зоветъ ее „моя маленькая квакерша“. Можетъ быть, это малокровіе—такая апатія ко всему. Не инфлуенца же, въ самомъ дѣлѣ, это все тетины Катины выдумки. Разсказывала, что одна барыня послѣ инфлуенцы обоняніе потеряла, другая вкусъ, а на нее, по мнѣнію тети, хандру навлекла. А вотъ никто не замѣтилъ, что она гораздо раньше болѣзни начала получать отвращеніе отъ всѣхъ своихъ обычныхъ занятій—почему, она сама не можетъ дать себѣ отчета, даже до *того* случая... И какъ нарочно, что нравится, того нельзя. Вотъ пѣть она бы съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ стала серьезно учиться, а вотъ не позволяетъ докторъ, говоритъ грудь слаба.

Зина подошла къ окошку и стала машинально глядѣть на улицу. Легкій, славный морозецъ, должно быть; жаль, что горло немного болитъ и нельзя гулять, хорошо бы пробѣжаться теперь. Впрочемъ, что за гуляньe съ miss Enny: тихо, ровно, степенно...

Ахъ, вотъ забыла она сказать мамѣ, когда та ей перечисляла все, что у нея есть: пѣнія—вотъ уже, во-первыхъ, она лишена, а потомъ коньковъ; какъ она просила позволить ей кататься, нѣтъ, опять-таки грудь слаба! Куда это всѣ бѣгутъ, торопятся... счастливые! Какъ бы она тоже хотѣла дѣлать что-нибудь спѣшное, нужное, необходимое, торопиться... Работа... ея работа по фарфору, ну кому она, въ сущности, нужна? А между тѣмъ, сколько времени она тратитъ на нее. У всѣхъ семейныхъ, у безчисленныхъ тетушекъ и кузинъ есть ея работа. Чего-чего не переписовала она: чашки, блюда, столики, экраны... Надоѣло, такъ что глядѣть на краски не хочется. Вонъ идетъ дѣвушка съ узломъ...

ухъ, какъ торопится, модистка должно быть. Гимназисты спѣшатъ куда-то цѣлой компаніей... четыре... пять... Весело, вѣроятно, учиться тамъ, гдѣ много, она и этого была лишена. А эти двѣ дѣвушки чему-то такъ хохочутъ отъ души; конечно, такъ весело гулять, а у нея нѣтъ ни сестры, ни подруги постоянной. Мама почему-то находитъ, что подругу имѣть неприлично, что нужно быть со всѣми одинаково дружной.

— Ахъ, Господи, пойти хоть сыграть что-нибудь.

Зина прошла цѣлый рядъ молчаливыхъ комнатъ: будуаръ, маленькая гостиная, большая гостиная, зало. У рояля было уже немного темно. Зина присѣла на табуретъ, машинально беря аккорды, и начала на пямять подбирать мотивъ дуэта изъ „Ромео и Джульетты“.

„Нѣтъ то не жаворонка пѣснь, то соловей поетъ“, — подтянулъ ей издалека пріятный теноръ, и мужскіе шаги послышались изъ корридора.

— Ахъ, Коля, ты дома,—обрадовалась дѣвушка, весело улыбаясь на встрѣчу брату, молоденькому гвардейцу, недавно только выпущенному въ офицеры.—Ты дома, какими судьбами?

— А очень просто—спалъ.

— Спалъ... среди дня?

— Заснешь, коли всю ночь не спалъ... Вчера вѣдь былъ полковой праздникъ, а завтра дежурный въ караулѣ... Надо же когда-нибудь выспаться человѣку... Что ты за канитель играешь: сыграла бы что-нибудь оживленное.

— Темно, а наизусть я ничего не знаю.

— Ну-ка, пусти меня, я хочу припомнить одинъ вальсикъ... хорошая штучка. Нѣтъ, чортъ возьми, не такъ, чувствую, что не въ томъ тонѣ начинаю,—и онъ, оборвавъ начатый мотивъ, перешелъ на вальсъ „Клико“.

— Ай, Количка, ужъ это шарманки на дачѣ всѣ уши прожужжали.

— Ну такъ что жъ, все-таки это пикантная вещица. Хочешь, Тара-ра-бумбію сыграю?

И веселый маршъ шумно загремѣлъ въ большой залѣ. Молодая дѣвушка стояла облокотясь на рояль, любуясь оживленнымъ лицомъ брата.

— Счастливый ты, Nicolas, тебѣ всегда весело.

— Съ чего ты берешь... далеко не всегда. А только я никогда не распускаюсь. Если чувствую хандру, сейчасъ стараюсь отдѣлаться отъ нея; пойдешь пошляться по Невскому, зайдешь къ

Кюба, всегда встрѣтишь кого-нибудь изъ товарищей, ну и разгонишь хандру. Вотъ когда денегъ нѣтъ и у отца просить приходится не въ счетъ,—тогда дѣйствительно захандришь.

— А ты никогда не задавался вопросомъ, что наша жизнь страшно безцѣльна?

— Фью, фью, фью... это изъ какой же философіи и чья жизнь... жизнь вообще, или жизнь лично наша, семьи Рябининыхъ?

— Наша, моя, напримѣръ...

— Твоя — не знаю. Да и какая твоя жизнь еще? Выйдешь замужъ, ну вотъ и будетъ полная жизнь, а пока твоя цѣль — найти себѣ хорошаго жениха.

— Ты все шутишь.

— Нѣтъ, серьезно. Я считаю наоборотъ, что вся наша семья очень дѣятельная. Дѣдушка пишетъ свои сочиненія, grand maman всегда работаетъ что-то, папа занятъ по горло службою, а maman всѣмъ понемногу. Ты знаешь, это штука не малая—пускать въ ходъ все наше семейное колесо. Ты... но вѣдь тебѣ всего семнадцать лѣтъ, и ты еще не бросила всѣхъ уроковъ. У меня тоже служба. Видишь, всѣ заняты, погоди, придетъ и твоя очередь.

Зина грустно вздохнула.

— Однако, бьетъ пять, нужно идти къ бабушкѣ. Я всегда провожу этотъ часъ у нея.

— Ты пунктуальна...

— Maman говоритъ, что аккуратность очень много значитъ въ жизни, такъ какъ сберегаетъ время.

— А ты какъ думаешь сама?

— Меня объ этомъ не спрашивали.

— Повѣрь, что гораздо спокойнѣе пользоваться готовыми правилами, новаго, все равно, ничего не придумаешь.

— Очень можетъ быть... до свиданія.

— A rivedersi... пойду, до обѣда пройдусь немного.

Рябинины занимали огромную квартиру съ массой ненужныхъ комнатъ. Для одной семьи, живущей одной жизнью, эта квартира была бы неуютна, но эта семья состояла изъ особъ, живущихъ каждая отдѣльной самостоятельной жизнью, соблюдающихъ каждая свои привычки и условія, такъ что для нихъ такая квартира была настоящимъ кладомъ.

Дѣдушка и бабушка, родители madame Рябининой, жили вмѣстѣ съ замужней дочерью и зятемъ. Надежда Павловна была единственнымъ ребенкомъ, и мать, выдавая ее за Рябинина, поставила условіемъ не разлучаться съ нею.

„Дѣдушка“, старикъ Пещерскій, бывшій профессоръ, выслужившій давно пенсіонъ и жившій на покоѣ, посвятилъ весь остатокъ жизни на сочиненіе какой-то ученой книги, для чего ему требовались все новые и новые источники.

Его комнаты были самыя отдаленныя въ квартирѣ; до нихъ не долженъ былъ долетать никакой шумъ. Самый кабинетъ считался чѣмъ-то неприкосновеннымъ, и безъ зова никто къ дѣдушкѣ не являлся, кромѣ его жены, единственнаго человѣка, котораго дѣдушка ставилъ выше себя.

Рабочій кабинетъ и спальня стараго ученаго отдѣлялись маленькой пріемной отъ двухъ комнатъ бабушки, важной и величественной старухи, которую весь домъ называлъ „старой барыней“.

Старая барыня, повидимому, ни во что не вмѣшивалась и ни до чего не касалась, тѣмъ не менѣе, не было ничего въ домѣ, чего бы она первая не узнала. Было-ли это результатомъ собственной проницательности старухи, или способствовала этому ея горничная Агнія, хитрая и пронырливая старая дѣва, но фактъ оставался фактомъ и бабушка была положительно всевѣдущей. Анна Александровна Пещерская всегда была занята рукодѣльемъ. Въ какое бы время дня ни пришли къ ней, ее всегда можно было застать у окна въ большомъ креслѣ, углубленную въ вязанье или вышиванье. Комната, въ которой она работала, была большая и свѣтлая въ два окна, ничѣмъ не драпированная, кромѣ бѣлыхъ пышныхъ шторъ, поднятыхъ до послѣдней возможности. У одного окна помѣщались огромныя пяльцы съ постоянно начатой работой, у другого большой столъ съ узорами, корзинами съ шерстью, мотками шелку, бусами, блестками,—однимъ словомъ, всѣми аттрибутами женскихъ изящныхъ рукодѣлій. Бабушка работала очень много, и на это у нея была выработана цѣлая программа. Утромъ, тотчасъ послѣ кофе, отъ 11-ти до 12-ти, она садилась за пяльцы и вышивала для церкви. Предполагалось, что въ эти часы идетъ обѣдня, и такъ какъ старуха, страдая опухолью ногъ, въ церковь ѣздила рѣдко, то она и замѣнила это работой, жертвуя въ разныя церкви облаченія, воздухи, хоругви и т. д. Постные дни, то, есть, понедѣльники, среды и пятницы, были днями бѣдныхъ: въ нихъ изготовлялись теплыя одѣялы, фуфаечки и чулки; въ остальные дни шли работы изящныя, которыя жертвовались на лотереи и базары во всевозможные пріюты и попечительства. У кресла Анны Александровны стоялъ костыль, на который она грузно опиралась на ходьбѣ.

На фарфоровыхъ часахъ пріятными и негромкими ударами пробило пять. Старуха сложила свое вязанье, находя, что даже и вязать темно, и стала посматривать на дверь, ведущую въ корридоръ. Аккуратность внучки ей была извѣстна и пріятна.

Дѣйствительно, вскорѣ раздались за дверью легкіе шаги и легкій стукъ въ дверь.

— Зина,—полуутвердительно окликнула она.

— Я, grand'maman.—Зина наклонилась поцѣловать руку бабушки. Та ласково погладила ее по головѣ.

— Ну, что, какъ твое горло?

— Mercі, совсѣмъ не болитъ.

— Слава Богу! Все-таки ты еще имѣешь не вполнѣ здоровый видъ... блѣдна. Засидѣлась—вѣроятно, отъ того. Играла сейчасъ...

— Нѣтъ, grand'maman, это Nicolas, а не я.

— А, онъ дома... То-то мнѣ показалось, что-то черезчуръ громко для тебя... А Nadine?

— Мама поѣхала съ визитами?

— А-а... Такъ ты одна сегодня.

— Одна... Miss Enny у матери.. Сегодня ея выходной день.

Старушка знала все отлично сама, но любила притвориться, что слышитъ всѣ домашнія новости въ первый разъ.

— Темно вязать, а лампы зажигать еще не хочется.

— Я думаю, вы устаете, бабушка!

— Привычка, душа моя; я гораздо больше бы уставала, если-бы ничего не дѣлала. Теперь праздники скоро, работа нужна болѣе, чѣмъ когда-либо.

— Grand'maman, вы видите сами этихъ бѣдныхъ, для которыхъ работаете?

— Въ пріютѣ... Ну, еще бы. Каждый разъ, когда я тамъ бываю... Ихъ очень мило содержатъ тамъ.

— Нѣтъ, я не про нихъ спрашиваю, а про тѣхъ бѣдныхъ, которые живутъ дома...

— Ахъ да, тѣхъ, которые просятъ, хлопочутъ, вѣдь бѣдняки являются постоянно: одни устраиваются, другіе только что начинаютъ хлопотать, это какъ колесо... Для нихъ мы устраиваемъ елки, базары, дѣтямъ раздаютъ платья, обувь, и жертвованныя вещи и новыя.

— Но вы не видали, бабушка, сами, какъ они живутъ?—настойчиво продолжала Зина.

— Я лично—нѣтъ. Въ этихъ маленькихъ квартирахъ такъ часто свирѣпствуютъ какія-нибудь прилипчивыя болѣзни... Я не

имѣю права рисковать занести ихъ сюда, въ свою семью; еслибы я жила одна—другое дѣло. У насъ есть служащіе, на обязанности которыхъ лежитъ контролировать всѣхъ, кто подаетъ просьбы о пособіи. Къ несчастью, очень часто встрѣчаются недобросовѣстные люди...

— Но какъ же отличить? Развѣ не страшно ошибиться...

— Едва-ли; вѣдь тѣ, кого посылаютъ, достаточно пріобрѣтаютъ навыкъ въ этомъ дѣлѣ. Они сразу видятъ, гдѣ нужда и гдѣ обманъ. А что это такъ тебя интересуетъ, дружокъ?—Бабушка ласково, но пытливо поглядѣла на внучку.

Зина немного смутилась.

— Я такъ... Недавно пришлось читать одинъ англійскій романъ, гдѣ много говорилось о бѣдныхъ... Потомъ ваша постоянная работа... Я болѣе любопытна: мнѣ хотѣлось бы видѣть, кого согрѣетъ вотъ, напримѣръ, это одѣяльце, кто будетъ бѣгать въ этой фуфаечкѣ...

— Дитя!—Бабушка снисходительно улыбнулась:—для меня, да, я думаю, и для всѣхъ, личность должна быть безразлична. Я дѣлаю для бѣдныхъ, для низшихъ братьевъ, для Бога. Наконецъ, это даже лучше—не знать, для кого именно. Представь, что тебѣ поручили отдать хотя вотъ это одѣяло, кому ты хочешь, и привели къ тебѣ десятокъ дѣтей. Повѣрь, что ты отдашь его тому, который приглянется тебѣ больше, будетъ симпатичнѣе на видъ, но вѣдь это было бы уже несправедливо, это было бы пристрастіе, а между тѣмъ въ этомъ дѣлѣ личное чувство не должно руководить тобою; здѣсь важна идея, принципъ...

Молодая дѣвушка поцѣловала руку старухѣ, какъ бы лаской смягчая свое легкое противорѣчіе.

— Нѣтъ, grand'maman, я не съумѣю, можетъ быть, достаточно ясно выразить свою мысль, но... я не согласна съ вами, то-есть, въ общемъ—да, но въ частностяхъ... Развѣ не пріятно, напримѣръ, знать семью въ нуждѣ, въ бѣдности, въ нищетѣ и самой придти облегчить ихъ, успокоить, принести съ собой то, о чемъ, можетъ быть, они мечтали, видѣть оживившіяся личики дѣтей, видѣть, какъ они обрадуются, просіяютъ, при видѣ какого-нибудь пустяка... Развѣ это не удовольствіе, не наслажденіе?..

— А развѣ мы дѣлаемъ добро для наслажденія? Душа моя, ты не понимаешь, что говоришь! Развѣ ты не помнишь ученія Спасителя? Развѣ мы должны ждать награды тотчасъ за свои добрыя дѣла, а ты именно это говоришь... Развѣ это по-христіански, это... это эгоизмъ. Да наконецъ, подумай: ловко-ли взять роль

благодѣтельницы, выслушивать благодарности... О, нѣтъ, я бы этого не хотѣла, да и это не воплощаетъ моей задачи: опять-таки, повторяю—я дѣлаю это не для Петра, не для Ивана, а для своего ближняго.

— Нѣтъ, бабушка, не говорите, это слишкомъ сухо, нѣтъ... Ну, представьте доктора: самый хорошій, идеальный докторъ, развѣ ему не пріятно видѣть, какъ возвращается къ жизни тотъ, кого онъ лѣчитъ. Развѣ ему не доставляетъ радости видѣть счастье матери, если это ребенокъ, дочери или сына, если это родители? Подумайте, бабушка, если кого-нибудь вытащили изъ воды, спасли изъ огня... неужели не пріятно видѣть радость окружающихъ, спасенныхъ? Можетъ быть, я эгоистка, не спорю, но я предпочла бы видѣть результаты своихъ добрыхъ дѣлъ,—горячо добавила дѣвушка,—я не могу сочувствовать всѣмъ сердцемъ, не видя ничего. Вамъ говорятъ, напримѣръ, что человѣкъ боленъ... вы его жалѣете, но жалѣете, какъ бы это сказать... вообще... какъ жалѣете всѣхъ, кто боленъ. Ну, а если вы пойдете туда, услышите стоны, увидите блѣдное, исхудалое лицо, измученное страданіемъ, повѣрьте, онъ вамъ будетъ ближе, дороже другихъ... Его страданія отзовутся у васъ въ сердцѣ, и вы сдѣлаете для него больше, съ большей любовью, чѣмъ вообще.

Молодая дѣвушка вдругъ вспыхнула и умолкла, почувствовавъ, что говорила черезчуръ горячо.

— Это экзальтація, мой другъ; такого чувства не хватитъ надолго... ты много, какъ я вижу, читаешь романовъ, нужно сказать miss Enny. Скажу только тебѣ: плоха твоя вѣра, если ты должна вложить персты въ рану, чтобы увѣровать. Мнѣ же не нужно слышать стоновъ, чтобы знать, что человѣку больному нужна помощь. Къ чему я буду разстраивать себѣ нервы раздирающими сценами? А тебѣ, дружокъ, рано такъ волноваться и спорить; спорить могутъ тѣ люди, у которыхъ уже сложились прочные взгляды на жизнь и на различныя отношенія; для этого нужно первое—знать жизнь; ты же, моя птичка, что еще можешь знать про нее?

Бабушка ласково гладила волосы внучки, думая въ это же время: „непремѣнно надо сказать Надинѣ, чтобы она хорошенько распекла англичанку. Богъ знаетъ, какими идеями начиняетъ она голову дѣвочки!“—Но вслухъ только сказала:—иди, моя милочка, поправься, вѣроятно, maman скоро вернется.

И Зина тихо вышла, опустя голову и не рѣшившись сказать бабушкѣ того, что хотѣла.

Собственно Зина начала задумываться гораздо раньше, чѣмъ

началась съ нею инфлуенца, только этого никто не замѣтилъ, или всѣ приписали тому, что „дѣвочка уже разнемоглась“. Случай же, перевернувшій весь нравственный строй дѣвушки, былъ самый простой и обыденный. Войдя разъ въ свою комнату, въ часы работы по фарфору (у Рябининыхъ на всякое занятіе были опредѣленные часы), Зина встрѣтила тамъ свою горничную, Дуняшу, прибиравшую что-то около камина.

Обратясь къ ней съ какимъ-то вопросомъ, Зина замѣтила заплаканные глаза дѣвушки и живо спросила о причинѣ.

Дуняша сперва смутилась и попробовала отрицать, но настойчивость барышни, ея всегдашняя доброта, а главное, собственное желаніе разсказать то, что ее интересовало, заставило болтливую дѣвушку тотчасъ же приступить къ разсказу.

— Ахъ, барышня, мы всѣ сейчасъ на кухнѣ наплакались! Сегодня у насъ судомойка захворала, просили было дворника жену свою прислать, а онъ прислалъ женщину одну, тутъ на дворѣ у насъ живетъ, дворникъ-то давно ее знаетъ.

— Ну, что же такого печальнаго она разсказала вамъ?

— Да, ужъ про себя очень жалостное все... Ея мужъ всего какъ два мѣсяца померши... раньше онъ служилъ старшимъ кучеромъ, нѣтъ не такъ... да, да... наѣзднкомъ... Сорокъ рублей жалованья получалъ, комната отдѣльная... Только что запивалъ шибко, да вотъ и достукался—начали ноги пухнуть... Уѣхали они въ деревню къ отцу, къ свекру, значитъ, ейному, а дѣтей пять человѣкъ и всѣ малъ-мала меньше. Лѣто-то прохворалъ, а осенью и померъ...

— Ну?

— А она сюда съ дѣтями переѣхала.

— Зачѣмъ же? Жила бы тамъ у родныхъ.

— Да вѣдь родные-то его, а не ея. Свекоръ говоритъ: шесть недѣль прожить можешь, а потомъ и ступай себѣ съ Богомъ, мнѣ васъ кормить нечѣмъ. И братья то же: твой, говорятъ, мужъ жилъ богато, а намъ ничего не высылалъ. А Анисья-то говоритъ, что они много въ деревню пересылали, конечно, только теперь не упомнишь, когда и по сколько; все же наспльно жить не останешься—ну и переѣхали. Одного мальчика тамъ схоронила, а четверо съ ней. Теперь, какъ пріѣхала, такъ каждый день поденно ходитъ. Ужъ такъ-то она жалостливо разсказывала, какъ мужъ умиралъ, какъ съ дѣтьми прощался, что ей наказывалъ. Я-то вотъ разсказать не умѣю, а у нея такъ складно выходило.

— Что же она хочетъ дѣлать съ дѣтьми?

— Вотъ то-то она и не знаетъ. Хочетъ въ пріюты хлопотать, да ближе году, говорятъ, и не выхлопотать, знакомства у ней нѣтъ. Вотъ, барышня, кабы бабиньку-то попросить можно было!

— Ты знаешь, бабушка не любитъ никакихъ просьбъ.

— Да ужъ очень жалко то!

— Гдѣ же они живутъ?

— Здѣсь же у насъ, на третьемъ дворѣ.

— Какъ, развѣ у насъ три двора?

— Какже-съ... то-есть, ужъ онъ почитай и не дворъ, а такъ закоулокъ подлѣ воротъ; на второмъ-то дворѣ все сараи да конюшни, потомъ еще ворота, тамъ только одинъ ходъ въ эту угловую квартиру и есть.

— Угловая это что значитъ—въ углу?

— Да-съ, отъ хозяйки значитъ... Она квартиру снимаетъ и отъ себя въ углы пускаетъ. Въ большой комнатѣ у нея разный народъ, а маленькую комнатку Анисья снимаетъ пополамъ съ одной женщиной, безъ мѣста та. Говоритъ, на ребятъ шибко обижаются; младшій у нея хиленькій такой мальчикъ, все пищитъ, особливо ночью, ну, и надоѣдаетъ всѣмъ.

— Сколько же она платитъ?

— Три рубля. Да накормить ихъ надо, всѣхъ-то вѣдь пять душъ. Положимъ, сама-то больше на мѣстахъ кормится, все же не каждый день и работа, праздники. Нужно имъ и сготовить, и постирать, и зачинить. Старшая 9-ти лѣтъ, чего съ нея взять, да и та день-деньской съ ребятами возится. Ой, никакъ кличутъ меня! Ужъ вы, барышня, извините мою болтовню глупую!

Дуняша выбѣжала изъ комнаты.

Зина сидѣла долго задумавшись, не притрогиваясь къ своимъ кистямъ и краскамъ. Конечно, она не разъ слышала, что есть масса бѣдняковъ, читала о нихъ, встрѣчала нищихъ. Но все это казалось гдѣ-то далеко, такъ что она мало думала объ этомъ. Во-первыхъ, бѣдность ей не представлялась чѣмъ-то безъисходнымъ: бѣдность—это только понятіе относительное, и нѣтъ такихъ средствъ, на которыя нельзя существовать.

Одинъ получаетъ много, другой мало, третій еще меньше. Одни могутъ жить въ большихъ квартирахъ, имѣть лошадей, выѣзжать, другіе не могутъ. Сама она лично не придавала большого значенія роскоши, и поэтому въ бѣдности, ей казалось, еще нѣтъ ничего ужаснаго. Крошечная квартирка, ситцевыя платья, самый простой обѣдъ, чай съ хлѣбомъ. Ну, даже обѣдъ не каждый день

настоящій, допустимъ, иногда только чай съ кусочкомъ чего-нибудь холоднаго; но, во всякомъ случаѣ, въ квартирѣ предполагалось тепло, уютно, чисто. Главное—чисто, вѣдь чистота и опрятность зависятъ прямо отъ себя, а не отъ денегъ, — думалось наивной Зинѣ.

Нищіе? Нищіе—это тѣ люди, которые испортились, не хотятъ сами работать, пьянствуютъ и т. д. Наконецъ, для бѣдныхъ есть пріюты, богадѣльни, комитеты. У нихъ столько знакомыхъ дамъ-патронессъ. Одна бабушка сколько шьетъ и вяжетъ для бѣдныхъ.

И вдругъ, на одномъ дворѣ съ ними, женщина съ четырьмя крошечными дѣтьми, полуголодная, полухолодная, и нѣтъ никакихъ средствъ, никакихъ. И такъ можетъ продолжиться цѣлый годъ. Это ужасно! Хорошо бы поговорить объ нихъ съ бабушкой. Только это не такъ просто; узнаютъ, что Дуняша разсказала, достанется и Дуняшѣ, а между тѣмъ, будетъ-ли польза еще отъ ея просьбы? Хорошо бы сдѣлать что-нибудь самой для этихъ дѣтей, помочь, подарить. Зина задумчиво оглядѣлась кругомъ. Какая масса дорогихъ вещей, бездѣлушекъ, и ничего ровно нѣтъ, что она могла бы съ пользой удѣлить той семьѣ!

Другое дѣло, еслибы нужно было устроить какую-нибудь бѣдную дѣвушку на вечеръ или свадьбу, или подарить той же Дуняшѣ. Какая масса цвѣтовъ, перчатокъ, лентъ, кушаковъ, гребенокъ, остатковъ кружевъ, бантовъ и т. д. Но туда, что она дастъ туда? Даже всѣ ея карманныя деньги какъ разъ истрачены на эти противныя краски, осталось всего четыре рубля. Ахъ, да же это она! Вѣдь только три рубля надо за квартиру: разумѣется, она можетъ заплатить за цѣлый мѣсяцъ, да еще на рубль купитъ что-нибудь... чаю, кофе или булокъ. Положительно она подождетъ говорить бабушкѣ, по крайней мѣрѣ не сейчасъ. Потомъ, конечно, нужно будетъ похлопотать и устроить, что можно. Зина съ удовольствіемъ отдала бы свое жалованье—пятнадцать рублей, которые мать даетъ ей каждое первое число, но, во-первыхъ, эти деньги не спасутъ семьи, а во-вторыхъ, и у нея есть маленькіе расходы, которые обязательны для нея.

Съ этого дня Зина совсѣмъ измѣнилась: охладѣла къ своимъ занятіямъ, сдѣлалась разсѣянна, и мысль о несчастной семьѣ не выходила у нея изъ головы. Явилось страстное желаніе пойти видѣть этихъ бѣдняковъ, самой убѣдиться, не по книгамъ, не по чужимъ разсказамъ, какъ живутъ бѣдняки; что это за „уголъ“ и какой третій дворъ, о существованіи котораго она и не подо-

зрѣвала. Помочь ей осуществить свое желаніе могла только Дуняша, и отъ нея Зина украдкой узнавала новости о дѣтяхъ Анисьи. На ея желаніе пойти къ нимъ самой Дуняша сначала только испуганно замахала руками.

— Барышня, голубушка, да Господь съ вами, лучше и не просите! Ну, статочное-ли дѣло идти вамъ въ такую трущобу: грязь тамъ, запахъ, мимо всѣхъ помоекъ пройти надо; къ тому же, у нихъ сапожникъ... махоркой накуритъ, а то такъ и выпивши бываетъ.

— Уходитъ же онъ куда-нибудь?

— Уходить-то часто уходитъ, а то такъ и вовсе не ночуетъ, у товарищей закружится.

— Ну, вотъ видишь, Дуня, устрой какъ-нибудь, голубушка. Мнѣ только узнать, посмотрѣть, какъ они живутъ, всего-то четверть часа какіе-нибудь.

— Ужъ, право, и не знаю, барышня, какъ и быть. Ну, какже уйтить-то вамъ незамѣченной. Однѣ вы не выходите безъ гувернантки. Еще вотъ Агнія Степановна... онѣ вѣдь у насъ вездѣ все слышатъ и видятъ, мимо нихъ не прокрадешься. И то ужъ меня вчерась спрашивали: „что ты у барышни въ комнатѣ долго возишься, чай и барышнѣ мѣшаешь“.

— Ей-то что за дѣло?

— Ей-то? Ей до всего есть дѣло, потомъ все бабинькѣ разскажетъ. Намедни баринъ молодой, Николай Николаевичъ, съ балу, что-ли, вернулся въ шестомъ часу, просили Евстигнея не говорить, что такъ поздно, а Евстигней-то Агнію Степановну уже въ коридорѣ встрѣтилъ: либо подслушивала, либо ужъ на часы ходила глядѣть, чтобы барынѣ старой на утро донести. Развѣ вотъ что,— начала бойкая Дуняша, помолчавъ, — перехитрить и ее можно. Только рано это будетъ, встанете-ли?..

— Ну, что, говори скорѣе.

— Да въ четвергъ Агнія Степановна въ монастырь за раннюю обѣдню уйдетъ. Господа всѣ спятъ, а тамъ-то, у Анисьи-то есть, понятно всѣ вставши будутъ. Не встанете только, барышня, непривычно вамъ, трудно.

— Ахъ, вздоръ какой, разумѣется, встану, это пустое. Вотъ видишь, я говорила, что можно же придумать. Четвергъ, значитъ послѣ завтра, слышишь, Дуняша, непремѣнно.

— Да ужъ извольте, извольте, если ужъ такое ваше желаніе непремѣнное. Съ вечера вашу шубку старую приготовлю, платокъ большой извольте достать. Проведу васъ по черному ходу,

никто и не узнаетъ васъ, а изъ нашихъ, если кто и увидитъ,—не скажутъ.

Весь этотъ день и послѣдующій Зина была очень оживлена, даже румянецъ выступилъ на ея обыкновенно блѣдныхъ щекахъ. Ей казалось, что что-то перемѣнилось въ ея жизни, явилась цѣль и смыслъ, точно ей предстояло перешагнуть ту черту, за которую прятали отъ нея половину жизни! и она увидитъ, наконецъ, что-то настоящее: пусть это будетъ грустная картинка горя, нужды, бѣдности, но это будетъ все настоящее, безъ утайки, безъ вымысла. Это не одно любопытство, нѣтъ, потомъ она съумѣетъ помочь, устроить,—какъ, она еще не знаетъ. Можетъ быть, посовѣтуется съ miss Enny, можетъ быть, съ бабушкой, но такъ или иначе эта семья будетъ спасена.

Наконецъ, насталъ и четвергъ. Вопреки предположенію Дуняши, барышня уже была совсѣмъ готова, когда она ее собиралась будить, а черезъ десять минутъ онѣ уже спускались по черной лѣстницѣ въ тускломъ свѣтѣ еле начинающагося дня. Сырое раннее утро охватило дѣвушку непріятной дрожью. Въ первый разъ въ жизни пришлось ей выходить на улицу такъ рано, въ первый разъ спускалась она по черной лѣстницѣ, а между тѣмъ на дворѣ уже не спали. Дворники кололи дрова, выбрасывали ихъ изъ подваловъ, кололи мерзлыя панели звонкими ударами кирки. У одного подъѣзда суетился старый чухонецъ, устанавливая въ сани свои жестяные кувшины; мохнатая рыжая лошаденка понуро опустила голову, точно не выспалась. Булочникъ, согнувшись подъ тяжестью двухъ корзинъ, торопливо прошелъ на лѣстницу, скрипя сапогами. Все это въ минуту оглядѣла Зина, пока проходила нѣсколько шаговъ по двору къ слѣдующимъ воротамъ второго двора. Обогнувши какіе-то сараи и конюшни, они снова вошли подъ каменную арку и очутились какъ бы въ каменномъ колодцѣ: направо высился брандмауеръ сосѣдняго дома, прямо была задняя стѣна ихъ дома, налѣво—тоже стѣна дома и внизу что-то въ родѣ подъѣзда, т.-е. поломанная, изогнутая желѣзная крышка надъ тремя ступенями, ведущими внизъ. Въ воротахъ дулъ сквозной вѣтеръ и развѣвалъ какое-то сѣрое тряпье, развѣшанное на веревкѣ, протянутой безцеремонно поперекъ входа. Очутившись подъ желѣзной крышей, молодая дѣвушка слегка оробѣла и невольнымъ движеніемъ взяла Дуняшу за руку.

— Потише, барышня, не поскользнитесь,—предупредила та, по своему понявъ движеніе Зины.

Три каменныя ступени внизъ вели въ темныя и грязныя сѣни;

удушливый запахъ дурно содержимой лѣстницы захватилъ обоняніе Зины. Дуняша въ это время уже позвонила у двери направо, обитой рваной, облупленной клеенкой. Новый запахъ гнили, сырости и чего-то специфическаго, присущаго всѣмъ грязнымъ и люднымъ жильямъ, обдалъ пришедшихъ, и Зина вдыхала этотъ воздухъ короткими вдыханіями, машинально не желая пропустить его въ легкія.

Худощавая женщина, въ ситцевомъ грязномъ платьѣ съ засученными по локоть рукавами, впустила посѣтителей, оторвавшись для этого отъ корыта, надъ которымъ поднимался ѣдкій паръ мыла и грязнаго бѣлья. Женщина оказалась самой квартирной хозяйкой.

— А, барышня дорогая, посмотрѣть на ребятишекъ вздумали; что же, пожалуйте, ничего,—заговорила она любезно, предупрежденная Дуняшей о посѣщеніи.—Не понравится вамъ у насъ... вонъ пожалуйте въ угольную, Дунечка знаетъ... Одни ребятишки-то, Анисья стирать ушедши.

Зина быстро прошла кухню и слѣдующую комнату и лишь мелькомъ замѣтила обстановку. На одной кровати у стѣны кто-то спалъ, закутавшись съ головой; одинъ уголъ былъ задернутъ пестрой ситцевой занавѣской; у другой стѣны, у большаго сундука, покрытаго одѣяломъ, сидѣла молодая женщина и что-то шила, качая ногой бѣльевую корзинку, въ которой кряхтѣлъ крошечный ребенокъ. Маленькая жестяная лампочка на столѣ освѣщала блѣдное лицо и непричесанные волосы швеи. У окна мирно попивалъ чай сѣдой старичокъ, устроивъ свой чайный столъ на подоконникѣ, на которомъ онъ аккуратно разложилъ смятую газету. Наконецъ, въ послѣдней комнаткѣ, въ одно окно, Зина увидѣла ребятъ; здѣсь такъ же, какъ и въ остальной квартирѣ, былъ спертый, душный воздухъ, и вся мебель состояла изъ большой кровати и небольшого стола, придвинутаго къ окну; за нимъ сидѣла теперь старшая дѣвочка Анисьи—Шура и кормила тюрей блѣднаго и изнуреннаго ребенка, помѣщавшагося у нея на колѣняхъ. Двое мальчиковъ играли на полу, опрокинувъ двѣ табуретки. Въ комнаткѣ не было грязно, и даже на окошкѣ висѣла бѣлая коленкоровая стора, до половины закрывавшая его снизу. При видѣ гостей, дѣти перестали играть, а дѣвочка остановилась съ ложкой на полудорогѣ, почему младенецъ не преминулъ заревѣть. Зина чувствовала себя смущенной, не зная, о чемъ ей заговорить съ дѣтьми.

— Ну, ну, горланъ,—привѣтствовала развязно Дуняша младшаго члена семьи,—не кричи. Здравствуй, Шурочка, вотъ барышня въ гости къ вамъ пришла. Сеня, Ѳедюшка, дайте-ка табуретку, барышня сядетъ, а вамъ вотъ гостинца нате.

Мальчики живо вскочили и хотя глядѣли исподлобья, но подошли вплоть къ Дуняшѣ, дожидаясь, что она вынетъ изъ мѣшка.

Предусмотрительная Дуняша еще съ вечера взяла изъ булочной сдобныхъ булокъ и теперь одѣляла ими дѣтей.

— Вотъ и Сережѣ булка!—Она быстро взяла ребенка съ колѣнъ дѣвочки и, подметнувъ высоко, опустила на средину постели въ перину.

Дѣвочка встала и, отряхнувъ передникъ, осталась стоять у стола въ выжидательной позѣ, какъ ученица, дожидающая вопросовъ учительницы.

Зина тѣмъ временемъ немного оправилась, оглядѣлась и даже рѣшилась вздохнуть поглубже. Обстановка ей не показалась ужасной, она ожидала еще худшаго. Еслибы не этотъ убійственный воздухъ, кажется, тутъ было совсѣмъ не такъ плохо. Только Шурочка выглядѣла такой малокровной и блѣдной съ ясно обозначенными жилками на вискахъ и переносицѣ.

— Они одни занимаютъ эту комнату?—вполголоса спросила она Дуняшу, забывъ уже подробности, разсказанныя ей.

— Нѣтъ-съ... тетка Агафья спитъ на томъ сундукѣ,—робко, но вѣжливо отвѣтила дѣвочка,—сегодня она у сестры ночевала.

— Гдѣ имъ однимъ,—подхватила Дуняша,—комната въ шести рубляхъ ходитъ, развѣ справиться!

— Однако, шесть человѣкъ въ такой крошечной комнатѣ!

— Да, вотъ всѣ и обижаются на Анисью-то,—подхватила любопытная хозяйка, подошедшая къ дверямъ: — примѣрно вотъ эта женщина,—она кивнула на сундукъ у стѣны, котораго Зина сначала и не замѣтила,—одна она, а тоже платитъ 3 рубля, безо всякаго безпокойства, а Анисья тѣ же 3 рубля, а отъ ейныхъ ребятъ спокою нѣтъ... Еще старшіе не скажу, не набалованы, это что-жъ напрасно говорить, ну, а все-таки—дѣти, шумъ, крикъ... А ужъ этотъ пискунъ... бѣда съ нимъ... Хоть бы помиралъ, что-ли, одинъ бы конецъ, а то ни себѣ спокою, ни людямъ...

— Но вѣдь она хлопочетъ въ пріютъ, это только временно,—робко замѣтила Зина.

Хозяйка махнула рукой.

— Хлопотала... Не спросившись броду, сунулась въ воду... Вечорась объяснили ей: ейныхъ дѣтей въ пріюты никоимъ образомъ принять нельзя. Кабы она здѣшняя мѣщанка была, а то мужъ крестьянинъ былъ, стало и дѣти туда подлежатъ, на родину значитъ, къ своему мѣсту. Здѣсь, въ Питерѣ, и своихъ сколько угодно и сиротъ, и безродныхъ, всякихъ...

— Такъ значитъ совсѣмъ отказали?

— Не знаю, что дальше будетъ, можетъ, гдѣ и удастся, а что вечорась такъ разсказывала.

— И дѣвочка тоже смотритъ такой слабой, болѣзненной...

— У нея всѣ дѣти такія... плохія, раньше-то, сказывала, берегли ужъ очень, на манеръ барышни изнѣжили, бѣгать не пускали по двору, сидѣла все за стеклышкомъ, чахла, а теперь вотъ довелось всего узнать... Охо, хо, хо, все-то такъ: живемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, до поры до времени.

Зина задумчиво сидѣла блѣдная и смущенная. Смущало ее собственное безсиліе: она сознала, что помочь не такъ легко и просто и что ея визитъ, пожалуй, дѣйствительно сочтется только за любопытство. Сердило ее чуть не до слезъ и неумѣнье обращаться съ дѣтьми: ни приласкать ихъ, ни пошутить, ни сказать что-нибудь дѣльное... Да и кому сказать—этой-ли женщинѣ, которая уже очерствѣла среди вѣчной нищеты и нужды, или дѣтямъ, которыя ровно ничего не поймутъ. Стыдно было сознаться Зинѣ даже себѣ самой, что къ неумѣнью приласкать дѣтей примѣшивалось и чувство брезгливости... Дѣти были некрасивы, какъ-то не довѣрялось ихъ чистотѣ, а главное, этотъ воздухъ, этотъ убійственный воздухъ, который парализовалъ, кажется, всѣ остальныя чувства.

Пора было идти домой. Дуняша первая спохватилась и напомнила объ этомъ барышнѣ.

— Постой, только нужно отдать деньги... Отдай ты хозяйкѣ, она передастъ...

— Ну, вотъ еще... Можетъ быть, Анисьѣ на что-нибудь нужнѣе надо, а та ужъ безпремѣнно за квартиру себѣ оставитъ. Вотъ Шурочка спрячетъ...

— Ты, Шура, не потеряешь эту бумажку?—спросила Зина.

— Это три рубля... Нѣтъ-съ, какъ можно, я ихъ сейчасъ въ сундукъ уберу... Покорно благодарю.

— Что ты дѣлаешь цѣлый день, Шура?

— Да вотъ съ нимъ больше, съ Сережкой, а когда заснетъ, уберу немножко, иногда постираю мелочь, въ лавочку сбѣгаю, ребятъ покормлю... Они по двору бѣгаютъ, иногда и я къ нимъ выйду... Марья Митревна постучатъ мнѣ въ окно, коли Сережка заплачетъ.

— Скучно, я думаю, тебѣ... Читать ты умѣешь?

— Умѣю, только не очень хорошо, да теперь и книжки нѣтъ у меня.

— Ну, ужъ что тебѣ еще надъ книжкой сидѣть: лучше по

двору лишній разъ пробѣгись, все тебя вѣтеркомъ обдуетъ, а то, вишь, зеленая совсѣмъ... Пожалуйте, барышня, пожалуйте... бѣды бы не нажить. Прощайте, ребятки.

Зина вышла напутствуемая поклонами хозяйки и вздохнула полной грудью, очутившись на свѣжемъ воздухѣ. Было уже восемь часовъ, когда она благополучно проскользнула въ свою комнату. Цѣлый день всѣ ея мысли были направлены на утреннее посѣщеніе. Теперь, въ привычной ей обстановкѣ, роскоши которой она какъ-то не замѣчала раньше, Зинѣ стало стыдно за то, что она нашла обстановку *той* квартиры еще недостаточно ужасной, а даже сносной. Чего же еще хуже ожидала она? Разумѣется, это не могла быть землянка и не могла быть грязная солома вмѣсто постели, на то это и Петербургъ, а не лѣсъ или деревушка. Но воздухъ, чего онъ одинъ стоитъ, и шесть человѣкъ спятъ въ этой атмосферѣ на пространствѣ одной сажени!

Дуняша говоритъ, что вечеромъ еще душнѣе: всѣ дома, мужчины курятъ отвратительный табакъ, на кухнѣ разогрѣваютъ остатки отъ обѣда и вѣшаютъ просушивать грязную одежду. Затѣмъ вѣдь и это убогое довольство, какъ перина, подушки и сносныя платья на дѣтяхъ держатся только, пока нужда наступила сравнительно недавно и не успѣла придавить всей тяжестью, но она была уже недалеко.

— Какой былъ сундукъ добра,—разсказывала ей Дуня на обратномъ пути,—кое-что уже продала, а что позаложила, только врядъ-ли выкупить, гдѣ ужъ!

Простудилась-ли Зина раньше и прибавила только простуды, выйдя рано утромъ и оставаясь одѣтой въ жаркой комнатѣ, но только вечеромъ же она почувствовала ознобъ и боль въ горлѣ, а на утро лежала уже въ сильномъ жару, и докторъ опредѣлилъ злокачественную инфлуенцу, осложненную болѣзнью горла.

И въ жару, и во время всей болѣзни Зина не переставала думать о семьѣ Анисьи и вообще о томъ, какъ много несправедливаго и страннаго на свѣтѣ, непонятнаго для нея. Почему, напримѣръ, бабушка, которую называютъ чуть не святой женщиной, не приметъ болѣе дѣятельнаго участія въ судьбѣ бѣдняковъ, а предпочитаетъ только работать, сидя въ мягкомъ креслѣ своей комнаты? Почему отецъ и мать, которые такъ добры къ ней, заставляютъ ее тратить деньги и время на безполезныя работы, никогда не внушатъ ей, что это грѣхъ, и что время должно употреблять съ пользой, если не для себя, то для другихъ. Ее такъ воспитали, что она не умѣетъ даже говорить съ людьми не своего класса.

Ну, что она тогда—сидѣла, даже не умѣла разспросить, узнать, не догадалась даже принести чего-нибудь съ собою, и та же Дуняша, простая дѣвушка, оказалась догадливѣе ея. Она даже шить не умѣетъ, не можетъ сшить простого платьица и должна будетъ просить помощи опять-таки у Дуняши. Вотъ самые замысловатые цвѣты, абажуры и розетки она умѣетъ сдѣлать, знаетъ всѣ швы шелками, а простой кофточки не сдѣлаетъ. Вотъ онъ эгоизмъ-то: научиться работать лишь то, что изящно и пригодно для ихъ гостиной и ничего, что дѣйствительно полезно для другихъ!

Въ своемъ самоосужденіи Зина даже забывала, что можно все купить готовое или заказать, но нѣтъ, ей именно хотѣлось потрудиться самой, тѣмъ болѣе, что купить—это значило бы воспользоваться деньгами родителей, и опять ничего личнаго.

Еле поправившись, но уже вставши съ постели, Зина поручила Дуняшѣ купить ситцу или бумазеи и скроить платье Шурѣ и рубашенки для мальчиковъ. Сама же она мечтала все это сшить, вставая ранѣе обыкновеннаго по утрамъ или отрывая время отъ работы по фарфору. Новое настроеніе молодой дѣвушки не ускользнуло отъ домашнихъ: семья заволновалась, всѣ стали присматриваться къ ней, надоѣдали вопросами и, наконецъ, вздохнули свободнѣе, принявъ на вѣру предположеніе тети Кати, что это ни болѣе, ни менѣе, какъ слѣды болѣзни и что время сдѣлаетъ свое дѣло. Одна бабушка не успокоилась окончательно и рѣшила на случай пустить въ ходъ свое испытанное средство—умѣнье Агніи все разузнать и вывѣдать.

Агнія отъ природы обладала чутьемъ сыщика, и первое, что она сдѣлала, пробралась въ комнату Зины, когда та гуляла съ англичанкой, и зоркими рысьими глазками оглядѣла все помѣщеніе. Обрѣзокъ розоваго ситцу на полу у столика тотчасъ же кинулся ей въ глаза.

— Это что же такое?—тотчасъ подумала она: —кажись, къ барышниной работѣ совсѣмъ непригодное... Что она можетъ дѣлать изъ этого грошеваго ситцу, а вотъ и катушка на столѣ... чудеса!

Агнія на минуту задумалась и, не смотря на свою дородность, не полѣнилась нагнуться подъ столъ за обрѣзкомъ.

— Те, те, те... и ситецъ-то знакомый: еще вчера вечеромъ Дуняшка выкраивала изъ него рубашку, говоря, что тетка просила скропить. Еще ей и вчерась показалось это удивительнымъ: что за швея такая выискалась. Что же это за фокусы? Что-то тутъ творится, о чемъ нужно разузнать. Эта шельма Дуняшка что-то очень хвостомъ вертитъ, нужно ее поприжать хорошенько.

— Хм...—Агнія Степановна остановилась въ раздумьи среди комнаты, желая найти сама ключъ къ этой загадкѣ.

— Кому можетъ работать Дуняша? Она сирота и всей-то родни двѣ тетки: одна двѣнадцать лѣтъ на мѣстѣ живетъ, ребятъ у ней нѣтъ, одинъ сынъ взрослый; другая замужемъ, своей квартирой хозяйствуетъ, комнаты сдаетъ, у той совсѣмъ дѣтей нѣтъ... Что за притча? Кромѣ этой быстроглазой, никто изъ прислугъ съ барышней и не разговариваетъ; если кого и подозрѣвать, такъ ее.— Агнія опять задумалась:—Дуняшка часто куда-то по двору шмыгаетъ, у кого она бываетъ здѣсь, нужно узнать.

И толстая особа съ озабоченнымъ видомъ пошла на кухню къ своей пріятельницѣ, кухаркѣ Марьѣ Васильевнѣ, особѣ худощавой, сдержанной и молчаливой. Если онѣ и были дружны, то только въ силу контраста, какъ наружнаго вида, такъ и внутренняго содержанія, да еще потому, что жили обѣ чуть не съ молодости въ домѣ Рябининыхъ и Пещерскихъ.

Разузнавать пришлось недолго: Марья Васильевна отлично все знала черезъ самую Анисью и, если не разсказала ничего раньше, то только потому, что не заходило разговора по этому поводу, а сама она не придавала всей этой исторіи никакого интереса и значенія.

— Знаете мой характеръ, Агнія Степановна,—замѣтила она на упрекъ своей пріятельницы:—я въ чужія дѣла вступаться не люблю, а дурного въ этомъ ничего не видѣла; если барышнѣ вздумалось доброе дѣло сдѣлать, такъ и слава тебѣ, Господи, онѣ съ этого не обѣднѣютъ...

— Да и мнѣ что же, — прикинулась равнодушной Агнія.— Я такъ только полюбопытствовала: кому молъ эта наша барышня помогать вздумала... Вѣдь тоже всякіе есть, другой и нарочно прибѣднится, лишь бы попользоваться... Ну, ужъ самой-то барышнѣ, все же скажу, не слѣдъ было ходить, мало-ли чего тамъ могла наслушаться, насмотрѣться, да и простудилась-то не иначе что тамъ. Въ этотъ же вечеръ бабушка узнала все, даже съ прикрасами: квартира Анисьи оказалась цѣлымъ вертепомъ съ пьяными мужиками и непристойными женщинами.

И ея Зина была тамъ, о Боже!

Старуха не хотѣла разстраивать на ночь свою дочь, кстати та была въ концертѣ, но утромъ Надежда Павловна сидѣла долго въ комнатѣ матери и вышла отъ нея разстроенная и блѣдная, нюхая ароматическую соль.

Въ этотъ же день Агнія ѣздила по порученію старой барыни

къ Дуняшиной теткѣ, а на другое утро на звонокъ Зины явилась уже сама Агнія, доложивъ, что Дуняшина тетка внезапно захворала и вызвала племянницу ходить за собой и помогать по хозяйству и что до найма новой горничной она, Агнія, будетъ сама служить барышнѣ.

Въ разговорѣ съ дочерью бабушка настаивала, между прочимъ, чтобы Зинѣ не говорить ровно ничего.—Повѣрь моя душа, что это самое лучшее, — убѣждала она Надежду Павловну: — чѣмъ меньше раздувать значеніе ея поступка, тѣмъ лучше.

— Но нужно же ее заставить понять всю неприглядность ея поведенія, поставить на видъ, чѣмъ она рисковала... объяснить...

— И ничѣмъ ты ея сейчасъ не переубѣдишь, разъ уже у нея засѣла эта глупость въ головѣ,—прервала ее бабушка:—еще, пожалуй, на какой характеръ, мученицей себя вообразитъ, и то, что теперь пустая забава, обратится въ какую-то идею... Нѣтъ, съ молодежью нужно осторожнѣе. Самое главное сдѣлано: всякая возможность посѣтить еще разъ этотъ ужасный „уголъ“ прекращена, и прекращена, по мнѣнію Зины, совершенно случайно, слѣдовательно, и возмущаться ей нечѣмъ. Нѣтъ этой глупой дѣвчонки Дуняшки, слѣдовательно, пути къ преждевременной благотворительности и филантропіи, въ какомъ то ни было видѣ, — отрѣзаны. Зина будетъ ждать сначала, а потомъ забудетъ. Теперь возникаетъ забота совсѣмъ объ иномъ.

— О чемъ же?

— Нужно дать Зинѣ какой-нибудь крупный интересъ.

Надежда Павловна изумленно взглянула на мать и пожала плечами.

— Я не понимаю, чего ей не достаетъ: дѣвочка въ семнадцать лѣтъ, окруженная всѣмъ, что можетъ дать любящая семья— и тоскуетъ! Это непонятно для меня.

Рябининъ-отецъ возмущался больше всѣхъ. Человѣкъ не особенно далекій, преданный своему долгу, чиновникъ съ головы до ногъ, узкій консерваторъ и педантъ, онъ ненавидѣлъ всякіе порывы молодежи, которыхъ не имѣлъ никогда самъ.

— Моя дочь—и вдругъ какая-то нигилистка!—восклицалъ онъ нѣсколько разъ съ ужасомъ!—Эта фраза ему, очевидно, такъ понравилась, что онъ не хотѣлъ съ ней разстаться, не смотря на доводы жены, что собственно нигилистическаго въ поступкѣ Зины ничего еще не было.

— Помилуй, матушка, идти въ какую-то трущобу, развѣ это

не то же хожденіе въ народъ? Отъ нея значитъ всего можно ожидать... вѣдь это еще первый шагъ... И смѣлость вѣдь какая!..

Надежда Павловна еле могла отговорить мужа отъ желанія распечь и разнести дѣвочку.

— Ну, изволь, — согласился наконецъ онъ, — но чтобы я больше никогда не слыхалъ ничего подобнаго... Разъ ты мнѣ запрещаешь говорить съ ней, то вы сами должны придумать что-нибудь, чтобы выбить эту дурь у нея изъ головы, повліять, дать другое направленіе... А то подумать только, что моя дочь, дочь Николая Сергѣевича Рябинина — нигилистка... Это чортъ знаетъ что такое!

Бабушка, судя по ея загадочному виду, была занята какими-то мыслями, которыхъ она еще никому не повѣряла. Она только настаивала на томъ, чтобы дочь устроила маленькое семейное собраніе, пригласивъ на него ея племянницу и кузину хозяйки — тетю Катю, какъ ее звали въ семьѣ по примѣру дѣтей.

Надежда Павловна выбрала день и пригласила обѣдать кузину, намекнувъ ей вскользь, что съ ней хотятъ посовѣтоваться относительно Зины.

Обѣдъ тянулся вяло: всѣмъ хотѣлось поскорѣе перейти къ интересующему ихъ вопросу, но говорить было пока нельзя и потому перебрасывались отдѣльными фразами, лишь бы прерывать неловкое молчаніе. Тетя Катя, энергичная брюнетка съ легкой просѣдью въ густыхъ волосахъ, лѣниво разспрашивала Рябинина о какомъ-то Иванѣ Андреевичѣ, который получилъ повышеніе, но переводился въ провинцію. Хозяйка дома переговаривалась съ англичанкой по поводу предстоящаго визита Зины, которая отправлялась съ ней тотчасъ послѣ обѣда къ знакомымъ, гдѣ праздновалось шестнадцатилѣтіе какой-то Мисси, и приглашалась исключительно только самая юная молодежь безъ родителей.

Призванная на совѣтъ тетя Катя считалась всѣми родными и знакомыми необыкновенной умницей, практичной, энергичной и дѣловой женщиной. Катерина Алексѣевна мало-по-малу сама привыкла вѣрить въ эти достоинства и умѣнье разрѣшать всѣ жизненные вопросы, а потому пріобрѣла нѣсколько рѣзкій, самоувѣренный тонъ, не допускающій возраженій.

Слава Катерины Алексѣевны, какъ геніальной женщины, составилась, благодаря ея умѣнью или счастью, съ которымъ ей удалось устроить судьбу ея дѣтей, а именно: отдать замужъ двухъ некрасивыхъ дочерей за богатыхъ и вліятельныхъ людей, а двумъ сыновьямъ, ничѣмъ ровно не выдающимся, устроить блестящія карьеры.

— Помилуйте, — восхищались знакомые, — Катерина Алексѣевна—замѣчательная женщина: осталась вдовой съ четырьмя дѣтьми, почти безъ средствъ и какъ съумѣла повести свои дѣла! Сколько такта, чутья, находчивости!.. Ей бы дипломатомъ быть впору.

— Да,—подтверждали другіе,—бѣдняжкѣ съ перваго года замужества пришлось все нести на своихъ плечахъ... Знаете, мужъ былъ немножко слабъ...

— Просто глупъ непроходимо,—опредѣляли болѣе рѣзкіе,—чего тутъ слова подыскивать. а Катерина Алексѣевна чистый король, всюду вездѣ сама все хлопотала.

Изо всего этого было понятно желаніе бабушки, чтобы племянница присутствовала на семейномъ совѣщаніи. Дѣдушку незачѣмъ, да и безполезно было тревожить, а бабушка, мать, отецъ и тетя Катя должны были серьезно обсудить вопросъ вчетверомъ.

Обѣдъ, наконецъ, кончился, и всѣ перешли въ комнату бабушки, гдѣ обыкновенно пили кофе.

Зина простилась со всѣми и тотчасъ ушла съ своей гувернанткой къ себѣ.

Молодой Рябининъ оставался нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, не зная, что сдѣлать съ собой.

— Ты идешь съ нами?—мимоходомъ спросила его мать.

— Но вѣдь вы будете говорить о семейныхъ дѣлахъ?

— Ну, что же... ты развѣ не членъ семьи? Я думаю, тебѣ тоже не мѣшаетъ выслушать мнѣніе отца и всѣхъ насъ,—слегка обиженнымъ тономъ замѣтила Надежда Павловна.

— Да я, maman, что же... только это что-то собирается быть торжественнымъ, а я, ты знаешь... впрочемъ, иду, иду,—поспѣшилъ онъ добавить въ отвѣтъ на укоризненное пожатіе плечъ.

Папа Рябининъ былъ весьма недоволенъ, что ему пришлось измѣнить свой режимъ: обыкновенно послѣ обѣда онъ удалялся съ своей чашкой кофе въ кабинетъ и тамъ, лежа на отоманкѣ съ сигарой въ зубахъ, предавался легкому far niente, граничащему съ дремотой. Сегодня курить уже было нельзя: belle mère не допускала запаха табаку въ своей комнатѣ, и это лишеніе дѣлало его заранѣе не въ духѣ.

Бабушка усѣлась на свое обычное вечернее мѣсто въ большомъ креслѣ передъ отдѣльной низенькой лампой съ зеленымъ абажуромъ и взяла вязанье свѣтлаго цвѣта. Остальные размѣстились вокругъ стола съ Надеждой Павловной посрединѣ, которая разливала по крошечнымъ чашечкамъ горячій, ароматный кофе.

— И такъ, кузина,—начала первая Катерина Алексѣевна,—вы хотѣли спросить у меня что-то относительно Зиночки?

Надежда Павловна заволновалась и даже вспыхнула; хотя вопросъ былъ совершенно ожиданный, но все-таки было какъ-то щекотливо начинать разговоръ.

— Да, ma chère,—отвѣтила за дочь бабушка,—знаешь, по пословицѣ: умъ хорошо, а два лучше... Ты такъ много переиспытала въ жизни, тебѣ такъ часто приходилось видѣть, слышать, наталкиваться на различныя обстоятельства, сталкиваться съ людьми разныхъ круговъ и положеній. Замѣчала-ли ты, что наша Зина сильно перемѣнилась за послѣднее время?

— Но, вѣдь мы уже рѣшили, что это слѣды недавно перенесенной болѣзни...

— Ахъ, еслибы только это,—вздохнула мать,—но, къ сожалѣнію, у Зины явились идеи,—идеи, ни съ чѣмъ несообразныя для молодой дѣвушки нашего общества и положенія.

— Да, ужъ я попрошу васъ всѣхъ повліять на нее и какъ можно круче, — началъ отецъ, — я этого нигилизма въ своей семьѣ не допущу; и въ романахъ-то онъ мнѣ противенъ, а тутъ вдругъ слышу, что моя дочь хочетъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ студентки, нигилистки...

— Нынче, папа, нигилистокъ нѣтъ,—улыбнулся молодой Рябининъ,—есть курсистки и есть толстовцы...

— А, ну пхъ... дѣло не въ названіи! Однимъ словомъ, у дѣвушки, если она не нищая и воспитана въ хорошей семьѣ, не должно быть никакихъ идей. У насъ во всей семьѣ ничего подобнаго не бывало, и я этого, повторяю, не потерплю.

— Пожалуйста, Nicolas, не волнуйся такъ; знаешь, тебѣ вредно,—прервала его Надежда Павловна, съ испугомъ взглядывая на покраснѣвшую жирную шею мужа, которая всегда ей внушала серьезныя опасенія.

Но Рябининъ и безъ того уже угрюмо засопѣлъ и рѣшилъ, что его мнѣніе высказано и что онъ можетъ молчать остальное время: говорить послѣ обѣда было для него почти подвигомъ.

Надежда Павловна поторопилась заговорить сама.

— Дѣло вовсе еще не такъ ужасно, чтобы волноваться много. Я сейчасъ все разскажу кузинѣ. Видишь-ли, Зина стала очень скучать. Можетъ быть, это было дѣйствительно слѣдствіемъ болѣзни и малокровія: знаешь, дурное расположеніе духа, что-то не по себѣ... Потомъ я нахожу, что она много читаетъ... Miss Enny прекрасная особа, но она, знаешь-ли, слишкомъ англичанка и именно

англичанка изъ бѣдной семьи съ ихъ суровыми понятіями, съ ихъ узкимъ филантропическимъ взглядомъ; все это, безспорно, прекрасно, но что принято у нихъ, то совсѣмъ не подходитъ къ намъ. Зина же, очевидно, увлеклась ея разсказами и отчасти романами и пожелала тоже заняться филантропіей и притомъ очень самостоятельно, то-есть, отправилась сама въ какую-то невозможную квартиру, здѣсь же во дворѣ...

— Нѣтъ, какова смѣлость у дѣвчонки,—не выдержалъ снова отецъ,—вотъ это-то и пугаетъ!

— Но отъ кого же Зина узнала о существованіи этой квартиры или ея обитателей?—спросила тетя Катя, выслушивая всѣхъ со вниманіемъ прокурора.

— Вообрази, ma chère, дѣвчонка-горничная разжалобила ее какой-то исторіей и потомъ свела Зину къ нимъ,—замѣтила бабушка,—разумѣется, дѣвчонкѣ было тотчасъ отказано, какъ только моя Агнія узнала объ этомъ.

Тетя Катя покачала головой.

— Вѣдь какой ужасъ, подумаешь! Какихъ непріятностей можно было ожидать: могла натолкнуться на какія-нибудь грязныя сцены...

— Да, это еще счастье, если какой-нибудь пьяный мастеровой не наговорилъ ей дерзостей,—замѣтилъ Николай Рябининъ, желая показать и свою долю участія въ разговорѣ.

— Допустимъ, наконецъ, что самъ по себѣ фактъ посѣщенія этой квартиры не такъ важенъ, благо, что съ ней ничего не случилось дурного, — начала опять мать; — допустимъ, что это была шалость, любопытство, экзальтація... Но Зина начала тяготиться всѣмъ, что ее раньше занимало... Она забросила музыку, рисованье, работы... И представь, на мой вопросъ: почему это такъ? отвѣчаетъ, что находитъ все это безцѣльнымъ! А? какъ тебѣ это понравится?..

— Помилуй, ma chère, она мнѣ цѣлую нотацію прочла, что я тоже не хожу по этимъ грязнымъ трущобамъ, что работать всю жизнь на бѣдныхъ еще мало, что нужно видѣть самой... Мнѣ тогда показалось страннымъ слышать это отъ нея, но я думала, что дѣйствительно дѣвочка начиталась...

— Даже меня Зина спрашивала, теперь только припоминаю, не скучаю-ли я, нахожу-ли удовлетвореніе въ жизни... вообще что-то въ этомъ родѣ,—отозвался Nicolas.

— Удивительно... дѣвчонка въ семнадцать лѣтъ... Я понимаю еще подобную вещь въ семьѣ, гдѣ много студентовъ, собирается молодежь, братья, товарищи ихъ, гдѣ толкуютъ, спорятъ... Но у

насъ, въ нашей семьѣ... Откуда могло явиться это зловредное вѣяніе, этотъ проклятый либерализмъ, этотъ глупѣйшій вельтъ-шмерцъ?..

— Да не волнуйся же ради Бога, Николай Сергѣевичъ!—Жена даже начала раскаяваться, что позвала мужа на семейный совѣтъ. Онъ только возмущается, сердится и все равно ничего не придумаетъ... А между тѣмъ съ сытымъ желудкомъ, тотчасъ послѣ обѣда и съ его комплекціей...

— Я думаю, тебѣ, мой другъ, лучше идти отдохнуть,—начала Надежда Павловна, будто случайно взглянувъ на часы,—я и забыла, что ты сегодня у Звегинцевыхъ, тамъ такъ поздно сидятъ. Я тебѣ передамъ потомъ все, весь разговоръ...

— Ну, какъ знаете, меня дѣйствительно вся эта исторія возмущаетъ. Будь это мальчикъ, другое дѣло... Я зналъ бы какія мѣры, а тутъ ужъ ваше дамское дѣло.

Надежда Павловна, нѣжно опираясь на руку разгорячившагося супруга, увлекала его къ выходу и ласковымъ жестомъ притворно толкнула въ двери, потомъ снова усѣлась къ столу, вздохнувъ съ видомъ мученицы и поднимая глаза къ небу.

— По-моему, средство одно, — тетя Катя пріостановилась на секунду, обводя взглядомъ слушателей и наслаждаясь жаднымъ вниманіемъ, съ которымъ всѣ глаза обратились къ ней:—Зину надо выдать замужъ!

Эффектъ получился: всѣ примолкли на мгновеніе.

Первый заговорилъ Nicolas.

— О, я тоже говорилъ ей, что первой и главной задачей всякой дѣвушки—это замужество. И скука, и безцѣльность жизни—все это исчезнетъ безслѣдно.

Надежда Павловна заволновалась и какъ-то растерянно мигала глазами.

— Замужъ... ma chère, это легко сказать... но какъ же такъ... Enfin nous ne sommes pas des marchands... не черезъ сваху же, наконецъ, искать Зинѣ жениха... Она такъ молода, я еще почти не вывозила ея...

На бабушку, повидимому, неожиданное предложеніе племянницы не навело такого ужаса.

— Положимъ, ужаснаго въ этомъ ничего нѣтъ, Надинъ. Напротивъ, раннія замужества у насъ въ семьѣ... Ты тоже выходила семнадцати лѣтъ, Катя тоже почти этого возраста, я въ шестнадцать... Конечно, мой вѣкъ и Зининъ... но все-таки... Мы всѣ очень энергичны и дѣятельны: нужно давать пищу этой энергіи именно потому, что иначе живость характера и желаніе дѣятельности будутъ искать себѣ выхода на нежелательной и неподходящей почвѣ.

Надежда Павловна снова вздохнула: ей живо вспомнилось, какъ ее, еще дѣвочкой, *отдали* за Рябинина, какъ ей не хотѣлось выходить замужъ за Nicolas... Онъ и тогда былъ такой неуклюжій, полный... Особенно смущали глаза: большіе, неестественно выпуклые—съ годами это какъ-то прошло. Нужно было очень цѣнить его пятнадцать тысячъ годового дохода, чтобы помириться съ ними. Положимъ, что съ maman разговаривать было нельзя, такъ или иначе мириться бы пришлось. Ну, и что же, прожила же она счастливо двадцать лѣтъ. Надежда Павловна опять украдкой вздохнула, точно не была искренно убѣждена, счастье-ли это было!

— Но все-таки, maman, за кого же можетъ выйти Зина, такъ, вдругъ?..

— Милая Надина, — начала тетя Катя, кладя руку на ея руку,—ты очень энервирована и поэтому горячѣе относишься къ вопросу, чѣмъ это слѣдуетъ, а между тѣмъ нѣтъ ничего ни страшнаго, ни невыполнимаго. Разумѣется, нельзя Зину отдать за перваго встрѣчнаго, никто объ этомъ не говоритъ, да этого вовсе и не требуется: Зина такъ молода, такъ мила, такъ хорошо воспитана, что женихи не замедлятъ сами явиться, останется только выбирать. Для этого нужно больше вывозить Зину въ свѣтъ, tu la considères trop en enfant! Да, это всегда ошибка насъ, матерей, считать своихъ сыновей и дочерей дѣтьми, когда они уже выросли,— смягчила свое заключеніе кузина.

Она немного осуждала Надежду Павловну, находя, что та очень молодится для своихъ 38-ми лѣтъ, тогда какъ она сама всего на три года старше ея и уже бабушка двухъ внучатъ.

— А я тебѣ скажу, дружочекъ,—обратилась бабушка съ торжествующимъ видомъ къ дочери,—если хочешь знать, то партія Зинѣ и сейчасъ есть.

— Ахъ, это навѣрное Кока Перелѣсовъ... Знаю, c'est le faible de maman,—усмѣхнулась слабо Надежда Павловна.

— Кока? А что же... если ему Зина нравится, то партія прелестная,—подхватила кузина,—ему всего двадцать четыре года, а онъ между тѣмъ уже началъ свою карьеру и съ протекціей Николая Сергѣевича пойдетъ очень далеко.

— Некрасивъ только онъ, какія-то нервныя подергиванья въ лицѣ,—замѣтилъ Николай.

— Ахъ, что тамъ красота—послѣднее дѣло для мужчины,— недовольно замѣтила бабушка,—красивый мужчина дѣлается фатомъ, ухаживаетъ направо и налѣво и манкируетъ своими обязанностями; по-моему очень красивому мужчинѣ не слѣдуетъ же-

ниться, по крайней мѣрѣ, лѣтъ до сорока. Тогда какъ человѣкъ, не думающій о своей наружности, всецѣло отдается семьѣ. Наши семьи всегда были дружны между собой, и Софья Осиповна не разъ намекала, хотя и очень отдаленно, на желаемость этого брака.

— Неужели дѣйствительно это единственное средство? —задумчиво замѣтила мать. Ей вдругъ стало жаль до безконечности Зину. Кока Перелѣсовъ былъ такой не симпатичный, болѣзненный, точно помятый... Но бабушка и кузина, очевидно, крѣпко уцѣпились за эту мысль.

— Для энергичной, дѣятельной натуры, конечно, это единственный выходъ,—живо подхватила Катерина Алексѣевна:—если дѣвушка пуста и недалека, она довольно долго будетъ довольствоваться выѣздами, туалетами, кокетствомъ... Но если ее эта жизнь не удовлетворяетъ, если она ищетъ серьезной дѣятельности, то, разумѣется, замужество единственное средство дать ей настоящую и полезную дѣятельность женщины въ своей семьѣ; повѣрь, что это такъ.

— Да... но вѣдь Перелѣсовъ... онъ даже рѣдко бываетъ у насъ...

— О, что до этого... Устрой jours fix'ы; ты кстати хотѣла возобновить ихъ постомъ. Я собираю у себя два раза въ мѣсяцъ. Кромѣ того, постомъ у меня соберется нѣсколько разъ исключительно тѣсный семейный кружокъ, приглашу и его. Такимъ образомъ молодые люди будутъ постоянно встрѣчаться, остальное придетъ само собою.

— Но если онъ ей не понравится... Я не хочу ни принуждать Зину, ни насиловать ея воли...

— Полно, Надина, къ чему эти громкія фразы,—досадливо прервала бабушка,—что можетъ понимать такая дѣвочка, развѣ можно положиться на ея выборъ?.. Если мы всѣ—я, отецъ, ты, Катя, братъ—будемъ всѣми силами способствовать этому и доказывать, что Кока самый подходящій мужъ для нея—что она можетъ имѣть противъ? Боже мой, да если такіе ребята захотятъ имѣть свои особенныя мнѣнія, то ужъ, право, и жить на свѣтѣ невозможно!

— Твое дѣло, милая Надинъ, доказать Зинѣ и убѣдить, что дѣвушка сама не можетъ рѣшать этого вопроса и что, съ другой стороны, только выйдя замужъ, она получитъ самостоятельное значеніе въ обществѣ и можетъ выбирать ту дѣятельность, которую захочетъ. Если сердце Зины свободно, а за это, кажется, мы всѣ ручаемся, не трудно поставить на ея пути Перелѣсова и указать, какъ на самаго достойнаго человѣка... О, это такъ по-моему не трудно!

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—прибавила бабушка,—огонь нужно тушить въ началѣ, не давая ему разгораться: важно потушить первую искру.

Семейный ареопагъ разошелся. Участь бѣдной Зины была безповоротно рѣшена. Первая искра была потушена.

О. Демертъ.

РАЗСКАЗЫ

Стефана Жеромскаго.

(Переводъ В. Зеленевской).

I. Забвеніе.

Мы условились съ лѣсникомъ Лялевичемъ, что завтра до разсвѣта будемъ у него, и онъ поведетъ насъ на молодыхъ утокъ-щелкуновъ, въ извѣстное ему только одному мѣсто на берегу пруда.

Сказано—сдѣлано. Пришлось встать во второмъ часу ночи, натянуть болотные сапоги и идти. И вотъ мы идемъ съ паномъ Альфредомъ, куримъ папиросы и болтаемъ... Идемъ мы по твердой тропинкѣ между хлѣбами. Наклонившіеся колосья отцвѣтшей ржи почти касаются нашихъ лицъ; на каждомъ изъ нихъ висятъ огромныя капли росы. Съ наслажденіемъ проводишь рукой по мокрымъ колосьямъ и позволяешь имъ бить тебя по лицу. Пахнетъ рожью...

Иногда со стороны Вислы потягиваетъ не то, чтобы вѣтеръ, а здоровый холодокъ, точно сырое дыханіе земли, скрытой въ ночной темнотѣ. Оно не шевелитъ ржи, но ласкаетъ ее, трогаетъ губами и точно цѣлуетъ. Колосья лѣниво, сквозь сонъ, ударяются другъ о друга и тихій шопотъ проходитъ по полю. Стряхнутыя капли падаютъ съ чешуи колосьевъ, соскальзываютъ къ узламъ ихъ, очищеннымъ отъ пыли, и висятъ тамъ до утра. Издалека, изъ глубины ольхъ надъ рѣчкой, долетаетъ отголосокъ соловьиной пѣсни; летитъ по росистой травѣ нѣжный призывъ: приди, приди, приди!.. и, невыслушанный, затихаетъ въ травѣ. Наступаетъ долгая тишина, пока вдругъ не прерветъ ее staccato пылкой, страстной, нервной, опьяняющей любовной пѣсни.

Тогда задумчивыя ольхи слушаютъ прерывистые, радостные взрывы голоса, похожіе на поцѣлуи. Но намъ нѣтъ времени слушать Шопена ольхъ.

Мы выходимъ уже на широкіе луга. Темнота уменьшается; не исчезаетъ, но рѣдѣетъ; виднѣется что-то, точно отблескъ дого-

рающаго пастушьяго костра. Около насъ еще такъ темно, что мы едва различаемъ лягавую собаку Пука, который бѣжитъ впереди, въ двухъ шагахъ отъ насъ. Мы приближаемся, ступая по высокой травѣ, къ лѣсу и идемъ у опушки его по верескамъ, спотыкаясь о кротовины и кустики можжевельника. Коростели кричатъ поочередно на лугахъ; гдѣ-то далеко отзывается первый перепелъ, и эхо повторяетъ въ лѣсу ея мелодическій голосъ. Веселѣе идти въ темнотѣ, слушая ея: пюить-полоть, пюить-полоть!..

Точно вода, приливаютъ и окружаютъ насъ прохладныя волны лѣсного холода, смѣшаннаго съ запахомъ земляники, можжевельника, молодой вербы, сосновой смолы, со всѣмъ этимъ, не поддающимся описанію, сырымъ, густымъ, захватывающимъ даже дыханіе, а между тѣмъ такимъ здоровымъ запахомъ лѣса, окутаннаго утренней мглой. Пахнетъ, точно букетъ. Блѣдно-голубое небо начинаетъ, наконецъ, просвѣчивать сквозь сосновыя вѣтви. Словно прозрачный эфиръ наполнилъ лѣсъ. Бездѣятельно, неподвижно, точно въ большой усталости, лежатъ на воздухѣ свѣшивающіяся къ землѣ сосновыя вѣтви. Очертанія ихъ, такъ же, какъ и очертанія толстыхъ, въ бурые армяки одѣтыхъ сосновыхъ пней, уже обрисовываются и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утопаютъ въ голубой мглѣ, какъ рыбы въ водѣ.

Это еще не болѣе, какъ расплывчатыя пятна на преобладающемъ сѣро-голубомъ фонѣ разсвѣта. Уже можно замѣтить туманъ надъ лугами и падающую на нихъ подъ очень острымъ угломъ тѣнь лѣса. И на глазахъ нашихъ совершается завзятая борьба, одна изъ самыхъ отчаянныхъ, борьба тьмы со свѣтомъ, совершается незамѣтно, какъ теченіе времени. Проходятъ поочередно всѣ моменты нападенія, отступленія, погрома... Каждый изъ нихъ длится, существуетъ, живетъ, напрягаетъ усилія, борется, умираетъ, и тѣмъ ужаснѣе, что безъ крика, безъ звука. Вотъ, наконецъ, тьма начинаетъ уступать. Есть такое мгновеніе передъ восходомъ солнца, когда она прячется въ глубинѣ кустовъ можжевельника и ракитъ, ничкомъ ложится въ травѣ, согнувшись пробирается между стеблями, по рвамъ, по бороздамъ, приближается къ лѣсу, наконецъ, что есть мочи, убѣгаетъ туда, чтобы тамъ укрыться подъ защитой сосенъ, вдыхать ночь и съ бѣшенствомъ смотрѣть на бѣлѣющія поля. Съ этой минуты громче кричатъ дергачи, начинаютъ свое протяжное „кувыкъ“ чибисы и, какъ трудолюбивый поселянинъ, встаетъ пѣть гимнъ труду сердечный братъ нивы—жаворонокъ.

Тропинка наша, поросшая травой, перерѣзанная высохшими лужами и корнями деревьевъ, то выбѣгаетъ на лугъ, то опять по-

ворачиваетъ въ лѣсъ. Когда, слѣдуя ея капризамъ, мы выходимъ изъ лѣсу, дальніе кусты кажутся намъ пасущимися лошадьми; мы приближаемся къ нимъ съ чрезвычайной осторожностью развѣ затѣмъ только, чтобы толкнуть ихъ ногой съ плохо скрываемой злостью, когда они выступаютъ передъ нами во всей своей невинности, одѣтые съ головы до ногъ бѣлой росой.

Наконецъ пурпурнымъ пламенемъ загорается заря надъ лѣсомъ! Красно-золотыми ободками окаймляются бѣлыя тучки, лежащія на небѣ, точно небрежные мазки кисти на неначатой картинѣ. Кажется, точно какая-то рука быстро сдергиваетъ съ небосклона черный занавѣсъ, и остатки темноты поглощаются землею. Появляются деревни съ ихъ высокими тополями, которые при разсвѣтѣ кажутся голубыми, группы деревьевъ, дороги, улыбающіяся поля и далеко, очень далеко синія полосы лѣсовъ, какъ громадныя застывшія волны.

Мы приблизились уже къ хаткѣ лѣсника Лялевича, стоящей между елями на песчаномъ холмѣ. Лялевичъ сидѣлъ уже на порогѣ. Когда мы подошли, онъ вскочилъ чрезвычайно быстро, сталъ мять въ рукахъ шапку съ зеленымъ околышемъ и клаияться, по военному щелкая каблуками. Это былъ кругленькій человѣкъ, съ жирнымъ, смѣшно улыбавшимся лицомъ.

— Лялевичъ, утки есть?—спросилъ панъ Альфредъ.

— Тучи, ясный пане, тучи!

— Ну, такъ впередъ! Веди!

Мы закурили папиросы, переложили ружья съ лѣваго плеча на правое и отправились. Лялевичъ выступалъ впереди, я шелъ послѣднимъ. Совершенно бѣлый туманъ клубится, кружится, переваливается, точно столбы дыма. Верхушки деревьевъ показываются иногда изъ глубины тумана, какъ черныя пятна, и опять исчезаютъ.

На молочно-бѣлой росѣ слѣды нашихъ сапоговъ обозначаются темно-зелеными, почти черными полосами.

— Прелесть какой день будетъ!—выпалилъ Лялевичъ, желая, повидимому, хоть для приличія, говорить что-нибудь.

— Угу,—промычалъ панъ Альфредъ.

Вдругъ Лялевичъ остановился и даже присѣлъ.

— Эге! Попался!—прошепталъ онъ, всматриваясь въ землю. На мокрой травѣ видѣнъ былъ свѣжій, идущій по направленію къ лѣсу, слѣдъ телѣги.

— Доски, ясный пане, доски изъ-подъ лѣсопильни воруетъ,— прошепталъ онъ убѣжденно и какимъ-то даже прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Идемте, только тихонечко,—прошептали мы почти одновременно и вошли въ лѣсъ по слѣдамъ. Подкравшись къ вырубкѣ, мы выслали Лялевича впередъ, сами же усѣлись въ тѣни. Онъ вышелъ на полянку, между пней, точно лиса; улыбнулся, я бы даже не поручился за то, что онъ не облизнулся — и кивнулъ намъ пальцемъ.

Мы подошли: въ чащѣ орѣшника стояла телѣга, запряженная жалкой клячей. Телѣга была мала, съ необыкновенно высохшими спицами колесъ; передняя ея часть была соединена съ задпею только жердью. По правую сторону дышла стояла кобылка, впряженная въ оглобли веревками, повидимому, однихъ съ нею лѣтъ. Хомутъ безъ подхомутника вытеръ ей шерсть на шеѣ, шлея вытерла бока, старое удило изъѣло губы. Хомутъ сдвинулся ей на уши, такъ какъ она опустила голову и, кося и жмуря глаза, съ выраженіемъ неописаннаго пессимизма, щипала траву. Мухи и оводы садились къ ней на шею, грызли ея острый, какъ пила, хребетъ, сосали подъ брюхомъ, лѣзли въ глаза; она даже не удостоивала ихъ вниманіемъ и, если и махала хвостомъ, то только машинально, по привычкѣ. Жалкая шкура висѣла на ней, какъ плащъ на скелетѣ, надсаженныя ноги съ трудомъ поддерживали тяжесть костей; она не обратила на насъ ни малѣйшаго, даже мимолетнаго вниманія, несмотря на то, что Лялевичъ осматривалъ уже постромку, намотанную на оглоблю и замѣняющую возжи. Велѣно ей здѣсь стоять, и она стоитъ; снимутъ шкуру—пускай снимаютъ.

— Ну и богатая же, чортъ возьми, упряжь,—ворчалъ лѣсникъ:—хоть бы крошка ремешка, веревка на веревкѣ,—прибавилъ онъ съ сожалѣніемъ.

Мы усѣлись подъ сосной въ ожиданіи. Лялевичъ высунулъ изъза куста голову, моргаетъ глазками и улыбается: онъ уже замѣтилъ его, Вицка Обалю.

Идетъ Обаля, согнувшись, крадучись между кустами, неся на плечахъ четыре доски. Онъ оглядывается, прислушивается, иногда присѣдаетъ, и его красная шапка мелькаетъ въ зарослях.

— Четырехдюймовки,—шепчетъ лѣсникъ таинственно, какъ на исповѣди. Обаля уже возлѣ насъ, онъ собирается положить доски на телѣгу и дать тягу, какъ вдругъ передъ нимъ, точно изъ-подъ земли, выростаетъ Лялевичъ, кланяется и говоритъ:

— Вонъ-дзюръ, Обаля...

Мужикъ бросилъ доски на землю, незамѣтно плюнулъ и стоитъ. Между нимъ и его кобылой было нѣкоторое сходство: худой, су-

хой, увядшій, почернѣвшій, низкій, съ необыкновенно широкими и выпуклыми плечами, онъ производилъ впечатлѣніе какого-то орудія для приподыманія тяжестей, чего-то въ родѣ рычага...

Изъ-подъ громадной, какъ подушка, красной шапки падали длинные волосы, безъ блеска, давно, повидимому, нечесаные, такъ какъ въ нихъ торчали солома и сѣно. Одѣтъ онъ былъ въ два куска полотна: дерюжную рубаху до колѣнъ, въ формѣ юбки, завязанную у шеи красной тесемкой и препоясанную ремешкомъ и въ штаны, доходящіе до щиколокъ, изъ такой же дерюги, такіе старые, такіе черные и порванные, что, смотря на нихъ, хотѣлось громко воскликнуть: давайте, Обаля, ваши штаны на парижскую выставку, давайте; пускай знаетъ цивилизація, что и вы, по мѣрѣ силъ и средствъ, занимаетесь производствомъ предметовъ удобства!—Колѣни его были согнуты разъ навсегда, какъ у кузнечика, и просвѣчивали сквозь дыры въ штанахъ, протертыя, круглыя, точно выжженныя. Смотрѣлъ я на его ноги, большія, покрытыя навозомъ, черныя, съ искривленными пальцами, съ ногтями, какъ у звѣря, съ пятками, сплюснутыми и подавшимися назадъ, и пришелъ къ убѣжденію, что цивилизація не принесла въ хату Обали ни одной еще пары сапоговъ.

А лицо не было некрасиво: обыкновенное мужицкое лицо, точно высѣченное изъ песчаника начинающимъ ваятелемъ, безсмысленно холодное и спокойное, настоящее джентльменское, ничѣмъ не волнуемое лицо. Отъ носа шли къ бородѣ двѣ глубокія морщины, въ которыхъ кожа была немного блѣднѣе, чѣмъ на лицѣ и шеѣ, черныхъ отъ загара.

Мы поднялись съ земли и теперь только Обаля замѣтилъ насъ. Онъ снялъ шапку, отстранилъ рукой со лба волосы и, кланяясь, бросилъ шапку о земь.

— Да будетъ хвала Іисусу Христу,—говоритъ.

— Во вѣки вѣковъ, братъ, во вѣки вѣковъ, — отвѣчаетъ панъ Альфредъ:—хорошо ты хвалишь Господа Бога...

Мужикъ ничего,—посматриваетъ на насъ, ждетъ. Панъ Альфредъ усѣлся около него на пнѣ и говоритъ:

— Мой Обаля... вѣдь тебя зовутъ Обалей, не правда-ли?.. Такъ вотъ, мой Обаля, развѣ это хорошо, что ты въ бѣлый день идешь въ чужой лѣсъ и такъ, не стѣснялся, берешь, что тебѣ вздумается? Скажи же мнѣ, хорошо это? И наказанія ты Божьяго не боишься и того... Ну, и какъ же мнѣ тебя считать сосѣдомъ, гражданиномъ, такъ сказать,—братомъ?..

— Помилуйте...

— Оставь, прошу тебя, оставь. За эти доски ты пойдешь подъ судъ, а то я бы здѣсь скоро отъ васъ долженъ былъ уйти съ сумой. Понимаешь меня?..

— Понимаю, ясный пане.

Въ то время, какъ Обаля „понималъ", Лялевичъ придвинулся къ нему незамѣтно и такъ какъ-то ловко схватилъ его за волосы, что мужикъ даже не спохватился. Спустя мгновеніе я имѣлъ возможность наблюдать за операціей такъ называемаго „битья по мордѣ". Правымъ кулакомъ Лялевичъ билъ, въ лѣвой рукѣ держалъ волосы Обали. Мужикъ отъ времени до времени отстранялъ его рукой, какъ комара, спокойно говоря:

— Брось, Лялевичъ, брось...

— Между глазъ!—скомандовалъ панъ Альфредъ, угощая меня папиросой и подавая зажженную спичку.

„Далъ" ему Лялевичъ между глазъ, далъ въ носъ, въ зубы, въ горло, разъ, другой, третій, четвертый, пятый... Я увидѣлъ кровь, просачивающуюся тонкой струйкой изъ носа мужика, а Лялевичъ все бьетъ, даже подпрыгиваетъ. Наконецъ, слышится потрясающій, ужасный, отвратительный плачъ истязуемаго человѣка, и вдругъ искривленные пальцы впились въ горло лѣсничаго. Тогда вскочилъ и панъ Альфредъ и нанесъ Обалю одинъ ударъ, такъ называемый „durch", въ подбородокъ, такой ударъ, что тотъ полетѣлъ кувыркомъ и, какъ камень, упалъ въ кусты. Тамъ еще лѣсникъ потопталъ его немного каблуками и вернулся къ намъ, вспотѣвшій и раскраснѣвшійся. Вскорѣ мужикъ всталъ, отплевываясь кровью и вытирая губы рукавомъ рубахи. Оказалось, что на щекѣ его не было даже отпечатка пяти пальцевъ, который по традиціи полагается имѣть „получившему". Онъ отплевался, перевелъ духъ, вытеръ подбитые глаза и сталъ отматывать веревку съ оглобли.

— Лялевичъ, пойдешь въ полдень къ Видерману и попросишь написать жалобу на Обалю за кражу досокъ,—сказалъ панъ Альфредъ.

Мужикъ поклонился помѣщику въ ноги.

— Смилуйся, ясный пане, прости мнѣ эти доски...

— Вишь ты, собачья твоя душа, ишь чего захотѣлъ!—запищалъ лѣсникъ.

— Прости, ясный пане!

— Съ какой же стати я тебя прощу, Обаля?

— Въ первый и послѣдній разъ, ясный пане... Ни разу я тутъ не былъ и не буду. Вѣдь гробъ-то надо сколотить, а здѣсь голодъ такой, что животики подвело.

— Какой гробъ?

— Да для мальчишки. Сынъ мой, значитъ, померъ, Войтекъ.

— А ты воруешь? Даже на гробъ воруешь? Подумай только, какой же ты негодяй...

— Да откуда жъ я возьму? откуда жъ возьму?—спрашивалъ Обаля, странно, быстро и смѣшно топая ногами:—похороны, ксендзу надо пять рублей, за могилку рубль, а мы оба уже цѣлый мѣсяцъ не видѣли даже картошки. Прости, ясный пане, сжалься...

— Увижу, правду-ли ты говоришь, Обаля, умеръ-ли дѣйствительно твой сынъ. Веди насъ.

Мужикъ бросилъ доски на возъ, ударилъ лошадь и мы отправились. Обаля тяжело выступалъ впереди рядомъ съ лошадью, широко разставляя ноги и ежеминутно ударяя ее. Оба они все какъ-то спотыкались...

Опять вышли мы на луга. Чудный, могущественный, подсмѣивающійся надъ всякимъ описаніемъ солнечный щитъ взошелъ уже надъ верхушкою лѣса; туманъ прозрачными, легкими облачками поднимался къ небу, только роса еще лежала на лугахъ, какъ бѣлая скатерть.

Маленькая деревенька ютилась неподалеку отъ оврага. Хата Обали была недавно построена; надъ лѣвой половиной ея не было крыши; дворъ былъ не огороженъ; въ нѣсколькихъ шагахъ возвышался небольшой овинъ, соединенный съ конюшней.

— Гдѣ же покойникъ?—спросили мы, останавливаясь возлѣ навозной ямы, занимавшей половину двора.

— Лежитъ въ овинѣ.

— Ты женатъ?

— Нѣ—вдовецъ.

— Ну, веди-ка къ покойнику, покажи намъ его.

Обаля пошелъ впередъ своимъ медвѣжьимъ шагомъ, открылъ ворота и впустилъ насъ въ маленькій и пустой овинъ. Въ одномъ закромѣ, на сухомъ хворостѣ, лежало немного скошеннаго сѣна, на току же, на разостланной связкѣ соломы лежалъ вытянутый трупъ пятнадцатилѣтняго мальчика... Вверху, подъ крышей овина весело щебетали въ гнѣздышкахъ воробьи.

Мальчикъ былъ такой же заморенный, какъ и отецъ; ноги его были также черны и пятки сплюснуты, но волосы были причесаны и лицо умыто. Въ набожно сложенныхъ, землистаго цвѣта рукахъ держалъ онъ крестикъ, сдѣланный изъ прутика. Комары и мухи столбами носились надъ нимъ, садились на его лицо, всасывались въ уголки губъ. Обаля пошелъ съ вѣткой разогнать ихъ. Когда онъ вернулся, глаза его были лишены всякаго блеска.

— Съ чего же онъ умеръ?—спросилъ панъ Альфредъ, собираясь уйти.

— А кто-жъ его знаетъ? Схватило, да и все тутъ.

— Однимъ собачьимъ сыномъ меньше!—разсмѣялся лѣсникъ, обращаясь къ намъ.

Обаля поднялъ на него глаза, и странный желчный блескъ вспыхнулъ въ нихъ на мгновеніе.

— Есть у тебя еще дѣти?

— Нѣтъ, ясный пане, одинъ былъ у меня, одинъ...

Точно громовымъ ударомъ пронзила его сердце жалость, когда онъ говорилъ эти слова, такъ странно онъ ихъ произнесъ; потомъ, подперевъ голову кулакомъ и разставивъ ноги, смотрѣлъ онъ грустнымъ, близкимъ къ помѣшательству взоромъ, взоромъ, ничего не выражающимъ и похожимъ на широко открытую рану; смотрѣлъ, смотрѣлъ и вдругъ сунулъ руку въ свои всклокоченные волосы и дернулъ ихъ изо всей силы...

Спустя нѣкоторое время, онъ былъ уже опять спокоенъ и, попрежнему, холоденъ. Съ выраженіемъ тупой заботливости въ глазахъ вынесъ онъ изъ закромы козлы, топоръ, пилу, шнурокъ, немного краски, разведенной въ черепкѣ, и принялся сколачивать гробъ.

— Помогъ бы ты мнѣ, Игнатій,—произнесъ онъ просительно, обращаясь къ лѣснику.

— Вотъ еще, нашелъ дурака, какъ разъ мнѣ съ тобой возиться! Лучше вотъ признайся ясному пану, какъ вы жито-то лущили. Эти собаки, ясный пане, во время голодовки, вотъ хоть бы теперь, напримѣръ, идутъ себѣ въ поле рано утромъ и лущатъ, лущатъ недозрѣвшіе колосья. А когда наберутъ полный мѣшокъ, тогда шасть въ хату и варятъ себѣ этакій супчикъ на молокѣ.

— А за это сегодняшнее воровство жалоба будетъ подана; если хочешь, можешь пойти на мировую...

— Такъ ужъ поладимъ какъ-нибудь, ясный пане, я отработаю...

— Э-э... на это я не согласенъ... Давай четыре рубля и рубль на костелъ, или пойдешь въ тюрьму. Подумай до завтра, такъ ужъ и жалоба только завтра будетъ подана. Будь здоровъ, Обаля...

Мы вышли изъ овина. Панъ Альфредъ быстро прошелъ дворъ и вышелъ на дорогу; я же остановился за воротами, чтобы подслушать разговоръ Лялевича съ мужикомъ, такъ какъ Лялевичъ оставался въ овинѣ. Онъ выглянулъ и, видя, что панъ Альфредъ далеко, повернулся къ Обалѣ и сталъ чрезвычайно быстро говорить:

— Викентій, ничего не бойсь, ужъ я его уломаю, ничего не бойсь. Я сюда забѣгу съ рубанкомъ, и сдѣлаемъ гробикъ на славу.

пускай только эти ищейки уйдутъ себѣ домой. Забѣгу сюда, непремѣнно забѣгу...

Живо выскочивъ оттуда и догнавъ помѣщика, онъ сталъ его убѣждать, что Обалю слѣдуетъ непремѣнно наказать, но такъ какъ у него всего два морга сыпучаго песку, то для него это вовсе не будетъ наказаніемъ, если онъ пойдетъ въ тюрьму. Выйдетъ Обаля оттуда еще болѣе опытнымъ воромъ, вотъ и все тутъ.

— Это мы увидимъ, увидимъ, а впрочемъ, не надоѣдай,— закончилъ, наконецъ, панъ Альфредъ и велѣлъ лѣснику идти впередъ.

Вскорѣ послѣ этого мы входимъ по сгнившимъ бревнамъ на огромную плотину громаднаго пруда. Здѣсь окружаетъ насъ вдругъ невыразимый птичій гамъ. Жалобно пищатъ въ камышахъ скворцы, каркаютъ болотныя курочки, посвистываютъ бекасы, гудятъ выпи, квакаютъ скрытыя стада утокъ, грустно стонутъ чайки, туруханы парятъ, ритмически подымая крылья, сорокопуты куютъ желѣзо на вѣткахъ ольхъ, а высоко на вѣтвяхъ сосенъ обучаютъ своихъ дѣтей, отвратительно крича, вороны-матери. Меня поставили на плотинѣ съ тѣмъ, чтобы я стрѣлялъ утокъ на лету, панъ Альфредъ же и Лялевичъ пошли вокругъ пруда и исчезли изъ виду.

Мнѣ казалось, что силы оставляютъ меня. Я легъ на землю съ твердымъ намѣреніемъ не вставать, хотя бы наступило землетрясеніе или даже проѣзжалъ экипажъ, наполненный красивыми дамами. Я рѣшилъ смотрѣть, лежа навзничь, на небо, на качающіяся вершины сосенъ и ольхъ, смотрѣть, какъ отъ середины пруда вздымается вода, и волны, увѣнчанныя пѣной, бѣгутъ къ берегу, обрызгивая, похожіе на сабли, стебли аура, которые, нагибаясь, касаются листомъ воды и точно дрожатъ отъ восхищенія, слушая таинственную, чуть слышную мелодію плеска волнъ. По временамъ, при болѣе сильномъ порывѣ вѣтра, наклонялись стройные стволы сосенъ и дѣлались тогда похожими на какія-то громадныя, фантастическія существа.

Высоко перелетали съ крикомъ съ дерева на дерево вороны, а по временамъ крикъ ихъ становился назойливымъ, какъ призывъ на помощь.

Я всмотрѣлся хорошенько и замѣтилъ причину ихъ безпокойства.

На одной изъ самыхъ высокихъ сосенъ сидѣлъ мальчуганъ и длинною палкой сталкивалъ съ гнѣздъ молодыхъ воронятъ, неумѣющихъ еще летать. Я привсталъ и замѣтилъ другого мальчика, который сидѣлъ на землѣ и хваталъ сброшенныхъ. Одинъ за другимъ

падаютъ на землю, какъ камень, черные, отвратительные птенцы. Одни тотчасъ околѣваютъ, другіе подымаютъ огромныя головы на неоперившейся шеѣ и принимаются презабавно шагать по травѣ. Тогда маленькій охотникъ догоняетъ бѣглецовъ, приговаривая:

— А куда жъ ты идешь, пострѣлъ, куда?..

Онъ береть его за крылья и ударяетъ головой объ пень или, даже и безъ этого, отрѣзываетъ ему ноги, которыя главный лѣсничій покупаетъ за три гроша пару.

Мать-ворона мечется, какъ угорѣлая, чуть не садится на плечи молодого смѣльчака, хватаетъ клювомъ его за палку, цѣпляется за вѣтку какъ разъ надъ нимъ и ударяетъ головой, точно молотомъ, объ пень; она отгрызаетъ маленькія вѣточки и каркаетъ охрипшимъ, обезсиленнымъ, отвратительнымъ голосомъ отчаянія. Когда мальчишка выброситъ птенца, она бросается на землю съ волочащимися крыльями, открываетъ клювъ, хочетъ каркать,—нѣтъ голоса; она машетъ крыльями и бросается подъ ноги мальчику, безумная, смѣшная, какъ будто она поняла, первая изъ своего рода, необходимость самоубійства. Когда убили всѣхъ ея дѣтей, она взлетѣла на дерево, осматривала пустое гнѣздо и, вертясь на немъ вокругъ, думала о чемъ-то...

Я опять легъ навзничь. Какое мнѣ до всего этого дѣло? Я знаю, что тамъ гдѣ-то бушуетъ океанъ чувствъ, для котораго мы, цивилизованные люди, находимъ лѣкарство въ самоубійствѣ...

Я позавидовалъ Обалѣ и воронѣ. Оба они скоро забудутъ. Какъ бы они перенесли свое адское, безграничное, ужасное, безсознательное страданіе, какъ бы они провели сегодняшнюю ночь одни въ своихъ опустѣвшихъ гнѣздахъ, еслибъ не божественный, великодушный, кроткій, самый лучшій изъ законовъ природы, мудрый законъ забвенія? Для нихъ „жить“ значитъ „забыть“, и добрая мать-природа позволяетъ имъ тотчасъ забыть... Ахъ! какъ я имъ завидовалъ!..

II. Воскресенье.

Панъ Владиславъ (просто панъ Владиславъ, такъ какъ не могу въ данную минуту придумать интересной фамиліи), не смотря на то, что добросовѣстно и въ достаточной мѣрѣ просидѣлъ надъ общественными науками, однако приставалъ къ швеямъ на улицѣ съ усердіемъ, нисколько не меньшимъ, чѣмъ въ предъидущую эпоху своей жизни, когда ему были неизвѣстны общественныя науки. Въ минуты, когда голова его была свободна отъ множества осаждающихъ ее титаническихъ мыслей, онъ даже проск-

тировалъ игривое сочиненьице подъ заглавіемъ: „Практическія указанія для пристающихъ“, въ которомъ должно было содержаться, съ одной стороны, много мѣткихъ наблюденій въ области психологіи швей, съ другой стороны—много доказательствъ большихъ діалектическихъ способностей автора. Предпочтеніе, отдаваемое работающимъ иглой, панъ Владиславъ мотивировалъ различно: то своей особенной впечатлительностью по отношенію къ прелестямъ бѣдныхъ дѣвушекъ, увядающихъ незамѣченными, то желаніемъ помочь матеріально этой категоріи человѣческихъ существъ, осужденной безвозвратно на исканіе такого рода заработковъ на сторонѣ, то, наконецъ, и даже довольно умѣло, атавизмомъ.

Какъ разъ, нѣсколько дней тому назадъ, встрѣтилъ онъ на углу Подвала такую штучку—пальчики облизать!.. Глаза у ней, конечно, были точно „два озера“, носикъ, порозовѣвшій отъ мороза, хотя и не совсѣмъ греческій, но все-таки очень хорошенькій, губки, какъ два бутона шиповника, ну и т. д. Панъ Владиславъ пристalъ къ ней съ ловкостью, присущею автору „Практическихъ указаній“, и провожалъ панну Марію, ловко узнавъ, что зовутъ ее панной Маріей, въ высокій и узенькій каменный домикъ на „Старомъ Мѣстѣ“. Отъ воротъ они еще разъ повернули, чтобы имѣть удовольствіе продолжать флиртъ (Богъ мой, какъ этотъ флиртъ уже низко палъ!), и назначили себѣ свиданіе въ воскресенье, въ квартирѣ обладательницы глазъ, „какъ два озера“.

Въ воскресенье, въ полдень, войдя въ назначенный часъ въ ворота жалкаго дома, панъ Владиславъ старался найти квартиру сторожа, который могъ бы ему указать гнѣздышко его желанной. Какая-то чудовищно толстая и необыкновенно злая дама, въ квартиру которой онъ зашелъ, сказала ему сердито, что сторожъ живетъ въ третьемъ этажѣ.—Странно...—думалъ панъ Владиславъ, ища въ темныхъ сѣняхъ лѣстницу въ третій этажъ и скользя по никогда невыметаемой грязи; наконецъ, повернувшись еще нѣсколько разъ направо и налѣво въ этомъ подобіи погреба, онъ нашелъ какую-то карикатуру лѣстницы. Ему казалось, что онъ карабкается по ступенькамъ лѣстницы на верхъ какой-то дымовой трубы; спертый, кисловатый воздухъ не давалъ возможности свободно дышать, сырой холодъ проникалъ до мозга костей. Изъ-за дверей, невидимыхъ въ темнотѣ, неслись отголоски разговора, веденнаго вполголоса. Нащупавъ, наконецъ, ручку, онъ толкнулъ дверь и вошелъ въ яму, въ которую свѣтъ проникалъ сквозь небольшое стекло, вставленное въ потолкѣ.

— Здѣсь живетъ сторожъ?—спросилъ онъ, поворачиваясь въ сторону небольшой чугунки.

— Чего?—пробурчалъ изъ угла какой-то голосъ.

Осмотрѣвшись повнимательнѣе въ полусвѣтѣ, панъ Владиславъ замѣтилъ въ углу избы нары, устроенныя изъ старыхъ ящиковъ, на которыхъ въ кучѣ лохмотьевъ лежалъ человѣкъ, похожій на скелетъ.

Человѣкъ этотъ приподнялся, и лучъ свѣта, проникающій въ окошечко и пролагающій себѣ дорогу среди мрака, освѣтилъ лысый черепъ, желтый, какъ старая кость, перерѣзанный морщинками и облѣпленный назади нѣсколькими прядями волосъ. Нѣкоторое время смотрѣлъ онъ на пришельца глубоко впавшими глазами и прошепталъ свистящимъ голосомъ:

— Чего тамъ?

— Вы сторожъ?

— Я, а что?

Панъ Владиславъ почувствовалъ, что здѣсь, при этой обстановкѣ, его вопросъ какъ будто бы и неумѣстенъ, однако, спросилъ:

— Гдѣ здѣсь живетъ панна Марія Физикъ?

— Это еще какая?

— Панна Марія Физикъ, швейка.

— Можетъ, это, папа, швейка Марія?—воскликнулъ за дверью нѣвучій дѣтскій голосокъ.

— Именно...

— Такъ проведи же, Костка, пана, покажи,—съ трудомъ произнесъ больной и безсильно опустился на свою постель.

Маленькое существо проскользнуло мимо пана Владислава и побѣжало впереди, перепрыгивая черезъ четыре ступеньки сразу. Добѣжавъ до двора, имѣвшаго видъ дна колодезя, засыпаннаго отвратительнымъ мусоромъ, дѣвочка указала ему темный корридоръ и сказала, широко открывая свои проницательные глаза:

— Вотъ здѣсь двери прачешной, тамъ живетъ Марія, за прачешной.

Маленькія ноги дѣвочки утопали въ отцовскихъ сапогахъ; рваное и отвердѣвшее отъ грязи платьице едва доходило до обнаженныхъ и красныхъ колѣнъ. Панъ Владиславъ поспѣшно отыскалъ кошелекъ и, сунувъ ребенку въ кулачекъ нѣсколько грошей, отправился дальше. Обернувшись въ глубинѣ сѣней, онъ замѣтилъ малютку, стоявшую еще на томъ же мѣстѣ и съ невыразимымъ восхищеніемъ разсматривавшую данныя ей деньги.

Панъ Владиславъ открылъ первую попавшуюся дверь и очу-

тился въ большой комнатѣ, заставленной корытами и заваленной кучами мокраго бѣлья, полной тяжелаго запаха мыла и паровъ. Опять съ краской въ лицѣ спросилъ онъ о паннѣ Маріи.

Пожилая женщина, сидѣвшая возлѣ широкой печки, съ ногами на остывшей плитѣ, указала ему презрительнымъ движеніемъ головы дверь въ глубинѣ. Проходя мимо этой дамы и отдавая ей изысканно вѣжливый поклонъ, панъ Владиславъ проклиналъ въ душѣ всю эту исторію. Какъ только онъ постучалъ въ указанную ему дверь, она тотчасъ же открылась, и панна Марія встрѣтила гостя чарующей улыбкой. Ловкимъ движеніемъ сбросивъ съ плечъ шубу, онъ подалъ желанной руку для пожатія, которое краснорѣчиво свидѣтельствовало о томъ чрезвычайномъ впечатлѣніи, какое на него производила красота. Онъ до такой степени былъ занятъ панной Маріей, что не замѣтилъ двухъ барышень, которыя встали со своихъ мѣстъ подъ окномъ. Что за непріятная неожиданность! Однако онъ вѣжливо имъ поклонился, усѣлся на единственномъ въ этой комнатѣ стулѣ и, утилизируя свое необыкновенное умѣнье вести разговоръ, изподтишка наблюдалъ. Панна Марія вовсе не была такъ хороша, какъ показалось ему въ первый разъ: худая, истощенная трудомъ, съ опущенными плечами. Лицо ея, набѣленное плохими бѣлилами, производило непріятное впечатлѣніе. Товарки ея выглядѣли еще болѣе тощими. Это были молоденькія дѣвушки, слишкомъ рано разбитыя какою-то безжалостною силою. Сила эта не была развратомъ; объ этомъ свидѣтельствовала бѣдность комнаты, гдѣ онѣ жили, заплатанныя одѣяла ихъ постелей, отсутствіе подушекъ и, наконецъ, манеры этихъ дѣвушекъ. Всѣ три были смущены и растеряны; глаза ихъ имѣли какое-то непріятное, загадочное выраженіе; въ нихъ виднѣлась общая всѣмъ тремъ назойливая и непріятная подозрительность, чередующаяся съ чѣмъ-то въ родѣ не то экстаза, не то бѣшенства.

— Вы здѣсь живете всѣ втроемъ?—спросилъ панъ Владиславъ съ бархатной злостью.

— Да,—отвѣчала панна Марія, кусая губы.—Это мои товарки и подруги, работаемъ мы въ одномъ и томъ же магазинѣ бѣлья.

— Ахъ, какъ это должно быть пріятно... Три русалки...

— Не всегда,—отвѣтила сидящая у окна панна Казя.—Русалки вѣрно ежедневно обѣдаютъ, такъ и не удивительно, что имъ пріятно...

— Какъ такъ... обѣдаютъ?

— Видите, — объяснила панна Марія, — мы получаемъ отъ

„старой“ такъ: я восемь рублей, а Казя и Геля по пяти и обѣдъ въ „рабочіе“ дни. За комнату платимъ 4 рубля, и, конечно, намъ не хватаетъ остальныхъ четырнадцати рублей, такъ что по воскресеньямъ на обѣдъ грыземъ ногти.

— Если не удастся затащить къ намъ какого-нибудь легковѣрнаго кавалера, который покупаетъ намъ сосиски, — сказала Казя, всматриваясь съ ядовитой улыбкой въ панну Марію.

Эта послѣдняя смотрѣла на говорящую съ выраженіемъ неизъяснимой грусти, потомъ подошла къ ней и погладила ея коротко остриженные волосы. Когда она затѣмъ повернулась къ пану Владиславу, въ глазахъ ея блестѣли двѣ робкія слезы.

— Видите-ли,—говорила она,—докторъ велѣлъ ей и Гелѣ ѣсть каждый день мясо, пить рыбій жиръ...

— Вы же и нашли очень остроумный способъ добывать для панны Казимиры мясо и рыбій жиръ, — сказалъ, вставая, панъ Владиславъ.

— Да, легкій, а можетъ, и не легкій... Но разъ вы на насъ сердитесь, такъ что жъ дѣлать.

— Я вовсе не сержусь, наоборотъ; можетъ быть, вы мнѣ позволите уйти на минутку... Я сейчасъ вернусь.

— Зачѣмъ? Вѣдь Геля можетъ...

— Ну, хорошо,—говорилъ панъ Владиславъ, отдавая паннѣ Маріи послѣдній рубль; — можетъ быть, хватитъ и на бутылку рыбьяго жира для панны Казимиры...

Вскорѣ послѣ этого панъ Владиславъ провозгласилъ тостъ пивомъ за здоровье подругъ. Доброе и теплое чувство проникло ему въ душу при видѣ аппетита, съ которымъ дѣвушки поглотили принесенныя булки и сосиски. Послѣ этого пира онъ немедленно ушелъ и, проходя черезъ темныя и узкія сѣни, почувствовалъ въ сердцѣ глубокую грусть. Протягивая руки, чтобы ощупать дорогу, онъ касался скользкихъ стѣнъ, по которымъ струйками сочилась вѣчная сырость, и казалось ему, что онъ касается слезъ той бѣдноты, которая здѣсь жила и живетъ, мучится, борется съ голодомъ и холодомъ. Слезы эти просачиваются въ его сердце, язвятъ его, какъ отравленная жидкость... Онъ остановился на минуту, прислушиваясь къ внутреннему голосу, который въ глубинѣ его души произносилъ какую-то великую клятву...

ОТКЛИКИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Поэтовъ нѣтъ! не стало свѣтлыхъ пѣсенъ,
Будившихъ міръ, какъ предразсвѣтный звонъ.
Какъ горизонтъ невыносимо тѣсенъ
И какъ унылъ тягучій жизни сонъ!
И гра̀жданъ нѣтъ... О, сколько благородныхъ,
Красивыхъ словъ, но... лишь безплодныхъ словъ!
Въ ненастный день не больше волнъ холодныхъ
Рокочетъ у скалистыхъ береговъ.

А между тѣмъ, все такъ же небо сине,
Душисты рощи, нивы и цвѣты;
Въ пучинахъ звѣздъ, въ толпѣ людской, въ пустынѣ
Все столько же безсмертной красоты.
И такъ же скорбь безмѣрна, скорбь людская!..
. . . . . .

II.

Оборванъ у музы цвѣтущій вѣнокъ,
И звучныя пѣсни допѣты.
Зловѣще молчанье, и сумракъ глубокъ...
О, геній поэзіи, гдѣ ты?
Гдѣ голосъ твой прежній, что юность зажечь
Умѣлъ вдохновеньемъ и страстью?
Свободная, пылкая, честная рѣчь
Съ ея обаяньемъ и властью?
Ужели навѣкъ ты отъ насъ отвратилъ
Свой ликъ лучезарно-прекрасный,
И свѣтъ твой—не утра предвѣстникомъ былъ,
А ночи тревожно-ненастной?..
О, нѣтъ! эти тучи безсилья и сна
Промчатся надъ родиной бѣдной—
И снова придешь ты, какъ счастья весна,
Въ сіяніи власти побѣдной!
И пѣсня, поникшая грустно челомъ,
Какъ птица въ предчувствіи бури,
Очнется внезапно, ударитъ крыломъ
И гордо взовьется къ лазури!

П. Я.

---

* * *

Нерѣдко смерть моя мнѣ снится,
И близко подхожу я къ ней...
Но не хочу я покориться
Угрозамъ старости моей.

Не страшенъ этотъ мнѣ гаспльникъ
И чувствъ, и мыслей, и ума;
Еще не гаснетъ мой свѣтильникъ,
Не завладѣла мною тьма.

Еще борюсь я жарко съ нею
Остаткомъ силы прежнихъ дней,
Не устаю, не цѣпенѣю,
Храня огонь души моей;

Не трепещу, не унываю,
Покуда часъ мой не пробьетъ;
Рукой мой факелъ прикрываю—
И бодро я иду впередъ!

Д. Михаловскій.

КУСТАРИ НА ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ.

(Окончаніе).

Московское земство первое выступило на помощь кустарямъ. Уже въ 1882 году оно окончило статистическое изслѣдованіе кустарной промышленности въ губерніи, при чемъ оказалось 140.000 кустарей, вырабатывающихъ разныхъ издѣлій на 38 мил. рублей. Изъ очерка «Экономическія мѣропріятія» видно, что московское земство начало свою полезную для кустарей дѣятельность устройствомъ особаго отдѣла кустарныхъ промысловъ на всероссійской выставкѣ 1882 года, ассигновавъ на этотъ предметъ 5 тысячъ рублей.

Участіе кустарей на выставкѣ принесло полезные результаты. Разсѣянные по деревнямъ, кустарные промыслы мало обращали на себя вниманіе общества. Между потребителями кустарныхъ издѣлій и ихъ производителями лежала цѣлая пропасть; потребители товаровъ, пріобрѣтая ихъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, понятія не имѣли о тѣхъ мелкихъ фабрикантахъ, которые вырабатывали этотъ товаръ; съ другой стороны, послѣдніе знали только своихъ обычныхъ скупщиковъ, у которыхъ они, въ большинствѣ случаевъ, находятся въ полной зависимости. На выставкѣ въ первый разъ выступили кустари, какъ самостоятельные производители; въ первый разъ общество наглядно познакомилось съ кустарной промышленностью, занимающей собой сотни тысячъ рукъ и производящей товаровъ на десятки милліоновъ рублей. Такимъ образомъ выставка извлекла кустарную промышленность изъ темнаго угла, въ которомъ она находилась сотни лѣтъ, и освѣтила для общества эту форму народнаго труда, а кустари получили массу заказовъ изъ разныхъ мѣстъ, съ которыми они прежде не имѣли никакихъ сношеній, познакомились съ лучшими образцами издѣлій и усвоили себѣ лучшіе пріемы производства. Но самое главное—выставка наглядно показала, что положеніе кустарной промышленности, какъ съ технической, такъ и съ экономической стороны, оставляетъ желать много лучшаго, и что дальнѣйшее развитіе ея нуждается въ существенной помощи и поддержкѣ.

Давая такой отчетъ объ участіи кустарей на всероссійской промышленно-художественной выставкѣ, губернская управа, въ своемъ докладѣ земскому собранію 1882 года, пришла къ тому заключенію, что оказаніе надлежащей помощи кустарямъ *должно лежать на обя-*

занности земства и что вѣрнымъ средствомъ для достиженія названной цѣли представляется созданіе такого учрежденія, которое, съ одной стороны, заботилось бы объ улучшеніяхъ въ производствахъ, съ другой—служило бы посредствующимъ звеномъ между производителями и потребителями. Такое учрежденіе—музей кустарныхъ издѣлій—было открыто въ 1885 году. (Три года потребовалось на сборы).

При московскомъ музеѣ существуетъ коммиссія, составленная не только изъ гласныхъ, но и *сторонних*ъ лицъ, интересующихся кустарнымъ дѣломъ. Фактъ этотъ отмѣчаемъ, какъ единственный въ Россіи. За 11 лѣтъ дѣятельности московское земство выработало путь, по которому должна идти помощь кустарямъ, въ смыслѣ сбыта и улучшенія промысловъ, ставя вопросъ этотъ весьма широко. И еслибы земство хотя отчасти выполнило тѣ задачи, которыя намѣчались управою и разными коммиссіями, то оно сдѣлало бы очень многое для кустарей Московской губерніи. Но, въ дѣйствительности, помощь кустарямъ выразилась въ очень скромныхъ размѣрахъ, что объясняется, главнымъ образомъ, недостаткомъ средствъ.

Дѣятельность земства по улучшенію техники кустарнаго производства сосредоточилась на слѣдующихъ шести промыслахъ: корзиночномъ, игрушечномъ, щеточномъ, металлическомъ, кружевномъ и картонажномъ. Для завѣдыванія этими промыслами приглашены мастера, а по корзиночному—спеціалистъ-техникъ, обучавшійся плетенію въ спеціальной школѣ въ Гейнсбергѣ (близъ Аахена), куда онъ былъ командированъ на средства попечителя кустарнаго музея С. Т. Морозова. Первоначально имѣлись спеціалисты и по металлическому (инженеръ-механикъ) и игрушечному (инженеръ-технологъ) промысламъ, но первый черезъ два года оставилъ свою дѣятельность, а второй опредѣленъ завѣдующимъ кустарнымъ музеемъ.

Московскія издѣлія, выставленныя на Нижегородской выставкѣ, дѣйствительно очень хороши. Корзины разнообразнѣйшихъ фасоновъ ничѣмъ не уступаютъ нѣмецкимъ. Игрушки были выставлены въ двухъ большихъ витринахъ такъ, чтобы показать, какъ онѣ дѣлались прежде, и какъ дѣлаются теперь, подъ вліяніемъ учебныхъ мастерскихъ. Можно пожалѣть только объ одномъ, что всѣ учебныя мастерскія московскаго земства работаютъ исключительно по заграничнымъ образцамъ. Ничего характерно русскаго нѣтъ, слѣдовательно, и вывозить; эти издѣлія за границу нельзя.

Финляндскія издѣлія помѣщались въ отдѣльномъ павильонѣ, очень уютномъ и съ массой свѣта. Экспонаты были расположены весьма эффектно: свѣдѣнія и объясненія давались очень охотно, и завѣдующіе были всегда налицо. Хотя объяснительная брошюра и озаглавлена «Кустарное производство (slöjd)», на самомъ дѣлѣ кустарныхъ издѣлій въ павильонѣ не было. Это просто ошибка въ переводѣ. Всѣ экспонаты—исключи-

тельно школьныя работы по различнымъ ремесламъ, изъ которыхъ особенно выдавались ткачество и рѣзьба по дереву.

Отсутствіе издѣлій финляндскихъ кустарей объяснялось завѣдующими тѣмъ, что приглашеніе принять участіе въ Нижегородской выставкѣ получено было слишкомъ поздно, лишь въ декабрѣ 1895 года. Приготовить и собрать издѣлія отъ кустарей оказалось невозможнымъ. А между тѣмъ финляндскіе кустари едва-ли обезпеченнѣе русскихъ, а борьба съ суровой природой, конечно, тяжелѣе. Поле—сплошной камень, а морозы ранней осенью, когда хлѣбъ еще на корню, таковы, что наиболѣе сѣверные финляндскіе хлѣбопашцы зажигаютъ иногда костры вокругъ своихъ полей и поддерживаютъ огонь всю ночь.

Императорское финляндское экономическое общество болѣе, нежели кто бы то ни было, способствовало поднятію ремеслъ финскаго народа и этимъ дало значительной части населенія возможность въ годы повсемѣстнаго неурожая бороться съ самой горькой нуждою. Въ этомъ отношеніи интересны слѣдующія цифры, показывающія, что кустарное производство для финскаго народа—какъ оно было и для русскихъ крестьянъ—въ трудныя минуты служило не маловажнымъ подспорьемъ. Напр., въ 1867—1868 гг. Финляндію постигъ повсемѣстный неурожай, и вотъ что мы видимъ: въ то время, какъ въ 1867 г. вывезено было сермяжнаго сукна и полушерстяной матеріи 2.558 килогр., вывозъ ихъ въ 1868 г. доходилъ до 64.754 килогр.; шерстяныхъ чулокъ и носковъ въ 1867 г. вывезено было 11.320 паръ, въ 1868 г. 25.361 пара.

Въ слѣдующіе годы, когда изгладились слѣды этого неурожая, цифра опять пала до минимума. Во время голодовки въ 1892—1893 г. населеніе снова прибѣгло къ кустарному производству, какъ къ испытанному средству спасенія въ минуту угрожающей опасности, и образовалось многочисленное, постоянное общество для дальнѣйшаго усовершенствованія кустарнаго производства въ Финляндіи.

Тканье, шитье и вышиваніе у женщинъ ведется съ незапамятныхъ временъ. Находка золотыхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей при раскопкахъ, а также сохранившіеся въ пѣсняхъ и сказаніяхъ разсказы и намеки объ искусствѣ въ изготовленіи оружія и золотыхъ издѣлій указываютъ на существованіе этихъ ремеслъ въ очень отдаленныя эпохи. Весьма немногое, однако, уцѣлѣло отъ старины. Постоянныя войны и пожары истребили большую и лучшую часть произведеній древняго кустарничества; а то, что пощадила война и пожаръ, съѣдено молью и ржавчиной. Повидимому, элементами украшеній старинныхъ финляндскихъ тканей служатъ тѣ же формы, которыя мы находимъ въ старинной церковной живописи Финляндіи, а именно: линіи, драконы, листья и цвѣты, выполненные разноцвѣтными шерстями, золотомъ, иногда жемчугомъ.

Знаменитый Олаусъ Магнусъ упоминаетъ о замѣчательномъ искусствѣ финскихъ женщинъ въ изготовленіи льняныхъ и шерстяныхъ тка-

ней. «Онѣ умѣютъ,—говоритъ онъ,—въ ткань вплетать цвѣты, радуги и листья, какими они отражаются на поверхности воды при солнечномъ освѣщеніи».

Въ художественномъ отношеніи мужскія кустарныя издѣлія стояли неизмѣримо ниже женскихъ.

Финское ткачество пользовалось извѣстностью уже во времена королей вазаскаго рода. На «карельское» и «абоское» полотно и «абоское» красное сукно былъ большой спросъ. Изъ Або съ 1736 года по 1739 г. вывозилось ежегодно болѣе 100.000 локтей тканей. Вязаніе чулковъ и кружевъ въ Нодендамѣ и окрестностяхъ было немаловажнымъ источникомъ дохода и понынѣ существуетъ въ этой мѣстности.

Самое важное, однако, значеніе для финскаго кустарничества имѣло учрежденіе финляндскаго экономическаго общества въ 1797 году. Самымъ дѣятельнымъ членомъ его былъ судья Вигеліусъ, который въ 1799 году предложилъ назначить по одному учителю рукодѣлія въ каждую губернію. Въ 1813 году Императоръ Александръ I ассигновалъ 10.000 рублей для поднятія полотняно-ткацкой промышленности. Благодаря этому обществу, были открыты 3 школы кустарной промышленности и рукодѣлія въ Або, въ Боргнесѣ и въ Кеуру. То были первыя дѣйствительныя школы рукодѣлія въ странѣ. Съ тѣхъ поръ число ихъ увеличилось настолько, что въ 1894 г. насчитывалось уже 37 постоянныхъ ткацкихъ и рукодѣльныхъ школъ и 24 передвижныхъ для поднятія одного только женскаго кустарнаго производства.

Все, что было выставлено въ финляндскомъ павильонѣ на Нижегородской выставкѣ, принадлежитъ одиннадцати школамъ и собрано дирекціей центральной школы прикладныхъ искусствъ. Такъ какъ школа эта въ послѣднія 20 лѣтъ сдѣлала болѣе, нежели какое-либо другое учрежденіе или частное лицо для поднятія рабочаго класса, по отношенію къ художественному пониманію и профессіональной подготовкѣ, то нѣсколько словъ объ ея дѣятельности будутъ небезъинтересны.

Первымъ завѣдывалъ школой фабрикантъ Чельстремъ, число обучающихся въ первый семестръ было 42 человѣка. Преподаваніе производилось безплатно 10-ю учителями. Средства на содержаніе школы были добыты добровольными пожертвованіями. Съ этой цѣлью разсылались списки; записавшіеся въ нихъ гарантировали школѣ ежегодный доходъ съ 1.345 марокъ въ продолженіе трехъ лѣтъ; кромѣ того, собрано было единовременно 422 марки. Такъ шло дѣло нѣсколько лѣтъ, школу переводили изъ одного помѣщенія въ другое, ея библіотека, коллекціи и матерьялъ для преподаванія были крайне скудны, но, благодаря усердію учителей и интересу публики, дѣло, тѣмъ не менѣе, подвигалось впередъ. Въ 1873 году казна и городъ обязались отпустить школѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ общей сложности, 3.800 марокъ; завѣдующій школой, архитекторъ Ф. Гранхольмъ, и нѣкоторые учителя получили

стипендіи для изученія преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ такого же рода въ Вѣнѣ.

Въ 1874 году гибель школы казалась неминуемой, всѣ средства были израсходованы, помѣщенія она не имѣла. Но тогда опять собрались ея друзья и радѣтели и образовали «общество прикладныхъ искусствъ въ Финляндіи», которое и взяло подъ свое покровительство школу. Съ этого времени школа работала спокойно и успѣшно, не смотря на то, что средства ея вначалѣ были весьма ограничены. Доказательствомъ успѣшной дѣятельности школы могутъ служить тѣ награды, которыхъ удостоилась она на различныхъ выставкахъ: такъ, она на выставкѣ въ Гельсингфорсѣ въ 1876 г. получила бронзовую медаль, въ 1877 г. въ Петербургѣ дипломъ и серебряную медаль, въ 1878 г. въ Парижѣ золотую медаль, то же самое въ Москвѣ въ 1882 г. и въ Парижѣ въ 1889 г.

Дѣятельность центральной школы, главнымъ образомъ, направлена къ увеличенію запаса знаній и профессіональнаго искусства рабочаго класса, но имѣетъ еще и другую цѣль. Она подготовляетъ учителей рисованія для ремесленныхъ школъ. Возрастъ обучающихся колеблется между 14 и 30 годами. При школѣ устроенъ художественно-промышленный музей. Общество прикладныхъ искусствъ старалось развить художественное пониманіе и вкусъ финскаго народа не только основаніемъ школъ и музея, но и устройствомъ выставокъ образцовыхъ художественно-ремесленныхъ произведеній, исторически-ретроспективной выставкой, а также и разыгрываніемъ въ лотереяхъ финляндскихъ цѣнныхъ издѣлій художественно-ремесленнаго производства. Общество, вмѣстѣ со школою и музеемъ, съ 1887 года помѣщаются въ возведенномъ спеціально для этой цѣли зданіи, называемомъ «Atheneum», гдѣ для нихъ имѣются просторныя и удобныя помѣщенія.

Все, что было выставлено въ павильонѣ, поражало посѣтителя отчетливостью выполненія. Ткани строго опредѣленнаго рисунка. Прочность ихъ извѣстна всѣмъ, кто хоть разъ носилъ ихъ. Надо сказать, что и пособія ихъ лучше русскихъ. Напр., по части тканья существуетъ всѣмъ доступная книжка, гдѣ не только данъ текстъ и лучшіе финляндскіе рисунки, но и наглядный способъ, какъ заправить извѣстный рисунокъ для ткачихи. О такой книжкѣ у насъ пока еще только мечтаютъ немногіе ревнители ткацкаго дѣла. Ковры ровные, плотные и доступные по цѣнѣ. Ихъ *тканые* ковры на видъ ничѣмъ не хуже тѣхъ, которые вышиваются на выставкѣ ученицами Марінской школы съ великимъ терпѣніемъ и такой тратой времени и дорогого матерьяла, что посѣтители, глядя на эту египетскую работу, закаиваются и думать о пріобрѣтеніи подобныхъ ковровъ. Кажется невѣроятнымъ ступить ногой на такое произведеніе изъ берлинской шерсти и шелка—filoselle. Но и финляндскія школы постарались блеснуть «для выставки» и дорогими коврами, которыхъ никто не купитъ. Вѣроятно, пройдетъ еще

не мало времени прежде, чѣмъ мы излѣчимся отъ дорого стоющаго предразсудка показывать на выставкѣ не то, что дѣйствительно производится и находитъ сбытъ, а что-то показное, дорого и никогда не продающееся.

Изъ одиннадцати школъ, представленныхъ въ финляндскомъ павильонѣ, пять ткацкихъ, въ которыхъ обучаются единовременно 250 человѣкъ. Большая часть этихъ школъ первоначально имѣли обширную программу: стеганье, плетенье изъ соломы, шитье, деревянный слѣйдъ, ручное тканье и рисованіе. Въ настоящее время онѣ спеціализировались на ткачествѣ и подготовляютъ учительницъ (двухлѣтній курсъ); въ преподаваніе введены счетоводство и рисованіе орнаментовъ.

Весьма интересны были экспонаты общества подъ скромнымъ названіемъ «*Друзья финляндскаго кустарнаго производства*». Общество это задается цѣлью ввести во всѣ различныя отрасли слѣйда старинные восточно-финскіе рисунки. Эту программу общество старалось осуществить отчасти подвижными коллекціями образцовъ, отчасти заказами и покупками тканей финскихъ рисунковъ, далѣе устройствомъ состязаній съ преміями за лучшіе рисунки мебели и украшеній въ финскомъ стилѣ, а также выставокъ и лоттерей. Обществу приходилось бороться съ значительными затрудненіями, не смотря на субсидіи правительства.

Художественно-ремесленная школа *Ингмана* въ Або приготовляетъ столяровъ, токарей, рѣзчиковъ, полировщиковъ и лакировщиковъ. Имѣетъ она отъ 175 до 200 учениковъ въ годъ; число учебныхъ часовъ въ педагогическомъ отдѣленіи отъ 2 до 8 въ день, въ практическомъ же отъ 10 до 11. Сбываются свои издѣлія дома и за границей.

Педагогическая художественно-ремесленная школа въ Гельсингфорсѣ приготовляетъ учителей слѣйда для народныхъ и ремесленныхъ школъ.

Работы *слѣпыхъ* и *калѣкъ* были выставлены въ отдѣльной витринѣ со множествомъ фотографій несчастныхъ дѣтей. Совершенство ихъ работъ кажется невѣроятнымъ и пріятно поражаетъ посѣтителей.

Къ сожалѣнію, по экспонатамъ финляндскаго павильона мы не могли судить ни о качествѣ и количествѣ кустарнаго товара, ни объ его сбытѣ. Едва-ли ихъ товары, обложенные пошлиной, въ состояніи конкуррировать съ нашими русскими издѣліями, хотя финляндскія работы имѣютъ преимущество въ болѣе тщательной отдѣлкѣ и формы ихъ болѣе совершенны. Бондарныя издѣлія, однако, каждую осень являются въ Петербургѣ: ведра, ушаты, бадьи, кадки и деревянныя ложки. Финляндскіе ножи можно встрѣтить и въ Англіи, и въ Америкѣ почти въ каждой желѣзной лавкѣ. Существуетъ много разныхъ отраслей кустарнаго производства, которыхъ мы не видали въ финляндскомъ павильонѣ: кружева, сукна, кузнечныя работы, кожаные башмаки, лыжи, телѣги, сани, повозки и др. Какъ организованъ у финляндцевъ сбытъ, вопросъ далеко не безъинтересный, но, какъ видно изъ дѣятельности школъ, кустарный вопросъ и въ Финляндіи только теперь становится

очереднымъ. Его особенно выдвинули голодные годы 1867—1868 и 1892—1893 г.г.

И такъ, три земства познакомили посѣтителей выставки съ тѣмъ, что они сдѣлали для сбыта и улучшенія кустарныхъ издѣлій. Во всѣхъ трехъ случаяхъ статистическія изслѣдованія шли впереди активной дѣятельности и представляютъ почтенный трудъ. Знающіе люди говорятъ, что никакое государство въ мірѣ не можетъ похвалиться такими подробными статистическими работами, какъ Россія. Это звено, которое соединяетъ ту интеллигенцію, которая принимаетъ близко къ сердцу «благо народа», и этотъ самый народъ, о настоящей жизни и работахъ котораго мы когда-то знали и судили лишь съ помѣщичьяго крыльца. Но вотъ, наконецъ, нашлись дѣятели, которые объѣздили, изслѣдовали и пересчитали кустарей и опредѣлили сумму ихъ заработка. Результаты получились печальные. Десятки лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали, что *такъ* дѣло не можетъ и не должно идти дальше и однако сдѣлано все-таки еще очень мало. Кромѣ трехъ указанныхъ и еще нѣкоторыхъ, остальныя земства, повидимому, махнули рукой на этотъ вопросъ. Между тѣмъ, вотъ маленькій примѣръ, который можетъ показать, что могутъ сдѣлать отдѣльные люди съ ничтожными средствами, но хорошимъ запасомъ доброй воли.

Въ самомъ центрѣ кустарнаго павильона были двѣ витрины, въ которыхъ были выставлены превосходные образцы двухъ различныхъ ремеслъ: кружево и вышивки по кожѣ. Хотя въ указателѣ почему-то экспонаты эти и не упомянуты, но можно сказать смѣло, что это были лучшіе образцы по упомянутымъ отраслямъ во всемъ кустарномъ павильонѣ, не считая кружевъ Маріинской школы. Кружева совершенно напоминаютъ античные. Красота узора и прочность не оставляютъ желать ничего лучшаго, если не принимать во вниманіе толщины нитокъ [1]), изъ которыхъ у насъ обыкновенно плетутъ кружева. Экспонатъ этотъ принадлежитъ новоторжскому уѣздному земству. Всего удивительнѣе то, что не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ образцы кружевъ этого уѣзда присланы были тѣмъ же земствомъ въ Нью-Іоркъ. Они отличались дешевизной, но по качеству были такъ плохи, что нью-іоркскій кустарный складъ не нашелъ возможнымъ предлагать такой товаръ американцамъ, на ряду съ улучшенными вятскими, рыбно-слободскими и елецкими кружевами. Что касается вышивокъ по кожѣ, то прогрессъ и въ этой работѣ оказался изумительнымъ. Вмѣсто обычныхъ, всѣмъ надоѣвшихъ торжковскихъ рисунковъ, передъ глазами посѣтителей воскресали чудные, старинные рисунки, встрѣчающіеся въ древнихъ священныхъ книгахъ и живописи старин-

[1]) Еслибъ нашимъ кружевницамъ дать нитки, изъ которыхъ плетутъ французскія кружевницы, наши кружева могли бы смѣло конкуррировать съ любыми заграничными драгоцѣнными кружевами, хотя едва-ли русскія дамы признаютъ этотъ фактъ прежде, чѣмъ иностранцы санкціонируютъ его.

ныхъ церквей. И вотъ, какъ просто совершилось это явленіе. Земство командировало своего члена Д. Д. Романова для изслѣдованія того, что уже сдѣлано было въ различныхъ уѣздахъ Московской губ. для улучшенія мѣстныхъ производствъ. Ознакомленіе съ успѣхами и ошибками новаго дѣла дало возможность новоторжской управѣ сразу выбрать лучшій путь. Много помогъ дѣлу Н. П. Оленинъ, предоставившій въ распоряженіе управы свою весьма цѣнную и богатую коллекцію старинныхъ кружевъ. Кромѣ превосходныхъ рисунковъ, нашли возможность еще пустить въ дѣло и *ручныя* нитки. Это обстоятельство отмѣчаемъ, какъ рѣдкое явленіе, на которое до сихъ поръ не было обращено надлежащаго вниманія, а между тѣмъ это одно можетъ выдвинуть наши кружева за границей, гдѣ они найдутъ лучшихъ цѣнителей, а главное, лучшія цѣны. Посредничество земства въ кружевномъ промыслѣ и приглашеніе учительницы оказалось для мастерицъ очень полезнымъ, уничтожая зависимость ихъ отъ торговокъ; производство расширилось, недостатка въ работѣ нѣтъ и заработокъ повысился; число мастерицъ, которыя переходятъ отъ торговокъ къ земству, постоянно увеличивается. По приблизительному разсчету земской управы, производство одного кружева приноситъ бѣднѣйшему населенію г. Торжка отъ 12 до 15 тысячъ рублей въ годъ.

Вышивное дѣло оказалось гораздо проще кружевнаго. Заимствуемъ изъ доклада 1894 года слѣдующія строки:

«Хотя вышиваніе золотомъ и шелками замѣтно падаетъ, вслѣдствіе равнодушія публики передъ избитыми и потерявшими свою оригинальность туфлями, ермолками и подушками новоторжскаго производства, мастерицы находятъ еще порядочный заработокъ въ вышиваніи красною бумагою знаковъ отличія для нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства. Это дѣло находилось въ рукахъ извѣстной петербургской фирмы, которая, взявъ подрядъ на изготовленіе знаковъ въ морскомъ министерствѣ, заказывала вышиваніе этихъ знаковъ чрезъ своего агента нашимъ мастерицамъ.

«По наведеннымъ земскою управою совмѣстно съ городскимъ головою справкамъ, оказалось, что петербургская фирма, получивъ отъ морского министерства около 12 тысячъ рублей, расходовала на исполненіе заказа не болѣе 3 тысячъ рублей и пользовалась за свое посредничество барышами въ 9.000 рублей.

«Такая крупная эксплуатація нашихъ мастерицъ и казны побудила земскую управу вмѣшаться въ это дѣло и предложить морскому министерству отдать ей подрядъ за сумму почти вдвое меньшую.

«Въ 1894 году новоторжская земская управа на свой страхъ и рискъ заключила съ морскимъ министерствомъ контрактъ на изготовленіе 31.920 знаковъ отличія для нижнихъ чиновъ морского вѣдомства на сумму въ 6.300 руб. 78 коп., причемъ министерствомъ было исходатайствовано Высочайшее повелѣніе на выдачу управѣ 1.000 руб. авансомъ, такъ какъ она не рѣшалась затрачивать на это дѣло земскія деньги безъ разрѣшенія собранія. Въ настоящее время операція изготовленія знаковъ окончена, подрядъ исполненъ и въ результатѣ оказалось, что за уплатою всѣхъ расходовъ, какъ-то: вознагражденія мастерицамъ, покупку матерьяловъ, жалованья завѣдующей пріемомъ работъ, поѣздокъ въ Петербургъ и пр. мелкихъ расходовъ, осталось чистой прибыли 2.909 руб. 29 коп.

«Такой значительный остатокъ объясняется тѣмъ, что первоначально управа при исполненіи подряда вынуждена была дѣйствовать осторожно и платила масте-

рицамъ ту же цѣну, какъ и первый подрядчикъ; затѣмъ, послѣ сдачи первой партіи знаковъ, когда стало уже совершенно ясно, что убытка быть не можетъ, управа увеличила сдѣльную плату работницамъ, что дало имъ возможность зарабатывать отъ 40 до 60 коп. къ день. Болѣе увеличивать плату мастерицамъ управа не нашла нужнымъ, полагая употребить ожидаемую отъ предпріятія прибыль на улучшеніе всего вообще кустарнаго промысла въ г. Торжкѣ. По окончаніи исполненія заказа морского министерства, лучшія мастерицы, которыя вышивали бумагой знаки отличія для моряковъ, стали по заказу управы вышивать золотомъ и серебромъ туфли, подушки и другіе предметы по бархату, сафьяну и сукну.

«Стоило только выписать изъ Москвы хорошій матерьялъ и наблюсти за точнымъ выполненіемъ новыхъ, болѣе изящныхъ рисунковъ, и успѣхъ былъ достигнутъ. Замѣчательно, что главнымъ покупателемъ на вышивныя издѣлія кустарнаго отдѣла управы явилась мѣстная новоторжская публика, быстро раскупавшая издѣлія по мѣрѣ ихъ заготовленія».

Крайняя нужда послѣднихъ лѣтъ и въ особенности голоднаго года расшевелила равнодушіе зажиточныхъ классовъ; нашлись люди, которые не побоялись рисковать своими средствами (иногда очень маленькими), личнымъ трудомъ и временемъ, чтобы придти на помощь голодающему населенію. Въ этотъ годъ возникло большинство дѣйствующихъ нынѣ кустарныхъ учрежденій, и въ разныхъ уголкахъ Россіи одновременно стали устраиваться учебныя мастерскія, куда собирались бабы для работы и получали плату сдѣльно. Другіе раздавали матерьялъ по избамъ и покупали издѣлія на свой рискъ, сбывая ихъ сначала ограниченному кругу знакомыхъ, а впослѣдствіи во вновь устроенныхъ городскихъ складахъ.

Такъ, въ Пензенской губ. дѣйствовали ткацкія мастерскія г-жи Азаревичъ, княжны Салтыковой-Головкиной и княжны М. Шаховской; въ Курской губ.—С. П. Букрѣевой; въ Вятской—елабужскаго общ. для нуждающагося женскаго населенія и нѣсколькихъ другихъ земскихъ ткацкихъ; въ Нижегородской—А. Г. Ермоловой и В. А. Пашкова; въ Московской—М. В. Катковой; въ Смоленской—кн. Урусовой; въ Воронежской—богучарскаго земства, А. П. Ковалевской и А. Н. Алтаевой; въ Тамбовской—А. М. Миловидовой и М. П. Пальчиковой; въ Симбирской—Е. А. Гончаровой. Изъ всѣхъ этихъ ткацкихъ учрежденій производство суконъ княжны М. А. Шаховской, начатое ею около 8 лѣтъ тому назадъ въ Пензенской губ., одно изъ самыхъ замѣчательныхъ. Превосходный матерьялъ (пряденые руками пухъ и шерсть), красота и ширина ткани, разнообразіе рисунковъ и комбинацій давно заслужили прекрасную репутацію у знатоковъ и получили медали: одну въ Пензѣ и двѣ большія, золотыя—въ Чикаго и Атлантѣ (Америка). Эти ткани, кромѣ того, отличаются полнымъ отсутствіемъ помощи машины въ пряжѣ и отдѣлкѣ и работаются крестьянами по домамъ. Послѣдняя новость, вышедшая изъ рукъ пензенскихъ ткачихъ, пуховыя шали такой тонины, легкости и изящества, что могутъ смѣло спорить съ индійскими шалями лучшаго качества.

По кружевному промыслу открылись школы, мастерскія и центры

сбыта: въ Петербургѣ—Маріинская школа кружевницъ; въ Вятской губ.—земская кружевная школа слободы Кукарки; въ Московской—г-жи Абраменковой; въ Орловской—Огаревой и нѣсколько ранѣе въ Вологодской—въ земской кустарной выставкѣ, нынѣ закрытой.

За малыми исключеніями, всѣ эти школы и мастерскія, переживъ тяжелую годину, расширяютъ свои операціи, находятъ большій сбытъ и значительно совершенствуютъ свои производства. Большинство работаетъ на собственныя, частныя средства; нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ правительственныя субсидіи, какъ, напр., школа села Подлѣснаго, Рязанской губ., С. П. Казначеевой. На Нижегородской выставкѣ издѣлія этихъ школъ занимали видное мѣсто.

Г-жа Якунчикова возстановила въ своей мастерской Тамбовской губ. старинныя вышивки и рисунки и выставила замѣчательно изящныя и своеобразныя работы, которыя могутъ украсить любой домъ, какъ бы скроменъ и какъ бы роскошенъ онъ ни былъ. Искусство это совсѣмъ было исчезло и молодыя бабы уже не умѣли сработать тѣхъ оригинальныхъ вышивокъ, которыя онѣ получили еще въ наслѣдство отъ бабушекъ. Несомнѣнно, что еслибы умѣлыя руки не взялись за это дѣло, скоро не только не осталось бы образцовъ старинной работы, но не осталось бы и отвлеченнаго сознанія, что русскія крестьянки умѣли выдѣлывать изящныя рукодѣлья гораздо раньше, чѣмъ «интеллигенція» начала ихъ учить. Ниже будетъ указано, какъ часто это ученіе не только не вноситъ прогресса, а понижаетъ качество крестьянскихъ работъ. Въ настоящемъ случаѣ ученье направлено было безусловно въ желательную сторону. Г-жа Якунчикова не предлагала бабамъ дорогой заграничный матерьялъ, а пользовалась домашними шерстяными и льняными тканями, выписывая изъ Москвы лишь шелковыя нитки. Окраска, судя по выставленнымъ экспонатамъ, также домашняя. Этимъ г-жа Якунчикова достигла двухъ важныхъ преимуществъ въ производствѣ: 1) домашній матерьялъ находитъ себѣ сбытъ и 2) работы по ручной ткани имѣютъ такой оригинальный характеръ, котораго онѣ были бы совершенно лишены, еслибъ исполнялись по машинному сукну или бархату, и потому сбытъ ихъ обезпеченъ не только въ Россіи, но и за границей. Пока сбытъ ограничивается складомъ этихъ издѣлій въ Москвѣ.

С. П. Казначеева соединила въ своемъ учрежденіи оба типа, т.-е. взяла на себя сбытъ не только работъ своей школы, но и издѣлія окружныхъ бабъ, причемъ эти послѣднія могутъ пріобрѣтать матерьялъ въ школѣ. Выдѣлываются исключительно строчки и сбываются, главнымъ образомъ, въ Нью-Іоркѣ.

Княжна Львова выставила превосходныя работы по строчкѣ по полотну, шелку и кисеѣ; иногда строчки комбинируются съ вышивкой. Къ сожалѣнію, Нижегородская выставка мало посѣщалась иностранцами, и выставленный княжной Львовой роскошный туалетъ, который могъ

бы занять почетное мѣсто въ любомъ музеѣ и навѣрно былъ бы купленъ какимъ-нибудь нью-іоркскимъ Асторомъ или Вандербильтомъ, еслибъ попался имъ на глаза, вѣроятно, оказался не по нашимъ тощимъ карманамъ и сравнительно бѣдно-меблированнымъ квартирамъ. Но въ той же витринѣ было множество мелкихъ, доступныхъ для каждаго работъ, и уже въ августѣ пестрѣлъ повсюду билетикъ со словомъ «продано», приводя въ отчаяніе многихъ покупательницъ.

Говоря вообще, кустарный отдѣлъ далъ много матерьяла. Но ближайшее знакомство съ экспонатами показало и полное отсутствіе организаціи по сбыту. Покупатели неминуемо наталкивались на разныя затрудненія. Всего чаще встрѣчался «образецъ», котораго нельзя было продать даже по окончаніи выставки и который долженъ былъ вернуться на родину; или, для того, чтобы купить какую-нибудь вещицу, надо было идти въ бюро администраціи, и покупатель, пугаясь такой формальности, моментально отказывался отъ покупки; или былъ выставленъ, напр., одинъ стулъ какого-нибудь кустаря и некому было взять заказъ на остальные одиннадцать. Если же дѣло шло объ оптовомъ заказѣ, то сами завѣдующіе не могли рѣшить, по какой цѣнѣ и въ какое время заказъ могъ быть выполненъ. Часто, даже въ такомъ благоустроенномъ отдѣлѣ, какъ нижегородскій, цѣна экспонатовъ совершенно не выражала настоящей стоимости товара и заказы не могли быть приняты. О другихъ земствахъ, которыя прислали свои издѣлія безъ представителей, и говорить нечего. Они терялись въ общей массѣ и едва-ли принесли какіе-либо результаты въ торговомъ отношеніи.

Экспонаты отдѣльныхъ кустарей постигла та же участь. Невозможно кустарю-одиночкѣ, при производствѣ на 30—100 руб. въ годъ, самому экспонировать свои издѣлія, хлопотать о сбытѣ и т. д. Даже затрата на приготовленіе экспоната, матерьялъ котораго иногда составляетъ $^{9}/_{10}$ стоимости, уже сама по себѣ непосильна. Такія издѣлія должны были бы составить спеціальный отдѣлъ, въ которомъ бы продажа и пріемъ заказовъ устроены были такъ же удобно, какъ и во всѣхъ другихъ отдѣлахъ, гдѣ представители были постоянно при товарѣ.

Напримѣръ, павловская кустарная артель, выставившая свои ножи весьма изящно и привлекательно, торговала на 40—100 руб. въ день, не считая оптовыхъ заказовъ. Если же она не приставила бы къ своему экспонату спеціальнаго человѣка, то продажа была бы совершенно случайной, а въ иные дни ея и совсѣмъ бы не было. Нельзя разсчитывать, чтобы посѣтители при той поспѣшности, съ которой они обыкновенно пробѣгаютъ павильонъ, взяли на себя трудъ разыскивать бюро администраціи—съ рискомъ найти завѣдующаго занятымъ какимъ-либо другимъ дѣломъ или даже въ отсутствіи — чтобы купить перочинный ножъ или вилку для пикулей. А между тѣмъ эта мелочная торговля

не только давала за день почтенную выручку, но и знакомила потребителей со всѣхъ концовъ Россіи съ работой кустарной артели.

Что же касается кустарей, работавшихъ на самой выставкѣ, то они были такъ разбросаны и ихъ было такъ мало, что впечатлѣніе получилось весьма слабое, тогда какъ кустарныя производства въ дѣйствіи могли и должны были быть одной изъ самыхъ выдающихся и поучительныхъ сторонъ всего отдѣла. Рѣзчикъ игрушекъ, напримѣръ, былъ затиснутъ за какими-то ваннами и разными другими издѣліями громоздкаго свойства, въ такой уголъ, что добраться до него не было возможности. И тѣ немногіе кустари, которые приглашены были спеціально для того, чтобы посѣтители могли видѣть, какъ они работаютъ, большею частью заняты были продажей своихъ издѣлій, заготовленныхъ раньше. Эту заботу обязательно было снять съ нихъ и поручить продавцамъ отъ администраціи. Другой рѣзчикъ (иконъ на кипарисѣ)— Хрустачевъ, пріобрѣтшій уже извѣстность и побывавшій на выставкѣ въ Парижѣ, устроилъ свой уголокъ попригляднѣе, но время его было также больше занято продажей, чѣмъ рѣзьбой.

Какая-нибудь швейная машина, расписывавшая на углахъ платковъ слова «Всероссійская Выставка» самымъ нанобыкновеннѣйшимъ, цѣпнымъ, анти-художественнымъ швомъ, занимала видное мѣсто и, подъ предлогомъ «экспоната въ дѣйствіи», бойко торговала мануфактурными платками, а кружевница и ковровщица Маріинской школы были затерты въ уголъ, гдѣ онѣ совершенно терялись.

Чтобы видѣть производства: роговое, слесарное и нѣкоторыя другія, надо было идти версты за двѣ отъ кустарнаго отдѣла въ огнеупорный поселокъ [1]). Хотя маленькая, русская изба не можетъ служить удобнымъ мѣстомъ демонстраціи для многочисленной публики, но она, по крайней мѣрѣ, могла бы служить подлинной картиной обычной обстановки кустарей. Къ сожалѣнію, и это условіе было совершенно нарушено тѣмъ, что избы, въ которыхъ работали кустари, были «декорированы», такъ что получилось нѣчто весьма странное, случайное и неестественное.

Къ весьма интереснымъ предметамъ выставки слѣдуетъ причислить и работу г-жи Доливо-Добровольской, которая командируется министерствомъ государственныхъ имуществъ для улучшенія техники тканья въ разныя губерніи, по ходатайству земствъ, администраціи и частныхъ лицъ. Полезное дѣло это начато въ 1890 г. Переходъ отъ обыкновеннаго крестьянскаго станка къ станку-самолету совершенно видоизмѣняетъ условія работы. Онъ въ 5 разъ увеличиваетъ производительность работы. Станки эти введены въ Россіи въ 40-хъ годахъ и употребляются въ ткацкихъ районахъ Костромской, Ярославской, Московской, Рязанской, Владимірской и Саратовской губ. На нихъ рабо-

[1]) Поселокъ этотъ представлялъ цѣлую улицу избъ, построенныхъ изъ соломы и глины, какъ образцы несгораемыхъ жилищъ. Въ двухъ-трехъ изъ нихъ работали кустари: ткачъ, кружевница, слесарь и другіе.

таютъ холсты, сукна, сарпинки, безшовные мѣшки, салфеточныя и другія узорчатыя ткани. При командировкахъ техникъ привозитъ все необходимое и устраиваетъ временную мастерскую для безплатнаго обученія всѣхъ желающихъ. Обученіе продолжается 1½—2 мѣсяца. Привезенные станки и проч. служатъ образцами для мѣстныхъ столяровъ и плотниковъ. По окончаніи обученія, станки раздаются оказавшимъ наибольшіе успѣхи ученицамъ или ученикамъ. Такимъ образомъ болѣе 600 человѣкъ обучились усовершенствованному тканью въ губ. Черниговской, Курской, Вятской, Псковской, Тамбовской, Калужской, Пензенской и Подольской. Иногда расходы по устройству учебныхъ ткацкихъ принимаются земствами на свой счетъ. Такъ было въ Вятской, Черниговской и Тамбовской г.г. и въ нѣсколькихъ уѣздныхъ земствахъ другихъ губерній.

Сначала, почти вездѣ, крестьяне недовѣрчиво относятся къ новому дѣлу; когда же мѣстный деревенскій станокъ передѣлывался на самолетскій, съ затратой 2—4 рублей, они вполнѣ усвоиваютъ пользу улучшеннаго тканья. Встрѣчаются и такіе случаи, когда попытка улучшить ремесло не удается. Такъ было, напр., въ Карамышевской волости, Медынскаго уѣзда, Калужской губ., гдѣ крестьянки положительно отказались учиться изъ боязни налога на мѣстное производство узкихъ суконъ.

Въ Кролевцѣ (Черниговской губерніи), гдѣ болѣе 1.500 ткачей и ткачихъ, казалось бы, командировка спеціалиста должна была принести наибольшую пользу; но на дѣлѣ, однако, оказалось не такъ. Хозяева-предприниматели, съ Рындинымъ во главѣ, запретили ткачамъ учиться, подъ страхомъ отказа въ работѣ. Тогда въ земствѣ зашла рѣчь объ организаціи кустарнаго комитета, и хозяева боялись, что, съ помощью земства и обзаведясь самолетскими станками, ткачи выйдутъ изъ ихъ кабалы. Нѣкоторые ткачи также возставали противъ новыхъ станковъ, но такъ какъ станки-самолеты остались въ Кролевцѣ, дѣло не погибло. Когда г-жа Доливо-Добровольская посѣтила эту мѣстность въ слѣдующемъ году, она нашла многихъ ткачей за самолетскими станками. Теплѣе всѣхъ встрѣтили ее ткачихи, убѣдившіяся на дѣлѣ, что самолетскіе станки не только ускоряютъ, но и значительно облегчаютъ работу. По ихъ словамъ, уменьшились случаи выкидышей.

На Нижегородской выставкѣ посѣтители могли видѣть самолетскій станокъ въ дѣйствіи и получать объясненія какъ отъ г-жи Доливо-Добровольской, такъ и отъ ткача, постоянно работавшаго на выставкѣ. Этимъ станкомъ соблазнились даже сарты изъ средне-азіатскаго отдѣла, которые на 3-хъ громадныхъ станкахъ ткали шелковыя ткани.

Кромѣ школъ и земствъ, кустарныя издѣлія были выставлены и скупщиками. Такъ, напримѣръ, красносельскіе серебряники (Костромской губ.) выставили въ кустарномъ отдѣлѣ массу издѣлій и торговали ими очень бойко. Товаръ ихъ очень дешевъ и изъ рукъ вонъ

плохъ. Подъ вліяніемъ дешевизны, техника доведена до низшей степени. Рисунки безобразны, но, повидимому, по вкусу потребителей, такъ какъ и московскій, и петербургскій гостиные дворы переполнены этими издѣліями. Но большинство издѣлій, представленныхъ скупщиками, было отнесено въ центральное зданіе, въ фабрично-ремесленный отдѣлъ. Нельзя не видѣть, какое понижающее вліяніе имѣютъ скупщики на кустарныя издѣлія. Кустарные экспонаты въ центральномъ отдѣлѣ указываютъ на это вліяніе весьма ясно.

Когда кустари покидаютъ старую традицію въ своихъ издѣліяхъ, покидаютъ формы и методы, выработанные вѣками, и берутся за современныя «изящныя» работы безъ посторонней помощи или подъ вліяніемъ руководителей съ плохо развитымъ вкусомъ, безъ порядочныхъ образцовъ, ихъ работы достигаютъ изумительнаго безобразія. Быть можетъ, народная музыка можетъ ярче иллюстрировать это вторженіе пошлости и безвкусія въ народное искусство.

Русская народная пѣсня долгое время совершенно игнорировалась, и горожане знали ее лишь по искаженнымъ, обнѣмеченнымъ передачамъ. Наконецъ, нашлись добросовѣстные собиратели, которые изслѣдовали и записали не только мелодію—какъ это дѣлалось прежде—но и своеобразную гармонизацію ея. Императорское Географическое Общество едва-ли не болѣе всѣхъ другихъ работало въ этомъ направленіи, и русская народная пѣсня признана была, наконецъ, какъ нѣчто достойное вниманія русской интеллигенціи. Наши композиторы черпали изъ этого богатаго источника и открыли въ немъ новый музыкальный міръ наканунѣ его исчезновенія.

Городская и фабричная цивилизація несетъ въ деревню другіе вкусы, и вотъ, вмѣсто старинной пѣсни съ грустной, широкой мелодіей, слова которой. въ поэтическихъ сравненіяхъ съ природой, описываютъ горе и радости крестьянской жизни, силу и мощь богатырей и ихъ доблестные походы, слышатся уже такія пѣсни:

Гдѣ ты милый замарался.
Я картошку въ ригѣ пекъ,
Я картошку въ ригѣ пекъ
Своей сударушкѣ берегъ.

Вы мнѣ дайте ножикъ, вилку
Я зарѣжу свово милку.

Наливай мамаша чай
Въ золотыя чашки.
Приведу къ тебѣ милаго
Въ шелковой рубашкѣ.

Вмѣсто *пѣнія*, подъ вліяніемъ гармоники, замѣнившей старинные гусли, появляется безобразная скороговорка или по-просту *крикъ*.

То же самое явленіе можно прослѣдить и въ рукодѣльяхъ крестьянъ: старинные матерьялы, рисунки, цвѣта и самые способы работы усту-

паютъ мѣсто дешевой дряни, купленной въ городской лавкѣ; плохіе, нѣмецкіе рисунки попадаютъ въ деревню черезъ посредство городскихъ мѣщанокъ, съ помощью дешевыхъ иллюстрированныхъ изданій, перемѣшиваются съ кое-какими остатками старины; вмѣсто растительныхъ красокъ, распространяются ализариновые, яркіе и линючіе цвѣта, бумажная, машинная пряжа замѣняетъ льняную, ручную; появляются безобразныя по цвѣту и рисунку виноградныя вѣтки и пѣтушки, а въ подгородныхъ мѣстностяхъ можно встрѣтить уже рисунки «крестикомъ» по ситцу и прочимъ неподходящимъ матерьяламъ, которые волей-неволей заставляютъ измѣнять и старинному, изящному способу выполненія рисунка.

Вся русская одежда, —которая была воспроизведена Маковскимъ, Каролинымъ и другими художниками не по фантастическимъ, небывалымъ костюмамъ, а по сохранившимся и собраннымъ ими стариннымъ, подлиннымъ русскимъ одеждамъ — видоизмѣняется и преподносится намъ въ видѣ такъ называемаго русскаго «интеллигентнаго» костюма, который продаютъ и пропагандируютъ въ Парижѣ за настоящій русскій; а шитье крестиками по канвѣ—за національное и единственно характерное русское рукодѣлье. Если подгородныя крестьянки въ своемъ невѣдѣніи поддаются вліянію города и замѣняютъ свой старинный костюмъ разными «дипломатами», забываютъ свои старинныя ремесла одно за другимъ, за неимѣніемъ сбыта и увеличивающейся бѣдности въ своей собственной средѣ,—это понятно и простительно; но когда такую «культуру» навязываютъ деревенской и городской молодежи въ безчисленныхъ пріютахъ, профессіональныхъ мастерскихъ, школахъ всевозможныхъ наименованій, то это дѣлается непростительнымъ и вреднымъ. Достаточно указать хотя бы на экспонаты церковно-приходскихъ школъ, выставленные необыкновенно тщательно въ павильонѣ «церковь-школа» и притомъ въ подавляющемъ количествѣ. Цѣлыя стѣны были увѣшаны этими злосчастными «крестиками», пѣтушками и допотопными антимакасарами. Громадныя витрины—наполнены жалкими, вполнѣ безполезными бисерными кошельками, футлярами для зубочистокъ, подставочками подъ еще менѣе полезныя и анти-художественныя украшенія, шерстяными георгинами небывалыхъ цвѣтовъ и прочими безчисленными и безполезными произведеніями. Кому нужны подобныя вещи? Гдѣ можетъ найтись имъ сбытъ? А между тѣмъ это результатъ многолѣтняго труда и денежныхъ затратъ. Поддерживаются спеціальныя учрежденія, въ которыхъ приготовляются учителя и учительницы для этихъ школъ. Такіе примѣры находимъ не только въ епархіальныхъ школахъ. Это руководящая нота во всѣхъ школьныхъ экспонатахъ, въ какомъ бы павильонѣ они ни помѣщались.

Въ научно-учебномъ отдѣлѣ были выставлены, за малыми исключеніями, всѣ имѣющіяся на лицо профессіональныя школы. Единственная отрасль, которой, повидимому, учатъ лучше другихъ—это шитье и кройка

платьевъ. Это легко объяснить требованіями потребительницъ, которыя могутъ жить среди самой анти-художественной обстановки, въ которой нерѣдко повторяется старая исторія Маниловскаго необитаго кресла, могутъ никогда не задать себѣ вопроса — почему необходимо имѣть въ гостиной на стѣнѣ отвратительныя олеографіи или традиціонное расположеніе мебели и корридоры, загроможденные разнымъ хламомъ до того, что дышать нечѣмъ, но въ дѣлѣ костюмовъ предъявляютъ совершенно опредѣленныя и выработанныя требованія. Костюмъ не долженъ уступать ни въ покроѣ, ни въ матерьялѣ заграничнымъ моделямъ. Для этого предмета существуетъ цѣлый рядъ журналовъ, и дамы, не слѣдящія за модой, подвергаются посмѣянію. Требованія потребителей неминуемо влекутъ за собой улучшеніе производства. И за малыми исключеніями, всѣ школьные экспонаты по этой отрасли удовлетворительны. Выдѣлка искусственныхъ цвѣтовъ также за послѣдніе года очень усовершенствовалась. Но все, что называется художественными ремеслами, очень плохо. Нельзя остановиться ни на одномъ сколько-нибудь отрадномъ, выдѣляющемся явленіи. Можно подумать что всѣ эти выжиганія, рисованіе по фарфору, вышивки сдѣланы не въ школѣ, а какой-нибудь любительницей, единственной цѣлью которой было «убить время». Странно, что, имѣя такія двѣ превосходныя школы, какъ школа барона Штиглица и Поощренія Художествъ, выставившія прекрасныя работы своихъ учениковъ въ центральномъ зданіи выставки, руководители остальныхъ школъ не находятъ возможнымъ идти по намѣченнымъ слѣдамъ.

У насъ за послѣднее время, дѣйствительно, встрѣчается желаніе придти на помощь крестьянскому населенію; начиная съ эпохи голодовокъ 1891—92 г.г. тамъ и сямъ, составляются дамскіе комитеты съ разными благими цѣлями, устраиваются ремесленныя школы и т. д. Работы различныхъ дѣятелей въ кустарномъ дѣлѣ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ быстро имъ удалось улучшить и сбыть, и самое производство; но, въ виду громадной численности кустарей и ежегодно вырабатываемыхъ ими издѣлій, эти немногіе центры съ ничтожнымъ оборотнымъ капиталомъ равняются каплѣ въ морѣ. Гораздо чаще встрѣчается работа по этой отрасли въ совершенно ложномъ направленіи. По разнымъ городамъ и селамъ громадной Россіи идетъ насажденіе преимущественно женскихъ рукодѣлій, такъ какъ у женщинъ менѣе шансовъ на заработокъ, и насаждаются, главнымъ образомъ, рукодѣлія культурныя, съ самымъ жалкимъ результатомъ.

Передъ нами экспонатъ казанскаго музея и школы для черемисскихъ дѣтей въ научно-учебномъ отдѣлѣ выставки. Превосходныя черемисскія вышивки, къ сожалѣнію, извѣстныя лишь мѣстнымъ жителямъ, вызывали восторгъ американцевъ — посѣтителей Чикагской выставки и нью-іоркскаго «склада русскихъ кустарныхъ издѣлій». Врожденныя способности этого племени, вѣроятно, и побудили устроителей

школы попытаться развить ихъ во что-нибудь лучшее. И вотъ, передъ нами работы этихъ дѣтей за нѣсколько лѣтъ. Увы! Снова крестики, пѣтушки, шерстяные цвѣты, не похожіе ни на какіе цвѣты въ мірѣ, весьма плохое шитье и яркіе матерьялы безъ вкуса. Словомъ, полная деградація. Оказывается, что «рукодѣльной дамой» въ этомъ случаѣ была—старая, обрусѣвшая нѣмка, получившая свое назначеніе въ виду престарѣлыхъ лѣтъ. Еслибъ дѣвочки эти не были оторваны отъ своихъ гнѣздъ, отъ своихъ матерей и бабушекъ, онѣ сохранили бы умѣнье красить пряжу и ткать изъ своего собственнаго льна прочныя ткани, научились бы превосходному вышиванію, одинаково красивому съ обѣихъ сторонъ. Этотъ шагъ назадъ повлечетъ, вѣроятно, за собой и дальнѣйшій регрессъ.

Такихъ примѣровъ, даже по экспонатамъ Нижегородской выставки, можно насчитать множество.

Въ томъ же научно-учебномъ отдѣлѣ были выставлены экспонаты школъ *общества улучшенія народнаго труда*. На этотъ разъ это не частное, маленькое предпріятіе безъ всякихъ средствъ, а большое общество, имѣющее общій, денежный оборотъ въ 100.000 руб. въ годъ и, кромѣ того, неприкосновенный капиталъ въ 50.000 руб. Оно принимало два раза участіе въ международныхъ конгрессахъ во Франціи, существуетъ съ 1881 года, имѣетъ 2.500 членовъ, изъ которыхъ $^1/_3$ составляютъ общественныя и сословныя, въ томъ числѣ крестьянскія учрежденія, а также другія всякаго рода промышленныя и ученыя общества; остальные же члены принадлежатъ къ слѣдующимъ категоріямъ лицъ: правительственныя, должностныя лица, землевладѣльцы, городскіе головы, заводчики, купцы и крестьяне. Въ 22 губерніяхъ открыто 37 комитетовъ и болѣе 200 мастерскихъ и школъ съ ремесленными отдѣленіями и курсами. Такое учрежденіе, развиваясь далѣе, разсчитываетъ сдѣлаться руководителемъ народнаго труда. Экспонаты этого общества грустно разочаровывали посѣтителя. Возьмемъ для примѣра, въ длинномъ рядѣ отдѣленій этого общества, бековскій комитетъ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ. На первомъ планѣ былъ выставленъ образъ, вышитый крестиками. Болѣе нехудожественнаго выполненія трудно себѣ представить. Сама мысль исполнить лицо крупными крестами не достойна руководящей школы, которая задалась *улучшить* народный трудъ. Подобная работа еще понятна въ рукахъ какой-нибудь богатой старушки, которая занимается рукодѣльемъ, какъ пассьянсомъ, не задаваясь никакими полезными цѣлями, единственно для препровожденія времени. Но когда готовятъ мастерицъ изъ дѣтей бѣднаго класса, для котораго мастерство должно служить заработкомъ, такое ученье или, лучше сказать, дилеттантство—настоящій вредъ. Столярныя работы мастерскихъ того же комитета, по крайней мѣрѣ, полезны.

Царицынскій комитетъ той же губерніи выставилъ множество рукодѣлій изъ дорогихъ матерьяловъ—бархата, атласа и проч. Отсталость въ рисункахъ и безполезность изготовленныхъ вещей бросались въ глаза. Выставлены были и бѣлошвейныя работы. Хорошая мастерица бѣлошвейка всегда найдетъ заработокъ. Выставленныя работы однако не отвѣчали требованіямъ, которыя любая заказчица предъявляетъ настоящей бѣлошвейкѣ. Видно, что обученіе ведется не спеціалисткой. Рядомъ съ этими издѣліями выставлена фотографія превосходнаго, каменнаго зданія дома трудолюбія, въ которомъ исполнены эти работы, и очень внушительная группа завѣдующихъ.

Разные другіе комитеты того же общества выставили издѣлія своихъ школъ и мастерскихъ, и повсюду встрѣчаемъ одно и то же. Повсюду крестики, бархатныя подушки съ розанами и проч. Работы мальчиковъ большею частью ограничиваются полезными ремеслами. Но ихъ столы, сапоги и проч. издѣлія ничѣмъ не лучше работъ неученыхъ кустарей.

Вотъ какъ мало и какъ неумѣло мы приходимъ на помощь *народному труду*, а между тѣмъ, какъ часто приходится встрѣчать въ литературѣ строгое порицаніе русскихъ издѣлій и сравненіе ихъ съ заграничными. Мы забываемъ, что иностранный ремесленникъ имѣетъ постоянно подъ рукой множество художественно-промышленныхъ образцовъ, въ видѣ вещей, вошедшихъ въ его вседневное употребленіе, имѣетъ доступъ въ музеи, гдѣ выбираетъ и приспособляетъ лучшіе, современные и античные образцы и рисунки. Откуда *русскому* крестьянину черпать свое вдохновеніе? Что мы сдѣлали, чтобы развить его вкусъ?

Встрѣчая такія сравненія и логически и спокойно выраженныя требованія, предъявляемыя кустарю, и порицаніе съ плеча его работы, намъ невольно приходитъ на память вопросъ—также очень логическій и спокойный—одной американки-писательницы, послѣ того, какъ она съ удивленіемъ и восторгомъ разсматривала кружево и вышивки русскихъ бабъ и едва вѣрила тому, что бабы эти учатся плести и вышивать не въ школахъ, а отъ матерей и бабушекъ и что узоры не печатаются для нихъ въ «ихъ модныхъ журналахъ». Она спросила: «а есть-ли между вашими бабами писательницы, композиторы, художницы» и т. д.? Такой вопросъ показался намъ не только страннымъ, но даже досаднымъ; а ей казался весьма естественнымъ. Женщина ея страны, еслибъ имѣла артистическое чутье и терпѣніе, о которомъ ясно свидѣтельствуютъ кружева и вышивки бабъ, легко могла бы сдѣлаться и художницей, и писательницей. Что касается музыкальной композиціи, развѣ эта лэди не слыхала русскаго хора въ Нью-Іоркѣ и не была поражена силой и художественностью русскихъ пѣсенъ? Она тогда же спросила: кто сочинилъ эту чудную музыку? Ей отвѣтили: русскій народъ.

Но что же мы сдѣлали для того, чтобы научить кустарей *выражать* свою національную мысль въ изящной формѣ? Мы не только

не успѣли научить ихъ, но еще сами едва начали изучать и чтить русскій характеръ въ художественныхъ произведеніяхъ и работахъ. Можемъ-ли мы успѣшно учить бабъ рукодѣлью, когда, за малыми исключеніями, не знаемъ ни элементовъ русскаго орнамента, ни методовъ выполненія его?

Сохраненіе русскаго характера въ издѣліяхъ и выработка этого стиля гораздо важнѣе, чѣмъ это кажется. Уже и теперь сбытъ нашихъ лучшихъ кустарныхъ издѣлій ограниченъ. Конечно, онъ значительно расширился бы, еслибъ наши русскіе потребители сами оцѣнили красоту и прочность издѣлій, а не предпочитали бы платить пошлины за заграничныя машинныя издѣлія. Но это врядъ-ли случится прежде, чѣмъ наши кустарныя издѣлія займутъ подобающее имъ мѣсто за границей. Это доказывается и тѣмъ, что кустарныя издѣлія все чаще и чаще сбываются за заграничныя, часто подъ фальшивыми клеймами. А заграницей намъ невозможно конкуррировать имитаціями съ ихъ собственныхъ образцовъ и товаровъ. Мы должны явиться съ своимъ и дать то, чего у нихъ нѣтъ.

Тѣмъ временемъ громадная работа по всей Россіи идетъ совершенно въ обратномъ направленіи. Сотни тысячъ дѣтей учатся работамъ положительно безполезнымъ и анти-художественнымъ. Сейчасъ же по выходѣ изъ школы имъ придется искать другого заработка, или наполнять филантропическіе базары никому ненужными бисерными чехлами, или съ помощью «протекціи» поступать въ «рукодѣльныя дамы» и совершенно безвинно распложать себѣ подобныхъ неудачницъ.

А. Погосская.

Составъ городскихъ избирательныхъ собраній при квартирномъ цензѣ.

I.

Новое городовое положеніе 11 іюня 1892 года пріурочило избирательный цензъ преимущественно къ владѣнію недвижимымъ имуществомъ опредѣленной стоимости. Обладавшіе избирательнымъ правомъ по старому положенію 1870 г. мелкіе домовладѣльцы, мелочные торговцы, приказчики перваго разряда, а въ столицахъ и купцы 2-ой гильдіи лишились этого права въ новомъ положеніи. Такимъ сокращеніемъ числа избирателей наше законодательство хотѣло устранить или только парализовать то преобладающее значеніе торгово-промышленнаго класса въ городскомъ самоуправленіи, какое было при старомъ положеніи. Но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ среди домовладѣльцевъ большинство принадлежитъ къ торгово-промышленному классу.

Очевидно, что только привлеченіемъ новыхъ группъ городского населенія къ участію въ городскихъ дѣлахъ, а не лишеніемъ избирательнаго права лицъ, прежде пользовавшихся этимъ правомъ,—это вліяніе торгово-промышленнаго класса можетъ уменьшиться.

Какой же разрядъ городскихъ обывателей можетъ быть призванъ къ участію въ городскомъ общественномъ управленіи, безъ опасенія ухудшенія и съ надеждою на улучшеніе городского самоуправленія?

Законодательство Петра Великаго и Екатерины II признавало и тогда правоспособными горожанами лицъ, живущихъ своимъ трудомъ, профессіей интеллигентнаго характера, хотя и не обладающихъ никакимъ капиталомъ и собственностью. Больше 25 лѣтъ прошло съ того времени, когда въ мѣстныхъ коммиссіяхъ, созванныхъ въ 1869 году въ городахъ, въ Высочайше учрежденныхъ при министерствѣ вн. дѣлъ совѣщаніяхъ и въ самомъ государственномъ совѣтѣ—была принципіально признана настоятельная крайняя необходимость въ дарованіи квартиронанимателямъ правъ городскихъ избирателей. За это же время петербургская, московская, одесская, кіевская и др. городскія думы неоднократно возбуждали тотъ же вопросъ. Наша печать неустанно, съ самаго изданія положенія 1870 г., проводила ту же самую мысль. Но этому не суждено было осуществиться, при изданіи Городового Положенія 1892 года, не смотря на то, что и большинство губернаторовъ ходатайствовало о дарованіи

квартирантамъ избирательнаго права. Существенныхъ препятствій къ положительному рѣшенію этого вопроса, повидимому, не было.

Нельзя думать, чтобы составителямъ городоваго положенія могло казаться безпримѣрнымъ новшествомъ дарованіе общественныхъ правъ лицамъ, живущимъ только своимъ трудамъ, но не обладающимъ капиталомъ. Законодательство наше уже привлекло къ общественно-государственной дѣятельности, носящей только частью повинностный характеръ, гражданъ, живущихъ личнымъ трудомъ.

Судебные уставы Императора Александра II—этотъ блестящій памятникъ законодательства великой эпохи—призвали въ число присяжныхъ засѣдателей лицъ, получающихъ вознагражденіе за свой трудъ и получающихъ жалованье въ опредѣленномъ размѣрѣ, наравнѣ съ лицами, имѣющими доходъ отъ движимаго капитала и владѣльцами недвижимой собственности.

Теперь же, положеніемъ о государственномъ квартирномъ налогѣ 14 мая 1893 г., люди, живущіе только своимъ трудомъ, отъ личнаго заработка, стали плательщиками прямого налога, и, какъ таковые, по духу русскаго законодательства, предоставляющаго лицамъ, положеннымъ въ «окладъ», право саморазверстки, могутъ быть надѣлены правами по участію и въ общественныхъ дѣлахъ.

Отсюда очевидно, что предоставленіе избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ не могло стать въ противорѣчіе съ общими принципами нашего законодательства. Гораздо вѣроятнѣе, что препятствіемъ къ признанію этихъ правъ служило или, по крайней мѣрѣ, считалось одно только обстоятельство: невозможность опредѣлить составъ избирательныхъ собраній, при условіи предоставленія квартирантамъ городскаго избирательнаго права.

Мы возьмемъ на себя смѣлость доказать разработкою статистическихъ данныхъ несостоятельность такого утвержденія. Намъ придется, можетъ быть, увидѣть, что и при изданіи городового положенія 16 іюля 1870 года, и тѣмъ болѣе 11 іюня 1892 года существовалъ матерьялъ, могли быть найдены источники, по которымъ можно было установить съ большею или меньшей точностью, какіе именно элементы войдутъ въ среду городскихъ избирателей, при условіи привлеченія квартиронанимателей къ участію въ городскихъ дѣлахъ.

При установленіи избирательнаго городского ценза для непосредственнаго участія квартиронанимателей въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ, мы постараемся стоять на почвѣ дѣйствующихъ въ настоящее время законоположеній. Основаніемъ причисленія квартиронанимателей къ составу городскихъ избирателей мы будемъ преимущественно считать платежъ государственнаго квартирнаго налога, а также цензъ, установленный для присяжныхъ засѣдателей.

Намъ кажется, нельзя держаться исключительно нормъ квартирныхъ платъ, опредѣленныхъ для взиманія государственнаго квартирнаго на-

лога, такъ какъ квартирныя платы, съ которыхъ начинается взиманіе этого налога, оказываются во многихъ городахъ очень высокими. А это препятствуетъ вступленію въ число городскихъ избирателей такимъ категоріямъ лицъ, которыя съ пользою могли бы служить общему городскому дѣлу, для нихъ одинаково важному. Высокій цензъ предоставилъ бы избирательное право не среднедостаточному, а только богатому классу городского населенія, увеличивъ, правда, въ средѣ избирателей число лицъ интеллигентныхъ, но однако вовсе не охвативъ даже всю интеллигенцію. Только съ уменьшеніемъ ценза по государственному налогу можетъ войти большая часть городской интеллигенціи. Но уменьшеніе ценза необходимо также и для того, чтобы было организовано представительство массы городского населенія, которое болѣе, чѣмъ какой-либо разрядъ, нуждается въ защитѣ его интересовъ. Мы говоримъ о мѣщанахъ и цеховыхъ. Этого требуетъ самая элементарная справедливость.

Распространеніе права участія въ городскомъ самоуправленіи на разряды лицъ, не могущихъ получить такое право по квартирному налогу, можетъ быть основано на возможности установленія квартирнаго, въ пользу городовъ, налога съ болѣе низшихъ нормъ годовыхъ платъ за жилыя помѣщенія. Минимальныя наемныя квартирныя платы для взиманія государственнаго квартирнаго налога установлены, какъ извѣстно, неодинаково для различныхъ городовъ, которые распредѣлены между шестью классами, причемъ за основаніе причисленія городскихъ населеній къ тому или другому классу приняты стоимость жилыхъ помѣщеній, а также и число жителей города.

Трата на квартирное довольствіе, какъ видимый признакъ состоятельности горожанъ, не можетъ представлять одинаковой величины въ городахъ съ большою и съ малою населенностью, при дороговизнѣ и дешевизнѣ квартиръ. Въ городахъ съ небольшою населенностью и при дешевизнѣ квартиръ, незначительный расходъ на удовлетвореніе потребности горожанина въ жильѣ обращается, при той же почти самой имущественной состоятельности горожанина, въ большихъ городахъ уже въ значительный расходъ. Поэтому мы, не придерживаясь болѣе дробной классификаціи, принятой въ положеніи о квартирномъ налогѣ, возьмемъ все-таки четыре нормы годовыхъ квартирныхъ платъ, для городовъ разной населенности, а именно:

120 р. для Петербурга и Москвы (I кл. по квартирному налогу).

60 р. для городовъ съ населеніемъ свыше 100 т. (II кл. по квартирному налогу).

30 р. для городовъ съ населеніемъ отъ 100 до 10 т. (III и IV кл. по квартирному налогу).

15 р. для городовъ съ населеніемъ менѣе 10 т. (V и VI кл. по квартирному налогу [1]).

---

[1]) Нормы, установленныя для взиманія госуд. квартир. налога:

для городовъ	I кл.	300 руб.
» »	II »	225 »
» »	III »	150 »

При такомъ избирательномъ городскомъ цензѣ, возможно, что въ составъ городскихъ избирательныхъ собраній войдутъ представители если не всѣхъ, то большинства разнородныхъ интересовъ, имѣющихъ мѣсто въ городѣ: представители торговаго и промышленнаго класса (включая сюда и мѣщанъ, и крестьянъ), владѣльцы домовъ и другого рода недвижимыхъ имуществъ, служащіе въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, въ банковомъ, страховомъ и желѣзнодорожномъ дѣлѣ, представители чиновничьяго класса и лица разныхъ интеллигентныхъ городскихъ профессій, какъ-то: адвокаты, врачи, профессора, учителя, художники, техники и т. п., а также, надѣемся, и представители артелей.

Напомнимъ, что въ Москвѣ проектировалось взиманіе городского налога съ квартирныхъ платъ въ 240 руб., въ Петербургѣ 100—200 руб. и въ Одессѣ—120 р.; а теперь по взиманію государственнаго налога многія поселенія перечислены въ меньшій классъ, сравнительно съ первоначальнымъ положеніемъ, и даже въ Петербургѣ нѣкоторыя части города переведены изъ перваго во второй классъ. При избирательномъ цензѣ въ принятыхъ нами минимальныхъ квартирныхъ платахъ, конечно, число городскихъ избирателей значительно увеличится. Въ Петербургѣ число избирателей окажется 80—90 тысячъ, т.-е. въ 14—15 разъ болѣе нынѣшняго числа избирателей и въ 4 раза болѣе, чѣмъ было ихъ по положенію 1870 года [1]).

Въ Москвѣ число городскихъ избирателей будетъ (по переписи 1882 г.) отъ 55—65 тысячъ.

Но такое, на первый взглядъ, большое число избирателей въ Петербургѣ и Москвѣ, на самомъ дѣлѣ, не представляется значительнымъ, если сопоставить эти цифры избирателей съ населенностью этихъ городовъ. Такъ, въ Петербургѣ избирателей будетъ:

По отношенію къ числу всего населенія (954.400)	9%
» » » населенія самостоятельнаго, производительнаго . . .	16%
» » » а за исключеніемъ прислуги.	19%
» » » » и рабочихъ	36%

Въ городахъ II класса (60 р. годовой квартирной платы), напр., въ Одессѣ и Кіевѣ, число городскихъ избирателей опредѣлится въ 40 т. въ первомъ (по переписи 1893 г.) и въ 13 т. во второмъ (по

для городовъ IV кл.	120 руб.
» » V »	60 »
» » VI »	48 »

[1]) По однодневной переписи г. Петербурга (1890 г.) число всѣхъ платныхъ квартиръ, только для жилья, стоимостью отъ 101 р. и выше, оказалось 67.715. Для болѣе точнаго опредѣленія, надо взять число платныхъ квартиръ въ двѣ и болѣе чистыя комнаты, а такихъ квартиръ по этой переписи—63.335; прибавляя къ этому безплатныя квартиры также въ двѣ и болѣе комнатъ (12.879) и квартиры для жилья и торговли вмѣстѣ (12.241), получимъ число избирателей 88.655 человѣкъ. («Перепись населенія г. Петербурга 1890 г.»).

переписи 1874 г.). Въ Одессѣ это составитъ представительство только 12% всего населенія, около 27% самостоятельнаго и 51% самостоятельнаго безъ рабочихъ, солдатъ, прислуги и т. п. группъ [1]).

Въ городахъ III класса (30 р.) число избирателей, приблизительно, можетъ быть опредѣлено: въ Псковѣ 2.500—3.000 (по переписи въ 1887 г.), что составитъ 10% всего населенія; въ Курскѣ болѣе—2.000, въ Житомірѣ—около 5.000 (по переписи 1873 г.), въ Сумахъ, Харьковской губ., до 1.000 человѣкъ, и т. д.

Въ городахъ IV класса (15 р.) число избирателей опредѣлится, напр. въ Великихъ Лукахъ, Псковской губ. (по переписи 1887 г.), въ 1.000, что составитъ 14% всего населенія, 34% самостоятельной его части и 85% за исключеніемъ рабочихъ и прислуги.

Такое количество избирателей, конечно, отклоняется отъ нормъ новаго городового положенія. Но мы говоримъ о желательности созданія законодательнымъ путемъ дѣйствительнаго самоуправленія городского общества. Основная же тенденція городового положенія 11 іюня 1892 г., по близкому къ истинѣ замѣчанію «Московскихъ Вѣдомостей», состоитъ въ отрицаніи представительства. «Представительства законодатель не ищетъ,—говорили «Моск. Вѣд.», —и не старается достигнуть... Законодатель ищетъ просто компетентныхъ работниковъ, людей, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями, и больше ничего» [2]). Но какъ-же найти этихъ компетентныхъ людей?

Не предоставить-ли самой администраціи устанавливать эту компетентность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ? Но законодатель оставилъ, однако, выборное начало и только ограничилъ число избирателей, полагая, что въ этомъ ограниченіи и есть надежда на лучшій порядокъ. Четырехлѣтній опытъ показалъ другое. Все осталось по-старому, какъ было по городовому положенію 1870 г. Очевидно, надо организовать дѣйствительное представительство городского населенія, а главное, надо достигнуть того, чтобы «богатый силами средній классъ не былъ устраненъ отъ участія въ городскихъ дѣлахъ».

Какъ же организовать самые выборы при большомъ числѣ избирателей? Вернуться-ли къ столь плачевной своими результатами разрядной системѣ, по величинѣ платежей, и воспроизвести ее хотя бы подъ видомъ двухъ разрядовъ, вмѣсто трехъ, какъ предлагалъ нынѣшній с.-петербургскій городской голова Ратьковъ-Рожновъ, въ засѣда-

[1]) Въ Одессѣ число платныхъ квартиръ для жилья съ платою выше 50 р.—30.000, а для жилья и торговли—6.771, затѣмъ безплатныхъ въ двѣ и болѣе комнатъ—4.246, а всего—41.114. Въ Кіевѣ, по переписи 1874 г., число кварт. безплатныхъ въ двѣ и болѣе компатъ—6.483 и платныхъ отъ 50 р. годовой платы—6.785, итого—13.268. Конечно, со времени 1874 г. число квартиръ должно было увеличиться. Въ Петербургѣ за десятилѣтіе съ 1881 по 1891 г. увеличилось число квартиръ для жилья и для жилья и заведеній на 15%. Поэтому для Кіева, если возьмемъ даже вдвое большее увеличеніе, а именно на 30%, число избирателей окажется, примѣрно, 17—20 т.

[2]) «В. Е.» 1892 г. № 9. Внутр. Обозр.

ніи думы 14-го октября 1892 г., или установить сословные разряды, либо разряды людей, соединенныхъ однимъ интересомъ?

Но сословность въ городѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, не имѣетъ никакого значенія. Противъ этой сословности высказались еще мѣстныя коммиссіи, собиравшіяся для обсужденія реформы городского общественнаго управленія въ 1869 г. Не менѣе трудно установить разряды по интересамъ, такъ какъ въ городѣ каждый обыватель сталкивается съ такимъ разнообразіемъ интересовъ, что выдѣлить какой-нибудь, для составленія особаго разряда, нѣтъ никакой возможности. Возьмемъ, для примѣра, домовладѣльческій интересъ, т.-е. тотъ, на охранѣ котораго зиждется новое городовое положеніе. Много-ли общаго у владѣющаго нѣсколькими доходными домами и какимъ-либо мелкимъ домовладѣльцемъ? Что общаго между домовладѣльцами, владѣющими домами въ центрѣ города и на окраинѣ? Домовладѣлецъ, самъ живущій въ своемъ домѣ и лично управляющій имъ, и домовладѣлецъ, въ домѣ не живущій, промышляющій только сдачею квартиръ и самъ снимающій для себя квартиру въ чужомъ домѣ, развѣ не противоположные типы? Какъ объединить въ одну группу домовладѣльца, ворочающаго милліонами въ торговлѣ или промышленности, съ домовладѣльцемъ, исключительно живущимъ отъ эксплоатаціи домоваго хозяйства, и съ домовладѣльцемъ, имѣющимъ личный заработокъ, въ видѣ какой-либо свободной профессіи, или жалованья на общественной, государственной и частной службѣ? Много-ли общаго между старожиломъ-домовладѣльцемъ и домовладѣльцемъ-барышникомъ, скупающимъ и продающимъ дома? Такое же различіе интересовъ, даже прямая противоположность ихъ и въ классѣ промышленниковъ. Въ этой именно сферѣ и происходитъ наиболѣе рѣзкая борьба между представителями крупныхъ и мелкихъ формъ промышленности. Такъ и повсюду, по всѣмъ классамъ. Общій интересъ каждаго класса такъ переплетается въ городской жизни съ другими, что нельзя разсчитывать на возможность распредѣленія по классамъ, на основаніи одного опредѣленнаго интереса. Нельзя рѣзко отдѣлить одну группу отъ другой; да, наконецъ, и не желательно такое отдѣльное классовое представительство, такъ какъ это могло бы внести классовую борьбу въ городское самоуправленіе, которая неизмѣримо хуже партійной.

Всѣ классы городского населенія, всѣ сословія имѣютъ одинаковый, хотя, можетъ быть, и не всегда одинако сознаваемый интересъ въ благоустройствѣ города и общемъ благосостояніи жителей. Надо поэтому организовать представительство, по возможности, всего городского населенія и всѣхъ частей города. Уже болѣе 20 лѣтъ въ обществѣ и печати, а также мѣстными и центральными властями говорится о необходимости раздѣленія городовъ при выборахъ на территоріальные участки. Если эта система не дала болѣе блестящихъ результатовъ въ примѣненіи къ третьему разряду въ 1889 году, то это

потому, что такова судьба всѣхъ частичныхъ видоизмѣненій тамъ, гдѣ требуется общая реформа. Но даже и въ такомъ ограниченномъ видѣ она принесла все-таки лучшіе результаты, выразившіеся въ большемъ числѣ являвшихся избирателей и въ большемъ числѣ избранныхъ изъ интеллигенціи. Однако, при организаціи выборовъ по территоріальнымъ участкамъ, крайне нежелательно установленіе обязательности выборовъ именно лицъ, живущихъ въ опредѣленномъ территоріальномъ участкѣ. Это стѣснитъ горожанъ избирать лицъ, завѣдомо извѣстныхъ всему городскому міру, какъ полезныхъ дѣятелей. Вотъ почему и с.-петербургская дума отказалась, послѣ рѣчи гласнаго Потѣхина, отъ установленія двухъ участковыхъ собраній въ Петербургѣ; такъ какъ дума правильно понимала, что лучше оставаться при одномъ избирательномъ собраніи, не стѣсняясь въ выборѣ гласныхъ, чѣмъ имѣть такихъ два съ обязательствомъ, установленнымъ городовымъ положеніемъ 1892 г., выбирать гласныхъ только изъ своего участка. Такое стѣсненіе признавалось ненужнымъ и вреднымъ и представителями городского общества въ мѣстныхъ и центральныхъ коммиссіяхъ, созванныхъ при выработкѣ городового положенія 1870 года. Но могутъ возразить на это, что при увеличеніи числа избирателей возможна нелегальная агитація выборовъ. Конечно, болѣе желательна легальная агитація. Нельзя не согласиться поэтому съ мнѣніемъ, уже давно высказаннымъ въ печати, что необходимо установить связь между избирателями и ихъ уполномоченными, ту связь, которая достигается журналистикою, избирательными комитетами, собраніями [1]). Но и при отсутствіи такой законной агитаціи, при дарованіи правъ городскихъ избирателей квартиронанимателямъ, «люди образованные, присутствуя въ избирательныхъ собраніяхъ, парализовали бы произволъ вліятельнаго и богатаго купечества, и масса мелкихъ избирателей, имѣя другую опорную точку, вышла бы изъ подъ вліянія этого купечества» [2]).

II.

Какимъ же можетъ быть составъ городскихъ избирательныхъ собраній при установленіи активнаго и пассивнаго, одинаково, ценза въ 120 р., 60 р., 30 р., и 15 р. годовой квартирной платы.

Данныя для рѣшенія этого вопроса могутъ быть получены, во-1-хъ, изъ статистическихъ свѣдѣній въ однодневныхъ переписяхъ городского населенія. Группировка населенія, какая сдѣлана въ этихъ переписяхъ, по занятіямъ, промысловаго и непромысловаго характера, съ подраздѣленіемъ населенія на самостоятельное и несамостоятельное, дастъ весьма вѣрныя и достаточно опредѣленныя показанія состава квартирнаго населенія. Къ сожалѣнію, однодневныя переписи производились у насъ

[1]) Головачевъ, «Десять лѣтъ реформъ», гл. IV, стр. 223.
[2]) Ibid.

весьма рѣдко, въ немногихъ городахъ и въ разное время, причемъ не всѣ полученныя данныя изданы. Мы пользовались переписями только слѣдующихъ городовъ: Петербурга (1890 г.), Москвы (1882 г.), Одессы (1873 и 1892 г.), Кіева (1872 г.), Пскова (1887 г.) и Великихъ Лукъ, Псковской губ. (1887 г.), а также результатами переписи г. Житомира (1873 г.), напечатанными частью въ «Кіевлянинѣ» и частью въ «Волынск. губ. Вѣд.». Къ трудности пользованія матерьялами этихъ переписей прибавляется еще неодинаковость принятыхъ подраздѣленій населенія по занятіямъ. Во-2-хъ, необходимыя для насъ свѣдѣнія можно найти въ спискахъ лицъ, имѣющихъ право быть присяжными засѣдателями, въ спискахъ, составляемыхъ уѣздными земскими управами. Свѣдѣнія о лицахъ, помѣщенныхъ въ этихъ спискахъ, доставляются присутственными мѣстами и учрежденіями, городскою и мѣщанскою управою. Въ этихъ спискахъ имѣются весьма важныя для насъ графы о занятіи, имущественномъ цензѣ, о званіи или сословіи, о цензѣ образовательномъ. Къ сожалѣнію, ведутся эти списки различно, гдѣ детальнѣе, а гдѣ безъ достаточной полноты. Однако, все же это лучшія для насъ свѣдѣнія. Мы могли воспользоваться такими списками (рукописными) городовъ: Харькова (1886 г.), Саратова (1876 г.), Смоленска (1887 г.), Твери (1884) и Курска (1887 г.). Въ-3-хъ, нѣкоторыя данныя, относящіяся къ составу городского квартирнаго населенія, можно найти въ спискахъ плательщиковъ государственнаго квартирнаго налога, такъ какъ въ «извѣщеніяхъ», посылаемыхъ каждому плательщику, обозначены размѣръ налога и званіе квартиронанимателя. Размѣръ налога или, лучше говоря, соотвѣтствующая этому размѣру квартирная плата можетъ служить показаніемъ имущественнаго состоянія квартиронанимателя, а званіе—его сословнаго, либо профессіональнаго положенія. Но и эти списки въ однихъ городахъ ведутся полнѣе, и званіе часто почти подходитъ подъ понятіе профессіи, а въ другихъ рубрика «званіе» даже совсѣмъ почти не заполняется. Мы пользовались, къ сожалѣнію, только тремя такими списками: г. Курска (1895 г.), г. Сумъ, Харьковской губ. (1894 г.) и г. Прилукъ, Полтавской губ. (1894 г.).

Попытаемся, на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ названныхъ источниковъ, опредѣлить сначала имущественное положеніе городского избирателя, при избирательномъ цензѣ принятыхъ нами минимальныхъ годовыхъ квартирныхъ платъ. Составители новаго городового положенія полагали лучшимъ и совершеннѣйшимъ показателемъ способности къ хорошему веденію городского дѣла владѣніе недвижимой собственностью, допустивъ къ участію въ немъ владѣльцевъ движимаго капитала лишь какъ необходимое, повидимому, и неотвратимое зло. Имущественная самостоятельность и независимость, имущественная осѣдлость и обезпеченность владѣльцевъ недвижимой собственности приняты за мѣрило такой правоспособности. Поэтому и мы, при опредѣленіи имущественнаго состоянія квартиронанимателей, какъ город-

скихъ избирателей, будемъ приравнивать ихъ заработокъ или ихъ капиталъ къ владѣнію недвижимою собственностью. Основаніемъ для такого сравненія послужитъ намъ выведенная статистическимъ отдѣленіемъ московской думы доходность городскихъ недвижимыхъ имуществъ и исчисленныя въ м-вѣ финансовъ соотношенія между тратою на квартиру и доходами квартиронанимателей.

По свѣдѣніямъ о страхованіи въ 1870—1881 г. строеній г. Москвы, стоимость всѣхъ имуществъ опредѣлилась въ 1.272.748.965 р., а доходность по городской оцѣнкѣ въ 96.041.790 р. Средній валовой доходъ строеній г. Москвы такимъ образомъ составляетъ 7,55% страховой стоимости.

«Такой средній доходъ для всѣхъ родовъ строеній долженъ быть, по мнѣнію составителя г. Богданова, близокъ къ дѣйствительному, такъ какъ хотя страховая оцѣнка закладываемыхъ строеній и преувеличивается нерѣдко, но въ нее не входитъ стоимость земли» [1]).

Поэтому, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи вопроса, мы будемъ опредѣлять имущественное состояніе квартиронанимателя капитализаціею его дохода изъ 7%.

Отношенія квартирной стоимости къ доходамъ квартиронанимателя исчислены министерствомъ финансовъ на основаніи доставленныхъ податными инспекторами свѣдѣній, относящихся до 260 городовъ. Это отношеніе квартирной стоимости къ совокупности доходовъ нанимателей колеблется отъ $^1/_5$ до $^1/_{25}$, въ зависимости отъ величины квартирной платы и густоты городского населенія.

Для болѣе рельефной картины различныхъ имущественныхъ состояній городскихъ избирателей мы не будемъ придерживаться слишкомъ дробныхъ классификацій, а остановимся на распредѣленіи всѣхъ квартиронанимателей на четыре группы. Нормами, разграничивающими эти группы, мы взяли цензы присяжныхъ засѣдателей, какъ дѣйствовавшій до закона 28-го апрѣля 1887 г., такъ и существующій по этому закону, плательщиковъ государственнаго квартирнаго налога и избирателей владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ по город. положенію.

Для городовъ, отнесенныхъ по взиманію квартирнаго налога къ 1-му разряду, т.-е. для С.-Петербурга и Москвы, для которыхъ мы приняли минимальную годовую квартирную плату въ 120 р.,—такими нормами мы возьмемъ 120, 200, 300 и 600 руб. годовой квартирной платы, что соотвѣтствуетъ общей доходности лицъ въ 720, 1.200, 2.100 и 4.200 р. и стоимости недвижимаго имущества въ 10, 17, 30 и 60 тыс. руб.

При распредѣленіи на эти четыре группы числа платныхъ квартиръ, оказывается:

Въ С.-Петербургѣ:	Въ Москвѣ:
I группы 23.030 или 28% —	20.269 или 45% [2]).

[1]) Труды московск. городск. стат. отдѣл. Вып. III. И. Яновскій и А. Свирщевскій. «Докл. о введ. въ Москвѣ сбора съ кварт.». «Изв. М. Г. Д.» 1887 г.

[2]) Этотъ процентъ долженъ быть уменьшенъ, такъ какъ въ число 20.269 вошли квартиры и стоимостью 101—119 руб.

II группы	20.755	или 25% —	9.743	или	22%
III »	23.581	» 29 » —	9.208	»	21 »
IV »	14.253	» 18 » —	5.505	»	12 »

Эти данныя показываютъ, что при установленіи для столицъ ценза 120 р. годовой квартирной платы, менѣе состоятельная часть городского населенія все же будетъ имѣть представительство въ городскомъ управленіи, и въ этомъ представительствѣ городская масса найдетъ ту защиту своихъ интересовъ, какой по теперешнему положенію не имѣетъ.

При такомъ квартирномъ городскомъ цензѣ, войдутъ въ число городскихъ избирателей ремесленники, мѣщане, крестьяне, занимающіеся промыслами, и представители рабочихъ артелей. Опасенія, которыя обыкновенно при этомъ возникаютъ, относительно возможности господства мало развитой массы городского населенія, не имѣютъ достаточныхъ основаній. Въ эту группу войдутъ и такія лица, какъ занимающія уже отвѣтственныя мѣста на государственно-общественной службѣ, съ жалованьемъ отъ 720 до 1.200 р., представители частныхъ предпріятій, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, въ различнаго рода конторахъ и т. п. Скорѣе можно признать, что цензъ въ 120 р. грѣшитъ въ отношеніи недостаточнаго представительства массы городского населенія, а потому такой цензъ нельзя не назвать высокимъ. Половина избирателей оказывается принадлежащей къ среднесостоятельнымъ классамъ, имѣющимъ доходъ отъ 1.200 до 4.200 р.,—доходъ, предполагающій владѣніе недвижимымъ имуществомъ отъ 17 до 60 тысячъ рублей. Но даже и въ этой категоріи избирателей менѣе обезпеченная часть, тратящая на квартирное довольствіе отъ 200 до 300 руб., составляетъ или равную, или меньшую числомъ группу. Объ столичныя думы предполагали установить квартирный городской сборъ, начиная именно съ квартирантовъ этой группы. Другая же часть среднесостоятельной группы избирателей, какъ уже обложенная государственнымъ квартирнымъ налогомъ (въ 300 и 225 р.), тѣмъ самымъ признана законодательствомъ въ принципѣ способною не только къ несенію повинностей и налоговъ, но и къ пользованію правами, хотя бы по разверсткѣ налога. Лица, получающія жалованье отъ 2.100 до 4.200, имѣютъ солидное положеніе. Въ частныхъ же предпріятіяхъ такое вознагражденіе получаютъ либо завѣдующіе особою частью, либо спеціалисты-техники, достигшіе такого заработка послѣ продолжительной работы. Въ эту же группу войдутъ и всѣ болѣе обезпеченные представители свободныхъ интеллигентныхъ профессій. Болѣе состоятельный классъ городского населенія, при дарованіи избирательныхъ правъ нанимателямъ квартиръ, стоимостью въ 120 р. въ годъ, потеряетъ лишь то свое исключительное господство, какое было ему предоставлено по город. полож. 1870 и 1892 г.г. Предоставить же избирательное право только лицамъ съ 600 р. годовою квартирною платою, значитъ, либо оставить прежнее преобладаніе за торгово-промышленнымъ классомъ, либо отдать городское дѣло въ руки

класса, слишкомъ далеко отстоящаго отъ интересовъ не только городской массы, но и среднесостоятельной группы городского населенія.

Такимъ образомъ, при дарованіи избирательнаго городского права лицамъ, уплачивающимъ въ годъ за квартиру minimum 120 р., забота о городскомъ благоустройствѣ будетъ передана все-таки въ руки достаточныхъ классовъ, въ совокупности своей платящихъ за квартиру весьма внушительную сумму до 35 мил. руб. въ Петербургѣ и 17 мил. въ Москвѣ, при чемъ квартиранты 2 и 3 группъ уплачиваютъ вмѣстѣ за свое жилье сумму, равную съ квартирантами 4 группы [1]). Уплата квартирныхъ денегъ въ этомъ количествѣ предполагаетъ за квартиронанимателями обладаніе громадною доходностью: въ Петербургѣ болѣе 350 мил. руб., а въ Москвѣ около 148 мил. [2]). Въ Петербургѣ, гдѣ взяты только платныя квартиры для жилья и для жилья и торговли, не входятъ въ эту общую доходность квартиронанимателей (350 мил.) доходы домовладѣльцевъ, пользующихся безплатными квартирами. Доходъ же домовладѣльцевъ достигаетъ только 40 мил. р. [3]).

Въ настоящее время, такимъ образомъ, дано представительство корпораціи, обладающей значительно меньшимъ доходомъ, меньшимъ почти въ 9 разъ, конечно, если имѣть въ виду доходы домовладѣльцевъ только отъ домовъ и не считать купцовъ 1-ой гильдіи. Если предположить, что прибыль отъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій получается въ большей своей части домовладѣльцами, то къ 40 милліонамъ дохода слѣдуетъ прибавить 30 мил. чистой прибыли предпріятій, подлежащихъ 3-хъ-процентному сбору, и 32 милліона годовой прибыли торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, подлежащихъ раскладочному сбору. Такимъ образомъ, вся совокупность доходовъ домовладѣльцевъ, какъ таковыхъ и какъ торговцевъ и промышленниковъ, выразится въ 102 мил., что составляетъ менѣе $^1/_3$ части (29%) доходовъ квартиронанимателей—не домовладѣльцевъ [4]).

---

[1]) На долю каждой группы приходится:

	Петербургъ.	Москва.
I	3.488.422	3.065.349
II	5.261.068	2.539.232
III	10.302.950	4.097.665
IV	15.720.682	6.857.126

[2]) Эта совокупность доходовъ квартиронанимателей распредѣляется между группами въ такомъ соотношеніи:

	Петербургъ.	Москва.	
I	20.930.532	18.382.049	при тратѣ на квартиру $^1/_6$
II	31.566.408	15.235.392	» тоже
III	72.120.650	28.683.655	» $^1/_7$
IV	226.644.816	85.046.898	» $^1/_7$, $^1/_8$, $^1/_9$ и $^1/_{24}$

[3]) «С.-Петербургъ по переписи 15 дек. 1890 г.». Изд. гор. упр. подъ редакц. Ю. Э. Янсона, ч. IV (стр. 41).

[4]) «Статистическіе результаты процентнаго и раскладочнаго сборовъ за 1889 годъ». Изд. мин. фин., стр. X, 165 и 405.

Средній же доходъ квартиронанимателя въ Петербургѣ—4.301 р. (въ Москвѣ 3.295 р,) оказывается немногимъ менѣе средняго дохода петербургскаго домовладѣльца—5.940 р. Исчисленная нами доходность квартиронанимателей представляется на столько достаточною, что установленіе сбора съ жилыхъ помѣщеній можетъ быть признано справедливымъ. Такой городской налогъ необходимъ, въ виду недостаточности городскихъ средствъ, при крайней нуждѣ въ удовлетвореніи многихъ потребностей благоустроенной городской жизни, въ чемъ заинтересованы и квартиронаниматели.

Налогъ отъ $^1/_4$% до $^1/_5$ % съ совокупности доходовъ квартиронанимателей не будетъ обременительнымъ для плательщиковъ. При такомъ взиманіи квартиронаниматели внесутъ въ городскую кассу — въ Петербургѣ до 800 т. и въ Москвѣ до 350 т. руб. Квартирный городской сборъ, въ суммахъ нами исчисленныхъ, въ значительной степени, однако, увеличилъ бы городскіе доходы: въ Москвѣ (1882 г.) прямые налоги возросли бы на 11%, а всѣ городскіе доходы—на 8% и въ Петербургѣ (1890 г.)—на 15%.

Въ городахъ съ населеніемъ свыше 100 т., отнесенныхъ по взиманію квартирнаго налога ко II разряду, нормами, раздѣляющими квартиронанимателей на четыре группы по имущественной состоятельности. мы возьмемъ 60, 100, 225 и 600 рублей годовой платы. За нанимающими квартиры такой стоимости можно предположить ежегодный доходъ въ 300, 600, 1.350 и 3.600 рублей, что соотвѣтствуетъ доходности отъ недвижимыхъ имуществъ стоимостью: 4.300, 9.000, 19.000 и 50.000 рублей.

Каково же будетъ соотношеніе этихъ группъ въ городахъ II класса? Вотъ данныя, почерпнутыя нами изъ однодневныхъ переписей:

	Одесса.		Кіевъ.	
1 группа	15.027	или 41%	2.464	или 36%
2 »	9.913	» 27	1.676	» 25
3 »	9.496	» 26	1.885	» 28
4 »	2.432	» 6	761	» 11

Такимъ образомъ, половина, притомъ бо́льшая, избирателей и въ этихъ городахъ будетъ принадлежать къ людямъ среднесостоятельнаго класса, зарабатывающимъ въ годъ отъ 600 до 1.350 р. и отъ 1.350 до 3.600 р.

Въ какой степени приведенныя цифры будутъ соотвѣтствовать дѣйствительности, точно покажетъ будущее, но въ томъ, что такое соотношеніе окажется весьма близкимъ къ дѣйствительности, можетъ убѣдить сравненіе данныхъ, извлеченныхъ изъ переписей, съ слѣдующими цифрами, почерпнутыми нами изъ списковъ лицъ, имѣющихъ право быть присяжными засѣдателями въ городахъ:

	Харьковѣ.		Саратовѣ.	
1 группа	513	или 23%	190	или 31%
2 »	669	» 31	183	» 30
3 »	655	» 30	131	» 21
4 »	358	» 16	112	» 18

Эти цифры еще болѣе должны убѣдить, что преобладаніе въ городскомъ самоуправленіи, при дарованіи правъ городскихъ избирателей квартиронанимателямъ, должно перейти къ среднему классу. На уменьшеніе, въ процентномъ отношеніи, первой группы, очевидно, повліяли вошедшіе въ другія группы домовладѣльцы, которые, какъ не занимающіе платныхъ квартиръ, не вошли въ таблицы, составленныя по даннымъ переписи. Увеличеніе группы большой состоятельности въ Харьковѣ и Саратовѣ, сравнительно съ Одессою и Кіевомъ, позволяетъ установить также и то, что на самомъ дѣлѣ болѣе богатые классы займутъ бо́льшій процентъ, чѣмъ это кажется по даннымъ переписи. Такимъ образомъ, и этотъ классъ будетъ имѣть возможность вліять на выборы, тѣмъ болѣе, что за этимъ классомъ стоитъ практика общественной жизни. Только отъ прежняго господства этому классу придется отказаться.

Сравнительное уменьшеніе первой группы, по спискамъ присяжныхъ засѣдателей, позволяетъ утверждать, что квартирный цензъ даже и въ 60 руб. годовой платы скорѣе можетъ быть признанъ высокимъ, чѣмъ низкимъ. Общая доходность квартиронанимателей въ городахъ второго класса оказывается также, какъ и въ Петербургѣ и Москвѣ, весьма значительною: 67 милліоновъ руб. въ Одессѣ, при уплатѣ за квартиры для жилья и для торговли и жилья (вмѣстѣ) 8½ милліоновъ руб., и 18 мил. въ Кіевѣ, при тратѣ за квартиры 2 мил. руб. [1]).

Валовой доходъ домовладѣльцевъ въ Кіевѣ съ платныхъ и безплатныхъ квартиръ, за исключеніемъ казенныхъ зданій и монастырей, во время производства переписи (1874 г.), исчислялся въ 3 мил. руб. [2]). Если присоединить къ этому доходу всю прибыль отъ торгово-промышленныхъ предпріятій даже за 1889 г., то на квартиронанимателей, не имѣющихъ защиты своихъ интересовъ, остается 8 мил. доходовъ. Это при такихъ исчисленіяхъ, которыя явно неправильно построены въ пользу увеличенія дохода домовладѣльцевъ. Средній доходъ квартиронанимателя въ Кіевѣ—2.660 р., а средняя усадебная доходность опредѣляется, по исчисленію г. Завойко, въ 285 р. Въ Одессѣ доходъ домовладѣльцевъ вмѣстѣ съ торгово-промышленниками можетъ быть опредѣленъ въ 30 мил.; не представленнымъ въ нынѣшнемъ городскомъ одесскомъ самоуправленіи оказывается доходъ въ 37 мил. [3]).

При такой доходности можно разсчитывать, что городской налогъ

---

[1]) Плата за квартиры и доходность.

	Одесса		Кіевъ	
I.	1.128.466	5.642.330 (1/5)	226.235	1.131.165
II.	1.426.848	8.561.088 (1/6)	280.540	1.623.440
III.	3.241.715	19.450.290 (1/6)	766.360	4.598.160
IV.	2.870.818	33.054.770 (1/6, 1/8 1/9, 1/25)	903.900	10.647.300

[2]) Г. Завойко. «Записки Югозападн. Отд. Имп. Рус. Географ. Общ.» 1874 г. т. II.

[3]) «Ст. рез. проц. и раскл. сб. за 1889 г.» (Стр. X, 83 209, 327 и 449).

въ $^1/_4$—$^1/_5$% съ общей доходности квартирантовъ дастъ въ Одессѣ до 190 тыс. руб. Такой сборъ, весьма близкій къ проектированному въ 70-хъ годахъ самой одесской думой (210 т.), увеличилъ бы бюджетъ города Одессы на 16% [1]).

Въ городахъ третьяго класса, при нормахъ въ 30, 60, 100 и 400 р. квартирной годовой платы, минимальные доходы квартиронанимателей этихъ группъ выразятся въ 240—270 р., 480—540 р., 800—900 р. и 2.800—3.600 р. А это соотвѣтствуетъ владѣнію недвижимою собственностью въ 3—4 т., въ 7—8 т., въ 11—13 т. и въ 40—50 т. рублей.

Квартиронаниматели по группамъ въ этихъ городахъ распредѣляются такъ:

	Псковъ. (по переписи)		Тверь. (по списк. присяж. засѣд.).		Смоленскъ.	
1-ой группѣ—	651	или 32%	218	или 35%	136	или 27%.
2-ой »	544	» 27 »	127	» 21 »	131	» 26 »
3-ой »	710	» 35 »	228	» 37 »	174	» 34 »
4-ой »	128	» 6 »	45	» 7 »	65	» 13 »

Такъ и въ городахъ съ населеніемъ отъ 10 т. до 100 т. жителей преобладающая роль въ городскомъ общественномъ управленіи достается на долю среднесостоятельныхъ горожанъ, зарабатывающихъ въ годъ отъ 480—540 до 2.300—3.600 руб. и также, какъ и въ городахъ съ большею населенностью, преимущественное вліяніе получатъ квартиронаниматели третьей группы. Интересно сопоставить отношенія между группами 3-ею и 4-ю въ городахъ: Псковѣ, Твери и Смоленскѣ, съ тѣми-же отношеніями въ городахъ: Курскѣ, Сумахъ и Прилукахъ (по спискамъ плательщиковъ госуд. квартирнаго налога). Соотношенія эти оказываются во всѣхъ этихъ городахъ болѣе или менѣе одинаковы; такъ, изъ общаго числа квартиронанимателей 2-й и 3-й группы, приходится на долю:

	III группы.	и IV группы.
Въ Псковѣ	85%	15%
» Твери	84 »	16 »
» Смоленскѣ.	73 »	27 »
» Курскѣ.	86 »	14 »
« Суммахъ.	91 »	9 »
« Прилукахъ	93 »	7 » [2])

Квартиронаниматели городовъ 3-го класса, какъ это видно по примѣру г. Пскова, могутъ уплачивать въ годъ 340 т., имѣя доходъ въ

---

[1]) Въ 1890 г. въ Одессѣ: оцѣночн. сбора 786.037 р., сбора съ торг. и пром. документовъ 185.453 р., съ торг. промышлен. зав. 187.603 р. «Изв. моск. гор. думы за 1894 г.»

[2]) Число плательщиковъ госуд. квартирнаго налога въ Курскѣ—1.308, въ Сумахъ—667 и въ Прилукахъ—378. Въ этихъ городахъ лица третьей и четвертой группъ уплачиваютъ за свои квартиры:

Въ Курскѣ	229.320	и 109.840
» Сумахъ	112.564	» 36.156
» Прилукахъ	58.920	» 17.802

3 мил. рублей, при среднемъ доходѣ каждаго въ 1.400 руб. Въ пользу городской кассы съ такой доходности можетъ быть взимаемо, въ 1/5%, болѣе 5 т. руб. [1]).

Минимальными годовыми квартирными платами въ городахъ съ населеніемъ менѣе 10 тыс., отнесенныхъ по взиманію квартирнаго налога къ V и VI классу, мы взяли: 15, 60, 100 и 300 р. Эти платы будутъ соотвѣтствовать годовой доходности квартиронанимателей въ 120, 480, 800 и 3.000 р. или владѣнію недвижимымъ имуществомъ въ 1.700, 6.900, 11.400 и 43.000 руб. Можно думать, что и въ этихъ городахъ преобладаніе будетъ за среднесостоятельною группою. Такъ, въ городѣ Великія Луки: въ I группѣ — 127 избирателей или 21%, во II—75 или 18%, въ III—182 или 45% и въ IV—26 или 6%.

Квартирохозяева этихъ группъ уплачиваютъ за квартиры всего 40.544, при общей доходности въ 400 тысячъ рублей и при среднемъ доходѣ 950 р. Городской квартирный налогъ, при 1/5% съ совокупности доходовъ квартиронанимателей, далъ бы отъ 800 до 1.000 р.

Такимъ образомъ, всѣ статистическія данныя, извлеченныя нами, какъ изъ однодневныхъ переписей, такъ и изъ списковъ присяжныхъ засѣдателей и плательщиковъ госуд. квартирнаго налога, убѣдительно говорятъ, что классъ среднезажиточныхъ горожанъ получитъ впервые дѣйствительное участіе въ городскомъ управленіи только при установленіи городского, избирательнаго, активнаго и пассивнаго ценза, въ видѣ принятой нами наемной годовой квартирной платы. Это вѣрно по отношенію ко всѣмъ городамъ, большимъ и малымъ. Эти горожане есть тотъ слой городского населенія, который нуждается и болѣе другихъ понимаетъ всю необходимость въ хорошемъ управленіи города, въ его санитарномъ благоустройствѣ, въ дѣлѣ оказанія медицинской помощи всему населенію, въ регулированіи взаимныхъ отношеній домовладѣльцевъ и квартиронанимателей, въ дешевизнѣ жизненныхъ продуктовъ, въ веденіи обязательнаго элементарнаго обученія, въ развитіи профессіональнаго образованія и т. п. Но нельзя сказать, чтобы при квартирномъ городскомъ цензѣ, въ размѣрѣ нами взятомъ, не было бы установлено представительства городской массы, въ особенности по сравненію съ дѣйствующимъ положеніемъ. Предполагаемый нами квартирный цензъ, перемѣщая завѣдываніе городскимъ общественнымъ дѣломъ изъ рукъ богатѣйшихъ классовъ въ руки среднезажиточныхъ, представляется справедливымъ потому еще, что среднезажиточные классы будутъ вносить значительныя суммы въ городскую кассу. Города нуждаются въ увеличеніи средствъ, а эти классы горожанъ пользуются всѣми благами городской жизни, но не несутъ непосред-

---

[1]) Въ Псковѣ сумма квартирн. платъ: I группа—33.672, II—50.700, III—171.156 и IV — 85.728; а сумма доходовъ: I группы 161.376, II — 405.600, III—1.540.404 и IV—796.700.

ственно платежей въ пользу города. Установленіе налога въ размѣрѣ $^1/_4$ — $^1/_5$% съ общей совокупности доходовъ квартиронанимателей не можетъ быть сочтено обременительнымъ при прогрессивно-пропорціональномъ обложеніи. Но введеніе новаго налога безъ опасенія усилить оппозиціонное чувство населенія возможно только при условіи дарованія права быть городскимъ избирателемъ и городскимъ избранникомъ. Существуетъ среди русской интеллигенціи масса людей, интересующихся городскимъ дѣломъ, но не могущихъ примѣнять своихъ познаній и силъ на службу этому дѣлу. Основное начало европейскаго и русскаго законодательства именно и состоитъ въ томъ, что кто несетъ тягости, подати, положенъ въ тягло — государственное, земское или городское,—тотъ и пользуется правомъ самообложенія и расходованія общественныхъ суммъ

Введеніемъ квартирнаго городского избирательнаго ценза исправится и та несправедливость, допущенная новымъ городовымъ положеніемъ, по которому бывшіе избиратели-плательщики превратились въ обывателей-плательщиковъ. Единственный исходъ изъ такого неправильнаго положенія, безъ опасенія ухудшенія городского самоуправленія, заключается въ распространеніи избирательныхъ правъ на возможно широкій кругъ лицъ, а это достижимо при установленіи квартирнаго ценза въ принятыхъ нами minimum'ахъ (120, 60, 30 и 15 р.).

III.

Обратимся теперь къ ознакомленію съ статистическимъ матерьяломъ для опредѣленія профессіональнаго состава городскихъ избирательныхъ собраній, при условіи дарованія квартиронанимателямъ избирательныхъ правъ. Разсмотрѣніе такого матерьяла, заключающагося въ переписяхъ и въ спискахъ присяжныхъ засѣдателей и плательщиковъ квартирнаго налога, дастъ намъ указаніе на то мѣсто, какое займетъ среди городскихъ избирателей та или иная группа, тотъ или иной разрядъ городскихъ обывателей. Соотношеніе этихъ разрядовъ въ избирательныхъ собраніяхъ можетъ быть выражено рельефнѣе и вѣрнѣе, если взять болѣе крупныя подраздѣленія. Для этого мы раздѣлимъ городскихъ избирателей на четыре группы:

I. — Представителей торгово-промышленнаго класса.
II. — Владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и лицъ, живущихъ отъ доходовъ съ капитала.
III. — Представителей частнаго служебнаго труда.
IV. — Лицъ интеллигентныхъ профессій.

Въ первую группу войдутъ самостоятельные «хозяева» — промышленники и торговцы. Мы не включаемъ въ эту группу обозначенныхъ въ переписи «одиночками». Эти лица опредѣляются, какъ

«занимающіе среднее мѣсто между предпринимателями и работниками, смотря по обстоятельствамъ работающіе или прямо на потребителя, или на хозяина-предпринимателя. Въ промыслахъ: портняжномъ, сапожномъ, извозномъ, разноснаго торга

и проч., зачастую этотъ разрядъ промышленниковъ можетъ быть сегодня хозяиномъ, завтра работникомъ». «Одиночки по своему хозяйственному положенію различаются, смотря по классу занятій, къ которому принадлежатъ: одни изъ нихъ могутъ причисляться скорѣе къ хозяевамъ, напр., торговцы нѣкоторыхъ категорій, другіе къ рабочимъ, напр., извозчики» [1]).

Очевидно, если такіе «одиночки» и войдутъ въ составъ избирательныхъ собраній, то въ весьма незначительномъ числѣ. Нами не включены также рабочіе. Однако, возможно, что частью такое представительство будетъ имѣть мѣсто, черезъ посредство артелей рабочихъ, въ случаѣ занятія ими самостоятельной квартиры той стоимости, которая давала бы избирательное право [2]). Но вообще интересы рабочихъ и «одиночекъ» не будутъ представлены въ достаточной степени. Поэтому-то, тѣмъ необходимѣе остановиться на выборѣ возможно меньшаго квартирнаго ценза, чтобы образовалось представительство, хотя бы и не въ должной мѣрѣ, бѣднѣйшей массы городскихъ жителей.

Вторую группу составятъ владѣльцы домовъ и усадебъ, занимающіеся только хозяйствомъ (домохозяева), или получающіе ренту съ недвижимаго имущества; къ этой же группѣ въ переписяхъ причисляются живущіе доходомъ съ капиталовъ, вложенныхъ въ различныя «бумаги», и получающіе по этимъ бумагамъ проценты. Всѣ же домовладѣльцы, занимающіеся торговлею или промысломъ, входятъ въ первую группу.

Въ третью группу войдутъ лица, занимающія мѣста въ частныхъ предпріятіяхъ, служащіе при банковомъ, страховомъ, желѣзнодорожномъ дѣлѣ, въ различнаго рода компаніяхъ, приказчики, конторщики, управляющіе домами и т. п.

Четвертая группа составится изъ лицъ интеллигентныхъ профессій, которыя, получивъ спеціальную научную подготовку, служатъ болѣе интересу общественному и государственному, нежели интересу частному. Въ эту группу войдутъ представители администраціи, за исключеніемъ полиціи, служащіе въ общественныхъ, сословныхъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ, судьи, адвокаты, нотаріусы, врачи, фельдшера, ветеринары, учителя, воспитатели и другія лица учебно-воспитательнаго дѣла, ученые, литераторы, художники, инженеры, технологи и другіе спеціалисты-техники, священно- и церковно-служители, офицеры арміи и флота, наконецъ, лица, живущія пенсіею. и т. п.

При распредѣленіи всѣхъ перечисленныхъ нами категорій лицъ, получается такая группировка, въ процентномъ отношеніи, въ 14 горо-

---

[1]) «С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1890 г.», ч. IV, стр. 23 и 28 и «Москва по переписи 1882 г.».

[2]) Печатью предлагалось или предоставить избирательное право вообще представителямъ артелей, безъ условія занятія ими особой квартиры, или установить особый размѣръ поголовнаго сбора и уплачивающимъ такой сборъ дать право участія въ избирательныхъ собраніяхъ.

дахъ по переписи и по спискамъ присяжныхъ засѣдателей и плательщиковъ государственнаго квартирнаго налога:

	I.	II.	III.	IV.		I.	II.	III.	IV.
Петербургъ	30%	10%	11%	49%	Харьковъ	30%	8%	27%	35%
Москва	34 »	14 »	23 »	29 »	Саратовъ	49 »	2 »	5 »	44 »
Одесса	43 »	8 »	27 »	22 »	Курскъ	36 »	3 »	26 »	35 »
Кіевъ	30 »	26 »	18 »	26 »	Смоленскъ	43 »	8 »	1 »	48 »
Житомиръ	63 »	11 »	2 »	24 »	Тверь	44 »	2 »	19 »	35 »
Псковъ	41 »	13 »	7 »	39 »	Сумы	60 »	—	2 »	38 »
В. Луки	51 »	19 »	3 »	27 »	Прилуки	60 »	—	—	40 » [1]).

Эта таблица совершенно подтверждаетъ наше предположеніе, что съ пониженіемъ избирательнаго ценза и съ дарованіемъ квартиронанимателямъ права участія въ избирательныхъ собраніяхъ прекратится то безраздѣльное господство торгово-промышленнаго кдасса, какое было при положеніи 1870 года и продолжаетъ существовать во всей неприкосновенности и при положеніи 1892 г.

По этимъ даннымъ торгово-промышленная группа въ среднемъ для всѣхъ четырнадцати городовъ займетъ до 44% всего состава избирателей. Такой % оказался, не смотря на то, что въ г. Житомірѣ (63%) не исключены тѣ разряды лицъ изъ этого класса, которые въ другихъ переписяхъ выдѣлены въ особую рубрику «одиночекъ», не смотря

[1])

Названіе профессіи.	Петербургъ.	Москва.	Одесса.	Кіевъ.	Житомиръ.	Псковъ.	Вел. Луки.	Харьковъ.	Саратовъ.	Курскъ.	Смоленскъ.	Тверь.	Сумы.	Прилуки.
	по одноднев. переписямъ.							по спискамъ присяж. засѣдат.					По спискамъ плательщиковъ госуд. кварт. налога.	
Промышленники.	16.424	19.276	10.000	1.736	3.535	1.230	557	373	105	231	104	70	мѣщане 196 цеховые 28 купцы 76	132 — 82
Торговцы	14.911	9.340	8.598	3.573	1.922	723	178	339	309	193	172	221	поч. гр. 19 крест. 50 казаки 2	5 6 6
Владѣльцы недвижимаго имущества и живущіе съ доходовъ отъ капитала	10.867	12.213	3.498	4.580	939	617	278	189	16	38	51	15	—	—
Агентура частныхъ предпріятій	11.287	20.012	11.659	3.046	142	349	40	637	45	309	6	128		10 –
Администрація	12.490	6.281	1.187	773	1.004	352	53	359	186	184	180	129	дворане чиновн.	62 75 94 30
Агентура общественныхъ учрежденій	2.241	988	485	—	—	75	29	113	76	74	20	26	—	5
Судебное вѣдомство	1.515	1.580	633	370	—	79	47	71	16	77	—	8		7 5
Врачебное дѣло	4.980	2.511	1.940	499	119	88	23	45	4	23	7	14		17 15
Учебно-воспитательное дѣло	8.062	6.261	2.907	962	322	249	45	128	87	60	64	48		15 13
Представители науки, литературы и искусства	2.836	2.143	474	223	86	2	1	97	7	7	5	1		3 —
Техники	686	482	197	—	34	7	2	19	—	—	5	5		9 3
Священно- и церковно-служители	645	970	209	272	144	90	33	—	—	—	—	—	—	1
Офицеры арміи и флота	3,145	940	632	450	—	75	4	—	—	—	—	—		26 —
Пенсіонеріи	15.180	2.949	1.056	974	383	801	153	2	—	—	33	9	—	—
Итого	105.269	85.946	43.473	17.458	8.630	4.738	1.443	2.362	857	1.196	647	666		614 378

на то, что въ г. Сумахъ и Прилукахъ (по спискамъ плательщиковъ) нами включены всѣ мѣщане, крестьяне, казаки, почетные граждане, тогда какъ возможно, что часть изъ этихъ категорій горожанъ можетъ войти во 2 или 3 группу. Если же взять въ разсчетъ остальные 11 городовъ, то средній % понизится до 39%. Но въ дѣйствительности значеніе торгово-промышленнаго класса должно еще болѣе приблизиться къ представительству личному. Это можно видѣть изъ сравненія прежняго порядка вещей съ предполагаемымъ по отдѣльнымъ городамъ. Такъ, въ Москвѣ, по избирательному списку 80-хъ годовъ, на долю купцовъ, почетныхъ гражданъ, мѣщанъ и крестьянъ приходилось 82%, а у насъ 34% торговцевъ и промышленниковъ [1]). Въ Кіевѣ однихъ торговцевъ было 42%, а по нашимъ исчисленіямъ торговцевъ и промышленниковъ только 30%. Въ уѣздныхъ городахъ Кіевской губ. среди избирателей II разряда было купцовъ и мѣщанъ 65%, а въ Черниговской 83½%. Въ городѣ Черниговѣ изъ 45 избирателей 1-го разряда было 28 купцовъ, а въ Черкасахъ изъ 24—купцовъ было 22 [2]). Въ г. Самарѣ изъ 3.116 избирателей въ 70-хъ годахъ купцовъ и мѣщанъ было 82%, а вмѣстѣ съ крестьянами, казаками и солдатами—92% [3]). Таково было господство торгово-промышленнаго класса въ городскомъ самоуправленіи. Вѣрнымъ поэтому окажется положеніе, что, при дарованіи избирательнаго права квартиронанимателямъ, это господство войдетъ въ извѣстные предѣлы. Эти положенія, основанныя на статистическихъ данныхъ, взятыхъ изъ переписи, подтверждаются одинаковыми данными, извлеченными изъ совершенно другого источника—списковъ присяжныхъ засѣдателей. Однако, и при распространеніи избирательныхъ правъ на квартиронанимателей, все же минимумъ ⅓ избирателей будетъ принадлежать къ торгово-промышленной группѣ.

Едва-ли можно присоединиться безусловно къ мысли о полномъ устраненіи торгово-промышленнаго класса отъ участія въ городскихъ дѣлахъ, къ чему сдѣлало попытку новое городовое положеніе, исключивъ въ столицѣ купцовъ 2-й гильдіи. Въ проектѣ такое исключеніе предполагалось и для другихъ городовъ. Законность участія въ городскомъ управленіи торгово-промышленнаго класса основывается на его роли въ городской жизни и на подготовкѣ къ веденію общественныхъ дѣлъ, такъ какъ этотъ классъ издавна принималъ участіе въ городскомъ самоуправленіи. Если же въ этой средѣ признается недостаточно развитымъ общественное чувство, то это чувство надо воспитывать, и лучшимъ средствомъ для этого будетъ участіе въ такомъ самоуправленіи, которое построено на представительствѣ не одного какого-либо

---

[1]) «Извѣст. М. г. думы» 1887 г. Докладъ гг. Свирщевскаго и Яновскаго.

[2]) «Вѣст. Евр.» 1890 г. № 11. Вн. Обоз.

[3]) «Самар. Губ. Вѣд.» 1870 г. № 92.

интереса, а всѣхъ или большинства тѣхъ интересовъ, которые присущи городской жизни.

Удаленіе мелочныхъ торговцевъ и промышленниковъ по городовому положенію 1892 г. мотивировано тѣмъ, что въ этой средѣ, въ особенности, нѣтъ общественнаго чувства, что они свои личные интересы вносятъ въ ходъ общественныхъ дѣлъ. На самомъ дѣлѣ эта среда принимала мало участія въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ и не являлась на выборы не столько вслѣдствіе равнодушія къ городскому дѣлу, а потому, что выборами первыхъ двухъ разрядовъ составъ думъ уже предрѣшался. Но допустимъ меньшее развитіе общественности этой среды, и тогда тѣмъ болѣе настоятельной станетъ необходимость самыми разнообразными средствами развивать этотъ общественный интересъ. А однимъ изъ такихъ средствъ служитъ непосредственное, прямое участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Это и будетъ лучшей школой подчиненія личнаго интереса общественному. Среду мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, какъ и вообще торгово-промышленный классъ, упрекаютъ еще, кромѣ отсутствія вниманія къ городскимъ нуждамъ, въ отсутствіи при веденіи ими городского дѣла—законности. Но опять-таки законность можетъ развиваться только въ такомъ обществѣ, въ которомъ есть жизненная школа, гдѣ развивается привычка къ общественности, регулируемой законами, правилами, нормами. Надо, чтобы были такія учрежденія, гдѣ бы развивалось это чувство. Безъ прямого же участія въ тѣхъ или иныхъ формахъ общежитія не можетъ быть сильнаго интереса къ тому, какъ идетъ это общежитіе.

Болѣе развитымъ чувствомъ общественности и законности обладаютъ, по мнѣнію составителей новаго городового положенія, владѣльцы недвижимыхъ имуществъ. Но большинство городскихъ избирателей по старому положенію получали избирательное право не по выборкѣ торговыхъ документовъ, а по владѣнію недвижимыхъ имуществомъ. Однако, развѣ тогдашнее городское хозяйство можно признать основаннымъ на вниманіи къ общественнымъ нуждамъ? Если, пріурочивая избирательное право преимущественно къ владѣнію недвижимой собственностью, предполагалось передать городское дѣло въ руки «домохозяевъ», то нельзя не сказать, что въ настоящее время старый типъ домовладѣльца, живущаго въ своемъ домѣ и лично занимающагося домовымъ хозяйствомъ, измѣнился. Теперь домовладѣлецъ дѣлаетъ изъ домовъ исключительный предметъ торговли квартирами.

«Недвижимая собственность теперь далеко не дѣлаетъ связь своего владѣльца съ городомъ столь неразрывною, какъ она представлялась составителямъ городового положенія: недвижимыя имущества въ Москвѣ въ значительной степени оказываются заложенными; многіе домовладѣльцы часто даже не живутъ въ своихъ домахъ, и лишь меньшинство пользуется своимъ домомъ для собственныхъ потребностей. При такихъ обстоятельствахъ трудно сказать даже, чѣмъ отличается распространенный теперь типъ домовладѣльца отъ типа торговца» [1]).

[1]) «Изв. Моск. гор. думы» 1887 г. Докладъ гг. Яновскаго и Свирщевскаго

Такимъ образомъ, стремленіе отдать городское дѣло въ руки домохозяевъ не могло осуществиться по очень простой причинѣ: вслѣдствіе отсутствія такого типа домовладѣльца въ самой городской жизни. Домовладѣльцы, занимающіеся торговлею и промысломъ, вошли у насъ въ первую группу. Вторая же группа по преимуществу и будетъ состоять изъ представителей старыхъ домохозяевъ, однако, вмѣстѣ съ лицами, живущими съ доходовъ отъ капитала. Эта вторая группа оказывается весьма малочисленною: она занимаетъ въ составѣ избирательныхъ собраній въ среднемъ, въ 12 городахъ, только 10%. Но это совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Какъ бы законодатель ни старался установить господство за домовладѣльцами—путемъ-ли повышенія ценза по владѣнію недвижимымъ имуществомъ, путемъ-ли исключенія лицъ торгующихъ, но не имѣющихъ недвижимаго имущества,—господство по-прежнему останется въ рукахъ торгово-промышленнаго класса. Это съ положительною очевидностью и съ совершенной убѣдительностью могутъ показать слѣдующія статистическія данныя. Среди домовладѣльцевъ, вошедшихъ въ списки присяжныхъ засѣдателей, оказывается:

		въ Твери.	Курскѣ.	Харьковѣ.
торгово-промышленниковъ.	(I гр.)	85%	80%	70%
собственно домохозяевъ	(II »)	4 »	20 »	20 »
представителей частной службы . . .	(III »)	4 »	—	7 »
лицъ интел. профессій	(IV »)	7 »	—	3 »

Такимъ образомъ «домохозяева» занимаютъ въ Твери менѣе $^1/_{20}$ части всего числа домовладѣльцевъ, а въ Харьковѣ и Курскѣ до $^1/_5$.

На долю лицъ другихъ группъ весьма мало приходится «владѣній». Вообще, надо думать, что въ нашихъ городахъ торговопромышленный классъ составляетъ не менѣе $^3/_4$ общаго числа домовладѣльцевъ. Мѣщане, цеховые, крестьяне, почетные граждане, купцы въ городскомъ населеніи почти всѣ занимаются либо промысломъ, либо торговлею; домовладѣльцы же этихъ разрядовъ составляютъ, напр., въ Нижнемъ-Новгородѣ—75% [1]) и въ Псковѣ—77%, а владѣльцы дворовыхъ мѣстъ въ Москвѣ—76% и въ Одессѣ—85%.

Двѣ первыя группы, торгово-промышленный классъ и владѣльческій, пользуются уже и прежде пользовались по город. положенію 1870 г. избирательными правами. Квартирный цензъ вводитъ впервые лишь двѣ новыя группы.

Участіе въ гор. самоуправленіи приказчиковъ I разряда было весьма незначительно, и о вредѣ или пользѣ отъ нихъ положительно нельзя опредѣленно сказать, хотя думы и представители мѣстной власти не разъ высказывались за исключеніе приказчиковъ, вошедшихъ въ нашу

стр. 39. «Чуть-ли не половина Петербурга принадлежитъ болѣе городскому кредитному обществу, чѣмъ домовлѣдѣльцамъ». «Вѣст. Евр.» 1884 г. № 8.

[1]) Гациссній. «Нижегор. Сб.» Вып. I. 1867 г.

3 группу, изъ состава избирателей. Явившіеся избиратели для выбора гласныхъ въ петербургскую думу, на четырехлѣтіе 1888—1893 г. такъ распредѣлялись по своему избирательному цензу:

по владѣнію недвижимой собственностью	1.285
» купеческимъ и торговымъ документамъ	2.635
» свидѣтельствамъ на мелочной торгъ	2.447
» приказчичьимъ свидѣтельствамъ	502 [1]).

Такимъ образомъ въ числѣ явившихся на выборы—приказчики занимали только 7%. Но въ составъ нашей третьей группы входятъ не одни только приказчики, они входятъ туда лишь между прочимъ, за невозможностью ихъ выдѣлить изъ общей группы служащихъ въ желѣзнодорожномъ, банковомъ, страховомъ дѣлѣ и т. д.

Если еще можно спорить относительно несамостоятельности приказчиковъ, то относительно другихъ представителей 3 группы едва-ли можно сомнѣваться въ ихъ достаточной самостоятельности. Однимъ изъ показателей этой самостоятельности можетъ служить ихъ матерьяльное положеніе.

По спискамъ присяжныхъ засѣдателей можно установить, съ большею или меньшею вѣрностью, обезпеченность представителей третьей группы. Такъ, лица этой группы, зарабатывающія отъ 300 до 600 р. или отъ 270 до 540 р., т.-е. тѣ, которые причисляются нами къ людямъ меньшей состоятельности, составляютъ въ гор. Харьковѣ 38%, въ Твери до 37% и въ Саратовѣ 26%; большинство же принадлежитъ къ средне-состоятельнымъ группамъ городского населенія [2]).

Другимъ показателемъ независимости этихъ лицъ отъ торгово-промышленнаго класса можетъ служить ихъ сословное состояніе, сравнительно съ другими группами. Такъ, среди владѣльцевъ недвижимой собственности на долю дворянъ, чиновниковъ, духовенства и т. д. приходится въ Москвѣ 24%, въ Одессѣ 15%; среди же лицъ, входящихъ въ составъ третьей группы, приходится на эти сословія въ Харьковѣ—37%, при 10% почетныхъ гражданъ и купцовъ, 41% мѣщанъ и цеховыхъ и 12% крестьянъ и казаковъ. Къ тому же, всѣ лица этой группы, которыя по происхожденію своему причисляются къ почетнымъ гражданамъ, купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ, теряютъ въ ней скорѣе, чѣмъ въ классѣ домовладѣльцевъ свой торгово-промышленный характеръ. Можно поэтому быть вполнѣ увѣреннымъ, что эта новая группа лицъ, въ случаѣ дарованія ей избирательнаго права, вовсе не будетъ, во всей своей массѣ, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ торгово-промышленнаго класса. Среди лицъ этой группы могутъ быть точки

---

[1]) Изв. С.-Петерб. Д. 1892 г. № 31.

[2]) Группы (по имущ. пол.):

	въ Харьковѣ.	Твери.	Саратовѣ.
I-я	188 или 38%	27 или 37%	7 или 26%
II-я	219 » 45 »	27 » 37 »	12 » 44 »
III-я	62 » 12 »	18 » 25 »	7 » 26 »
IV-я	22 » 5 »	1 » 1 »	1 » 4 »

соприкосновенія и общіе интересы съ избирателями, которые войдутъ въ составъ четвертой группы, интеллигентныхъ профессій, съ представителями общественныхъ и государственныхъ учрежденій.

Кто станетъ отрицать, что у лицъ этого класса считаются насущнѣйшими вопросы дешеваго и даровото элементарнаго обученія и устройства профессіональныхъ школъ? Существуетъ также въ этомъ классѣ стремленіе имѣть свои квартиры не только дешевыми, но и болѣе устроенными въ санитарномъ отношеніи. Затѣмъ, развѣ лицамъ этой группы не важно приближеніе окраинъ къ центру города, посредствомъ удешевленія городскихъ путей сообщенія? Развѣ этому классу не близки вопросы дешевизны жизненныхъ продуктовъ и дешеваго кредита? Группа эта дѣйствительно заинтересована въ лучшихъ результатахъ городского хозяйства. Стоитъ только прислушаться къ тому, кто чаще другихъ говоритъ вообще по поводу думскихъ дѣлъ. Вы увидите, что это люди, входящіе въ третью группу. Если обратить вниманіе, кто вообще независимѣе говоритъ о всякихъ общественныхъ дѣлахъ, то это въ массѣ окажутся опять люди третьей группы. Это и понятно, потому что въ составъ этой группы вошли отпрыски бывшихъ разночинцевъ, которые еще въ крѣпостное время на вопросъ: «вы чьихъ?» отвѣчали: «своихъ, сами». Вся эта группа прошла трудовую, на разнообразныхъ поприщахъ, школу, и въ средѣ лицъ этой группы найдется не мало сильныхъ умовъ и характеровъ. Намъ кажется, что теперь настаетъ крайняя необходимость въ воспитаніи въ этой средѣ, имѣющей значительный вѣсъ въ городской жизни, общественнаго чувства и просвѣщеннаго отношенія къ жизненнымъ вопросамъ. А все это не дается безъ участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Тѣмъ болѣе безбоязненно можно допустить эти элементы къ пользованію правами городскихъ избирателей, что, при дарованіи такихъ правъ квартиронанимателямъ, войдетъ въ составъ избирательныхъ собраній, а значитъ и въ составъ городскихъ думъ, элементъ наиболѣе интеллектуальный, съ наиболѣе развитымъ чувствомъ общественности. Введеніемъ въ избирательныя собранія лицъ интеллигентныхъ, т.-е. такихъ преимущественно, цѣль которыхъ состоитъ въ службѣ обществу и государству, и будетъ достигнуто болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтнее стараніе обновленія городскихъ общественныхъ учрежденій, о которомъ говорилось и въ мѣстныхъ, и въ центральныхъ коммиссіяхъ. Можно сказать, что въ большей части городскихъ управленій и по старому, и по новому городовымъ положеніямъ, лица интеллигентныхъ профессій не были совсѣмъ допущены къ участію въ городскихъ дѣлахъ.

Взамѣнъ полнаго отсутствія этихъ лицъ, при дарованіи правъ городскихъ избирателей квартиронанимателямъ по цензу, принятому нами, представители этихъ профессій займутъ въ составѣ избирательныхъ собраній, въ среднемъ, для нашихъ 14 городовъ, 35%, при минимумѣ 22% и максимумѣ 49%. Если это послѣднее, почти половина, окажется

выше, нежели будетъ на самомъ дѣлѣ, то, можно думать, въ другихъ городахъ, имѣющихъ по переписи менѣе 30%, въ дѣйствительности лицъ четвертой группы будетъ больше, какъ это и видно по спискамъ присяжныхъ засѣдателей въ 5-ти городахъ, гдѣ минимумъ 27%, а средній—38,4%. Припомнимъ, что въ списки присяжныхъ засѣдателей не включаются по закону цѣлыя категоріи интеллигентныхъ профессій [1]). Такое сравнительно значительное положеніе, какое займутъ представители интеллигентныхъ профессій, будетъ имѣть мѣсто не только въ большихъ городахъ, но и въ маленькихъ, даже уѣздныхъ (какъ, напр., въ Великихъ Лукахъ—27%). Въ такомъ же губернскомъ городѣ, какъ Псковъ—39%. Поэтому, предположеніе, неоднократно высказываемое, что дарованіе правъ квартиронанимателямъ въ менѣе значительныхъ городахъ не принесетъ пользы, за недостаткомъ интеллигентныхъ лицъ, не представляется основаннымъ на какихъ-либо вѣскихъ данныхъ. Также нельзя согласиться и съ другимъ, нерѣдко высказываемымъ мнѣніемъ, будто лица интеллигентныхъ профессій не имѣютъ никакого интереса къ городскому благоустройству. Кто же болѣе нихъ можетъ интересоваться лучшею организаціею школьнаго образованія, общественнаго призрѣнія, санитарно-медицинской части и т. д.?

По поводу утвержденія, что классу чиновниковъ чужды интересы города, намъ вспоминаются слова кіевскаго ген.-губ., гр. Игнатьева: «Квартиронаниматели, состоящіе на государственной службѣ или получающіе пенсію, представляютъ значительныя гарантіи въ отношеніи образованія, уваженія къ закону, пониманія интересовъ государственныхъ и чисто городскихъ, наконецъ, нѣкоторой подготовки къ практической дѣятельности на общую пользу». Такія же мнѣнія высказывались и въ московскомъ городскомъ общественномъ управленіи: «классъ чиновниковъ способенъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ города, по крайней мѣрѣ, не менѣе, чѣмъ торговцы и промышленники»... [2]).

Противъ дарованія городскихъ избирательныхъ правъ лицамъ интеллигентныхъ профессій еще возражаютъ, что этотъ классъ не представляется достаточно обезпеченнымъ въ имущественномъ отношеніи. Данныя изъ списковъ присяжныхъ засѣдателей могутъ убѣдить въ неосновательности такого возраженія. Такъ, среди лицъ интеллигентныхъ профессій громадное большинство, примѣрно, отъ 70 до

---

[1]) Члены судебныхъ мѣстъ, штатные чины состоящихъ при этихъ мѣстахъ канцеляріи, нотаріусы, судебные пристава (въ другихъ городахъ и адвокаты), чиновники первыхъ четырехъ классовъ, казначеи, кассиры и ихъ помощники въ учрежденіяхъ Государственнаго банка, экзекуторы и смотрители казенныхъ зданій, лѣсничіе, чины акцизнаго вѣдомства (по зак. 1887 г.), уѣздные почтмейстеры, начальники желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ станцій, офицеры арміи и флота, священнослужители, учителя городскихъ и церковно-приходскихъ школъ. «Учрежд. Суб. Уст. по продол.» 1887 г. ст. 85.

[2]) «Изв. М. Г. Д. за 1887 г.». Докладъ И. Яповскаго и А. Свирщевскаго.

80%, принадлежитъ къ среднесостоятельному классу [1]). Очевидная справедливость требуетъ, чтобы этой категоріи горожанъ дана была защита ихъ интересовъ. До сихъ поръ этой категоріи не было предоставлено тѣхъ общественно-государственныхъ правъ, какія дарованы другимъ категоріямъ: владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ и торгово-промышленникамъ. А между тѣмъ ростъ класса интеллигентныхъ профессій за послѣднія двадцать пять лѣтъ представляется громаднымъ. Это едва-ли кто будетъ отрицать. Но для большей убѣдительности мы приведемъ данныя, показывающія этотъ ростъ. При сравненіи переписей г. Одессы 1873 г. и 1892 г., оказывается, что въ это двадцатилѣтіе городское населеніе увеличилось на 76%

а группа лицъ врачебнаго дѣла . . . . . на 571%.
» представителей науки, литературы и искусства. » 955%
» лицъ учебновоспитательнаго дѣла . . . . . » 931% [2]).

Этотъ ростъ группы интеллигентныхъ профессій наблюдается и въ городахъ съ весьма незначительнымъ населеніемъ. Такъ, въ г. Великихъ Лукахъ, Псков. губ. за семнадцатилѣтіе (1870—1887 г.) городское населеніе возросло на 27%, а врачебная группа на 64%, группа воспитанія и обученія на 73% и группа административная на 92% [3]).

Но не только это возростаніе говоритъ о справедливости предоставить этимъ многочисленнымъ горожанамъ право защиты ихъ интересовъ. «Такіе знаменательные и вполнѣ доступные каждому для констатированія факты, какъ нарожденіе многочисленной группы представителей интеллигентныхъ профессій и возникновеніе новыхъ сложныхъ вопросовъ, требующихъ для своего правильнаго разрѣшенія участія возможно большаго числа умственныхъ силъ, дѣлаютъ своевременнымъ и настоятельно необходимымъ распространеніе избирательныхъ правъ на большее число жителей и привлеченіе къ участію въ дѣлахъ города всѣхъ образованныхъ людей въ особенности» [4]).

На необходимость этого указываетъ также интересъ профессій,

---

[1]) Группы (по имущ. пол.) Харьковъ. Саратовъ. Смоленскъ. Тверь.

I-я	181 или 25%	69 или 29%	93 или 28%	24 или 13%
II-я	310 » 42 »	119 » 50 »	99 » 37 »	74 » 41 »
III-я	195 » 26 »	41 » 17 »	81 » 30 »	77 » 43 »
IV-я	49 » 7 »	10 » 4 »	14 » 5 »	6 » 3 »

	1873 г.	1892 г.
[2]) Число жителей	193.573	340.526
» лицъ врачебныхъ дѣлъ	289	1.940
» » науки, лит., иск.	44	474
» » учебновоспитат.	282	2.907

Перепис. г. Одессы 1873 и 1892 г.

[3]) При общей цифрѣ всего населенія въ 1870 г. въ 5.714 чел., группа врачебная составляла 14, уч.-восп. 26 и администр. 52; въ 1887 г. изъ общаго населенія 7269, врачеб. группа составляла 23 чел., уч.-восп. 87 и администр. 100. «Псков. Губ. Вѣд.» 1875 г. № 41 и «Результаты однодн. переписи г. Вел. Луки» 1887 г.

[4]) И. Яновскій и А. Свирщевскій. «Изв. М. Г. Д.» 1887 г.

выполняемыхъ лицами интеллигентной группы. У насъ часто говорятъ о формальномъ отношеніи профессіональныхъ дѣятелей различныхъ отраслей къ своему дѣлу. Развѣ рѣдко слышатся жалобы на то, что ихъ интересуетъ только получаемое жалованье, а не самое дѣло. А, съ другой стороны, большей части живущихъ своимъ трудомъ сплошь и рядомъ только и остается руководствоваться стимуломъ обезпеченія своего существованія. Когда нѣтъ возможности осуществить свои общественные идеалы, когда нѣтъ сознанія возможности удовлетворенія своего, воспитаннаго образованіемъ, наукою, книгою, журналомъ, общественнаго интереса, тогда, конечно, послѣдуетъ уменьшеніе этого интереса, сперва недовольство, а потомъ—индифферентизмъ и апатія.

Когда хотятъ общественности въ профессіональной дѣятельности, то надо прежде всего дать возможность развивать интересъ къ общественнымъ дѣламъ, дать профессіональнымъ дѣятелямъ, всѣмъ этимъ формально ведущимъ свое дѣло—докторамъ, учителямъ, судьямъ, техникамъ и т. д., право на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Тогда и общественное чувство будетъ сильнѣе и эгоизма меньше.

IV.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію состава городскихъ избирательныхъ собраній въ образовательномъ отношеніи. Разрѣшенію этого вопроса могутъ помочь списки присяжныхъ засѣдателей. Спѣшимъ оговориться, что, можетъ быть, эти данныя не всегда будутъ точны, но эта неточность можетъ быть только въ сторону показанія меньшей степени образованности, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Графа «образовательный цензъ» бываетъ помѣчена нерѣдко только словомъ «грамотный», безъ указанія, какое же получило то или другое лицо образованіе. Это особенно часто бываетъ при обозначеніи образовательнаго ценза лицъ купеческаго состоянія и владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ. Но въ общемъ показаніе списковъ присяжныхъ засѣдателей будетъ довольно близко соотвѣтствовать дѣйствительной степени образованности лицъ этихъ профессій.

Для показанія различной степени образованности нашихъ городскихъ избирателей, мы распредѣлимъ ихъ на пять категорій. Въ первую войдутъ получившіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: университетахъ, духовныхъ и военныхъ академіяхъ, высшихъ техническихъ институтахъ, академіи художествъ; во вторую—съ среднимъ образованіемъ, окончившіе въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, военныхъ корпусахъ, коммерческихъ училищахъ, педагогическихъ курсахъ и т. п.; въ третью—получившіе образованіе въ уѣздныхъ 4-хъклассныхъ городскихъ и духовныхъ училищахъ; въ четвертую—лица, съ элементарнымъ образованіемъ двуклассныхъ и одноклассныхъ школъ, съ домашнимъ образованіемъ и тѣ, которые въ спискахъ обозначаются грамотными, а въ пятую—обозначенные неграмотными и ма-

логрaмотными. При распредѣленіи лицъ, имѣющихъ право быть присяжными засѣдателями, на эти категоріи, оказывается, въ среднемъ, для городовъ Харькова, Саратова, Курска, Смоленска и Твери, такое соотношеніе: на 1-ю категорію приходится 10%, на 2-ю—14%, на 3-ю—14%, на 4-ю—54 проц. и на 5-ю—8% [1]).

Такимъ образомъ, лицъ, получившихъ образованіе высшее и среднее обѣихъ степеней, будетъ среди избирателей болѣе $^1/_3$ всего числа, а лицъ, получившихъ только элементарное образованіе или просто грамотныхъ, болѣе половины; на долю же неграмотныхъ или малограмотныхъ падаетъ немногимъ болѣе $^1/_{12}$ части.

Можно, однако, утверждать, что, при дарованіи избирательнаго права квартиронанимателямъ, образованныхъ лицъ среди городскихъ избирателей въ дѣйствительности окажется больше. Такъ, мы уже говорили, что нѣкоторыя лица, отмѣченныя въ спискахъ грамотными, могутъ оказаться получившими высшее образованіе. Затѣмъ, въ списки присяжныхъ засѣдателей не включаются лица нѣкоторыхъ интеллигентныхъ профессій. Наконецъ, не забудемъ, что эти списки составлены частью въ 70-хъ годахъ, а за послѣднее двадцатипятилѣтіе образованность и грамотность, конечно, увеличились. Но сравнимъ приведенныя нами данныя съ тѣмъ, каково было представительство образованныхъ и грамотныхъ людей въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ, по старому положенію—1870 г. и по новому 1892 г. Въ г. Черниговѣ, напр., число образованныхъ лицъ съ высшимъ или среднимъ образованіемъ было только до 2—3% всего числа избирателей. Въ 1-мъ же и во 2-мъ разрядахъ избирателей, по величинѣ платежей, а это и есть избиратели по новому положенію, всего образованныхъ лицъ было 21 человѣкъ, при чемъ изъ 45 чел. 1-го разряда было только 2 человѣка образованныхъ, а неграмотныхъ 12 человѣкъ, что и составляетъ 27% числа избирателей этого разряда. Во 2-мъ разрядѣ въ городахъ Черниговской губ. неграмотныхъ было меньше, чѣмъ въ первомъ, а именно 17% и въ третьемъ 52% [2]).

Вмѣсто такого господства неграмотныхъ, какъ въ бывшемъ 3-мъ разрядѣ, такъ и въ обоихъ первыхъ, сохранившихъ и по новому положенію право городскихъ избирателей, неграмотные и малограмотные вмѣстѣ, при условіи дарованія такого права квартиронанимателямъ, очевидно, займутъ сравнительно небольшое мѣсто. Поэтому намъ

---

[1])

	Харьковъ.		Саратовъ.		Курскъ.		Смоленскъ.		Тверь.	
1-я категорія	321	или 14%	95	или 11%	108	или 9%	51	или 9%	59	или 8%
2-я »	318	14	130	16	124	11	111	18	80	12
3-я »	314	13	117	14	177	15	110	18	80	12
4-я »	1.036	44	476	56	588	51	317	52	457	66
5-я »	348	15	27	3	160	14	17	3	14	2

[2]) «Вѣст. Евр.» 1890 г. № 11. Вн. об., стр. 367.

Въ город. Кіевск. губ. во второмъ разрядѣ неграмотныхъ—45%, а въ третьемъ 72%.

кажется неправильною мысль, высказываемая въ печати и въ различныхъ проектахъ объ установленіи у насъ обязательнаго образовательнаго ценза, хотя бы въ видѣ окончанія образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или даже низшихъ. Это было бы равносильно отнятію у массы горожанъ возможности защиты ихъ интересовъ. Въ числѣ этихъ лицъ оказались бы крестьяне, которые вошли въ городскую среду послѣ упорнаго труда, что въ томъ или другомъ направленіи должно развить ихъ умъ. Существованіе у нихъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, самоуправленія даетъ право предположить за ними въ извѣстной степени достаточную подготовительную школу. Купечество, а частью и мѣщанство также имѣли такую школу. У человѣка, хотя и не получившаго въ учебныхъ заведеніяхъ образованія, можетъ, однако, выработаться самою жизнью сознаніе важности общественнаго интереса и умѣнье быть дѣйствительнымъ представителемъ городского общества. Пусть будутъ необразованные и даже неграмотные, это не опасно. Необходимо только, чтобы не было нераздѣльнаго, безусловнаго преобладанія непросвѣщенной части городского общества, а для прекращенія этого—единственное средство состоитъ въ томъ, чтобы лица этой части городского общества были поставлены въ непосредственное сношеніе съ людьми интеллигентными, на поприщѣ служенія не личному, а общественному дѣлу. При дарованіи права городскихъ избирателей квартиронанимателямъ, такое сближеніе съ интеллигенціей дѣйствительно произойдетъ.

Но то значительное число лицъ, получившихъ высшее и среднее образованіе, какое будетъ среди городскихъ избирателей, можетъ осуществиться единственно только введеніемъ въ составъ избирательныхъ собраній двухъ новыхъ группъ городского населенія, о которыхъ мы говорили выше. Что это такъ, что именно эти новыя профессіональныя группы избирателей усилятъ образовательный элементъ, это убѣдительнѣйше докажетъ намъ сопоставленіе исчисленныхъ нами среднихъ съ данными образовательнаго ценза въ каждой изъ четырехъ группъ: торгово-промышленной, владѣльческой, частнослужебной и интеллигентной. Прежде всего особенно рѣзко бросается въ глаза то различное положеніе, какое занимаютъ неграмотные и малограмотные въ этихъ группахъ. Въ правильности этихъ показаній о неграмотныхъ едва-ли можно сомнѣваться. Если и можно ожидать въ этомъ ошибочности, то только относительно малограмотныхъ, которые могутъ въ различныхъ спискахъ заноситься либо въ группу неграмотныхъ, либо въ группу грамотныхъ. Вообще же эти данныя наглядно показываютъ, что привлеченіемъ къ участію въ городскомъ самоуправленіи лицъ, живущихъ своимъ заработкомъ, не владѣющихъ ни недвижимымъ имуществомъ, ни капиталомъ, безспорно уменьшится число неграмотныхъ. Это такъ не только въ средѣ лицъ интеллигентныхъ профессій, но и служащихъ въ частныхъ предпріятіяхъ. Такимъ образомъ, средній для всѣхъ группъ

процентъ (8) неграмотныхъ оказывается такимъ высокимъ подъ вліяніемъ большого числа неграмотныхъ среди торгово-промышленнаго класса (при среднемъ для этой только группы 14%, для владѣльческой 6% и для служебной — 3%). Въ группѣ интеллигентныхъ профессій неграмотныхъ и малограмотныхъ, конечно, нѣтъ [1]). Что такое именно соотношеніе должно быть по числу неграмотныхъ между группами торгово-промышленной и служебной, можно видѣть изъ сравненія числа неграмотныхъ, напр. торговцевъ и служащихъ въ торговлѣ, по переписи г. Одессы 1892 г. Такъ изъ числа хозяевъ—торговцевъ (8.598) неграмотныхъ было 3.007 или 35%, а изъ служащихъ (администрація въ торговлѣ) 7.645 —только 689 или 9%. Почти то же самое оказывается и по отношенію къ мѣсту, занимаемому только грамотными въ составѣ избирателей. Высокій средній процентъ такихъ избирателей (54%) также преимущественно создается господствующимъ понынѣ торгово-промышленнымъ и владѣльческимъ классами. Правда, только лица, причисленныя нами къ интеллигентнымъ профессіямъ, имѣютъ въ своей средѣ очень незначительное, по сравненію съ другими группами, число «грамотныхъ» или окончившихъ только одноклассныя городскія и двухклассныя школы, въ среднемъ для этой группы—19%, т.-е. почти въ три раза менѣе средняго для всѣхъ группъ процента. Это, конечно, еще болѣе убѣждаетъ въ крайне настоятельной необходимости призыва лицъ, принадлежащихъ къ группѣ интеллигентныхъ профессій, къ участію въ городскихъ дѣлахъ. Среди первыхъ двухъ группъ почти одинаково число «грамотныхъ»: 79% въ группѣ торгово-промышленниковъ и 77% — владѣльческой. Служащіе въ частныхъ предпріятіяхъ и въ этомъ отношеніи занимаютъ лучшее мѣсто (66%) [2]). Лица, включенныя нами въ категоріи съ цензомъ средняго образованія первой степени, получаютъ нерѣдко болѣе или менѣе законченный общеобразовательный кругъ занятій, такъ какъ сюда вошли окончившіе

---

[1]) Число неграмотныхъ и малограмотныхъ:

	Харьковъ.	Саратовъ.	Курскъ.
I группѣ. . .	291 изъ 703 или 42%	27 изъ 391 или 7%	146 изъ 424 или 34%
II » . . .	44 » 184 » 24 »	0 » 29 » 0 »	нѣтъ свѣдѣній
III » . . .	13 » 623 » 2 »	0 » 41 » 0 »	14 » 309 » 4%
IV » . . .	0 » 827 » 0 »	0 » 381 » 0 »	0 » 424 » 0 »

	Смоленскъ.	Тверь.
I группѣ	17 изъ 276 или 6%	6 изъ 307 или 2%
II »	0 » 51 » 0 »	0 » 13 » 0 »
III »	нѣтъ свѣдѣній	8 » 126 » 6 »
IV »	0 изъ 279 » 0 »	0 » 244 » 0 »

[2]) Число грамотныхъ:

	Харьковъ.	Саратовъ.	Курскъ.	Смоленскъ.	Тверь.
I группѣ. .	375 или 53%	356 или 90%	274 или 65%	294 или 88%	300 или 98%
II » . .	88 » 48 »	21 » 72 »	нѣтъ свѣд.	45 » 88 »	13 » 100 »
III » . .	393 » 63 »	19 » 46 »	246 » 80 »	нѣтъ свѣд.	82 » 65 »
IV » . .	180 » 22 »	80 » 21 »	68 » 16 »	28 или 10 »	62 » 25 »

четырехклассныя городскія училища съ шестигодичнымъ курсомъ, равныя имъ ремесленныя, духовныя училища, прогимназіи и т. п. Вотъ среднія для лицъ получившихъ такое образованіе (въ профессіональныхъ группахъ)—2%, 5%, 17% и 24% [1]).

Можно только поражаться ничтожнымъ процентомъ лицъ общаго образованія въ торгово-промышленномъ классѣ, а значитъ и среди домовладѣльцевъ, такъ какъ большинство среди нихъ—торговцы и промышленники.

Почти тожественное мѣсто займутъ и достигшіе второй степени общеобразовательнаго ценза, т.-е. лица, окончившія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Профессіональныя группы идутъ въ такомъ порядкѣ: торгово-промышленная—1%, владѣльческая—7% частнослужебная—15% и интеллигентная—18% [2]).

Лица, получившія высшее образованіе, занимаютъ въ этихъ профессіяхъ такое положеніе въ среднемъ: въ 1-й группѣ 0,06%, во 2-й—6%, въ 3-й—2% и въ 4-й—25% [3]).

Если 3-я группа, по отношенію высшаго образованія, перешла на второе мѣсто, то все же значительная разница въ этомъ отношеніи между торгово-промышленнымъ классомъ и частнослужебною профессіею. Пусть свѣдѣнія, относящіяся до 1 и 2 группъ, недостаточны, все же нельзя ожидать особеннаго увеличенія числа лицъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, какъ это могутъ убѣдить данныя, заимствованныя изъ сенаторскихъ ревизій 80-хъ годовъ. По этимъ даннымъ, лицъ образованныхъ, т.-е. съ высшимъ и среднимъ образованіемъ вмѣстѣ, среди торговцевъ въ городахъ Черниговской губ. только 14 изъ 1.577, т.-е. 0,9%. А среди домовладѣльцевъ-избирателей, т.-е. близко подходящихъ къ 1 и 2 группамъ, въ 12 городахъ Черниговской губ. только 2%, при 44% только грамотныхъ и 54% неграмотныхъ; въ 5 уѣзд. городахъ Кіевской губ. изъ числа домовладѣльцевъ - избирателей по

---

[1]) Число лицъ, получившихъ среднее образованіе первой степени:

	Харьковъ.	Саратовъ.	Курскъ.	Смоленскъ.	Тверь.
I группа.	19 или 3%	8 или 2%	3 или 0,7%	7 или 3%	1 или 0,3%
II » . .	15 » 8 »	1 » 4 »	нѣтъ свѣд.	6 » 6 »	0 » 0 »
III » . .	97 » 15 »	8 » 20 »	27 » 9 »	нѣтъ свѣд.	27 » 22 »
IV » . .	183 » 22 »	100 » 26 »	147 » 35 »	100 » 36 »	52 » 23 »

[2]) Число лицъ съ среднимъ образованіемъ (второй степени):

	Харьковъ.	Саратовъ.	Курскъ.	Смоленскъ.	Тверь.
I группа.	16 или 2%	3 или 1%	1 или 0,3%	8 или 3%	0 или 0%
II » .	16 » 9 »	5 » 17 »	нѣтъ свѣд.	1 » 2 »	0 » 0 »
III » .	98 » 16 «	13 » 32 »	19 или 6 %	нѣтъ свѣд.	1 » 6 »
IV » .	188 « 23 »	109 » 29 »	104 » 24 »	102 » 36%	72 » 30 »

[3])

	Харьковъ.	Саратовъ.	Курскъ.	Смоленскъ.	Тверь.
I группа.	2 или 0,3%	0 или 0%	0 или 0%	0 или 0%	0 или 0%
II » .	21 » 11 »	2 » 7 »	нѣтъ свѣд.	2 » 4 »	0 » 0 »
III » .	22 » 4 »	1 » 2 »	3 или 1%	нѣтъ свѣд.	1 » 1 »
IV » .	276 » 33 »	92 » 24 »	105 » 25 »	49 » 18%	58 » 24 »

старому положенію (5.456) лицъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ всего-на-всего 73, т.-е. $^1/_{20}$%. Въ губернскомъ г. Черниговѣ изъ числа домовладѣльцевъ-избирателей (854) лицъ образованныхъ только 34 т.-е. 4% [1]). По нашимъ же исчисленіямъ въ группѣ представителей частнаго служебнаго труда люди образованные, т.-е. съ высшимъ и среднимъ образованіемъ (второй степени) займутъ 17%, а представители интеллигентныхъ профессій—43% [2]).

Ясно, что только тогда, когда установлено будетъ право квартиронанимателей, хотя бы и при цензѣ, принятомъ нами, на участіе въ избирательныхъ собраніяхъ, можно разсчитывать на вліяніе образованнаго класса на ходъ городскихъ дѣлъ. Если число лицъ съ высшимъ образованіемъ въ 3-й группѣ не представляется значительнымъ, то тѣмъ болѣе необходимо дарованіе избирательныхъ правъ лицамъ интеллигентныхъ профессій, которыя вправѣ называться таковыми. Представители другихъ группъ дѣйствительно найдутъ другую опорную точку—въ уваженіи къ знанію, а не только, какъ теперь, къ капиталу. Можно-ли, на основаніи приведенныхъ статистическихъ данныхъ, опасаться господства невѣжества непросвѣщенной части горожанъ, при установленіи такихъ квартирныхъ платъ, какъ 120, 60, 30 и 15 руб. городскимъ избирательнымъ цензомъ. Очевидно, нѣтъ. Нельзя опасаться этого и потому еще, что вообще городская масса за послѣднее время стала все же значительно грамотнѣе. Такъ напр., въ Одессѣ по переписи 1873 г. неграмотныхъ было 70%, а въ 1892 г. 56%. По переписи 1873 г., получившихъ высшее образованіе было 967 и среднее 2.424, а по переписи 1892 г. 1.833 и 6.738; процентъ увеличенія 89% и 178%.

Ростъ интеллигенціи несомнѣненъ; увеличеніе правосознанія въ массѣ можетъ быть безусловно констатировано. Какіе бы примѣры невѣжества ни были во время холеры или голода, это еще не доказываетъ, что не при исключительномъ положеніи горожане не будутъ

---

[1]) «В. Евр.» 1890 г. № 12, стр. 8.

[2]) Не безъинтересно сравнить нѣкоторыя категоріи въ IV группѣ въ отношеніи образовательнаго ценза (въ процентахъ):

	Администрація.					Врачебная.		
	Харьковъ.	Сарат.	Курскъ.	Смоленскъ.	Тверь.	Харьковъ.	Курскъ.	Тверь.
высшее образованіе .	9%	13	8	6	8	74	50	79
среднее.	27	31	26	34	33	21	50	14
среднее.	31	33	43	48	28	5	0	7
грамотные.	33	23	23	12	31	0	0	0

	Учебновоспитательная.					Наука, лит. и искусство.	Частнослужебн. трудъ.	
	Харьковъ.	Сарат.	Курскъ.	Смоленскъ.	Тверь.	Харьковъ.	Сарат.	Тверь.
высшее образованіе .	64	64	68	53	71	94	4	8
среднее	27	23	28	42	19	5	29	50
среднее	9	10	2	5	2	1	28	31
грамотные.	0	3	2	0	8	0	39	11

склонны слушать голосъ просвѣщеннаго человѣка. Да, чтобы не повторялись недавніе случаи, необходимо сблизить непросвѣщенные классы горожанъ съ интеллигенціею. Одиѣми школами никогда и нигдѣ никто не просвѣщалъ всю массу народа. Просвѣщеніе такъ медленно растетъ повсюду, что одиѣхъ школъ недостаточно. Миѣніе, что раньше нужно образованіе, а потомъ дарованіе права участія въ общественныхъ дѣлахъ, сродно взгляду Карамзина, который говорилъ: дайте рабу просвѣщеніе, а потомъ его освободите. Надо возможно многочисленными путями развивать правосознаніе въ неразвитой массѣ. Тогда только замѣнится власть тьмы господствомъ свѣта.

Дмитрій Семеновъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ.

Естественная историческая эволюція вездѣ въ Западной Европѣ въ число активныхъ общественныхъ силъ выдвигаетъ отличавшееся до сихъ поръ своею изолированностью крестьянство. Это обстоятельство привлекло къ сельскому населенію вниманіе и различныхъ партій Западной Европы, и ея политическихъ мыслителей, причемъ дѣлаются попытки, съ одной стороны, привлечь сельское населеніе къ союзу съ той или другой изъ организованныхъ партій, съ другой—оцѣнить вѣроятное практическое значеніе новаго политическаго фактора, на ряду съ другими общественными силами. Въ виду того интереса, какой имѣютъ заново открывающіяся перспективы соціальнаго развитія Западной Европы, мы думаемъ, что для русскаго читателя не будетъ лишнимъ познакомиться со взглядами на крестьянскій вопросъ недавно умершаго нѣмецкаго мыслителя, Энгельса. Нижеслѣдующая замѣтка и заключаетъ изложеніе (по возможности, собственными словами Энгельса) этихъ взглядовъ.

Буржуазныя и реакціонныя партіи,—такъ начинаетъ Энгельсъ свою статью о крестьянскомъ вопросѣ на Западѣ,—крайне удивлены тѣмъ, что въ настоящее время совершенно неожиданно и повсюду злобой дня передовыхъ партій сдѣлался крестьянскій вопросъ. Но имъ слѣдовало бы скорѣе удивляться тому, что этого не случилось раньше, потому что вездѣ крестьянинъ является весьма существеннымъ факторомъ населенія, производства и политической власти; исключеніе представляетъ только собственно Англія и область Пруссіи на востокъ отъ Эльбы, гдѣ крестьянинъ или уже вытѣсненъ крупнымъ землевладѣльцемъ, или все больше и больше оттѣсняется на задній планъ и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи. Какъ политическій дѣятель, крестьянинъ не выступаетъ до сихъ поръ на сцену, главнымъ образомъ, по причинѣ своей апатіи, которая есть результатъ изолированности деревенской жизни. Но эту апатію значительной части населенія, являющуюся, между прочимъ, сильнѣйшей опорой для парламентской развращенности въ Парижѣ и Римѣ, отнюдь не слѣдуетъ считать непреодолимой. Правда, французское крестьянство парализовало своимъ реакціоннымъ голосованіемъ неясныя коллективистическія стремленія 1848 г.; но съ тѣхъ поръ многое измѣнялось. Развитіе капитализма перерѣзало жизненный нервъ

у мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Сѣверная и Южная Америка и Индія завалили европейскій рынокъ настолько дешевымъ хлѣбомъ, что ни одинъ мѣстный производитель не въ силахъ выдержать конкурренцію съ ними. Гибель грозитъ одинаково и крупному землевладѣльцу, и малоземельному крестьянину; и такъ какъ оба они—землевладѣльцы и деревенскіе жители, то первый выступаетъ бойцомъ за интересы второго, и тотъ соглашается имѣть такого заступника. На ряду съ этимъ на Западѣ выросла рабочая партія, выработавшая программу съ точными, вполнѣ опредѣленными требованіями. Но для осуществленія этихъ послѣднихъ необходимъ союзъ городского населенія съ сельскимъ, тѣмъ болѣе, что если этотъ союзъ не состоится, можетъ случиться, что крестьянство сдѣлается орудіемъ въ рукахъ другихъ партій, которыя постараются вооружить его противъ городского класса.

Деревенское населеніе состоитъ изъ крайне разнообразныхъ элементовъ. На западѣ Германіи, равно какъ во Франціи и Бельгіи, господствуетъ мелкая культура крестьянъ, главнымъ образомъ, собственниковъ, отчасти арендаторовъ; на сѣверо-западѣ, въ Нижней Саксоніи и Шлезвигъ-Голштиніи встрѣчаются преимущественно многоземельные и среднеземельные крестьяне, которые не могутъ обойтись безъ наемныхъ рабочихъ и поденщиковъ; Пруссія на востокъ отъ Эльбы и Мекленбургъ есть область крупной земельной собственности, съ дворней, рабочими, поденщиками, а также мало и среднеземельныхъ крестьянъ въ меньшей и все уменьшающейся пропорціи; въ Средней Германіи находятся всѣ эти формы владѣнія и производства въ различныхъ соотношеніяхъ. Есть и такія области, гдѣ собственной или арендованной земли не хватаетъ для прокормленія семьи и гдѣ она служитъ только какъ бы основаніемъ для домашней, не земледѣльческой промышленности, обезпечивая такія низкія цѣны продуктовъ послѣдней, которыя доставляютъ имъ постоянный сбытъ, не смотря ни на какую конкурренцію.

Наиболѣе многочисленна на Западѣ группа малоземельныхъ крестьянъ; поэтому, городъ долженъ обратить особенное вниманіе именно на нихъ, выяснить ихъ теперешнее положеніе и тѣ мѣры, какія должны быть приняты для ихъ спасенія. А разъ выяснится отношеніе къ малоземельному крестьянину—легко уже опредѣлить, что можно сдѣлать и для остальныхъ элементовъ деревенскаго населенія.

Подъ малоземельнымъ крестьяниномъ (Kleinbauer), говоритъ Энгельсъ, мы разумѣемъ собственника главнымъ образомъ или арендатора такого клочка земли, который не настолько великъ, чтобы крестьянинъ не могъ, въ большинствѣ случаевъ, обработать его руками своей семьи, и не настолько малъ, чтобы не прокормить его семью. Этотъ малоземельный крестьянинъ, какъ и мелкій ремесленникъ, есть, слѣдовательно, рабочій, отличающійся отъ современнаго пролетарія тѣмъ, что онъ еще владѣетъ орудіями труда. Разница между нимъ и его пред-

комъ,—крѣпостнымъ или, въ видѣ рѣдкаго исключенія, свободнымъ крестьяниномъ,—заключается въ слѣдующемъ. Во 1) французская революція освободила его отъ феодальныхъ налоговъ и отъ службы землевладѣльцу и, по крайней мѣрѣ на лѣвомъ берегу Рейна, отдала ему въ руки его земельный участокъ, какъ свободную собственность. Во 2) онъ потерялъ защиту и право участія въ дѣлахъ самостоятельно управляемой марки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою долю въ доходахъ прежней марки. Общинная земля (die gemeinemark) была уничтожна отчасти феодолами, отчасти просвѣщенно-римско-бюрократическимъ законодательствомъ. Въ экономическомъ отношеніи потеря общинныхъ доходовъ значительно превышаетъ уничтоженіе феодальныхъ налоговъ; число крестьянъ, которые не въ состояніи держать собственнаго рабочаго скота, растетъ непрерывно. Въ-3) раньше крестьянинъ производилъ руками своей семьи изъ добытаго имъ-же самимъ сырого матерьяла большую часть продуктовъ, въ которыхъ нуждался; чего онъ не дѣлалъ самъ, то доставляли сосѣди, занимавшіеся ремеслами, на ряду съ обработкой земли. Семья, а тѣмъ болѣе деревня сама удовлетворяла своимъ потребностямъ; это было натуральное хозяйство почти въ чистомъ видѣ. Капиталистическое производство положило ему конецъ, посредствомъ денежнаго хозяйства и крупной промышленности, а вслѣдъ за симъ крестьянинъ сталъ падать ниже и ниже. Налоги, неурожаи, дѣлежи наслѣдства, процессы гонятъ крестьянина, одного за другимъ, къ ростовщику, отчего задолженость распространяется сильнѣе и сильнѣе, и нашъ мало земельный крестьянинъ, какъ и всякій остатокъ минувшей формы производства, идетъ къ гибели. Онъ—будущій пролетарій.

Какъ таковой, онъ долженъ былъ бы чутко прислушиваться къ рѣчамъ, идущимъ изъ города. Но этому препятствуетъ его врожденная склонность къ собственности. Чѣмъ труднѣе становится для него борьба за его подвергающійся опасности клочекъ земли, тѣмъ съ бо́льшимъ отчаяніемъ держится онъ за него, а въ человѣкѣ, говорящемъ ему о неизбѣжности гибели мелкой частной собственности и о коллективизмѣ, онъ видитъ врага. При такихъ условіяхъ, чѣмъ можетъ городъ пособить гибнущимъ малоземельнымъ крестьянамъ, не измѣняя въ то же время основнымъ принципамъ своей программы?

Практическій основной пунктъ мы находимъ въ аграрной программѣ партіи французскихъ марксистовъ, которая тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что исходитъ изъ классической страны мелкаго крестьянскаго хозяйства. На марсельскомъ конгрессѣ 1892 г. была принята первая аграрная программа. Для безземельныхъ рабочихъ она требуетъ установленія особыми органами минимальной заработной платы, отдачи обществамъ рабочихъ для коллективной обработки въ аренду государственныхъ земель и т. п. Въ интересахъ малоземельныхъ крестьянъ, въ числѣ которыхъ считаются и арендаторы, выставлены были слѣдующія

требованія: покупка общинами сельско хозяйственныхъ машинъ для отдачи крестьянамъ напрокатъ за дешевую плату, образованіе крестьянскихъ товариществъ для покупки удобренія и для продажи продуктовъ, учрежденіе посредническихъ коммиссій по образцу ирландскихъ для защиты интересовъ мелкихъ арендаторовъ, отмѣна налога на недвижимую собственность цѣною не выше 5.000 фр., изъятіе отъ продажи за долги крестьянскаго инвентаря, сѣмянъ и т. п., безплатное сельско-хозяйственное образованіе и нѣкоторыя другія. Насъ интересуетъ часть программы, касающаяся не сельскихъ рабочихъ, а малоземельныхъ крестьянъ, и, какъ видитъ читатель, требованія ея не велики; часть изъ нихъ уже осуществлена и во Франціи, и въ другихъ европейскихъ государствахъ, безъ замѣтнаго ущерба для капиталистическаго режима. Не смотря на это, программа имѣла среди французскихъ крестьянъ различныхъ областей такой успѣхъ, что явилось желаніе пойти еще дальше по пути приспособленія ея къ положенію крестьянъ. Въ этихъ видахъ на нантскомъ конгрессѣ 1894 г. была выработана и издана новая программа съ теоретической мотивировкой. Главные пункты послѣдней заключаются въ слѣдующемъ.

Производители могутъ быть свободны лишь до тѣхъ поръ, пока владѣютъ средствами производства; въ области фабрично-заводской промышленности средства производства уже централизованы, но въ области земледѣлія, по крайней мѣрѣ во Франціи, земля во многихъ мѣстахъ находится, какъ частная собственность, въ рукахъ мелкихъ производителей. Хотя малоземельные крестьяне, по причинѣ крайняго раздробленія ихъ участковъ, и обречены на гибель, однако, въ программу партіи вовсе не входитъ ускорять эту послѣднюю и способствовать отдѣленію собственности отъ труда. Напротивъ того, она должна стремиться соединить въ однѣхъ рукахъ оба фактора производства, раздѣленіе которыхъ ведетъ къ рабству и бѣдствіямъ работниковъ, обращающихся въ пролетаріевъ. Поэтому слѣдуетъ употребить всѣ усилія, чтобы удержать въ рукахъ самостоятельно работающихъ крестьянъ ихъ клочки земли противъ фиска, ростовщиковъ и посягательствъ крупныхъ землевладѣльцевъ. На-ряду съ малоземельными крестьянами слѣдуетъ придти на помощь и арендаторамъ земельныхъ участковъ, даже тѣмъ изъ нихъ, которые пользуются трудомъ наемныхъ поденщиковъ, такъ какъ они до извѣстной степени вынуждаются къ этому эксплоатаціей ихъ самихъ.

Энгельсъ находитъ эту мотивировку составленной крайне поспѣшно и неудачно. Начать съ того, что владѣніе средствами производства отдѣльными производителями вовсе не обусловливаетъ въ настоящее время ихъ дѣйствительной свободы. Самостоятельно работающій малоземельный крестьянинъ не можетъ спокойно владѣть своимъ клочкомъ земли. Онъ, какъ и его домъ, его дворъ, его нива, — все принадлежитъ ростовщику; его положеніе еще необезпеченнѣе, чѣмъ пролетарія, кото-

рый, по крайней мѣрѣ, хоть изрѣдка проводить спокойные дни, чего никогда не выпадаетъ на долю замученному должнику. Затѣмъ, задача партіи состоитъ не въ простомъ соединеніи въ однѣхъ рукахъ двухъ факторовъ производства,—собственности и труда; это соединеніе въ формѣ индивидуальнаго владѣнія орудіями труда не можетъ быть осуществлено для всѣхъ производителей, а можетъ осуществиться лишь передачей производителямъ средствъ производства для общаго владѣнія. Кромѣ того, положеніе, рекомендующее заботиться объ удержаніи земельной собственности въ рукахъ отдѣльныхъ производителей, находится въ противорѣчіи съ высказаннымъ раньше, что, при существующихъ условіяхъ, гибель малоземельнаго крестьянина неизбѣжна. Наконецъ, послѣднія слова мотивировки о поддержаніи даже тѣхъ мелкихъ арендаторовъ, которые пользуются наемнымъ трудомъ, являются прямымъ нарушеніемъ основного принципа общей программы.

Практическія предложенія новой программы обнаруживаютъ такую же поспѣшность въ редакціи, какъ и ея мотивировка. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр., о покупкѣ общинами машинъ и объ отдачѣ ихъ малоземельнымъ крестьянамъ въ безплатное пользованіе, не принесутъ имъ особенной пользы, потому что, по незначительности своихъ участковъ и практикуемымъ ими пріемамъ культуры, эти крестьяне мало нуждаются въ машинахъ. Точно также пониженіе провозныхъ желѣзнодорожныхъ платъ на удобреніе, машины и пр. послужитъ скорѣе интересамъ крупныхъ собственниковъ, чѣмъ крестьянъ. Пониженіе законнаго процента не избавитъ крестьянина отъ когтей ростовщика — разъ онъ опустился до положенія, вынуждающаго его обратиться къ послѣднему. Замѣна всѣхъ теперешнихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ однимъ прогрессивнымъ налогомъ съ доходовъ свыше 3.000 франковъ въ настоящее время совершенно неосуществима, такъ какъ для этого потребовалось бы обложить чистый доходъ отъ промышленности (исходя изъ цифръ роста накопленія богатствъ въ Англіи) въ среднемъ, по крайней мѣрѣ, тридцатью процентами. Словомъ, практическія предложенія новой аграрной программы совершенно не объясняютъ намъ, какимъ образомъ французская рабочая партія собирается удержать малоземельныхъ крестьянъ во владѣніи ихъ парцеллярной собственностью, которая, по ихъ собственному признанію, обречена на неизбѣжную гибель.

Итакъ, мѣры, предлагаемыя въ интересахъ малоземельныхъ крестьянъ, не достигнутъ цѣли. Но что же можно для нихъ сдѣлать?

Мы безусловно согласны,—говоритъ Энгельсъ,—съ тѣмъ положеніемъ французской программы, что хотя мы и предвидимъ неизбѣжную гибель малоземельныхъ крестьянъ, но отнюдь не призваны ускорять ее своимъ вмѣшательствомъ. Наша задача, по отношенію къ малоземельному крестьянству, состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы превратить его частное производство и частное владѣніе въ общественныя,

дѣйствуя примѣромъ и предложеніемъ для достиженія этой цѣли общественной помощи. И у насъ, конечно, есть достаточно средствъ, чтобы выставить на видъ малоземельному крестьянину всю ту пользу, которая уже теперь должна быть для него ясна.

Въ западной Европѣ есть страна, въ которой крестьянство составляетъ преобладающій элементъ. Это — Данія, въ которой существуетъ одинъ только «настоящій» городъ—Копенгагенъ. Волей-неволей поэтому почти все вниманіе здѣсь пришлось обратить на деревню; и вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ въ Даніи выработанъ планъ, отвѣчающій той цѣли, о которой только-что было упомянуто. Крестьяне деревни или прихода (въ Даніи много большихъ отдѣльныхъ дворовъ) должны соединить свою землю въ одно большое владѣніе, обрабатывать ее на общій счетъ, а доходъ дѣлить сообразно съ величиной земельныхъ участковъ, затраченными денежными средствами и количествомъ труда. Мелкая крестьянская собственность играетъ въ Даніи второстепенную роль [1]). Но если примѣнить ту же идею къ мелкому владѣнію, то окажется, что при соединеніи такихъ участковъ и при крупной культурѣ ихъ общей площади часть занятыхъ до того времени рабочихъ рукъ сдѣлается излишней. Занятіе для этихъ рабочихъ рукъ можетъ быть найдено двоякое: или эти соединившіеся крестьяне возьмутъ болѣе значительные земельные участки изъ сосѣднихъ большихъ владѣній, или же имъ дадутся средства заняться побочнымъ промышленнымъ трудомъ, по возможности и преимущественно для собственнаго потребленія. Въ обоихъ случаяхъ они станутъ въ лучшее экономическое положеніе и въ то же время будетъ обезпечена возможность систематическаго воздѣйствія, съ цѣлью перевести крестьянское товарищество въ высшую форму, и уравнять права и обязанности, какъ всего товарищества, такъ и отдѣльныхъ его членовъ, съ правами и обязанностями прочихъ классовъ. Какъ достигать этой цѣли въ различныхъ случаяхъ—будетъ зависѣть отъ условій, при которыхъ происходитъ преобразованіе. Между прочимъ, было-бы полезно обратить всѣ ипотечные долги въ государственные съ пониженіемъ процента, выдавать крестьянамъ ссуды (деньгами и натурой) для организаціи крупнаго производства и т. д.

Главное же надо объяснять мелкимъ хозяевамъ, что ихъ спасеніе, какъ самостоятельныхъ производителей, заключается въ обращеніи индивидуальнаго пользованія въ товарищеское. Единичное хозяйство, обусловленное индивидуальнымъ владѣніемъ, ведетъ крестьянъ къ гибели. Разъ мелкіе хозяева будутъ упорно стоять за индивидуальное производство, они неизбѣжно будутъ изгнаны изъ своего дома и двора;

[1]) Термины «крупное» и «мелкое» землевладѣніе, въ примѣненіи къ Даніи, имѣютъ, впрочемъ, очень относительное значеніе, принимая во вниманіе, что число лицъ, владѣющихъ свыше 6,6 гектаровъ на каждое, не составляетъ и 1% всего числа собственниковъ этой страны. *Прим. ред.*

ихъ устарѣлый способъ производства будетъ вытѣсненъ крупнымъ капиталистическимъ. Надо дать крестьянамъ возможность самимъ ввести крупное производство не за капиталистическій, а за свой собственный общій счетъ. Что такой ходъ дѣла—въ ихъ интересахъ, что для нихъ это единственное средство къ спасенію—развѣ это не должно быть растолковываемо мелкимъ земледѣльцамъ? Пока же переходъ мелкаго земледѣльческаго производства въ общественное не получитъ осуществленія—надлежитъ принимать разнообразныя дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы борьба капитала и крупной собственности съ мелкой велась болѣе справедливо, чѣмъ нынѣ, а этотъ результатъ въ значительной степени зависитъ отъ того, на чьей сторонѣ будетъ общественная власть.

И мы рѣшительно становимся на сторону малоземельнаго крестьянина,—энергически продолжаетъ Энгельсъ,—мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать болѣе сносной его судьбу, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, разъ онъ на это рѣшится, а если даже онъ и не будетъ въ состояніи придти къ такому рѣшенію—доставить ему возможность поразмыслить на его клочкѣ земли... Чѣмъ больше число крестьянъ, избавленныхъ отъ дѣйствительнаго вступленія въ ряды пролетаріата, которыхъ мы можемъ склонить на свою сторону, какъ крестьянъ,—тѣмъ скорѣе и легче совершится общественное преобразованіе. Нѣтъ никакой пользы, если преобразованіе будетъ отсрочено до той поры, когда капиталистическое производство разовьется всюду до крайнихъ предѣловъ, когда послѣдній мелкій ремесленникъ и послѣдній малоземельный крестьянинъ падетъ жертвой крупнаго предпринимательскаго производства. Матеріальныя жертвы, которыя должны быть принесены въ интересахъ крестьянъ изъ общественныхъ средствъ, съ точки зрѣнія капиталистической экономіи, могутъ казаться только брошенными деньгами; но онѣ имѣютъ полезнѣйшее примѣненіе, такъ какъ сберегаютъ, можетъ быть, вдесятеро большую сумму, требующуюся на общественную реорганизацію въ цѣломъ. Входить въ частности, дѣлать опредѣленныя указанія въ этомъ направленіи здѣсь не мѣсто; здѣсь можно разсуждать только въ общихъ чертахъ.

Мы не могли бы оказать худшей услуги и себѣ самимъ, и малоземельнымъ крестьянамъ, продолжаетъ авторъ, если бы стали давать призрачныя обѣщанія поддержать парцеллярную собственность. Это значило бы прямо преградить крестьянамъ путь къ освобожденію, а самимъ унизиться до уровня антисемитовъ. Наша обязанность заключается въ возможно лучшемъ разъясненіи крестьянамъ абсолютной невозможности удержать въ ихъ рукахъ парцеллярную собственность, какъ таковую; въ томъ, чтобы внушить имъ увѣренность, что крупное предпринимательское производство перескочитъ черезъ ихъ безсильное, устарѣлое мелкое хозяйство, какъ желѣзнодорожный поѣздъ

перескакиваетъ черезъ тачку. Разъ мы сдѣлаемъ это, мы будемъ дѣйствовать въ духѣ неизбѣжнаго экономическаго развитія... Нѣтъ сомнѣнія, что составители нантской программы держатся такого же мнѣнія, но только не съумѣли ясно высказать своей мысли и допустили такія положенія, которыя могутъ быть истолкованы въ нежелательномъ смыслѣ.

Кромѣ малоземельныхъ крестьянъ, есть и зажиточные, а также рядъ промежуточныхъ ступеней между тѣми и другими. Гдѣ среднеземельные крестьяне разбросаны среди малоземельныхъ—между ними нѣтъ существеннаго различія въ интересахъ и воззрѣніяхъ; опытъ долженъ говорить зажиточному крестьянину, что и его чередъ близокъ, что и самъ онъ превратится въ малоземельнаго. Но тамъ, гдѣ средніе и крупные крестьяне составляютъ преобладающее большинство, гдѣ они пользуются чужимъ трудомъ,—тамъ наибольшее вниманіе должно быть обращено на ихъ наемныхъ рабочихъ. Что же касается самихъ крестьянъ, то—разъ они хотятъ гарантіи дальнѣйшаго существованія ихъ производства—мы абсолютно ничего не можемъ имъ дать; имъ мѣсто у антисемитовъ и тому подобныхъ партій, которыя все обѣщаютъ и ничего не исполняютъ. Передъ нами та экономическая истина, что и многоземельный, и средній крестьянинъ неизбѣжно погибнутъ, благодаря конкурренціи капиталистическаго производства и дешевыхъ заокеанскихъ хлѣбныхъ продуктовъ, что и доказывается растущей задолженностью и замѣтнымъ повсюду упадкомъ этихъ крестьянъ. Мы ничего не можемъ предпринять противъ этого упадка, мы можемъ только рекомендовать соединеніе владѣній для общественнаго производства, при которомъ все больше исчезаетъ эксплуатація наемнаго труда и подготовляется постепенное превращеніе въ равноправную и равнообязанную вѣтвь большого національнаго производительнаго союза. Разъ и зажиточные крестьяне сознаютъ неизбѣжность гибели ихъ теперешняго способа производства и выведутъ изъ этого необходимыя заключенія, нашей обязанностью будетъ облегчить также и имъ, насколько возможно, переходъ къ измѣненному способу производства. Въ противномъ случаѣ ихъ слѣдуетъ предоставить собственной участи и обратить вниманіе на ихъ наемныхъ рабочихъ.

Въ концѣ своей статьи Энгельсъ касается современнаго положенія крупныхъ земельныхъ собственниковъ, главнымъ образомъ—прусскаго юнкерства, владѣющаго громадными помѣстьями въ области на востокъ отъ Эльбы и до послѣдней степени эксплуатирующаго сельскихъ рабочихъ. На этихъ послѣднихъ онъ и совѣтуетъ обратить особенное вниманіе.

НОВЫЯ КНИГИ.

Беллетристика. Критика. Исторія литературы.

Въ мірѣ отверженныхъ, *Л. Мельшинъ*. Записки бывшаго каторжника. Изданіе журнала «Русское Богатство». Спб. 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Книга г. Мельшина рисуетъ потрясающую картину быта каторжанъ. Она заключаетъ въ себѣ много поучительныхъ свѣдѣній какъ для юристовъ и тюрьмовѣдовъ, такъ и для общества. Это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя могутъ подготовлять наше общественное мнѣніе къ тюремной реформѣ, подобно тому, какъ первые труды Григоровича и Тургенева подготовляли въ умахъ современниковъ почву для реформы крестьянской. Но, сверхъ того, книга г. Мельшина представляетъ не мало и чисто художественнаго интереса. Полный почти химерическихъ ужасовъ, «міръ отверженныхъ», даже и послѣ геніальныхъ «Записокъ изъ мертваго дома» Достоевскаго, представляетъ еще много темнаго, что надолго еще останется открытымъ полемъ для всевозможныхъ психологическихъ и научныхъ изслѣдованій. Главный герой каторги, ея таинственный нравственный сфинксъ—добродушный извергъ съ невинной душой и окровавленными руками — прекрасно обрисованъ г. Мельшинымъ. Преступные типы очерчены имъ очень правдиво и реально, но едва-ли разгаданы и психологически достаточно освѣщены. Это дѣло слишкомъ трудное, въ особенности при все болѣе и болѣе усложняющейся жизни. Вы только видите преступника, но его душа остается для васъ по-прежнему таинственной и непонятной. Съ преобразованіемъ судовъ процентъ невинно-осужденныхъ несомнѣнно уменьшился, и на каторгѣ стали чаще встрѣчаться люди съ чудовищными нравственными извращеніями и духовными уродствами. Вотъ напр. передъ вами фигура грека «съ пронзительными черными глазами, страшно худого, со множествомъ штыковыхъ и огнестрѣльныхъ ранъ на тѣлѣ, полученныхъ во время побѣговъ». На вопросъ: за что онъ идетъ на каторгу?—онъ съ самой циничной откровенностью объяснилъ, что въ послѣдній разъ вырѣзалъ цѣлую семью.

«— За что же?—спросилъ авторъ.

— Извѣстно, за деньги,—спокойно усмѣхнулся мой собесѣдникъ.

— Да, но зачѣмъ же было рѣзать... И притомъ всѣхъ, даже дѣтей...

— Всю породу. Въ другой разъ мы двѣ семьи вырѣзали.

Я невольно содрогнулся.

— А Богъ?—спросилъ я.—Развѣ не боитесь?

— Какой Богъ?—спросилъ грекъ, въ свою очередь, понизивъ голосъ и точно съ нѣкоторой грустью:—гдѣ только мы ни были... Въ такихъ глухихъ мѣстахъ, куда и воронъ костей не заносилъ... Нигдѣ не видали ни Бога, ни дьявола».

Другой разбойникъ, богатырь Семеновъ, неукротимая боевая натура, всю свою жизнь провелъ въ буйствахъ, грабежахъ и убійствахъ, какъ въ острогахъ, куда сталъ попадать періодически съ 12-ти-лѣтняго возраста, такъ и на волѣ, когда удавались его отчаянно-смѣлые побѣги.

«Одна красная полоса разстилалась надо всѣми его чувствами, думами и вожделѣніями: непримиримая ненависть ко всѣмъ существующимъ традиціямъ и порядкамъ, начиная съ экономическихъ и кончая религіозно-нравственными, ко всему, что клало хоть малѣйшую узду на его непокорную волю и неудержимую жажду наслажденія».

Образчикомъ ранней испорченности, совершенно чуждой элементовъ преступнаго героизма Семеновыхъ, является въ портретной галлереѣ г. Мельшина арестантъ Чирокъ. Среди шутокъ и прибаутокъ разсказываетъ онъ, какъ подсоблялъ опускать въ погребъ убитую братомъ полюбовницу и другіе случаи изъ своей жизни. На вопросъ Мельшина:

«— За что вы черемиса задавили?

Чирокъ, не обинуясь, отвѣчаетъ:

— За шею, вѣстимо. Какъ же не задавить было проклятаго? Поѣхали мы съ Егоршей по сѣно... по чужое то-ись. Вотъ наворотили два огромныхъ воза и ѣдемъ домой. А навстрѣчу черемисъ этотъ самый. Какъ тутъ быть? Оставить такъ—донесетъ вѣдь, шельма. Ну, взяли мы и накинули ему на шею удавку.

— А разскажи еще, какъ мужика-то ты за голову сахару укокошилъ.

— Это еще чаво помнить. Робячимъ еще дѣломъ было, какое это преступленіе?

— Все-таки разскажите.

— Пріѣхалъ къ тятькѣ знакомый мужикъ въ гости, пьяный-распьяный. Покамѣстъ онъ съ тятькой сидѣлъ, мы, ребятишки, нашли у него въ саняхъ кулекъ съ разными сластями. Хотѣли было уволочь кулекъ, глядь, онъ выходитъ, хозяинъ то-ись. Еле ноги волочитъ. Сѣлъ кое-какъ въ сани.—Прокати, говоримъ, дяденька!—Усѣлись мы съ имъ и поѣхали. Вотъ я взялъ возжи-то, да и накинулъ ему сонному на шею. Онъ и захрапѣлъ. Мы кулекъ сцапали и на убѣгъ, а его лошадь домой мертваго привезла. Тятька-то, надо быть, сдогадался, призвалъ насъ и пригрозилъ кнутомъ: «молчите, сучьи дѣти».

Старшему изъ убійцъ было тогда одиннадцать, а младшему—всего восемь лѣтъ.

А вотъ картинка перваго пробужденія человѣка-звѣря въ дураковатомъ парнѣ Андреѣ:

«Жилъ Андрей съ любовницей Ульяной три года, причемъ безпробудно пьянствовалъ. Наконецъ, Ульяна поссорилась съ нимъ и, забравъ свою «лопать» (одежду), ушла къ другому мужику. Любовницы Андрей не жалѣлъ, но «лопать» считалъ своею и явился къ любовницѣ требовать вещи. Послѣдовалъ грубый отказъ.

— Раньше я ничего такого въ умѣ не держалъ,—разсказываетъ Андрюшка,—но тутъ меня забрало! Какъ, думаю, за мои же деньги смѣетъ стерва такъ надо мною галиться? Оглядываюсь. Въ углу на лавкѣ мужикъ сидитъ, ея новый полюбовникъ, а на столѣ большой ножъ лежитъ. Схватываю я ножъ. «А, ты такъ?—говорю. Такъ вотъ же тебѣ, тварипѣ» и всаживаю ей ножикъ въ самое пузо. Она и шары выпучила... Гляжу: руки растопырила и валится, валится на меня... Вотъ этакъ... Ха-ха-ха-ха.

— Хо-хо-хо!—грянула въ отвѣтъ камера при видѣ Андрюшки, изображающаго, какъ валилась на него убитая, распяливъ руки и вытаращивъ глаза.

Съ такимъ же смѣхомъ онъ разсказываетъ, какъ вслѣдъ за любовницей тотчасъ же убилъ и мужика.

— Чего же вы смѣетесь, Андрей?—не вытерпѣлъ я:—развѣ такъ легко и пріятно людей убивать?

— А чего-жъ тутъ труднаго?—спросилъ Андрюшка, удивленно на меня взглянувъ.—Я и самъ сначала думалъ: «не приведи, молъ, Богъ убить человѣка», а на дѣлѣ увидалъ, что все едино, что барана, что человѣка зарѣзать! Тотъ же паръ. Ткнешь ножикомъ въ брюхо и не слышишь даже: такъ, во что-то мягкое, ровно въ мякину, ножикъ ползетъ. Теперь я, какъ изъ камеры выйду, каждый день стану по одному ихъ рѣзать.

— Кого это ихъ?

— Да кого придется. Кто заслужитъ. А пуще всего, братцы, бабъ стану рѣзать, потому въ ихъ я наиболѣе скусу нашелъ.

Сколько разъ ни разсказывалъ этотъ доморощенный Джекъ-потрошитель свою исторію, каждый разъ имъ овладѣвала неудержимая веселость, а между тѣмъ въ обычной жизни это былъ арестантъ далеко не изъ худшихъ, тихій и работящій, не потерявшій окончательно совѣсти, не наплевавшій на честность».

Еще больше твердости въ преступленіи и нравственной ожесточенности было въ молодомъ безусомъ парнѣ, почти мальчишкѣ, Луньковѣ. Еще ребенкомъ онъ за что-то убилъ дѣвочку подъ мостомъ, затѣмъ участвовалъ въ грабежѣ почты, причемъ совѣтовалъ прикончить и кучера и почтальона, чтобъ не донесли, и былъ сосланъ въ каторгу за третье убійство — старика, пошедшаго вмѣстѣ съ нимъ коробейничать. Арестованнаго Лунькова привели въ волость, гдѣ лежалъ убитый.

«— Тотъ-ли, спрашиваютъ, котораго ты убилъ? Я посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него,—разсказываетъ Луньковъ,—лежитъ какъ живой: борода съ сѣдинкой и на груди раночка махонькая... Взялъ я его за бороду и къ свѣту этакъ повернулъ. Еще посмотрѣлъ, посмотрѣлъ... Да какъ размахнусь вдругъ ногой, да какъ хвачу его въ подбородокъ носкомъ: «заодно ужъ пропадать за тебя, сволочь!» Ну, тутъ схватили меня, протоколъ составили.

— За что же вы, Луньковъ, такую гадость сдѣлали? Убили ни за что, да еще надъ мертвымъ надругались?

— Что-жъ изъ того, что убилъ. Я изъ за его, изъ за сволочи, 13 лѣтъ долженъ въ каторгѣ мучиться, а онъ-то теперь спитъ, ему ничего,—отвѣчалъ Луньковъ съ типичною для подобныхъ убійцъ ненавистью къ мертвымъ».

Воспитанный въ мошеннической семьѣ, по-своему умный, разсуждающій и даже резонирующій, Луньковъ обнаруживалъ полное отсутствіе основныхъ нравственныхъ понятій.

«— Вы дурно жили,—сказалъ однажды Лунькову Иванъ Николаевичъ, отъ имени котораго ведется разсказъ Мельшина.

— Чѣмъ же дурно, Иванъ Николаевичъ?—возразилъ онъ.—Вотъ, еслибы я голоднымъ ходилъ, оборваннымъ, подъ окнами просилъ, тогда бы можно сказать: дурно. А то я жилъ слава Богу.

— Еще и Бога поминаете!

— Онъ проститъ, Иванъ Николаевичъ. Въ писаніи сказано вѣдь—вотъ я недавно читалъ: «ежели Богъ захочетъ—ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣцкой». Какой же, слѣдовательно, грѣхъ, что я убилъ? Значитъ, такъ Господь хотѣлъ».

Послѣ освобожденія онъ мечтаетъ о томъ, что раньше, чѣмъ вернется домой, зайдетъ въ одно мѣсто на разживу.

— Совѣстно было бы къ отцу безъ денегъ придти съ пустыми руками. Гдѣ, скажетъ, шлялся столько лѣтъ? Нищимъ вернулся? Я теперь корми тебя?

Этотъ же Луньковъ совершенно откровенно признается, что за 100, за 200 рублей готовъ убить всякаго человѣка, не исключая и бесѣдующаго съ нимъ по душѣ Ивана Николаевича.

Не правда-ли, какое сборище изверговъ, нравственныхъ монстровъ и демоновъ зла? А между тѣмъ, эти же самые демоны зла, съ десятками убійствъ на не знающей раскаянія душѣ, предаются на вашихъ глазахъ съ дѣтски-невиннымъ увлеченіемъ и беззаботностью чисто ребячьимъ играмъ и забавамъ—играютъ въ жмурки, ставятъ банки Чирку и т. п. Отъ ужаснаго до комически смѣшного тоже, повидимому, только одинъ шагъ въ жизни и ощущеніяхъ этихъ нравственно-ненормальныхъ людей. Злодѣй Чирокъ, загубившій на волѣ съ десятокъ душъ, въ тюремной жизни оказывается прекраснымъ товарищемъ, «простымъ и хорошимъ», «незлобливымъ и добродушнымъ» и положительно всѣми любимымъ. Дикій душегубъ Гончаровъ подмялъ подъ себя сельскаго учителя за то, что тотъ при немъ побилъ ребенка и, диктуя въ письмѣ домой благословеніе своей маленькой внучкѣ, плачетъ, какъ баба. Отцеубійца оказывается до щепетильности честнымъ въ денежныхъ разсчетахъ; арестантъ, убившій брата, поражаетъ начальство своимъ тихимъ и трудолюбивымъ поведеніемъ. Послѣ цѣлаго ряда правдивыхъ сценъ изъ внутренней душевной жизни каторжанъ, вы вполнѣ раздѣляете глубоко-гуманное настроеніе автора, когда онъ говоритъ, что «даже и такихъ страшныхъ людей онъ научился понимать и любить, научился находить въ нихъ тѣ же человѣческія черты, какія были въ немъ самомъ, такое же умѣнье страдать и чувствовать страданіе». Лишеніе свободы, безсмысленный трудъ, цѣлый рядъ жестокостей надъ этими бѣдными, ожесточенными до звѣрства извергами, расправы конвойныхъ солдатъ и казаковъ надъ больными и отстающими арестантами, полная утрата совѣсти и т. д., все это сплетается въ воображеніи читателя въ какой-то мучительный хаосъ впечатлѣній, давитъ первы, какъ тяжелый кошмаръ жизни, отъ котораго, къ сожалѣнію, нельзя проснуться. На мрачномъ фонѣ этихъ ужасовъ безконечно трогательное впечатлѣніе производитъ трагическая исторія молодого ферганца Марозгали, осужденнаго, единственно только по излишнему формализму суда, 16-ти лѣтъ за участіе въ убійствѣ конокрада, совершенномъ отцомъ, и умирающаго въ сибирской тюрьмѣ невинною жертвою чужихъ ошибокъ съ наивнымъ вопросомъ на устахъ: «зачѣмъ на свѣтѣ каторга, Николайчикъ?» Да, зачѣмъ на свѣтѣ столько ужасовъ и страданій, читатель, и что сдѣлать, какъ достигнуть того, чтобы ихъ было хоть чуточку меньше? Вотъ вопросъ, который остается на душѣ по прочтеніи интересной книги г. Мельшина.

Вл. Чересванскій. **Подъ боевымъ огнемъ.** Историческая хроника. Въ двухъ частяхъ. Съ иллюстраціями *А. Ф. Лагоріо, Н. Н. Каразина* и др. Спб. 1896 г.

Среди современнаго беллетристическаго худосочія—всѣхъ этихъ разсказовъ,

новеллъ, очерковъ, набросковъ—появленіе исторической хроники г. Череванскаго въ двухъ частяхъ—книги очень почтенной по толщинѣ—то же, что появленіе слона среди пресмыкающихся. Не скудѣетъ земля русская талантами, способными сочинять такія пространныя хроники, и сочинять не какъ-нибудь, а въ блестящемъ вооруженіи знаній, начитанности и остроумія. Эти три качества шествуютъ дружнымъ тріумвиратомъ по всѣмъ пяти стамъ страницамъ, причемъ знаніе показываетъ вниманію читателя невиданной красоты картины, начитанность усыпаетъ пути его розами цитатъ, а остроуміе, подобно дуновенію благоухающаго зефира, свѣваетъ съ чела утомленіе. При такихъ условіяхъ, пятьсотъ страницъ хроники проглатываются съ пріятностью, и, когда переворачиваешь послѣднюю страницу, въ груди, на зависть всѣмъ историческимъ романистамъ, просыпается сожалѣніе, что нѣтъ еще пятисотъ страницъ, по которымъ можно было бы прогуляться съ такимъ же удовольствіемъ. Знанія, начитанность, остроуміе и слогъ, равнаго которому нѣтъ, если не во всей подлунной, то, по крайней мѣрѣ, въ россійской словесности. До сихъ поръ намъ приходилось видѣть большей частью образчики посредственнаго слога, изрѣдка недурного слога и очень рѣдко—хорошаго, но такого утонченнаго, такого изысканнѣйшаго слога, признаемся, до сихъ поръ не видывали. Каждая фраза старательно выточена, украшена завитушками, окурена остроуміемъ и снабжена вдобавокъ незамѣтной цитатой изъ какого-нибудь писателя, съ которымъ—намъ пріятно это подтвердить—г. Череванскій усердно знакомился. Описывается, напримѣръ, какая-нибудь розовая тучка, и авторъ не премнетъ сообщить, что плыветъ она «съ сѣвера дальняго въ сторону южную»; разсказывая о жаркомъ сраженіи, авторъ замѣчаетъ, что «рука бойцовъ колоть устала»; смотритъ герой (у котораго опредѣлившіеся взгляды на «базаръ житейской суеты») на Волгу, но—увы!—ни одинъ «парусъ не бѣлѣетъ» между усадьбой и обителью. Даже Скобелевъ, въ угоду г. Череванскому, цитируетъ Грибоѣдова, говоря, что верблюдъ «есть вещь, а прочее все гиль». Отъ этого блеска безчисленныхъ цитатъ глазамъ больно, и когда, наконецъ, на 147 стр., въ галантномъ спорѣ героя Можайскаго съ героиней Ириной о высокихъ добродѣтеляхъ женщины, которую почему-то несправедливо обижали писатели всѣхъ странъ, временъ и народовъ, блескъ цитатъ и остроумія достигаетъ высочайшей степени—чувствуешь себя окончательно пресыщеннымъ. Боже мой, зачѣмъ это все такъ хорошо,—думаешь невольно,—ахъ, еслибы все это было немножко хуже! Всѣ герои—до самаго послѣдняго мужика—выражаются приторнымъ слогомъ великосвѣтскихъ салоновъ, ужасно галантны и ужасно остроумны. И остроуміе опять-таки особеннаго специфическаго оттѣнка—приторное остроуміе великосвѣтскихъ салоновъ, не глупое, но такое, что хуже всякой глупости. Герои стоятъ другъ передъ другомъ въ почтительныхъ позахъ и безпрестанно кланяются, какъ китайскіе болванчики. Право же, это, наконецъ, становится нестерпимо. При такихъ условіяхъ, еслибы произведеніе г. Череванскаго было обыкновеннымъ беллетристическимъ произведеніемъ, а не «историческою хроникою», мы бы не затруднили себя до конца чтеніемъ подобнаго произведенія и никому не посовѣтовали бы подвергаться добровольному истязанію, но подъ грудами стилистическихъ конфетокъ погребены нѣкоторыя любопытныя историческія подробности

о взятіи Скобелевымъ Геокъ-Тепе и о бытѣ текинцевъ. Въ исторіи Скобелевъ представляется не совсѣмъ обыкновенной личностью, и потому къ каждой попыткѣ освѣтить эту загадочную личность мы должны отнестись со вниманіемъ. Сообщаемые г. Череванскимъ факты довольно любопытны и могутъ помочь выясненію вопроса, каковъ въ самомъ дѣлѣ былъ внутренній міръ этого человѣка, забрызганнаго грязью нѣкоторыми историками и произведеннаго въ герои народной молвой. У г. же Череванскаго были подъ руками интересные матерьялы: судя по нѣкоторымъ частностямъ описанія осады Геокъ-Тепе и картины взрыва, можно предположить, что авторъ самъ былъ участникомъ экспедиціи, а можетъ быть онъ пользовался дневникомъ одного изъ участниковъ средне-азіатской экспедиціи, о которомъ имѣется указаніе на 69 стр. второй части. Точно также интересно описанъ бытъ мелкихъ кочевыхъ племенъ Средней Азіи. Тѣмъ, кто интересуется указанными вопросами, можно, пожалуй, рекомендовать для ознакомленія «историческую хронику» г. Череванскаго: авось кое-что остановитъ на себѣ ихъ вниманіе. При этомъ не мѣшаетъ предупредить, что отважнымъ, подобно русской арміи въ средне-азіатскихъ степяхъ, придется терпѣть немалыя лишенія: тащиться по пустынямъ скучнѣйшей болтовни, терпѣть ослѣпительное остроуміе великосвѣтскаго празднословія, долготерпѣливо питаться обсахаренными фразами и періодами и томиться жаждой по дѣйствительно художественнымъ картинамъ, ибо все то, что въ видѣ художественныхъ картинъ преподносится авторомъ, не болѣе, какъ миражи.

Собраніе сочиненій *Бьернстерна-Бьернсона.* Кіевъ. 1896 г.

Бьернсонъ не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ писателей, которые сразу бросаются въ глаза, поражаютъ художественностью произведеній, глубиной мысли. Нѣтъ, къ Бьернсону нужно хорошо присмотрѣться, приноровиться къ его манерѣ, для того, чтобъ вы увидѣли, что имѣете дѣло съ первоклассным художникомъ-поэтомъ и глубокимъ мыслителемъ. До тѣхъ же поръ онъ вамъ можетъ показаться тяжеловатымъ, неуклюжимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже страннымъ и слишкомъ туманнымъ. Но стоитъ только хорошо разглядѣть эти высокія, вѣчно покрытыя снѣгомъ, окруженныя туманомъ горы, эти мрачныя скалы, у которыхъ бушуютъ морскія волны, стоитъ только разсмотрѣть этихъ грубоватыхъ, неповоротливыхъ, въ большинствѣ случаевъ молчаливыхъ людей, которымъ приходится выдерживать борьбу за существованіе среди такихъ суровыхъ условій, стоитъ, говорю я, вамъ это сдѣлать, какъ передъ вами открывается такая поразительная по своей глубинѣ, красотѣ и оригинальности картина, отъ которой вы не въ состояніи оторвать глазъ. Какъ по мановенію волшебнаго жезла, передъ вами оживаютъ мертвыя, безплодныя скалы, начинаютъ двигаться снѣжныя горы, словомъ, все то, что кажется мертво, неподвижно и фатально-безсмысленно, оживаетъ подъ перомъ замѣчательнаго художника, получаетъ смыслъ и логическую послѣдовательность. Вы видите передъ собою не мрачныя каменныя, въ безпорядкѣ разбросанныя громады, бездонныя пропасти, бѣшеныя волны, а нѣчто цѣльное, связное, проникнутое гармонической красотой, той красотой, которая присуща самой мрачной природѣ. Глядя на эту суровую, ве-

личественную природу, вы начинаете понимать этихъ суровыхъ на видъ людей, которые очень мало говорятъ, но очень много дѣлаютъ и чувствуютъ гораздо, гораздо лучше и глубже, чѣмъ тѣ, которые очень много и краснорѣчиво распространяются о своихъ чувствахъ. Герои и героини Бьернсона, кто бы они ни были, злые, добрые, порочные, добродѣтельные, умные, глупые,—не дряблые, безличные, шаблонные манекены, а люди, правда, иногда неотесанные, неровные и упрямые, но въ каждомъ изъ нихъ вы непремѣнно найдете что-нибудь оригинальное, индивидуальное, и всѣ они всегда остаются людьми и никогда не доходятъ до полнѣйшаго скотства и звѣрства. Умѣніе отыскивать въ человѣкѣ «человѣческое»—одна изъ особенностей Бьернсона. Какъ бы глубоко это человѣческое ни было зарыто въ душѣ его героя или героини, въ концѣ концовъ онъ съумѣетъ вытащить его на свѣтъ Божій. У Бьернсона нѣтъ человѣка, въ душѣ котораго не хранился бы глубокій источникъ любви и готовность къ самопожертвованію; нужно только знать, какъ отыскать этотъ источникъ, какъ подойти къ нему. А у Бьернсона этотъ источникъ добра стоитъ на первомъ планѣ. Онъ отыскиваетъ красоту какъ въ самой мрачной природѣ, такъ и въ самой непригляднй жизни, въ самой порочной душѣ человѣка открываетъ цѣлое сокровище добра. И это «добро» не искусственно, не создано сантиментальными фразами, оно органически связано съ жизнью, такъ же правдиво, какъ сама жизнь. Въ чувствахъ этихъ молчаливыхъ, угрюмыхъ людей такая сила и мощь, что отрадно становится «за человѣка», въ душѣ котораго хранится такая сокровищница. Да! какъ бы ни было могущественно зло, какой бы ложью ни была проникнута жизнь, но разъ въ человѣкѣ хранятся такіе неисчерпаемые источники добра, такое неудержимое стремленіе къ правдѣ, справедливости, то, рано или поздно, добро восторжествуетъ надъ зломъ, а правда и справедливость возьмутъ верхъ надъ ложью, и въ концѣ концовъ человѣчество выбьется на настоящую дорогу и сброситъ съ себя путы, въ которыя опутало его варварство...

Любовь къ людямъ, къ человѣчеству является отличительной чертой поэзіи Бьернсона. «Когда бываетъ истинное утро?»—спрашиваетъ его героиня Рагни.—«Когда сквозь ненастья и печали въ твоей душѣ зарождается солнечный лучъ и ты готовъ прижать къ своей груди весь міръ и быть добрымъ ко всѣмъ, тогда и бываетъ истинное утро». Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы «любовь» Бьернсона жила въ мирѣ со «зломъ». Нѣтъ, его герои не хныкаютъ, не носятся съ своей любовью, какъ съ писаною торбою, и не ждутъ милости отъ «зла»; они умѣютъ постоять за себя, за свои права, человѣческое достоинство и постоянно ведутъ борьбу со зломъ не на жизнь, а на смерть. Въ этихъ схваткахъ со зломъ его герои иногда обнаруживаютъ удивительную страстность и необузданность. Напр., въ романѣ «По божьему пути» Эдуардъ Калепъ даетъ пощечину своей сестрѣ, выгоняетъ ее изъ дому и, когда она молитъ его о прощеніи, говоритъ: «Ты, Іозефина, никогда не получишь прощенія, никогда не войдешь въ мой домъ!» И этимъ онъ ее чуть-ли не доводитъ до самоубійства. Вообще, Бьернсонъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ и крупныхъ писателей нашего времени; въ Европѣ онъ давно пользуется заслуженною извѣстностью, а у насъ становится извѣстнымъ только въ самое послѣднее время.

Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губ. *М. Е. Соколовъ.* Петровскъ. 1896 г.

Брошюра эта дѣлаетъ честь провинціальной типографіи и даже любознательности автора, записавшаго 26 былинъ и пѣсенъ, но вызываетъ полное недоумѣніе содержаніемъ предисловія и введенія къ ней. То и другое носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды провинціальнаго чудачества и притомъ далеко не безвреднаго. Авторъ начинаетъ съ заявленія, что слово Владиміръ онъ пишетъ черезъ *и* восьмиричное, слово растетъ черезъ *о* и т. д. Затѣмъ, вмѣсто объясненія и разъясненія былинъ и пѣсенъ, возбуждающихъ нѣкоторые вопросы, онъ распространяется... объ украинофильствѣ, перемѣшивая свои разсужденія о немъ фонетическими разысканіями, въ родѣ того, что «общерусское *я* переходитъ у южновеликоруссовъ и малоруссовъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ въ *и*», и т. п. Но разсужденія его объ украинофильствѣ уже не столь невиннаго свойства. Ему зачѣмъ-то понадобилось клеветать на «книжонки» «въ родѣ произведеній Тараса Шевченко», о которыхъ, будто бы, «малороссы выражаются вполнѣ презрительно», называть Н. Костомарова украинофиломъ и тутъ же добавлять, что украинофильство — недомысліе. Впрочемъ, къ убѣжденнымъ украинофиламъ г. Соколовъ милостивѣе: они только невѣжды и наивные романтики; всѣ же остальные «являются просто полонофилами или недоляшками». Послѣ такого введенія, авторъ успѣлъ сообщить о былинахъ и пѣсняхъ безъ всякихъ доказательствъ только то, что въ каждой губерніи первыхъ можно записать не менѣе 500, а вторыхъ не менѣе 10 тыс. Для какой же цѣли попошеніе украинофильства пристегнуто къ сборнику былинъ—остается неразъясненнымъ. Издавая этотъ сборникъ, г. Соколовъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы оставилъ свое введеніе у себя и только для себя; читателю, интересующемуся былинами, и всякому другому, привыкшему къ извѣстной порядочности въ литературѣ, оно совсѣмъ не нужно.

Втроемъ по Темзѣ. Джеромъ Джерома. Съ англ. Н. Ж. Съ рис. Изд. *М. М. Ледерле и К°.* 406 стр., Спб. 1896 г.

Имя англійскаго юмориста Джеромъ Джерома появилось въ русской переводной литературѣ очень недавно и, тѣмъ не менѣе, успѣло привлечь къ себѣ вниманіе читателей. Авторъ умѣетъ тонко наблюдать, умѣетъ подмѣчать комическія стороны въ людяхъ и выставлять ихъ въ еще болѣе смѣшномъ, нѣсколько утрированномъ видѣ, посмѣиваясь безъ всякой злости, а напротивъ, съ полнѣйшимъ добродушіемъ и возбуждая такой же смѣхъ въ читателѣ. Кто-то сказалъ, что беллетристу гораздо труднѣе заставить своихъ читателей смѣяться, чѣмъ плакать, подразумѣвая въ этомъ случаѣ, разумѣется, не тотъ смѣхъ, которымъ заливается какой-нибудь апраксинецъ, наслаждаясь тупорылыми остротами изъ «Шута» или произведеніями Лейкина, а тотъ умный, такъ сказать, проницательный смѣхъ, который проникаетъ до глубины души и заставляетъ задумываться. Способностью возбуждать такой смѣхъ Джеромъ Джеромъ обладаетъ въ совершенствѣ. Вся его книжка состоитъ изъ тонкихъ наблюденій надъ слабостями человѣческими, описанныхъ съ удивительной безъискусственностью и простотой. Всевозможныхъ вычурностей Джеромъ Джеромъ старается избѣгать; онъ не вычуренъ даже тамъ, гдѣ

утрируетъ. Читатель чувствуетъ, что передъ нимъ—не выдумки досужаго автора, а самая жизнь, такая жизнь, какова она есть на самомъ дѣлѣ; именно въ ней и смѣшно то, что подмѣчено и подчеркнуто авторомъ. Смѣхъ, возбуждаемый авторомъ, веселый, здоровый и безобидный смѣхъ, смѣхъ отъ всей души. У меня есть одинъ пріятель, который приходитъ чуть не въ бѣшенство, если видитъ передъ собой человѣка, желающаго во что бы то ни стало смѣшить, дѣлающаго всевозможныя неудачныя потуги съ этою цѣлью. Въ такихъ случаяхъ мой пріятель поднимаетъ руки и говоритъ: «щекотите, щекотите, а то такъ вѣдь не смѣшно?» Есть и книги, хотя и написанныя для смѣха, но которыя тоже должны сопровождаться посторонними воздѣйствіями, чтобы возбуждать смѣхъ. Книжка Джеромъ Джерома не принадлежитъ къ ихъ числу. Авторъ беретъ самый незамысловатый сюжетъ: три молодыхъ человѣка, начитавшись медицинскихъ книжекъ, вообразили въ себѣ всѣ тѣ болѣзни, о которыхъ прочли, и, чтобы исцѣлиться отъ нихъ и отъ своей мнительности, поѣхали въ лодкѣ по Темзѣ. Путешествіе совершается безъ всякихъ приключеній, но на каждомъ шагу автору представляются случаи, чтобы сдѣлать экскурсію въ сторону—вспомнить какой-либо инцидентъ изъ своей жизни или изъ жизни своихъ знакомыхъ. Въ результатѣ получается интересная цѣпь событій, которая увлекаетъ читателя, не даетъ ему отрываться отъ книжки, не дочитавъ ея до конца, и заставляетъ смѣяться. Нѣкоторыя главы великолѣпны какъ по психологической основѣ, такъ и по художественному исполненію (напр., гл. III, «Какъ достойный дядя Поджеръ вѣшалъ картину», гл. XIII, «Собачій бой», глава VIII. «Непріятный случай съ нѣмецкимъ профессоромъ» и т. д.). Словомъ сказать, читатель не потеряетъ времени, потративъ часъ-другой на прочтеніе книжечки Джеромъ Джерома.

Въ дополненіе слѣдуетъ сказать, что переводъ сдѣланъ г. **Н. Ж.** очень хорошо, легкимъ, изящнымъ языкомъ. Издана книжка г. Ледерле превосходно. Вообще слѣдуетъ отмѣтить этого издателя, съумѣвшаго въ короткое время издать цѣлый рядъ прекрасныхъ беллетристическихъ произведеній, и, къ тому же, издать чрезвычайно изящно и по сравнительно недорогой цѣнѣ [1]).

Исторія. Общественныя науки. Юриспруденція, публицистика.

Учебникъ русскаго гражданскаго права. *І. Ф. Шершеневичъ.* Казань. 1896 г. Ц. 5 руб.

Въ изложеніи своемъ авторъ придерживается пандектной системы, которую онъ называетъ лучшей и наиболѣе отвѣчающей требованіямъ научной классификаціи; поэтому учебникъ его раздѣляется на двѣ части: общую и особенную; послѣдняя, въ свою очередь, дѣлится на 5 отдѣловъ: 1) Вещное право. 2) Исключительное право. 3) Обязательственное право. 4) Семейное право. 5) Наслѣдственное право.

Изложенію предмета предшествуетъ довольно обширное введеніе, въ кото-

[1]) См. «Новое Слово» 1895 г., октябрь.

ромъ даются общія опредѣленія. Здѣсь же, на страницѣ 5-й, мы находимъ и опредѣленіе гражданскаго права, которое у г. Шершеневича сводится къ слѣдующему: *гражданское право представляетъ собою совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ частныя отношенія отдѣльныхъ лицъ въ обществѣ*; подобное опредѣленіе слѣдуетъ признать чрезвычайно узкимъ. Для того, чтобы установить правильное понятіе гражданскаго права, намъ необходимо предварительно опредѣлить, что такое *право* вообще. *Правомъ*, по нашему мнѣнію, *должно называть порядокъ отношеній людей, соединенныхъ въ общество, порядокъ, регулируемый соображеніемъ объ общемъ благѣ и обезпечиваемый такой защитой, которая отличается: во-1-хъ, своимъ организованнымъ характеромъ и, во-2-хъ, особенными юридическими послѣдствіями, не встрѣчающимися въ другихъ порядкахъ человѣческихъ отношеній*. Это хотя нѣсколько и неуклюжее опредѣленіе имѣетъ то большое достоинство, что имъ исчерпываются *всѣ* признаки права и подчеркиваются его характерныя особенности. Изъ этого опредѣленія мы видимъ, что различія въ правовомъ порядкѣ и формахъ защиты суть единственныя, которыя должны лечь въ основаніе классификаціи права. Отсюда мы можемъ вывести опредѣленіе гражданскаго права, какъ порядка *общественныхъ* отношеній, которыхъ организованная и сопровождаемая юридическими послѣдствіями защита предоставляется иниціативѣ частныхъ лицъ.

Опредѣленіе г. Шершеневича есть господствующее. Это опредѣленіе беретъ свое начало отъ слѣдующаго мѣста Ульпіана: «Jus publicum est, quod ad statum rei Romanae spectat, jus privatum est, quod ad singulorum utilitatem pertinet». Согласно данному опредѣленію, гражданское право ставится въ прямую противоположность съ правомъ публичнымъ, имѣющимъ дѣло съ интересами не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго общества. Такое противоположеніе частныхъ интересовъ публичнымъ, очевидно, неправильно, потому что послѣдніе составляются изъ первыхъ, а всякое право, къ какой бы спеціальной отрасли оно ни принадлежало, есть элементъ общественнаго устройства и существуетъ лишь для споспѣшествованія общему благу. Въ этомъ смыслѣ всѣ права будутъ одинаково публичными. Съ другой стороны, всякое право служитъ личности и, слѣдовательно, ея личному интересу, omne jus hominum causa constitum est, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи все право будетъ частнымъ, но опять-таки безъ всякаго различія между его частями. Отсюда и вытекаетъ сдѣланное нами выше опредѣленіе гражданскаго права. Мы такъ подробно остановились на опредѣленіи гражданскаго права потому, что это есть самый кардинальный пунктъ всего гражданскаго права; это исходная точка всего ученія о гражданскомъ правѣ; и хотя господствующая догма и положительные законы расходятся съ указанной нами точкой зрѣнія, но задача научнаго преподаванія должна сводиться не къ преклоненію предъ печальной дѣйствительностью, не къ пересказыванію своими словами нормъ положительнаго права, а къ начертанію идеаловъ науки, къ указанію тѣхъ, къ сожалѣнію, весьма многочисленныхъ уклоненій отъ этихъ идеаловъ, которыя представляетъ собою дѣйствительность.

Курсъ г. Шершеневича, къ сожалѣнію, страдаетъ этимъ недостаткомъ. Онъ

представляетъ собою прекрасное изложеніе всей системы нашего гражданскаго права; прочтя и изучивши внимательно этотъ курсъ, читатель, безъ сомнѣнія, получитъ полное представленіе о I-ой части нашего X тома свода закон. гражд. и даже о сенатскихъ къ ней толкованіяхъ; но критическая сторона въ этомъ курсѣ совершенно отсутствуетъ: хороши-ли наши гражданскія нормы, соотвѣтствуютъ-ли онѣ дѣйствительности, не нуждаются-ли въ радикальной передѣлкѣ, и въ какомъ именно направленіи должна идти эта передѣлка; чѣмъ объясняется тотъ странный фактъ, что у насъ при судебной коллизіи казна, общество, городъ или компанія почти всегда одолѣваютъ частное лицо — на всѣ эти весьма важные вопросы мы въ курсѣ г. Шершеневича отвѣта, къ сожалѣнію, не найдемъ.

Изслѣдованіе о смертной казни. *А. Ф. Кистяковскаго.* Изданіе второе, подъ редакціей *Т. С.* Спб. 1896 г.

При выходѣ своемъ первымъ изданіемъ книга покойнаго профессора Кіевскаго университета Кистяковскаго обратила на себя сразу вниманіе образованнаго міра и доставила автору ея почетную извѣстность. Въ русской литературѣ о ней не разъ отзывались, какъ о «классическомъ изслѣдованіи», которое «принадлежитъ не только къ разряду выдающихся сочиненій по этому вопросу, но есть лучшее произведеніе во всей европейской литературѣ». «Рядомъ съ этимъ сочиненіемъ, но никакъ не выше его должно быть поставлено изслѣдованіе Гетцеля».

Въ сочиненіи Кистяковскаго слѣдуетъ указать на двѣ характерныя особенности—на крайній объективизмъ, примѣненный къ изслѣдованію фактовъ въ той степени, которая только допустима въ научныхъ трудахъ, что особенно подчеркиваетъ профессоръ Фойницкій, и на соціологическую подкладку, положенную въ основу объясненія законодательныхъ реформъ и такихъ явленій общественной жизни, какъ вымираніе какого-нибудь института. Благодаря этимъ чертамъ, книжка возбуждаетъ особенно широкій и разносторонній интересъ, независимо отъ ея спеціально-научнаго значенія, при разрѣшеніи юридическаго вопроса о смертной казни.

Новое изданіе книги Кистаковскаго, по направленію и характеру своему, ничѣмъ не отличается отъ перваго изданія; только въ VI главѣ, излагающей исторію постепенной отмѣны смертной казни, редакторъ присоединилъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ примѣчанія фактическаго характера о законодательныхъ перемѣнахъ, произведенныхъ въ различныхъ странахъ со времени выхода перваго изданія. Кромѣ того, въ самой книгѣ редакторъ предпослалъ очень талантливо написанное предисловіе, излагающее литературное движеніе по вопросу о смертной казни въ послѣдніе годы.

Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Умственное и общественное состояніе дикарей. *Сэра Джона Лёббока.* Второе изданіе (Ледерле) подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго.

Извѣстное произведеніе Лёббока не нуждается въ рекомендаціи, такъ какъ даже въ Россіи оно выдержало два изданія—петербургское и московское. Г. Ле-

дерле повторяетъ изданіе Коропчевскаго (1876 г.), провѣренное имъ по послѣднему (пятому) англійскому изданію 1889 г. и дополненное двумя записками автора—«О первобытномъ состояніи человѣка» и «Примѣчаніями». Благодаря этому, «Начало цивилизаціи» является теперь на русскомъ языкѣ въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно издается въ оригиналѣ. Изученіе низшихъ человѣческихъ расъ представляется чрезвычайно важнымъ и интереснымъ, потому что, выясняя многіе изъ существующихъ обычаевъ и идей, оно освѣщаетъ прошлое нашихъ предковъ, черезъ которое «легче проникнуть сквозь туманъ, отдѣляющій настоящее отъ будущаго». Въ виду этого, современная и историческая этнографія, а также археологія, въ своемъ обширномъ значеніи, имѣютъ для соціологіи первенствующій интересъ. Особенно важны онѣ для Россіи, народъ которой въ своихъ правовыхъ воззрѣніяхъ все еще сохраняетъ первобытную чистоту и непосредственность. Книга Лёббока, не смотря на то, что она въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ устарѣла, можетъ служить, по богатству содержащихся въ ней фактическихъ матерьяловъ, введеніемъ для такого начальнаго изученія соціологіи, а потому мы считаемъ необходимымъ отмѣтить появленіе въ свѣтъ новаго изданія ея.

Очеркъ итальянскаго возрожденія, профессора *М. С. Корелина*. Москва. 1896 г.

Профессоръ Корелинъ составилъ себѣ почетное имя въ наукѣ своимъ капитальнымъ трудомъ о «Раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ и его исторіографіи». Это изслѣдованіе, вышедшее въ 1892 году, получило значеніе настольной книги для всѣхъ, интересующихся возрожденіемъ и первыми гуманистами. Съ тѣхъ поръ профессоръ Корелинъ не разъ возвращался къ любимому предмету своихъ занятій и сравнительно недавно еще его статья объ этическомъ трактатѣ Лоренцо Валлы освѣтила до нѣкоторой степени неразрѣшенный вопросъ о морали и моралистахъ ренессанса. Лежащая предъ нами книжка г. Корелина предназначена собственно для большой публики, что явствуетъ, какъ изъ характера изложенія, такъ и изъ самаго содержанія. Темы, избранныя на этотъ разъ профессоромъ Корелинымъ, слишкомъ общи и широки для монографической обработки и трактуются только въ главныхъ, существенныхъ чертахъ. Впрочемъ, спеціалистъ сказался и здѣсь: очерки, составившіе содержаніе этой книжки, построены всѣ на внимательномъ анализѣ первоисточниковъ. Авторъ въ нужныхъ случаяхъ ссылается на подлинные трактаты Аретино, на переписку Петрарки, на произведенія Поджіо Браччіолини—и это естественно придаетъ особенный интересъ его очеркамъ. Особенно интересными показались намъ три первые этюда (Что такое «возрожденіе?»—«Петрарка, какъ политикъ» и «Первая гуманистка»). Изъ трехъ послѣднихъ выдѣляется очеркъ объ отношеніи гуманистовъ къ вещественнымъ памятникамъ классической древности. Этотъ *совершенно не затронутый до сихъ поръ никѣмъ* сюжетъ обработанъ г. Корелинымъ такъ обстоятельно, какъ только можно пожелать. Что касается до этюдовъ объ Альберти и Casa gioiosa, то книжка особенно не потеряла бы, еслибъ ихъ и не было.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я чувствую,—я ненавижу Гете, а съ тѣхъ поръ,

какъ я мыслю,—я знаю, за что я его ненавижу», говорилъ Людвигъ Берне. Мы знаемъ, за что критикъ ненавидѣлъ Гете: за его индифферентизмъ, за его подхалимство, за его равнодушіе къ чужой бѣдѣ, за его противный, омерзительный эгоизмъ. Къ чести человѣческой породы, однако, нужно сказать, что по большей части великіе дѣятели въ области поэзіи и отвлеченной мысли были въ то же время и мірскими печальниками, которые больше думали о помощи своимъ братьямъ, чѣмъ о томъ, чтобы брать съ общества хорошій процентъ за свои дарованія, какъ это дѣлалъ авторъ Фауста.

Сократъ, Маркъ Аврелій, Данте, Сервантесъ, Байронъ, Кантъ, Лейбницъ, Толстой, Гейне (я цитирую только первыя вспомнившіяся имена)—всѣ эти герои мысли были въ то же время либо общественными дѣятелями, которые знали только одну задачу—исцѣлять общественныя язвы, либо людьми, которые инстинктивно иной разъ, а чаще вполнѣ сознательно отворачивались отъ ужасной дѣйствительности, искали просвѣта и добра. Пусть вспомнятъ это всѣ, любящіе прикрывать свое убожество указаніями на чужое, и пусть они не говорятъ: мы имѣемъ право думать только о себѣ, потому что вотъ самъ Гете ни о комъ тоже больше не думалъ. Пусть они вспомнятъ, что въ семьѣ не безъ урода и что въ семьѣ геніевъ Гете именно и былъ нравственнымъ уродомъ. Для такихъ софистическихъ защитниковъ своего филистерства какъ будто спеціально и написанъ лучшій этюдъ разбираемой книжки—«Петрарка, какъ политикъ». Профессоръ Корелинъ дѣлаетъ сводку всѣхъ указаній, относящихся къ дѣятельности Петрарки, какъ памфлетиста и публициста, и читатель воочію убѣждается, что первостепенный поэтическій талантъ не мѣшалъ этому человѣку думать о своей несчастной родинѣ и терзаться ея печалями. Поэтъ, котораго мы привыкли, по его выходкамъ противъ аверроизма, считать заскорузлымъ и нетерпимымъ защитникомъ догмы, является здѣсь предъ нами въ ореолѣ передового политическаго мыслителя и борца. Онъ зналъ, что его оружіе сильно и страшно, и высказывалъ это: «часто простое слово бывало благотворно для благоденствія государствъ, и не авторъ этого слова, а само оно въ состояніи привести въ движеніе умы, могущественно развивая скрытую силу». Что касается до идеаловъ Петрарки, то послѣдовательная ихъ смѣна прекрасно выяснена профессоромъ Корелинымъ; идеалы его постепенно съуживались: сначала поэтъ мечталъ о возстановленіи мірового владычества Рима, затѣмъ только объ объединеніи Италіи и, наконецъ, о возстановленіи въ Италіи мира, безопасности и спокойствія. За осуществленіе своихъ стремленій Петрарка боролся, главнымъ образомъ, путемъ нападеній (и нападеній въ высшей степени рѣзкихъ) на папу, императора и другихъ сильныхъ міра сего. Этотъ этюдъ на твердыхъ основаніяхъ упрочиваетъ за Петраркой славу одного изъ лучшихъ новаторовъ Италіи.

Въ своей классической книгѣ «Les révolutions d'Italie», Эдгаръ Кинэ говоритъ о Петраркѣ: «en religion il n'appartient à aucun ordre, *en politique à aucun parti* [1]). Что послѣднее утвержденіе невѣрно, что Петрарка принадле-

[1]) Edgar Quinet, «Les révolutions d'Italie (Paris, 1858), p. 133».

жалъ къ той не прекращавшейся преемственной партіи лицъ, мечтавшихъ объ объединенной и счастливой Италіи, партіи, которая началась съ Данте и окончилась Гарибальди, что Петрарка—одинъ изъ вѣрныхъ сыновъ своей родины, въ этомъ убѣдится всякій, кто прочтетъ очеркъ г. Корелина, *впервые* разбирающаго дѣятельность Петрарки, какъ политика.

Остается пожелать, чтобы г. Корелинъ не ограничился этой книжкой и далъ бы ея продолженіе. Исторія *поздняго* возрожденія еще слишкомъ мало изслѣдована и извѣстна, а сколько благодарнаго культурно-историческаго матерьяла она дастъ! Папа Левъ X, Бембо, Гвиччіардини, Макіавелли, Савонаролла—какъ безконечно интересно ихъ время, какъ поучительны ихъ фигуры! Исторія этой эпохи нуждается въ работникахъ и изслѣдователяхъ, а такихъ, какъ г. Корелинъ, у насъ немного. Вотъ почему надо пожелать, чтобы онъ обратился къ разработкѣ исторіи дальнѣйшаго періода гуманистическаго движенія.

Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Извлечены и приведены въ систему Юліею Рэймондъ Гинджеллъ. Съ портретомъ Г. Спенсера. Пер. съ англ. *А. Гойжевскій*, подъ ред. *Вл. Соловьева* Изд. *Н. Карбасникова*. Спб. 1896 г. Цѣна 1 р.

Когда-то Г. Спенсеръ среди русской читающей публики былъ въ большой модѣ. Имъ увлекались, его пропагандировали, его оспаривали и тѣмъ пропагандировали еще больше, его популяризировали, его читали, что называется, въ засосъ. Большимъ толчкомъ къ чтенію сочиненій Спенсера послужило изъятіе многихъ изъ нихъ изъ библіотекъ, имѣвшее мѣсто въ 1884 году. Послѣ этого сочиненія англійскаго философа быстро вышли изъ продажи, сдѣлались библіографической рѣдкостью; въ то же самое время жизнь выдвинула философскія и этическія теченія иного рода,—и Спенсеръ сталъ выходить изъ моды. Его стали забывать и отчасти забыли... Вся эта исторія сочиненій Спенсера очень характерна, но, разумѣется, не по отношенію къ знаменитому англійскому философу, а по отношенію къ русской читающей публикѣ, которая еще много коечему можетъ поучиться у Спенсера. За послѣдніе годы о немъ снова вспомнили. Прежде всего, Ф. Ф. Павленковъ издалъ конспектъ сочиненій Спенсера, составленный Коллинсомъ; въ прошломъ году появились новые (кстати сказать прескверные) переводы двухъ произведеній Спенсера: «Данныя науки о нравственности» и «Изученіе соціологіи», и переводъ одного изъ Essay («Отъ свободы къ рабству»), исполненный тѣмъ же г. Гойжевскимъ. Теперь появились «Афоризмы», извлеченные, такъ сказать, вразбродъ изъ всѣхъ сочиненій Спенсера и подобранные, болѣе или менѣе, въ систематическомъ порядкѣ. Врядъ-ли нужно доказывать, что ни по книгѣ Коллинса, ни по «Афоризмамъ», подобраннымъ госпожею Рэймондъ Гинджеллъ, читатель не составитъ понятія о сущности и значеніи Спенсеровской философіи. Книга Коллинса — это рядъ догматическихъ положеній, доказательства которыхъ (фактическія и логическія), ради сокращенія, г. Коллинсомъ выпущены. Книга г-жи Рэймондъ Гинджеллъ—собраніе сентенцій, которыя хотя и извлечены изъ сочиненій Спенсера слово въ слово, хотя и просмотрѣны самимъ философомъ, но такъ и остаются безсвязными сентенціями, отчасти даже,

по крайней мѣрѣ, въ глазахъ читателя, не знакомаго съ самыми произведеніями,— какъ будто извращающими нѣкоторые взгляды Спенсера. Возьмемъ, напр., вопросъ о воспитаніи. Въ чемъ заключается его задача? Научиться-ли самому и учить другихъ приспособлять окружающую среду къ своимъ цѣлямъ, своимъ идеаламъ, бороться-ли съ этой средой, во имя ея измѣненія къ лучшему, сообразно съ тѣмъ идеаломъ, который выработался въ мозгу, или же приспособляться къ средѣ, стараясь удовлетворить ея требованіямъ? Чтобы приспособлять среду, нужно до извѣстной степени приспособиться къ ней: одно безъ другого невозможно. Но, читая первую главу «Афоризмовъ», читатель услышитъ лишь совѣты и сентенціи, выраженные, хотя и въ объективной формѣ, на тему «приспособляйтесь, приспособляйтесь». «Соціальное состояніе (общежитіе),—читаемъ на стр. 13.—есть необходимость. Условія къ наибольшему счастію *въ этомъ состояніи*—строго опредѣленны и непзмѣнны. А такъ какъ измѣненію могутъ подлежать *единственно лишь наши нравственныя* качества (а не общественныя условія, какъ увидимъ дальше), то, очевидно, они должны претерпѣть рядъ такихъ измѣненій, которыя привели бы *ихъ въ соотвѣтствіе съ условіями*. Поэтому, всѣ пріемы нравственнаго воспитанія, всякая нравственная дисциплина должны ускорить этотъ процессъ». «Въ дѣлѣ опредѣленія условій существованія, съ которыми мы должны сообразоваться, и въ дѣлѣ отысканія средствъ лучшаго къ нимъ приспособленія при всевозможномъ измѣненіи временъ и обстоятельствъ—передъ нами открыто обширное поприще для интеллектуальнаго прогресса» (стр. 1) [1]). Правда, нѣкоторые другіе афоризмы стремятся смягчить впечатлѣніе, производимое вышеприведенными, тѣмъ не менѣе, чрезъ всю книжку проходитъ мысль о полезности для индивида и для общества приспособленія къ средѣ, о невозможности устранить даже малое общественное зло сознательными дѣйствіями критически мыслящей личности, такъ какъ зло лишь перемѣщается, но не уничтожается, о естественномъ ходѣ вещей, съ которымъ человѣкъ долженъ примириться и слиться. Какъ извѣстно, только что приведенные взгляды Спенсера совершенно справедливо ставились неоднократно ему въ вину и, во всякомъ случаѣ, составляютъ наиболѣе слабое мѣсто въ его системѣ; но въ самыхъ сочиненіяхъ англійскаго философа (исключая его «опытовъ» «Отъ свободы къ рабству» и «Грядущее рабство») эти крайне несимпатичные взгляды его значительно смягчены возвышенными и широкими горизонтами, которые открываетъ предъ читателемъ самая система. Въ «Афоризмахъ» они выдвинуты на первый планъ. Въ особую заслугу доктринѣ эволюціи поставлено то (стр. 19), что она, въ примѣненіи къ обществу, разсчитана на то, чтобы произвести на мысли и

[1]) Или вотъ еще одинъ афоризмъ, весьма поучительно звучащій для россійскихъ обывателей (стр. 22): «Безпокойство (?), страданіе и смерть, являясь естественными карами невѣжества и неспособности, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣлительнымъ средствомъ противъ этихъ недуговъ. Частью посредствомъ истребленія индивидовъ, низкихъ по развитію, частью подчиненіемъ всѣхъ прочихъ безпрерывной дисциплинѣ опыта, природа обезпечиваетъ ростъ и размноженіе такихъ людей, которые лучше понимаютъ условія существованія и лучше умѣютъ сообразоваться съ ними». «Никогда не забывайте, что приспособленіе къ обстоятельствамъ, каковы бы они ни были—вотъ законъ природы» (стр. 23).

поступки людей *умъряющее* дѣйствіе. Далѣе читаемъ: «Между низшими и высшими формами общественной жизни нѣтъ иного пути, кромѣ перехода чрезъ рядъ незначительныхъ послѣдовательныхъ измѣненій». Особенно хорошо звучитъ для обывателя, и безъ того не привыкшаго къ тому, чтобы учрежденія быстро измѣнялись къ лучшему, такой, напр., афоризмъ: «Насколько бы оказалось вреднымъ для амфибіи лишиться жабръ раньше, чѣмъ успѣли достаточно развиться ея легкія, настолько же вредно должно отозваться на обществѣ уничтоженіе старыхъ учрежденій, прежде чѣмъ новыя достаточно организовались для того, чтобы занять ихъ мѣсто». Въ главѣ, носящей названіе «Политика», мы находимъ цѣлый рядъ афоризмовъ, въ которыхъ Спенсеръ объясняетъ свою «оппозицію» и нелюбовь къ соціализму тѣмъ, что «соціализмъ остановилъ бы ходъ исторіи къ высшему соціальному состоянію и вернулъ бы его къ состоянію низшему» (стр. 30). Составителямъ книжекъ, очевидно, эта мысль Спенсера очень понравилась, и въ добавленіе къ ней г-жа Гинджеллъ выписала другую, рекомендующую трезвенные взгляды людей маленькаго дѣла: «Человѣкъ высшаго типа (читаемъ на стр. 77) долженъ довольствоваться болѣе скромными надеждами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не падать духомъ и трудиться, не ослабляя рвенія. Онъ (высшій типъ) долженъ понимать, что сравнительно очень немногое можетъ быть сдѣлано, и однако находить, что и это немногое стоитъ того, чтобы его сдѣлать». Г-жа Гинджеллъ, подбирая нѣкоторые афоризмы, какъ будто бы особенно имѣла въ виду русскихъ поклонниковъ Спенсера. Напримѣръ, она выписала такой афоризмъ «Требуется *лишь* постоянство безусловнаго мира въ международныхъ отношеніяхъ и строгое преслѣдованіе всякихъ обидъ и нападеній внутри государства для того, чтобы обезпечить людямъ развитіе въ такую форму, которая естественно характеризовалась бы всѣми добродѣтелями» (стр. 78). Такъ какъ у насъ уже чуть-ли не двадцать лѣтъ—миръ и тишина, а обиды и нападенія преслѣдуются, то естественно ожидать, что должны же быть у насъ и добродѣтели.

Но есть въ книжкѣ г-жи Гинджеллъ и много такого, надъ чѣмъ стоитъ подумать. Еслибы составительница построже отнеслась къ своему дѣлу и выкинула половину того, что понатаскала изъ сочиненій Спенсера, еслибы она дала не сентенціи, набранныя здѣсь и тамъ, а основныя положенія Спенсеровской философіи, тогда такая книжка имѣла бы больше значенія, чѣмъ теперь. Не можемъ, въ видахъ справедливости, не выписать нѣкоторыхъ другихъ афоризмовъ «Въ наше время человѣку съ утонченными чувствами не можетъ нравиться роль деспота по отношенію къ его ближнимъ» (109 стр.). «Кто обязываетъ человѣка силою исполнять чужую волю, тотъ нарушаетъ въ его лицѣ законъ справедливой свободы» (стр. 109). «Какъ въ своихъ интересахъ, такъ и въ интересахъ другихъ людей, всякій обязанъ противиться явному насилію,—иначе обидчикъ, ни въ комъ не встрѣчая сопротивленія, будетъ лишь поощренъ въ своемъ образѣ дѣйствій. Если же пострадавшимъ является третье лицо, то необходимость выразить порицаніе обидчику еще настоятельнѣе, такъ какъ личный интересъ здѣсь уже въ сторонѣ» (стр. 104). «Отсутствіе сопротивленія не согласно ни съ альтрупзмомъ, ни съ эгоизмомъ» (стр. 76). «Свободныя учрежденія могутъ надлежащимъ образомъ дѣйствовать лишь въ средѣ такихъ людей, которые, ревниво оберегая свои права,

сочувственно въ то же время относятся къ правамъ ближнихъ, которые, какъ въ большихъ, такъ и малыхъ дѣлахъ, и сами никого не обижаютъ, и никого не даютъ въ обиду» (стр. 100). Или вотъ еще одинъ: «Источникомъ всякаго благоустройства является чувство справедливости, которое одновременно настаиваетъ какъ на своей личной свободѣ, такъ требуетъ такой же свободы и для другихъ» (стр. 91).

Что касается до перевода г. Гойжевскаго, то, вообще говоря, онъ сдѣланъ удовлетворительно, хотя въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаются фразы, совершенное нелѣпыя и безсмысленныя. Напр., такая: «всякія установленія, мѣшающія несомнѣнному превосходству воспользоваться должною наградою за превосходство и защищающія не достоинство отъ естественныхъ бѣдствій, съ какими оно должно быть связано,—всякія установленія, которыя стремятся сдѣлать безразличнымъ обладаніе высшею или низшею степенью достоинства,—діаметрально противоположны прогрессу организаціи и препятствуетъ достиженію болѣе высокой жизни». (стр. 23). Что сіе? А вотъ что (см. «Основаніе науки о нравственности», изд. Билибина, стр. 236): «Всякіе распорядки, мѣшающіе въ сколько-нибудь значительной степени несомнѣнному превосходству воспользоваться должною наградою за превосходство, и защищающія несовершенство отъ естественныхъ бѣдствій несовершенства,—всякіе распорядки, стремящіеся сдѣлать безразличнымъ для индивидуума: быть-ли несовершеннымъ или совершеннымъ—суть распорядки, діаметрально противоположные прогрессу организаціи и достиженію болѣе высокой жизни». Мы встрѣтили болѣе 10 такихъ мѣстъ въ переводѣ Гойжевскаго. Что касается до изданія, то оно опрятно, но издатель превзошелъ, очевидно, самого себя, назначивъ за маленькую книжонку непомѣрную цѣну въ 1 рубль.

Г. П. Сазоновъ. **Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895 гг.), т. 1-й, 2-й и 3-й. Изд. д-та земледѣлія.**

Послѣдній томъ этого огромнаго изданія (въ 1.852 страницы) вышелъ только въ октябрѣ текущаго года; обѣщанный же указатель ко всѣмъ томамъ еще не появился въ продажѣ. Цѣль изданія очевидна. «Знаніе прошлаго, — говоритъ г. Сазоновъ,—всегда поучительно. Оно ясно показываетъ сдѣланныя ошибки и заблужденія и тѣмъ предохраняетъ отъ нихъ въ будущемъ, оно даетъ указаніе на правильный путь.... руководитъ будущимъ. Широкое знаніе прошлаго можетъ устранить и излишнюю работу, такъ какъ нерѣдки случаи, когда земство тратитъ время, силы и средства на разработку вопроса, уже подробно обслѣдованнаго другимъ земствомъ». Такое изученіе земскаго прошлаго имѣетъ значеніе не для одного только земства. «Правительство не менѣе заинтересовано въ этомъ. Цѣлый рядъ крупныхъ экономическихъ реформъ громко говоритъ за то, что «голосъ земства» не есть гласъ вопіющаго въ пустынѣ». При такой важности земской исторіи знакомство съ ней очень затруднено, такъ какъ матерьялы ея разбросаны, по вычисленіямъ г. Сазонова, по крайней мѣрѣ, въ 80.000 томахъ земскихъ изданій. Въ виду этого значеніе разсматриваемаго труда весьма велико. Въ немъ собраны доклады, сообщенія и постановленія земствъ за 30-ть лѣтъ по одиннадцати рубрикамъ. Они даютъ полную картину различныхъ зем-

скихъ изслѣдованій—статистическихъ, метеорологическихъ, почвенныхъ и геологическихъ; земскихъ сельскохозяйственныхъ органовъ—комитетовъ, коммиссій, совѣтовъ, агрономической организаціи, фермъ, опытныхъ и доказательныхъ полей, станцій, сельскохозяйственныхъ выставокъ и съѣздовъ, поддерживаемыхъ земствомъ сельскохозяйственныхъ обществъ; дѣятельности земствъ по распространенію сельскохозяйственныхъ знаній, при посредствѣ спеціальныхъ и общихъ школъ и курсовъ для народныхъ учителей. Особый интересъ имѣютъ данныя, приводимыя въ трудѣ г. Сазонова, относительно попытокъ земства къ улучшенію экономическихъ условій сельскохозяйственнаго промысла вообще и, въ частности, данныя о содѣйствіи земствъ крестьянамъ въ покупкѣ земель, о переселеніи и разселеніи, о вопросахъ государственнаго землевладѣнія, о формахъ землевладѣнія и неотчуждаемости земель и, наконецъ, о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Затѣмъ приведены данныя о различныхъ видахъ страхованія, а именно: о страхованіи скота, посѣвокъ отъ градобитія и виноградниковъ отъ филоксеры и о страхованіи отъ огня сельскохозяйственной движимости и хлѣба. Данныхъ о сельскохозяйственномъ кредитѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ въ трудѣ г. Сазонова. Свѣдѣнія же о спеціальныхъ культурахъ, техническихъ сельскохозяйственныхъ производствахъ и мѣрахъ къ поднятію животноводства приведены кратко. Всѣ ассигнованія до 150 и даже до 200 руб. опускались совсѣмъ. Очень возможно, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности не имѣетъ значенія, но въ общей суммѣ онѣ могутъ представляться значительными. Нѣкоторыя земства, изъ года въ годъ систематически поддерживаютъ и распространяютъ, напримѣръ, хорошіе сорта плодовыхъ деревьевъ, покупаютъ для крестьянскаго скота племенныхъ производителей и т. п. Не смотря на незначительные расходы на этотъ предметъ, земства, повторяя ихъ ежегодно полтора-два десятка лѣтъ, успѣли въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ уѣздовъ видоизмѣнить къ лучшему мѣстное хозяйство. Такихъ фактовъ не слѣдовало бы игнорировать. Если каждый изъ нихъ очень мелокъ, то можно было составить имъ таблицу или даже привести одни итоги ихъ. Говоря о такомъ пробѣлѣ, мы не имѣемъ въ виду ставить его въ упрекъ г. Сазонову, такъ какъ вполнѣ сознаемъ размѣръ того колоссальнаго труда, который выполненъ имъ и въ которомъ легко было выпустить болѣе частныя дѣла. Отмѣчаемъ его исключительно въ интересахъ читателей, которые могли бы искать въ этомъ изданіи того, чего въ немъ нѣтъ въ дѣйствительности. Въ немъ, какъ мы видѣли уже, очень много цѣнныхъ матерьяловъ. Кромѣ указанныхъ, въ трудъ г. Сазонова вошли отчеты о дѣятельности агрономическихъ смотрителей и сельскохозяйственныхъ фермъ, данныя объ улучшеніи земледѣлія въ техническомъ отношеніи, а именно: о распространеніи улучшенныхъ сѣмянъ и орудій, о введеніи травосѣянія и многопольныхъ сѣвооборотовъ и объ удобреніи земель, затѣмъ данныя о борьбѣ съ вредителями сельскаго хозяйства и свѣдѣнія о меліораціи—осушеніи болотъ, орошеніи, о лѣсоразведеніи, питомникахъ и объ укрѣпленіи песковъ. Въ общемъ въ изданіи такъ много цѣнныхъ и интересныхъ матерьяловъ, что они могутъ дать вполнѣ вѣрную и точную картину дѣятельности земства по сельскому хозяйству. Нельзя не отнестись съ благодарностью къ учрежденіямъ и лицамъ, выполнившимъ такой колоссальный трудъ. Въ заключеніе обращаемъ вниманіе

на несоотвѣтствіе заглавія «Обзоръ дѣятельности земствъ» и т. д. съ содержаніемъ. Изданіе содержитъ въ себѣ сводъ матерьяловъ по этой дѣятельности, а не обзоръ ея.

Педагогія. Народное образованіе.

Внѣшкольное образованіе народа. Сельскія библіотеки. Книжные склады. Воскресныя школы и повторительные классы. *В. Л. Вахтеровъ.* Москва. 1896 г. Цѣна 1 р.

Книга г. Вахтерова хотя и представляетъ собой сборникъ его отдѣльныхъ статей, раньше появившихся въ разныхъ изданіяхъ и частью отдѣльно брошюрой, тѣмъ не менѣе, она нѣчто цѣльное, объединенное яснымъ и широкимъ взглядомъ автора на задачи народнаго образованія. Авторъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей по народному образованію, адептъ того просвѣтительнаго движенія, которое съ особенной силой стало сказываться въ нашемъ обществѣ подъ вліяніемъ отчасти неурожая и холерныхъ безпорядковъ, столь ясно обнаружившихъ весь ужасъ народнаго невѣжества, отчасти подъ вліяніемъ все развивающагося движенія въ пользу полной демократизаціи знанія въ Америкѣ, Англіи, Скандинавіи и даже нашей Финляндіи. Идеалъ г. Вахтерова именно полная демократизація знанія. Въ своей книгѣ (на стр. 196 и 197) онъ рисуетъ заманчивую картину будущей Россіи, покрытой сѣтью university extension и другихъ свободныхъ школъ, долженствующихъ сдѣлать сокровища знанія доступными обитателямъ самыхъ глухихъ уголковъ Россіи, но, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ тѣми трудностями, которыя предстоитъ преодолѣть просвѣтительному движенію, г. Вахтеровъ останавливается на томъ, что можно и нужно дѣлать теперь же для того, чтобы достигнуть въ далекомъ будущемъ завѣтнаго идеала. Каждый изъ очерковъ, вошедшихъ въ книгу г. Вахтерова, посвященъ одному изъ доступныхъ частной иниціативѣ средствъ борьбы съ народнымъ невѣжествомъ. Такихъ очерковъ въ книгѣ г. Вахтерова три: 1) о сельскихъ библіотекахъ, 2) о книжныхъ складахъ и 3) о воскресныхъ школахъ и повторительныхъ классахъ. Г. Вахтеровъ указываетъ рядъ существующихъ и возможныхъ при нашихъ условіяхъ видоизмѣненій каждаго изъ разсматриваемыхъ имъ типовъ учрежденій; способъ ихъ устройства, запросы, предъявляемые къ нимъ населеніемъ, приводитъ мнѣнія объ этихъ учрежденіяхъ земствъ и отдѣльныхъ лицъ, стоявшихъ близко къ нимъ, приводитъ цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ фактовъ, рисующихъ едва вѣроятное невѣжество нашего народа, даже въ области религіи (такъ, оказывается, что взрослыя крестьянки объ Іисусѣ Христѣ «ничего не слыхали», или же, говорили, что «Богородица—это Пресвятая Троица», стр. 313), съ другой стороны, рядъ фактовъ, доказывающихъ присутствіе въ народѣ смутныхъ, но часто очень сильныхъ стремленій къ знанію, доказывающихъ высоко облагораживающее вліяніе школы и книги на многихъ представителей народныхъ массъ. Здѣсь же мы найдемъ разсказъ о дѣятельности цѣлаго ряда благородныхъ, безкорыстныхъ тружениковъ изъ интеллигенціи, посвящающихъ свой трудъ дѣлу народнаго образованія, увидимъ, какіе результаты можетъ дать дѣятельность даже заурядnаго

человѣка, не обладающаго ни средствами, ни вліяніемъ (какъ, напр., полтавскій отставной капитанъ, устроившій подвижную книжную лавку, стр. 131), если ихъ дѣятельность направлена къ разумной цѣли. Книжка г. Вахтерова, по массѣ сообщаемыхъ данныхъ, по массѣ указываемыхъ видовъ дѣятельности, должна быть настольной книгой не только всякаго, близко стоящаго къ дѣлу народнаго образованія или интересующагося этимъ дѣломъ, но она заслуживаетъ полнаго вниманія и всякаго развитого русскаго читателя; это—увлекательная, полная драматизма повѣсть о борьбѣ горсти идеалистовъ съ вѣковымъ мракомъ, повѣсть о начинающемся возрожденіи нашихъ народныхъ массъ. Въ этой повѣсти множество интереснѣйшихъ *героевъ* въ прямомъ смыслѣ этого слова; героевъ скромныхъ, не эффектныхъ, но заслуживающихъ гораздо большаго уваженія и симпатіи, чѣмъ тѣ герои, которые оставляютъ по себѣ памятники изъ человѣческихъ череповъ.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. Изданіе коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при ученомъ отдѣлѣ общества распростр. технич. знаній. М. 1896 г. Ц. 20 к.

Коммиссія, издавшая эту книжку, поставила себѣ цѣлью придти на помощь тѣмъ лицамъ, которыя желаютъ серьезно и основательно ознакомиться съ какимъ-либо научнымъ отдѣломъ, но не имѣютъ возможности изучать этотъ отдѣлъ въ высшей школѣ. Въ виду этого, большинство программъ, составленныхъ коммиссіею, соотвѣтствуетъ программамъ высшей школы и раздѣлено, примѣнительно къ послѣднимъ, между четырьмя годами систематическаго курса. Изданный въ 1894—1895 гг. сборникъ программъ содержалъ подробныя указанія для перваго года такого систематическаго курса и имѣлъ, повидимому, огромный успѣхъ, такъ какъ разошелся въ 20 тыс. экземпляровъ. Въ вышедшій теперь сборникъ вошли программы чтенія на второй годъ по слѣдующимъ семи наукамъ: 1) математическимъ; 2) физико-химическимъ; 3) біологическимъ; 4) философскимъ (двѣ параллельныя программы); 5) общественно-юридическимъ; 6) историческимъ и 7) по исторіи литературы. Затѣмъ, часть сборника отведена программѣ занятій по отдѣльнымъ наукамъ, каждая изъ которыхъ, не составляя цѣлаго отдѣла, не вмѣщается, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рамки немногихъ вопросовъ и темъ. На первый разъ въ разсматриваемомъ выпускѣ введена программа чтенія по этнографіи. Наконецъ, въ послѣдней части въ немъ помѣщены программы чтенія по вопросамъ болѣе спеціальнымъ, каковыми для начала избраны двѣ біологическія темы.

Потребность въ самообразованіи въ нашемъ обществѣ очень велика и съ особой силой сказалась въ послѣдніе годы. Удовлетворяется она самымъ безпорядочнымъ образомъ: чтеніе огромнаго большинства предоставлено слѣпому случаю и повсемѣстно лишено сколько-нибудь авторитетнаго руководительства. Поэтому цѣль, которой задалась коммиссія, заслуживаетъ самой глубокой симпатіи. Имена такихъ лицъ, какъ А. И. Чупровъ, Н. Я. Гротъ, П. Г. Виноградовъ, И. И. Стороженко и многихъ другихъ, принимающихъ руководящее участіе въ работахъ коммиссіи, служатъ ручательствомъ за добросовѣстность и умѣлость

выполненія принятыхъ на себя коммиссіей обязанностей. Все это можетъ вызвать только пожеланія полнаго успѣха предпринятому ею дѣлу и самаго широкаго распространенія издаваемыхъ программъ, въ обсужденіе которыхъ мы не можемъ входить въ короткой журнальной рецензіи. Но, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе коммиссіи на излишнее стремленіе ея приспособить программы домашняго чтенія къ программамъ нашей высшей школы. Ни для кого не тайна, что эта послѣдняя въ научномъ отношеніи сдѣлала изрядный шагъ назадъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда государственный экзаменъ получилъ такое рѣшительное вліяніе на постановку научнаго курса. Какъ это ни грустно, но необходимо сознаться, что наши университеты готовятъ теперь почти исключительно чиновниковъ, учителей и другихъ подобныхъ имъ дѣятелей на казенныя мѣста, а не людей съ широкой научной подготовкой, способныхъ, если не двигать науку, то, по крайней мѣрѣ, самостоятельно мыслить и работать. Едва-ли много выиграютъ программы домашняго чтенія, если и онѣ будутъ составляться по шаблону такихъ программъ современныхъ высшихъ школъ. Не этимъ-ли объясняется странный пробѣлъ, бросающійся въ глаза при просмотрѣ программы чтенія по русскому государственному праву, напечатанной въ разсматриваемомъ выпускѣ. Здѣсь, подъ рубрикой «мѣстное управленіе», значится «самоуправленіе», т.-е. «общепринятая въ настоящее время государственная теорія самоуправленія по сравненію ея съ такъ называемой общественной теоріей; земское самоуправленіе и городское самоуправленіе» (стр. 179). Все это, разумѣется, очень важно и необходимо знать, но гдѣ же говорится о крестьянскомъ самоуправленіи? Вѣдь по практическимъ послѣдствіямъ для массы населенія и для государства оно самое важное у насъ. Мы не сомнѣваемся, что и составители программъ прекрасно знаютъ это, и если пропустили такіе важные вопросы, то, повидимому, лишь потому, что съ излишнимъ усердіемъ слѣдовали университетскому курсу, тоже затрогивающему этотъ предметъ лишь мимоходомъ. По этому примѣру возможно ожидать, что программами домашняго чтенія будетъ игнорировано и русское обычное право и многое другое. Такое направленіе въ работахъ коммиссіи едва-ли желательно, а оно несомнѣнно установится, если составители будутъ усердно придерживаться программъ нашей высшей школы, настоятельно требующей коренного переустройства. Отмѣчая этотъ легко устранимый въ будущемъ недостатокъ, мы повторяемъ, что въ общемъ, программы, издаваемыя коммиссіей, очень важны для нашей читающей публики и заслуживаютъ съ ея стороны вниманія. Мы рекомендуемъ ихъ всѣмъ лицамъ, серьезно желающимъ поработать надъ своимъ самообразованіемъ или возобновить въ памяти ранѣе пройденные систематическіе научные курсы.

Памяти К. Д. Ушинскаго (по случаю 25-лѣтія со дня его кончины 21 декабря 1870—21 декабря 1895 г.). Изд. 1896 года.

Эта въ высшей степени интересная книга состоитъ изъ цѣлаго ряда статей нашихъ педагоговъ, Д. Д. Семенова, Л. Н. Модзалевскаго, Ю. Цвѣтковскаго, Каптерева, В. Я. Аврамова и др. и посвящена разработкѣ вопросовъ о значеніи К. Д. Ушинскаго въ исторіи развитія нашего народнаго образованія

и выясненію этой недюжинной и симпатичной въ общественномъ смыслѣ личности. Весь матерьялъ, собранный въ этой книгѣ, былъ сообщенъ въ торжественномъ публичномъ засѣданіи учебно-воспитательнаго комитета въ память 25-лѣтія со дня кончины лучшаго нашего педагога.

К. Д. Ушинскій, по замѣчанію одного изъ авторовъ, открылъ у насъ, «педагогическую область» и всю жизнь работалъ въ ней. Онъ первый истолковалъ проявившееся тогда въ русскомъ обществѣ, подъ вліяніемъ Пирогова, педагогическое движеніе, осмыслилъ его, далъ тонъ и направленіе печати и обществу въ характерно-проявившемся въ ту пору стремленіи къ пересозданію всего учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи. Онъ былъ не только педагогомъ-публицистомъ, но и педагогомъ дѣтей и учителей, талантливымъ и энергичнымъ преобразователемъ средняго женскаго (институтскаго) образованія на началахъ гуманности и глубокаго уваженія къ личности,—и вмѣстѣ съ Н. А. Вышнеградскимъ, осуществившемъ около того же времени великій проектъ учрежденія женскихъ гимназій, вполнѣ справедливо можетъ быть названъ творцомъ нынѣшняго средняго образованія русской женщины. Въ то же время онъ, вмѣстѣ съ бар. Н. А. Корфомъ, былъ преобразователемъ русской народной школы. Взгляды его на задачи образованія симпатичны и поучительны. Переживъ реформу 61 года, Ушинскій думалъ: «Боже мой, сколько нужно школъ, школъ и школъ для всего этого народа, возрожденнаго къ гражданской жизни. И не школъ грамотности только, а такихъ, въ которыхъ бы народъ научился употреблять съ пользою для себя и для другихъ свою свободу». Онъ высоко ставилъ общественный починъ и самодѣятельность въ дѣлѣ образованія. «Плохо, если мы чѣмъ-нибудь выскажемъ крестьянину,—говорилъ онъ,—что его школа, имъ заводимая и оплачиваемая, не совсѣмъ-то его, и что заводить ее онъ можетъ, но распоряжаться ею будутъ другіе. Только земство, находясь въ ближайшемъ отношеніи къ народу, имѣя въ своей средѣ образованныхъ людей, можетъ содѣйствовать дѣлу народной школы путемъ разъясненій, убѣжденій, вспомоществованій, а не регламентаціи». Точно также тепло относился Ушинскій къ появленію воскресныхъ школъ, находя ихъ замѣчательнымъ и отраднымъ явленіемъ.

Вообще, для народной школы Ушинскимъ сдѣлано очень и очень многое: классическое «Родное Слово» (2 ч.), «Дѣтскій Міръ» (2 ч.), Методическія указанія къ «Родн. Слову»—«педагогическое откровеніе для народныхъ учителей» (слова учителя В. Я. Аврамова) и цѣлый рядъ педагогическихъ статей, наконецъ обширный и единственный въ своемъ родѣ трудъ,—педагогическая антропологія: «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія»—на всемъ этомъ воспиталось уже не одно поколѣніе дѣтей и педагоговъ.».

Стоитъ разбираемая книжка 50 коп., а весь сборъ съ нея предназначенъ на устройство сельскихъ читаленъ; это тѣмъ болѣе заставляетъ насъ рекомендовать ее.

Воспоминаніе о женскомъ международномъ конгрессѣ въ Берлинѣ.

Происходившій въ Берлинѣ съ 19 по 26 сентября настоящаго г. женскій международный конгрессъ составляетъ эпоху въ жизни германской женщины, которая впервые открыто выступила на своей землѣ, въ тѣсно-сплоченномъ союзѣ, на общественную арену, требуя права, свободы и просвѣщенія, поддерживаемая примѣромъ и сочувствіемъ культурныхъ женщинъ всѣхъ національностей.

Неужели это тѣ самыя нѣмецкія женщины, которыхъ выставляютъ типомъ пассивныхъ семейныхъ добродѣтелей, всецѣло отданныхъ хозяйству и семейному очагу и чуждыхъ высшихъ стремленій? Такой вопросъ задавали себѣ, вѣроятно, многія изъ насъ, видя съ изумленіемъ, какой культурностью обладаютъ эти женщины, какъ онѣ солидарны между собой и какую силу подготовила для нихъ ихъ культурность и солидарность, когда онѣ выступили теперь на открытую борьбу противъ монополіи мужчинъ, противъ несправедливости закона и противъ общественныхъ цѣпей! И успѣхъ этой борьбы несомнѣненъ, слишкомъ ясна несправедливость и велика сила единенія культурныхъ женщинъ. Насколько вопросъ о движеніи женщинъ занимаетъ общественное мнѣніе за границей видно изъ того, что на конгрессѣ присутствовали представительницы всѣхъ образованныхъ націй и масса корреспондентовъ и корреспондентокъ отъ прессы всѣхъ національностей.

Наканунѣ 1-го собранія конгресса появилась въ газетахъ горячая статья одной изъ членовъ комитета, организовавшаго конгрессъ,—Мины Кауеръ, издательницы журнала «Die Frauen Bewegung»,—подъ заглавіемъ «Борьба женщинъ», «der Kampf der Frau». Авторъ, сравнивая положеніе женщинъ въ различныхъ государствахъ и выражаясь, между прочимъ, про русскихъ женщинъ, что онѣ, не смотря на разныя внѣшнія стѣсненія, занимаютъ выдающееся положеніе въ странѣ и стремятся къ высшимъ цѣлямъ, останавливается на печальномъ, зависимомъ положеніи германской женщины и взываетъ къ борьбѣ за право и свободу и за расширеніе ея обязанностей.

Борьба эта трудна и тяжела, но необходима. Эта статья служила яркимъ предисловіемъ къ вопросу, который составлялъ главную сущность докладовъ всѣхъ нѣмецкихъ женщинъ.

Въ этотъ же день вечеромъ всѣ члены конгресса были приглашены,

для привѣтствія ихъ комитетомъ и для взаимнаго сближенія, въ одну изъ залъ англійскаго дома. Здѣсь раздавались значки иностранкамъ и делегаткамъ, различныхъ цвѣтовъ, смотря по національности, съ буквами F. C. (Frauen Congress) и входные билеты. Распорядительницы любезно давали всѣ нужныя разъясненія и указанія. Все было предусмотрѣно до малѣйшей подробности, до мелочей. Членъ комитета Frau de-Witt, урожденная русская, заботилась о русскихъ, къ другимъ иностранкамъ были прикомандированы дамы, говорящія на ихъ языкахъ.

На каѳедру взошла живая, симпатичная старушка Лина Моргенштернъ и сказала милую привѣтственную рѣчь съ благими пожеланіями предстоящему конгрессу. Замѣтивъ, что нѣкоторыя иностранки занимаютъ мѣста въ заднихъ рядахъ, а мѣстныя дамы усѣлись впереди, она тотчасъ обратила вниманіе на нарушеніе правила вѣжливости и предложила это устранить, что и было исполнено безпрекословно.

Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ рѣчей, сказанныхъ другими членами конгресса, всѣ усѣлись группами за отдѣльными столиками: распорядительницы разносили угощенія, велись оживленныя бесѣды, происходили радостныя встрѣчи и завязывались новыя знакомства.

Изъ русскихъ женщинъ присутствовали на конгрессѣ: г-жи Нечаева, В. П. Тарновская—члены комитета общества для доставленія средствъ высшимъ курсамъ, д-ръ Познанская—секретарь русскаго женскаго взаимнаго благотворительнаго общества, г-жи Ватсонъ, Чебышева-Дмитріева (писательницы), д-ръ Лурье изъ Кіева, баронесса Корфъ—вице-предсѣд. общества дешевыхъ квартиръ, г-жа Шаффе—начальница женскаго пансіона, и пишущая эти строки—предсѣдательница сов. рус. женск. вз. благотв. общества въ Петербургѣ.

Нашъ маленькій кружокъ часто выражалъ живое сожалѣніе, что такъ мало русскихъ женщинъ присутствовало на этомъ интересномъ и поучительномъ конгрессѣ.

Внѣшняя сторона женскаго берлинскаго конгресса была безукоризненна: образцовый порядокъ, необходимая въ такихъ большихъ собраніяхъ дисциплина и строгое подчиненіе ей, взаимная любезность и предупредительность, въ особенности къ иностранкамъ, тишина во время докладовъ, общее серьезное настроеніе, уваженіе къ прессѣ,—все это, не говоря уже объ интересѣ и содержательности докладовъ, обнаруживало культурность не только отдѣльныхъ личностей, но и массы присутствовавшихъ женщинъ и придавало серьезный дѣловой характеръ собравшейся полуторатысячной толпѣ.

Засѣданія конгресса происходили въ огромной, красиво декорированной залѣ ратуши (Förstensaal) съ хорами, которая сверху до низу была биткомъ набита. Желающихъ присутствовать на засѣданіяхъ было такъ много, что пришлось отказывать, и безъ членскаго билета никто не впускался. Во время докладовъ строго воспрещалось входить и выходить, болѣе 15 минутъ не разрѣшалось говорить, и, несмотря на не-

удовольствіе нѣкоторыхъ ораторшъ, предсѣдательница энергично напоминала о наступившей порѣ окончанія доклада. Появленіе дамъ въ шляпкахъ вызвало замѣчаніе предсѣдательницы о неудобствѣ этого убора въ общественныхъ собраніяхъ, и на слѣдующій день въ залѣ засѣданій шляпокъ не было. Каждый день предсѣдательствовала одна изъ членовъ комитета, заявлявшая о предстоящихъ докладахъ, объ измѣненіяхъ въ программѣ, о разныхъ предположеніяхъ и вызывавшая громогласно докладчицъ на каоедру. Всего чаще предсѣдательствовали Лина Моргенштернъ и Мина Кауеръ, изъ которыхъ первую можно назвать душой конгресса, вторую—головой его. Секретарями были: талантливая молодая писательница Элиза Ихенгейзеръ (пріѣзжавшая весной въ Петербургъ для приглашеній на конгрессъ) и Мина Кауеръ, такъ много работающая по женскому вопросу.

Первый день конгресса былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ и содержательныхъ: онъ былъ посвященъ такому живому вопросу, какъ настоящее положеніе женскаго движенія во всѣхъ образованныхъ государствахъ. Оригинальное и красивое зрѣлище представляла зала ратуши: около 2.000 женщинъ различнаго возраста, разныхъ національностей, «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній», всѣ проникнутыя одной идеей, всѣ связанныя однимъ общимъ интересомъ. Внѣшніе признаки различій стушевывались, уступая мѣсто гармоничному настроенію, вызванному идеей, которая собрала эту многочисленную женскую толпу. Всѣ чувствовали себя близкими, родными по духу, создавалась невидимая, тѣсная дружеская связь. Мужчины хотя и присутствовали въ засѣданіяхъ конгресса, но въ очень ограниченномъ числѣ, и терялись въ массѣ женщинъ.

Открыла засѣданіе 1-го дня Лина Моргенштернъ, выразившая надежду, что конгрессъ храбро выступитъ за права и обязанности женщины и за ея достоинство. По программѣ должны были слѣдовать доклады о женскомъ движеніи въ Германіи, и затѣмъ по алфавиту—въ Америкѣ, Арменіи, Даніи, Англіи, Франціи, Финляндіи, Голландіи, Италіи. Австріи, Персіи, Португаліи, Испаніи и Швеціи. Россіи не значилось... Мой случайный пріѣздъ (такъ какъ, не смотря на приглашеніе, я не собиралась на конгрессъ и приняла это рѣшеніе внезапно) пополнилъ до нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ молчанія со стороны русскихъ женщинъ,—мнѣ пришлось сдѣлать краткій докладъ почти экспромтомъ.

Лучшимъ докладомъ о женскомъ движеніи, по глубинѣ содержанія и по силѣ выраженія, можно считать докладъ Маріи Штритъ изъ Дрездена. Постараюсь вкратцѣ изложить его сущность. Теоретически женскій вопросъ разработанъ въ Германіи всесторонне и даже болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, но всѣ философскія умозаключенія только осложнили его практическое разрѣшеніе. На практикѣ же германская женщина лишена правъ, свободы и высшаго образованія. Женское движеніе, по мнѣнію ораторши, должно быть основано на началѣ

экономическомъ, а не политическомъ. Измѣненія въ соціально-экономическомъ строѣ Германіи, наростаніе потребностей, усиленіе борьбы за существованіе,—всѣ эти явленія послѣдняго времени заставили женщину требовать права на самостоятельный трудъ, образованіе и правъ гражданскихъ и имущественныхъ. Нѣмецкая женщина проснулась, оглянулась кругомъ и увидѣла печальную картину: среднее образованіе отпускается въ ничтожныхъ размѣрахъ—во всей Германіи одна женская гимназія, основанная, два года назадъ, въ Карлсруэ; высшаго образованія нѣтъ совсѣмъ, только въ послѣднее время разрѣшено женщинамъ слушать лекціи въ германскихъ университетахъ и то не иначе, какъ по личному разрѣшенію профессоровъ, безъ всякихъ правъ и привиллегій. Окончившихъ курсъ за границей женщинъ врачей, юристовътолько терпятъ, не давая правъ; заработная плата женщинамъ вдвое меньше, чѣмъ мужчинамъ; полная зависимость, гражданская и имущественная, отъ мужа, единственнаго владыки въ семьѣ, имѣющаго право распоряжаться не только лично принадлежащимъ женѣ имуществомъ, но даже заработкомъ ея и судьбой не принадлежащихъ ему дѣтей [1]). А разъ сознаніе проснулось, оно толкаетъ и двигаетъ женщину впередъ на отстаиваніе принадлежащихъ ей человѣческихъ правъ. И борьба уже началась, выражалась въ союзѣ женщинъ, въ организаціи обществъ самопомощи, въ стремленіи дать здоровое и нравственное направленіе подростающему поколѣнію и въ усиленномъ движеніи женщинъ къ образованію и просвѣщенію. Благопріятными признаками успѣшности этого движенія М. Штритъ считаетъ: поворотъ общественнаго мнѣнія и прессы въ пользу женщинъ, особенно послѣ послѣдняго узаконенія, такъ сильно ограничившаго права женщинъ, и въ учрежденіи союза нѣмецкихъ женщинъ (въ которомъ 50.000 членовъ), присоединившагося къ общему интернаціональному союзу женщинъ въ Лондонѣ.

Изъ послѣдовавшихъ затѣмъ докладовъ, F. Hansen изъ Даніи указала, что въ ея странѣ женское движеніе очень значительно, но аристократія и рабочіе классы участія въ немъ не принимаютъ. Существуетъ большая связь датчанокъ съ женщинами Швеціи, Норвегіи и Финляндіи. Женщины допускаются въ университеты, а также къ преподаванію въ мужскихъ гимназіяхъ, но адвокатура и проповѣдь для нихъ закрыты.

Англія привѣтствовала конгрессъ отъ имени піонерокъ женскаго движенія, *Америка*—отъ имени женскаго національнаго общества, съ желаніемъ, чтобы количество женскихъ союзовъ росло и умножалось. Изъ послѣдовавшаго доклада Miss Graham-French изъ *Вашингтона*, выяснились слѣдующіе интересные факты: участіе американскихъ женщинъ въ промышленности, фабричномъ производствѣ, въ занятіи общественныхъ должностей, высшихъ профессій все растетъ и растетъ; за

[1]) Отъ перваго брака жены.

послѣдніе годы это количество увеличилось на 75%. Въ высшихъ американскихъ школахъ въ 1892 г. состояло 140.000 студентокъ, 23% изъ нихъ замужнія. Въ женскихъ коллегіяхъ—22.000 студентокъ. За послѣдній годъ было выдано около 3.000 дипломовъ женщинамъ на степень баккалавра по искусству, наукамъ, литературѣ, музыкѣ и прочимъ академическимъ предметамъ, Въ общественныхъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ имѣется 260.000 учительницъ, получающихъ отъ 38 до 100 долларовъ въ мѣсяцъ. Заработокъ женщинъ: редакторовъ, писательницъ, врачей значительно больше. 6 лѣтъ тому назадъ, учрежденъ союзъ всѣхъ женскихъ обществъ, которыхъ въ Америкѣ насчитывается около 500.

Во *Франціи*, какъ намъ извѣстно, женщины принимаются въ университеты, получаютъ ученыя степени, допускаются къ занятіямъ общественныхъ должностей, и теперь стремятся получить избирательныя права.

Одна изъ блестящихъ рѣчей (произнесенная на англійскомъ языкѣ) принадлежала представительницѣ нашей ближайшей сосѣдки — *Финляндіи* — баронессѣ Грипенбергъ. Указавъ на усиливающееся въ послѣднее время движеніе женщинъ въ Финляндіи, докладчица сообщила отрадный фактъ, что въ этомъ движеніи принимаютъ участіе всѣ классы населенія, стремящіеся къ просвѣщенію и къ уравненію правъ женскихъ съ мужскими во всѣхъ отношеніяхъ. Женскій вопросъ, и по ея мнѣнію, есть вопросъ экономическій, а не политическій.

Въ *Италіи* также существуетъ общество для охраны женскихъ интересовъ, предсѣдательницей котораго состоитъ докторъ медицины Paoelina Schiff. Девизомъ общества служитъ изреченіе: сила заключается только въ правѣ. На достиженіи правъ и сосредоточиваются всѣ стремленія передовыхъ итальянокъ (Докладъ былъ *прочитанъ*). Вторая представительница Италіи, тоже докторъ медицины, signorina Montessori, высказавъ привѣтъ отъ вѣчнаго города, города императоровъ и папъ, сообщила о допущеніи женщинъ Италіи въ университеты и къ дальнѣйшей общественной дѣятельности и о существованіи женскаго общества въ Римѣ, которое, во время ужасовъ африканской войны, подавало петицію объ отозваніи войскъ и прекращеніи войны. Это общество открываетъ курсы народной гигіены для работницъ и работаетъ на пользу просвѣщенія женщинъ всѣхъ классовъ.

Въ *Австріи*, какъ и въ большинствѣ другихъ государствъ, два теченія женскаго движенія: одно—движеніе работницъ (борьба съ капиталистами), находящее сильную поддержку въ товарищахъ-работникахъ, и второе, такъ называемое «bürgerliche»—среднихъ и образованныхъ классовъ—за достиженіе правъ образованія и самостоятельности. Для этой цѣли организуются женскія общества, отличающіяся большимъ единодушіемъ, которыя въ настоящее время добиваются правъ избирательныхъ.

Для женщинъ *Швеціи* университетъ открытъ уже съ 1871 года. Женщина добилась права участвовать въ выборѣ городскихъ властей,

которыя избираютъ членовъ рейхстага, и такимъ образомъ косвенно участвуетъ и въ этихъ выборахъ. Недавно основанное женское общество, носящее названіе Frederica Bremer, въ память извѣстной писательницы Швеціи, имѣетъ цѣлью поддерживать молодое поколѣніе, наблюдать за ходомъ занятій въ школахъ, такъ какъ шведки получили право быть училищными инспекторами, также заботу о физическомъ развитіи юношества. Литература усердно помогаетъ движенію женщинъ въ Швеціи.

Слѣдующее слово было предоставлено мнѣ, но за позднимъ временемъ отложено до слѣдующаго дня. Вотъ моя рѣчь произнесенная понѣмецки, которую, въ виду ея краткости, привожу цѣликомъ:

«Глубокоуважаемое собраніе!»

Весьма сожалѣю, что я не настолько владѣю нѣмецкимъ языкомъ, чтобы выразить всѣ тѣ чувства, которыя возбуждаетъ во мнѣ идея международнаго конгресса женщинъ, собравшая представительницъ женскаго движенія всѣхъ странъ для взаимнаго сближенія и общей пользы.

На привѣтливый, любезный зовъ нѣмецкихъ женщинъ откликнулись женщины всѣхъ образованныхъ націй, которымъ дороги интересы женскаго вопроса, сдѣлавшаго въ послѣдніе годы такіе быстрые успѣхи въ своемъ развитіи, благодаря энергіи его просвѣщенныхъ руководительницъ. Примѣръ этихъ смѣлыхъ и неутомимыхъ поборницъ женскаго движенія служилъ и служитъ намъ путеводной звѣздой, освѣщающей трудный путь къ свободѣ и образованію женщинъ.

Въ Россіи женское движеніе, возникшее нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, благодаря соціально-экономическому перевороту (1861 г.), продолжаетъ расти и развиваться, открывая женщинѣ новые горизонты для ея развитія и дѣятельности. Движеніе это выразилось главнѣйшимъ образомъ въ стремленіи женщинъ къ высшему образованію, расширенію правъ и пріобрѣтенію самостоятельности. Результатами этого движенія было возникновеніе (въ 1872 г.) женскихъ медицинскихъ курсовъ, создавшихъ женщинъ-врачей, учрежденіе женскихъ университетскихъ и педагогическихъ курсовъ, развитіе профессіональнаго женскаго труда, допущеніе женщинъ къ занятію служебныхъ мѣстъ и, въ общемъ, возвышеніе женщины, какъ самостоятельной личности.

По иниціативѣ и при дѣятельномъ участіи женщинъ возникли въ Россіи и многія благотворительныя учрежденія, какъ, напр., общество для бѣдныхъ женщинъ, дешевыхъ квартиръ, попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, о хронически больныхъ дѣтяхъ, «Ясли», общество распространенія практическихъ знаній, фребелевскіе курсы, общество вспомоществованія окончившимъ женскіе университетскіе курсы, для поддержки высшаго образованія и многія другія.

Но женскія силы, работая на различныхъ поприщахъ для одной идеи, не были сплочены воедино, не представляли одной кооперативной силы. Необходимость соединить женскія силы, создать центръ для развитія солидарности и совмѣстной дѣятельности, car l'union fait la force, возбудило мысль объ организаціи женскаго общества въ Россіи. И вотъ, годъ тому назадъ, путемъ усилій маленькаго кружка женщинъ, было разрѣшено первое русское женское взаимно-благотворительное общество въ Петербургѣ, въ основѣ котораго лежитъ идея умственнаго и нравственнаго совершенствованія женщинъ.

Я не буду говорить о дѣятельности нашего общества, оно еще только начинаетъ свою жизнь, проявляя ее оказаніемъ духовной и матерьяльной поддержки другъ другу, которая выражается въ предоставленіи членамъ библіотеки, въ собственномъ помѣщеніи, въ устройствѣ семейныхъ литературно-музыкальныхъ

вечеровъ, въ докладѣ рефератовъ на различныя темы, въ чтеніи лекцій, въ преподаваніи иностранныхъ языковъ, бухгалтеріи и профессіональныхъ искусствъ и въ доставленіи мѣстъ и занятій нуждающимся членамъ. Все это еще только благія начинанія, скромные шаги юнаго общества, подготовляющіе результаты для будущаго. Но, для характеристики женскаго движенія въ Россіи, я должна упомянуть, что открытое 40 учредительницами общество, къ концу 1-го года своего существованія, насчитываетъ уже около 1.000 членовъ,—женщинъ разныхъ профессій и положеній, и что въ другихъ городахъ Россіи, по примѣру Петербурга, явились попытки организовать такія же общества.

Русскія женщины счастливы присоединиться къ общему движенію женщинъ, стремящихся къ высшимъ цѣлямъ и прогрессу, на пользу человѣчества и науки. Какъ бы ни были различны законы, нравы и обычаи государствъ, къ которымъ мы принадлежимъ, но идея у всѣхъ насъ одна, эта идея—единеніе женщинъ; она роднитъ и соединяетъ насъ въ одинъ союзъ, собираетъ въ одну большую семью, чему блистательнымъ примѣромъ можетъ служить настоящій конгрессъ».

Докладъ представительницы *Испаніи* и *Португаліи*, г-жи Лунзы Ей, произвелъ грустное впечатлѣніе на всѣхъ. Положеніе женщины въ Португаліи очень печально: женскаго движенія совсѣмъ нѣтъ, образованіе отсутствуетъ. Суетность, наряды, стремленіе къ роскоши, полная зависимость отъ мужа и отсутствіе высшихъ интересовъ,—вотъ характерныя черты обитательницъ испанскаго полуострова.

Что же выяснили доклады о современномъ женскомъ движеніи? Мнѣ кажется, что они выяснили духовную сплоченность и единодушіе женщинъ въ преслѣдованіи слѣдующихъ главныхъ цѣлей: 1) высшаго образованія. 2) расширенія правъ (до уравненія съ мужскими), 3) улучшенія матерьяльнаго положенія (повышеніемъ заработной платы) и 4) въ особенности у германскихъ женщинъ—семейной, гражданской и имущественной эмансипаціи. Въ виду послѣдняго вопроса, тутъ же, на конгрессѣ, была составлена петиція отъ германскихъ женщинъ для представленія въ рейхстагъ, которая была покрыта массою подписей. Исключительность положенія женщинъ, обусловленнаго измѣненіемъ соціально-экономическаго строя, естественно ставитъ ихъ въ изолированное отъ мужчинъ положеніе, заставляя группироваться въ обособленныя общества, съ цѣлью агитаціи и борьбы въ защиту женскихъ интересовъ, женскихъ правъ, не признаваемыхъ мужчиной. И эта общность интересовъ создала въ государствахъ, не имѣющихъ близкихъ сношеній между собой, почти аналогичныя по идеѣ женскія общества, которыя дружно стремятся къ однимъ и тѣмъ же цѣлямъ. Америка и Англія стоятъ въ особенно благопріятныхъ условіяхъ; онѣ идутъ впереди всѣхъ другихъ національностей, давно достигнувъ, благодаря умственному развитію и силѣ единенія женщинъ, того, съ чего, напр., германскимъ женщинамъ приходится только начинать. Добившись силы и права, эти просвѣщенныя женщины стремятся къ дальнѣйшимъ цѣлямъ: духовнаго и матерьяльнаго развитія народа, участвуя въ этой работѣ на равныхъ правахъ съ мужчинами.

Такъ, изъ сообщенія Miss B. Lewis, доктора медицины и члена

Civic Club въ Филадельфіи, выяснилось, что клубъ этотъ, главныя дѣятельницы котораго—женщины, имѣетъ цѣлью: санитарное улучшеніе города, гигіеническую заботу о населеніи, открытіе школъ, высшихъ учебныхъ заведеній для женщинъ, устройство благотворительныхъ учрежденій, ассоціацій, наблюденіе за больницами и общее улучшеніе соціальнаго порядка.

Сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ произвело письмо 85-ти-лѣтней графини *Butlar Haimhausen* (Мюнхенъ), одной изъ сильныхъ поборницъ женскаго движенія въ Германіи. Взывая къ протесту противъ узаконенія послѣдняго времени, такъ сильно ограничившаго семейныя права нѣмецкой женщины, она говоритъ: «сплотитесь тѣснѣе, женщины Германіи, и возстаньте всѣ дружно за права матерей надъ ихъ законными дѣтьми, за права незаконныхъ дѣтей знать своего отца и за права свободныхъ матерей надъ этими несчастными дѣтьми. Сытыя—бросьте ваше довольство, голодныя—не приходите въ отчаяніе, то и другое убиваетъ энергію. Отстаивайте ваши права на ваше имущество и заработокъ. Разрывайте сковывающія васъ цѣпи и добивайтесь смѣло просвѣщенія и свободы, восходящая заря которой уже начинаетъ свѣтиться передъ моими меркнущими очами».

Доклады о *дѣтскихъ садахъ*, пріютахъ, фребелевскихъ курсахъ въ Англіи, Америки и Германіи—особенно новаго для насъ ничего не сказали. Интересное сообщеніе г-жи Чебышевой-Дмитріевой,—о русскихъ первоначальныхъ школахъ, ихъ развитіе и руководство учительницами (положеніе которыхъ значительно выше, въ смыслѣ вознагражденія, учительницъ нѣмецкихъ школъ)—возбудило большое вниманіе присутствовавшихъ.

Изъ докладовъ, посвященныхъ *высшему образованію*, выдѣлилась, конечно, Америка, гдѣ существуетъ уже нѣсколько сотъ женщинъ-адвокатовъ, около 6.000 женщинъ-врачей и хирурговъ, и нѣсколько тысячъ проповѣдницъ; но и наше отечество, по этому вопросу, занимало довольно видное мѣсто.

Г-жа Шаффе сообщила докладъ о высшихъ курсахъ, къ которому сдѣлала вступленіе В. П. Тарновская. О существованіи въ Россіи женщинъ-врачей, о дѣятельности женщинъ-врачей въ Америкѣ и Россіи довольно подробно говорила г-жа Рабиновичъ, д-ръ философіи изъ Филадельфіи. Женщинъ-врачей полекъ было довольно много на конгрессѣ; всѣ онѣ окончили курсъ за границей, гдѣ и занимаются практикой; одна изъ нихъ (д-ръ Краевская) состоитъ правительственнымъ врачемъ въ Босніи и сообщила свои наблюденія о бытѣ магометанскихъ женщинъ.

Мало знакомая намъ *Венгрія* стоитъ весьма высоко по образованію женщинъ и ихъ общественнымъ стремленіямъ, какъ выяснили нѣкорыя сообщенія венгерскихъ делегатокъ. Fr. Bistram изъ Карлсруэ привела интересныя сравнительныя данныя о суммахъ, отпускаемыхъ

Германіею на образованіе мужчинъ и женщинъ. Въ то время, какъ на мужчинъ идетъ $97^1/_2{}^0/_0$, на образованіе женщинъ всего $2^1/_2{}^0/_0$. Сообщивъ объ открытіи общества «реформы женскаго образованія», докладчица горячо настаивала на допущеніи женщинъ въ университеты. «Неужели,—заключила она,—германскія женщины менѣе способны къ образованію, чѣмъ японки, которыхъ въ настоящее время болѣе 1.000 въ университетѣ Токіо?..»

Между докладами происходили и отдѣльныя засѣданія, на которыхъ допускались пренія. Одно изъ нихъ было посвящено *реформѣ женскаго костюма*. Референтъ, докторъ Шпенеръ, выразился, что одно изъ препятствій въ женскомъ движеніи есть препятствіе движенія женщины, т.-е. стѣснительный костюмъ. Главный врагъ, на котораго обрушился докладчикъ, былъ нашъ корсетъ, затѣмъ длинныя платья, стѣсняющія шаги и вносящія заразную пыль въ жилища. Платья должны быть, по крайней мѣрѣ, на 10 сантиметровъ короче обыкновенныхъ. (Юбки совсѣмъ излишни). Для носильнаго бѣлья — предлагается комбинація англійскаго фасона. Осуждалась современная обувь, уродующая ногу, завиваніе волосъ, нецѣлесообразныя шляпы, вуали и проч. Кореферентка г-жа Прёльсъ заключила, что нашъ современный костюмъ не отличается ни практичностью, ни красотой, ни гигіеничностью, и рекомендовала костюмъ велосипедистокъ. По поводу этого засѣданія состоялось рѣшеніе основать пробную мастерскую для приготовленія разумнаго дамскаго костюма.

Другія отдѣльныя засѣданія были посвящены лигѣ мира и всеобщаго разоруженія, дѣятельнымъ членомъ которой состоитъ Лина Моргенштернъ, педагогическимъ вопросамъ и вопросу работницъ. Послѣдній вопросъ на тезисъ, предложенный г-жей Шверинъ: въ какой области соціальнаго труда могутъ слиться всѣ женщины?—вызвалъ бурныя пренія; представительницы рабочей (соціалъ-демократической) партіи рѣзко осуждали предметы занятій конгресса, интересы буржуазныхъ женщинъ, стремящихся къ полученію докторскихъ дипломовъ и избирательныхъ карточекъ, ничего общаго не имѣющаго съ интересами ихъ рабочей партіи; категорически отказавшись присоединиться къ петиціи германскихъ женщинъ, подаваемой въ рейхстагъ, какъ не соотвѣтствующей ихъ принципамъ, представительницы рабочей партіи рѣзко высказались противъ возможности сліянія получающихъ барыши съ тѣми, кто ихъ лишенъ; имъ возражали присутствовавшія конгрессистки, указывая, между прочимъ, на примѣръ Америки, Швейцаріи и Финляндіи, гдѣ женщины всѣхъ классовъ принимаютъ участіе въ движеніи женскаго вопроса, но эти примѣры оказались непригодными, и представительницы соціалъ-демократической партіи продолжали настаивать на неизбѣжности сепаратизма и даже антагонизма между ними и женщинами среднихъ и высшихъ классовъ.

Вслѣдствіе бурныхъ дебатовъ, интересная тема осталась совсѣмъ

не разработанной, и засѣданіе заключила г-жа Шверинъ слѣдующими примирительными словами: «Мы, женщины, не питаемъ никакой вражды къ движенію женщинъ-пролетаріатокъ, а гдѣ нѣтъ врага, не должно быть «борьбы».

Общественные недуги, какъ *алкоголизмъ* и проституція, занимали одно изъ почетныхъ мѣстъ въ предметахъ обсужденія конгресса. Miss Chaut, англичанка-проповѣдница, говорила отъ имени предсѣдательницы всемірнаго женскаго общества трезвости (Miss Fr. Willard). Исходя изъ мысли, что пьянство есть причина всѣхъ бѣдствій народа, это общество подастъ гигантскую петицію (Polyglot petition), которая, по подписаніи ея женщинами всего свѣта, будетъ разослана всѣмъ правительствамъ,—о принятіи мѣръ къ уничтоженію пьянства въ народѣ. Теперь уже имѣется 7.000.000 подписей.

О борьбѣ *съ проституціей* говорили г-жа Биберъ-Банъ, Мина Кауеръ и друг.; мѣры, предлагаемыя ими, слѣдующія: нравственное воспитаніе юношества, предупрежденіе о гибельныхъ послѣдствіяхъ зараженія, матерьяльное улучшеніе быта молодыхъ дѣвушекъ и преслѣдованіе этого зла закономъ, о чемъ предложено подать петицію въ рейхстагъ. Вопросы о необходимости и значеніи гигіены, воспитанія молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей, психологическая сторона дѣтскаго возраста, были также затронуты конгрессомъ и освѣщены съ разныхъ сторонъ.

Разсмотрѣнію правъ женщинъ былъ посвященъ цѣлый отдѣлъ, но я о немъ распространяться не буду, такъ какъ особенно новаго не было прибавлено къ тому, о чемъ было говорено въ докладахъ о женскомъ движеніи. Д-ръ правъ, M-elle Marie Popelin, предсѣдательница бельгійскаго женскаго общества, пригласила всѣхъ присутствующихъ на женскій конгрессъ въ будущемъ году (въ сентябрѣ, въ Брюсселѣ), который, главнымъ образомъ, будетъ посвященъ разработкѣ женскихъ правъ. Женское общество въ Бельгіи имѣетъ свой журналъ «La Ligue», посвященный изученію правъ женщинъ.

Послѣдній предметъ занятій конгресса—участіе женщинъ въ искусствѣ, литературѣ и наукѣ и лигѣ мира,—не представилъ, къ сожалѣнію, никакихъ данныхъ объ участіи женщинъ въ разработкѣ научныхъ вопросовъ. Не знаю, кто въ этомъ виноватъ,—комитетъ-ли, не успѣвшій привлечь женщинъ, имѣющихъ ученые труды, или сами онѣ отнеслись къ этому равнодушно, но этотъ существенный пробѣлъ представляется серьезнымъ упрекомъ, и въ особенности намъ, русскимъ, работы которыхъ по математикѣ, медицинѣ, антропологіи, философіи могли быть представлены для общей оцѣнки, какъ лучшее доказательство самостоятельности женскаго ума и способности къ точнымъ изслѣдованіямъ. Будемъ надѣяться, что на брюссельскомъ конгрессѣ, гдѣ доминирующимъ языкомъ будетъ французскій, этотъ пробѣлъ со стороны русскихъ женщинъ будетъ пополненъ.

Отдѣлъ *литературы* и *искусствъ* не представлялъ ничего особенно выдающагося (Россія тоже своего вклада не сдѣлала), за исключеніемъ рѣчи Fr. Milde, говорившей на тему о женской любви и женской жизни въ современной литературѣ, вызвавшей бурные аплодисменты. Сильно нападая на господствующій элементъ лиризма, развращающій молодыхъ дѣвушекъ, которыя, подъ вліяніемъ его, воспитываются съ закрытыми глазами, отдавая слишкомъ много богу Амуру и относясь ко всему окружающему апатично и равнодушно, она указала только на трехъ современныхъ поэтессъ, понимающихъ любовь въ высокомъ смыслѣ и которыя должны считаться образцами,—это Елиза Петерсъ, Ада Негри и Марія Эшенбахъ; только подъ вліяніемъ принциповъ подобныхъ писательницъ и работая надъ самоусовершенствованіемъ, женщина можетъ сказать своимъ сестрамъ: «я искала тебя, но нашла себя».

О лигѣ мира говорила Лина Моргенштернъ, призывавшая женщинъ къ участію въ этой лигѣ, требуемой законами разума и нравственности, осуждала обычай давать дѣтямъ въ игрушки орудія милитаризма и наряжать ихъ въ солдаты, воспитывая воинственный духъ и высокомѣрное отношеніе братьевъ къ сестрамъ.

Заключительное слово въ послѣднемъ засѣданіи принадлежало Минѣ Кауеръ. Послѣ благодарности думѣ, прессѣ, всѣмъ членамъ конгресса и Линѣ Моргенштернъ, она сказала: «мы не хотѣли дѣлать выводовъ и обобщеній, мы собрались, чтобы выслушать другъ друга, такъ какъ въ каждой странѣ свой женскій вопросъ, свое женское движеніе. Но, кромѣ этого вопроса—*національнаго*, существуетъ еще нѣчто *интернаціональное*, общее для всѣхъ народовъ,—это вѣчная идея любви, мира и справедливости, которымъ мы всѣ должны служить, и развитію этой идеи и былъ посвященъ нашъ женскій конгрессъ. Заключеніе это сопровождалось большими овраціями, выпавшими на долю двухъ главныхъ силъ конгресса—Лины Моргенштернъ и Мины Кауеръ.

Такъ закончилась серьезная часть конгресса. Не смотря на 8-ми-дневную его продолжительность, много докладовъ было отклонено, за неимѣніемъ времени, и много выражено было сожалѣній, что, увы! все ужъ кончено.

Въ виду совпаденія женскаго конгресса съ выставкой въ Берлинѣ, въ свободное время, между докладами, были организованы коллективныя поѣздки за городъ; конгрессистки собирались въ извѣстномъ пунктѣ и оттуда направлялись сообща осматривать различные отдѣлы грандіозной выставки, а также посѣщали различныя благотворительныя и гигіеническія учрежденія. Одинъ вечеръ посвященъ было лекціи о рентгеновскихъ лучахъ, съ демонстраціей новыхъ опытовъ, сдѣланныхъ за послѣднее время въ этой области. Во время этихъ пріятныхъ и полезныхъ экскурсій дѣлились впечатлѣніями, знакомились и обмѣнивались мыслями на всѣхъ языкахъ. Сближали и общіе обѣды и завтраки, въ антрактахъ между докладами, за которыми оживленныя дружескія бесѣды лились рѣкой, подъ свѣжими впечатлѣніями услышаннаго.

О русскихъ женщинахъ, да и вообще объ общественной жизни въ Россіи, за границей знаютъ мало. Меня спрашивали, напр., какъ же вы говорите, что мужчины не допускаются въ ваше женское общество, а полицейскіе, безъ которыхъ въ Россіи не обходятся никакія засѣданія?.. Изъ русскихъ литераторовъ прекрасно знаютъ Толстого, знакомы съ Гончаровымъ и Тургеневымъ, изъ новыхъ же беллетристовъ пользуется извѣстностью Чеховъ.

Берлинская пресса была очень заинтересована женскимъ конгрессомъ, газеты утреннія и вечернія сообщали извѣстія объ его засѣданіяхъ, относясь весьма серьезно и съ большимъ уваженіемъ къ предметамъ его занятій. Насколько я могла судить объ отношеніяхъ мужчинъ къ женскому конгрессу, одни относились иронически-снисходительно, другіе раздражительно (одинъ профессоръ сказалъ мнѣ съ сердцемъ: «удивляюсь, что вы врачъ, женщина съ научнымъ образованіемъ, можете интересоваться такими вздорными преніями», и былъ очень удивленъ, что именно ради этихъ преній я и пріѣхала въ Берлинъ); но были и такіе, которые, повидимому, съ изумленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, прислушивались къ агитаціи за права и самостоятельность женщинъ. Одинъ супругъ сказалъ: «а вѣдь мы и не подозрѣвали, что наши женщины такія умныя, теперь только изъ сообщеній газетъ, мы убѣдились въ этомъ». Эту мысль высказалъ и одинъ венгерскій делегатъ въ прекрасной рѣчи, за прощальнымъ обѣдомъ: «мужчины потому враги женскаго движенія,—сказалъ онъ,—что они совсѣмъ не знаютъ женщинъ, и самъ я узналъ ихъ только теперь, на конгрессѣ, и съ этой поры записался въ ряды приверженцевъ ихъ движенія».

Прощальный вечеръ въ день закрытія конгресса состоялся въ главномъ ресторанѣ Берлинской выставки. Въ громадной, красивой залѣ было накрыто около 1.000 приборовъ. Элегантныя и любезныя хозяйки встрѣчали и указывали мѣста. Хоръ музыки, пѣніе оперныхъ артистокъ, декламація стиховъ, посвященныхъ конгрессу, застольныя рѣчи съ Hoch'ами, общій эктузіазмъ,—все это придавало необыкновенное оживленіе, отражавшееся на всѣхъ лицахъ. Были тосты и за братьевъ-мужчинъ, которыхъ сестры благодарили за участіе въ конгрессѣ; мирное праздничное настроеніе царило за обѣдомъ, смѣнивъ страстныя рѣчи, горячія воззванія и всѣ волненія. Пришлось и мнѣ сказать застольную рѣчь. Выразивъ глубокое сочувствіе комитету, съумѣвшему такъ блистательно справиться съ своей трудной задачей, поблагодаривъ за любезный пріемъ, я высказала пожеланіе, чтобы берлинскій конгрессъ былъ обязательнымъ примѣромъ ежегодныхъ конгрессовъ женщинъ, закончивъ «до свиданіемъ» и «Hoch»'омъ за всѣхъ женщинъ, стремящихся къ высшимъ цѣлямъ. На другой день я уѣхала, унося самыя прекрасныя и глубокія воспоминанія о женскомъ международномъ конгрессѣ.

А. Шабанова.

О БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКИХЪ СРЕДСТВАХЪ РОССІИ.

Л. Бертенсона.

Докладъ, читанный на международномъ конгрессѣ по гидрологіи, геологіи и климатологіи въ Клермонъ-Ферранѣ, въ сентябрѣ 1896 года.

Мм. гг. На меня выпала честь быть на настоящемъ международномъ конгрессѣ представителемъ того министерства, въ вѣдѣніи котораго находится охрана жизни минеральныхъ источниковъ Россіи, а также попеченіе о нѣкоторыхъ ея важнѣйшихъ курортахъ;—я говорю о министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, на которомъ лежитъ право и обязанность, по признаніи за минеральными водами общественнаго значенія, устанавливать для нихъ периметръ охраны, и которое, кромѣ того, управляетъ «Кавказскими минеральными водами» и нѣкоторыми другими курортами.

Явившись сюда съ порученіемъ принять участіе въ трудахъ съѣзда и извлечь изъ нихъ, по возможности, больше новыхъ свѣдѣній и данныхъ на пользу бальнеологическаго дѣла въ отечествѣ, я считалъ бы, однако, свою задачу не совершенно выполненною, еслибы, въ свою очередь, не познакомилъ васъ, мм. гг., съ бальнеологическими средствами Россіи и съ ея научной дѣятельностью по гидрологіи.

Въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, не можетъ быть недостатка въ лѣчебныхъ источникахъ, и дѣйствительно — ихъ не только несравненно больше того, что вы знаете по немногочисленнымъ сочиненіямъ и статьямъ, имѣющимся на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но даже гораздо больше того, что намъ, русскимъ, извѣстно. На обширныхъ окраинахъ Россійской Имперіи находится огромное число зарегистрированныхъ уже минеральныхъ источниковъ, но ими не исчерпываются минеральныя богатства этихъ окраинъ; въ нѣдрахъ земли, безъ сомнѣнія, подобно неоткрытымъ еще драгоцѣннымъ металламъ, пребываютъ пока въ неизвѣстности не менѣе драгоцѣнные лѣчебные источники.

Однако, и уже извѣстныхъ минеральныхъ источниковъ, а также соляныхъ озеръ и грязей, могущихъ служить для врачеванія, такъ много, что не только въ настоящемъ, стѣсненномъ узкими рамками, докладѣ, нельзя было бы ихъ перечислить, но даже и въ объемистый перечень попали бы далеко не всѣ. На одномъ лишь Кавказѣ лѣчебныхъ источниковъ такое огромное число, что наиболѣе современное систематиче-

ское описаніе ихъ, изданное горнымъ управленіемъ этого края, занимаетъ нѣсколько большихъ томовъ (труды горныхъ инженеровъ В. Мелера и А. Коншина). Съ небольшимъ числомъ кавказскихъ минеральныхъ водъ вы, мм. гг., знакомы по прекраснымъ трудамъ французскихъ гидротехниковъ Jules François и Léon Dru, по обстоятельной французской диссертаціи Omont: «Excursion aux eaux minérales du Caucase» (Thèse, Paris, 1866), по краткому докладу русскаго профессора Сущинскаго, сдѣланному имъ въ 1886 г. на международномъ конгрессѣ въ Біаррицѣ, по коротенькимъ замѣткамъ извѣстнаго словаря Dujardin-Beaumetz, а также по нѣкоторымъ нѣмецкимъ бальнеологіямъ. О чудодѣйственныхъ русскихъ лиманахъ и ихъ грязяхъ вы, можетъ быть, знаете по напечатаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ трудамъ одесскихъ врачей Пинскера и Абеля, но вамъ, конечно, неизвѣстны весьма многія воды Кавказа и Закавказскаго края, а также гидроминеральныя богатства Западной Сибири и Забайкальской области, т.-е. тѣхъ мѣстностей, которымъ вскорѣ, съ проведеніемъ великаго желѣзнодорожнаго пути, придется играть выдающуюся роль.

Зная, что русскія воды богаты числомъ, легко догадаться, что онѣ отличаются и разнообразіемъ. И дѣйствительно, уже по отношенію къ *температурѣ источниковъ*, разнообразіе поразительно: у насъ имѣются источники съ самыми низкими температурами (1°,9: *Ямаровскіе* источники въ Восточной Сибири) и съ самыми высокими (88°—92°: *Горячеводскіе* и *Брагунскіе* источники на Кавказѣ; 100°: *Бананинскіе* источники въ Камчаткѣ, *Кальваджарскія* воды въ Закавказьѣ и *Каргинскій* горячій ключъ въ Восточной Сибири). Конечно, и *термальныхъ водъ*, съ температурами болѣе или менѣе безразличными, не мало; назову *Абасъ-Туманъ*, находящійся на Кавказѣ, въ величественно-живописной, очень здоровой горной мѣстности. Это лѣчебное мѣсто, пріобрѣтшее, благодаря пребыванію въ немъ Е. И. В. Наслѣдника Россійскаго Престола, міровую извѣстность, можетъ похвалиться роскошно устроеннымъ водолѣчебнымъ заведеніемъ, снабженнымъ всѣми новѣйшими гидропатическими приспособленіями и отвѣчающимъ самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ.

И по своей *химической природѣ*, русскіе источники представляютъ не меньшее разнообразіе. Придерживаясь общепринятой классификаціи водъ и дѣлая разницу между слабо-минерализованными источниками, т.-е. химически безразличными, и такими, въ которыхъ минеральныхъ составныхъ частей содержится достаточно для опредѣленнаго физіологическаго дѣйствія, я, конечно, остановлюсь, главнымъ образомъ, на послѣднихъ, при чемъ, не утомляя вашего вниманія, укажу только на важнѣйшіе.

Изъ водъ *поваренной соли* назову *Старорусскіе* источники Новгородской губ., *Друскеникскіе* Гродненской губ., *Цыхоцинскіе* Варшавской губ. и *Бускіе* Кѣлецкой губ.; кромѣ того, *лиманы* и *соляныя озера*

близь г. Славянска, Харьковской губ., близъ г. Одессы, г. Астрахани и въ Крыму: *Саки*, *Чокраки* и *Мойнаки*. Эти соляныя озера отличаются водою сильной концентраціи и грязями, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Изъ *желѣзныхъ водъ* слѣдуетъ назвать, во-первыхъ, *Липецкія*, въ судьбѣ которыхъ принималъ участіе еще Петръ Великій; затѣмъ *Желѣзноводскія* на Кавказѣ, въ Терской области; *Березовскія* воды Харьковской губ., *Курьинскіе* источники Пермской губ. и *Палеичовскіе* Люблинской губ.

Изъ *сѣрнистыхъ источниковъ* наибольшей славой въ Россіи пользуются *Пятигорскіе*, находящіеся на Кавказѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ только что упомянутыхъ Желѣзноводскихъ источниковъ; *Кемернскіе* источники въ Остзейскомъ краѣ; *Серіевскія* воды въ Самарской губ.; *Хиловскія* въ Псковской губ. и *Горячеводскіе* источники въ Терской области. Послѣдніе отличаются обиліемъ воды и очень высокой температурой ея (88°—92°).

Известковыхъ водъ, сравнительно съ другими, въ Россіи немного; извѣстностью пользуются лишь *Бирштанскіе* источники Виленской губ.

Горькихъ водъ, находящихся въ употребленіи, у насъ пока лишь одна: «*Кавказская горькая вода*». Эта вода, извѣстная больше подъ именемъ *Маріи-Терезіи* (такъ она была прозвана нѣмцами, открывшими ее въ своей колоніи въ Терской области), не выдерживаетъ конкурренціи съ венгерскими горькими водами, которыя, какъ извѣстно, заполонили всю Европу.

Въ числѣ *щелочныхъ водъ* Россія имѣетъ нѣсколько весьма видныхъ представителей. Изъ *чистыхъ углекислыхъ источниковъ* назову знаменитый у насъ «*Нарзанъ*» въ Кисловодскѣ (Терской области)—весьма богатый угольною кислотою, которой въ I литрѣ воды содержится около 1.000 куб. цент. Затѣмъ изъ *щелочно-углекислыхъ* пользуются огромной славой *Боржомскія воды*, находящіяся въ великолѣпномъ имѣніи Е. И. В. великаго князя Михаила Николаевича и носящія названіе «*Русскаго Виши*». Боржомская вода разсылается по всей Россіи въ огромномъ числѣ бутылокъ, и, по своему химическому составу, дѣйствительно, чрезвычайно близка къ Виши, въ чемъ можно убѣдиться по слѣдующимъ сопоставленіямъ главныхъ составныхъ частей обѣихъ водъ.

Въ 1.000 куб. цент. содержится граммами:	Боржомскій Екатерининскій источникъ. Анал. Мольденгауера 1893.	Vichy-Grande Grille. Анализъ Bonquet 1853.
Двууглекислаго натра	5,0396	5,1753
Двууглекислой извести	0,4254	0,434
Двууглекислой магнезіи	0,1470	0,303
Двууглекислой закиси желѣза	0,0158	0,004
Хлористаго натрія	0,5884	0,534
Сумма плотныхъ составныхъ частей . . .	6,3244	7,0058
Свободной CO_2 по вѣсу	0,8638	0,8503

По температурѣ, *Боржомскій Екатерининскій источникъ* отличается отъ Vichy-Grande Grille (первый имѣетъ темпер. 43°,6, а послѣдній — лишь 29°,9 — 30°,2), но онъ близокъ къ источникамъ Hopital и Lardy.

Изъ *щелочно-соляныхъ водъ* не меньшею славою, чѣмъ Боржомскіе, пользуются *Ессентукскіе источники*, особенно №№ 17, 18 и 4. Ессентукскій *источникъ* № 17, называемый «жемчужиной Кавказа» и заслуживающій это названіе по своему химическому составу и врачебнымъ свойствамъ, грѣшитъ лишь своимъ дебитомъ, который, хотя въ настоящее время и вполнѣ достаточенъ, но, въ будущемъ, при все увеличивающемся спросѣ на воду, потребуетъ принятія мѣръ къ его увеличенію.

Особенный интересъ представляютъ наши *щелочно-глауберовыя озера*. Въ Россіи ихъ нѣсколько, и наиболѣе замѣчательныя находятся въ Сибири, а именно: *озеро «Устьянцево»* въ Томской губерніи; *озеро «Шира»* въ Енисейской губ., имѣющее въ ширину 3—5 и въ длину 8 верстъ; вода его служитъ для купанья и, вмѣстѣ съ тѣмъ, употребляется какъ слабительное средство; *озеро «Иссыкъ-Куль»* въ Семирѣченской области, на высотѣ 1.615 метровъ надъ уровнемъ моря, занимаетъ огромное пространство шириною въ 47 и длиною въ 180 верстъ и представляетъ собою довольно крѣпкій растворъ солей, съ преобладаніемъ глауберовой соли и хлористаго натрія. Небезъинтересно отмѣтить, что въ этой водѣ, служащей для купанья, водится рыба, которая не можетъ быть употребляема въ пищу — либо по своему дурному вкусу, либо по крайней ядовитости.

Чтобы покончить съ химическими разновидностями водъ, остается упомянуть, что на Кавказѣ встрѣчаются также источники, содержащіе, кромѣ различныхъ солей, еще и *нефть*: назову: Брагунскіе и Горячеводскіе.

Лѣчебныхъ *грязей* въ Россіи также много, и между ними нѣкоторыя пользуются широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Исключительность способовъ грязелѣченія, а также поразительные терапевтическіе результаты, достигаемые въ нашихъ грязелѣчебницахъ, даютъ, мнѣ кажется, право остановить на нихъ ваше особое вниманіе.

Изъ *грязей*, имѣющихъ въ Россіи наибольшее употребленіе, по мѣсту образованія и происхожденію, слѣдуетъ различать, главнымъ образомъ, два вида: *грязь морскихъ бухтъ и грязь соляныхъ озеръ (лимановъ)*; имѣются у насъ еще и *торфяныя грязи* (*Кеммернскія*, *Лужскія* и другія), но онѣ стоятъ на второмъ планѣ.

Грязи морскихъ бухтъ—*Аренсбургскія* и *Гапсальскія* находятся въ болѣе сѣверной полосѣ Россіи, у Балтійскаго моря, и по условіямъ и по способамъ примѣненія, а также, быть можетъ, и по своимъ физическимъ свойствамъ, не имѣютъ того значенія, какое имѣютъ грязи нашихъ южныхъ соляныхъ озеръ, и я на нихъ останавливаться не буду.

Грязи соляныхъ озеръ и лимановъ рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ грязей своимъ составомъ и физическими свойствами. Вотъ что говоритъ проф. Одесскаго университита А. А. Вериго, много, между прочимъ, потрудившійся надъ изслѣдованіемъ одесскихъ лимановъ, о происхожденіи ихъ грязей:

«Грязь, добываемая со дна лимана» (мало чѣмъ отличающаяся отъ сакской и другихъ подобныхъ), «является продуктомъ взаимодѣйствія почвы и почвенной солончаковой массы и органическаго вещества. Органическое вещество, дѣйствуя возстановляющимъ образомъ, даетъ соляной массѣ щелочность, и, разлагаясь, сообщаетъ грязи сильно-щелочныя, летучія основанія, главнымъ образомъ изъ аминныхъ основаній и амміака. Кромѣ того, это органическое вещество, собирая іодъ, изъ площади примыкающей къ Черному морю» (Одесскіе лиманы находятся въ близкомъ разстояніи отъ послѣдняго), «конденсируетъ его въ грязи. Особый характеръ мягкости, пластичности придаетъ грязи образующееся изъ органическаго вещества восковое или жировое вещество. Наконецъ, вслѣдствіе щелочности, находившееся въ растворѣ въ солончаковой почвенной массѣ желѣзо переходитъ въ нерастворимую форму чернаго сѣрнистаго желѣза, вслѣдствіе выдѣленія значительнаго количества сѣрнистаго водорода». Твердыя нерастворимыя въ водѣ части лиманнаго ила, содержаніе которыхъ бываетъ различное, состоятъ изъ кварцеваго песка, остатковъ раковинъ и небольшихъ количествъ глины. Характеръ растворимыхъ частей ила обусловленъ сложнымъ химическимъ процессомъ: въ глубокихъ частяхъ ила происходятъ процессы возстановленія, а на поверхности (на берегу), въ тѣхъ частяхъ, которыя подвергаются дѣйствію воздуха,—процессы окисленія; въ глубокихъ частяхъ ила преобладаетъ сѣрнистый кальцій и сѣрнистый магній, въ поверхностныхъ же—сѣрнисто-кислыя углекислыя соли и соли органическихъ кислотъ. Щелочность растворимыхъ частей ила зависитъ отъ амміака, аминныхъ основаній и углекислаго аммонія. *Аминныя основанія*, вѣроятно, связаны частью съ сѣроводородомъ, частью съ кислотами. *Іодъ въ лиманномъ илѣ* встрѣчается въ двоякой формѣ: въ соединеніи съ магніемъ и въ видѣ какого-нибудь органическаго соединенія [1]).

Врачебные успѣхи, достигаемые грязелѣченіемъ въ одесскихъ лиманахъ, въ Сакахъ и друг. подобныхъ курортахъ, объясняются, однако, не только физическими и химическими свойствами грязи, но также и, пожалуй, главнымъ образомъ, способомъ ихъ примѣненія; вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, много помогаютъ и климатическія условія самыхъ курортовъ.

Въ грязевой ваннѣ густой консистенціи обмѣнъ тепла между грязевой средой и кожей купающагося, какъ извѣстно, слабѣе, нежели въ водяной ваннѣ той-же температуры; въ силу этого, при грязелѣченіи является возможность подвергать больныхъ вліянію и болѣе высо-

---

[1]) Между прочимъ, считаю нелишнимъ обратить ваше вниманіе на тотъ любопытный фактъ, что въ химическихъ и физическихъ процессахъ, непрерывно совершающихся въ грязяхъ, принимаютъ участіе и низшіе организмы, среди которыхъ, (какъ это доказано работами Вериго, Брусиловскаго, Егунова, Заболотскаго и другихъ) видную роль играютъ такъ называемыя *сѣробактеріи*. Изученіемъ любопытной природы и жизнедѣятельности сѣробактерій мы, какъ извѣстно, обязаны С. Виноградскому, нашедшему 15 родовъ и 25 разныхъ видовъ этихъ бактерій въ сѣрнистыхъ источникахъ. *Л. Б.*

кихъ температуръ, и болѣе продолжительное время, нежели при употребленіи водяныхъ ваннъ. Этой возможностью широко пользуются въ нашихъ южныхъ грязелѣчебницахъ, дѣлая больнымъ ванны и горячія, и довольно продолжительныя. Очень высокая, сухая и ровная температура мѣстности является великимъ подспорьемъ при лѣченіи такими ваннами: съ одной стороны, она охраняетъ отъ простуды, а съ другой—поддерживаетъ вызываемое ваннами сильное потоотдѣленіе. Главный контингентъ лѣчащихся грязями это—люди, одержимые затяжными формами суставнаго ревматизма, подагрой, а также страданіями железъ, надкостницы и костей золотушнаго происхожденія. Понятно, что подъ вліяніемъ ваннъ высокихъ температуръ, дѣйствующихъ на кровообращеніе и на обмѣнъ веществъ, обусловливающихъ разсасываніе патологическихъ продуктовъ и выведеніе задержанныхъ продуктовъ обмѣна, больные должны поправляться и выздоравливать; оно на самомъ дѣлѣ такъ и есть.

Большинство нашихъ *озерныхъ и лиманныхъ грязей* принадлежитъ водовмѣстилищамъ, находящимся на крайнемъ югѣ, гдѣ палящіе лучи солнца не только играютъ роль климатическаго сподвижника лѣченія, но даже непосредственнаго пособника при изготовленіи грязевыхъ ваннъ. Въ нѣкоторыхъ грязелѣчебницахъ, какъ, напр., въ *Сакахъ*, *Майнакахъ* и др., солнцемъ пользуются, какъ нагрѣвателемъ грязевой ванны, причемъ поступаютъ такъ: подъ открытымъ небомъ, на площадкахъ, защищенныхъ досчатымъ заборомъ, на голую землю или на деревянные помосты, подъ солнечные лучи выкладываются пласты грязи, «медальоны». Къ каждому «медальону» прибавляютъ нѣкоторое количество озерной воды (разсола) и размѣшиваютъ ее съ грязью, пока послѣдняя не получитъ желаемой консистенціи. Когда температура въ верхнихъ слояхъ медальона достигаетъ 48°—50° Ц., тогда ванна считается готовою, и больного, на 15—30 минутъ, укладываютъ въ нее, причемъ подъ голову ставятъ подголовникъ съ подушкой и ванну огораживаютъ ширмой изъ древесныхъ прутьевъ, завѣшанной съ наружной стороны войлокомъ. Степень нагрѣванія грунтовой ванны, прежде всего, конечно, зависитъ отъ паденія лучей солнца, затѣмъ отъ температуры и движенія воздуха и, наконецъ, отъ толщины пласта грязи.

Насколько мнѣ извѣстно, подобный грунтовой способъ составляетъ, такъ сказать, привиллегію Россіи; впрочемъ, и способъ приготовленія грязевыхъ ваннъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, практикуемый у насъ, тоже—sui generis; я, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ, чтобы гдѣ-либо въ другихъ курортахъ Европы приготовлялись ванны такъ, какъ въ нашихъ южныхъ грязелѣчебницахъ: я разумѣю такъ называемыя «*густыя ванны*», которыя въ Одессѣ, Сакахъ и другихъ подобныхъ курортахъ дѣлаются изъ 12—15 и 18 пудовъ (200—250—300 килогр.) грязи, размѣшиваемой небольшимъ количествомъ разсольной воды, при-

чемъ грязи даютъ температуру, смотря по надобности, отъ 32° до 40°, иногда и выше 40°. Способы грязелѣченія, практикуемые во *Франціи* (Dax, St. Amand, Barbotan), въ *Венгріи* (Pystjan), въ *Швеціи и Норвегіи* (Ronneby, Loka) и въ *Италіи* (Acqui) совсѣмъ не похожи на нашъ.

Хотя во всѣхъ южнорусскихъ грязелѣчебныхъ курортахъ имѣются заведенія, въ которыхъ согрѣваніе грязи производится путемъ искусственнымъ, но въ такъ называемыя «*грунтовыя ванны*» публика вѣритъ больше, и даже среди врачей не мало такихъ, которые горой стоятъ за эти ванны и видятъ въ ихъ физіологическомъ дѣйствіи нѣкоторыя *особенности*. Сторонники специфическаго дѣйствія найденныхъ проф. Вериго *амминныхъ основаній*, а также содержащагося въ грязяхъ свободнаго *аміака*, полагаютъ, что отъ согрѣванія грязи на огнѣ и въ котлахъ, утрачиваются эти летучія вещества, чего будто бы не бываетъ при согрѣваніи грязи лучистой теплотой солнца.

Не входя въ разборъ этихъ тонкостей, не будучи особеннымъ сторонникомъ грунтовыхъ ваннъ, я не могу, однако, не отмѣтить, что ими достигаются, и въ сравнительно весьма короткіе сроки, блестящіе результаты: сплошь и рядомъ ревматики, напримѣръ, начинающіе лѣченіе въ совершенно безпомощномъ состояніи, на костыляхъ, уже послѣ 6—10 ваннъ, покидаютъ курортъ совершенно выздоровѣвшими.

Замѣчательные успѣхи отъ грунтовыхъ ваннъ не затмѣваютъ, конечно, такихъ же успѣховъ отъ ваннъ, приготовляемыхъ въ заведеніяхъ; практикою одесскихъ лимановъ, гдѣ грунтовыхъ ваннъ вовсе не дѣлаютъ, доказывается это ежегодно на огромномъ числѣ больныхъ. На одномъ изъ одесскихъ лимановъ, а именно на Куяльницкомъ, имѣется для грязевыхъ и соляныхъ ваннъ монументальное заведеніе, о прекрасномъ устройствѣ котораго можно судить уже потому, что городъ на сооруженіе его затратилъ около 400.000 рублей.

Передавъ вамъ, мм. гг., въ лишнихъ, быть можетъ, подробностяхъ, свѣдѣнія о грязелѣченіи, я желалъ бы еще сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ нашихъ курортовъ вообще; но, чтобы не утомлять вашего вниманія данными, не представляющими особаго интереса, я ограничусь лишь общими замѣчаніями.

Въ Россіи, какъ и въ остальныхъ европейскихъ государствахъ, имѣются курорты *благоустроенные* и *не благоустроенные*; разница заключается лишь въ томъ, что на Западѣ (я разумѣю Францію, Германію и Австрію) больше благоустроенныхъ лѣчебныхъ станцій, въ Россіи же—наоборотъ. Такая наша отсталость происходитъ въ значительной степени отъ недостаточнаго сочувствія русской лѣчащейся публики къ отечественнымъ курортамъ. Поднятію и процвѣтанію многихъ западныхъ лѣчебныхъ станцій, такихъ, напримѣръ, какъ Marienbad, Kissingen, Aachen, Vichy, Contrexéville, Franzensbad и мног. другихъ, не мало содѣйствовали, простите за эту откровенность, русскія деньги; еслибы хоть часть тѣхъ средствъ, которыя русскіе состоятельные люди

оставили за предѣлами отечества, пошли бы на пользу собственныхъ курортовъ, то они въ настоящее время стояли бы на несравненно большей высотѣ!

Частная предпріимчивость, въ дѣлѣ эксплоатаціи курортовъ, въ Россіи, къ сожалѣнію, очень слаба, и пока почти все, что сдѣлано для ихъ благоустройства, сдѣлано починомъ и средствами правительства. Я уже указалъ на образцовую термальную станцію въ *Абасъ-Туманѣ*; прекраснымъ устройствомъ ея мы всецѣло обязаны казнѣ. *На «Кавказскія минеральныя воды»*,—подъ которыми слѣдуетъ разумѣть не всѣ воды Кавказа, а только 4 группы источниковъ различнаго состава, собранныя самой природой въ одномъ почти мѣстѣ (на протяженіи 50 километровъ),—правительствомъ затрачено нѣсколько милліоновъ рублей, и теперь эти воды (Пятигорскъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ и Кисловодскъ) представляются наиболѣе благоустроенными въ Россіи [1]). Нѣкоторые курорты (Кеммернъ, Бусскъ, Старая Русса), находясь въ арендѣ у частныхъ лицъ, приходили въ упадокъ, а съ переходомъ ихъ въ руки правительства, они снова принимали должное благоустройство. Въ числѣ немногихъ исключеній стоитъ городъ Одесса, который собственными силами, безъ помощи казны, сдѣлалъ очень много для своихъ лимановъ.

Но, если мы не можемъ похвалиться широкой общественной заботливостью о преуспѣяніи нашихъ лѣчебныхъ станцій, за то мы имѣемъ право, съ чувствомъ особаго удовлетворенія, сказать, что въ Россіи, на почвѣ научнаго изученія природныхъ лѣчебныхъ средствъ, дѣлается много.

Научныя работы относятся къ различнымъ отраслямъ гидрологическаго знанія и касаются всякихъ сторонъ бальнеологіи и бальнеотерапіи. Многіе источники, съ гидрологической стороны, были изучены геологами: Эйхвальдомъ, Абихомъ, фонъ-Кошкулемъ, Карпинскимъ, Иностранцевымъ, Мушкетовымъ, а также ихъ учениками; важныя гидротехническія работы, въ связи съ изученіемъ генеза источниковъ, были произведены горными инженерами: Незлобинскимъ, Коншинымъ, Войславомъ, Ругевичемъ и дру-

---

[1]) Недостаточность частной инициативы и значительность затратъ казны на бальнеологическое дѣло составляетъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію; а относительно благоустройства курортовъ мнѣнія нѣсколько расходятся. Само собою разумѣется, что мнѣніе автора, такъ близко знающаго дѣло, заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ мнѣніе наиболѣе компетентное; а, съ другой стороны, постоянно приходится слышать vox populi и о дороговизнѣ, и о разныхъ неудобствахъ нашихъ минеральныхъ водъ, заставляющихъ людей ѣздить за границу (не далѣе, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, напр., нашъ хроникеръ приводилъ изъ газетъ подобныя указанія относительно кавказскихъ минеральныхъ водъ). Очень возможно, что подобныя указанія относятся не столько къ самому устройству дѣла въ медицинскомъ отношеніи, сколько къ завѣдыванію и администрированію водами. О послѣднемъ авторъ, впрочемъ, и не говоритъ, точно также, какъ не говоритъ и о томъ, что всѣ затраты казны пошли производительно. *Прим. ред.*

гими. Изслѣдованіемъ химическаго состава нашихъ водъ занимались Зининъ, Бородинъ, Менделѣевъ, Трапиъ, Вериго, Ѳоминъ. Штакманъ, Залѣскій, и многіе другіе. Въ изслѣдованіи физическихъ и химическихъ свойствъ грязей и вообще въ изученіи природы ихъ большое значеніе имѣютъ труды проф. А. Вериго. Не мало работали и продолжаютъ работать надъ разрѣшеніемъ всевозможныхъ вопросовъ бальнеологическихъ и бальнеотерапевтическихъ врачи. Почетное мѣсто среди трудовъ по научной гидро- и бальнеотерапіи и по предметамъ, имѣющимъ къ нимъ непосредственное отношеніе, занимаютъ работы, вышедшія изъ лабораторій и клиникъ профессоровъ Военно-Медицинской Академіи Манассеина и Чудновскаго. Подъ ихъ руководствомъ разрѣшено не мало вопросовъ, касающихся вліянія холодной и горячей воды при внутреннемъ и наружномъ ея употребленіи, а также дѣйствія различныхъ минеральныхъ веществъ, входящихъ въ составъ лѣчебныхъ источниковъ. на отправленія человѣческаго тѣла, на обмѣнъ веществъ и проч. Въ стѣнахъ университетовъ, главнымъ образомъ Московскаго и Юрьевскаго, точно также занимались и продолжаютъ заниматься изученіемъ химико-физическихъ свойствъ и сравнительнаго дѣйствія отечественныхъ минеральныхъ водъ: изученію природы водъ на мѣстѣ. т.-е. въ курортахъ, посвящаютъ себя многіе врачи лѣчебныхъ станцій.

Какъ на виднаго дѣятеля по русской бальнеологіи слѣдуетъ указать на маститаго д-ра С. Смирнова, который всю свою жизнь посвятилъ изученію кавказскихъ минеральныхъ водъ; онъ сдѣлалъ много полезнаго для этихъ водъ въ бытность свою директоромъ ихъ и основалъ, еще въ 1863 году, Пятигорское бальнеологическое общество, душою котораго онъ оставался до самаго послѣдняго времени. Много полезнаго труда на изученіе воды и грязей одесскихъ лимановъ и нѣкоторыхъ другихъ южнорусскихъ курортовъ положилъ д-ръ О. Мочутковскій. которому Одесса, между прочимъ, обязана учрежденіемъ мѣстнаго бальнеологическаго общества; по его же иниціативѣ сооружено на Куяльницкомъ лиманѣ прекрасное грязелѣчебное заведеніе. Члены одесскаго бальнеологическаго общества (профессоры: Вериго, Клоссовскій и д-ра Брусиловскій, Чаушанскій, Абель, и др.) неустанно продолжаютъ научно трудиться на пользу мѣстныхъ бальнеотерапевтическихъ учрежденій. Къ числу ученыхъ обществъ, преслѣдующихъ широкія научныя задачи, принадлежитъ «Русское Общество охраненія народнаго здравія», имѣющее отдѣлъ бальнеологіи и климатологіи въ Петербургѣ и подсекціи его въ различныхъ городахъ и лѣчебныхъ станціяхъ Имперіи. Научному подъему бальнеологіи содѣйствуетъ преподаваніе ея, какъ самостоятельнаго предмета, въ Военно-Медицинской Академіи и университетахъ: профессоры Сущинскій, Богословскій, С. Поповъ и доценты Сторожевъ, Сигристъ, Дубелиръ и др., много работали и продолжаютъ работать надъ рѣшеніемъ разныхъ бальнеологическихъ вопросовъ.

Я, конечно, далекъ отъ мысли, что мнѣ удалось, въ этомъ краткомъ докладѣ, дать вамъ, мм. гг., сколько-нибудь полный очеркъ научной дѣятельности Россіи по предметамъ, интересующимъ васъ, какъ членовъ настоящаго конгресса. Я только вскользь упомянулъ о трудахъ по гидрологіи и вовсе не коснулся работъ по геологіи и климатологіи, да и въ перечисленіи трудовъ по бальнеологіи я назвалъ вамъ далеко не всѣхъ дѣятелей, и даже, въ числѣ піонеровъ бальнеологическаго дѣла, пропустилъ, вѣроятно, то или другое почтенное имя... Но я не задавался цѣлями научной библіографіи, а хотѣлъ лишь обратить вниманіе ваше, мм. гг., на путь, котораго русскіе ученые и врачи держатся, преслѣдуя интересы отечественныхъ бальнеологическихъ учрежденій. Этотъ путь—у насъ единственный для обезпеченія успѣховъ и славы роднымъ курортамъ; онъ — единственная, такъ сказать, для нихъ реклама! Другой рекламы, съ наукой ничего общаго не имѣющей, но за то часто болѣе выгодной, въ Россіи, къ счастью и къ несчастью, по сіе время, почти не знаютъ; говорю «къ несчастью» потому, что безъ нея нерѣдко остаются въ тѣни и въ черномъ тѣлѣ многія весьма полезныя и благодѣтельныя учрежденія.

Въ области европейской мысли [1]).

С. Bouglé о методахъ современной соціологіи.—Разборъ этихъ методовъ.—Примѣненіе теоріи Дарвина къ нѣкоторымъ явленіямъ современной жизни въ соч. Арчдалля Рейда «The present evolution of man».—Нѣсколько словъ о другихъ приложеніяхъ дарвинизма къ общественнымъ явленіямъ, а именно—къ женскому вопросу, у Альфреда Уоллеса. — Какъ современное положеніе женщины ведетъ къ вырожденію европейской расы? Чѣмъ можно устранить это зло?—Дѣйствіе дарвиновскаго закона въ приложеніи къ болѣзнямъ.—Алкогольная эволюція.—Вредъ обществъ трезвости съ точки зрѣнія эволюціонизма. — Общія аналогіи и теоретическіе выводы.

I.

Недавно появилась небольшая книжка Бугле (см. заглавіе), разсматривающая современные методы соціальныхъ наукъ въ Германіи. Книжка небольшая, всего въ 175 стр., но, тѣмъ не менѣе, весьма полезная для того, кто желаетъ оріентироваться сознательно среди современныхъ теченій мысли въ области соціологіи... Въ своемъ предисловіи Бугле дѣлитъ путь, пройденный развитіемъ соціологическихъ наукъ въ XIX ст., на *четыре* періода: 1-й изъ нихъ онъ обозначаетъ названіемъ *умозрительнаго* (спекулятивнаго), 2-й—*историческаго*, или *историзма*, 3-й—*натуралистическаго*, или *натурализма*, наконецъ, 4-й, новѣйшій періодъ, характеризуется имъ названіемъ *психологическаго*, или *психологизма*.

Умозрительный характеръ нѣмецкой соціологіи соотвѣтствовалъ торжеству въ Германіи умозрительной философіи (Гегеля, Канта). Онъ отличается тѣмъ,—какъ показываетъ и самое названіе его,—что предпочиталъ рѣшать вопросы общественныхъ наукъ чистымъ мышленіемъ (умозрѣніемъ), отводя *фактамъ* второстепенное мѣсто. Въ лицѣ Гегеля это направленіе (или методъ) доходило до того, что къ фактамъ выражалось прямо презрѣніе, т.-е. допускалась возможность ошибки или неправильностей скорѣе въ наблюдаемой дѣйствительности, чѣмъ въ теоретическихъ выкладкахъ мышленія, если это послѣднее развивалось извѣстнымъ методомъ.

Было-ли какое-нибудь разумное основаніе у этого направленія? Если мы вспомнимъ, какое множество открытій, особенно въ области астрономіи, было сдѣлано какъ-разъ въ то время или немного раньше его, благодаря математикѣ, то мы, хотя и не оправдаемъ вполнѣ, но пой-

[1]) *C. Bouglé*: «Les sciences sociales en Allemagne».—*Archdall Reid*: «The present evolution of man». *Alfred Wallace*: «Regeneration and natural selection».

мемъ это направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было не увлечься значеніемъ *апріорнаго мышленія*, трудно было не поставить его выше чисто эмпирическихъ наблюденій, въ то время, когда такая умозрительная наука, какъ математика, открывала существованіе новыхъ планетъ, невидимыхъ до той поры ни въ какіе телескопы, указывала точно мѣсто этихъ планетъ, послѣ чего ихъ и находили тамъ, дѣйствительно. Или возьмемъ другой примѣръ: гипотеза Лапласа, построенная умозрительно, оказалась подтвержденной во многихъ пунктахъ телескопическими открытіями различныхъ видовъ и формъ туманностей, представляющихъ постепенный переходъ отъ хаотической матеріи къ болѣе организованному состоянію ея, и т. д., и т. д.

Подобные факты говорили, въ самомъ дѣлѣ, о томъ, что рабское слѣдованіе за одними фактами, безъ умозрѣній, способно дѣлать людей слѣпыми на весьма долгіе періоды. Между тѣмъ, умозрѣніе способно опережать факты, предсказывать ихъ, открывать даже тамъ, гдѣ никакое наблюденіе, взятое само по себѣ, не могло бы ихъ отыскать. Однако, тутъ упускалось изъ вида одно важное обстоятельство: сама математика должна была опираться на нѣкоторые, точно наблюденные факты, чтобы имѣть возможность открыть новые. Чистое умозрѣніе не было *чистымъ*, какъ могло казаться: оно строилось на фактическомъ фундаментѣ, добытомъ раньше. Торжество умозрѣнія доказывало никакъ не его преимущества надъ наблюденіемъ и опытомъ, а только *его равное право* съ этими послѣдними — играть роль въ наукѣ. Это наглядно было доказано самымъ крушеніемъ умозрительной философіи, которая запуталась въ сѣтяхъ умозрительныхъ фантазій, какъ только потеряла изъ-подъ ногъ фактическую почву.

И вотъ, въ качествѣ реакціи умозрительному методу явился методъ *историческій* (Рошеръ, Ранке, Нибуръ и т. д.).

Какъ и всякая реакція, это направленіе представляло обратную крайность. Оно запуталось въ безконечномъ разнообразіи и множествѣ конкретныхъ фактовъ, мелочей, частныхъ обобщеній и выводовъ. Состояніе науки, при господствѣ этого метода, можно сравнить, съ положеніемъ того человѣка, который вздумалъ бы изучать міръ и его законы только при посредствѣ микроскопа. Микроскопъ—орудіе, принесшее человѣчеству безпредѣльную пользу, но почему? Потому что онъ помогалъ открывать факты, уже намѣченные умозрѣніемъ, гипотезами или выводами изъ другихъ фактовъ.

И вотъ именно крайняя-то потребность въ какой-нибудь руководящей нити для этихъ «микроскопическихъ» наблюденій въ соціологіи явилась главнѣйшей причиной возникновенія того направленія, которое авторъ называетъ «натурализмомъ» въ соціологіи. Чтобы разобраться среди мелкихъ и разрозненныхъ фактовъ историческаго метода, соціологія почувствовала необходимость въ какихъ-нибудь обобщеніяхъ и законахъ, а такъ какъ въ это время особенно процвѣтало

естествознаніе, то соціологи и ухватились за него. Они начали отыскивать сходство между жизнью и строеніемъ общества съ одной стороны, и жизнью и строеніемъ организмовъ—съ другой. У физіологіи и біологіи они брали готовые законы и втискивали въ нихъ общественныя явленія. Это было прокрустово ложе, на которомъ соціологія не могла улежать долго. Наиболѣе широкое примѣненіе этого метода, состоявшее въ перенесеніи на общественныя явленія процесса *эволюціи*, доказаннаго блистательно Дарвиномъ *для біологическихъ* явленій, повело ко многимъ заблужденіямъ и ошибкамъ, весьма не безопаснымъ. Объ этой сторонѣ натурализма я поговорю подробно во второй половинѣ настоящей моей статьи, по поводу книги Арчдалля Рейда «Современная эволюція у человѣка», а теперь перейду прямо къ 4-му періоду, намѣчаемому Бугле подъ названіемъ *психологизма*. Подъ этимъ терминомъ не слѣдуетъ понимать того направленія только, которое стремится видѣть въ обществѣ *единую душу* и создаетъ спеціальную *психологію толпы*, о чемъ я говорилъ въ моей прошлой статьѣ: такое направленіе представляетъ явное послѣдствіе теоріи общества, какъ организма, или, такъ называемой, «аналогической теоріи». Объ эти теоріи тѣсно связаны другъ съ другомъ, хотя аналогисты-психологи (Ле-Бонъ, Сигеле и др.) не замѣчаютъ этого. Но какъ же можно мыслить общество (или даже толпу) обладающимъ единой душой, если не воображать ихъ въ то же время единымъ организмомъ! Что же касается теоріи общества, какъ организма, то ошибка ея лежитъ въ томъ, что она смѣшиваетъ два понятія: всякій организмъ есть общество, но изъ этого не слѣдуетъ, что общество есть организмъ, совершенно также, какъ нельзя изъ того, что всякій кристаллъ есть минералъ, дѣлать выводъ, что всякій минералъ есть кристаллъ. Между организмомъ и человѣческимъ обществомъ лежитъ огромное по своимъ послѣдствіямъ различіе, состоящее въ томъ, что клѣтки организма поглощены всецѣло организмомъ, служатъ только его цѣлямъ и *сами по себѣ* находятся въ состояніи все увеличивающагося регресса, спеціализаціи, — потери своей индивидуальности и самостоятельности. Наоборотъ, въ человѣческомъ обществѣ,—несмотря на нѣкоторую спеціализацію функцій отдѣльныхъ лицъ и классовъ, — цѣльность личности, т.-е. сохраненіе въ ней всѣхъ ея среднихъ способностей, не только остается, но личность борется за себя, за свою автономію постоянно. Прогрессъ обществъ показываетъ намъ исторически, что личность находится не въ состояніи регрессивнаго приспособленія и спеціализаціи, а, наоборотъ, въ состояніи все большаго и большаго освобожденія и автономіи. Правда, она пережила періодъ спеціализаціи и значительнаго порабощенія цѣлому [1]). Могло казаться, что въ первобытномъ,

[1]) Доказательства мы видимъ въ существованіи *замкнутыхъ кастъ*, которыя теперь пали до такой степени, что, напр., общая воинская повинность устранила признаки даже временнаго военнаго сословія, распредѣляя эту функцію на всѣхъ, и т. д.

безформенномъ состояніи, когда не было прочной общественной организаціи, личность была болѣе независима. Но это—миражъ: новѣйшія изслѣдованія доказываютъ, что въ первобытномъ состояніи человѣкъ не имѣетъ даже понятія о своемъ «я»: во многихъ языкахъ, которые слѣдуетъ считать ближе стоящими къ первобытнымъ, нѣтъ даже мѣстоименія «я», а о себѣ говорятъ или въ третьемъ лицѣ или во множественномъ числѣ. Это явленіе можно и теперь наблюдать у дѣтей. Ребенокъ не говоритъ: «я хочу спать», а «Коля хочетъ спать» и т. п. Организація обществъ, вызванная необходимостью самозащиты людей противъ природы и другихъ обществъ (въ эпоху хроническихъ войнъ) сильно подчинила, разумѣется, личность интересамъ *всѣхъ* (или цѣлаго), но она не могла окончательно *принизить* личность, такъ какъ личности почти еще и не было у первобытнаго человѣка. Организація и спеціализація повела къ развитію классоваго сознанія на мѣсто прежняго «мы», охватывавшаго родъ, племя или семью. На этой-то почвѣ выростаетъ все сильнѣе и сильнѣе сознаніе своего личнаго «я» и борьба за него. Значитъ, общество представляетъ процессъ, совершенно противоположный процессу организма. Кромѣ того, вслѣдствіе этой самой разницы въ процессѣ, цѣли общества и цѣли организма совершенно различны: организмъ имѣетъ единственной цѣлью сохраненіе цѣлаго. Его клѣтки являются только орудіями. Его сознаніе есть только сознаніе цѣлаго. Общество, наоборотъ, само является только средствомъ и орудіемъ индивидуумовъ; цѣль его — сохраненіе этихъ индивидуумовъ; его сознаніе есть сознаніе только этихъ же индивидуумовъ, такъ какъ общество не имѣетъ особаго *общаго* сознанія, не имѣетъ отдѣльнаго органа мысли и чувства. То, что кажется намъ коллективной психологіей, есть всегда индивидуальная психологія, сходная у многихъ индивидуумовъ, вслѣдствіе подобія условій ихъ жизни, ихъ борьбы, ихъ потребностей. Я уже говорилъ въ одной изъ предъидущихъ статей, что особенности, которыя получаетъ иногда личность, попадая въ толпу, не суть особенности толпы, а только результатъ вліянія толпы (какъ и всякой другой среды: лѣса, горъ, моря и т. д.) на каждаго отдѣльнаго индивидуума.

И такъ, «*психологизмъ*» въ соціологіи, еслибы онъ ограничивался только этимъ направленіемъ, ищущимъ въ толпѣ, въ обществѣ единой души, былъ бы направленіемъ безплоднымъ, а часто и вреднымъ, сбивающимъ мысль. Но Бугле охватываетъ терминомъ «психологизма» еще и другое направленіе, которое, къ сожалѣнію, онъ недостаточно отдѣляетъ отъ перваго. Между тѣмъ, этотъ *другой* психологизмъ такъ рѣзко отличается отъ перваго, что ему слѣдовало бы дать особое названіе; это я и дѣлаю, называя его просто «психологизмомъ», а первый «аналогическимъ психологизмомъ», т.-е. опирающимся на сравненіи общества (или толпы) съ организмомъ. Во всякомъ случаѣ, Бугле правъ, видя въ современномъ направленіи соціологіи (какъ въ Германіи, такъ

и во Франціи) стремленіе къ психологизму. Его недостатокъ въ томъ, повторяю, что онъ не раздѣляетъ двухъ родовъ психологизма, крайне враждебныхъ другъ другу, какъ, напр., психологизмъ Ле-Бона и психологизмъ Тарда. Истинный психологизмъ долженъ искать послѣднихъ причинъ соціальныхъ явленій (конечно, помимо вліяній внѣшней среды) въ психологіи индивидуумовъ, типовъ, характеровъ, представляющихъ элементы общества. Внѣшняя среда и среда соціальная, конечно, должны вліять на индивидуумовъ своими особенностями, т.-е., особенностями той жизни и той борьбы, которую приходится вести съ ними въ данныхъ условіяхъ. Но эти воздѣйствія среды преломляются въ индивидуумахъ, отражаются и перерабатываются внутри ихъ, сообразно съ характеромъ, мышленіемъ, чувствами и знаніями личностей, подвергающихся этимъ вліяніямъ. Цѣлая же картина общественнаго процесса является какъ бы равнодѣйствующей всѣхъ этихъ индивидуальныхъ стремленій и силъ, дѣйствующихъ въ данной средѣ и условіяхъ. Правда, они борятся и осуществляютъ свои цѣли группами, классами, соединяясь по сходству тѣхъ или иныхъ интересовъ и стремленій, но, въ концѣ концовъ, даже групповые и классовые интересы остаются всегда интересами индивидуумовъ, образующихъ эти группы и классы. Группа или классъ не можетъ имѣть интересовъ и цѣлей помимо интересовъ и цѣлей входящихъ въ нее индивидуумовъ: когда, напр., западно-европейскіе рабочіе требуютъ 8-часового рабочаго дня, это нужно *каждому* изъ нихъ для его *индивидуальнаго* блага; это—*индивидуальная* потребность каждаго. Если она кажется *классовой*, то только потому, что составляетъ личный интересъ *всѣхъ* (или большинства) даннаго класса.

Всякій иной взглядъ на этотъ вопросъ есть вредный отголосокъ старой схоластики и метафизики, принимавшихъ слова и отвлеченныя понятія за объективно существующія реальности.

Перейдемъ же теперь къ эволюціонной теоріи въ общественныхъ наукахъ, т.-е. къ теоріи, которая стремится перенести законы, добытые эволюціонистами-біологами (Дарвиномъ, Уоллесомъ) на явленія общественныя.

II.

Передъ нами образчикъ научнаго примѣненія эволюціонизма къ соціологіи въ соч. Арчдалль Рейда «Современная эволюція человѣка». Объ одной части этого сочиненія я говорилъ ранѣе, а именно о значеніи расъ въ исторіи. Теперь займемся другой частью,—о значеніи эволюціи въ прогрессѣ современнаго человѣчества. Здѣсь мы увидимъ кстати, что одного «психологизма» (хотя бы и въ лучшемъ смыслѣ этого термина) для соціологіи недостаточно. Изслѣдованія психологическія даютъ намъ только знаніе тѣхъ явленій общественныхъ, которыя такъ или иначе произошли отъ дѣйствія тѣхъ силъ человѣка, ко-

торыя мы называемъ психическими (ума, чувствъ, воли и т. д.). Но несомнѣнно въ жизни человѣка еще остается масса явленій несознаваемыхъ или безсознательныхъ. Правда, по мѣрѣ развитія науки, такихъ явленій и такихъ вліяній оказывается все меньше и меньше. Но они все же остаются; въ прошломъ ихъ было такъ много, что они играли огромную роль въ опредѣленіи историческаго процесса, отклоняя этотъ процессъ въ ту или другую сторону, помимо сознательныхъ стремленій человѣка. Вотъ этими-то явленіями занятъ Арчдалль Рейдъ; ими займемся и мы. Попутно для насъ выяснится съ полной наглядностью, въ какой мѣрѣ и съ какими ограничительными условіями можно допустить въ соціологіи біологическую теорію эволюціи.

Надо оговориться: не слѣдуетъ смѣшивать слово «эволюція» съ словомъ «прогрессъ». Именно у Арчдалль Рейда, совершенно правильно, подъ словомъ эволюція понимаются не *прогрессъ* вообще, который можетъ имѣть сотни самыхъ разнообразныхъ причинъ, въ томъ числѣ умственныхъ, нравственныхъ etc. *Эволюціей* авторъ называетъ только тѣ измѣненія общества, которыя происходятъ еще и до сихъ поръ отъ дѣйствія фактора, указаннаго Дарвиномъ въ біологіи, а именно отъ дѣйствія *естественнаго подбора* (т.-е. переживанія болѣе приспособленныхъ, вымиранія менѣе приспособленныхъ, а затѣмъ *подбора* этихъ оставшихся или пережившихъ). Значитъ, эволюція есть только одинъ изъ факторовъ прогресса, по Рейду.

Существуетъ-ли еще такая эволюція у человѣка въ настоящее время, когда, по словамъ самого Арчдалль Рейда, этотъ *натуральный факторъ прогресса замѣнился* развитіемъ ума, знаній, мышленія? Эти идеальные факторы въ человѣческихъ обществахъ выступили теперь на первый планъ. Человѣчеству теперь ужъ не нужно ждать,—какъ нужно было ждать животнымъ,—чтобы неприспособленные среди него вымерли, а остались одни наиболѣе приспособленные, которые и улучшили бы расу; не нужно ждать и того, чтобы общества лучше устроенныя подчинили и побѣдили общества хуже устроенныя, и тогда *механически* явилось бы господство высшаго типа обществъ. Умъ, знаніе, мысль, предвидя послѣдствія, намѣчая цѣли, осуществляютъ идеалы прогресса непосредственно и сознательно. Но неужели «естественный подборъ» совершенно не играетъ никакой роли въ современномъ человѣчествѣ? Нѣтъ, онъ еще дѣйствуетъ, но въ крайне ограниченныхъ сферахъ жизни, а именно—въ приспособленіи организма, во-1-хъ, къ заразнымъ болѣзнямъ и, во-2-хъ, къ общеупотребительнымъ ядамъ въ родѣ алкоголя, морфія и т. п. Вотъ въ этихъ-то сферахъ и прослѣживаетъ его Арчдалль Рейдъ, вооружившись богатымъ статистическимъ матеріаломъ и новѣйшими теоріями о заразныхъ болѣзняхъ и участіи въ нихъ микроорганизмовъ.

Здѣсь не мѣшаетъ добавить,—прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію доказательствъ Арчдалля Рейда,—что нѣкоторые изъ наиболѣе вы-

дающихся біологовъ признаютъ дѣйствіе естественнаго (и даже полового) подбора также и въ другихъ областяхъ человѣческой жизни. Такъ, Альфредъ Уоллесъ, создавшій одновременно съ Дарвиномъ почти одинаковую теорію эволюціи, распространяетъ ея дѣйствіе въ настоящее время на фактъ *вырожденія современной европейской расы*. Онъ доказываетъ, что, благодаря положенію женщинъ въ нашемъ обществѣ, ихъ половой выборъ отошелъ на задній планъ, такъ какъ большинство женщинъ выходитъ замужъ не по влеченію, а по необходимости имѣть мужа, безъ котораго женщины лишены средствъ къ существованію. И вотъ, изъ естественной эволюціи человѣческаго типа исчезаетъ-де самый важный факторъ, совершившій настоящія чудеса въ животномъ царствѣ, т.-е. половой и естественный подборъ. Больной, хилый, неспособный умственно и физически, развращенный и совершенно истощенный человѣкъ можетъ отыскать себѣ жену, если онъ богатъ и занимаетъ видное общественное положеніе. Такимъ образомъ, онъ создаетъ потомство, постепенно вырождающееся,—больное, нервное, уродливое. Этотъ вопросъ былъ поднятъ самимъ Дарвиномъ, и многіе изъ его послѣдователей писали о немъ цѣлые трактаты, между прочими и Грантъ Алленъ. Всѣ они предлагали различныя средства для устраненія этого зла, напр., запрещеніе вступать въ бракъ безъ медицинскаго свидѣтельства, т.-е. нѣчто въ родѣ «искусственнаго подбора» путемъ устраненія болѣзненныхъ элементовъ. Замѣчательно, что эта идея — хотя и въ другомъ видѣ—была еще у Платона, который требовалъ для своей идеальной республики «искусственнаго подбора», руководимаго государственной властью. Черезъ тысячи лѣтъ наша наука приходитъ къ выводамъ, которые были извѣстны древнимъ философамъ, были извѣстны отчасти даже въ древней Спартѣ, которая достигала той же цѣли, истребляя болѣзненныхъ дѣтей. Кромѣ искусственнаго подбора, предлагалась (напр., Грантъ Алленомъ) полная свобода въ отношеніи половъ, которая дала бы возможность восторжествовать половому подбору. Наконецъ, нѣкоторые предлагали назначать преміи отъ государства вполнѣ здоровымъ парамъ родителей, давшимъ вполнѣ здоровыхъ потомковъ. Уоллесъ опровергаетъ всѣ эти совѣты: 1) на искусственный подборъ не согласится большинство ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ. Эта мѣра могла бы еще имѣть мѣсто въ какомъ-нибудь государствѣ въ родѣ королевства ашантіевъ, а потому и говорить о ней нечего; 2) полная свобода отношеній между полами уничтожила бы семью, противъ чего возстаютъ всѣ моральные и соціальные инстинкты современнаго культурнаго человѣчества. Женщины возстали бы первыя противъ такой мѣры, не только потому, что у нихъ сильно стремленіе къ семьѣ и къ воспитанію своихъ дѣтей, но, главнымъ образомъ, еще и потому, что большинство изъ нихъ было бы поставлено въ безвыходное положеніе: ребенокъ, не имѣя опредѣленнаго отца, оставался бы на рукахъ у матери, т.-е. половина

человѣческаго рода была бы обременена всѣми тягостями материнства и экономическими, и воспитательными, тогда какъ de facto всѣ матерьяльныя средства находятся въ рукахъ мужчинъ. Устройство всеобщихъ воспитательныхъ домовъ, принимающихъ дѣтей всего государства, не только — утопія, но имѣло бы значеніе полнаго уничтоженія семьи и семейнаго воспитанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тѣхъ лучшихъ чувствованій, инстинктовъ и привычекъ, какіе создаются семьей, напр., безкорыстной привязанности, самопожертвованія, уваженія къ женщинѣ, въ лицѣ матери, etc., etc.

Что касается премій здоровымъ парамъ, то онѣ повели бы къ еще большему злу: не уничтоживъ браковъ между болѣзненными индивидуумами, онѣ создали бы рядомъ съ ними искусственный подборъ здоровыхъ паръ, такъ что въ концѣ-концовъ въ обществѣ появилось бы два крайне-расходящихся типа: одинъ могучій, другой совершенно разслабленный. Это создало бы такое неравенство, которое способно потрясти нормальную жизнь нормальныхъ обществъ.

Самъ Уоллесъ предлагаетъ поэтому третью мѣру: содержаніе всѣхъ дѣвушекъ и женщинъ должно даваться государствомъ, которое опредѣляетъ возрастъ вступленія въ бракъ (по возможности, поздній), до котораго каждая дѣвушка обязана пройти извѣстный курсъ научныхъ и практическихъ знаній, по возможности равный съ высшимъ образовательнымъ цензомъ мужчинъ. Женщинѣ должны быть открыты всѣ профессіи, не противорѣчащія явно ея силамъ и способностямъ, съ тою цѣлью, чтобы она могла оставаться безбрачной, если не чувствуетъ влеченія къ семьѣ и замужеству. Насильственное принужденіе къ браку, со стороны-ли родителей или общественныхъ условій, крайне опасно для грядущихъ поколѣній, такъ какъ очевидно, что, если у женщины слабъ инстинктъ, влекущій къ браку, у нея должны быть какіе-нибудь органическіе дефекты и особенности, которые помѣшаютъ ей быть нормальной матерью и женой. Теперь она поневолѣ выходитъ замужъ, чтобы имѣть средства къ существованію, и невольно создаетъ болѣзненное поколѣніе. Возможность же для каждой имѣть работу, а въ случаѣ ея неимѣнія пользоваться постояннымъ содержаніемъ отъ государства, само собою уничтожитъ какъ эту причину вырожденія, такъ и другую, состоящую въ подборѣ мужей не по инстинкту, а по необходимости и разсчету. Если эта причина будетъ устранена, то больные, уродливые и безнравственные мужчины,—между прочимъ, алкоголики,—сами собою устранятся изъ числа вступающихъ въ бракъ: они не найдутъ себѣ женъ.

Правда, для осуществленія такихъ идеальныхъ условій подбора, Альфредъ Уоллесъ надѣется на скорое воцареніе въ цивилизованномъ мірѣ того общественнаго устройства, которое рисуетъ Беламі въ своемъ романѣ «Черезъ сто лѣтъ». Альфредъ Уоллесъ увѣренъ, что это устройство — не за горами. Но для тѣхъ, кто не раздѣляетъ такой увѣ-

ренности, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ вдуматься въ предлагаемыя имъ мѣры: онѣ въ значительной степени могутъ быть осуществлены,—а отчасти уже и осуществляются,—безъ столь широкой реформы строя, какую предложилъ Белами: такъ, открытіе для женщинъ новыхъ профессій, полученіе ими высшаго образованія, и т. д., и т. д., стало уже совершившимся фактомъ и, конечно, въ будущемъ должно развиться еще больше, охвативъ и большую сумму женщинъ. Необходимо добавить, что высшее образованіе для женщинъ, по мнѣнію Уоллеса, необходимо не только для того, чтобы, обезпечивъ ихъ матерьяльныя условія, вернуть могучее прогрессивное вліяніе естественнаго и полового подбора, но и для того, чтобы женщина, вооруженная высшимъ и широкимъ образованіемъ могла *сознать* значеніе правильнаго подбора для государства, для будущихъ поколѣній,—могла сознать тяжелую нравственную отвѣтственность передъ грядущимъ за ошибку своего выбора, и т. д. Только высокообразованная женщина пойметъ, что она держитъ въ своихъ рукахъ судьбу, здоровье и благосостояніе будущихъ поколѣній своей родины.

Желающіе ознакомиться съ подробнымъ моимъ разборомъ этой теоріи найдутъ его въ моей статьѣ: «Біологи о женскомъ вопросѣ», напечатанной въ «Русской Мысли»; теперь же замѣчу только, что, не отрицая значенія того фактора, который указывается Уоллесомъ, можно отыскать въ современномъ обществѣ еще болѣе могучія причины вырожденія: таковы, напр., экономическія условія, въ какихъ живетъ трудящійся классъ, а также условія его половой и семейной жизни, его жилищъ, его питанія, стоящія въ зависимости отъ условій экономическихъ, и т. д., и т. д.

Факторъ, указываемый біологами, имѣетъ мѣсто преимущественно среди небольшой группы зажиточныхъ классовъ, буржуазіи и аристократіи; среди же милліонной массы трудящихся классовъ не онъ имѣетъ значеніе, а экономическія условія, разрушающія и здоровье, и семью, и уже сдѣлавшія то, что средняя жизнь, напр. въ рабочихъ классахъ Западной Европы представляетъ огромное пониженіе, сравнительно съ средней жизнью остального населенія.

Во всякомъ случаѣ, на этомъ примѣрѣ мы видимъ, что біологическое ученіе о естественномъ подборѣ не должно совершенно устраняться изъ соціологіи и занимаетъ въ немъ болѣе широкое мѣсто, чѣмъ то, какое указываетъ Арчдалль Рейдъ. Но тутъ же намъ выясняется и другая, еще болѣе важная истина: человѣкъ не только подчиняется теперь нѣкоторымъ вліяніямъ эволюціи, но, *сознавъ ихъ*, борется съ ними, можетъ ихъ направлять къ своимъ цѣлямъ, можетъ создать новый прогрессъ *сознательно*, при посредствѣ закона природы, властвовавшаго надъ нимъ прежде безповоротно. Мало этого: исторія Спарты (конечно, въ грубомъ и варварскомъ видѣ) и теоріи Платона показываютъ намъ, какъ рано человѣчество успѣло сознать значеніе

подбора и какъ давно пробовало бороться при его помощи съ вырожденіемъ расъ. Если борьба эта была до сихъ поръ недостаточно удачна, если идеи мыслителей, указывавшихъ зло, не осуществлялись, то это зависѣло отъ недостаточнаго признанія ихъ всѣми, т.-е. массой, что, въ свою очередь, имѣло причиной ея низкое умственное развитіе, ея *темноту*. Грядущее, обѣщающее намъ все высшій и высшій подъемъ массы въ умственномъ и научномъ отношеніи, конечно, дастъ и другія послѣдствія въ области сознательнаго направленія естественныхъ законовъ на благо человѣка и общественнаго прогресса.

Но возвратимся теперь къ Арчдаллю Рейду.

III.

Давно замѣчено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ свирѣпствуютъ нѣкоторыя болѣзни (напр., малярія, болотная лихорадка), туземцы, во-1-хъ, меньше заболѣваютъ ею, чѣмъ пріѣзжіе, а во-2-хъ, меньше гибнутъ отъ нея, легче выздоравливаютъ, если заболѣли. Этотъ фактъ объясняется обыкновенно тѣмъ, что туземцы *привыкли* къ данной болѣзни, выработали въ себѣ какое-то противодѣйствіе ей, какое-то приспособленіе, подобное тому, какое вырабатывается прививкой извѣстныхъ болѣзней, напр., оспы. Организмъ, которому привита оспа, переживаетъ въ ослабленномъ видѣ ея симптомы, такъ какъ прививаемый отъ теленка оспенный ядъ самъ ослабленъ. Теперь можетъ уже дѣйствовать на организмъ и болѣе сильный ядъ, но остается безсильнымъ вредить ему, разъ тотъ пережилъ симптомы зараженія [1]), и этимъ пріобрѣлъ *иммунитетъ* противъ данной болѣзни. То же самое происходитъ,—опять-таки лишь въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ,—если организмъ однажды испыталъ вообще данную болѣзнь. Это объясненіе казалось достаточнымъ, хотя самая причина иммунитета не была достовѣрно извѣстна, да и до сихъ поръ о ней существуютъ противоположныя мнѣнія. Вотъ главныя изъ нихъ: 1) въ нашей крови открыты цѣлыя арміи одноклѣточныхъ организмовъ, названныхъ проф. И. И. Мечниковымъ «фагоцитами». Ихъ отожествляютъ съ бѣлыми кровяными шариками и лимфатическими тѣльцами. По изслѣдованіямъ Мечникова, эти фагоциты исполняютъ роль дезинфекторовъ или санитаровъ, а пожалуй, и настоящаго войска въ нашемъ организмѣ; они стремятся, между прочимъ, уничтожать и всѣхъ микроскопическихъ враговъ, вторгающихся въ организмъ. Предполагается, что, если однажды они уже вели успѣшно борьбу съ микроорганизмами какой-нибудь болѣзни, то въ другой разъ эта борьба почти безусловно всегда ведется ими съ полнымъ успѣхомъ. То-есть, по этой теоріи, причина иммунитета лежитъ

[1]) Такой иммунитетъ имѣетъ въ различныхъ болѣзняхъ у разныхъ организмовъ различную продолжительность: онъ застраховываетъ на нѣкоторое число лѣтъ, рѣдко—на всю жизнь, т.-е. время заставляетъ утрачивать иммунитетъ.

въ приспособленности фагоцитовъ. Чѣмъ-же можно объяснить эту приспособленность? Проще всего, конечно, теоріей Дарвина (о вымираніи менѣе приспособленныхъ, погибшихъ въ этой первой борьбѣ, и о переживаніи болѣе приспособленныхъ, т.-е. побѣдителей, которые уже продолжаютъ давать соотвѣтственное болѣе приспособленное потомство).

Можно бы было предположить и то, что организмы, оказывающіеся иммунированными отъ пережитой болѣзни, вовсе не пріобрѣтаютъ *новаго свойства*, а имѣли его раньше (т.-е. потому и пережили, что у нихъ въ организмѣ была, напр., большая армія фагоцитовъ). Но противъ этого говоритъ тотъ фактъ, что данная болѣзнь,—напр., оспа,—даетъ предохраненіе только отъ оспы же, а не отъ какой-нибудь другой болѣзни. Значитъ, тутъ дѣло не въ количествѣ фагоцитовъ, а въ ихъ особыхъ свойствахъ. 2) Другая теорія состоитъ въ томъ, что микроорганизмы извѣстной болѣзни оставляютъ въ насъ послѣ себя извѣстныя выдѣленія, ядовитыя для нихъ же самихъ. Такъ, напр., наши собственныя выдѣленія (хотя бы углекислоты при дыханіи) убили-бы насъ, да и убиваютъ, если нѣсколько человѣкъ скопляется въ замкнутомъ помѣщеніи. Эта теорія объясняетъ тѣ способы прививки, когда они (какъ, напр., при водобоязни) дѣлаются не заранѣе, а уже послѣ зараженія организма. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе объяснить дѣйствіе прививокъ этого рода? Организмъ и безъ того зараженъ болѣзнетворными микробами, и вотъ въ него вводятъ еще новыхъ, хотя и ослабленныхъ, и онъ выздоравливаетъ. Вѣроятно, новые, ослабленные микробы, размножаясь быстро и въ огромныхъ количествахъ, вмѣстѣ съ неослабленными, увеличиваютъ въ огромномъ количествѣ выдѣленія, вредныя для нихъ самихъ и для ихъ собратьевъ, отчего и погибаютъ, какъ тѣ, такъ и другіе.

Мы ограничимся, для краткости, этими двумя теоріями, такъ какъ соединеніе ихъ воедино даетъ довольно правдоподобное объясненіе иммунитета. Другія теорія являются въ большей или меньшей степени лишь видоизмѣненіями этихъ двухъ.

Теперь возвратимся къ приспособленію туземцевъ, позволяющему имъ легче переносить мѣстныя болѣзни. Здѣсь мы видимъ особое видоизмѣненіе иммунитета: онъ является какъ бы наслѣдственнымъ, т.-е. не заболѣваютъ мѣстной болѣзнью или легко переносятъ ее не тѣ только лица, которыя однажды уже болѣли ею, а вообще все населеніе, т.-е. и тѣ, кто никогда не былъ ею боленъ. Между тѣмъ, прививка, напр., оспы, какъ извѣстно, дѣйствуетъ только на то лицо, которому она сдѣлана, и не передается потомству. Кромѣ того, способность туземцевъ легче переносить мѣстныя болѣзни распространяется и на такія болѣзни, которыхъ прививать нельзя, такъ какъ онѣ повторяются у одного и того же лица нѣсколько разъ въ жизни. Между тѣмъ, туземцы приспособляются и къ такимъ именно болѣзнямъ, т.-е. не дающимъ иммунитета въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Слѣдовательно,

здѣсь необходимо признать другую причину, и состоитъ она въ переживаніи однихъ (болѣе сильныхъ противъ данной болѣзни) и въ вымираніи другихъ, менѣе сильныхъ противъ нея, т.-е. здѣсь мы имѣемъ дѣйствіе естественнаго подбора, открытаго Дарвиномъ. Для большаго подтвержденія этого положенія, мы должны коснуться, хотя бы и очень кратко, нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ подробностей.

Микробы нѣкоторыхъ болѣзней,—напр., лихорадки, маларіи,—отлично могутъ существовать внѣ человѣческаго и животнаго организмовъ. Они могутъ обходиться и безъ человѣка, хотя, при случаѣ, умѣютъ и въ немъ находить свою добычу. Поэтому есть мѣстности, гдѣ никогда не жило ни одного человѣка, но онѣ считаются лихорадочными. И эта болѣзнетворность лихорадочныхъ мѣстностей весьма различна по степени. Таковы мѣстности въ Западной Африкѣ, въ лѣсныхъ областяхъ Индіи (Теран). Здѣсь не можетъ существовать ни одинъ пріѣзжій, но туземцы живутъ. По всей вѣроятности, они не сразу попали въ эту мѣстность; иначе *всѣ бы* здѣсь погибли, т.-е. не осталось *пережившихъ*, способныхъ дать сопротивляющееся поколѣніе. Надо думать, что первоначально они поселились въ мѣстностяхъ менѣе заразительныхъ и только впослѣдствіи, когда естественный подборъ выработалъ въ ихъ расѣ поколѣніе, способное противиться менѣе жестокому нападенію микроскопическихъ враговъ, они уже въ состояніи были перебраться и въ наиболѣе опасныя мѣстности.

Но, кромѣ такихъ микробовъ, которые отлично живутъ внѣ человѣка,—такъ называемыхъ, *сапрофитическихъ* микробовъ,—есть другіе, которые размножаются и живутъ только въ человѣческомъ (или животномъ) организмѣ, такъ называемые *паразитическіе* микробы.

Арчдалль Рейдъ полагаетъ, что должно было быть время, когда они были тоже сапрофитическими, напр., до появленія человѣка на землѣ; затѣмъ, попавъ въ человѣка, сами измѣнились и приспособились къ нему настолько, что уже не могутъ размножаться безъ его организма, какъ своей обычной среды. Есть между ними различные типы: такъ, напр., микробы чахотки господствуютъ только среди скученнаго населенія. Кочевые народы не знаютъ ихъ, пока не получатъ заразы отъ какого-нибудь жителя городовъ. Стало быть, такіе микроорганизмы могли достигнуть своей высшей эволюціи только съ повышеніемъ цивилизаціи. Но отсюда очевидно, что, наоборотъ, у цивилизованныхъ народовъ должно быть и наибольшее приспособленіе къ нимъ путемъ естественнаго подбора, то-есть, сотни тысячъ и милліоны цивилизованныхъ людей вымирали отъ нихъ, оставляя лишь тѣхъ индивидуумовъ, которые *врожденно* были способны устоять противъ нихъ. И это дѣйствіе естественнаго подбора доказывается фактами: кочующіе народы, а также жители степей съ рѣдкимъ населеніемъ не знаютъ этихъ болѣзней, но за то, если такая болѣзнь заносится къ нимъ, она коситъ свои жертвы съ силой, совершенно не соотвѣтствующей ея же

вредоносности въ городахъ. Говорятъ обыкновенно: «эта болѣзнь акклиматизировалась въ такой-то столицѣ; она тамъ не опасна». Но что это значитъ? Именно то, что она уже выбрала всѣ жертвы, которыя могла выбрать, и ей остаются по преимуществу пріѣзжіе изъ деревень или инородцы, не пережившіе *эволюціи*, приспособленія къ ней. Теперь читателю ясна основная идея Рейда, и я могу устранить частности, факты и цифры, которыми онъ замѣчательно подтверждаетъ каждое свое положеніе. Замѣчу только, что имъ обращено при этомъ особое вниманіе на доказательство положенія, выставленнаго знаменитымъ нѣмецкимъ біологомъ Вейсманомъ и состоящаго въ томъ, что наслѣдственно передаются только врожденныя свойства, а не пріобрѣтенныя въ теченіе жизни даннымъ организмомъ. Приводить его доводовъ я не буду, отсылая читателя къ оригиналу, который, надо надѣяться, будетъ переведенъ на русскій языкъ, какъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ сочиненій по вопросамъ весьма важнымъ и въ соціологіи, и въ біологіи, и въ гигіенѣ, и въ медицинѣ. Помимо замѣчательной эрудиціи и массы собранныхъ фактовъ, изложеніе Рейда такъ просто, что книга, не смотря на свою серьезную научность, читается какъ романъ. Я не согласенъ въ ней съ однимъ пунктомъ, касающимся соціологической стороны дѣла, о чемъ теперь и буду бесѣдовать съ вами.

IV.

Арчдалль Рейдъ доказываетъ, что такое-же приспособленіе, какое мы видѣли въ человѣческихъ расахъ относительно болѣзней, существовало и существуетъ до сихъ поръ относительно нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ ядовъ, какъ алкоголь, морфій, опій и т. п.

Здѣсь замѣчается совершенно аналогичный фактъ: народы, издавна употреблявшіе какой-нибудь изъ этихъ ядовъ, становятся болѣе приспособленными къ нему, т.-е., во-1-хъ, у нихъ является меньшая жажда къ этому яду; во-2-хъ, если жажда и остается сильной (повидимому, напр., у южныхъ жителей, пьющихъ виноградное вино, какъ квасъ), то это потому, что данная крѣпость вина или процентное содержаніе алкоголя почти совершенно безвредны для нихъ; въ-3-хъ, сообразно съ этимъ, происходитъ и эволюція въ самыхъ алкоголическихъ напиткахъ, т.-е. они изъ поколѣнія въ поколѣніе повышаются въ крѣпости, такъ что приспособленіе человѣка къ нимъ шло постепенно; въ-4-хъ, поэтому-то тѣ племена, которыя или вовсе не пережили алкогольной эволюціи (т.-е. вымиранія неприспособленныхъ и переживанія болѣе приспособленныхъ), гибнутъ отъ нашихъ крѣпкихъ напитковъ огромными массами, быстро опьяняются такими дозами, какія легко выносятъ племена, выдержавшія эту эволюцію, и т. п. Среди нихъ пьянство почти всегда кончается болѣзнью (алкоголизмомъ, морфинизмомъ и т. п.), тогда какъ среди приспособившагося племени такія явленія представляютъ рѣдкое исключеніе. Въ-5-хъ, даже различные классы населенія

одного и того же общества могутъ различаться въ отношеніи къ этимъ ядамъ, смотря по тому, имѣли-ли они возможность въ теченіе долгихъ періодовъ употреблять алкоголь въ изобиліи и высокой крѣпости, или, наоборотъ, пользовались имъ изрѣдка, въ видѣ праздничнаго лакомства, или въ разрѣженномъ видѣ слабыхъ напитковъ (пиво, медъ, буза и т. п.). Въ этихъ случаяхъ мы видимъ среди различныхъ классовъ населенія то же самое, что видимъ и среди различныхъ племенъ, т.-е. если, напр., высшіе классы пережили болѣе сильную алкогольную эволюцію, то они являются болѣе способными не пьянѣть отъ большихъ дозъ самыхъ крѣпкихъ напитковъ, тогда какъ люди, выходящіе изъ народа, отъ такихъ же дозъ спиваются, заболѣваютъ и начинаютъ вымирать.

И вотъ, доказавъ всѣ эти свои положенія массой фактовъ и цифръ настолько, что доказательства его можно считать безспорными, Рейдъ переходитъ къ практическимъ мѣрамъ противъ алкоголизма, т.-е. вступаетъ въ область соціологіи, гдѣ съ нимъ согласиться уже нѣтъ возможности.

Онъ, на основаніи вышеизложенныхъ положеній, стремится доказать, что *всякія мѣры, направленныя къ искусственному подавленію алкоголизма, не только безполезны, но и прямо вредны, такъ какъ они парализуютъ естественный процессъ алкогольной эволюціи.*

На первый взглядъ, это положеніе кажется безспорнымъ: если иммунитетъ противъ алкоголиковъ достигается только вымираніемъ неприспособленныхъ и переживаніемъ наиболѣе приспособленныхъ, то, препятствуя полной разнузданности пьянства, мы сохраняемъ въ обществѣ типы жаждущихъ и неприспобленныхъ къ этому яду; они даютъ потомковъ съ тѣми же свойствами, и зло сохраняется въ обществѣ, хотя и въ замаскированномъ видѣ. Всѣ эти общества трезвости, всѣ сектанты, воздерживающіеся отъ употребленія алкоголя, но жаждущіе его, приходятъ въ концѣ концовъ къ тому, что или сами они, или ихъ потомки обнаруживаютъ убійственную страсть къ вину, быстро губящую ихъ неприспособленные организмы. Поэтому единственное практическое средство уничтожить алкоголизмъ состоитъ, по Рейду, изъ двухъ элементовъ: во-1-хъ, устранить все, что можетъ стѣснять употребленіе алкоголя, и, во-2-хъ, воспретить браки всѣмъ лицамъ, обнаруживающимъ алкогольную неприспособленность.

Не говоря уже о практической невозможности этой второй мѣры, такъ какъ нѣтъ опредѣленныхъ признаковъ, по которымъ мы могли бы отличить лицо, не расположенное къ алкоголю,—эти двѣ мѣры противорѣчатъ одна другой: вѣдь запрещеніе вступать въ бракъ, хотя бы оно имѣло цѣль чисто санитарную, въ дѣйствительности окажется мѣрой устрашающей и карательной, т.-е. заставитъ многихъ воздерживаться отъ вина, а это противорѣчитъ первому требованію автора—требованію полной свободы для алкоголизма, чтобы могъ совершиться алкогольный подборъ.

Но это не все. Въ совѣтѣ почтеннаго автора мы видимъ одну тенденцію, являющуюся довольно общей чертой многихъ соціологовъ. Эта тенденція состоитъ въ игнорированіи блага людей настоящаго времени во имя блага не народившихся еще людей будущаго. Въ самомъ дѣлѣ, выработка расы, устойчивой противъ алкоголя, дастъ плодъ только въ отдаленномъ грядущемъ. А теперь Рейдъ требуетъ устранить всѣ мѣры, смягчающія или ослабляющія зло, т.-е. дать людямъ гибнуть цѣлыми массами. Хотя эта тенденція и противоположна знаменитой: après nous le déluge, но она представляетъ другую крайность и говоритъ: «устроимъ потопъ немедленно, чтобы онъ не случился черезъ 100—200 лѣтъ; пусть погибнетъ міръ и современный человѣкъ, лишь бы торжествовала эволюція: vivat evolutia, pereat mundus?» Спасеніе людей отъ алкоголизма лежитъ только въ томъ, чтобы они пережили стадію необузданнаго и безпросыпнаго алкоголизма. Послѣ этого алкоголизмъ кончится. Всякія иныя мѣры не только безполезны, но и вредны: безполезны потому, что ихъ въ концѣ концовъ должна разрушить неизбѣжно грядущая стадія алкогольнаго разгула у неприспособленныхъ націй; вредны же онѣ потому, что задерживаютъ скорѣйшее наступленіе этой стадіи.

Совѣты Арчдалль Рейда драгоцѣнны въ томъ отношеніи, что даютъ намъ возможность на простомъ и наглядномъ примѣрѣ указать несостоятельность всѣхъ такихъ тенденцій.

Во-1-хъ, не смотря на полную доказательность существованія алкогольной эволюціи, ничѣмъ не доказано, что *только она* (т.-е. одно вымираніе неприспособленныхъ) способна создать приспособленіе къ ядy. Мы знаемъ, напр., что каждый отдѣльный индивидуумъ приспособляется къ мышьяку, начиная употребленіе съ умѣренныхъ дозъ. Но допустимъ, что алкоголь ядъ особенный. Наука установила, однако, что развитіе алкоголизма, какъ болѣзни, требуетъ особыхъ, болѣзненныхъ свойствъ въ данномъ организмѣ. И такъ, изслѣдуйте тѣ свойства, которыми обладаютъ лица, приспособленныя къ алкоголю, и разовьите ихъ искусственно. По всей вѣроятности, эти свойства лежатъ въ особенностяхъ питанія и нервной функціи, а наука уже такъ далеко подвинулась въ знаніи этихъ сторонъ организма, что безъ труда могла бы открыть требуемые факторы, еслибы ученые такъ же ревностно занялись ими, какъ заняты, напр., теперь предохраненіемъ отъ заразныхъ болѣзней.

Во-2-хъ, если наша современная наука еще не обладаетъ этими знаніями и умѣньемъ развивать или уничтожать въ организмѣ тѣ или иныя свойства, то грядущая наука несомнѣнно будетъ обладать ими. А между тѣмъ, для грядущаго человѣчества, которое будетъ обладать такой наукой, требуютъ принесенія въ жертву современныхъ людей! Не напоминаетъ-ли это такого совѣта: «въ виду, молъ, предсказанія нѣкоторыхъ ученыхъ, что каменный уголь и желѣзо современемъ исто-

щатся, бросимъ употребленіе желѣза и каменнаго угля. Все равно, они когда-нибудь уничтожатся. А между тѣмъ, отказавшись отъ нихъ, мы сохранимъ ихъ потомкамъ!»

Но будущее человѣчество, вѣроятно, изобрѣтетъ вмѣсто желѣза и каменнаго угля такіе суррогаты, о какихъ мы и понятія не имѣемъ, а между тѣмъ, себя мы лишимъ главныхъ факторовъ, поддерживающихъ наше тепло, свѣтъ, наши производительные механизмы!

А главное-то дѣло вотъ въ чемъ: насколько необходимы эти жертвы, требуемыя хотя бы Арчдалль Рейдомъ? Да и нужны-ли онѣ сколько-нибудь? Кажущаяся необходимость этихъ жертвъ происходитъ отъ преувеличенія значенія эволюціи и односторонняго взгляда на нее. Не видятъ другихъ факторовъ, кромѣ одного, хотя и дѣйствительно существующаго. Такъ, напримѣръ, алкоголизмъ, какъ доказываетъ та же статистика, стоитъ въ связи съ плохимъ питаніемъ массъ. Арчдалль Рейдъ принимаетъ, какъ бы безспорный фактъ, что жажда къ общеупотребительнымъ ядамъ составляетъ въ человѣчествѣ какъ бы что-то врожденное, неизбѣжное, что можетъ, поэтому, уничтожиться только подборомъ. Но такъ-ли это? Жажда къ алкоголю можетъ имѣть три главныя причины: одна изъ этихъ причинъ лежитъ въ мнѣніи, что алкоголь, хотя и временно, содѣйствуетъ пищеваренію, возбуждаетъ аппетитъ, хотя въ концѣ концовъ разстраиваетъ и то, и другое; во-2-хъ, алкоголь кажется намъ согрѣвающимъ тѣло, хотя въ концѣ концовъ, онъ, какъ извѣстно, способствуетъ его скорѣйшему охлажденію, заставляя кровь приливать къ периферіи (вслѣдствіе ослабленія сосудодвигательныхъ центровъ), отчего мы сначала и чувствуемъ себя теплѣе. Но затѣмъ этотъ же приливъ крови къ периферіи вызываетъ большее лученспусканіе теплоты изъ тѣла или крови, а потому на морозѣ быстрѣе гибнутъ лица, употребившія алкоголь, чѣмъ тѣ, которыя не употребляли его. Въ-3-хъ, алкоголь возбуждаетъ нервную систему и мозгъ, и намъ кажется, что ихъ дѣятельность повышена и работа дастъ болѣе быстрые результаты, хотя это также—мечъ обоюдоострый и опасный.

Наконецъ, къ этимъ причинамъ можно добавить у иныхъ лицъ жажду забытья отъ житейскихъ невзгодъ, борьбы, бѣдности, униженія и т. п.

Вотъ всѣ главнѣйшія причины алкогольной жажды. Но всѣ онѣ кроются въ какой-нибудь ненормальности органовъ (пищеваренія, нервовъ и мышцъ, напр., въ ихъ ослабленіи или переутомленіи); въ ненормальности пищи, черезчуръ грубой или тяжелой, или, наоборотъ, черезчуръ жирной и питательной, что связано съ соціальной ненормальностью крайняго различія въ питаніи разныхъ общественныхъ классовъ: у одного — черезчуръ скуднаго, у другого — черезчуръ изобильнаго. Наконецъ, мозговое и мышечное переутомленіе, какъ и жажда забытья отъ труда, униженій, заботъ etc., являются также ре-

зультатами ненормальностей современной жизни, что легко доказать; но все это такъ извѣстно, что я прямо перейду къ выводу.

Вмѣсто того, чтобы считать жажду къ алкоголю чѣмъ-то органическимъ и врожденнымъ человѣку и на этомъ строить практическіе выводы, слѣдовало бы обратить вниманіе на причины этой жажды въ условіяхъ среды. Никакой органической жажды къ алкоголю быть не можетъ, если не считать врожденныхъ *разстройствъ* организма: вѣдь, алкоголь созданъ послѣ человѣка, а потому странно предполагать въ человѣкѣ врожденную жажду того, чего не было при его созданіи. Отсюда очевидно, что эта жажда, а стало быть, и ея послѣдствія, т-е. алкоголизмъ, вполнѣ устранимы, но, конечно, не одними обществами трезвости и воздержанія, а тѣми существенными измѣненіями въ условіяхъ самой жизни людей, которыя порождаютъ жажду алкоголя.

Въ концѣ концовъ, мы приходимъ къ выводу, что, хотя и нельзя совершенно отрицать значеніе эволюціи путемъ естественнаго подбора въ современномъ человѣчествѣ, но этотъ факторъ стоитъ на самомъ заднемъ планѣ, куда онъ отодвинутъ массой другихъ, чисто-соціальныхъ и практическихъ факторовъ. Поэтому и борьба необходима не съ этимъ факторомъ (хотя и его слѣдуетъ не забывать), а съ дѣйствительными причинами того или другого печальнаго и вреднаго явленія. Со всякими переносами въ соціологію истинъ другихъ наукъ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ: здѣсь совсѣмъ другая почва, совершенно измѣняющая значеніе и вліяніе закона; этотъ законъ могъ быть могучимъ двигателемъ въ области біологіи, а въ области соціологіи представляетъ одну изъ сотни причинъ, хотя и могучихъ, но, тѣмъ не менѣе, доступныхъ для борьбы съ ними.

Л. Е. Оболенскій.

ДМИТРІЙ НАРКИСОВИЧЪ МАМИНЪ.

(Окончаніе).

VII.

Романомъ «Золото», разсмотрѣннымъ нами въ предъидущей главѣ, Д. Н. Маминъ открылъ цѣлую серію романовъ-лѣтописей, обнимающихъ жизнь Уральскаго края съ той или другой стороны, причемъ въ каждомъ романѣ развертывается передъ нами картина одного какого-нибудь изъ существенныхъ промысловъ края. Такъ, въ то время, какъ въ романѣ «Золото» мы имѣемъ дѣло съ уральскою золотопромышленностью, въ романѣ «Три конца»—развертывается передъ нами жизнь уральскихъ желѣзныхъ, чугуноплавильныхъ заводовъ. Авторъ ведетъ насъ на Ключевскій заводъ, принадлежавшій къ числу знаменитѣйшихъ Мурмосскихъ заводовъ, дачи которыхъ своими сотнями тысячъ десятинъ залегли на самомъ перевалѣ средняго Урала. Основателемъ этого заводскаго округа былъ выходецъ изъ Балахны, какой-то промышленный человѣкъ, по фамиліи Устюжанинъ. Когда впослѣдствіи эта фамилія вошла въ силу и добилась дворянства, то и самую фамилію перекрестили въ Устюжаниновыхъ. При старикѣ Устюжанинѣ въ Ключевскомъ заводѣ было не больше сотни домовъ, а такъ какъ на Уралѣ въ то время рабочихъ рукъ было мало, то владѣльцы заводовъ охотно принимали бѣглыхъ раскольниковъ и просто бродягъ, тянувшихъ на Уралъ изъ далекой помѣщичьей Россіи. Между тѣмъ заводское дѣйствіе расширялось; заводскихъ рукъ все-таки не хватало; и вотъ, въ тридцатыхъ годахъ, одному изъ Устюжаниновыхъ удалось выгодно пріобрѣсти двѣ большія партія помѣщичьихъ крестьянъ — одну въ Черниговской губерніи, а другую—въ Тульской. Малороссы и великороссы были «пригнаны» на Уралъ и попали на Ключевскій заводъ, гдѣ и заняли свободныя мѣста по р. Сойгѣ и Култыму. Такимъ образомъ, рядомъ съ прежнимъ, раскольничьимъ кержацкимъ концомъ, образовались два новые—туляцкій и хохлацкій. Разница въ постройкахъ сразу опредѣлила характеристику концовъ, особенно хохлацкаго, гдѣ избы были поставлены кое-какъ. Туляки строились «на рассейскую руку», а самые богатые сейчасъ же переняли всю кержацкую повадку, благо лѣса кругомъ много. Хохлы селились какъ-то врознь, съ большими усадами, лицомъ къ рѣкѣ, а туляки осѣли грудньѣ и къ рѣкѣ огородами. Всѣхъ дворовъ въ трехъ концахъ насчитывали до тысячи,

слѣдовательно, населеніе достигало тысячъ до пяти, причемъ между концами оно дѣлилось неравномѣрно: кержацкій, какъ самый старый конецъ, занималъ половину, а другая половина дѣлилась почти поровну между двумя остальными концами.

Подобно тому, какъ и въ «Золотѣ», въ «Трехъ концахъ», въ свою очередь, временемъ дѣйствія романа является эпоха освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и передъ вами развертывается картина того кризиса, который послѣдовалъ въ горнозаводской промышленности, какъ результатъ этого событія. До освобожденія крестьянъ всѣ работы на заводахъ чинились крѣпостнымъ трудомъ, причемъ не только рабочіе, но и разнаго рода начальство надъ ними,—не исключая главнаго управляющаго, грозы всего заводскаго населенія Луки Назарыча,—были крѣпостными. Нравы и порядки въ то время на Ключевскомъ заводѣ были такіе же суровые и жестокіе, какіе мы видѣли и въ романѣ «Золото» на Балчуговскомъ заводѣ. Точно также при заводской конторѣ существовала «машинная», гдѣ хранились пожарныя машины и кучера пороли провинившихся рабочихъ. Кромѣ того, въ двухъ верстахъ отъ завода открытъ былъ мѣдный рудникъ Крутянъ. Сюда со всѣхъ заводовъ ссылали провинившихся рабочихъ, такъ что этотъ рудникъ служилъ чѣмъ-то въ родѣ домашней каторги. Попасть «въ мѣдную гору», какъ называли рудникъ, считалось величайшею бѣдою, гораздо хуже, чѣмъ «огненная работа» на фабрикѣ, не говоря уже о вспомогательныхъ заводскихъ работахъ, какъ поставка дровъ, угля и руды или перевозки вообще. Какъ ужасны были заводскіе нравы при крѣпостномъ правѣ, объ этомъ мы можемъ судить по нижеслѣдующему мрачному, чисто трагическому эпизоду, который произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Д. Н. Мамина, что онъ не ограничился тѣмъ, что привелъ этотъ эпизодъ въ двухъ романахъ: въ «Трехъ концахъ» и «Горномъ гнѣздѣ», а, сверхъ того, посвятилъ ему особенную повѣсть «Братья Гордѣевы», напечатанную въ «Русской Мысли» 1892 года.

Въ первой четверти настоящаго столѣтія уральскими заводчиками овладѣла манія посылать молодыхъ людей изъ своихъ крѣпостныхъ за границу для полученія спеціальнаго образованія по горной части. Изъ Мурмосскихъ заводовъ были отправлены десять лучшихъ учениковъ заводской школы. Эти школьники прожили за границей лѣтъ десять, получая большое содержаніе. Они совсѣмъ освоились на новой почвѣ и почти всѣ переженились на иностранкахъ. Вдругъ ихъ всѣхъ требуютъ въ Россію, на заводы. Молодыя парочки ѣдутъ на Уралъ, гдѣ и узнаютъ сначала, что они крѣпостные, слѣдовательно, попали въ крѣпостные и ихъ жены, всѣ эти нѣмки и француженки, а затѣмъ они изъ-подъ европейскихъ порядковъ перешли прямо въ желѣзныя лапы крѣпостного, невѣжественнаго главноуправляющаго заводами, грознаго Луки Назарыча, который возненавидѣлъ ихъ за все: за европейскій костюмъ, за приличныя манеры и больше всего за полученное ими

европейское образованіе. Положеніе «заграничныхъ» въ заводахъ было самое трагическое, тѣмъ болѣе, что переходъ отъ европейскихъ свободныхъ порядковъ къ родному крѣпостному режиму ничѣмъ не былъ сглаженъ. Лука Назарычъ особенно налегъ на молодыхъ людей, чтобы сразу выбить изъ нихъ всю европейскую и ученую дурь. Загнанные и забитые «заграничные» были разсованы по самымъ ничтожнымъ должностямъ на копѣечное жалованье, безъ всякаго выхода впереди, причемъ, ради усугубленія кары, механики получили мѣста писарей, чертежники—машинистовъ, минералоги—въ лѣсномъ отдѣленіи, металлурги — при заводскихъ конюшняхъ. Когда «заграничные» вздумали протестовать, Лука Назарычъ разсчитывался съ ними по-своему: однихъ разжаловалъ въ простыхъ рабочихъ, другихъ, послѣ наказанія розгами, записывалъ въ куренную работу, гдѣ приходилось рубить дрова и жечь уголья; третьихъ отправилъ на мѣдный рудникъ, въ шахты, гдѣ они совсѣмъ голые, на глубинѣ восьмидесяти саженъ, должны были копать мѣдную руду. Эту каторжную работу не могли выносить самые привычные и сильные рабочіе, а заграничные въ своихъ европейскихъ обноскахъ были просто жалки, и ихъ спускали въ гору на вѣрную смерть.

Вся эта чудовищная исторія закончилась тѣмъ, что изъ десяти заграничныхъ въ три года четверо кончили чахоткой, трое спились, а остальные посходили съ ума. Положеніе заграничныхъ женщинъ было еще ужаснѣе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ какимъ-то чудомъ вынесли свою каторжную судьбу и остались живы съ дѣтьми на рукахъ. Участь этихъ женщинъ, даже не умѣвшихъ говорить по-русски, не привлекала къ себѣ участія заводскихъ палачей, и онѣ мало-по-малу дошли до послѣдней степени униженія, до какого въ состояніи только пасть голодная несчастная женщина, принужденная еще воспитывать голодныхъ дѣтей. Въ чужомъ краю, среди общихъ насмѣшекъ и презрѣнія, эти женщины являлись какимъ-то ужаснымъ призракомъ крѣпостного насилія. Эта страшная кара перешла и на дѣтей заграничныхъ, которыя явились на свѣтъ съ тяжелыми хроническими болѣзнями и медленно вымирали отъ разныхъ нервныхъ страданій, запоя и чахотки...

Страшный эпизодъ этотъ тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что вы наглядно видите здѣсь, какую непримиримую ненависть питаетъ грубое невѣжество къ малѣйшему просвѣту образованности и знаній,—ненависть слѣпую и чисто-стихійную, обусловливающуюся вовсе не какими-либо поступками, выходящими изъ уровня рутины со стороны людей, имѣвшихъ несчастіе и дерзость получить образованіе, а однимъ лишь злобнымъ чувствомъ зависти передъ нравственнымъ и умственнымъ превосходствомъ.

VIII.

Но вотъ наступилъ завѣтный день 19 февраля 1861 года. Онъ

принесъ съ собою конецъ прежнимъ жестокостямъ и ужасамъ крѣпостничества, но все его благотворное вліяніе ограничилось этою отрицательною заслугою; тщетно старались затѣмъ поборники его влить новое вино въ старые мѣхи заводскихъ порядковъ; мѣхи эти начали, какъ этого и надо было ожидать, расползаться по всѣмъ швамъ.

Первымъ дѣломъ, конечно, началось среди крѣпостныхъ рабочихъ общее броженіе. До тѣхъ поръ ни на фабрикѣ, ни въ кабакѣ нигдѣ не подымалось разговоровъ о тѣхъ жестокостяхъ, которыя продѣлывались еще недавно на заводахъ, а теперь все это всплыло, какъ масло на водѣ. Припомнились всѣ неистовства стараго палача, суровыя наказанія самого Луки Назарыча и другихъ управляющихъ, а изъ-за этихъ воспоминаній поднялась кровавая память дѣда нынѣшняго заводовладѣльца, старика Устюжанинова, который на смерть заколачивалъ людей у себя на глазахъ. Нашлись старики, которые хорошо помнили и шпицрутены, и устюжановскіе кнутья, которыми нещадно били всякую живую заводскую душу.

Но не одними только воспоминаніями мрачнаго прошлаго ограничивались освободившіеся отъ крѣпостной каторги рабочіе; вмѣстѣ съ тѣмъ начались думы о томъ, какъ лучше устроиться въ будущемъ. Но замѣчательно, что думы эти вовсе не касались лучшей организаціи заводскаго труда, а заключались въ общемъ стремленіи, напротивъ того, избавиться отъ него, сѣсть снова на землю и возвратиться къ земледѣлію. Исконная тяга великорусскаго племени къ своей землѣ сказывалась въ старикахъ съ какою-то болѣзненною силою. Сорока лѣтъ заводскаго житья точно не бывало. Вотъ какъ разсуждалъ объ этомъ одинъ изъ главныхъ вожаковъ движенія, старый Титъ:

«Вотъ подойдетъ осень и пойдетъ народъ опять въ кабалу къ Устюжанинову, а какая это работа: молодые ребята балуютъ на фабрикѣ, мужики израбатываются къ пятидесяти годамъ, а про бабъ и говорить нечего,—которая пошла на фабрику, та и пропала. Рази съ заводскимъ балованнымъ народомъ можно сравнить крестьянъ? Куда они лучше будутъ! Сиротства меньше по крестьянамъ, потому нѣтъ у нихъ заводскаго увѣчья и простуды, какъ на огненной работѣ: у того ноги застужены, у другого поясница не владѣетъ, третій и на ногахъ, да силы въ немъ нѣтъ никакой...»

Въ результатѣ этого движенія были посланы ходоки въ оренбургскія степи, въ «орду», какъ выражались на заводѣ; отъ туляцкаго конца—старый Титъ; отъ хохлацкаго другъ и сватъ его Коваль. Ходоки вынесли изъ «орды» самыя противоположныя впечатлѣнія. Титъ былъ въ восторгѣ отъ нея. «Земля,—говорилъ онъ,—овчина овчиной, травы ковыльныя, крѣпкія, укосъ—на десятину по сту копенъ, скотина кормная». А Коваль возражалъ ему: «Шо я вамъ кажу? А то я вамъ кажу, братики, што сватъ гвалтуетъ понапрасну... Пусто бы этой ордѣ было! Вотъ што я вамъ кажу... Бо ка зна-що! Чи вода була-въ чи лисъ булъ, чи добри люди: ничегесенько!.. А ну ее, орду, къ нечистому !.. Прощеватый народъ въ ордѣ».—Но, не смотря на это раз-

погласіе ходоковъ, движеніе съ каждымъ днемъ усиливалось и захватывало оба конца. Особенно рѣшающимъ моментомъ былъ пріѣздъ исправника съ цѣлью подавить движеніе и тщетныя попытки отца Сергѣя уговорить рабочихъ. Этотъ эпизодъ разрѣшилъ всѣ сомнѣнія. Дѣло было яснѣе дня. Даже самые нерѣшительные присоединились теперь къ общему движенію. Это былъ захватывающій моментъ, и какая-то стихійная сила толкала впередъ людей самыхъ неподвижныхъ, точно въ половодье, когда выступившая изъ береговъ вода выворачиваетъ деревья съ корнемъ и уноситъ тяжелые камни. Не могли увлекаться этимъ общимъ движеніемъ только тѣ, кто не могъ уѣхать по бѣдности или слабости, какъ увѣчные, старики, бобылки. Всѣхъ переселенцевъ насчитывали за сто дворовъ, и изъ нихъ девяносто въ туляпкомъ концѣ. Началась общая продажа имущества: мужики продали избы и покосы, бабы—разный домашній скарбъ и скотину.

Но въ «ордѣ» переселенцевъ ждало горькое разочарованіе, и черезъ два года большинство ихъ вернулось на старое пепелище, конечно, ужъ раззоренные и обнищалые. Виновата въ этомъ оказалась не «орда»: она не обманула ожиданій; жизнь въ оренбургскихъ степяхъ могла бы быть вполнѣ обезпеченною и привольною. Къ сожалѣнію, въ нѣдрахъ самихъ переселенческихъ семей таилось такое нравственное растлѣніе и разладъ, которые испортили все дѣло. Сорокъ лѣтъ заводской жизни не обошлись даромъ крестьянамъ; въ этотъ періодъ времени успѣло среди нихъ нарости новое поколѣніе людей, воспитанныхъ заводомъ и не привыкшихъ къ земледѣльческому труду. Вотъ какъ объяснялъ Титъ неустойку переселенія къ труду:

«— Своя неустойка вышла... Старики и старухи хвалятъ житье, а молодяжникъ забунтовалъ... Главная причина въ молодяжникѣ... Набаловался народъ на фабрикѣ, этово-тово. Бабамъ ситцу подавай, а другія бабы чаю требуютъ... По крестьянству бабѣ много работы, вотъ снохи и подняли смуту. Привольная жисть имъ не по нутру, потому какъ крестьянская баба набалованная... Вся неустойка отъ молодыхъ снохъ, этого-тово. Онѣ и мужиковъ подбивали. Способу съ емя не стало, съ бабами...»

Неустойка эта становится еще нагляднѣе по мѣрѣ того, какъ, читая романъ, вы знакомитесь со всѣми дѣйствующими лицами его и ихъ взаимными отношеніями, и передъ вами развертывается картина страшнаго растлѣнія нравовъ во всѣхъ трехъ концахъ,—растлѣнія, заставившаго одну изъ героинь романа, Нюрочку, придти къ заключенію, что страшно жить на свѣтѣ. При этомъ, какъ въ романѣ «Золото», такъ и въ «Трехъ концахъ» авторъ не ограничивается рядомъ индивидуально-личныхъ трагедій, въ видѣ гибели героевъ, побѣжденныхъ и такъ или иначе павшихъ въ общей свалкѣ борьбы за существованіе; въ заключеніе обоихъ романовъ рисуется общій разгромъ большого дѣла, вокругъ котораго кормились тысячи людей и которое гибнетъ ни отъ чего иного, какъ вслѣдствіе грубаго невѣжества, алчнаго эгоизма, неумѣнья организовать хозяйство хоть сколько-нибудь правильно, при полномъ отсутствіи всякой солидарности и хоть сколько-нибудь чело-

вѣческихъ отношеній. Такъ, въ романѣ «Золото», послѣ того, какъ богатѣйшая шахта «Рублиха» была залита водой сумасшедшимъ старымъ штейгеромъ, а на Бончаговкѣ была размыта весенней водой плотина, эти неудачи такъ отозвались въ промысловомъ бюджетѣ, что компанія прекратила всякія работы за ихъ невыгодностью, и это въ такой мѣстности, гдѣ, по словамъ автора, при правильномъ хозяйствѣ, могло благоденствовать стотысячное населеніе и десятокъ такихъ компаній.

Такой же разгромъ видимъ мы въ заключеніи «Трехъ концовъ» съ Мурмосскими заводами. Новые порядки, заведенные послѣ освобожденія крестьянъ новыми, присланными изъ Петербурга, управляющими, въ родѣ Голиковскаго, на экономическихъ началахъ всяческихъ усчитываній рабочихъ и доведенія ихъ до минимума рабочей платы (у нихъ былъ отнятъ, между прочимъ, и выгонъ), повели къ тому, что рабочіе отхлынули отъ завода искать заработковъ въ другихъ мѣстахъ, на золотые промыслы, на вновь строившуюся желѣзную дорогу. Молодежь уходила съ женами, а дома оставались одни старики съ ребятишками. Опустѣвшія избы заколачивались наглухо. Почти все мужское взрослое населеніе разбрелось, куда глаза глядятъ. Случилось что-то стихійное, ужасное, какъ повѣтріе или засуха. На покосахъ больше не пѣли веселыхъ пѣсенъ и не курились покосные огоньки, точно пронеслось мертвое дуновеніе. Раньше на время лѣтней страды дѣлалась мертвой только одна фабрика, а теперь замерло вмѣстѣ съ фабриками и все жилое. Картина получалась унылая, точно послѣ военнаго разгрома. Послѣднимъ уѣхалъ и виновникъ всего этого разгрома, самъ управляющій Голиковскій. Онъ поступилъ на другое мѣсто съ еще бо́льшимъ жалованьемъ, какъ «человѣкъ твердаго характера». Кончилось тѣмъ, что Мурмосскіе заводы ушли за долги съ молотка и достались какой-то безыменной компаніи, которая пріобрѣла ихъ въ разсрочку на 39 лѣтъ и сейчасъ-же заложила въ земельный банкъ. Для видимости фабрики ремонтировали и доменныя печи были пущены въ дѣйствіе; даже на залитомъ водою мѣдномъ рудникѣ дымилась паровая машина. Конечно, это была одна лишь крупная мошенническая продѣлка; на самомъ же дѣлѣ одинъ изъ лучшихъ уральскихъ горнозаводскихъ округовъ находился въ безвыходномъ положеніи.

Эти массовые разгромы въ заключеніи каждаго романа мало того, что еще болѣе омрачаютъ и безъ того уже темный фонъ картинъ Д. Н. Мамина, они въ значительной степени расширяютъ значеніе каждаго романа, придавая имъ символическій смыслъ. Тѣ или другія милліонныя предпріятія, которыя рушатся на вашихъ глазахъ въ вихрѣ общей неурядицы, грубаго невѣжества и деморализаціи, являются какъ бы своего рода микрокозмами, и невольно приходитъ вамъ въ голову: такъ точно рушатся государства и гибнутъ народы, если они не озаряются свѣтомъ знанія, любви и солидарности и если среди мрака невѣжества,

человѣконенавистничества и алчной наживы въ нихъ потухнетъ послѣдняя искра Божія.

IX.

Такой же символическій смыслъ имѣетъ романъ «Горное гнѣздо», въ которомъ, какъ и въ «Трехъ концахъ», рисуются нравы уральскихъ горныхъ заводовъ, но разница въ томъ, что тамъ на первомъ планѣ стоитъ народъ, рабочіе; здѣсь же изображается преимущественно горнозаводская интеллигенція и администрація. Символическій смыслъ романа усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что округъ Кукарскихъ заводовъ, изображаемыхъ въ романѣ, занималъ собой территорію въ пятьсотъ тысячъ десятинъ, что равнялось цѣлому германскому княжеству или даже маленькому европейскому государству. На этомъ громадномъ пространствѣ было разбросано семь заводовъ, причемъ главнымъ считался Кукарскій, какъ самый старый и большой заводъ и потому, что онъ занималъ центральное положеніе относительно прочихъ; онъ являлся во главѣ всѣхъ другихъ заводовъ, ихъ душой и административнымъ сердцемъ, отъ котораго радіусами разбѣгались по другимъ заводамъ всѣ предписанія, ордеры, рапорты и рапортички. Служить на Кукарскомъ заводѣ, на виду у начальства, считалось завидной честью, о которой мелкая служительская сошка съ другихъ заводовъ иногда напрасно мечтала цѣлую жизнь. Насколько громадное значеніе имѣлъ Кукарскій заводъ, достаточно сказать только то, что во всѣхъ заводахъ, вмѣстѣ съ селами, деревнями и «половинками», считалось до пятидесяти тысячъ рабочаго населенія.

И дѣйствительно, когда вы читаете «Горное гнѣздо», вы порою совершенно забываете, что имѣете дѣло не болѣе, какъ съ фабрично-промышленнымъ округомъ: передъ вами словно какъ бы и въ самомъ дѣлѣ какое-то владѣтельное нѣмецкое княжество XVIII столѣтія съ цѣлою іерархіею соперничавшихъ и подкапывавшихся другъ подъ друга администраторовъ, съ дворомъ, наполненнымъ невообразимой путаницей чисто макіавеліевскихъ интригъ, и съ владѣтелемъ всѣхъ этихъ сокровищъ во главѣ, рисующимся передъ вами не простымъ фабрикантомъ, а какъ бы владѣтельнымъ принцемъ нѣмецкаго княжества, отъ одного мановенія пальца котораго зависитъ участь десятковъ тысячъ народа

Типъ этого набоба, Евгенія Константиновича Лаптева, надо правду сказать,—замѣчательнѣйшій типъ изъ всѣхъ, какіе только встрѣчались въ нашей литературѣ, и безъ всякихъ преувеличеній смѣло можно поставить его въ одномъ ряду съ такими вѣковѣчными типами, какъ Тартюфъ, Гарпагонъ, Іудушка Головлевъ, Обломовъ.

Дѣло въ томъ, что въ лицѣ Лаптева мы имѣемъ строго выдержанный не только въ художественномъ, но и въ научномъ отношеніи — типъ полнаго вырожденія.

Первые представители рода Лаптевыхъ, основатели заводовъ, были

настоящими «россійскими» мужиками-лапотниками: первымъ въ родословномъ деревѣ заводовладѣльцевъ считался Гордѣй, по прозванію Лапоть. Но только два поколѣнія, самъ Гордѣй и его сыновья сохранили основный промышленный типъ; дальше начинался цѣлый рядъ тѣхъ «русскихъ принцевъ», которые удивляли всю Европу тысячными безобразіями и чисто русскимъ самодурствомъ. Въ Парижѣ, Вѣнѣ, Италіи были понастроены Лаптевыми княжескіе дворцы и виллы, гдѣ они коротали свой вѣкъ въ обществѣ всевозможнаго отребья столицъ и европейскихъ подонковъ. Нѣкоторые изъ нихъ не только не бывали въ Россіи ни разу, но даже не умѣли говорить по-русски. Эти мужицкіе выродки представляли собой замѣчательную галлерею психически больныхъ людей, падавшихъ жертвой наслѣдственныхъ пороковъ и развращающаго вліянія колоссальныхъ богатствъ. Были тутъ жуиры и прожигатели жизни pur sang, были меломаны, были чудаки по профессіи, были меценатствующіе «вельможи», антикваріи, библіоманы и просто шалопаи. Единственную вещь можно было поставить имъ въ заслугу, что всѣ они догадывались скоро раскланиваться съ здѣшнимъ міромъ. За послѣднія полтораста лѣтъ средняя цифра жизни этихъ магнатовъ не превышала сорока лѣтъ.

На послѣдняго изъ Лаптевыхъ—Евгенія Константиновича, когда онъ былъ еще бойкимъ, красивымъ мальчикомъ, возлагали большія надежды, какъ на талантливаго и способнаго ребенка. Воспитаніе онъ, конечно, получилъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ разныхъ свѣтилъ педагогическаго міра, отъ которыхъ, впрочемъ, не получилъ ничего, кромѣ органическаго отвращенія отъ всякаго труда, особенно умственнаго. Юношей онъ прошелъ школу всѣхъ молодыхъ набобовъ и въ двадцать лѣтъ выглядѣлъ усталымъ, пресыщеннымъ человѣкомъ, который собственнымъ опытомъ убѣдился въ «суетѣ суетъ и всяческой суетѣ» нашей общей юдоли плача. Главною особенностью его были крайняя взбалмошность: къ нему нельзя было примѣниться; вѣроятно, въ часы раздумья, если они только находили на него, онъ и самъ удивлялся самому себѣ, такъ все въ его жизни было перепутано, непонятно и непредвидимо. По природѣ онъ не былъ ни золъ, ни глупъ, но отчасти воспитаніе, отчасти обстановка, отчасти грѣхи предковъ сдѣлали изъ него капризнаго ребенка съ отшибленной волей. Единственное, что еще онъ любилъ и могъ любить—это была ѣда и, между прочимъ, женщины, какъ острая приправа къ другимъ мудренымъ кушаньямъ. Самая наружность его была какъ нельзя болѣе характерна и вполнѣ подходила къ типу выродившагося набоба: на видъ ему было лѣтъ тридцать; большіе сѣрые глаза, съ полузакрытыми вѣками, смотрѣли усталымъ, неподвижнымъ взглядомъ; правильное лицо съ орлинымъ носомъ и бѣлокурыми кудрявыми волосами много теряло отъ какой-то обрюзглой полноты. Ко всему этому присоедините еще одинъ констатированный наукой признакъ вырожденія, не упущенный авто-

ромъ: именно чисто женская страсть къ нарядамъ, и въ особенности эксцентрически-пестрымъ. Такъ, по словамъ автора, Лаптевъ ежедневно переодѣвался minimum четыре раза; на Кукарскіе же заводы свои онъ пріѣхалъ, нарядившись въ шотландскій костюмъ, положительно какимъ-то гороховымъ шутомъ.

«Шотландскій костюмъ барина,—читаемъ мы,—сначала немного смутилъ восторженную публику, но потомъ всѣ рѣшили, что, вѣроятно, такъ нужно, потому баринъ,—значитъ, законъ ему не писанъ. Бабъ ужасно заинтересовала клѣтчатая пестрая юбочка, а мужиковъ—отсутствіе штановъ. Пестрый плэдъ, пестрая шапочка съ длинными кистями на затылкѣ и чулки на ногахъ тоже были, конечно, подвергнуты самой строгой критикѣ и тоже получили свое объясненіе: баринъ. Только голыя колѣни барина немного смутили самыхъ смѣлыхъ, но потому, что рѣшительно не находилось для нихъ никакого подходящаго извиняющаго мотива».

Случилось неожиданно такое обстоятельство, что Лаптева обругала какая-то бульварная парижская газетка. И этого пустого обстоятельства было достаточно, чтобы онъ немедленно же задумалъ переселиться въ Россію. Дворцы и палаццо, разсованные по разнымъ укромнымъ уголкамъ Европы, пошли съ молотка. Поселившись въ Россіи, которая для Лаптева заключалась въ Петербургѣ, онъ неожиданно для всѣхъ задумалъ поѣздку на Уралъ. Поѣздка эта была слѣдствіемъ дьявольски ловкой интриги двухъ барынь-соперницъ, Нины Леонтьевны и Раисы Павловны, изъ которыхъ первая желала подкопаться подъ послѣднюю и занять ея первенствующее мѣсто на заводахъ. Поводомъ же поѣздки служили недоразумѣнія, которыя возникли между заводоуправленіемъ и мастеровыми по поводу уставной грамоты, крайне невыгодной для рабочихъ, почти отнимавшей у нихъ всѣ земли и выгоны, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, и ставившей ихъ въ чисто рабскія отношенія къ заводамъ. Слѣпымъ орудіемъ этой интриги служилъ ученый генералъ Блиновъ, экономистъ, котораго Лаптевъ везъ съ собою въ качествѣ устроителя заводскихъ дѣлъ.

Пріѣздъ и пребываніе Лаптева на Кукарскихъ заводахъ и составляетъ все содержаніе романа, который по своей стройности, законченности, возрастающему и съ каждой страницей болѣе и болѣе захватывающему васъ интересу рѣзко выдается и составляетъ полное исключеніе изъ всѣхъ прочихъ романовъ Д. Н. Мамина, не отличающихся, какъ уже мы выше говорили, техническими совершенствами и представляющимися не столько романами, сколько лѣтописными сказаніями. Это, напротивъ того, романъ въ истинномъ и вполнѣ европейскомъ смыслѣ этого слова. Каждая подробность здѣсь идетъ къ дѣлу и все болѣе и болѣе обрисовываетъ и дѣйствующія лица, и всѣ ихъ взаимныя отношенія; каждая сцена полна жизни, движенія и представляетъ необходимое звено въ развитіи сюжета. Это единственный романъ Д. Н. Мамина, который цѣликомъ могъ бы быть передѣланъ въ комедію и поставленъ на сцену, и какая бы это была бойкая, эффектная и содержательная пьеса!..

Передавать содержаніе этого произведенія, составляющаго лучшее украшеніе нашей литературы, мы рѣшительно отказываемся: такія по истинѣ классическія сцены, какъ пріѣздъ Лаптева, съ колокольнымъ звономъ, восторженнымъ крикомъ толпы и везеніемъ экипажа рабочими на своихъ рукахъ; идіотская растерянность при этомъ набоба, въ его шутовскомъ шотландскомъ костюмѣ, съ голыми ногами; балы, охоты, завтраки, обѣды; стремленія разныхъ мелкихъ служащихъ выставиться передъ патрономъ и побѣдить его сердце какимъ-нибудь необыкновеннымъ по своей пикантности лакомымъ блюдомъ, непобѣдимое ничѣмъ отлыниваніе Лаптева отъ мало-мальски серьезныхъ совѣщаній или докладовъ по дѣламъ заводовъ; комически неудачное волокитство Лаптева, кончившееся тѣмъ, что даже бѣдная дѣвушка, которая только о томъ и помышляла, какъ бы сдѣлаться богатой и насладиться всѣми благами жизни, отвергла его руку, такъ отталкивала ее неподвижная, апатичная натура его съ чисто животными инстинктами, и она предпочла сдѣлаться лучше содержанкою его перваго министра, Прейна; наконецъ, позорный побѣгъ Лаптева,—все это не поддается передачѣ, приводитъ читателя въ неописанный восторгъ, дѣлаетъ романъ этотъ по истинѣ классическимъ. Не меньшій эффектъ, вполнѣ гармонирующій со всѣми подробностями романа, производитъ и заключеніе его, въ которомъ раскрываются передъ нами результаты пріѣзда барина на заводы: вопросъ объ уставной грамотѣ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что заводскимъ мастеровымъ земельный надѣлъ совсѣмъ не нуженъ, даже вреденъ. Благодаря трудамъ генерала Блинова, была возсоздана цѣлая система сокращеній и сбереженій на урѣзкахъ заработной рабочей платы, на жалованьѣ мелкимъ служащимъ и на тѣхъ крохахъ благотворительности, которыя признаны наукой вредными палліативами; управители же, повѣренные и довѣренные получали соотвѣтствующія увеличенія своихъ окладовъ. И, въ концѣ-концовъ, заводская крыса Родіонъ Антоновичъ Сахаровъ единогласно былъ избранъ предсѣдателемъ ельниковской земской управы, причемъ въ первый же годъ своей земской дѣятельности поставилъ дѣло такъ, что знаменитая гора Куржакъ, обложенная 2 р. 17 к. земскихъ налоговъ, была освобождена отъ этой непосильной тяготы, какъ освобождены на Уралѣ отъ земскаго обложенія всѣ золотые пріиски. Иныхъ результатовъ отъ пріѣзда Лаптева на свои дѣдовскіе заводы, конечно, трудно было и ожидать!..

X.

Такимъ же безъисходнымъ пессимизмомъ преисполненъ послѣдній уральскій романъ Д. Н. Мамина «Хлѣбъ». Въ романѣ этомъ изображается бытъ уральскаго купечества, сплавляющаго по рѣкѣ Ключевой хлѣбъ изъ Зауралья и оренбургскихъ степей. Центромъ этой торговли является городъ Заполье, находящійся въ низовьяхъ рѣки Ключевой,—въ самомъ горлѣ, какъ говорили сторожилы. Весь бассейнъ Ключевой

представлялъ собою настоящее золотое дно, потому что здѣсь осѣло крѣпкое хлѣбопашественное населеніе, и благодатный зауральскій черноземъ давалъ баснословные урожаи, не нуждаясь въ удобреніи. Съ другой стороны, степь давала богатое степное сырье—сало, кожи, конскій волосъ, гурты курдючныхъ барановъ и степныхъ быковъ, косяки степныхъ лошадей и цѣлый рядъ бухарскихъ товаровъ. Бывшій пограничный городъ захватилъ въ свои руки всю хлѣбную торговлю и всѣ операціи съ степнымъ сырьемъ. Условія были самыя благопріятныя. Скупленный въ Зауральѣ хлѣбъ доставлялся запольскими купцами на всѣ уральскіе горные заводы и уходилъ далеко на сѣверъ, на холодную Печору, а въ засушливые годы сбывался въ степь. Заполье пользовалось и степною засухой, и дождливыми годами: когда выдавалось сырое лѣто, хлѣбъ родился хорошо въ степи, и этотъ дешевый ордынскій хлѣбъ запольскіе купцы сбывали въ Зауралье и на сѣверъ; въ сухое лѣто хлѣбъ родился хорошо въ полосѣ, прилегавшей къ Уральскимъ горамъ, гдѣ влага задерживалась лѣсами, и запольскіе купцы везли его въ степь, обмѣнивая на степное сырье. Все шло на пользу начетистому запольскому купцу—и засуха, и дождливые годы. Онъ получалъ свою выгоду и отъ дешеваго, и отъ дорогого хлѣба, и больше всего отъ тѣхъ темныхъ операцій въ безграмотной ордѣ, благодаря которымъ составилось не одно крупное состояніе.

Такъ шло изстари и готово было длиться до скончанія вѣковъ. Нравы Заполья, сплошь населеннаго купцами, были строгіе, суровые, вполнѣ патріархальные, по домостроевскому чину. Дѣти жили въ слѣпомъ повиновеніи у своихъ отцовъ. до самой смерти послѣднихъ, иногда до сѣдыхъ волосъ, оставаясь въ приказчикахъ у своихъ родителей, безпрекословно исполняя всѣ ихъ порученія и приказанія и не смѣя безъ ихъ воли сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага. Родители не только выдавали дочерей замужъ, но и женили сыновей по своему произволу, не спрашиваясь у ихъ сердца. Иногда природа заявляла свои права,—прорываясь въ видѣ какого-нибудь запоя, заколачиванія въ гробъ нелюбой жены, отравленія противнаго мужа, самоубійства и т. п.: но большею частью дѣло обходилось безъ драмъ и трагедій, въ видѣ ничѣмъ не согрѣтаго, холоднаго призябанія день за день, безъ малѣйшихъ духовныхъ интересовъ, безъ радостей, безъ удовольствій, довольствуясь однимъ безцѣльнымъ увеличеніемъ и закругленіемъ купеческихъ капиталовъ. Случалось, что купцы и банкрутились вслѣдствіе какихъ-нибудь прочетовъ или случайныхъ катастрофъ; но въ общемъ дѣла шли своимъ порядкомъ, что называется, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Очень крупныхъ капиталистовъ не было: и запольская биржа держалась, главнымъ образомъ, средней руки купечествомъ, пускавшимъ въ оборотъ не болѣе 30.000 или 50.000. Освобожденіе крестьянъ не принесло никакого измѣненія во всемъ этомъ укладѣ жизни, такъ какъ Зауралье было населено на половину башкирами, на половину государ-

ственными крестьянами; ни степь, ни казачьи земли совсѣмъ не знали крѣпостного права, и экономическая жизнь громаднаго края шла и развивалась вполнѣ естественнымъ путемъ, минуя всякую опеку и вмѣшательство.

Но, хотя само по себѣ освобожденіе крестьянъ и не могло ничего измѣнить въ краѣ, гдѣ крѣпостныхъ совсѣмъ не было, тѣмъ не менѣе, волны общественнаго возбужденія того времени не замедлили дойти и до Заполья и взбудоражить его мертвое царство. Наступило и на Уралѣ тревожное время, когда въ воздухѣ всего города повисла мысль, что жить по-старинному, какъ жили отцы и дѣды, нельзя. Откуда-то явился духъ предпріимчивости, какого прежде и не слыхивали среди запольскихъ купцовъ. Такъ, на Ключевой, начали строиться мельницы, которыя грозили стянуть къ себѣ хлѣбъ, открыть новые хлѣбные рынки въ ущербъ Заполью.

— Нѣтъ, братъ, шабашъ,—повторяли запольскіе купцы.—По-старому, братъ, не проживешь. Сегодня у тебя пшеницу отнимутъ, завтра куделю и льняное сѣмя, а тамъ и до степнаго сала доберутся. Что же у насъ-то останется? Да, кончено. Надо все по полированному дѣлать, чтобы какъ въ другихъ мѣстахъ

Но если запольскіе купцы не знали, что имъ нужно, то отлично это знали люди посторонніе, которые все набивались въ городъ. Кто они такіе, откуда, чего домогаются, никто не зналъ. Такъ, у мѣстнаго нѣмца Штофа уже давно жилъ безымянный нѣмецъ Драке, потомъ пріѣхалъ и поселился полякъ Май-Стабровскій. Онъ занялъ лучшую квартиру въ городѣ, завелъ выѣздныхъ лошадей, цѣлый штатъ прислуги и зажилъ на широкую ногу. Въ Запольѣ и во снѣ не видали такой роскоши. Потомъ поселился подозрительный еврей Ечкинъ, который все разъѣзжалъ по краю. Около этихъ новыхъ людей завелась цѣлая кучка безымянныхъ и прожорливыхъ пановъ, нѣмцевъ и евреевъ. Они все чего-то искали, куда-то ѣздили, по какимъ-то никому неизвѣстнымъ дѣламъ, и вообще ужасно торопились. Не было, кажется, такого угла, котораго они не обшарили бы и не обыскали. Одинмъ словомъ, что то готовилось, и запольскіе купцы впередъ чувствовали, какъ ихъ забираетъ страхъ.

Сами по себѣ новые люди были всѣ очень милые, вѣжливые и веселые. Вездѣ сами бывали, всѣхъ принимали у себя и умѣли товаръ лицомъ показать. На другой же годъ въ Запольѣ открылся клубъ, учрежденіе невиданное. Старики не пошли, а молодежь была рада. Въ Запольѣ до сихъ поръ не было ни одного веселаго пріюта. По зимамъ проворные нѣмцы начали устраивать въ клубѣ семейные вечера съ танцами, благотворительныя «лотереи-аллегри, а главное, напропалую дулись въ карты.

Но вотъ Май-Стабровскій купилъ въ уѣздѣ упраздненный винокуренный заводъ. Были и до того времени свои винокуры, но это былъ

народъ мелкій, работавшій съ грѣхомъ пополамъ для мѣстнаго управленія, а Стабровскій затѣвалъ громадное, милліонное дѣло и повелъ его сильной рукой. Все устраивалось по послѣднему слову винокуренной науки. Съ открытія этого завода началась новая эра въ Запольѣ. Запольскіе купцы только смотрѣли и ожигались. Ихъ «старинка» оставалась позади; по ней считали на тысячи и много-много на десятки тысячъ, а тутъ сразу счетъ пошелъ на сотни тысячъ. Для завода ежегодно имѣлось въ виду скупать до милліона пудовъ ржи, и это совсѣмъ ликвидировало запольскую торговлю; возникъ новый рынокъ въ селѣ Суслонѣ, отъ котораго заводъ отстоялъ всего въ 20 верстахъ. Съѣстъ насъ всѣхъ Стабровскій,—говорили купцы, качая головой:—мы тутъ мышей ловимъ, а онъ прямо на медвѣдя пошелъ.

Но полный переворотъ въ жизни Заполья и всего Зауралья принесло открытіе коммерческаго банка въ Запольѣ все тѣми же новыми разноплеменными дѣятелями. Банкъ сразу оживилъ все, точно хлынула какая-то магическая сила. Тутъ сразу и окончательно всѣ поняли, что жить попрежнему невозможно, но что и по новому жить безъ банка, т.-е. безъ кредита, тоже невозможно. Когда Стабровскій, чтобы открыть дѣйствіе своего завода и убить своего конкуррента, Прохорова, сразу скупилъ четыреста тысячъ пудовъ хлѣба, запольскіе хлѣбники, скупавшіе десятками тысячъ, поняли ту печальную истину, что рынокъ отъ нихъ ушелъ и что цѣну хлѣба даже теперь уже ставятъ довѣренные Стабровскаго. Результатомъ открывшагося банковскаго кредита было то, что сразу возникъ цѣлый рядъ новыхъ предпріятій. На первомъ планѣ выдвинулись постройки громаднаго стеариноваго завода, устраивавшагося новою компаніей, составленною Ечкинымъ. Дѣло затѣвалось милліонное, а всѣ только охали. Теперь дѣло сводилось на то, кто захватитъ впередъ и предупредитъ другихъ. Всѣ остальные тоже по мѣрѣ силъ набросились на новыя предпріятія. главнымъ образомъ на хлѣбъ. По Ключевой строилось до десятка новыхъ мельницъ-крупчатокъ. Это оживленіе всей хлѣбной торговли отразилось на всѣхъ сторонахъ коммерческой дѣятельности. Ходко пошелъ красный товаръ, скобяной, желѣзный, галантерея, а главнымъ образомъ—кабакъ. Мужикъ продавалъ хлѣбъ и деньги тратилъ на ситцы, самовары и водку. Все исходило отъ этого хлѣба, въ немъ было основаніе и запасъ всего остального. Торговля въ Запольѣ оживилась до неузнаваемости, и прежнія лавки и лавчонки быстро превратились въ магазины съ зеркальными стеклами, гдѣ торговали безъ запроса. Возникла цѣлая конкурренція въ погонѣ за покупателемъ, и всѣ старались перещеголять другъ друга. Недостававшія деньги черпались полною рукой изъ банка.

Но этотъ хлѣбно-водочный ажіотажъ несъ за собою полное разореніе богатѣйшаго края. Шла именно игра, спекуляція, съ милліоннымъ рискомъ, а не обыкновенное промышленное дѣло. Въ концѣ-концовъ оказалось, что золотое дно, какимъ до тѣхъ поръ считалось За-

уралье, не можетъ обезпечивать равномѣрно хлѣбомъ работу всѣхъ мельницъ. До сихъ поръ рынокъ пополнялся изъ старыхъ крестьянскихъ запасовъ, наконецъ, ихъ не стало и приходилось жить однимъ годомъ. Производитель зерна жилъ отъ одной осени до другой и весь находился въ полной зависимости отъ одного урожая. Такъ, когда исправникъ Полуяновъ возвращался въ Заполье, отбывши срокъ ссылки,—его поразила картина общаго крестьянскаго обѣдненія. Чѣмъ дальше подвигался онъ, тѣмъ больше находилъ недостатковъ и прорухъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И земля вспахана кое-какъ, и посѣвы плохи, и земля пустуетъ, и скотина затощала. Особенно печальную картину представляли истощенныя поля, требовавшія удобренія и не получавшія его,—въ этомъ благодатномъ краѣ и знать ничего не хотѣли о какомъ-нибудь удобреніи. До сихъ поръ спасалъ аршинный сибирскій черноземъ. Но вѣдь всему бываетъ конецъ.

—Ахъ, мерзавцы!—ругался Полуяновъ, палкой измѣряя толщину пропаханнаго слоя чернозема.—На двухъ вершкахъ пашутъ. Что же это такое? Это мазать, а не пахать.

Попадались совсѣмъ выродившіяся поля, съ чахлыми, золотушными всходами,—хлѣбъ точно былъ подбитъ молью. Полуяновъ, наконецъ, пришелъ въ полное отчаяніе и крикнулъ:

— Голодъ будетъ! Настоящій голодъ!..

И дѣйствительно, вскорѣ надъ всею страною разразился страшный голодъ. Сценами этого голода, экономическаго краха и пожара Заполья, довершающаго картину общаго разрушенія, кончается романъ. Мы считаемъ излишнимъ при этомъ входить въ подробности запольскихъ нравовъ и вообще частной жизни города—скажемъ, однимъ словомъ, что и съ этой стороны романъ оставляетъ по себѣ мрачное впечатлѣніе безотрадной деморализаціи.

XI.

Совсѣмъ иной характеръ представляютъ собою романы и повѣсти Д. Н. Мамина изъ жизни интеллигентныхъ слоевъ общества, каковы: «На улицѣ», «Нужно поощрить искусство», «Любовь», «Дѣтскія тѣни», «Весеннія грозы», «Черты изъ жизни Пепко» и пр. Здѣсь вы не найдете уже тѣхъ массовыхъ эпопей, какими представляются романы Д. Н. Мамина изъ уральской жизни. Въ романахъ и повѣстяхъ этого рода выводится обыкновенно немного дѣйствующихъ лицъ, а потому авторъ имѣетъ болѣе возможности заглянуть въ душевный міръ героевъ. При томъ же неизмѣнномъ сдержанно спокойномъ тонѣ, въ произведеніяхъ этого рода въ значительной степени присутствуетъ субъективный элементъ: вы чувствуете, что авторъ не только былъ пораженъ со стороны, какъ художникъ и мыслитель, тѣмъ, что онъ изображаетъ, но въ большей или меньшей мѣрѣ самъ пережилъ это самое. То, что изображается, напримѣръ, въ «Дѣтскихъ тѣняхъ», съ кото-

рыми мы сейчасъ будемъ имѣть дѣло, очевидно ближе къ его собственной жизни и къ его душевному міру, чѣмъ убіеніе инока Кирилла въ «Трехъ концахъ», или самоубійство зарвавшагося купца Галактіона въ «Хлѣбѣ». Въ такихъ же романахъ его, какъ «Весеннія грозы» и «Черты изъ жизни Пепко», очень можетъ быть, что рядомъ съ вымыслами въ значительной степени парадируютъ воспоминанія изъ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ самого автора, вслѣдствіе чего произведенія эти рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ своимъ юморомъ и задушевностью. Мы остановимся на «Дѣтскихъ тѣняхъ», какъ на рядѣ разсказовъ, наиболѣе выдающихся своею глубиною, осмысленностью и раскрытіемъ тѣхъ отвратительныхъ общественныхъ язвъ, которыя таятся подъ полированною внѣшностью цивилизованной жизни,—внѣшностью, не только вполнѣ благопристойною, но часто безукоризненно-блестящею. *Дѣтскія тѣни*—это призраки тѣхъ милліоновъ младенцевъ, которые ежедневно вполнѣ легальнымъ путемъ умерщвляются, приносимые въ жертву удовлетворенію не только нашихъ минутныхъ похотей, нашему комфорту, честолюбивымъ, любостяжательнымъ и тому подобнымъ низменнымъ страстямъ и порокамъ, но и самымъ высшимъ духовнымъ интересамъ.

Такъ, напримѣръ, что можетъ быть выше заботъ о благѣ нашего отечества, о благосостояніи ближнихъ, созданія великихъ творческихъ произведеній, ученыхъ открытій, женскаго вопроса, и т. п. Но если почитать Д. Н. Мамина, то оказывается, что и всѣ подобнаго рода высокоблагородныя занятія, составляющія цвѣтъ современной цивилизаціи, не составляютъ исключенія и основываются не рѣдко ни на чемъ иномъ, какъ на костяхъ ничѣмъ неповинныхъ младенцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ мы можемъ все это творить, обходясь безъ прислуги? Развѣ мыслимо писать передовыя статьи въ газетахъ, служить въ томъ или другомъ департаментѣ или хотя бы даже только стрѣлять въ цѣль на Семеновскомъ плацу и въ то же время таскать въ свою квартиру вязанки дровъ, чистить себѣ сапоги, стлать постели, готовить кушанье и т. п. Опредѣленный штатъ прислуги необходимъ нашимъ женамъ не ради одной только ихъ изнѣженности, но и ради доставленія имъ свободнаго времени, которое онѣ могли бы посвящать всѣмъ высшимъ интересамъ цивилизаціи: читать Бокля, разыгрывать сонаты Бетховена, слушать лекціи профессора Лесгафта и пр. Въ силу этого, какъ нельзя болѣе естественно такое явленіе, замѣчаемое вами на каждомъ шагу, что чѣмъ выше развитіе женщины, тѣмъ болѣе она тяготится хозяйственными занятіями, тѣмъ болѣе презираетъ ихъ препебрегаетъ ими и желаетъ избавиться отъ нихъ.

Но для того, чтобы мы могли всецѣло предаваться высшимъ духовнымъ интересамъ, необходимо, чтобы ежедневно прибывали изъ деревень, оставляя семьи и бросая навсегда земледѣльческія занятія, тысячи Ивановъ и Аннушекъ и брали на себя всѣ наши хозяйственныя

заботы, обмывали насъ, обшивали, кормили, поили, и даже спать укладывали.

Такимъ образомъ, во всѣхъ городахъ, особенно въ столицахъ, образуется огромный контингентъ людей безсемейныхъ, по самой профессіи своей предназначенныхъ быть безполыми. А между тѣмъ по существу своему они вовсе не уподобляются рабочимъ пчеламъ пчелиныхъ ульевъ Они—такіе же люди, какъ и тѣ господа, которымъ они служатъ; родовые и семейные инстинкты заявляютъ себя у нихъ столь же назойливо и непобѣдимо. Условія же городской жизни сложились такимъ образомъ, что семейная прислуга, за рѣдкими исключеніями, является немыслимою. Развѣ вы согласились бы держать у себя въ домѣ въ видѣ прислуги не одну, а пожалуй, и двѣ, три семьи, со всѣми ихъ приростами?

И вотъ, силою самыхъ вещей, досугъ и комфортъ, которыми вы пользуетесь, ведутъ къ тому, что Иваны, при всѣхъ своихъ семейныхъ наклонностяхъ, волею-неволею дѣлаются «подлецами-мужчинишками», у которыхъ у каждаго «совѣсть-то подъ пяткой» и которые о томъ только и помышляютъ, какъ бы поиграть съ Аннушкой, а тамъ и въ сторону—раздѣлывайся Аннушка, какъ знаешь, съ послѣдствіями игры; Аннушки же, если не дѣлаются жертвами темперамента и не гибнутъ сами, то, подавляя въ себѣ материнскіе инстинкты, со слезами и рыданіями, разстаются съ своими дѣтьми, пристраивая ихъ такъ или иначе и обрекая по большей части на вѣрную гибель. При этомъ, словно для успокоенія вашей совѣсти, отчасти и въ свою очередь для вашего комфорта (подумайте, въ самомъ дѣлѣ, удобно-ли было бы для васъ, чтобы кухарки и горничныя разрѣшались отъ бремени у васъ въ квартирѣ) цивилизація спѣшитъ устроивать родовспомогательныя заведенія и воспитательные дома, являющіеся какъ бы резервуарами для печальныхъ результатовъ отбросовъ неудовлетворенныхъ, попранныхъ семейныхъ инстинктовъ и могильными ямами для тысячи тысячъ труповъ младенцевъ, приносимыхъ ежедневно на алтарь цивилизаціи.

Въ первомъ разсказѣ «Дѣтскихъ тѣней», носящемъ заглавіе «Аннушка», правда, дѣйствующія лица являются нѣсколько идеализированными. Немного вы найдете такихъ отставныхъ солдатъ, какъ швейцаръ земскаго родильнаго дома Андрей Иванычъ, въ которомъ «сказывалась такая хорошая солдатская жалость, въ которомъ жилъ еще семейный человѣкъ, деревенскій мужикъ, для котораго баба являлась не забавой, а дѣломъ серьезнымъ», и которому такъ жалко стало бѣдную Авдотью Семеновну, явившуюся въ родильный домъ избавляться отъ тайнаго плода любви несчастной, что онъ рѣшился предложить ей руку и сердце. Немного найдете вы и среди Аннушекъ такихъ душевно-чистыхъ, честныхъ и не посредственныхъ натуръ, которыя на предложеніе Андрея Ивановича отвѣтили бы вдругъ, подобно Авдотьѣ Семеновнѣ.

«— Ничего не будетъ, Андрей Ивановичъ, я не такая. Да и вы найдете себѣ

честную дѣвушку, а какая я вамъ жена! Пожалѣли вы меня — вотъ и все, а потомъ-то еще Богъ знаетъ, что будетъ... Теперь вотъ я стою и разговариваю съ вами, и ни въ чемъ моей вины нѣтъ передъ вами, а мужняя жена совсѣмъ другое. Вы и не укорите, можетъ быть, а мнѣ-то тошно будетъ. Я всѣ эти дни думала про это самое. Нѣтъ, не годится, Иванычъ... Ищите хорошую дѣвушку и на ней женитесь, а мнѣ вѣкъ вѣковать съ своей судьбой...»

Немного найдете вы и такихъ Аннушекъ, которыя, подобно Авдотьѣ Семеновнѣ, не вынесли бы ужаса и тоски смерти своего ребенка и утопились бы. Наконецъ, немного найдете вы и такихъ могильщиковъ и кладбищенскихъ сторожей, какъ Самошко, который такъ былъ пораженъ смертью Авдотьи Семеновны, что она каждую ночь начала мерещиться ему, а за нею всѣ младенцы, которыхъ онъ прихоронилъ; сотни ихъ пищатъ, ручками тянутся, и кончилось дѣло тѣмъ, что Самошко бросилъ свое могильное ремесло и сдѣлался золоторотцемъ вмѣстѣ съ Андреемъ Ивановичемъ.

Это очень рѣдкій случай, повторяю я еще разъ. По большей же части, Андреи Иванычи остаются степенными швейцарами, спокойно крестятъ младенцевъ и съ бездушнымъ презрѣніемъ смотрятъ на погибающихъ Аннушекъ, какъ на подлянокъ, съ которыми не стоитъ и связываться; Самошки съ невозмутимою совѣстью берутъ съ этихъ самыхъ Аннушекъ двугривенные за пропускъ на кладбище въ неуказанное время; Аннушки, выплакавъ свои слезы о своихъ погибшихъ младенцахъ, махаютъ на нихъ рукою и вновь принимаются холить и нѣжить васъ, а вы только ворчите о деморализаціи нашей прислуги и о всемъ неудобствѣ имѣть кухарокъ или горничныхъ вѣчно въ интересномъ положеніи.

Во второмъ разсказѣ—«Живая совѣсть» закланіе младенцевъ на алтарѣ цивилизаціи является въ иномъ видѣ,—именно въ возмутительно варварскомъ обычаѣ нанимать кормилицъ. Авторъ вводитъ насъ въ самое что ни на есть просвѣщенное семейство: мужъ гдѣ-то служитъ, жена — прошла медицинскіе курсы—и все въ домѣ у нея устроено по послѣднимъ словамъ науки. Вамъ, вѣроятно, приходилось встрѣчать барынь, которыя, сами по себѣ вовсе не злыя женщины, являются въ то же время жестокими тиранами не только надъ кухарками, горничными, швейцарами и дворниками, но и надъ мужьями и дѣтьми, желая, чтобы всѣ въ домѣ и ѣли, и пили, и спали, и ходили, и лежали, и исполняли всѣ свои человѣческія потребности вполнѣ раціонально, по послѣднимъ выводамъ науки. Кончается это обыкновенно тѣмъ, что прислуга загоняется, дѣти залѣчиваются, мужья теряютъ сонъ, аппетитъ, и, возмущаясь семейнымъ адомъ, бѣгутъ изъ дома, куда глядятъ глаза, за то торжествуетъ наука, и посрамляется невѣжество...

Къ числу такихъ ученыхъ барынь принадлежала хозяйка дома, Анна Сергѣевна. Все у нея было устроено по правиламъ гигіены; дворника дачи, гдѣ она жила, она то и дѣло жучила, заставляя его сыпать гдѣ

нужно известь, мазать дегтемъ, при чемъ приходила въ ужасъ, видя, что у него грязныя руки.

— Ты никогда не умываешься!—строго заговорила Анна Сергѣевна, принимая самый внушительный видъ:—кругомъ холера, въ воздухѣ носится зараза, а ты даже не хочешь вымыть руки. Ты и насъ всѣхъ заразишь... Ты ничего не понимаешь, несчастный!.. Третьяго дня ты былъ пьянъ, а вчера съ похмѣлья ѣлъ свѣжіе огурцы! это въ холерное время! Нѣтъ, это ужасно!..

Такъ донимала она, конечно, и всѣхъ окружающихъ во имя науки. Собственно медицинской практикой она не занималась, посвятивъ себя всецѣло тихой семейной жизни, но это не мѣшало ей слѣдить за послѣдними словами науки. Главной причиной, удерживавшей Анну Сергѣевну отъ медицинской практики, являлся ребенокъ, крошечная Нелли. За ней нужно было такъ много ухода, а главное, никому нельзя было довѣриться, все приходилось дѣлать самой. Только кормить сама ребенка Анна Сергѣевна не могла, не позволяло здоровье,—но и при этомъ Анна Сергѣевна не могла сдать всецѣло Нелли на руки кормилицѣ и вполнѣ успокоиться: ей казалось, что для Нелли мало одного женскаго молока, необходимо еще молоко ученое: стерилизованное. На столѣ у нея всегда были разложены стеклянныя колбочки, гуттаперчевыя пробки, чашки съ содой и разведенной борной кислотой, щетки и т. д. Она самымъ тщательнымъ образомъ мыла и чистила колбочки въ содѣ, потомъ опускала ихъ въ борную кислоту, вытирала, сушила, размѣривала молоко мензуркой, и потомъ совсѣмъ готовыя колбочки уносились въ кухню для стерилизаціи, гдѣ молоко кипятилось около часа.—Кормилица Маша и кухарка Аннушка относились къ стерилизаціи довольно скептически; посмѣивались иногда и сосѣди дачники, а одинъ дешевенькій острякъ даже называлъ ея Нелли «химическимъ препаратомъ»; но все это было пустяки, и Анна Сергѣевна твердо шла по стезѣ послѣднихъ словъ науки.

Но къ чести Анны Сергѣевны оказалось, что ученый азартъ ея не успѣлъ еще заглушить ея совѣсти. Пришла баба съ ребеночкомъ кормилицы Маши, и Анна Сергѣевна ужаснулась при видѣ этого несчастнаго малютки, который былъ оторванъ отъ груди матери для благополучія Нелли, отданъ на воспитаніе въ деревню и выкармливался коровьимъ молокомъ впроголодь. «Будешь заморышкомъ, — говорила Маша,—когда на соскѣ выкармливаютъ. Тоже легко сказать. Можетъ, и молочка не дадутъ, а только знаютъ деньги брать». Ребенокъ, дѣйствительно, выглядѣлъ ужасно. Это была дѣвочка такая худенькая, точно восковая. Блѣдное личико смотрѣло большими дѣтскими глазами такъ апатично. Анну Сергѣевну поразило, какая она легонькая по сравненію съ Нелли, а вѣдь несчастной дѣвочкѣ тоже было семь мѣсяцевъ.

Анна Сергѣевна пришла въ такой ужасъ при видѣ этой дѣвочки,

что послѣ того не могла заснуть всю ночь. Восковой ребенокъ не шелъ у нея съ ума. Неужели онъ долженъ умереть только потому, чтобы Нелли была здорова, весела и выросла большой. Вѣдь это ужасно. Да, ужасно. Такъ нельзя жить. Это звѣрство. Ни одно животное такъ не дѣлаетъ, кромѣ кукушки...

«— А сколько кормилицъ въ одномъ Петербургѣ?.. — съ ужасомъ думала Анна Сергѣевна.—И какъ всѣ привыкли къ этому, точно такъ и быть должно. А между тѣмъ, за каждой такой кормилицей стоитъ тѣнь брошеннаго на произволъ судьбы ребенка. Нѣтъ, страшно даже подумать... И самое скверное то, что мы такъ сроднлись съ этимъ зломъ, что оно уже никого не поражаетъ. Въ результатѣ — тысячи брошенныхъ дѣтей, тысячи маленькихъ жертвъ, тысячи восковыхъ тѣней...

— Поль, — говорила Анна Сергѣевна мужу во время безсонной ночи: — когда Нелличка будетъ большая, у нея будутъ свои дѣти... Но она будетъ такой же нервной, какъ и мы съ тобой, и будетъ нанимать тоже кормилицъ. Ты только подумай: Нелличка еще крошка, инфузорія, а гдѣ-то тамъ, въ пространствѣ, уже зрѣетъ неизбѣжное зло... тамъ витаютъ уже дѣтскія тѣни... Эти несчастныя восковыя дѣти еще не родились, а они уже приговорены къ смерти. И какой эгоизмъ! Какъ давеча Нелли гнала эту несчастную дѣвочку отъ матери. А та смотритъ спокойно— спокойно! Еслибы она понимала все и могла сказать намъ всю правду: вы—мои убійцы.

Павелъ Владиміровичъ сдѣлалъ движеніе, но Анна Сергѣевна не дала ему говорить.

— Маша тутъ не причемъ... Маша выкупаетъ свою вину своимъ молчаливымъ горемъ. Она старается дѣлать веселое лицо, когда на душѣ камень... Вѣдь господа не любятъ, чтобы мамки ходили съ заплаканными глазами... наконецъ Маша глупа...

— Послушай, нѣтъ, такъ нельзя!..—взмолился Павелъ Владиміровичъ, подбѣгая къ окну.

— А я что говорю? Именно нельзя... И какое звѣрство!.. Ты посмотри, какими шутихами одѣваютъ кормилицъ: стеклянныя грошовыя бусы, мишурные позументы, кокошники, за ними ухаживаютъ, откармливаютъ, возятъ на прогулку въ коляскахъ и каретахъ. Вѣдь это ужасный маскарадъ!.. Да, ужасный, потому что онъ дѣлается за счетъ вотъ этихъ восковыхъ дѣтей, за счетъ ихъ здоровья и жизни. Вонъ у нашего сосѣда, вдовца, у первой кормилицы умеръ ребенокъ и у второй тоже. Никакая статистика не высчитаетъ всего зла».

Но эти крики проснувшейся совѣсти, конечно, не замедлятъ заглохнуть въ пустынѣ житейской пошлости. Не одна читательница, можетъ быть, столь же усердно устраивающая свою жизнь по послѣднимъ словамъ науки, только пожметъ плечами, прочтя слова Анны Сергѣевны и въ одинъ голосъ съ мужемъ ея, Павломъ Владиміровичемъ, скажетъ: «Вѣдь если Анна Сергѣевна стала бы кормить ребенка сама, Маша все равно поступила бы въ кормилицы къ кому нибудь другому. И къ тому же, наука это предвидѣла: законъ Мальтуса, напримѣръ, борьба за существованіе Дарвина. Все это печально, но все это будетъ существовать, когда и насъ на свѣтѣ не будетъ». Да и сама Анна Сергѣевна: очень можетъ вѣдь быть, что Павелъ Владиміровичъ былъ правъ, и всѣ ея муки проснувшейся совѣсти были ничѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ новаго интереснаго положенія, и завтра же, подъ впечатлѣніемъ яснаго лѣтняго утра и улыбающейся природы, она забудетъ всѣ вчерашніе

ужасы и съ спокойною совѣстью примется за свои колбочки и гутта-перчивыя трубочки.

XII.

Отъ дѣтей Ивановъ и Аннушекъ, приносимыхъ въ жертву нашему комфорту, счастію, идеальнымъ стремленіямъ и устройству жизни по послѣднимъ словамъ науки, Д. Н. Маминъ переходитъ къ дѣтскимъ тѣнямъ интеллигентныхъ людей, къ тѣмъ—опять-таки сотнямъ и тысячамъ тысячъ дѣтей, которыя приносятся въ жертву нашимъ страстямъ и порокамъ, нашему черствому эгоизму, а порою даже и самымъ возвышеннымъ стремленіямъ.

Такъ, въ разсказѣ «Онъ» выводится владѣющій крупнымъ талантомъ литераторъ, пользующійся общею популярностью. Всѣ его знали и всѣ его любили—цѣлая Россія. Каждая мысль, которая зарождалась въ его головѣ, каждое душевное настроеніе расходились широкими лучами, всѣхъ захватывали и отражались выдающейся популярностью. Самыя обыкновенныя и простыя вещи онъ умѣлъ говорить съ какой-то особенною убѣдительностью. Хотѣлось его слушать, слушать и смотрѣть на это типическое мужское лицо. Не даромъ женщины сходили съ ума отъ этихъ глазъ и отъ этой увѣренно-вызывающей улыбки, и много было женщинъ, которыя ласкали эту курчавую голову, цѣловали эти умные глаза и потомъ горько оплакивали свои ошибки... У него-же единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни была дочка Таня, и вотъ она умирала въ дѣтской больницѣ отъ какихъ-то органическихъ и неизлѣчимыхъ нервныхъ припадковъ... Внѣ себя отъ этой ужасной потери, въ сокрушеніи безнадежнаго отчаянія, онъ созналъ у постели умирающей дѣвочки всю свою вину передъ нею и вотъ какъ исповѣдывался передъ сестрою милосердія:

«— Милая, родная, это я виноватъ .. да!—шепталъ онъ, не выпуская ея рукъ:—понимаете, я!.. Развѣ такіе люди могутъ имѣть здоровыхъ дѣтей?.. Вѣдь съ ранней юности я жилъ одними нервами... Это была отчаянная скачка за успѣхомъ, за популярностью, за славой. И я добился... Да. Добился тогда, когда этотъ успѣхъ уже былъ тяжелъ... Онъ меня даже не радовалъ, потому что и радость была тяжела. Я могъ только работать для новаго успѣха... Это опасный путь, когда свое личное счастіе мѣняется на карьеру. Я пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, но и это не доставляло удовлетворенія. Такъ, сладкое безуміе... порывъ... А въ результатѣ горькій осадокъ... и опять тяжесть... Оставался одинъ внѣшній человѣкъ, внѣшнія формы, а живого, здороваго человѣка не было.

Наступила пауза. Петръ Степанычъ поднялся, выпрямился, точно желая что-то стряхнуть съ себя, потомъ залпомъ выпилъ стаканъ воды и быстро зашагалъ по комнатѣ. Сестра наблюдала за нимъ своими добрыми глазами.

— Петръ Степанычъ, извините нескромный вопросъ: гдѣ ваша жена?.. т.-е. я хочу сказать мать Тани.

— Мать Тани? — повторилъ онъ, нахмурившись. — Она сейчасъ за границей... Мы разошлись уже давно, какъ это нынче встрѣчается на каждомъ шагу. Т.-е. мы сдѣлали самое благоразумное, чтобы не отравлять жизнь другъ другу. Я ни въ чемъ не обвиняю жену, потому что причины болѣзни Тани во мнѣ... Ахъ, сестра,

еслибы знали, какъ я безумно тратилъ свои силы! Сколько насъ, такихъ талантовъ, изжившихъ свои нервы, сердце, душу—все. Мы все отдаемъ ея величеству публикѣ за чечевичную похлебку популярности, и для себя, для своего личнаго счастья не оставляемъ ничего. Мы живемъ за счетъ своихъ дѣтей, когда даемъ имъ жизнь. Нѣтъ, это ужасно, ужасно!»

Когда припадокъ Тани утихъ и она уснула послѣднимъ сномъ приговореннаго къ смерти, сестра повела Петра Степановича по палатамъ, и тутъ онъ насмотрѣлся ужасовъ, передъ которыми въ его глазахъ поблѣднѣли всѣ муки Дантова ада:

«Боже мой, — читаемъ мы, —что это было... Это былъ настоящій дѣтскій адъ, передъ которымъ дантовскій адъ могъ показаться дѣтской игрушкой. Тамъ мучились люди за свои преступленія, тамъ была жестокая справедливость, возмездіе, не купленіе, наконецъ, тамъ мучились большіе люди, знавшіе, за что они несутъ кару. А здѣсь царила страшная несправедливость, безсмысленная и тѣмъ болѣе жестокая несправедливость. Вотъ дѣти — рахитики съ искривленными ручками и ножками, горбатыя, изнеможенныя—дѣти-старики. Дѣтскія личики были изборождены старческими морщинами. Дѣтскіе члены не имѣли силы. Всѣ они лежали по своимъ кроваткамъ такъ тихо и смирно, всѣ эти старушки въ два—три года и старики въ пять лѣтъ. Они и страдали старческой безсонницей...

Слѣдующее отдѣленіе занимали дѣти—сифилитики, дѣти съ заразительными сыпями, со страшными язвами, опухолями и наростами. Рука милосердія, протягивавшаяся къ этимъ несчастнымъ, сама рисковала заразиться позорной болѣзнью. Да, здѣсь было не мало страданій, а къ нимъ присоединился еще позоръ. Страшная болѣзнь, какъ чудовище, пожирало, слабое дѣтское тѣльце и накладывала печать на лицо.

Это была лабораторія, въ которой работали съ роковой послѣдовательностью страшныя наслѣдственныя болѣзни. Зачѣмъ молодыя дѣвушки выходятъ замужъ за стариковъ? Зачѣмъ молодые люди губятъ свою молодость и лучшія силы въ позорныхъ порокахъ? Зачѣмъ женятся и выходятъ замужъ, когда не любятъ другъ друга? И это всего ужаснѣе. Природа безпощадно казнитъ за всякое уклоненіе отъ идеала, и жертвами являются вотъ эти маленькіе мученики. Петръ Степанычъ смотрѣлъ и чувствовалъ, какъ онъ виноватъ больше всѣхъ, потому что ему дано было больше этихъ всѣхъ. Да, виноватъ, виноватъ, виноватъ... Вѣдь онъ носилъ въ себѣ нервный ядъ, который теперь убивалъ маленькую Таню. Его жена стыдилась своей беременности. Въ древности на Востокѣ беременныя женщины носили особыя повязки на головѣ, онѣ гордились своимъ положеніемъ, а толпы древнихъ людей почтительно разступались, когда проходили женщины въ такой повязкѣ. Этотъ ветхій человѣкъ былъ справедливъ, по крайней мѣрѣ, къ своему потомству, потому что отличался цѣльностью и въ добрѣ и въ злѣ...

Дальше слѣдовали нервныя болѣзни. Тутъ не было видимыхъ глазамъ, внѣшнихъ пораженій, но тѣмъ сильнѣе получался эффектъ. Суммировалась гамма страданій, причина которыхъ скрывалась въ таинственной глубинѣ. Пляска св. Витта, падучая и т. д. Петръ Степанычъ не могъ больше выносить вида этого наслѣдственнаго мученичества и вышелъ въ корридоръ...»

Все это страшное зрѣлище заставило Петра Степановича въ концѣ концовъ замѣтить завѣдывавшимъ больницею: — «Знаете, если бы не было это жестокимъ, я открывалъ бы вашу клинику спеціально для наученія молодежи. Вотъ, идите и смотрите, вы, у которыхъ вся жизнь впереди, на то наслѣдственное зло, которое мы такъ легкомысленно завѣщаемъ своимъ дѣтямъ. Это было бы лучшей школой...»

Но Д. Н. Мамину мало этой ужасной галлереи дѣтей, загубленныхъ страстями, пороками и преступленіями своихъ родителей, безвинно страждущихъ за чужіе грѣхи, растоптанныхъ житейскою сутолокою, совершенно подобно тому, какъ на улицахъ гибнутъ подъ колесами экипажей оставшіеся безъ призора малютки. Авторъ вызываетъ призраки и такихъ младенцевъ, которые совсѣмъ не явились на свѣтъ, могли бы, въ свою очередь, существовать и наслаждаться жизнью, но погибли раньше своего зачатія, оставшись во вѣки вѣчные въ предѣлахъ одной лишь возможности бытія. Эти призраки не осуществившихся возможностей, по мнѣнію автора, въ свою очередь, взываютъ о мщеніи и жестоко терзаютъ подчасъ души людей, которые могли вызвать ихъ къ существованію, но не сдѣлали этого.

Такъ, въ разсказѣ «Папа» выводится статскій генералъ, который пріѣзжаетъ въ губернскій городъ, гдѣ онъ родился и провелъ юность, получить наслѣдство, оставленное ему дядею. Генералъ былъ еще не старый, ему было всего сорокъ два года, хотя по лицу онъ казался старше и на макушкѣ просвѣчивала уже лысина. Изъ разговора его съ теткою мы узнаемъ, что онъ еще холостъ, но собирается жениться, и у него есть невѣста, фотографію которой онъ показалъ теткѣ; но тетка не одобрила его выборъ: «петербургская зеленепькая барышня,—замѣтила она:—коварно-умненькая, ядовитая и ничего женскаго въ ней, т.-е. настоящаго». Не одобрила тетка и того, что дѣло женитьбы племянника тянется уже пять лѣтъ на томъ основаніи, что нужно хорошенько узнать другъ друга, познакомиться,—вообще не такое дѣло, чтобы торопиться.—«Ничего изъ этого не выйдетъ!»—заключила старушка.

Родной городъ естественно разбудилъ въ генералѣ массу дѣтскихъ и милыхъ воспоминаній; вспомнилъ онъ, между прочимъ, свой молодой романъ, вспомнилъ и старинный раззоренный барскій домъ, въ которомъ жила героиня этого романа, Шуренька Горохова, съ бабушкой. Она выросла сиротой, и это старое дворянское гнѣздо какъ-то особенно шло къ ней, точно рама къ картинѣ. Романъ, впрочемъ, былъ не изъ особенно замысловатыхъ: онъ цѣловалъ эту самую Шуреньку, клялся ей въ вѣчной любви, хотѣлъ отравиться и кончилъ тѣмъ, что самымъ скромнымъ образомъ сбѣжалъ. Не могъ же онъ утопить себя въ провинціальной глуши только изъ-за того, чтобы имѣть счастье сдѣлаться мужемъ провинціальной барышни, затѣмъ, не могъ же онъ тащить такую жену въ столицу, и т. д., и т. д.

Теперь Шуренька оказалась уже давно замужемъ за уѣзднымъ врачемъ Евгеніевымъ. Между прочими визитами Иванъ Петровичъ сдѣлалъ визитъ и ей съ мужемъ, былъ принятъ ими весьма радушно, его оставили даже обѣдать. Шуреньку онъ нашелъ мало измѣнившеюся; она сохранилась замѣчательно хорошо и смотрѣла ему прямо въ глаза такимъ счастливымъ взглядомъ. Иванъ Петровичъ опять видѣлъ эти

чудные волосы, на скорую руку собранные на затылкѣ простымъ узломъ. Тѣ же глаза, та же улыбка, только все это какъ-то выходило колоритнѣе и полнѣе. Ему представили и троихъ дѣтей Шуреньки—Сережу, Аню и Катю, причемъ Александра Григорьевна какъ-то особенно любовно посмотрѣла на старшаго сына. Послѣдній, въ свою очередь, поразилъ Ивана Петровича: онъ походилъ на мать, какъ двѣ капли воды.

«Гость,—читаемъ мы далѣе:—невольно засмотрѣлся на него. Это дѣтское лицо носило въ себѣ дорогія черты любимой дѣвушки. Увлекшись этими наблюденіями, Иванъ Петровичъ инстинктивно перевелъ глаза на мать, чтобы еще разъ сравнить,—она тоже наблюдала его, такая счастливая и довольная. У Ивана Петровича что-то вдругъ защемило на душѣ, хотя онъ и не могъ бы дать отчета въ своемъ настроеніи. Такъ, какая-то безпричинная, глухая тоска, которая охватываетъ человѣка иногда въ темные и дождливые осенніе вечера. Да вѣдь и его глазами смотрѣла сейчасъ тоже осень...

— Какой милый мальчикъ!—замѣтилъ Иванъ Петровичъ, дѣлая усиліе надъ собой:—И какъ онъ походитъ на васъ, Александра Григорьевна...

— Мой сынъ...—отвѣтила она съ особымъ выраженіемъ голоса, точно защищала что-то отъ послѣдней фразы...»

Вернувшись домой отъ Евгеніевыхъ, Иванъ Петровичъ улегся спать въ девять часовъ, но тщетно старался уснуть онъ въ эту ночь—сонъ не шелъ къ нему. У него передъ глазами въ туманѣ стояло лицо Сережи.

— А вѣдь и у меня былъ бы такой же сынъ,—невольно подумалъ Иванъ Петровичъ:—Да... И съ такими же глазами. Онъ меня называлъ бы папой!

Эта мысль прогнала овладѣвавшую имъ дремоту. Иванъ Петровичъ зажегъ свѣчу, сѣлъ на кровати и долго смотрѣлъ въ темный уголъ комнаты, гдѣ стояли чемоданы.

— И такія же были бы двѣ дѣвочки... Да... Именно, двѣ... Онѣ ждали бы, когда папа вернется изъ поѣздки, выбѣжали бы на встрѣчу, наполнили бы щебетаньемъ весь домъ.

Гдѣ же его дѣти, его семья? Все это принесено въ жертву карьерѣ, желанію устроиться съ наибольшимъ комфортомъ, просто—собственному эгоизму... Иванъ Петровичъ чувствовалъ, какъ съ тупою болью билось его сердце и въ вискахъ стучала кровь. Да, эгоизмъ... И къ чему все это: карьера, комфортъ, эгоизмъ, наконецъ, вотъ эти дурацкіе чемоданы? Иванъ Петровичъ почувствовалъ, что весь какъ-то холодѣетъ. Вдругъ онъ... Нѣтъ, это было бы что-то невѣроятное, невозможное, дикое! Онъ услышалъ, какъ кто-то тихо и жалобно проговорилъ: папа. Да, онъ это слышалъ, что это говорилъ дѣтскій голосъ, и другой дѣтскій голосъ отвѣтилъ ему этими же словами. Иванъ Петровичъ точно застылъ и не смѣлъ пошевельнуться, точно боялся спугнуть незримыя дѣтскія тѣни... Боже мой, онѣ были тутъ, онъ чувствовалъ ихъ присутствіе и холодѣлъ все больше. Да, да, да, это были тѣни его дѣтей, т. е. тѣхъ дѣтей, которыя у него могли бы быть. Какое право онъ имѣлъ затаить въ себѣ эту не проявившуюся жизнь? Нѣтъ, это былъ ужасный моментъ, и Иванъ Петровичъ не могъ дать себѣ отчета относительно его продолжительности.

— Эгоистъ... эгоистъ... эгоистъ...»

XIII.

Я полагаю, что пересказовъ сюжетовъ наиболѣе выдающихся произведеній Д. Н. Мамина, равно какъ и приведенныхъ нами выдержекъ вполнѣ достаточно, чтобы опредѣлить, что такое именно Д. Н. Маминъ.

Мы видимъ передъ собою вовсе не какого-либо беллетриста-фотографа, который только и заботился-бы о томъ, чтобы передать намъ свои этнографическія свѣдѣнія и чтобы цѣнностью этихъ свѣдѣній опредѣлялось все значеніе его, какъ это можно, напримѣръ, сказать о Мельниковѣ-Печерскомъ. Передъ нами художникъ-философъ, который глубоко проникаетъ въ основы окружающей его житейской сутолоки, и подъ ледянымъ спокойствіемъ его жизни таится тяжкая скорбь. Онъ по самой натурѣ своей мрачный пессимистъ, отыскивающій трагическое даже въ самыхъ, повидимому, мелкихъ пошленькихъ дрязгахъ, на каждой страницѣ напоминающій вамъ, что страшно жить на свѣтѣ; но тѣмъ не менѣе пессимизмъ Д. Н. Мамина отнюдь не носитъ фаталистическаго характера предопредѣленія. Онъ не думаетъ, подобно Байрону, чтобы человѣку какой-то враждебной властью суждено было носить на своемъ челѣ печать проклятія, не думаетъ, подобно Шопенгауеру, что жизнь по самому существу—страданіе, отъ котораго избавиться можно лишь смертью, окунувшись въ область забвенія, не думаетъ онъ и вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, что все на землѣ ничтожно, а жизнь—пустая и глупая шутка. Мы видимъ уже изъ приведенной нами выдержки, поставленной нами эпиграфомъ въ началѣ статьи, въ чемъ находитъ Д. Н. Маминъ причину зла и страданія на землѣ: *во взаимномъ поѣданіи тварей другъ другомъ*. И дѣйствительно, всѣми своими произведеніями доказываетъ онъ, какъ этимъ взаимнымъ поѣданіемъ обусловливается и частная гибель отдѣльныхъ лицъ, и массовое разложеніе: все попирается, вянетъ, тускнѣетъ, извращается и рушится подъ гнетомъ эгоизма поѣданія; не только среди поѣдаемыхъ, но и самихъ поѣдающихъ воцаряется ужасъ, плачъ и зубовный скрежетъ. Такимъ образомъ, взаимопоѣданіе является вовсе не закономъ жизни, а скорѣе закономъ смерти, и сама природа безпощадно мститъ за каждую загубленную жизнь, карая если не прямо самого губителя, то его дѣтей и внуковъ.

Такимъ образомъ, зло и гибель вовсе не составляютъ чего-то предопредѣленнаго; природа видимо стремится избавиться отъ мрачнаго закона взаимопоѣданія, хотя-бы въ лицѣ человѣка, поселивъ въ его сердцѣ сѣмена солидарности, братства и любви, и каждый разъ, когда Д. Н. Маминъ въ своихъ произведеніяхъ касается этихъ свѣтлыхъ началъ жизни, составляющихъ, по его мнѣнію, единственный залогъ спасенія и счастія человѣчества, въ видѣ-ли Нюрочки (въ «Трехъ концахъ»), Устеньки (въ «Хлѣбѣ»), Кати (въ «Весенникъ грозахъ»), и угрюмое чело его разглаживается, и вамъ кажется, какъ будто сквозь непроглядныя тучи блеснулъ яркій лучъ солнца и озарилъ страницы его повѣствованія.

Здѣсь можно было бы поставить точку и закончить мою статью, но я сознаю, что былъ бы великій грѣхъ, еслибы я ни однимъ словомъ не обмолвился о сказкахъ Д. Н. Мамина. Знаете-ли, что еслибы

Д. Н. Маминъ ничего не писалъ-бы во всю свою жизнь, кромѣ однихъ «Аленушкиныхъ сказокъ», то и въ такомъ случаѣ онъ могъ бы составить для себя такую же почетную репутацію и всеобщую извѣстность, какъ Андерсонъ, какъ у насъ «Котъ-Мурлыка».

Сказки Д. Н. Мамина, помѣщаемыя по большой части въ «Дѣтскомъ чтеніи» г. Дм. И. Тихомирова и въ прошломъ году изданныя послѣднимъ отдѣльнымъ изданіемъ, изящно иллюстрированномъ, представляютъ собою нѣчто въ высшей степени оригинальное и своеобразное. Нечего и говорить о ихъ чарующей художественности, о замѣчательной наблюдательности автора въ мірѣ животныхъ и растеній; обратимъ наибольшее вниманіе на ихъ содержаніе. Собственно говоря, названіе сказокъ не совсѣмъ подходитъ къ этимъ небольшимъ разсказикамъ для дѣтей: сказочнаго, фантастическаго въ нихъ почти ничего вы не найдете; развѣ только то, что, звѣри, птицы, деревья и травы разговариваютъ иногда на человѣческомъ языкѣ. Собственно говоря, это разсказы изъ дѣйствительной жизни тварей, растеній, иногда и людей. Не найдете вы въ то же время въ нихъ ни малѣйшихъ поучительныхъ претензій, ни старанія поддѣлаться подъ снисходительно наставническій или, еще того хуже, дѣтскій тонъ. Д. Н. Маминъ остается въ нихъ все тѣмъ же сдержанно-спокойнымъ и въ глубинѣ души тоскующимъ Маминымъ. Подобно большинству его произведеній для взрослыхъ, и здѣсь преобладаетъ трагическое, на первый планъ выступаетъ все та же борьба за существованіе и взаимное поѣданіе другъ друга.

Такъ, разсказъ «Старый воробей» кончается тѣмъ, что сначала воробьиха, не въ силахъ будучи пережить своихъ дѣтокъ, перестала ѣсть, начала худѣть, нахохлившись, неподвижно сидѣла гдѣ-нибудь на вѣткѣ цѣлые дни и, наконецъ, умерла съ горя; но ненадолго пережилъ ее и старый воробей: бѣдняга замерзъ съ первымъ же снѣгомъ.

Въ разсказѣ «Пріемышъ» описывается лебедь, у котораго убили отца и мать, когда онъ еще не умѣлъ летать. Старый рыбакъ пріютилъ его у себя, полагая, что онъ у него перезимуетъ, но у лебедя подросли крылья; онъ выучился летать; въ немъ проснулся переселенческій инстинктъ, и онъ улетѣлъ отъ старика, но улетѣлъ одинъ, когда всѣ лебеди давно уже убрались въ теплые края, и, конечно, его ожидала гибель: гдѣ же выдержать ему въ одиночествѣ, безъ товарищей и безъ привычки, перелетъ въ нѣсколько тысячъ верстъ?

Далѣе въ разсказѣ «Постойко» авторъ мучаетъ своихъ маленькихъ читателей изображеніемъ ужаса захваченныхъ на улицѣ собакъ и ожиданій каждой изъ нихъ трагической смерти повѣшенія.

Въ разсказѣ «Сѣрушка» изображается молодой утенокъ,—калѣка, у котораго было переломлено еще весной крыло, и онъ долженъ былъ остаться зимовать, когда всѣ утки улетѣли; горе матери при разставаніи съ сыномъ и затѣмъ гибель утенка, съѣденнаго лисой.

Въ разсказѣ «Упрямый козелъ» разсказывается, какъ у столяра домъ былъ, какъ полная чаша, но, со смертью жены, все хозяйство его пришло въ упадокъ и самъ онъ спился, и т. д., и т. д.

Я вовсе не думаю ставить Д. Н. Мамину въ вину этотъ трагическій колоритъ большинства его сказокъ. Я какъ нельзя болѣе далекъ отъ той мысли, чтобы отъ дѣтей слѣдовало бы тщательно скрывать всѣ мрачныя стороны жизни и рисовать передъ ними дѣйствительность исключительно однѣми розовыми красками въ сіяющемъ видѣ. Я констатирую только художественную непроизвольность и непосредственность этихъ сказокъ, подчеркиваю тотъ замѣчательный фактъ, что авторъ остается въ нихъ въ такой же мѣрѣ самъ собою, какъ и въ разсказахъ для взрослыхъ, безъ малѣйшихъ педагогическихъ ухищреній и какихъ-либо поддѣлываній къ дѣтскому возрасту, и этотъ фактъ я считаю самымъ главнымъ достоинствомъ сказокъ Д. Н. Мамина. Такъ именно и должны писаться сказки для дѣтей.

А. Скабичевскій.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

ИЗЪ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ.

I.

Берлинскія злобы дня.

Промышленная выставка.—Два убійства.—Правовое чувство.—Офицерская честь.—Милитаризмъ. — Реакція противъ него. — Рѣчь профессора Квидде.

Въ этомъ году было такъ много промышлениыхъ выставокъ и о нихъ столько писалось и говорилось, что я охотно прошелъ бы молчаніемъ «берлинскій праздникъ труда», еслибы «исторія» его не соприкасалась съ сложной борьбой, кипящей внутри Германіи.

Берлинскіе бюргеры, особенно тѣ изъ нихъ, которые не сами трудятся, а направляютъ по вѣрному пути другихъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ называютъ свой городъ «столицею міра»; но суровые взгляды, которые они при этомъ бросаютъ по сторонамъ, сжимая въ приподнятой рукѣ увѣсистыя пивныя кружки, какъ бы готовясь пустить ихъ въ голову того, кто осмѣлится возражать, показываютъ, что они не совсѣмъ увѣрены въ этомъ отношеніи.

Конечно, Берлинъ за послѣднія 25 лѣтъ страшно разросся, населеніе его увеличилось въ 2 раза, появились грандіозные магазины въ родѣ парижскаго Лувра, на каждомъ шагу попадаются роскошные café и сомнительныя «Ball-Säle», развратъ пріобрѣтаетъ парижскія формы—все какъ слѣдуетъ, но... Берлинъ до сихъ поръ не видѣлъ въ стѣнахъ своихъ всемірной выставки. Побѣжденный, поруганный Парижъ уже 3 раза послѣ Седана собиралъ у себя весь свѣтъ на праздникъ промышленности и труда, а Берлинъ, побѣдившій весь міръ, не съумѣлъ до сихъ поръ еще устроить у себя даже и національной выставки. Послѣ колоссальнаго успѣха парижской выставки 1889 года, этого мирнаго французскаго реванша, Берлину нельзя было болѣе ждать. И, дѣйствительно, берлинскіе заправилы начали оживленную агитацію въ пользу устройства въ Берлинѣ международной промышленной выставки въ честь 25-лѣтняго юбилея «великихъ событій» 1871 года. Агитація имѣла успѣхъ, и 6-го апрѣля 1892 года собраніе берлинскихъ купцовъ и промышленниковъ единогласно постановило «немедленно дать ходъ вопросу о всемірной выставкѣ въ 1896 году». Но тутъ вдругъ всѣмъ мечта-

ніямъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ и какъ разъ съ той стороны, откуда, казалось бы, меньше всего можно было его ожидать. 13-го августа 1892 года оффиціальный «Вѣстникъ» опубликовалъ рѣшеніе императора — «не приступать со стороны государства даже къ обсужденію плана всемірной выставки въ Берлинѣ». Мотивы этого рѣшенія остались невыясненными, но несомнѣнно, что извѣстную роль здѣсь играло личное раздраженіе императора противъ Берлина, трудящееся населеніе котораго почти сплошь состоитъ изъ соціалъ-демократовъ, а правящее, главнымъ образомъ, изъ свободомыслящихъ, отказавшихъ императору въ правѣ распоряжаться дворцовой площадью, не принявшихъ участія въ постройкѣ памятника-церкви Вильгельму I и т. п. Приходилось отказаться отъ устройства всемірной выставки, но за то берлинцы еще съ большею энергіею ухватились за мысль о выставкѣ національной, но и этимъ мечтаніямъ былъ положенъ конецъ на этотъ разъ не императоромъ, а южно-германскимъ партикуляризмомъ и далеко еще не уснувшею ненавистью южанъ къ пруссакамъ. «Хорошо,—сказали тогда тайные и обыкновенные коммерческіе совѣтники Берлина,—нельзя устроить ни международной, ни національной выставки, такъ устроимъ же мѣстную, берлинскую, но такую, чтобъ она привела въ изумленіе и восторгъ всю Германію и весь свѣтъ. Оно выйдетъ даже лучше: вся слава и всѣ барыши попадутъ исключительно въ наши руки».

«Мощный потокъ иностранцевъ,—обѣщали они въ своемъ воззваніи жителямъ Берлина,—пройдетъ въ годъ выставки (1896) черезъ нашъ городъ, всѣ націи поспѣшатъ изучить твореніе столицы Германской имперіи. Но цѣлые годы до тѣхъ поръ долженъ Берлинъ вооружаться, чтобъ достойнымъ образомъ принять своихъ гостей. Въ каждой мастерской должны задвигаться прилежныя руки, готовыя поддержать честь промышленнаго прилежанія нашего города. Художники, ремесленники и рабочіе сдѣлаютъ, конечно, все, чтобы помочь двинуть впередъ дѣло, достойное нашей столицы».

Работа закипѣла: по подпискѣ былъ собранъ значительный выставочный фондъ, получены пожертвованія отъ города, отъ государства и, въ маѣ этого года, въ Трептовскомъ паркѣ начался «праздникъ труда», который, по словамъ нѣкоторыхъ либеральныхъ газетъ, долженъ былъ затмить славу всѣхъ международныхъ выставокъ. Дѣйствительно, «увеселительною частью» берлинская выставка превосходила даже парижскую, но за то среди этой массы ресторановъ, пивныхъ, опереточныхъ театровъ, «гаремовъ» и панорамъ совершенно терялась серьезная и поучительная часть ея, которая, дѣйствительно, могла сдѣлать честь искусству и прилежанію нѣмецкихъ рабочихъ.

Куда ни двинешься, всюду что-нибудь «увеселительное» и всюду требуется новый билетъ, новыя деньги. Вотъ «Каиро», видны восточныя постройки, пирамиды, лѣсъ пальмъ, слышно заунывное пѣніе бедуиновъ; иллюзія полная, но она тотчасъ исчезаетъ, какъ только подойдешь поближе, и толстый, рыжій нѣмецъ въ фескѣ объявляетъ,

что нужно взять новый билетъ; платишь полтинникъ, дѣлаешь нѣсколько шаговъ, и тотчасъ какой-то восточный человѣкъ почти силой завлекаетъ смотрѣть «пляску живота», требуя, разумѣется, новый полтинникъ. Это безобразное зрѣлище, должно быть, особенно нравится нѣмцамъ, такъ какъ показывается въ разныхъ мѣстахъ и помимо Каиро. Не безъ омерзенія въ душѣ оставляешь Каиро и тотчасъ попадаешь на «путь къ сѣверному полюсу», проложенный сквозь цѣлый рядъ пивныхъ, торгующихъ знаменитымъ берлинскимъ бѣлымъ пивомъ. Спѣшишь выбраться оттуда и, заплативъ новый полтинникъ, оказываешься на улицѣ «стариннаго Берлина», то-есть, лѣтъ за 200—300 назадъ. Но и здѣсь иллюзія быстро исчезаетъ, такъ какъ не можетъ быть, чтобъ въ то время въ Берлинѣ была такая масса кабаковъ, гдѣ бы разжирѣвшіе буржуа заставляли такъ безобразно визжать нарумяненныхъ кельнершъ. Еще нѣсколько саженъ впередъ... и стоишь среди «увеселительнаго парка», гдѣ ужъ рѣшительно ничего, кромѣ ресторановъ и низкопробныхъ театровъ. Впрочемъ, одинъ изъ ресторановъ дѣйствительно любопытенъ. Въ немъ нѣтъ прислуги и вы получаете, какъ кушанья, такъ и всѣ напитки «автоматически», опуская ту или другую монету въ соотвѣтствующее мѣсто. Вообще, «автоматъ» игралъ на выставкѣ громадную роль и нашелъ себѣ много очень остроумныхъ приложеній. «Увеселительный паркъ» соединяется съ «колоніальной выставкой», гдѣ нѣсколько жалкихъ дикарей забавляютъ своимъ видомъ берлинцевъ и гдѣ опять-таки чуть-ли не главное мѣсто занимаютъ нѣмецкія пивныя.

Первый день своего посѣщенія выставки я совершенно запутался въ этомъ увеселительномъ лабиринтѣ и только ужъ на другой день, при второмъ посѣщеніи, добрался до берлинской промышленности. Здѣсь я поражался той массой и разнообразіемъ предметовъ, которые производитъ Берлинъ. Точно здѣсь экспонируетъ не одинъ городъ, а цѣлое обширное, промышленное государство. Но все же и тутъ главное мѣсто занимаетъ красивая мишура и предметы роскоши. Всѣ эти ряды богатоубранныхъ комнатъ, всѣ эти тысячныя фарфоровыя вазы и серебряные сервизы, унизанные мелкими электрическими лампочками, всѣ эти бальныя платья и батистовое бѣлье—все это какъ будто нарочно выставлено, чтобъ показать трудящемуся люду, чего онъ не можетъ имѣть.

Въ общемъ выставка произвела на меня удручающее впечатлѣніе; видно, что устроителями руководила прежде всего жажда наживы, стремленіе заманить на выставку толпу дешевыми удовольствіями, разсчитанными на самые низкіе инстинкты. Къ элементамъ развращающимъ нужно присоединить и цѣлый рядъ выставочныхъ лоттерей, устроенныхъ коммерческими совѣтниками опять-таки съ цѣлью наживы. Казалось, все было ими разсчитано ловко, деньги должны были сыпаться дождемъ въ ихъ и безъ того туго набитые карманы, но (такова уже

печальная выставочная судьба господъ коммерческихъ совѣтниковъ) выставка въ концѣ-концовъ не только не дала имъ прибыли, но принесла значительный убытокъ.

Понятно, что они воспылали благороднымъ гнѣвомъ на неблагодарное рабочее населеніе Берлина, которое, если и шло на выставку, то только поучиться въ машинномъ и нѣкоторыхъ другихъ серьезныхъ отдѣлахъ, принося съ собою въ карманахъ свою не замысловатую пищу. Рабочіе не заходили ни въ гаремы, ни въ рестораны, ни въ опереточные театры, и въ этомъ, по мнѣнію либеральныхъ коммерческихъ совѣтниковъ, виноваты соціалъ-демократическіе вожди, которые «тиранизируютъ рабочихъ хуже восточныхъ деспотовъ». «Тираны» не оставляютъ, конечно, этихъ обвиненій безъ отвѣта и стараются преградить «либеральнымъ совѣтникамъ» дорогу къ городской общественной кассѣ, изъ которой тѣ считаютъ себя вправѣ покрыть убытки, причиненные имъ неблагодарными рабочими.

«Большая часть выставки,—говорятъ эти «тираны»,—представляетъ просто балаганную площадь для всевозможныхъ вырожденій капиталистическаго міра, капище безсмысленныхъ игръ, праздпаго любопытства, жаднаго стремленія къ наживѣ, безудержной эксплуатаціи, безсовѣстнаго обмана, дикой проституціи, тошнотворнаго лакейства, капище, которое постепенно стало вызывать легкій трепетъ даже въ самомъ буржуазномъ обществѣ. Уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ можно слышать въ буржуазныхъ кругахъ: «Вся эта штука—чистый обманъ, мы больше туда ни ногой». Этотъ моральный крахъ выставки и вызвалъ прежде всего ея финансовый крахъ. Но въ этомъ рабочіе не виноваты. Да это хорошо знаетъ и буржуазія, по крайней мѣрѣ, та буржуазія, которой это больше всего касается, и если она все же теперь пытается сдѣлать рабочихъ козломъ отпущенія, чтобы покрыть убытки по выставкѣ изъ городского мѣшка, то она дѣлаетъ при этомъ сознательную подтасовку. И кто можетъ напередъ сказать, удастся-ли ей эта миленькая штучка? Но если въ самомъ дѣлѣ еще разъ удастся изъ народной кожи вырѣзать ремни для обанкротившейся буржуазіи, то эти деньги, отнятыя у бѣдныхъ для передачи богатымъ, будутъ для рабочихъ, по крайней мѣрѣ, деньгами за новый урокъ въ революціонномъ мышленіи».

И такъ, праздникъ труда, который долженъ былъ послужить почвой для сближенія между предпринимателями и рабочими, послужилъ лишь для обостренія ихъ взаимной вражды. Вообще, выставка закрылась подъ шумъ и гамъ взаимныхъ неудовольствій и пререканій. Всѣ экспоненты, которые не получили высшихъ наградъ, закричали, что въ этой несправедливости виноваты евреи, что главныя награды выпали на долю людей, выставившихъ не берлинскія, а парижскія произведенія. Лица, выигравшія различные предметы въ выставочныхъ лотереяхъ, жалуются, что при продажѣ ихъ они не могутъ получить и $^1/_5$ указанной цѣнности; кельнеры протестуютъ противъ неправильнаго ихъ разсчета за прислуживаніе, при цѣломъ рядѣ выставочныхъ оффиціальныхъ обѣдовъ, и т. д. За то журналисты, прислуживающіе либеральнымъ коммерческимъ совѣтникамъ, сопроводили закрытіе выставки горячими панегириками и описаніями плача берлинскаго населенія, по по-

воду прекращенія грандіознаго праздника труда въ Трентовскомъ паркѣ. Вѣроятно, господа журналисты еще долго заполняли бы страницы «распространенныхъ» газетъ восторгами передъ чудесами выставки и ихъ творцами, еслибы судьба не послала имъ свѣжую сенсаціонную тему—убійство юстицъ-совѣтника Леви,—убійство, которое взволновало весь Берлинъ.

Рано утромъ 18-го октября въ центрѣ городѣ (Mohrenstrasse) злоумышленники пробрались въ квартиру извѣстнаго берлинскаго адвоката, предсѣдателя «Общества присяжныхъ повѣренныхъ», убили его и ранили жену его. Крики послѣдней разбудили прислугу и обратили убійцъ въ бѣгство, не давъ имъ возможности ничего унести съ собой. Немедленно начатое слѣдствіе выяснило на первыхъ порахъ только, что злоумышленниковъ было четверо, изъ нихъ одинъ убилъ ударами ножа спавшаго Леви, другой нанесъ слабый ударъ ножомъ женѣ его, а двое другихъ стояли во дворѣ на сторожѣ.

Изъ всѣхъ чувствъ, которыя охватили берлинскихъ бюргеровъ, преобладало несомнѣнно желаніе, чтобы злодѣи скорѣе были пойманы и поплатились бы на эшафотѣ за совершенное преступленіе. На другой же день повсюду были наклеены объявленія, обѣщанія со стороны родственниковъ убитаго 500 марокъ, со стороны «общества адвокатовъ» 5.000 марокъ за поимку преступниковъ. Черезъ два дня въ особыхъ приложеніяхъ берлинскія газеты успокоивали «правовое чувство гражданъ» радостнымъ извѣстіемъ о поимкѣ одного изъ злодѣевъ, 17-ти-лѣтняго слесарскаго ученика Вильгельма Гроссе. Это былъ злоумышленникъ, который нанесъ ударъ г-жѣ Леви, причемъ онъ проткнулъ свою собственную руку. Онъ былъ принужденъ тотчасъ послѣ убійства отправиться къ доктору, который наложилъ ему повязку. Докторъ прислалъ роднымъ счетъ, и это навело тѣхъ на подозрѣніе, не участвовалъ-ли Вильгельмъ въ преступленіи? Старшему брату Гроссе, занимающему должность почтальона, удалось вытянуть у преступника признаніе, и, ни минуты не колебаясь, повинуясь, по словамъ газетъ, своему «правовому чувству», «бравый почтальонъ» повелъ своего брата въ полицію. Разумѣется, правовое чувство не помѣшало этому честному гражданину, котораго осыпалъ похвалами «Berliner Lokalanzeiger», требовать, тоже не колеблясь, выдачи обѣщанныхъ пяти съ половиною тысячъ, и онъ былъ очень возмущенъ, когда узналъ, что деньги будутъ выданы лишь послѣ поимки и осужденія всѣхъ четырехъ преступниковъ. Вильгельмъ Гроссе—мало развитой юноша, *съ дѣтства страдающій эпилепсіей*, при началѣ допроса, могъ только рыдать, но затѣмъ, успокоенный слѣдователемъ, подробно отвѣчалъ на всѣ задаваемые вопросы.

Какъ главнаго зачинщика и убійцу, онъ назвалъ 16-ти-лѣтняго Бруно Вернера, бывшаго нѣсколько времени тому назадъ писаремъ у Леви. Личность Вернера тотчасъ была во всѣхъ подробностяхъ устано-

влена, а въ газетахъ появился его портретъ и мельчайшія подробности его жизни. Вернеръ хорошо учился въ школѣ и съ 14-ти лѣтъ началъ уже зарабатывать деньги, которыя всѣ отдавалъ своей матери (отца онъ потерялъ въ раннемъ дѣтствѣ), которая жила въ большой нуждѣ. Есть, однако, основаніе думать, что онъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ уже не разъ совершалъ кражи, но выходилъ сухъ изъ воды. *Послѣдніе мѣсяцы передъ преступленіемъ онъ исполнялъ какія-то работы на берлинской промышленной выставкѣ.*

Бруно оказался гораздо осторожнѣе Гроссе и въ теченіе 10 дней ни полиціи, ни частнымъ лицамъ не удавалось захватить его, не смотря на то, что съ этой цѣлью были приняты самыя экстраординарныя мѣры. Читая въ газетахъ телеграммы объ «охотѣ на Вернера», причемъ въ ходъ были пущены даже собаки, о военныхъ патруляхъ, оберегающихъ окрестности Берлина, о сотняхъ полицейскихъ, то «оцѣпляющихъ лѣса, то разсыпающихся въ глубь страны», о ежечасныхъ доносахъ и арестахъ псевдо-преступниковъ [1]), можно было думать, что Берлинъ находится наканунѣ франко-русской осады.

Наконецъ, листки съ телеграммою, раздаваемые даромъ на всѣхъ уличныхъ углахъ, оповѣстили берлинцевъ о «давно ожидаемомъ глубоко-радостномъ событіи», о поимкѣ главнаго убійцы—Вернера. Въ буржуазныхъ кварталахъ царило въ этотъ торжественный день особое оживленіе, какъ будто повторилась седанская побѣда. Сенсаціонныя статьи уличныхъ газетъ (въ родѣ «Berliner Lokalanzeiger»), ради своихъ выгодъ, поддерживаютъ болѣзненный интересъ къ подобнымъ убійствамъ. Репортеры этихъ газетъ не щадятъ даже несчастныхъ женщинъ, матерей малолѣтнихъ убійцъ, буквально врываясь въ ихъ квартиры и затѣмъ со смакомъ передавая читателямъ ихъ убитый видъ и ихъ страданія. Въ то же время газеты толкуютъ и о наказаніи, которому будутъ подвергнуты малолѣтніе злодѣи. «Berliner Lokalanzeiger» принужденъ, «*къ своему величайшему сожалѣнію*», разочаровать своихъ читателей, ожидавшихъ, что преступники будутъ казнены. По нѣмецкому уголовному уложенію, Гроссе и Вернеръ, какъ не достигшіе 18-ти лѣтъ, въ худшемъ случаѣ (а для лицъ съ правовымъ чувствомъ въ лучшемъ) могутъ быть приговорены лишь къ 15-ти годамъ тюремнаго заключенія. Газета принимаетъ такъ близко къ сердцу разочарованіе своихъ почтенныхъ читателей, что требуетъ отмѣны привиллегіи малолѣтнихъ. То-ли бы дѣло, еслибъ господинъ «острый судья», какъ называютъ въ Германіи палача, потянулъ мальчика-эпилептика на эшафотъ и тамъ ловкимъ ударомъ топора отрубилъ ему голову! Берлинскій музей «Паноптикумъ» могъ бы увѣковѣчить эту сцену въ группѣ восковыхъ фигуръ, и она послужила бы превосходнымъ воспитательнымъ средствомъ для юношества. Вѣдь требуетъ же самая распространенная въ Берлинѣ газета, чтобъ

[1]) По свѣдѣніямъ газетъ, было арестовано не менѣе 40 псевдо-Вернеровъ.

въ школахъ почаще говорили дѣтямъ объ уголовныхъ наказаніяхъ, въ особенности о палачѣ и эшафотѣ, чтобъ оберечь общество отъ малолѣтнихъ преступниковъ!

Но какъ ни велико общее негодованіе противъ малолѣтнихъ преступниковъ, находятся все же люди, которые смотрятъ глубже и ищутъ болѣе отвѣтственныхъ убійцъ, чѣмъ эти два малолѣтнихъ выродка. Первую попытку въ этомъ отношеніи сдѣлалъ берлинскій раввинъ, докторъ Майбаумъ, въ рѣчи на похоронахъ убитаго Леви, который былъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Виноватыми, по его мнѣнію, оказались тѣ же, которые причинили крахъ берлинской промышленной выставкѣ, т.-е. соціалъ-демократическіе тираны, возбуждающіе классовую борьбу, недовольство массъ и жажду бѣдныхъ къ наслажденіямъ. Эта рѣчь еврейскаго раввина была подхвачена, разумѣется, реакціонною печатью, которая вообще рѣдко соглашается съ евреями: «Да, да,—заулюлюкала газета «короля Штума», «Post»: — это все они».

Не надо быть сторонникомъ соціалъ-демократовъ, чтобы допустить, что на этотъ разъ почтенный раввинъ нѣсколько ошибся, и что если искать отдаленныхъ виновниковъ этого страшнаго злодѣянія, то ихъ скорѣе можно найти среди берлинскихъ банкировъ и купцовъ, которые устроили въ Трентовскомъ паркѣ разжигающій низменные инстинкты базаръ разврата и роскоши. Я удивляюсь, что никто, даже сами обвиняемые соціалъ-демократы не обратили до сихъ поръ вниманія на то, что главный виновникъ преступленія—Бруно Вернеръ—служилъ это лѣто на берлинской промышленной выставкѣ. Несомнѣнно, вся эта масса наслажденій, начиная отъ сладкихъ пирожковъ, заманчиво выглядывающихъ изъ стеклянныхъ автоматовъ, и кончая красивыми кельнершами, которыми такъ легко пользовались богатые буржуа, должна была наталкивать на преступныя мысли тѣхъ нестойкихъ отъ природы юношей, которые *принуждены* были на все это смотрѣть, не имѣя возможности пользоваться. Вернеръ видѣлъ, что стоитъ ему только имѣть 200—300 марокъ въ карманѣ, и онъ не только проникнетъ во всѣ эти «Каиро», «Старые Берлины» и «альпійскія панорамы», но и получитъ тамъ всѣ тѣ жгучія наслажденія, о которыхъ рѣдко не мечтаетъ городской мальчикъ его лѣтъ. И тутъ же ему, вѣроятно, вспоминались груды золота, которыя небрежно бросалъ въ свою конторку его бывшій патронъ, богатый адвокатъ Леви... А его собственная дѣйствительность была такъ печальна: безсмысленная работа съ утра до вечера въ какой-нибудь конторѣ, постоянныя жалобы матери, насмѣшки товарищей надъ его вѣчнымъ безденежьемъ и т. д. Справедливо сказалъ одинъ изъ рѣдкихъ нѣмецкихъ «тайныхъ совѣтниковъ» въ одномъ изъ народныхъ собраній, что лучшимъ средствомъ для предупрежденія преступленій, подобныхъ совершившемуся въ Берлинѣ 18-го октября, была бы забота о лучшемъ воспитаніи дѣтей бѣдныхъ родителей, объ устройствѣ для нихъ учебныхъ заведеній, въ которыя они переходили бы изъ начальныхъ школъ,

какъ для расширенія своего умственнаго горизонта, такъ и для изученія какого-нибудь ремесла. И очень жалко, что тайный совѣтникъ не посовѣтовалъ при этомъ въ будущемъ жертвовать милліоны не для удивленія всего міра выставочными чудесами, а для поученія его своими образовательными учрежденіями.

Почти одновременно съ этимъ дикимъ преступленіемъ въ Берлинѣ, совершилось «благородное» убійство въ Карлсруэ, которое имѣетъ несравненно болѣе важное общественное значеніе.

11-го октября, вечеромъ, въ кафе-ресторанѣ «Тангейзеръ», который былъ переполненъ народомъ, сидѣли два молодыхъ лейтенанта мѣстнаго лейбъ-гренадерскаго полка, фонъ-Брюзевицъ и фонъ-Юнгъ-Штиллингъ. Около 12-ти часовъ ночи, въ залу вошли два штатскихъ съ двумя дамами и сѣли за столикъ около лейтенантовъ. Одинъ изъ штатскихъ, механикъ Зипманъ, задѣлъ своимъ стуломъ стулъ, на которомъ сидѣлъ лейтенантъ фонъ-Брюзевицъ. Лейтенантъ счелъ себя оскорбленнымъ и потребовалъ, чтобы Зипманъ передъ нимъ извинился, на что тотъ возразилъ, что онъ и не думалъ оскорблять лейтенанта. Тогда фонъ-Брюзевицъ выхватилъ шпагу и хотѣлъ ударить ею Зипмана, но былъ остановленъ хозяиномъ ресторана и кельнеромъ, что дало возможность Зипману скрыться.

— Теперь моей чести «капутъ», я долженъ подавать въ отставку!— воскликнулъ лейтенантъ, выходя изъ кафе, но, узнавъ отъ стоявшаго у дверей полицейскаго, что господинъ, похожій на Зипмана, не выходилъ на улицу, снова вернулся въ кафе, надѣясь найти тамъ своего обидчика и «вернуть свою честь». Дѣйствительно, онъ увидѣлъ тамъ Зипмана и бросился на него съ обнаженной шпагой, не смотря на то, что безоружный механикъ, убѣгая отъ офицера, усиленно просилъ у него извиненія. Произошла отвратительная сцена. Среди оцѣпенѣвшихъ мужчинъ и кричавшихъ въ ужасѣ женщинъ, храбрый лейтенантъ гонялся за убѣгавшимъ механикомъ и, наконецъ, нагнавъ его въ углу двора, уложилъ на мѣстѣ ударомъ шпаги. Опуская окровавленную шпагу въ ножны, офицеръ съ чувствомъ удовлетворенія произнесъ: «Ну, теперь моя честь спасена!»

Тяжело раненый Зипманъ былъ снесенъ въ отдѣльную комнату, гдѣ и скончался черезъ полчаса. Подобное спасеніе чести въ Германіи явленіе не исключительное. Я помню, года три тому назадъ, случаи нападеній военныхъ на штатскихъ были такъ часты, что у меня всегда проявлялось извѣстное безпокойство при видѣ военнаго мундира, особенно, если я не нащупывалъ въ своемъ карманѣ револьвера. Хуже всего, что нападенія офицеровъ, при современномъ устройствѣ военнаго суда, оставались почти безнаказанными, и не только въ военныхъ кругахъ, но и въ газетахъ и даже въ бюргерскомъ обществѣ многіе въ то время старались оправдать эту странную защиту «офицерской чести». Точно также и теперь нашлись «пресмыкающіяся» газеты, которыя

по поводу «случая фонъ-Брюзевица» разсыпаются въ восторгахъ передъ корпусомъ нѣмецкихъ офицеровъ, съ которымъ ни въ коемъ случаѣ не въ состояніи сравниться офицерство другихъ странъ.

Вотъ что, напримѣръ, пишетъ извѣстная консервативная «Kreuzzeitung» въ защиту преступленія фонъ-Брюзевица:

«Всякій знаетъ, что офицеръ носитъ оружіе не какъ украшеніе, но что оно должно быть для него ultima ratio, чтобы спасать его затронутую честь. Начатое судебное разбирательство приведетъ, конечно, это въ ясность, пока же кажется несомнѣннымъ, что лейтенантъ фонъ-Брюзевицъ былъ намѣренно неоднократно тяжело оскорбленъ, безъ всякой вины съ его стороны, и что онъ только тогда прибѣгъ къ оружію, когда уже не было другихъ средствъ, чтобы получить необходимое удовлетвореніе. Если это окажется вѣрнымъ и если вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя будетъ отказать офицеру въ правѣ употреблять оружіе, то тогда дальнѣйшее теченіе дѣла не находится уже болѣе въ рукахъ участвующихъ. Глубоко печально, что оно въ данномъ случаѣ привело къ смерти, и Зиммана, который при этомъ поплатился жизнью, слѣдуетъ, конечно, сильнѣйшимъ образомъ пожалѣть, но точно также и офицера, вовлеченнаго безъ вины, намѣренно противникомъ въ конфликтъ, который въ концѣ концовъ могло разрушить только оружіе. И если отдѣльныя газеты, при обсужденіи происшествія, высказываютъ воззрѣніе, осуждающее пониманіе чести въ офицерскомъ сословіи, и говорятъ о извинченныхъ понятіяхъ чести и т. п., то это можетъ вызвать въ публикѣ неправильный и вредный взглядъ, который грозитъ опасностью. Такая чувствительность офицера въ отношеніи чести и неразрывно связаннаго съ нею долга есть одно изъ лучшихъ свойствъ сословія; оно, это свойство, старательно взращено, оно охранялось и развивалось изъ поколѣнія въ поколѣніе и вытекаетъ именно изъ тонкой чувствительности въ тѣхъ областяхъ чувства долга и профессіональной вѣрности, которыя украшаютъ офицера, какъ его неотдѣлимое свойство; *ему* (этому свойству) *нужно быть благодарнымъ за то идеальное теченіе, которымъ еще проникнуто все сословіе въ нашъ матерьяльный вѣкъ*», и т. д., и т. д., все въ томъ же родѣ.

Лѣтъ 20, 15 тому назадъ эти тирады, можетъ быть, нашли бы себѣ отголосокъ въ нѣмецкомъ народѣ, заинтересованномъ военною славой 70-хъ годовъ, но теперь, когда, особенно за послѣдніе два, три года, реакція противъ милитаризма охватила не только всю рабочую массу, но и большинство бюргерскаго общества, эти запоздалыя похвалы военному сословію вызываютъ даже не возмущеніе, а просто насмѣшку.

Здравый смыслъ нѣмецкаго народа освободился отъ гипноза; онъ начинаетъ видѣть ту громадную опасность, которую представляетъ для культурнаго развитія страны подчиненіе всѣхъ сословій кучкѣ вырождающихся юнкеровъ, носящихъ военный мундиръ. Эту реакцію вызвали прежде всего сами офицеры своими безсмысленными выходками, своимъ дико жестокимъ обращеніемъ съ солдатами и своимъ надменнымъ отношеніемъ къ гражданамъ, не имѣющимъ передъ своей фамиліей частицы «фонъ». Замѣчательно, что число полковъ, офицеры которыхъ, по соглашенію съ командирами, не допускаютъ поступленія туда офицеровъ не дворянскаго сословія, увеличилось съ 1871 года вдвое. Такіе дворянскіе полки считаются теперь десятками; къ нимъ принадлежитъ и тотъ, въ которомъ служитъ фонъ-Брюзевицъ. Дѣло

Брюзевица, по обыкновенію, ведется при закрытыхъ дверяхъ, и никто не знаетъ, оправданъ-ли или осужденъ «защитникъ своей чести»? Но тѣмъ сильнѣе общественное возбужденіе. Чтобъ понять его, надо было слышать тотъ громъ рукоплесканій и сочувственныхъ криковъ, который раздался недавно въ берлинскомъ народномъ собраніи, когда ораторъ, мюнхенскій профессоръ Квидде, коснувшись случая Брюзевица, воскликнулъ, что «весь нѣмецкій народъ требуетъ реформы военнаго судопроизводства, требуетъ, чтобъ военныхъ судили на тѣхъ же основаніяхъ, при той же гласности, какъ обыкновенныхъ гражданъ». Вообще Квидде, совершающій въ настоящее время агитаціонную поѣздку по Германіи, съ необыкновенной силой бичуетъ милитаризмъ, отравившій, по его словамъ, всю германскую жизнь. Во всякомъ случаѣ, реакція противъ милитаризма въ Германіи такъ велика, что само правительство выработало проектъ измѣненій въ военномъ судопроизводствѣ. Проектъ этотъ, который, по слухамъ, не можетъ вполнѣ удовлетворить демократовъ и соціалистовъ, вызоветъ, вѣроятно, въ предстоящую сессію рейхстага антивоенную бурю, причемъ Бебель, по обыкновенію, закидаетъ правительство цѣлымъ рядомъ возмутительныхъ фактовъ изъ жизни нѣмецкихъ казармъ. Въ соціалъ-демократическихъ газетахъ ужъ снова начинаютъ старательно подбираться свѣдѣнія о звѣрскомъ обращеніи съ солдатами. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ бывшій рядовой Морманъ въ редакцію «Сѣверогерманскаго Народнаго Листка» объ обращеніи съ солдатами унтеръ-офицера Реммерта.

«Однажды онъ ударилъ рекрута Мейера съ такою силою кулакомъ по лицу, что у того потекла кровь изъ носа и изо рта. Рекрутъ Хагельманъ получилъ столько пощечинъ, что долгое время ходилъ съ распухшею головой. Рекрута Еннена унтеръ-офицеръ заставлялъ многократно скакать черезъ высокій барьеръ, при чемъ тотъ падалъ подъ ноги лошадямъ и плакалъ, какъ ребенокъ; а Ремкертъ заставлялъ его снова прыгать, крича: «Проклятая собака, да будешь-ли ты прыгать» и т. д.

Я увѣренъ, что, сообщая всѣ эти факты, я доставляю большое удовольствіе нашимъ патріотамъ, но къ ихъ огорченію я долженъ все же прибавить, что многія стороны германской жизни кажутся намъ ужъ *слишкомъ* мрачными лишь потому, что свѣтъ свободнаго печатнаго слова проникаетъ теперь въ самые скрытые уголки, безбоязненно показывая міру все, происходящее тамъ; и это первый шагъ къ выздоровленію, которое не такъ далеко, какъ это многимъ кажется. Что не одни рабочіе, но и представители высшихъ слоевъ буржуазіи тяготятся «военнымъ бѣшенствомъ» и считаютъ необходимымъ принять противъ него рѣшительныя мѣры, показываетъ мощное воззваніе, съ которымъ выдающіеся граждане Готы, съ предсѣдателемъ готскаго ландтага и готской судебной палаты, Берле, во главѣ, обратились къ нѣмецкому народу по поводу дѣла фонъ-Брюзевица. Воззваніе называетъ, между прочимъ, поступокъ Брюзевица анархическимъ и съ негодованіемъ отзывается о тѣхъ, которые въ то время, какъ весь народъ дрожитъ отъ возбужденія, вызваннаго этимъ злодѣяніемъ, осмѣливаются

писать, «что тотъ, кто нападаетъ на него, потрясаетъ характеръ корпуса офицеровъ, въ самыхъ твердыхъ его убѣжденіяхъ». Воззваніе повсюду встрѣчаетъ сочувственный откликъ, и военнымъ, которые указываютъ на побѣды 1870 года, кидаютъ въ лицо воспоминаніе объ Іенѣ и послѣдовавшихъ «затѣмъ измѣнахъ отечеству со стороны благородныхъ» представителей офицерскаго корпуса...

II.

Готскій партейтагъ.

Двадцать одинъ годъ.—Дѣло Либкнехта.—Искусство и рабочій классъ.—Академики.—Правовѣрная и еретичка.—Анархисты.—Профессіональные союзы.

Осень въ Германіи—время всевозможныхъ съѣздовъ: научныхъ, религіозныхъ, хозяйственныхъ, политическихъ и т. д. Ихъ такая масса, что даже самыя большія нѣмецкія газеты, выходящія по 2, по 3 раза въ день, не успѣваютъ услѣдить за ними. Но для одного октябрьскаго съѣзда ни одна газета, какого бы направленія она ни была, не жалѣетъ мѣста, печатаетъ о немъ подробные отчеты и посвящаетъ ему передовыя статьи. Это—ежегодное собраніе (партейтагъ) представителей рабочей партіи, гдѣ съ поразительною откровенностью, при широко открытыхъ дверяхъ, партія требуетъ отчета отъ своихъ вождей и высказываетъ имъ свои желанія и свои неудовольствія, гдѣ обсуждаются самые жгучіе современные вопросы, обсуждаются, кстати сказать, спокойно, дѣловито, безъ всякаго революціоннаго задора. Особенно спокойно прошелъ нынѣшній партейтагъ, что противникамъ-оптимистамъ внушаетъ надежду на начинающее паденіе соціалъ-демократіи. Намъ, русскимъ, не приходится быть ни оптимистами, ни пессимистами въ этомъ отношеніи, такъ какъ успѣхъ той или другой нѣмецкой партіи не можетъ непосредственно отразиться на нашей жизни, но все же знакомство съ различными взглядами, высказанными на партейтагѣ по поводу искусства, женскаго движенія и рабочаго законодательства, любопытны и намъ, какъ бы кто ни относился къ основнымъ положеніямъ соціалъ-демократіи.

Партейтагъ собрался въ Зиблебенѣ, въ предмѣстьи Готы, гдѣ 21 г. тому назадъ произошло примиреніе марксистовъ (эйзенахцевъ) съ лассальянцами и положено начало единой рабочей партіи, которая разросталась съ тѣхъ поръ съ какой-то фаталистической силой. Двадцать одинъ годъ тому назадъ, при выборахъ въ рейхстагъ, она насчитывала на своей сторонѣ лишь 350.000 избирателей, теперь же около 2-хъ милліоновъ. Тогда въ рейхстагѣ засѣдало изъ ея среды 9 человѣкъ, теперь уже 46, тогда въ ландтагахъ (парламентахъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ странъ) не было ни одного представителя рабочей партіи, теперь они проникли въ большинство изъ нихъ и какъ разъ во время засѣданія нынѣшняго партейтага они одержали блестящую побѣду при

выборахъ въ Гессенѣ и Готѣ и притомъ не только въ городскихъ, но и въ деревенскихъ округахъ; въ готскій ландтагъ, вмѣсто одного соціалъ-демократа, засѣдавшаго тамъ въ послѣднюю сессію, выбрано 8 (всѣхъ членовъ ландтага 19). Громадное развитіе получила и рабочая періодическая печать: въ 1878 году насчитывалось 56 органовъ, теперь же ихъ 140. Эта пресса—одно изъ главныхъ орудій партіи и, понятно, что вопросъ о ней, о тѣхъ или другихъ ея недостаткахъ поднимается на каждомъ изъ съѣздовъ, но особенно оживленную и общеинтересную полемику вызвалъ онъ на нынѣшнемъ готскомъ партейтагѣ. Въ этой полемикѣ нужно различать 3 момента: дѣло Либкнехта, дѣло Штейгера и дѣло Кварка.

Съ первыхъ же дней основанія соціалъ-демократической партіи Либкнехтъ сталъ во главѣ ея оффиціальнаго органа и сохраняетъ это мѣсто до сихъ поръ, какъ шефъ-редакторъ «Vorwärts»'а. Этотъ 70-ти-лѣтній юноша въ душѣ неутомимо и неуклонно трудится въ пользу партіи уже около 50-ти лѣтъ, не разъ «выпивая горькій кубокъ изгнанія» и вынося тяжелое тюремное заключеніе. Нѣтъ человѣка въ Германіи, который бы пользовался такимъ безграничнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, какъ Либкнехтъ, но среди вождей и журналистовъ, особенно за послѣднее время, все сильнѣе и сильнѣе подымается неудовольствіе противъ «упрямаго старика», который не хочетъ отказаться отъ своего своеобразнаго взгляда на веденіе «Vorwärts»'а. По мнѣнію Либкнехта, оффиціальный органъ долженъ сохранять нейтральное положеніе во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, по которымъ не существуетъ еще полнаго единенія среди членовъ партіи. Противники же Либкнехта требуютъ, чтобы «Vorwärts» безъ всякихъ колебаній становился на ту или на другую сторону. Не нравится многимъ изъ соціалъ-демократовъ, у которыхъ патріотическая жилка далеко еще не совсѣмъ замерла, пристрастіе Либкнехта къ французамъ, которымъ онъ легко прощаетъ ихъ увлеченія. Наконецъ, давно накоплявшееся недовольство вырвалось наружу. На нынѣшній партейтагъ было внесено предложеніе, направленное уже прямо противъ Либкнехта: «редакція «Vorwärts»'а обязана становиться въ опредѣленное положеніе ко всѣмъ важнымъ для партіи вопросамъ». Въ защиту этого предложенія выступили сначала мало извѣстные ораторы и указали на различные недостатки «Vorwärts»'а, совершенно, впрочемъ, не затрагивая личности Либкнехта. Первымъ крупнымъ обвинителемъ выступилъ депутатъ рейхстага Штадтхагенъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ руководителей партіи. Серьезное, нѣсколько строгое, типично-еврейское лицо, увѣренный, дѣловой тонъ; его рѣчи не блещутъ ораторскими эффектами, онъ какъ будто просто разговариваетъ съ хорошими знакомыми.

«Стыдно,—говорилъ онъ:—что такая вредная газета, какъ «Berliner Lokal-Anzeiger» насчитываетъ въ Берлинѣ 180.000 абонентовъ, «Vorwärts» же только 46.000. «Vorwärts» долженъ давать своимъ читателямъ тоже самое и еще больше.

чѣмъ буржуазныя газеты. «Vorwärts» не представляетъ отраженія всѣхъ литературныхъ, научныхъ, экономическихъ, политическихъ и неполитическихъ явленій; онъ въ этомъ отношеніи остался далеко позади нашихъ требованій. Нашъ старый уважаемый Либкнехтъ не въ состояніи, когда его постоянно отрываютъ отъ дѣла, когда его повсюду зовутъ къ себѣ товарищи,—вслѣдствіи чего онъ часто долженъ быть вдали отъ Берлина,—твердо держать въ своихъ рукахъ механическую сторону дѣла такъ, чтобы все выливалось въ одну форму».

Но, сдѣлавъ это замѣчаніе, Штадтхагенъ все же подчеркнулъ въ отвѣтъ предыдущимъ ораторамъ, что «Vorwärts» стоитъ выше другихъ органовъ партіи. Несравненно рѣзче напалъ на «центральный органъ» одинъ изъ довольно извѣстныхъ берлинскихъ делегатовъ—Антрикъ. Съ редакторомъ «Vorwärts»'а слѣдуетъ, по его мнѣнію, поговорить серьезно. «Какъ много нагрѣшилъ «Vorwärts» за послѣдніе годы! Къ самымъ жгучимъ партійнымъ вопросамъ онъ относится или совсѣмъ индифферентно, или колеблется изъ стороны въ сторону. Но еще хуже обстоитъ дѣло съ *внѣшней политикой*». (Кстати сказать, этимъ отдѣломъ руководитъ исключительно самъ Либкнехтъ). «Тутъ намъ предлагаютъ прямо невозможныя вещи. Прежде всего нѣтъ яснаго изложенія фактовъ. Къ этому присоединяются постоянныя противорѣчія».

Ораторъ указываетъ на противорѣчія въ статьяхъ объ Англіи и Италіи. «Но хуже всего,—говоритъ ораторъ:—то, что «Vorwärts» пишетъ о Франціи», и дальше слѣдуетъ цѣлый рядъ колкихъ насмѣшекъ надъ статьями, благопріятно отзывающимися о современной Франціи,—статьями, которыя, какъ всѣ знаютъ, принадлежатъ перу самого Либкнехта.

«Если мы,—заканчиваетъ свою ядовитую рѣчь ораторъ,—будемъ вводить въ заблужденіе массы, то это можетъ повести къ опаснымъ результатамъ. Мы имѣемъ всѣ основанія давать народу ясное понятіе о фактическихъ, экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ».

Рѣзкая самоувѣренность, облитая желчью, часто нравится и увлекаетъ слушателей. Такъ было и въ этотъ разъ. Рѣчь Антрика сопровождается одобрительными аплодисментами. «Слово имѣетъ товарищъ Кольбъ-Карлсруэ, за нимъ слѣдуетъ товарищъ Либкнехтъ-Берлинъ», заявляетъ своимъ зычнымъ голосомъ предсѣдатель Зингеръ. По залѣ пробѣгаетъ волненіе. Товарища изъ Карлсруэ почти никто не слушаетъ и онъ спѣшитъ сойти съ трибуны. На его мѣсто подымается слегка сгорбленный старикъ; еще густые, волнистые, сѣдые волосы оттѣняютъ нервное и на этотъ разъ чрезмѣрно красное лицо. Какъ онъ однако постарѣлъ! Это ужъ не тотъ орелъ, котораго я видѣлъ четыре года тому назадъ въ Брюсселѣ, когда онъ, защищая нѣмецкую соціалъ-демократію отъ обвиненія въ шовинизмѣ, налеталъ на голландца Домела Ньювенхуиса!

Внимательнымъ, какъ будто испытующимъ взглядомъ окидываетъ онъ собраніе и, сдѣлавъ легкій жестъ протянутою впередъ правою рукой, какъ бы прося вниманія, онъ начинаетъ говорить своимъ заду-

шевнымъ, слегка дрожащимъ голосомъ; онъ, видимо, не хочетъ увлекать слушателей, онъ хочетъ уговорить, убѣдить ихъ.

«Двадцать лѣтъ тому назадъ, точно также здѣсь въ Готѣ слышались тѣ же самые упреки противъ центральнаго органа, какъ и сегодня, только тогда онъ не назывался «Vorwärts», и именно потому, что ихъ выдвигаютъ впередъ такъ часто, производятъ они на меня очень мало впечатлѣнія. Мы должны, наконецъ, уяснить себѣ, что для жалобъ, которыя постоянно возвращаются, должны быть болѣе глубокія основанія, которыя мѣшаютъ осуществиться идеалу печати, какимъ онъ представляется товарищамъ. Еслибъ я захотѣлъ измѣрять какую-нибудь другую партійную газету тѣмъ же масштабомъ, который прилагается къ «Vorwärts»'у, то ни одна бы изъ нихъ не оказалась лучше. Это знаетъ всякій разумный и справедливый товарищъ».

Далѣе Либкнехтъ подробно мотивируетъ свой взглядъ на необходимость извѣстнаго нейтралитета со стороны центральнаго органа и объясняетъ недостатки «Vorwärts»'а, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ въ одно и то же время и органъ центральный, и органъ мѣстный, берлинскій.

«Что касается до нѣкоторыхъ противорѣчій между иностранными корреспонденціями и соотвѣтствующими редакціонными замѣтками, то это происходитъ отъ того, что я терпимъ къ чужимъ мнѣніямъ. Я не считаю читателей «Vorwärts»'а на столько глупыми, чтобъ они не могли выискать изъ различныхъ воззрѣній правильное. Я полагаю, что моя терпимость заслуживаетъ не порицанія, а только похвалы».

Эта рѣчь произвела мало впечатлѣнія на слушателей, и въ отвѣтъ на нее на Либкнехта посыпался цѣлый рядъ «дружескихъ» ударовъ, тѣмъ болѣе жестокихъ, что они были прикрыты похвалами, не всегда искренними, его заслугамъ передъ партіей. Противъ него, какъ редактора «Vorwärts»'а, говорили Шмидтъ, Фишеръ, Ауеръ и даже Бебель. Смыслъ всѣхъ этихъ рѣчей былъ тотъ, что Либкнехтъ слишкомъ старъ, чтобъ стоять во главѣ оффиціальнаго органа такъ сильно разросшейся партіи, что онъ слишкомъ упрямъ, чтобъ уживаться съ другими членами редакціи, желающими дать «Vorwärts»'у болѣе опредѣленную физіономію. «Мы готовы чтить тебя, какъ нашего самаго уважаемаго ветерана, мы оставимъ тебѣ все твое жалованье, но только уйди изъ редакторовъ «Vorwärts»'а», слышалось въ словахъ всѣхъ ораторовъ.

Снова поднялся на трибуну Либкнехтъ. Облако грусти заволокло его лицо. Руки дрожали и тихій голосъ потерялъ свою прежнюю увѣренность. Гробовая тишина царила въ залѣ, слышно было, какъ скрипѣли перья журналистовъ. И среди этой тишины раздавались не упреки въ неблагодарности, не колкіе отвѣты на нанесенныя обиды, а слова скорби и боязни, какъ бы товарищи не обманулись, надѣясь, что партія выиграетъ, удаливъ его изъ главныхъ редакторовъ «Vorwärts»'а. Только по адресу редактора Шмидта изъ Магдебурга, рѣчь котораго противъ Либкнехта дышала особенною неискренностью и личнымъ раздраженіемъ, вырвался у него горькій упрекъ.

«Товарищъ Шмидтъ изъ Магдебурга говоритъ, что меня слѣдуетъ прогнать прочь и въ то же время такъ милостивъ, что хочетъ посадить меня на старческую пенсію. Да, столь старымъ я себя еще не чувствую и думаю, что могу такъ же хорошо работать, какъ и всякій другой. (Живыя рукоплесканія). Дайте мнѣ работу, какова бы она ни была. Позаботьтесь только, чтобъ я ее могъ исполнять съ радостнымъ сердцемъ, и я буду охотно ее дѣлать. Если я найду кого-нибудь, кто можетъ лучше исполнять мое дѣло, если найдется болѣе молодая сила, то я не буду стоять на дорогѣ, и еслибъ я нашелъ лучшую силу, то она давно стояла бы на моемъ мѣстѣ и я поискалъ бы другой кругъ дѣятельности, само собою разумѣется, на службѣ у партіи».

Рѣчь эту покрыли громовыя рукоплесканія, но «предложеніе», направленное противъ Либкнехта, было все-таки принято и этимъ, вѣроятно, рѣшена участь его, какъ главнаго редактора «Vorwärts»'а.

Нападки на Либкнехта произвели сильное впечатлѣніе не только среди самихъ соціалъ-демократовъ, но и среди ихъ противниковъ. Многіе ораторы, говорившіе на партейтагѣ въ послѣдующіе дни, бросали суровые упреки большинству за его отношеніе къ лучшему слугѣ рабочей партіи, а изъ разныхъ мѣстностей Германіи до сихъ поръ приходятъ извѣстія о резолюціяхъ, протестующихъ противъ оскорбленій, нанесенныхъ Либкнехту. Но самъ онъ спокойно подчинился рѣшенію партейтага и не показываетъ ни капли раздраженія. Напротивъ, въ своей статьѣ о результатахъ съѣзда въ Готѣ онъ высказывается о немъ съ похвалой, выражая увѣренность, что каждое слово, сказанное тамъ, какъ бы ни было оно жестоко, сказано на пользу нѣмецкой соціалъ-демократіи. Этимъ удивительнымъ тактомъ и умѣньемъ подчинять свое личное самолюбіе интересамъ цѣлаго, Либкнехтъ выгодно отличается отъ своего злѣйшаго врага Бисмарка, который до сихъ поръ не можетъ простить обиды, нанесенной ему въ 1890 году, и не упускаетъ случая, чтобъ не ужалить тѣхъ, кто стояли и стоятъ на его мѣстѣ, хотя бы отъ этого и страдали тѣ принципы, которымъ онъ, казалось, служилъ всю жизнь.

Дѣло Либкнехта представляетъ, главнымъ образомъ, интересъ психологическій, дѣло же Штейгера—этико-эстетическій. Швейцарецъ по происхожденію, сынъ пастора, Штейгеръ избралъ для себя сначала духовную карьеру и изучалъ въ Базельскомъ университетѣ богословіе, но затѣмъ онъ сразу повернулъ въ совершенно противоположную сторону. Онъ вступилъ въ ряды соціалъ-демократовъ и, занявшись литературой, сдѣлался горячимъ приверженцемъ крайняго натурализма. Какъ это почти всегда бываетъ съ людьми, круто измѣнившими направленіе своей жизни, Штейгеръ, съ особенною горячностью, сталъ нападать на ту среду, изъ которой онъ вышелъ, и извѣстному ханжеству благочестивыхъ базельскихъ бюргеровъ онъ противоставилъ натуралистическую откровенность не только въ своихъ произведеніяхъ, но и въ своихъ поступкахъ. Онъ шокировалъ своими разговорами и своею жизнью не только базельскихъ бюргеровъ, но и базельскихъ рабочихъ, что и заставило

его въ концѣ концовъ покинуть Швейцарію. Онъ переѣхалъ въ Лейпцигъ и, какъ человѣкъ несомнѣнно очень способный, вскорѣ занялъ мѣсто редактора еженедѣльнаго литературнаго журнала «Die Neue Welt» (Новый міръ), издаваемаго на счетъ соціалъ-демократической партіи и разсылаемаго, какъ даровое приложеніе при всѣхъ соціалъ-демократическихъ газетахъ. Разумѣется, «Die Neue Welt» скоро принялъ штейгеровскую натуралистическую окраску, что вызвало недовольство значительной части нѣмецкихъ рабочихъ, которые очень консервативны въ вопросахъ искусства. Выразителемъ этого недовольства явилось «Гамбургское Эхо», выставлявшее Штейгера человѣкомъ, отравляющимъ души нѣмецкихъ рабочихъ. Штейгеръ горячо защищался въ «Лейпцигскомъ Народномъ Листкѣ». Загорѣлась горячая полемика объ искусствѣ, какъ воспитательномъ средствѣ для народа; полемика перенесена на готскій партейтагъ, на который гамбургскіе депутаты внесли цѣлый рядъ «предложеній», направленныхъ противъ Штейгера.

«1) Партейтагу предлагается устранить «Die Neue Welt», какъ даровое приложеніе ко всѣмъ газетамъ партій.

2) «Neue Welt» долженъ быть сокращенъ до 8-ми страницъ».

3) Руководители его должны болѣе чѣмъ до сихъ поръ обращать вниманіе на то, чтобъ онъ былъ популярной газетой для легкаго чтенія, а не балаганомъ для литературныхъ экспериментовъ» и т. д...

Первымъ для обоснованія этихъ «предположеній» выступилъ депутатъ рейхстага Фрамине,—полный господинъ съ напыщенной физіономіей нѣмецкаго бюргера, знающаго себѣ цѣну. Гамбургцы, по его словамъ, не противъ натурализма вообще, но противъ того его теченія, которое «катается въ грязи и расписываетъ самыя низменныя и болѣзненныя стороны половой жизни». «Подъ редакціею Штейгера «Новый Міръ» выдвигаетъ на первый планъ половую пошлость, и въ немъ встрѣчаются описанія, оскорбляющія всѣ понятія о приличіи. Пора наконецъ, чтобъ партейтагъ наложилъ на это свое veto». Вслѣдъ за Фрамине, рѣчь котораго была встрѣчена очень сочувственно, противъ Штейгера выступаетъ цѣлый рядъ обвинителей. Особенно сурово критикуетъ Берардъ, редакторъ «Гамбургскаго Эхо», романъ «Mutter Bertha» (Мать Берта), помѣщенный въ «Новомъ Мірѣ». Почтенный ораторъ претендуетъ на Берту, что она, ради спасенія своего ребенка, отдается доктору, который требуетъ этого подъ вліяніемъ разгорѣвшейся въ немъ чувственной страсти. Берта, по мнѣнію Берарда, «должна была бы дать соблазнителю пару пощечинъ, и баста».

Наконецъ, на трибуну взошелъ Штейгеръ. Сухощавая, нервная фигура; продолговатое лицо съ слѣдами пережитыхъ страстей: жесткія очертанія впалаго рта; но говоритъ онъ, какъ истый ораторъ, нѣвучимъ голосомъ, сопровождая красивыя фразы красивыми, обдуманными жестами.

Защитившись противъ обвиненій въ рѣзкомъ тонѣ своихъ статей и указавъ на истинный смыслъ романовъ, печатавшихся въ «Новомъ

Мірѣ», Штейгеръ перешелъ къ вопросу о значеніи искусства для рабочаго класса.

«Когда я повернулъ въ сторону современнаго направленія,—говорилъ ораторъ,—то я зналъ вполнѣ опредѣленно, что здѣсь дѣло идетъ вообще о воспитаніи рабочаго народа для пониманія искусства. Вопросъ: «современное искусство» не играетъ здѣсь никакой роли, потому что, вопреки всему, я долженъ повторять: у насъ нѣтъ теперь никакого другого искусства, кромѣ современнаго. Другіе могутъ быть очень добродѣтельными писателями, но они не художники, которые даютъ читателямъ и слушателямъ въ театрѣ настоящую жизнь. Они являются лишь подражателями прошлаго періода искусства. Но какъ же, спросилъ я себя, создать художественное воспитаніе народа? Товарищъ Фрамине думаетъ, что я оскорбилъ этимъ вопросомъ гамбургскихъ рабочихъ; я спрашиваю его, гдѣ онъ это нашелъ? Я высказывалъ въ моихъ статьяхъ лишь глубокое сожалѣніе, что плохія экономическія условія мѣшаютъ рабочимъ принимать участіе въ наслажденіяхъ культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ искусствѣ. Только на второмъ мѣстѣ я затронулъ вопросъ, не возможно-ли и до сихъ поръ охранять народъ отъ исповѣдыванія устарѣвшихъ воззрѣній, которыхъ никто больше не раздѣляетъ въ мірѣ, отъ воззрѣнія, что искусство должно учить, а не ставить передъ глазами вѣрную картину жизни, въ которой всякій можетъ вычитать то, что ему нужно....

Я думаю, что у насъ точно такъ же, какъ и во всякомъ другомъ обществѣ, существуетъ рядъ людей, которые интересуются искусствомъ, и другой рядъ, которые не въ состояніи оріентироваться въ мірѣ искусства, вслѣдствіе своего экономическаго положенія или своей политической дѣятельности. Спрашивается, какъ мы всѣхъ ихъ подведемъ подъ одну шапку?. Должны-ли мы, напримѣръ, принимать во вниманіе образовательный уровень рабочихъ массъ въ католическихъ округахъ Баваріи и Рейнскихъ провинцій? Еслибы мы основали журналъ, который нашелъ бы тамъ сочувствіе, то пришли бы городскіе рабочіе и сказали бы: «что за чепуху преподносите вы намъ?» Если, наоборотъ, мы принимаемъ во вниманіе, какъ сдѣлалъ это я, болѣе прогрессивные художественно-образованные элементы, то тоже, разумѣется, идутъ жалобы: «газета намъ не подходитъ, въ нашихъ округахъ народъ не понимаетъ этого». Тогда я сказалъ все же себѣ: «Дѣлай такъ, какъ дѣлали политическіе агитаторы нашей партіи». Что было бы съ нашей партіею, еслибъ Лассаль въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ брошюрахъ обращался бы къ способности воспріятія тогдашняго народнаго большинства. Онъ ничего бы не достигъ, потому что, еслибы онъ долженъ былъ спуститься до тогдашняго низкаго образовательнаго уровня, то онъ, вмѣсто того, чтобы образовать людей, пригвоздилъ бы ихъ къ ихъ тогдашнему низкому умственному состоянію. Вмѣсто того онъ выступилъ противъ нихъ, вооруженный всей наукой своего столѣтія, и постарался въ возможно общепонятной формѣ, не впадая однако въ слогъ календарей, разъяснять истинный соціализмъ, и мы видимъ успѣхъ. Это стоило работы, работы цѣлыхъ десятилѣтій, но теперь мы имѣемъ рабочее сословіе, которое можетъ читать своего Лассаля, и объ этихъ людяхъ думалъ я, когда составлялъ свою художественную программу».

Обратившись затѣмъ къ вопросу о нравственномъ началѣ въ искусствѣ, ораторъ указалъ на нравственную тенденцію современныхъ художниковъ.

«Я хочу только указать,—говоритъ онъ,—на Герхарда Гауптмана, котораго я считаю величайшимъ изъ современныхъ нѣмецкихъ писателей. Кто читалъ его «Солнечный восходъ», въ которомъ рисуется проклятіе алкоголизма, кто знаетъ его «Ткачей», въ которыхъ несчастье работающаго народа выражено съ такою силою, что слушатель вскрикиваетъ отъ возмущенія и негодованія, кто

*

читалъ его «Бобровый мѣхъ», въ которомъ неправильный судъ бичуется кровавой иронiей, того я спрашиваю: «существуетъ-ли болѣе высокая нравственность?»

Свою длинную рѣчь, изъ которой я привелъ только нѣсколько мѣстъ, Штейгеръ закончилъ эффектнымъ исповѣданiемъ своихъ убѣжденiй.

«Искусство для меня,—воскликнулъ онъ, приподнимая обѣ руки кверху,—то второе, ради чего я хотѣлъ бы жить и умереть! Ближе всего мнѣ великое освобожденiе рабочаго народа отъ экономической нужды. Но уже и теперь мнѣ важно поднятiе народа на тотъ уровень, на которомъ онъ могъ бы принять участiе въ культурныхъ наслажденiяхъ, потому что вы не должны забывать, какiя цѣли мы всѣ преслѣдуемъ. Мы хотимъ, чтобы работающiй народъ принялъ на себя руководство во всѣхъ областяхъ жизни и мы хотимъ этого достигнуть *не уничтоженiемъ прежнихъ культуръ, чтобъ потомъ изъ ничего создавать ничто*, но мы хотимъ все доброе и прекрасное и всю способность пользоваться этимъ добрымъ и прекраснымъ воспринять отъ предыдущихъ обществъ и передать работающему народу...

Эта рѣчь произвела громадное впечатлѣнiе и сопровождалась долго несмолкавшими рукоплесканiями. Видно было, что Штейгеръ все же побѣдилъ. Правда, къ его противникамъ присоединились такiе видные члены партiи, какъ Либкнехтъ и Молкенбуръ, но за то за него высказались Бебель, Шёнланкъ и цѣлый рядъ молодыхъ рабочихъ, которые совѣтовали Фроме идти въ монастырь и потребовать, чтобы всѣ статуи были одѣты въ кальсоны. Изъ мнѣнiй, высказанныхъ при этомъ по поводу искусства, нужно отмѣтить замѣчанiе Либкнехта, который находитъ, что «то, что обыкновенно не говорится, какъ неприличное, того не слѣдуетъ и писать».

Лучше всѣхъ, въ сущности, возражалъ Штейгеру Молкенбуръ, который напомнилъ ему, что настроенiе часто мѣшаетъ читателю наслаждаться настоящимъ образомъ художественнымъ произведенiемъ.

«Изображенiемъ страданiй калѣки,—говорилъ онъ,—можно принести художественное наслажденiе здоровому, но не самому калѣкѣ, который только еще больше будетъ вспоминать о своихъ страданiяхъ. Рабочiй, который принужденъ бороться съ нуждою, который во время безработицы ужъ и безъ того склоненъ къ извѣстному упадку духа, не можетъ получить наслажденiя отъ искусства, если оно ему постоянно и постоянно рисуетъ только нужду въ самыхъ яркихъ краскахъ; напротивъ, въ немъ оно вызоветъ отвращенiе къ жизни».

Но въ концѣ концовъ, во всякомъ случаѣ, Штейгеръ одержалъ побѣду, хотя и не совсѣмъ рѣшительную, такъ какъ гамбургцы взяли назадъ свои «предложенiя», Штейгеръ же, съ своей стороны, обѣщалъ улучшить содержанiе «Новаго Мiра», принявъ во вниманiе сдѣланныя ему на партейтагѣ замѣчанiя.

Одновременно съ дѣломъ Либкнехта и Штейгера разыгралась исторiя доктора Кварка, которая бросаетъ свѣтъ на отношенiе рабочихъ къ такъ называемымъ «академикамъ», т.-е. людямъ, получившимъ высшее образованiе и не принадлежащимъ къ рабочему классу, а примкнувшимъ къ нему по убѣжденiю Академики, какъ люди образованные, разумѣется, очень полезны партiи, но, съ другой стороны, про-

стые рабочіе и въ особенности вожаки, не имѣющіе ученой степени, смотрятъ на нихъ недружелюбно и стараются ихъ «осаживать», особенно если они, какъ это часто бываетъ, дѣлаютъ въ партіи слишкомъ быструю карьеру.

Докторъ Кваркъ примкнулъ къ соціалъ-демократіи лишь въ 1892 году, но примкнулъ уже съ извѣстнымъ литературнымъ именемъ, такъ какъ онъ состоялъ до тѣхъ поръ однимъ изъ редакторовъ лучшей германской газеты, «Frankfurter Zeitung». Понятно, что онъ занялъ тотчасъ видное мѣсто въ партіи, что вызвало раздраженіе среди неакадемиковъ, которые и «осадили» его самымъ жестокимъ образомъ, когда онъ выступилъ въ нынѣшнемъ году съ проектомъ, имѣвшимъ цѣлью объединить и усилить значеніе «профессіональныхъ рабочихъ союзовъ» [1]). Тонъ нѣкоторыхъ статей, напримѣръ, напечатанныхъ въ «Vorwärts»'ѣ *въ отсутствіи Либкнехта* и направленныхъ противъ проекта Кварка, былъ такъ рѣзокъ, нѣкоторыя нападки носили столь личный характеръ, что Кваркъ нашелъ нужнымъ принести на нихъ жалобу партейтагу. Нельзя сказать, чтобы эта жалоба имѣла успѣхъ; напротивъ, ему пришлось наслушаться изъ-за нея очень много непріятныхъ вещей, особенно со стороны одного изъ редакторовъ «Vorwärts»'а Шмидта и члена рейхстага Ауера, который на партейтагѣ открыто заявилъ, что онъ, именно, авторъ анонимныхъ статей противъ Кварка въ «Vorwärts»'ѣ. Чрезвычайно умный и дѣловой человѣкъ, при этомъ искусный ораторъ, бывшій скорнякъ Ауеръ пользуется громаднымъ вліяніемъ среди рабочихъ, и одного уже его имени достаточно было, чтобы вѣсы наклонились не въ пользу «зазнавшагося академика». Одинъ только старикъ Либкнехтъ твердо вступился за Кварка.

«Что касается до полемики съ Кваркомъ,—сказалъ онъ,—то мы должны дѣлать различіе между полемикой съ противниками и полемикой съ товарищами. Я противъ того, чтобы полемика съ товарищами велась на личной почвѣ...

Никогда не слѣдуетъ пытаться повредить партійной чести товарища. Это мой принципъ, который, конечно, всякій одобритъ. Я сожалѣю, что вчера мой коллега и другъ Шмидтъ высказалъ противъ Кварка вещи, которыя лучше было бы не говорить. Если такого человѣка, какъ Кваркъ, выставляютъ какъ не настоящаго товарища, какъ такого, который еще долженъ созрѣть, то я сожалѣю объ этомъ. И я долженъ рѣшительно протестовать, когда о немъ говорятъ, какъ о буржуазномъ неудачникѣ. Конечно, у насъ есть буржуазные неудачники и они стремятся къ намъ со всѣхъ сторонъ, но это выраженіе нельзя примѣнять къ Кварку. Этотъ человѣкъ вполнѣ нормально развился изъ буржуазной демократіи до соціализма. Что онъ отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и перешелъ къ намъ, изъ этого, право, нельзя дѣлать упрека. Кваркъ вышелъ изъ партіи, которая могла ему дать лучшее положеніе, чѣмъ мы. Мы жалуемся на недостатокъ въ талантахъ и между тѣмъ топчемъ въ грязь каждаго, кто переходитъ къ намъ изъ буржуазнаго круга. Развѣ мы можемъ ждать, пока у насъ выростутъ редакторы изъ рабочаго класса? Честныя убѣжденія само собою предполагаются, но съ ними *одними*

---

[1]) Т.-е. соединеній рабочихъ одной и той же спеціальности, напр., наборщиковъ, портныхъ, углекоповъ и т. д.

пельзя все же редактировать ни одной газеты. Я соглашаюсь, что у насъ очень плохіе корреспонденты, но это происходитъ оттого, что мы не можемъ смотрѣть на однѣ способности человѣка, но должны также принимать во вниманіе «товарищей». Еще разъ, я, который, можетъ быть, изъ всѣхъ присутствующихъ, лучше всѣхъ знаю Кварка, протестую противъ того, что этого человѣка такъ оскорбляютъ».

Эти слова, вмѣстѣ съ сочувственными рукоплесканіями, которыя ихъ неоднократно прерывали, вознаградили до извѣстной степени Кварка за всѣ тѣ оскорбленія, которыя ему пришлось пережить.

На второе мѣсто послѣ преній о печати слѣдуетъ поставить день, посвященный женскому вопросу, когда на трибунѣ появились почти исключительно женщины. Съ рефератомъ выступила, между прочимъ, Клара Цеткина, извѣстная среди соціалъ-демократовъ подъ именемъ «наша Клара». Изящная, полная, на видъ лѣтъ 35-ти, со вкусомъ одѣтая въ черный атласъ и кружева; красиво откинутая назадъ голова съ бѣлокурой массой вьющихся волосъ. Она эластично извивается на трибунѣ, склоняясь то направо, то налѣво, то откидываясь всѣмъ корпусомъ назадъ. Въ правой рукѣ у нея длинный, бѣлый свертокъ, которымъ она дирижируетъ своей стремительно льющейся 2-хъ-часовой рѣчи. Звонкій голосъ такъ и впивается въ барабанную перепонку, и въ концѣ концовъ, отъ безпрерывной быстроты рѣчи все болѣе и болѣе увлекающейся ораторши, у слушателей спирается въ горлѣ дыханіе. Такъ, вѣроятно, говорили передовыя женщины эпохи возрожденія и великой французской революціи. Цеткина дала обстоятельный очеркъ развитія женскаго движенія, которое она объясняетъ исключительно экономическими факторами. По ея мнѣнію, женскій вопросъ возникаетъ, какъ слѣдствіе капиталистическаго производства, и его нѣтъ поэтому въ крестьянствѣ, гдѣ еще до сихъ поръ господствуетъ отчасти натуральное хозяйство. Она не обмолвилась ни однимъ еретическимъ словомъ противъ чистаго «марксизма», и оттого отчасти успѣхъ ея рѣчи былъ такой шумный, такой безусловный. Не успѣла она еще кончить, какъ нѣкоторые члены партейтага предложили напечатать ея рѣчь, въ видѣ отдѣльной брошюры, выражающей взгляды соціалъ-демократовъ на женскій вопросъ. Въ заключеніе своей рѣчи Цеткина предложила партейтагу слѣдующую резолюцію, которая представляетъ изъ себя, въ сущности, конспектъ ея реферата.

«Современный женскій вопросъ есть результатъ совершившихся экономическихъ измѣненій, вслѣдствіе капиталистическаго способа производства. Онъ выступаетъ поэтому въ различныхъ классахъ, свойственныхъ современному обществу, но принимаетъ въ каждомъ изъ нихъ особую форму. Въ классѣ верхнихъ «десяти тысячъ», женщина, какъ владѣтельница собственнаго имущества, экономически независима отъ мужчины, но, какъ жена, она во многомъ подчинена ему по закону и обыкновенно не можетъ свободно располагать своимъ состояніемъ. Состояніе въ этомъ классѣ ведетъ къ денежному браку и къ его противоположности, разводу; оно способствуетъ разложенію семейной жизни и освобождаетъ женщину отъ ея обязанностей супруги и матери. На первомъ планѣ требованій,

которыя ставитъ женщина этого класса, стоитъ правовая охрана имущественнаго владѣнія и право свободнаго распоряженія имъ со стороны женскаго пола. Борьба за эмансипацію этого класса есть борьба за устраненіе всѣхъ соціальныхъ различій, которыя не основываются на имущественномъ владѣніи. Осуществленіе ихъ требованій означаетъ послѣднюю степень эмансипаціи частной собственности.

Въ мелкой и средней буржуазіи точно такъ же, какъ въ буржуазной интеллигенціи, семья разрушается существенными сопровождающими явленіями капиталистическаго производства. Число незамужнихъ женщинъ, которыя принуждены поэтому сами на себя зарабатывать, растетъ; растетъ и число семействъ, которымъ недостаточно заработка мужчины. Женщины этихъ слоевъ принуждены искать заработка въ области свободныхъ профессій. На первомъ планѣ ихъ требованій стоитъ поэтому право на одинаковую профессіональную дѣятельность и одинаковое профессіональное образованіе для обоихъ половъ, на равноправную конкурренцію во всѣхъ областяхъ. Борьба женщинъ за эти требованія есть экономическая борьба интересовъ между мужчинами и женщинами этихъ слоевъ. Такъ какъ всякая экономическая борьба классовъ дѣлается политической, то женщины принуждены также требовать политическаго равенства половъ. Только черезъ осуществленіе этихъ требованій добьется мелкая и средняя бюргерша полнаго равенства съ мужчиной.

Въ пролетаріатѣ эксплуататорская потребность капитала принуждаетъ женщину къ производительной работѣ и разрушаетъ семью. Благодаря своей производительной работѣ, пролетаріатка является экономически равной мужчинѣ своего класса. Но это уравненіе означаетъ, что она только еще сильнѣе, чѣмъ онъ, эксплуатируется. Поэтому борьба за эмансипацію пролетаріатокъ не есть борьба противъ мужчинъ собственнаго класса, но борьба въ союзѣ съ ними.

Ближайшая цѣль этой борьбы есть установленіе извѣстныхъ границъ капиталистической эксплуатаціи. Ея послѣдняя цѣль—политическое господство пролетаріата съ цѣлью устраненія классоваго господства и введенія соціалистическаго общества. Какъ борецъ въ этой классовой борьбѣ, пролетаріатка нуждается въ правовомъ и политическомъ уравненіи съ мужчиной, точно такъ же, какъ мелкая и средняя бюргерша и женщина изъ среды буржуазной интеллигенціи. Какъ самостоятельная работница, нуждается она въ свободномъ распоряженіи своимъ доходомъ (заработанной платой) и своей личностью точно такъ же, какъ и женщина крупной буржуазіи. Но, не смотря на всѣ эти точки соприкосновенія въ правовыхъ и политическихъ реформенныхъ требованіяхъ, пролетаріатка не имѣетъ ничего общаго съ женщинами другихъ классовъ въ рѣшающихъ, экономическихъ интересахъ. Освобожденіе пролетаріатки не можетъ быть поэтому дѣломъ женщинъ другихъ классовъ, оно можетъ быть только дѣломъ всего пролетаріата безъ различія половъ.

Агитація между пролетаріатками должна быть поэтому прежде всего агитаціей соціалистической. Ея главная задача—пробудить въ «женщинахъ пролетаріата» классовое сознаніе и привлечь ихъ въ классовую борьбу. Работница изъ конкурренткн мужчины въ его грязной работѣ должна сдѣлаться его товарищемъ по борьбѣ; изъ силы, препятствующей классовой борьбѣ, силой, способствующей ей, силой дѣятельной. Пролетаріатская женская агитація должна поэтому строго держаться въ рамкахъ общаго рабочаго движенія и должна касаться всѣхъ вопросовъ, которые особенно важны рабочему классу. Пока нѣтъ опредѣленныхъ неотложныхъ задачъ, нужно агитировать въ пользу реформъ, которыя лежатъ въ интересѣ пролетаріатки, какъ работницы и женщины. Въ особенности нужно агитировать: 1) за расширеніе законной защиты работницъ, именно, за введеніе законнаго 8-ми-часового рабочаго дня, вначалѣ, по крайней мѣрѣ, для рабочихъ женскаго пола; 2) за назначеніе фабричныхъ инспекторовъ изъ женщинъ; 3) за активное и пассивное избирательное право работ-

ницъ и служащихъ женщинъ въ промышленные третейскіе суды; 4) за одинаковую заработную плату, при одинаковомъ результатѣ работы безъ различія половъ; 5) за полное политическое уравненіе женщинъ съ мужчинами, спеціально, за неограниченное право сообществъ, собраній и коалицій; 6) за одинаковое образованіе и свободную профессіональную дѣятельность обоихъ половъ; 7) за частно-правовое уравненіе половъ.

Рука въ руку съ устной пропагандой должна идти и пропаганда печатная. Соціалъ-демократическая печать должна систематически способствовать экономическому и политическому просвѣщенію женщинъ пролетаріата».

Вслѣдъ за правовѣрной марксисткой Цеткиной на трибуну взошла еретичка Лёвенхерцъ, недурненькая барышня съ подвижными, нервными глазами, видимо, большая задира. Своимъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ она объявила, что не можетъ согласиться съ референткой, чтобы женскій вопросъ возникъ лишь со времени капиталистическаго производства, и что, по ея мнѣнію, пролетаріатка можетъ во многомъ идти рука объ руку съ буржуазной женщиной, напримѣръ, въ требованіи избирательнаго права, образованія и т. д. По дорогѣ она ядовито задѣла нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ извѣстнаго члена рейхстага доктора Шёнланка, взгляды котораго, по ея словамъ, на женщину немногимъ отличаются отъ взглядовъ барона Штумма. Она вызвала громкій смѣхъ собранія, назвавъ протестовавшаго противъ этого обвиненія Шёнланка «невиннымъ червячкомъ», что было очень удачно, такъ какъ маленькая, вертлявая фигурка депутата, котораго прочатъ въ намѣстники Либкнехту, очень похожа на червячка. Но за то и досталось же ей. Прежде всего предсѣдатель партейтага, Зингеръ, съ виду очень похожій на крупнаго банкира, мѣшалъ ей говорить, требуя, чтобы она ограничивалась положенными 10-ью минутами въ то время, напримѣръ, какъ Цеткиной онъ, не прерывая, позволилъ говорить цѣлый *лишній* часъ. (Надо вообще замѣтить, что Зингера нельзя упрекнуть въ безпристрастіи, хотя ему партейтагъ несомнѣнно обязанъ тѣмъ, что пренія не удалялись отъ разсматриваемаго вопроса и носили болѣе или менѣе серьезный характеръ). Но особенно досталось Лёвенхерцъ отъ женщинъ-работницъ, среди которыхъ была даже одна крестьянка.

Всѣ онѣ производили впечатлѣніе натуръ хотя и грубыхъ, но чрезвычайно даровитыхъ. Безъ всякихъ церемоній онѣ, что называется, въ порошокъ стирали еретичку Лёвенхерцъ, за то, что та совѣтовала имъ приглашать въ свои собранія буржуазныхъ женщинъ, какъ агитаторшъ. Бадеръ прямо совѣтовала «барышнѣ Лёвенхерцъ» воздержаться отъ пропаганды, пока у нея въ головѣ еще такія неясныя представленія о соціализмѣ. Задалъ хода барышнѣ Лёвенхерцъ и «невинный червячекъ» Шёнланкъ, каждое слово котораго обыкновенно вонзается въ противника, какъ ядовитая стрѣла. Въ результатѣ, посрамленная Лёвенхерцъ принуждена была доказывать партейтагу, что

она истинная соціалъ-демократка, резолюція же торжествующей Цеткиной была принята единогласно подъ громомъ рукоплесканій.

Какъ по женскому вопросу на партейтагѣ оказалась только одна еретичка, такъ и по вопросу объ анархистахъ только одинъ человѣкъ нарушилъ общее согласіе.

Рѣчь объ анархистахъ зашла по поводу отчета Бебеля о результатахъ международнаго рабочаго конгресса въ Лондонѣ. Знаменитый вождь соціалъ-демократовъ, между прочимъ, защищалъ резолюцію, которая требовала на будущее время рѣшительныхъ мѣръ противъ участія анархистовъ въ международныхъ рабочихъ конгрессахъ.

«Во всѣхъ странахъ,—говорилъ Бебель,—анархисты представляютъ теперь лишь ничтожную секту, съ которой не стоитъ больше вступать въ дебаты, и они судорожно хватаются за насъ, чтобы хоть получить возможность явиться на настоящій рабочій конгрессъ. Если я хочу съ кѣмъ-нибудь что-нибудь вмѣстѣ обсуждать, то я долженъ имѣть возможность найти общую съ нимъ почву и имѣть увѣренность, что я его могу убѣдить или научить, но по отношенію къ анархистамъ этого предполагать нельзя. Прекративъ въ Германіи *идіотскую агитацію въ пользу пропаганды дѣломъ*, они спустились даже до господина фонъ-Егиди—доказательство, что за чепушистые это господа! Было бы позорной тратой времени, еслибы мы вступили съ анархистами въ дебаты, которые въ концѣ концовъ превратились бы въ скандалъ».

Съ этими словами Бебеля согласился весь партейтагъ, за исключеніемъ только одного лейпцигскаго рабочаго Гренца, который удивлялся, почему соціалъ-демократы считаютъ невозможнымъ разговаривать на международныхъ конгрессахъ съ анархистами, когда въ рейхстагѣ они спорятъ съ консерваторами.

«Въ рейхстагъ мы являемся для борьбы съ противниками, на рабочихъ же конгрессахъ мы работаемъ съ друзьями», отвѣчали ему, и резолюція, одобряющая дѣятельность нѣмецкихъ депутатовъ на лондонскомъ конгрессѣ, была принята единогласно. (Гренцъ отъ голосованія воздержался).

Таковы наиболѣе живые и характерные эпизоды готскаго партейтага. Можно было еще ожидать серьезныхъ и интересныхъ преній по поводу законодательства въ пользу рабочихъ и о значеніи профессіональныхъ союзовъ (Gewerbschaften) въ рабочемъ движеніи. По этимъ вопросамъ за послѣдній годъ много писалось въ соціалъ-демократической печати. Кромѣ предложеній Кварка, о которыхъ я упоминалъ выше, особенное вниманіе обратили на себя статьи въ «Саксонской Рабочей Газетѣ» начинающаго, но много обѣщающаго писателя - экономиста Парвуса. Парвусъ обратилъ вниманіе на современный значительный подъемъ промышленности, объяснилъ его причины и значеніе; онъ предлагалъ рабочимъ воспользоваться этимъ промышленнымъ подъемомъ для завоеванія себѣ необходимыхъ соціальныхъ реформъ, въ особенности 8-ми-часового рабочаго дня Для этого онъ считаетъ прежде всего необходимымъ расширеніе и лучшую организацію профессіональныхъ

союзовъ. Но Парвусъ на партейтагъ не явился, Кваркъ былъ оттертъ въ сторону, и партейтагъ ограничился принятіемъ по этимъ важнымъ вопросамъ резолюціи Вурма, составленной въ очень общихъ выраженіяхъ.

«Партейтагъ заявляетъ,—говоритъ эта резолюція,—что агитація въ пользу законодательной защиты рабочихъ была и есть одна изъ главнѣйшихъ задачъ соціалъ-демократической партіи, какъ ужъ это неоднократно высказывалось въ ея программѣ и въ резолюціяхъ національныхъ и международныхъ конгрессовъ. И въ будущемъ точно также будетъ она напрягать свои силы, чтобы при посредствѣ агитаціи политической и агитаціи профессіональныхъ союзовъ завоевать закономъ установленный 8-ми-часовой рабочій день и сдѣлать изъ права рабочихъ крѣпость противъ капитализма».

Вѣроятно, жизнь заставитъ будущій партейтагъ, который соберется въ Гамбургѣ, болѣе внимательно заняться вопросомъ о роли профессіональныхъ союзовъ. Точно также партіи придется еще вернуться къ ея «Schmerzeskind» (какъ говорятъ нѣмцы), къ аграрному вопросу и къ дѣятельности среди крестьянъ; по крайней мѣрѣ на нынѣшнемъ конгрессѣ, не смотря на то, что этотъ вопросъ не былъ на очереди, депутаты изъ деревенскихъ округовъ постоянно возвращались къ нему.

Соціалъ-демократы остались очень довольны готскимъ партейтагомъ: по ихъ словамъ, онъ доказываетъ непрерывный ростъ классоваго самосознанія нѣмецкихъ рабочихъ. Очень довольны имъ и всѣ буржуазныя партіи, по мнѣнію которыхъ онъ доказываетъ ослабленіе рабочаго движенія. Наконецъ, въ восторгѣ отъ него и анархисты, которые увѣряютъ, что готскія пренія заставили ихъ отъ души смѣяться.

В. Поссе.

II. Европейскіе интересы дня.

Отголоски европейскихъ выставокъ и конгрессовъ.—Труды по общественному образованію въ Женевѣ.—Вопросъ о современномъ журнализмѣ въ иностранной прессѣ.—Борьба католичества съ масонствомъ, какъ съ культомъ дьявола.—Протестъ голландца Ванъ-деръ-Веера противъ войны и мнѣніе о немъ гр. Л. Н. Толстаго и «Journal des Débats».—Гражданское воскресенье въ Лондонѣ.—Можно-ли арестовать китайца въ Англіи безъ суда?—Китайскія тайныя общества.

Обращавшіе на себя вниманіе Европы лѣтомъ и осенью, выставки и конгрессы оставили послѣ себя замѣтные слѣды; такъ, женевская выставка возбудила цѣлую литературу по различнымъ отраслямъ общественнаго воспитанія; съѣздъ соціалъ-демократовъ въ Готѣ выдвинулъ на очередь вопросъ о современной журналистикѣ, который теперь горячо обсуждается въ журналахъ и газетахъ разныхъ странъ; анти-масонскій конгрессъ въ Трендѣ придалъ новый интересъ и оригинальный характеръ борьбѣ католическихъ клерикаловъ съ масонами, въ которую вмѣшались и посторонніе безпристрастные критики, напримѣръ,

англійскіе публицисты; наконецъ въ протестѣ противъ войны голландца Ванъ-деръ-Веера, отказавшагося поступить на военную службу, и въ обсужденіи его поступка въ французскихъ газетахъ нельзя не видѣть живого отголоска конгрессовъ мира.

Швейцарская національная выставка, недавно закрытая въ Женевѣ, имѣла во всѣхъ отношеніяхъ громадный успѣхъ, доказавъ воочію, что эта маленькое, свободное государство въ матерьяльномъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ стоитъ наравнѣ съ великими европейскими странами, столь кичащимися своимъ прогрессомъ. Въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ, по мнѣнію компетентныхъ авторитовъ, Швейцарія въ настоящую минуту даже перещеголяла своихъ крупныхъ соперниковъ, именно—на матерьяльной почвѣ въ электричествѣ, а на интеллектуальной въ дѣлѣ общественнаго воспитанія. Педагогическій отдѣлъ выставки поражалъ всѣхъ своимъ богатствомъ и осмысленнымъ, раціональнымъ характеромъ, а сама Женева, конечно, какъ одинъ изъ выдающихся центровъ умственной культуры въ Европѣ, съ давнихъ временъ играла въ немъ первенствующую роль. Было бы слишкомъ печально, еслибъ съ закрытіемъ выставки исчезла безслѣдно вся работа, потраченная женевскими педагогами на замѣчательное наглядное знакомство своихъ соотечественниковъ и иностранцевъ съ полной картиной того, что дѣлается въ ихъ городѣ, на почвѣ общественнаго образованія, а потому они издали цѣлый рядъ очень любопытныхъ и прекрасно составленныхъ педагогическихъ монографій, въ которыхъ рельефно представлены, какъ историческое развитіе, такъ и современное состояніе общественнаго образованія во всѣхъ его отрасляхъ. Наибольшій интересъ среди этихъ литературныхъ отголосковъ Женевской выставки возбуждаютъ: «Исторія женевской коллегіи» (Histoire du Collège de Genève), составленная мѣстными профессорами, «Первоначальное воспитаніе въ Женевѣ» (L'instruction primaire à Genève, par Henry Fazy) Генриха Фази, «Средняя и высшая, женская школа въ Женевѣ» (l'Ecole secondaire et superieure des jenne filles à Genève, par Th. Bonneton) Ф. Боннстона. «Профессіональная школа въ Женевѣ» (l'École professionelle de Genève, par Aimé Bouvier) А. Бувье, наконецъ, «Женева и общество чтенія» (Genève et la société de lecture, par Francis de Crue) Фр. де-Крю. Всѣ эти сочиненія, вмѣстѣ взятыя, рисуютъ живой, широкой кистью постепенный переходъ общественнаго воспитанія въ Женевѣ отъ узкаго, суроваго взгляда Кальвина до царящаго нынѣ широкаго, либеральнаго направленія. Впрочемъ, съ самаго начала и въ продолженіи всѣхъ, слѣдовавшихъ одна за другою, фазъ постепеннаго развитія, женевскія школы всегда отличались двойнымъ характеромъ: религіозности и гражданственности. Возникли онѣ въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, благодаря иниціативѣ богатаго городского обывателя, Франсуа-де-Верзонэ, который построилъ на свой счетъ первую общественную школу въ 1429 г., въ актѣ основанія которой прямо

говорится: «по мнѣнію основателя, школьная дисциплина—дѣло благотворное, такъ какъ она изгоняетъ невѣжество, распространяетъ мудрость, смягчаетъ нравы, развиваетъ добродѣтели и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ хорошему веденію общественныхъ дѣлъ». Этого послѣдняго взгляда придерживался и Кальвинъ, учреждая Женевскую коллегію съ цѣлью «воспитать дѣтей для подготовки ихъ быть служителями, какъ церкви, такъ и гражданскаго управленія». Несмотря на чрезвычайно узкую программу и суровую дисциплину, одинаково тяготившую преподавателей и учениковъ, по педагогической системѣ Кальвина, этотъ практическій духъ развитія умственной культурой гражданъ, совмѣстно въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, составлялъ ея краеугольный камень. Въ томъ видѣ, который имъ придалъ Кальвинъ, существовали женевскія школы до Жанъ-Жака Руссо, благотворное вліяніе котораго произвело коренную педагогическую реформу; съ тѣхъ поръ стали симпатично и человѣчно смотрѣть на дѣтей, количество занятій, доходившихъ до шестидесяти часовъ въ недѣлю, значительно сократилось, дисциплина смягчена, программы и методы усовершенствованы, здравыя понятія о воспитаніи распространились, теологическій гнетъ замѣненъ свѣтомъ науки, новыя учебныя заведенія стали возникать по различнымъ отраслямъ образованія; такъ, въ 1836 г. открыто первое среднее женское училище, а въ 1886 г. созданы техническія школы для рабочихъ. Конечно, по сознанію самихъ авторовъ указанныхъ педагогическихъ трудовъ, еще не все сдѣлано, что было бы желательно на почвѣ народнаго образованія даже въ Женевѣ, но тамъ это дѣло не только поставлено на твердой, широкой, раціональной и человѣчной ногѣ, но постоянно, неуклонно идетъ по тому пути прогресса, который довелъ женевскія школы отъ суроваго ригоризма Кальвина до нынѣшняго ихъ цвѣтущаго состоянія подъ эгидой разумнаго, широкаго либерализма.

Самой характеристической чертой готскаго съѣзда представителей рабочей партіи въ Германіи, о которомъ подробно говорится въ этой же книжкѣ нашего журнала, были пренія о журналистикѣ. Хотя обсуждался собственно вопросъ о журналѣ и газетахъ, издаваемыхъ соціалъ-демократами, но затронуты были общіе вопросы о томъ, слѣдуетъ-ли газетѣ быть исключительно сборникомъ извѣстій, или выразительницей того или другого направленія, строго проведеннаго во всѣхъ статьяхъ, о неблаговидномъ помѣщеніи въ журналѣ, уважающемъ себя, порнографическихъ романовъ и т. д. Съ легкой руки готскаго съѣзда, и европейская пресса стала заниматься обсужденіемъ современнаго журнализма съ разныхъ сторонъ; такъ, въ октябрьской книжкѣ англійскаго журнала «Westminster Review» Фридрикъ Вильсонъ разсматриваетъ журнализмъ, какъ профессію, и находитъ, что журналисты, по крайней мѣрѣ англійскіе, находятся въ далеко не блестящемъ положеніи, потому что газетные сотрудники получаютъ менѣе приказчиковъ и мастеровыхъ,

именно: репортеры вырабатываютъ не болѣе 100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, а завѣдывающіе отдѣлами не болѣе 130 ф. Польскій «Athenæum» за октябрь также посвящаетъ обстоятельную статью И. Грота французскому журнализму настоящаго времени и безпристрастно указываетъ на его блестящія и слабыя стороны; первыя онъ видитъ въ живомъ, отзывчивомъ характерѣ большинства статей французской прессы и въ сотрудничествѣ выдающихся ученыхъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей, а послѣднія—въ зависимости отъ капиталистовъ и другихъ покровителей, благодаря недостаточному развитію объявленій. Эженъ Пьеръ, секретарь предсѣдателя французской палаты депутатовъ, рисуетъ въ «Revue Bleue», отъ 31 октября 1896 г., картину политической прессы, со всѣми ея свѣтлыми и мрачными явленіями. Наконецъ, въ октябрьскомъ номерѣ «Deutsche Rundschau», Эмиль Лебль представляетъ очеркъ современной печати и ея нравственнаго вліянія на интеллектуальный уровень читателя. Подъ читателемъ онъ разумѣетъ нормальнаго человѣка нашихъ дней, т.-е. средняго и по образованію, и по средствамъ. Онъ намѣренно устраняетъ разсмотрѣніе партійныхъ газетъ и беретъ прессу въ ея общемъ типѣ. По его словамъ, она, съ одной стороны, собираетъ факты и документы, а съ другой—комментируетъ, критикуетъ, судитъ и распространяетъ идеи, а потому, исполняя свою двойную роль вѣстовщика новостей и просвѣтителя, пресса приноситъ вмѣстѣ и пользу, и вредъ. Съ ея помощью завоевана свобода мысли и такъ прочно, что возвратъ къ прежнему рабству человѣческаго ума немыслимъ; благодаря ей, гражданская свобода торжествуетъ надъ встрѣчающимися на ея пути сопротивленіями и капканами; наконецъ, пресса постоянно развиваетъ и совершенствуетъ умъ читателей. Не только газеты пополняютъ образованіе среднихъ классовъ, по достиженіи ими зрѣлаго возраста, но учатъ народъ читать, или, по крайней мѣрѣ, мѣшаютъ ему забыть грамоту. Вотъ благодѣтельная роль прессы; но каждая медаль имѣетъ свою изнанку. Привычка читать, ежедневно въ извѣстный часъ создаетъ умственную зависимость публики и отучаетъ читателя отъ самостоятельнаго мышленія, отъ благотворной работы своего собственнаго ума. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой умственной лѣни, этого умственнаго рабства служатъ нивеллированіе идей и отвращеніе къ серьезнымъ, философскимъ трудамъ. Если безконечныя отрасли человѣческихъ знаній расширились, если средній уровень образованныхъ людей поднялся, за то ученые, хотя немногіе по числу, были прежде выше по качеству и мыслили болѣе глубоко, болѣе оригинально. Чудеса техники, сдѣлавшія возможными передачу по телеграфу длинныхъ репортерскихъ отчетовъ и напечатаніе ихъ спустя нѣсколько часовъ послѣ совершившихся событій, достойны полнаго удивленія, но они причиняютъ и громадное зло, обусловливая появленіе скороспѣлыхъ, необдуманныхъ передовицъ, которыя легко могутъ сбить съ толку довѣрчиваго читателя. Этому злу можетъ помочь только преобразованіе ежедневной

газеты въ листокъ однѣхъ новостей, а сосредоточеніе передовыхъ статей, написанныхъ спокойно, не торопливо, основательно и вполнѣ удовлетворительно, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, въ еженедѣльныя изданія, которыя уже получили громадное развитіе въ Англіи и Америкѣ. Если же газеты останутся въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ издаются до сихъ поръ, то развиваемая ими въ читателяхъ нервность достигнетъ до опасныхъ, патологическихъ размѣровъ. «Приводимые утромъ и вечеромъ (за границей половина газетъ выходитъ въ 4 часа дня) въ смущеніе печатными простынями со всевозможными извѣстіями и разсужденіями, читатели, по словамъ Эмиля Лебля, путаются, становятся втупикъ, не могутъ разобраться во всей массѣ гнетущихъ фактовъ и мнѣній, забываютъ прошедшее, не думаютъ о будущемъ и живутъ только сегодняшней минутой, которая, въ свою очередь, быстро смѣняется завтрашней». Кромѣ вреднаго вліянія теперешней прессы на читателей, которые, не имѣя времени читать книги, становятся въ рабское къ ней отношеніе, она портитъ и писателей, пріучая ихъ къ ежедневной импровизаціи, верхоглядству, къ поспѣшной, срочной работѣ, къ размѣну своего таланта на мелкую монету и къ одинаковой неудовлетворительной литературной дѣятельности, какъ по содержанію, такъ и по формѣ.

Одинъ фактъ, что католическое духовенство нашло нужнымъ созвать цѣлый конгрессъ клерикаловъ въ Трентѣ, для борьбы съ масонствомъ, составляетъ характерный эпизодъ нашего времени; но когда выяснилось что на этомъ конгрессѣ почтенные прелаты, преимущественно французскіе, серьезно разсуждали о томъ, что составляетъ-ли масонство дѣйствительно культъ дьявола, или нѣтъ, и принимаетъ-ли участіе самъ дьяволъ, или его представители въ собраніяхъ этого знаменитаго тайнаго общества, распространеннаго во всей Европѣ, то дѣло приняло совершенно скандальный характеръ. Такой курьезъ, какъ поклоненіе дьяволу въ концѣ XIX столѣтія, да еще въ такомъ обществѣ, главой котораго состоитъ въ Англіи наслѣдникъ престола, не могъ не обратить на себя всеобщаго вниманія, и вполнѣ безпристрастные критики разсмотрѣли основательно въ англійской прессѣ всю подноготную этой любопытной исторіи. Какъ и слѣдовало ожидать, на повѣрку оказывается, какъ документально подтверждаютъ англійскіе публицисты: Фредерикъ—въ ноябрьской книжкѣ «Cornhill-Magazine» и Леггъ—въ октябрьскомъ номерѣ «Contemporary Review», настоящее масонство не имѣетъ ничего общаго съ культомъ дьявола, и послѣдній навязанъ ему лишь ради скандала сенсаціонными католическими писаками. Извѣстно, что католическіе клерикалы, подъ эгидой самого папы Льва XIII, который написалъ противъ масоновъ цѣлую энциклику, уже давно обвиняли масонство въ атеистическихъ и революціонныхъ стремленіяхъ, но о сношеніяхъ масонства съ дьяволомъ не было и помина до послѣдняго времени. Даже такой ярый противникъ масонства.

какъ Лео Таксиль, превратившійся изъ крайняго вольтерьянца въ ревностнаго католика, много говорилъ небылицъ и взводилъ недостойныхъ клеветъ на масонство, но и онъ долго ограничивался скабрезными исторіями о масонскихъ сестрахъ и разсказами о будто бы разыгрываемыхъ масонами скандальныхъ мистеріяхъ; въ его первыхъ сочиненіяхъ: «Обличеніе масонства», «Культъ великаго архитектора» и «Сестры масоновъ», не упоминается ни слова о культѣ дьявола. Первый разъ упомянулъ объ этомъ извѣстный романистъ Гитмансъ, въ надѣлавшемъ много шума романѣ «La Bas», въ которомъ онъ описалъ чрезвычайно картинно такъ называемую черную мессу, т.-е. скандальный обрядъ въ обществѣ, будто бы существующемъ въ Парижѣ и открыто поклоняющемся дьяволу. Хотя изложенная въ романической формѣ, эта сцена такъ поразила читателей своимъ графическимъ, рельефнымъ характеромъ, что въ ней сразу стали видѣть отголосокъ чего-то видѣннаго самимъ авторомъ. Романъ имѣлъ громадный успѣхъ и хотя вскорѣ оказалось, что Гитмансъ, бывшій ученикъ Зола, не самъ видѣлъ то, что описалъ, а заимствовалъ черную мессу изъ исторіи существовавшей въ сороковыхъ годахъ секты полусумасшедшаго Винтраса, который судился за нарушеніе общественной нравственности въ своей сектѣ, и которому наслѣдовалъ, также судившійся за то же, бывшій аббатъ Буланъ. Этотъ-то Буланъ, по признанію самого Гитманса, и далъ ему матерьялъ написать свою знаменитую черную мессу; но, не смотря на подобное разъясненіе, Лео Таксиль соблазнился денежнымъ успѣхомъ романа Гитманса и написалъ въ 1891 году новую противомасонскую книгу, подъ названіемъ: «Есть-ли женщины въ масонствѣ?» и въ ней онъ впервые обнаружилъ, что, будто бы, существуетъ особый видъ масонства, носящій названіе палладическаго, созданнаго американскимъ генераломъ Альбертомъ Пайкомъ, бывшимъ въ то время главою американскихъ масоновъ. По его словамъ, этотъ высшій орденъ масоновъ, состоящій изъ членовъ обоего пола, прямо поклоняется дьяволу, вызываетъ на своихъ собраніяхъ Люцифера, или одного изъ его приближенныхъ и дозволяетъ себѣ разыгрывать самыя скабрезныя мистеріи въ своихъ «святая святыхъ». Эта курьезная книга была издана съ благословенія гренобльскаго епископа, монсиньора Фава и имѣла успѣхъ сенсаціоннаго скандала. Съ тѣхъ поръ самъ Лео Таксиль умолкъ, но возникла цѣлая школа его послѣдователей. Прежде всѣхъ явился на сцену Адольфъ Рику, который въ небольшой брошюрѣ увѣряетъ, что существуетъ международный масонскій центръ, именующій себя Re-Thenrojisto-Optimates и вѣра котораго состоитъ въ мистическомъ сатанизмѣ. Затѣмъ, докторъ Баталь напечаталъ, въ формѣ ежемѣсячныхъ брошюръ, обширный трудъ: «Дьяволъ въ XIX столѣтіи», въ которомъ онъ, въ сущности, не сказалъ ничего новаго, но развилъ только то, что ранѣе разсказывали Таксиль и Рику. Наконецъ, въ дѣло вмѣшался итальянецъ синьоръ Доминико

Марджіотта, докторъ философіи, самъ сначала масонъ, а потомъ, также какъ Таксиль, обратившійся въ католическаго клерикала. Онъ не только призналъ за вѣрное все, что говорили его предшественники о палладическихъ масонахъ, но въ книгѣ, подъ заглавіемъ: «Адріано Лемми — верховный глава масоновъ», подробно описываетъ какъ исторію, такъ и современное положеніе палладизма. По его словамъ, лордъ Пальмерстонъ былъ великимъ патріархомъ всѣхъ европейскихъ масоновъ, послѣ его смерти — Мазини и Пайкъ забрали всю власть въ свои руки и учредили верховный орденъ палладіума, основанный на поклоненіи Люциферу. Въ настоящее время имъ обоимъ наслѣдовалъ Лемми, который состоитъ масонскимъ папой. Кромѣ своего собственнаго свидѣтельства и авторитета Таксиля, Марджіотта выводитъ еще на сцену новаго свидѣтеля противъ масонства, миссъ Діану Воганъ. Она, по словамъ Марджіотта и Таксиля, писавшаго о ней въ антимасонскихъ газетахъ, была ярая поклонница Люцифера, но потомъ раскаялась, перешла въ католицизмъ и написала «Мемуары экспаладистки,» которые до сихъ поръ появляются въ ежемѣсячныхъ брошюрахъ. Эта, по увѣренію ея покровителей, красивая, молодая американка идетъ въ своихъ разсказахъ далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ: она прямо разсказываетъ, что видѣла въ масонскомъ «святая святыхъ» въ Чарлстонѣ самого Люцифера, вызваннаго Пайкомъ и явившагося въ видѣ красиваго молодого человѣка въ золотомъ трико; далѣе она увѣряетъ, что она вызывала Люцифера въ другихъ паладистскихъ ложахъ и что наконецъ, недавно, видѣла одного изъ приближенныхъ Люцифера, Битру, который предсказалъ ей, что 29 сентября настоящаго года родится въ Парижѣ, отъ одной женщины, прямой потомокъ дьявола. И къ подобной-то чепухѣ серьезно относятся католическіе клерикалы, а для основательнаго обсужденія ея былъ созванъ антимасонскій конгрессъ. Цѣлый рядъ монсиньоровъ и патеровъ посвятили длинныя засѣданія оцѣнкѣ свидѣтельства миссъ Діаны Воганъ, но, какъ ни распространялись объ ея высокихъ достоинствахъ, никто не оказался лично ее знающимъ, такъ что одинъ изъ наиболѣе благоразумныхъ клерикаловъ, монсиньоръ Крацфельдъ, представитель архіепископа кёльнскаго, совершенно основательно заявилъ: «все это мистификація; никакой миссъ Воганъ не существуетъ; это новый псевдонимъ Лео Таксиля, и онъ только хочетъ вовлечь католическую церковь въ свой безсмысленный походъ противъ масонства, а потомъ напишетъ новую книгу, въ которой отречется отъ всѣхъ прежнихъ, и предастъ позору святую церковь, поймавную имъ въ ловушку». Несмотря на такое, вполнѣ логическое предостереженіе, члены антимасонскаго конгресса разошлись, не выяснивъ, кто дѣйствительно эта пресловутая миссъ Воганъ, дѣйствительно-ли она существуетъ и дѣйствительно-ли, по ея словамъ, дьяволъ принимаетъ участіе въ масонскихъ собраніяхъ. Хотя нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что Таксиль,

переставшій писать, отъ своего имени, противъ масонства, продолжаетъ борьбу съ нимъ подъ псевдонимами Реку, Баталя и Діаны Воганъ, но это предположеніе подтверждается многими общими чертами означенныхъ авторовъ и его любовью къ сокрытію своего настоящаго имени, такъ какъ, въ сущности, онъ не Лео Таксиль, а Габріэль Жоганъ-Пажесъ. Всѣ ссылки таинственной миссъ Воганъ на извѣстныхъ лицъ оказались неосновательными, и, какъ адмиралъ Маркгамъ, такъ мистеръ Робертъ Браунъ, живущій въ Эдинбургѣ, и докторъ Вестkотъ прямо отрицаютъ, чтобы они когда-нибудь ее видѣли, или имѣли какое-нибудь прикосновеніе къ будто бы существующему ордену Люциферцевъ. Наконецъ, явилась вражда между Таксилемъ и синьоромъ Марджіотта, который увѣряетъ, что Діана Воганъ, печатающая свои мемуары, фальшивая, а настоящая продолжаетъ поклоняться Люциферу. Нечего и говорить, что Леммн, бывшій еще недавно главой итальянскихъ масоновъ, отрицаетъ всѣ бредни итальянскихъ и французскихъ антимасоновъ. Что касается до существа этихъ разсказовъ, то въ нихъ нѣтъ ничего новаго, и они служатъ лишь повтореніемъ старыхъ легендъ о культѣ дьявола, разбросанныхъ въ различныхъ средневѣковыхъ и позднѣйшихъ книгахъ; ново только то, что приписывается этотъ культъ, со всѣми его клубничными подробностями, современнымъ масонамъ и что католическіе клерикалы не считаютъ для себя позоромъ серьезно заниматься подобной чепухой въ концѣ XIX столѣтія.

Изъ конгрессовъ мира протестъ противъ войны перешелъ на практическую почву. Надняхъ молодой голландецъ, Ванъ-деръ-Вееръ, вызванный подлежащей властью къ отбытію установленной военной службѣ въ гражданской гвардіи (schutterig), отвѣчалъ мотивированнымъ отказомъ. Онъ прямо заявилъ въ письмѣ на имя начальника гражданской гвардіи въ округѣ Мидельбургѣ, что не явится по вызову, хотя и знаетъ, какой отвѣтственности можетъ за это подвергнуться. Онъ, по его словамъ, свободный мыслитель, но сознаетъ лучше христіанъ всю силу заповѣди «не убій» и не хочетъ принимать участія въ избіеніи людей, которые не сдѣлали ему ничего дурного. Этотъ практическій протестъ противъ военной службы, въ какомъ бы то ни было видѣ, очевидно, служащій отголоскомъ теоретическихъ преній на конгрессахъ мира, надѣлалъ много шума въ европейской прессѣ, и прежде всего на него откликнулся графъ Л. Н. Толстой, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Времена близки», гдѣ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ и христіанскимъ идеализмомъ, онъ приписываетъ важное значеніе подобному единичному факту, такъ какъ, по его словамъ, еслибы всѣ люди сговорились поступить подобно Ванъ-деръ-Вееру, то война сдѣлалась бы немыслимой, а рано или поздно, онъ же полагаетъ. что не въ далекомъ будущемъ человѣчество придетъ къ практическому осуществленію того, что теперь всѣми признается теоретически, именно, что война—самое

безнравственное, самое отвратительное, самое безчеловѣчное и самое противухристіанское явленіе. Совершенно иначе отнеслась къ этому вопросу редакція «Journal des Débats», въ фельетонѣ которой помѣщена статья Толстого. Она прямо называетъ, въ передовицѣ, благородную, возвышенную утопію русскаго публициста безсмысленной химерой и называетъ Ванъ-деръ-Веера преступникомъ, нарушившимъ законъ своей страны и любовь къ родинѣ, а потому заслуживающимъ самаго тяжкаго наказанія, такъ какъ его протестъ противъ войны — безсмысленная выходка, а война, всегда существовавшая, и будетъ всегда существовать, развивая въ людяхъ самыя доблестныя чувства. Однако, голландское правительство не согласилось съ точкой зрѣнія французской консервативной газеты и, вѣроятно, придерживаясь того мнѣнія, что молодой Ванъ-деръ-Вееръ не преступникъ, а если и заблуждающійся юноша, то подъ вліяніемъ благородныхъ, возвышенныхъ, человѣчныхъ стремленій, подвергло его только штрафу въ 10 флориновъ. На этомъ пока и окончился этотъ любопытный единичный примѣръ практическаго примѣненія проповѣдываемой конгрессами мира и признаваемой всѣми мыслящими людьми идеи о томъ, что пора, въ виду наступающаго XX вѣка, всему человѣчеству снять съ себя пятно братоубійственнаго огульнаго избіенія.

Видоизмѣненіе религіозныхъ и общественныхъ идей совершается на Западѣ быстро и то, что сегодня кажется несбыточной утопіей, дѣлается завтра всѣми признаваемымъ фактомъ. Однимъ изъ краснорѣчивыхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи можетъ служить введеніе съ нѣкоторыхъ поръ въ Англіи «Гражданскаго воскресенья». Не только сто, но даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ мысль о чемъ-нибудь подобномъ показалась бы невозможной, даже святотатственной, а теперь всѣ проповѣдники англиканской церкви и ея многочисленныхъ сектъ сговорились посвящать нѣсколько воскресеній въ году проповѣдямъ, исключительно трактующимъ о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ ихъ прихожанъ. Такое гражданское воскресенье пришлось 26 октября, и, напримѣръ, во всѣхъ лондонскихъ церквахъ пасторы, отложивъ въ сторону богословскіе споры и нравственныя заботы о спасеніи души, просто, толково и подкрѣпляя свои слова текстами изъ Священнаго Писанія, обучали народъ тому, что составляетъ ихъ права и обязанности, какъ гражданъ. Одинъ пасторъ указывалъ на то, что каждый человѣкъ обязанъ, по возможности, содѣйствовать улучшенію положенія своихъ ближнихъ, а потому его долгъ — пользоваться своими избирательными правами и той долею общественнаго вліянія, которая ему принадлежитъ для устраненія общественнаго зла; другой, въ блестящей картинѣ, рисовалъ тѣ страшные контрасты богатства и нищеты, которые въ Лондонѣ поражаютъ на каждомъ шагу и которые могутъ быть уничтожены друж-

нымъ воздѣйствіемъ всѣхъ гражданъ; третій доказывалъ необходимость каждому гражданину заботиться о справедливомъ веденіи дѣла городскимъ совѣтомъ, для чего, по мѣрѣ возможности, принимать участіе, прямо или косвенно, въ каждомъ дѣлѣ, касающемся общественныхъ интересовъ; четвертый проповѣдывалъ о христіанскомъ долгѣ каждаго гражданина содѣйствовать распространенію народнаго образованія и т. д. и т. д. При этомъ всѣ пасторы старательно и совершенно практически выясняли, какими правами могутъ и должны пользоваться ихъ прихожане, а равно, какія обязанности, въ отношеніи общества, лежатъ на нихъ. Все это, очевидно, развиваетъ въ высшей степени нравственныя, политическія и общественныя понятія не только низшихъ, но и среднихъ классовъ, и, хотя, строго говоря, подобныя проповѣди не имѣютъ религіознаго характера въ томъ узкомъ значеніи этого слова, которое придавалось доселѣ слову «религія» въ большинствѣ христіанскихъ церквей, но, безспорно, онѣ ближе къ истинной христовой вѣрѣ, чѣмъ самые утонченные богословскіе, догматическіе споры. Во всякомъ случаѣ, англиканскіе пасторы, которые ввели и поддерживаютъ новый обычай гражданскаго воскресенія, служатъ благотворнымъ орудіемъ для распространенія нравственнаго и интеллектуальнаго прогресса въ ихъ странѣ, которая издавна славилась, какъ центръ гражданской свободы.

Насколько ревниво Англія оберегаетъ гражданскую свободу не только своихъ гражданъ, но и чужестранцевъ, находящихся на ея территоріи, доказываетъ недавняя драматическая исторія съ однимъ молодымъ китайцемъ, котораго заманили обманомъ въ китайское посольство въ Лондонѣ и тамъ арестовали. Извѣстіе объ этомъ попало въ газеты; тотчасъ забили тревогу, которыя общественное мнѣніе всполошилось, толпы народа окружили домъ китайскаго посольства. Два дня Лондонъ только и говорилъ о юномъ, никому неизвѣстномъ китайцѣ, который незаконно арестованъ, такъ какъ, по англійскимъ законамъ, никто въ Англіи не можетъ лишиться свободы безъ постановленія установленнаго суда. Сначала китайское посольство выставило теорію экстерриторіальности и доказывало, что арестованный китаецъ очень опасный заговорщикъ, добровольно вошелъ въ домъ посольства, а однажды тамъ онъ былъ въ Китаѣ, слѣдовательно съ нимъ могли дѣлать, что угодно, и ни одному англичанину до этого дѣла нѣтъ. Но общественная буря такъ быстро росла, что лордъ Сольсбери вступился въ дѣло и оффиціально потребовалъ немедленнаго освобожденія незаконно лишеннаго свободы человѣка на англійской почвѣ, предоставляя китайскому правительству обратиться въ подлежащій судъ съ просьбой объ экстрадиціи молодого китайца, если оно имѣло достаточныя улики, доказывающія его виновность въ какомъ-нибудь преступленіи, обусловливающемъ выдачу преступника. Посольство повиновалось; китаецъ выпущенъ на свободу, и общественное мнѣніе Англіи одержало еще

одну мелкую по формѣ, но громадную по внутреннему значенію побѣду. Конечно, тотчасъ газетные репортеры нахлынули на бѣднаго китайца и, какъ изъ его собственныхъ разсказовъ, такъ и изъ свидѣтельствъ двухъ англійскихъ докторовъ, Кантли и Мансена, знавшихъ его въ Гонгъ-Конгѣ, вполнѣ выяснились всѣ подробности этой патетической исторіи, разыгравшейся въ наше прозаическое время со всѣми аксессуарами любой мелодрамы. Сунъ-Іэтъ-Сенъ—красивый молодой человѣкъ, перешедшій въ англиканскую вѣру, изучалъ медицину въ Гонгъ-Конгской коллегіи, получилъ докторскій дипломъ и практиковалъ въ Кантонѣ, Макао и Гонолулу, а осенью нынѣшняго года онъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ цѣлью продолжать свои медицинскія занятія. Но, по несчастью для него, онъ въ Китаѣ поступилъ въ члены партіи реформы, которая образована просвѣщенными людьми, съ цѣлью ввести конституціонное правленіе, такъ какъ теперешніе китайскіе порядки, съ мандаринами-взяточниками на всѣхъ ступеняхъ управленія, привели уже страну къ гибельной войнѣ съ Японіей и окончательно ее раззоряютъ. Сначала эта партія вступила на оффиціальный путь и подавала записки императору и высшимъ мандаринамъ, но изъ этого ничего не вышло, а тогда она избрала другого рода путь, очень медленный, но самый вѣрный, именно распространеніе образованія въ народѣ, но и тутъ ей приходится бороться съ тяжелыми преградами. Мандарины, которые, по словамъ доктора Суна, держатъ богдыхана въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что творится въ его странѣ, и постоянно его обманываютъ, безжалостно притѣсняя несчастный народъ всевозможными, чудовищными поборами, считаютъ новую партію реформы еще болѣе опасной для себя, чѣмъ тайныя общества, существующія издавна въ странѣ, и безжалостно ее преслѣдуютъ, казня и заточая ея членовъ. Еще въ Кантонѣ, докторъ Сунъ подвергся гоненію, но онъ успѣлъ скрыться, и только въ Лондонѣ попался въ ловушку, изъ которой ему удалось выскочить только благодаря англійскому общественному мнѣнію и англійской печати. Однако, въ китайскомъ посольствѣ его положеніе было самое отчаянное: ему прямо объявили, что его считаютъ за опаснаго заговорщика, что ночью его стащатъ связаннаго на пароходъ, отходящій въ Китай, а тамъ подвергнутъ казни; по всей вѣроятности, такова и была бы его судьба, еслибъ онъ не нашелъ возможности увѣдомить своихъ друзей, двухъ англійскихъ докторовъ, о своемъ арестѣ, а они не подняли общественной агитаціи, поставивъ немедленно частныхъ караульныхъ вокругъ китайскаго посольства съ цѣлью помѣшать тайному его удаленію на пароходъ. Такимъ образомъ все обошлось благополучно, и докторъ Сунъ пока остается въ Лондонѣ и занимается медициной у лучшихъ профессоровъ.

Этотъ англо-китайскій эпизодъ тѣмъ любопытнѣе, что доктора Суна обвиняютъ въ принадлежности къ тайному обществу, а тайныя общества издавна имѣютъ права гражданства въ имперіи богдыхана. Англійскія га-

зеты сообщаютъ много интересныхъ подробностей объ этихъ обществахъ; въ особенности любопытенъ разсказъ о нихъ въ «Daily News» лучшаго авторитета по внутренней китайской жизни, профессора Роберта Дугласа, хранителя восточнаго отдѣла Британскаго музея. «Китай кишитъ тайными обществами,—говоритъ онъ,—и они обязаны своимъ существованіемъ если не всецѣло, то главнымъ образомъ корыстолюбію мандариновъ. Народъ вынужденъ искать спасенія отъ ихъ раззорительныхъ поборовъ въ какой-нибудь организаціи. Въ южныхъ провинціяхъ еще существуетъ сильное родовое устройство, и въ немъ несчастные находятъ себѣ защиту, но въ другихъ мѣстахъ единственнымъ для нихъ спасеніемъ служатъ тайныя общества. Нѣкоторыя изъ этихъ обществъ имѣютъ такую силу, что мандарины не смѣютъ къ нимъ привязаться. Самое могущественное тайное общество въ Китаѣ носитъ названіе Ассоціаціи Колао, или старыхъ братьевъ; оно существуетъ съ давнихъ временъ и считаетъ въ своихъ рядахъ болѣе милліона членовъ. Встарину оно носило другое имя, именно Хунгъ-Хой, и принимало наибольшее участіе въ низверженіи монгольской династіи въ 1368 г. и возведеніи на престолъ династіи Минговъ. Цѣль его подобна задачѣ многихъ другихъ тайныхъ обществъ Китая: замѣнить нынѣ царствующій манджурскій домъ Мингами; что касается до его силы, то она громадна. Всѣ его члены слѣпо повинуются своему главѣ, который диктаторствуетъ неограниченно. Во время войны Китая съ Японіей очень боялись, чтобъ колаойцы не отказались отъ участія въ войнѣ и не произвели бы возстанія, въ случаѣ чего гибель манджурской династіи была бы неминуема; но глава ихъ оказался патріотомъ и прямо заявилъ, что не дастъ сигнала къ возстанію изъ боязни Россіи, которая могла воспользоваться общимъ смятеніемъ въ Небесной имперіи и присоединить къ себѣ значительную ея часть. Другое сильное тайное общество, но далеко уступающее по своему значенію и размѣрамъ Колао, братство Бѣлой лиліи; оно сначала имѣло религіозный характеръ, отличалось несторіанскими стремленіями и не принимало никакого участія въ политикѣ. Императоръ Кагъ-Хси, въ своей знаменитой книгѣ, написанной нѣсколько вѣковъ тому назадъ, отнесъ братство Бѣлой лиліи и католичество къ самымъ опаснымъ сектамъ, которыхъ надлежитъ чуждаться. Наиболѣе Бѣлая лилія распространена въ провинціяхъ: Кантонской, Фу-Кейнской и Хунанской, а въ послѣдніе годы она принимала участіе во многихъ возстаніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти общества имѣютъ значеніе, представляя единственную защиту несчастнымъ, преслѣдуемымъ мандаринами китайцамъ, и сами мандарины часто обращаются къ вожакамъ этихъ обществъ за совѣтами въ критическія минуты, на счетъ лучшаго управленія провинціями, хотя члены ихъ преимущественно люди средняго и низшаго классовъ».

II.

Между журналами и газетами.

Воспитаніе въ будущемъ.—Извѣстный профессоръ Шарль Летурно, занимающій въ антропологической школѣ, въ Парижѣ, каѳедру исторіи цивилизаціи, посвятилъ въ настоящемъ году свой курсъ очерку общественнаго воспитанія во всѣ времена. Слѣдуя своему постоянному методу, онъ сначала разсмотрѣлъ эволюцію воспитанія въ животномъ мірѣ, а потомъ въ человѣческой расѣ, на всѣхъ ея ступеняхъ; въ послѣдней же своей лекціи, напечатанной въ журналѣ названной школы, онъ представилъ картину воспитанія въ будущемъ, какъ результатъ всей вѣковой работы по этому наиболѣе важному для человѣчества вопросу [1]). «Если бросить общій взглядъ на эволюцію человѣческаго воспитанія, во всѣхъ различныхъ фазахъ общественнаго развитія,—говоритъ Летурно,—то станетъ ясно, что сначала, и довольно долго, оно ограничивалось простой практической обучкой, подобной той, какую нѣкоторыя животныя даютъ своимъ дѣтенышамъ; затѣмъ воспитаніе, исключительно физическое, мало-по-малу, съ усиленіемъ семейныхъ и общественныхъ вліяній, становится нравственнымъ и, наконецъ, при развитіи науки, литературы и искусствъ, оно принимаетъ характеръ интеллектуальный. Эти три фазы воспитанія: физическаго, нравственнаго и интеллектуальнаго вполнѣ соотвѣтствуютъ развитію индивидуума въ теченіе его жизни, а человѣчества—изъ вѣка въ вѣкъ». Такимъ образомъ педагогія имѣетъ три цѣли: развитіе физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ, но въ какой степени развивать всѣ эти отрасли? Въ этомъ заключается задача воспитателя. Слѣдуетъ-ли, по однимъ педагогическимъ теоріямъ, создать практическаго человѣка, которому хорошо бы жилось на свѣтѣ, въ той обстановкѣ, въ которой онъ находится, т.-е. если онъ рабъ, то дрессировать его такъ, чтобы онъ жилъ спокойно подъ игомъ рабства? Или необходимо прежде всего сдѣлать человѣка человѣкомъ, не обращая вниманія на окружающія его условія, съ цѣлью неподчиненія имъ, а напротивъ, устраненія существующихъ несовершенствъ? Эти два вида общественнаго воспитанія соотвѣтствуютъ: первый — вырождающемуся обществу, а послѣдній — прогрессирующему. Конечно, идеальное воспитаніе — дѣло будущаго, и нельзя вполнѣ точно опредѣлить, до мелочей, его составъ такъ, какъ это зависитъ отъ послѣдующихъ фазъ соціологической и психологической эволюціи, но уже теперь можно смѣло указать, что цѣль этого воспитанія будетъ та же, какъ и въ настоящее время, а именно—создать изъ каждаго человѣка вполнѣ развитого физически, нравственно и умственно, гражданина; сдѣлать, однимъ

[1]) «L'avenir de l'education», par Charles Letourneau. «Revue mensuelle de l'Ecole Anthropologique». Juillet, 1896.

словомъ, его настолько здоровымъ, добрымъ и умнымъ, насколько позволяетъ индивидуальная организація каждаго субъекта. Намѣтивъ такимъ образомъ, въ главныхъ чертахъ, воспитаніе будущаго, Летурно переходитъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію каждаго изъ указанныхъ имъ видовъ. Въ древности, особенно въ Греціи и Римѣ, обращали наибольшее вниманіе на физическое развитіе дѣтей, но христіанство, своимъ аскетизмомъ и презрѣніемъ къ мускульной силѣ и красотѣ, какъ помѣхамъ духовному совершенству, измѣнило въ корнѣ человѣческое воспитаніе. Не только въ средніе вѣка совершенно устранили физическое развитіе, но это исключительное педагогическое направленіе существуетъ и доселѣ въ латинскихъ странахъ и тамъ, гдѣ считаютъ нужнымъ его заимствовать, хотя оно вовсе не свойственно національнымъ условіямъ; только Англія и Америка благоразумно освободились отъ подобнаго зловреднаго начала, и знаменитый Спенсеръ въ сущности только формулировалъ общепринятый на его родинѣ взглядъ, говоря: «первое условіе человѣческаго воспитанія — сдѣлать хорошее, здоровое животное, а первое условіе національнаго благоденствія — создать націю изъ хорошихъ, здоровыхъ животныхъ». Въ Англіи, какъ извѣстно, физическія упражненія и атлетическія игры составляютъ важныя условія школьной и университетской жизни, притомъ педагогическія учрежденія обыкновенно существуютъ на чистомъ воздухѣ, въ маленькихъ городкахъ, среди красотъ природы. Напротивъ, во Франціи и еще болѣе въ Италіи старинныя школы въ антигигіеническихъ городскихъ зданіяхъ, съ ихъ чрезмѣрной дисциплиной и узкой программой, напоминающихъ монастырь, казарму и тюрьму, выпускаютъ молодыхъ людей слабыхъ, неразвитыхъ, патологически разстроенныхъ; такъ, въ Италіи, гдѣ болѣе всего на свѣтѣ адвокатовъ, медиковъ и патеровъ, оказывается, въ каждой тысячѣ волонтеровъ 347 съ атрофированной мускульной системой. Рядомъ съ физическимъ разстройствомъ, при такой противуестественной педагогической системѣ, является всегда и нравственная, а также умственная притупленность, такъ какъ немыслимы, при физическомъ неразвитіи и чрезмѣрной казарменной дисциплинѣ, проявленія въ молодомъ человѣкѣ энергіи, смѣлости, твердой воли и умственной инціативы, отъ чего зависитъ не только индивидуальное, но и общественное благоденствіе. «Искусственное поджариваніе юношества въ соусѣ экзаменовъ» не можетъ, по выраженію итальянскаго доктора Моссо, подготовить настоящихъ людей, а безъ людей нѣтъ благоденствія не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ. Такимъ образомъ физическая культура является первымъ и необходимымъ условіемъ идеальнаго воспитанія и въ сущности достичь этой цѣли не трудно, такъ какъ мѣры для ея достиженія обусловливаются только здравымъ смысломъ и деньгами. Но гораздо труднѣе и деликатнѣе вопросъ о нравственной культурѣ. Въ виду существующихъ до сихъ поръ мистико-традиціонныхъ взглядовъ на этотъ предметъ,

нравственная педагогія всецѣло должна быть создана въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, ясно, что она должна быть основана на результатахъ разума и опыта. Изъ всѣхъ школъ прошедшаго только школы справедливости, существовавшія въ древней Персіи, согласно разсказа о томъ Ксенофонта, ставили себѣ цѣлью здравое развитіе нравственныхъ идей и нравственнаго характера; въ нихъ учили справедливости не путемъ догматовъ, а практически, выясняя настоящую справедливую точку зрѣнія на событія ежедневной жизни. Опытъ реформатора Оуэна, въ его колоніи Нью-Ланаркъ, доказываетъ также, что истинно нравственное воспитаніе, основанное на стремленіи заслужить общественное одобреніе и избѣгнуть общественнаго осужденія, можетъ дать прекрасные результаты; такъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ совершенно исправилъ въ нравственномъ отношеніи цѣлое поколѣніе уличныхъ оборванцевъ Эдинбурга. Точно также въ пенитенціарномъ учрежденіи въ Эльмирѣ, въ штатѣ Нью-Іоркъ, вся система нравственнаго возрожденія преступниковъ основана на развитіи чувства долга. Отъ каждаго арестанта вполнѣ зависитъ его дальнѣйшая судьба; его прошедшее совершенно забыто, не существуетъ никакихъ наказаній и, совершенствуясь, арестантъ подготовляетъ себѣ свѣтлую будущность. Изъ 1.722 заключенныхъ, которые были освобождены на-слово, 1.125, т.-е. 78% вели себя безукоризненно, послѣ выхода изъ тюрьмы, и не было ни одного оффиціальнаго рецидивиста. Этотъ фактъ вполнѣ доказываетъ успѣшность разумно веденнаго нравственнаго воспитанія, значитъ, все зависитъ отъ того, чтобы оно было основано на развитіи благородныхъ соціальныхъ качествъ: альтруизма, взаимной помощи и подчиненія личныхъ интересовъ общественнымъ. Но, конечно, такая раціональная система нравственной культуры не можетъ установиться, прежде чѣмъ не измѣнится современный общественный строй, въ основѣ котораго лежитъ погоня за наживой. Умственнаго развитія наравнѣ съ физическимъ гораздо легче достигнуть, чѣмъ нравственнаго. По всей вѣроятности, недалеко то время, когда всѣ образованныя общества согласятся въ томъ, что необходимы научныя знанія и что цѣли воспитанія въ этомъ отношеніи достигаются не количествомъ, а качествомъ занятій. Старые, нелѣпые методы будутъ отвергнуты; учители перестанутъ исключительно насиловать память своихъ учениковъ, а будутъ всякій предметъ объяснять и растолковывать. Изученіе языковъ не будетъ исключительно основано на грамматикѣ, а ему придадутъ живость и осмысленность лингвистическимъ изученіемъ предмета. Латынь и греческій языкъ перестанутъ быть якоремъ спасенія, и бѣдныя дѣти не станутъ въ одинъ день заниматься десятью различными предметами, а всѣ науки будутъ преподаваться въ строгомъ логическомъ и психологическомъ порядкѣ, такъ какъ вообще науку можно сравнить съ деревомъ,—у нея также есть стволъ, вѣтви, сучки и листва. «Очевидно,—заключаетъ свою лекцію Летурно,—что подобная коренная реформа въ

педагогіи не можетъ быть разомъ импровизована: сначала установятся главныя черты, а подробности выработаются съ теченіемъ времени, въ виду многочисленныхъ опытовъ, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, такъ какъ разумная, здравая и прогрессивная культура тѣла, сердца и ума не можетъ процвѣтать въ странѣ, чрезмѣрно централизованной, гдѣ немыслима никакая отдѣльная иниціатива. Для раціональной реформы общественнаго воспитанія въ такой централизованной странѣ, какъ Франція, необходимо прежде всего уничтожить ихъ централизаціи и раздѣлить страну на свободныя федеративныя общины, которыя, развивъ отдѣльныя, соотвѣтствующія ихъ потребностямъ, системы, контролировали бы въ этомъ отношеніи другъ друга. Въ этомъ заключается залогъ нашего спасенія, говоритъ Летурно, такъ какъ, если мы не желаемъ, чтобы наша раса окончательно выродилась, то необходимо, чтобы наши потомки были сильнѣе, красивѣе, лучше и умнѣе насъ».

Народные университеты.—Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Gegenwart» помѣщена обстоятельная статья Гамдорфа [1]) о развитіи въ Вѣнѣ съ прошедшаго года движенія въ пользу народныхъ университетовъ, или, какъ принято выражаться по примѣру Англіи,—«распространенія университета». Для полнаго освѣщенія этого важнаго вопроса авторъ сначала представляетъ краткій очеркъ того, какъ возникло и расширилось это полезное просвѣтительное движеніе. Первая мысль о немъ была заявлена публично однимъ изъ кембриджскихъ профессоровъ Джемсомъ Стюартомъ, и его товарищи согласились, для перваго опыта, прочитать въ различныхъ городахъ Англіи цѣлый рядъ лекцій по различнымъ предметамъ университетскихъ курсовъ, которые недоступны молодымъ и даже взрослымъ, не имѣющимъ возможности оффиціально поступить въ эти замкнутые храмы науки. Означенныя лекціи имѣли такой громадный успѣхъ, что спустя три года образовалось въ Лондонѣ общество, съ цѣлью широкаго примѣненія идеи Стюарта; оно приняло названіе Лондонскаго общества для распространенія университетскаго образованія, и съ самаго начала въ немъ приняли участіе многочисленные выдающіеся дѣятели, общественные и научные. Въ 1878 году Оксфордъ сталъ во главѣ движенія, а за нимъ послѣдовалъ университетъ Викторіи въ Манчестерѣ. Съ тѣхъ поръ всѣмъ отдѣльнымъ усиліямъ было придано единство, выработанъ общій планъ, и съ осени того же года во многихъ городахъ Англіи были открыты постоянные курсы, состоявшіе не только изъ шести и двѣнадцати-недѣльныхъ, или двухъ-недѣльныхъ курсовъ, но и подготовительныхъ занятій для повѣрочныхъ экзаменовъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, обнародованнымъ за семестръ 1894—1895, одинъ Оксфордскій университетъ имѣлъ 160 центровъ для публичныхъ лекцій, съ 29 публичными лекторами, которые прочли за это время 1.544 лекціи, при

[1]) «Die Volks Universit», von M. Hamdorff. «Gegenwart». August.

20.809 слушателяхъ, т.-е., среднимъ числомъ, по 129 на каждую. Вообще въ Великобританіи и Ирландіи въ настоящее время 60.000 мужчинъ и женщинъ всевозможныхъ профессій, но преимущественно фабричныхъ работниковъ и работницъ, пользуются этимъ распространеніемъ университетскаго знанія, которое, при подобныхъ условіяхъ, орошаетъ всю страну благотворной, умственной ирригаціей. Американскіе Соединенные Штаты не остались позади своей старой метрополіи: Филадельфія въ 1890 г., Нью-Іоркъ въ 1891 и Чикаго въ 1892 г. открыли правильно устроенные курсы популярныхъ университетскихъ лекцій. То же движеніе распространилось съ большимъ успѣхомъ въ Бельгіи и во всѣхъ большихъ городахъ этой страны: Брюсселѣ, Литтихѣ, Антверпенѣ, Гентѣ и Брюгенѣ процвѣтаютъ подобные курсы. Гентскому университету можно даже приписать починъ въ этомъ дѣлѣ на всемъ свѣтѣ, такъ какъ ранѣе самого Стюарта, именно въ 1857 году, былъ читанъ въ Гентѣ мѣстными профессорами цѣлый рядъ лекцій по медицинѣ, астрономіи и нѣкоторымъ другимъ предметамъ естественныхъ наукъ, въ программѣ, почти ничѣмъ не отличающейся отъ нынѣ процвѣтающихъ курсовъ распространенія университетскихъ знаній. Если этотъ опытъ не удался, то лишь потому, что тогда аудиторія состояла изъ буржуазной публики, преимущественно изъ студентовъ, для которыхъ эти лекціи были лишь повтореніемъ университетскаго курса. А теперь мы видимъ совершенно иное: большая часть слушателей состоитъ изъ рабочихъ, работницъ и мелкихъ служащихъ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, которые жертвуютъ часомъ своего отдыха съ цѣлью просвѣщенія. Конечно, не можетъ быть болѣе благотворнаго орудія для возвышенія умственнаго уровня націи, какъ широкое примѣненіе плана Стюарта, но непремѣнно при тѣхъ условіяхъ, которыя поставили организаторы движенія. Дѣло не въ томъ, чтобы, какъ въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, отчасти въ университетахъ Германіи и въ парижской Сорбоннѣ—открыть публичные курсы на ряду съ факультетскими, предоставивъ право читать лекціи приватъ-доцентамъ, учителямъ и т. п., а необходимо придать движенію единство, сохранить его въ рукахъ университетскихъ профессоровъ и распространить въ центрахъ того рабочаго населенія, для котораго оно, главнымъ образомъ, предназначено. Только при подобныхъ условіяхъ это распространеніе университетскихъ знаній получаетъ систематичный и серьезный характеръ, причемъ очень важную роль играютъ практическія занятія лекторовъ со своими слушателями, репетиціи, экзамены и т. д. Все это прекрасно поняли въ Вѣнѣ, гдѣ, осенью прошедшаго года, осуществлена программа Стюарта на самой широкой и практической ногѣ. Вѣнскій университетъ, по словамъ Гамдорфа, вступилъ въ сношеніе съ Пражскимъ, Инспрукскимъ и Грацскимъ, для общей выработки плана дѣйствій, и въ настоящее время практическое осуществленіе этого плана обѣщаетъ самые блестящіе плоды. Основой его служитъ предоставленіе средствъ къ уни-

верситетскому образованію тѣмъ, которые, или сами, или съ помощью воспитанія въ элементарной школѣ, подготовлены къ нему. Уже ранѣе, въ 1887 г., вѣнское общество народнаго образованія организовало популярные вечера, на которыхъ музыка чередовалась съ чтеніемъ по литературѣ и научнымъ предметамъ. Въ сезонъ 1887—1888 гг. было открыто, въ десяти вѣнскихъ кварталахъ, 28 центровъ народнаго образованія, а въ сезонъ 1894—1895 гг. ихъ уже было 274, въ 15 кварталахъ, а число слушателей на лекціяхъ исторіи, нетолько политической, но и цивилизаціи и изящныхъ искусствъ, естественныхъ наукъ, права, медицины, литературы, агрономіи, политической экономіи, бухгалтеріи и музыки—доходило до 76.000. Такимъ образомъ оставалось только объединить эти центры народнаго образованія, придать имъ общую программу и создать постоянное общеніе ихъ съ университетомъ. Благодаря ректору Чермаку, этотъ результатъ достигнутъ зимой 1895 года. Правительство обезпечило новому учрежденію годовую субсидію въ 5.000 флориновъ, и съ ноября того же года 35 университетскихъ профессоровъ открыли въ различныхъ кварталахъ города публичные курсы, состоящіе изъ шести лекцій каждый, съ платой по кронѣ за весь курсъ, т.-е. около полутора рубля, для покрытія расходовъ на наемъ аудиторіи, освѣщеніе ея, жалованья служащимъ и т. п.; что же касается самихъ профессоровъ, то они дѣлятъ между собой правительственную субсидію. До сихъ поръ подобные популярные университетскіе курсы существуютъ только въ Вѣнѣ, но движеніе распространилось и въ другихъ большихъ городахъ. Такъ, въ Прагѣ, Инспрукѣ и Грацѣ ожидаютъ только правительственнаго разрѣшенія и субсидіи, чтобы послѣдовать примѣру столицы. Уставъ Вѣнскаго народнаго университета очень не сложенъ и въ сущности состоитъ изъ двухъ главныхъ статей: 1) Вѣнскій университетъ открываетъ популярные университетскіе курсы своихъ профессоровъ внѣ факультетскихъ зданій и своей оффиціальной программы, съ цѣлью распространить университетскія знанія среди лицъ, которымъ недоступны университетскія аудиторіи; эти курсы будутъ читаться въ Вѣнѣ, въ ея окрестностяхъ и, по возможности, во всей нижней Австріи; 2) популярныя университетскія лекціи будутъ обнимать всѣ отрасли университетскаго знанія, за исключеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые касаются политической, общественной и религіозной полемики. Университетскіе профессора обязаны въ своихъ лекціяхъ придерживаться указаній организаціоннаго комитета, который прямо требуетъ, чтобы лекторы, для наилучшаго осуществленія своей задачи, предполагали, что ихъ слушатели ничего не знаютъ, а потому не употребляли техническихъ или спеціальныхъ терминовъ, предварительно не объяснивъ ихъ значенія. Они обязаны, насколько возможно, приводить примѣры изъ ежедневной жизни, близко знакомой ихъ слушателямъ, и, хотя имѣютъ право говорить вполнѣ свободно, но имъ слѣдуетъ помнить, что ихъ слова только тогда принесутъ

плодъ, когда они будутъ понятны слушателямъ, и не вдругъ, а мало-помалу, развьютъ умственныя способности этихъ слушателей. Имъ надлежитъ постоянно имѣть въ виду, что успѣхъ ихъ курсовъ, главнымъ образомъ, зависитъ отъ тѣснаго общенія со слушателями, для достиженія чего необходимо оканчивать каждую лекцію рядомъ вопросовъ, на которые слушатели, конечно, по добровольному желанію, представятъ отвѣты на слѣдующей лекціи; съ своей стороны и слушатели имѣютъ право задавать профессорамъ вопросы, какъ устные, такъ и письменные. Наконецъ, профессора должны не ограничивать своего умственнаго вліянія однѣми лекціями, а, по возможности, убѣждаться, насколько поняты ихъ слова, и вообще всячески стараться установить полную связь и дружеское довѣріе между слушателями и лекторами. Программа популярныхъ университетскихъ чтеній печатается въ газетахъ въ началѣ каждаго учебнаго семестра, который дѣлится на три періода: отъ 15 ноября до конца декабря, отъ начала января до конца февраля и отъ конца февраля до конца марта или начала апрѣля. Въ первомъ періодѣ 1895 г. было 24 курса, которые почти всѣ съ прибавленіемъ 6 новыхъ, перешли во второй періодъ, а въ третьемъ періодѣ прибавилось только 2 новыхъ. Лекціи обнимали всѣ научные предметы: исторію, исторію цивилизаціи, литературу, изящныя искусства, агрономію, географію, демографію, конституціонное право, уголовное право, гигіену, медицину, хирургію, бактеріологію, патологію, математику, астрономію, устройство машинъ и электричество. Нѣкоторые изъ профессоровъ печатаютъ программы своихъ курсовъ въ видѣ маленькихъ брошюръ, которыя служатъ полезнымъ введеніемъ для этихъ курсовъ; между ними особенно замѣчательна программа доктора Редлиха, который на двадцати страницахъ съумѣлъ, съ удивительной ясностью, дать полное понятіе о нервныхъ и мозговыхъ болѣзняхъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ развиваютъ умственныя понятія своихъ слушателей вѣнскіе профессора, Гамдорфъ приводитъ перечень главныхъ курсовъ по литературѣ: профессоръ Рейхель читалъ о Гомерѣ; профессоръ Меклеръ—о греческомъ театрѣ, съ отрывками изъ Эсхила, Софокла, Эврипида и Аристофана; профессоръ Деттъ—о Нибелунгахъ, Гете и Шиллерѣ. «Такимъ образомъ, — говоритъ въ концѣ своей статьи Гамдорфъ, — Вѣнскій народный университетъ разумно и раціонально ведетъ дѣло умственнаго развитія народа, причемъ знаменитые профессора, знанія которыхъ безспорны, примѣняютъ науку къ уровню людей, жаждущихъ знанія, но не имѣющихъ возможности проникнуть въ университетскія аудиторіи; этимъ путемъ народъ пріобрѣтаетъ необходимыя свѣдѣнія, по всѣмъ предметамъ, въ ясномъ, краткомъ и конкретномъ изложеніи, а въ концѣ-концовъ самый уровень его знаній незамѣтно повышается».

Рабочія ассоціаціи въ Италіи.—Англійскій публицистъ Генри Вольфъ, спеціально изучающій положеніе рабочаго вопроса въ Старомъ и Но-

вомъ Свѣтѣ, помѣстилъ въ «Contemporary Review» новую статью объ этомъ предметѣ подъ заглавіемъ: «Автономія труда» [1]). Начавъ свой этюдъ съ указанія, что недавній международный конгрессъ въ Лондонѣ хотя и сопровождался внутренними распрями и шумными безпорядками, все-таки доказалъ еще разъ, какую могущественную силу могутъ почерпнуть рабочіе изъ принципа ассоціаціи, авторъ прямо переходитъ къ разсмотрѣнію самаго серьезнаго, въ его глазахъ, аргумента противъ пользы для рабочихъ отъ кооперації, именно, что до сихъ поръ кооперативная система, выразившаяся въ столь успѣшныхъ рабочихъ союзахъ, не оказала въ Англіи благотворнаго вліянія на два элемента рабочаго вопроса, именно на притѣсненія рабочихъ со стороны кулаковъ и на улучшеніе быта поденщиковъ, или вообще простыхъ рабочихъ, не исполняющихъ какаго-либо спеціальнаго труда. Этотъ фактъ, по его мнѣнію, нисколько не опровергаетъ благотворности кооперації, а объясняется тѣмъ, что указанные два вида рабочихъ, находясь на самой низшей ступени труда и въ самомъ бѣдственномъ положеніи, не имѣютъ средствъ къ учрежденію союза и къ борьбѣ съ окружающими ихъ неблагопріятными условіями. Напротивъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ жертвы кулачества и поденщики съумѣли организоваться въ кооперативные союзы, тамъ они достигли такого же успѣха, какъ ихъ болѣе счастливые товарищи. Въ доказательство своихъ словъ, Вольфъ приводитъ примѣры французскихъ каменьщиковъ и, главнымъ образомъ, итальянскихъ землекоповъ. Первые изъ нихъ находились до 1888 г. въ самомъ жалкомъ положеніи, въ особенности въ той отрасли промысла, гдѣ занимаются дробленіемъ камня для шоссе. Они эксплоатировались самымъ безсовѣстнымъ образомъ подрядчиками, и, быть можетъ, всего тяжелѣе приходилось тѣмъ дробильщикамъ, которые работали на подрядчика, имѣвшаго годовой контрактъ съ парижскимъ муниципалитетомъ. Они получали только 3 фр. за куб. метръ щебенки, а подрядчикъ получалъ съ города по 5 фр. Наконецъ, рабочіе взялись за умъ, соединились въ одно общество и обратились съ просьбой къ муниципалитету о томъ, чтобы ихъ нанимали на работу прямо, безъ посредниковъ. Муниципалитетъ согласился, и дѣло пошло такъ хорошо, что въ настоящее время эти, когда-то несчастные, работники вполнѣ благоденствуютъ. Они не только получаютъ 2 фр. болѣе, чѣмъ прежде, но сами себѣ хозяева; ихъ никто не эксплуатируетъ и, по ихъ примѣру, товарищи во всей Франціи составили цѣлый рядъ союзовъ: каменотесовъ, дробильщиковъ щебня, гранитчиковъ и т. д. Переходя къ Италіи, Вольфъ мимоходомъ указываетъ на образецъ той пользы, которую приноситъ кооперація при разумномъ ея примѣненіи: при открытіи на островѣ Спеціи арсенала съ многочисленными мастерскими, всѣ окрестныя селенія по живописному заливу получили обиль-

[1]) «The Autonomy of Labour», by H. Wolff. «Contemporary Review». August.

ный заработокъ, но пароходы, которые возили рабочихъ въ арсеналъ, брали громадную плату отъ 7—8 лиръ въ мѣсяцъ. Въ концѣ концовъ рабочіе поняли, что они напрасно играютъ роль дураковъ, и составили между собою общество сначала съ маленькимъ капиталомъ для покупки своего парохода. Теперь это общество имѣетъ три прекрасныхъ парохода, и не только переѣздъ стоитъ рабочимъ вдвое дешевле, но они еще получаютъ, сверхъ того, доходъ съ постороннихъ пассажировъ. Точно также, какъ во Франціи, въ Италіи существуютъ ассоціаціи мостовщиковъ и дробильщиковъ; такъ, первые въ Кремонѣ увеличили въ короткое время, благодаря кооперації, свою заработную плату на 20%, а послѣдніе, въ томъ же городѣ, войдя въ прямыя контрактныя отношенія съ муниципалитетомъ, получаютъ на 4 лиры болѣе, чѣмъ прежде. Но лучшій примѣръ пользы рабочей ассоціаціи представляютъ итальянскіе брачіанти (braccianti), т.-е. землекопы, называемые такъ отъ слова bracia—рука. Эти рабочіе, стоящіе на самой низшей ступени труда, раздѣляются теперь на строго опредѣленные союзы, хотя недавно они составляли самый бѣдствующій и отверженный классъ народа. Первый изъ этихъ союзовъ былъ основанъ въ Равеннѣ въ 1883 году, а въ настоящее время ихъ 479 и въ послѣднія пять лѣтъ они исполнили 689 контрактныхъ работъ, на сумму 11.180.291 фр. Наиболѣе они распространены въ провинціяхъ Болоньѣ, Равеннѣ, Форли, Феррѣ, Ровиго и Моденѣ; всего же эти союзы имѣютъ 150.000 членовъ. Подобному блестящему развитію много содѣйствовалъ проведенный въ парламентѣ министромъ Бакарини законъ, дозволявшій правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ заключать съ этими союзами контракты на работу, безъ внесенія установленнаго залога, но съ удержаніемъ, до окончанія работы, 10% съ условной цѣны. При этомъ отъ рабочихъ союзовъ требовалось, чтобы они дѣйствительно были основаны на кооперативномъ началѣ и чтобы весь барышъ дѣлился между рабочими, а не прикрывалъ бы кулаковъ подъ маской ассоціаціи. Мало того, правительство, въ особенности при министрѣ финансовъ Луццати, который и теперь занимаетъ этотъ постъ, указывало казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ, чтобы они отдавали преимущество рабочимъ союзамъ передъ отдѣльными подрядчиками, а въ случаѣ работъ на сумму, бо́льшую 100.000 фр., разбивали бы контракты на части, соотвѣтствующія законной нормѣ. Что касается внутренняго состава союзовъ брачіанти, то онъ вездѣ одинаковъ, хотя по объему они очень разнообразны, и вмѣщаютъ въ себѣ отъ 20 до 2.000 и болѣе членовъ. Первый подобный союзъ, равеннскій, имѣетъ 2.248 членовъ и арендуетъ значительный участокъ земли въ Агроромано, за который платитъ 200.000 фр. въ годъ и на которомъ ведется образцовое хозяйство. По основному правилу всѣхъ этихъ союзовъ, въ немъ могутъ участвовать только рабочіе, дѣйствительно несущіе трудъ, а если, въ видѣ исключенія, нѣкоторые и допускаютъ въ члены нерабочихъ, то на ихъ пай платится лишь уста-

новленный процентъ, а весь барышъ идетъ въ пользу только рабочихъ. Самимъ рабочимъ также не выдаютъ на руки этого барыша, и они получаютъ лишь хорошую заработную плату, а барышъ идетъ, главнымъ образомъ, на образованіе основного капитала для различныхъ полезныхъ цѣлей, а дивидендъ выдается только въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ капиталъ превышаетъ установленную цифру. Далѣе, чтобы отнять всякую возможность во зло употребить этотъ капиталъ и при насильственной ликвидаціи союза подѣлить деньги между членами, въ большинствѣ уставовъ этихъ союзовъ опредѣлено, что, въ случаѣ ликвидаціи, остающійся капиталъ не идетъ въ раздѣлъ, а поступаетъ въ муниципалитетъ на полезное общественное дѣло. Паи въ этихъ союзахъ небольшіе—отъ 10 до 40 фр.—и черезъ каждыя пять лѣтъ подлежатъ выкупу союзовъ; такимъ образомъ уничтожается возможность чрезмѣрнаго накопленія паевъ въ однѣхъ рукахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивается постоянное обновленіе силъ союза новыми членами. Управленіе дѣлами общества сосредоточено въ рукахъ общаго собранія членовъ, которое выбираетъ административный совѣтъ, назначающій, въ свою очередь, исполнительный комитетъ, техническую коммиссію, коммиссію для заключенія контрактовъ и управляющаго. Кромѣ того, при совѣтѣ находятся, въ качествѣ экспертовъ, инженеръ и адвокатъ. Въ результатѣ дѣятельность союзовъ брачіанти заслуживаетъ всеобщаго одобренія и сочувствія, начиная отъ короля, который наблюдаетъ строго, чтобы всѣ придворныя работы поручались имъ, до правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, имѣющихъ съ ними дѣло. Напримѣръ, въ послѣднемъ отчетѣ инженернаго вѣдомства говорится съ большой похвалой объ исполненіи контрактныхъ работъ этими союзами, а въ общемъ оффиціальномъ отчетѣ о государственныхъ работахъ въ 1890 году выставляется на видъ, что не только эти союзы хорошо исполняютъ работы, но члены ихъ отличаются отъ другихъ рабочихъ трудолюбіемъ, трезвостью и безукоризненнымъ поведеніемъ. Наконецъ, благодаря союзамъ, заработная плата увеличилась вдвое, а рабочій день сократился съ 10 на 8 часовъ. Почти такъ же хорошо устроены и такъ же успѣшно дѣйствуютъ союзы муратори (muratori), т.-е. каменьщиковъ, среди которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя миланскій союзъ, который подъ руководствомъ Марьяни достигъ почти идеальнаго развитія: онъ нетолько имѣетъ хорошіе барыши, но завелъ техническія школы, уничтожилъ работу дѣтей до 14 лѣтъ и завелъ такія предохранительныя мѣры отъ несчастныхъ случаевъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на обширныхъ работахъ этого союза произошелъ только одинъ несчастный случай, да и то такой, что какой-то юноша упалъ съ лѣсовъ потому, что вздумалъ во время обѣденнаго отдыха продѣлывать на высотѣ акробатическія упражненія.

Нью-іоркскіе оборванцы и ихъ семнадцатилѣтній апостолъ.—Обыкновенно Американскіе Соединенные Штаты представляются въ Европѣ

страной корыстныхъ искателей наживы, но отъ времени до времени приходятъ оттуда такія вѣсти, которыя ставятъ втупикъ самыхъ идеальныхъ мечтателей Стараго Свѣта. Напримѣръ, Пьеръ-де-Кубертенъ описываетъ на страницахъ «Revue Nouvelle» [1]) подвиги одного американскаго юноши, который посвятилъ себя дѣлу умственнаго и матерьяльнаго развитія многочисленныхъ малолѣтнихъ оборванцевъ Нью-Іорка. Его зовутъ Телло Апери; хотя онъ сынъ состоятельныхъ родителей; но все, что онъ совершилъ для своихъ несчастныхъ друзей, сдѣлано имъ самимъ, безъ всякой чужой помощи. Ему теперь семнадцать лѣтъ, но свое апостольство среди оборванцевъ онъ началъ съ двѣнадцати лѣтъ. Отправляясь ежедневно въ школу и возвращаясь оттуда, этотъ малолѣтній гражданинъ Вашингтоновой родины съ сожалѣніемъ видѣлъ громадное количество голодныхъ, босыхъ оборванцевъ, наполняющихъ нью-іоркскія улицы и, наконецъ, не выдержалъ, взялъ въ одинъ прекрасный день двухъ подобныхъ мальчугановъ, повелъ ихъ къ себѣ домой и далъ имъ свою старую обувь. Затѣмъ, не прося денегъ у родителей, онъ самъ сталъ добывать средства для своего гуманнаго дѣла: онъ выпрашивалъ старую обувь у школьныхъ товарищей и продавалъ знакомымъ произведенія своихъ рукъ: искусственные цвѣты и разныя бездѣлушки. Благодаря означеннымъ двумъ источникамъ, онъ получилъ возможность устроить для двадцати оборванцевъ елку съ подарками, гостинцами и т. д. Но этого ему было мало, и онъ рѣшился издавать газету, въ которой помѣщались бы дѣтскіе разсказы, писанные дѣтьми, и которая служила бы связью между богатыми и бѣдными дѣтьми съ цѣлью оказанія помощи послѣднимъ. Но для подобнаго предпріятія надо было разрѣшеніе родителей, а когда онъ обратился къ нимъ, то они согласились подъ двумя условіями: во-первыхъ, чтобы онъ продолжалъ свой опытъ, по крайней мѣрѣ, годъ, и, во-вторыхъ, чтобы нашелъ на это средства самъ, безъ помощи ихъ. Такъ и поладили; двѣнадцатилѣтній мальчикъ взялся за работу, собралъ деньги путемъ подписки среди товарищей и выпустилъ первый нумеръ своей газеты въ тысячѣ экземлярахъ. Они всѣ разошлись и онъ получилъ чистой выгоды 6 долларовъ и 25 центовъ. «Главная наша цѣль,—говорила передовица этого оригинальнаго дѣтскаго органа,—собрать капиталъ для устройства миссіонерскаго дѣла среди нью-іоркскихъ оборванцевъ, съ цѣлью раздачи имъ на первый случай чулковъ и башмаковъ безъ хлопотъ, рекомендацій и проволочекъ». Успѣхъ былъ громадный, но юный издатель не могъ газеткой въ 8 страницъ, выходившей разъ въ мѣсяцъ, собрать средства для удовлетворенія всѣхъ нуждъ своихъ бѣдныхъ друзей. Онъ, однако, не унывалъ и обратился за совѣгомъ къ извѣстному американскому публи-

[1]) «La Mission des Va nu-pieds», par Pierre de Coubertin. «Revue Nouvelle». 15 Septembre.

писту, Е. Гаузу, который нашелъ банкира, давшаго на увеличеніе газеты 100 долларовъ. Дѣло теперь пошло хорошо: газета приняла бо́льшіе размѣры и поэтическое названіе «The Sunny Hour» (Солнечный часъ), но чтобы не обременить ее долгомъ, маленькій издатель уплатилъ взятые 100 долларовъ изъ гонорара, полученнаго имъ за статьи въ журналахъ, сочувственно относившихся къ нему. Въ своей же газетѣ онъ работалъ неустанно, будучи въ одно и то же время издателемъ, редакторомъ, авторомъ и корректоромъ, что, однако, не мѣшало ему продолжать съ успѣхомъ свои школьныя занятія. «Вы не можете себѣ представить,—пишетъ онъ въ одной изъ своихъ передовицъ,—какъ полезно для умственнаго развитія мальчика вести свою газету, какъ это оттѣняетъ для него практическую сторону ученія. Если я одержалъ успѣхъ съ «Sunny Hour», то благодаря энергичному труду и постояннымъ заботамъ о распространеніи рекламъ, а также попеченіямъ о финансовой сторонѣ дѣла. Я никогда не издерживалъ гроша болѣе, чѣмъ слѣдовало и что можно было издержать. То, что я сдѣлалъ, могли бы сдѣлать каждый мальчикъ и даже дѣвочка на моемъ мѣстѣ». Вотъ результаты, которыхъ добился въ пять лѣтъ этотъ юный апостолъ оборванцевъ: онъ роздалъ своимъ друзьямъ: 11.136 разныхъ штукъ обуви и деньгами 4.000 долларовъ, но, главнымъ образомъ, открылъ миссіонерское убѣжище для нью-іоркскихъ оборванцевъ съ читальной комнатой и залой для игръ и всякаго рода занятій. Это помѣщеніе открыто три раза въ недѣлю по вечерамъ для мальчиковъ и каждую субботу послѣ полудня для дѣвочекъ. Кромѣ всего этого, Телло Апери основалъ ассоціацію, въ которой уже состоятъ членами нѣсколько тысячъ дѣтей; каждый изъ нихъ обязанъ посвящать одинъ часъ въ недѣлю на какой-нибудь трудъ, могущій принести пользу ихъ бѣднымъ товарищамъ-оборванцамъ.

В. Т.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ РѢЗНЯ.

(Письмо изъ Константинополя).

14 и 15 августа мы стояли въ Константинополѣ; намъ пришлось быть свидѣтелями избіенія армянъ турками; видѣнныя нами ужасныя картины стоятъ и теперь передъ глазами; едва вѣришь тому, что все *это* дѣйствительно *было*, что мы не во снѣ видѣли всѣ эти ужасы. Мы пришли въ Константинополь въ среду, утромъ; пароходъ нашъ («Sidon»—Француз. компаніи Messagerie Maritime) остановился у пристани. Мы вышли между 10 и 11-ю на берегъ, были въ обѣихъ частяхъ города (Пера—европейская и Галата—азіатская), были на телеграфѣ и на почтѣ; все было совершенно покойно; мы вернулись на пароходъ около часа. Послѣ я еще разъ выходила отправлять письмо на русскую почту (въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани) и тоже ничего не замѣтила. А между тѣмъ, какъ

разсказывали послѣ другіе очевидцы, именно въ это время (между 12 и 1 час.) началась рѣзня: сигналомъ начала послужили убійство армянами кассира въ банкѣ и ссора на почтѣ, какъ говорили; сейчасъ же началось преслѣдованіе и убійство поголовно всѣхъ армянъ турками; магазины, лавки были быстро позаперты одни за другими; движеніе конокъ пріостановлено; на 4 улицахъ сразу произошло въ разныхъ концахъ города страшное смятеніе; всѣ бѣжали, не понимая ничего; поминутно посреди улицъ на тротуарахъ падали убиваемые армяне, подъ градомъ сыпавшихся на нихъ ударовъ палками и саблями. Не довольствуясь убійствомъ на улицахъ, толпы турокъ врывались въ дома и тамъ продолжалось избіеніе. Замѣчательно въ данномъ случаѣ то, что избіеніе началось одновременно по всему городу, и потому объяснять его, какъ потомъ говорили, местью за убійство кассира въ банкѣ армянами было бы странно.

Мы до 2-хъ часовъ еще ничего не знали о начавшемся смятеніи; сидѣли на пароходѣ, мирно разговаривая. Вдругъ... этотъ моментъ особенно врѣзался у меня въ памяти—на набережной раздался страшный, какой-то жалобный, молящій, протяжный, громкій крикъ, а вслѣдъ за нимъ сейчасъ же нѣсколько выстрѣловъ изъ револьверовъ, быстро промелькнуло нѣсколько фигуръ, впереди бѣжалъ кто-то, спотыкаясь, обезсилѣвая. За нимъ гналось человѣкъ десять,—все это произошло въ какое-нибудь мгновеніе и вслѣдъ за тѣмъ мы увидѣли на набережной распростертымъ трупъ бѣжавшаго. Это былъ одинъ изъ поденщиковъ армянъ, работавшихъ на пристани около барокъ, его такъ и захватила смерть за работой—онъ успѣлъ пробѣжать, спасаясь отъ преслѣдователей, всего какую-нибудь сотню шаговъ. Что такое? что такое? спрашивали мы, ошеломленные видѣнной сценой. Намъ отвѣчали второпяхъ: турки бьютъ армянъ! Всѣ устремились къ борту парохода, откуда можно было видѣть слѣдующую сцену. Какъ разъ противъ того мѣста набережной, гдѣ присталъ нашъ пароходъ, находилось огромное старое почернѣйшее зданіе, складъ угля, а за нимъ, въ переулкѣ, удалявшемся вглубь отъ набережной, но такъ, что можно было все хорошо видѣть, другое такое же зданіе, въ которомъ жили рабочіе армяне, по большей части пришельцы изъ различныхъ мѣстъ, занимавшіеся поденной работой на пристани: нагрузкой барокъ и пароходовъ, переноской вещей и пр. Многіе изъ нихъ работали въ это время на пристани, другіе, вѣроятно, узнавъ о грозившей опасности, укрылись въ домѣ, къ которому и направилась толпа турокъ, вооруженныхъ палками и саблями. Нѣсколько армянъ, работавшихъ на пристани, были убиты ими мгновенно, наповалъ нѣсколькими ударами палокъ по головѣ: перескочивъ черезъ ихъ трупы, оставивъ ихъ валяться на пристани, преслѣдователи бросились къ дому рабочихъ; передовые вбѣгали по лѣстницѣ, влѣзали въ окна, остальная же толпа стояла внизу, ожидая добычи, которую бросятъ ей на растерзаніе; на минуту крики затихли, слышался только какой-то вой; вотъ показались изъ оконъ турки, волочившіе за собой армянъ, найденныхъ ими въ домѣ; трудно было рѣшить, были-ли тѣ уже убитые, или избитые до полусмерти, или потерявшіе сознаніе отъ страха. Ихъ бросили въ толпу, которая добивала ихъ, волокла по улицѣ, топтала въ пыли; зрѣлище было до такой степени отвратительное, ужасное, что невозможно было смотрѣть. Хотѣлось бѣжать куда-нибудь отъ него, но

вмѣстѣ съ тѣмъ и уйти отъ него было невозможно, такъ какъ ужасъ положительно леденилъ кровь и что-то заставляло слѣдить за несчастными жертвами съ какой-то надеждой... не спасутся-ли они чудомъ? Вотъ одинъ изъ нихъ—поденщикъ въ синей заплатанной рубахѣ, повязанный бѣлымъ платкомъ на головѣ, бѣжитъ по улицѣ; одинъ разъ мелькнуло передъ нами его смертно-блѣдное лицо; его настигли, сшибли съ ногъ; уже по его неподвижной позѣ видно, что въ немъ нѣтъ больше признаковъ жизни,—онъ лежитъ поперекъ улицы лицомъ вверхъ, съ распростертыми руками. Проходящій мимо турокъ ударилъ его, мертваго, ногой прямо въ лицо, а другой полоснулъ по немъ саблей. Все это произошло необыкновенно быстро; не было слышно ни одного крика, ни одного вопля умиравшихъ; ихъ валили, какъ снопы, одинъ за другимъ грудами. Когда мы немного опомнились, изъ переулка уже выѣхала огромная телѣга, верхомъ нагруженная тѣлами убитыхъ; нѣкоторыя изъ нихъ, казалось, шевелились...

Телѣгу сопровождало нѣсколько полицейскихъ, важно выступавшихъ по обѣимъ сторонамъ: полиція въ этотъ день, какъ мы замѣтили, появлялась на сценѣ лишь каждый разъ, когда производилась очистка улицъ отъ труповъ послѣ побоища. Переулокъ опустѣлъ. Толпа устремилась дальше вглубь, и намъ не стало уже видно ея. Передъ домомъ рабочихъ, гдѣ только что происходила страшная сцена, бродило нѣсколько собакъ; на нѣсколько минутъ водворилось молчаніе, и никого не было видно. Вдали раздавались выстрѣлы и страшный лай собакъ; мимо насъ по набережной провезли еще и еще три фуры мертвыхъ тѣлъ, наваленныхъ безпорядочно, неприкрытыхъ. Судя по одеждѣ, это все были рабочіе бѣдняки (такъ какъ это былъ именно кварталъ, гдѣ жили армяне рабочіе). Немного спустя, въ переулкѣ, который мы могли наблюдать, около все того же дома рабочихъ, снова стала понемногу собираться толпа турокъ; они входили въ двери, влѣзали въ окна и появлялись снова на улицѣ, нагруженные различнымъ домашнимъ скарбомъ: тюфяками, одеждой, жалкою мебелью, однимъ словомъ, все жалкое имущество бѣдняка поденщика, только что убитаго, тащилось убійцами. Этотъ отвратительный грабежъ среди бѣлаго дня, у всѣхъ на глазахъ продолжался весь день. Когда было разграблено все имущество, стали выламывать оконныя рамы, двери—награбленное добро тащили въ разныя стороны, большею частью въ пивную, находившуюся какъ разъ противъ нашего парохода, и тутъ устраивалась попойка... Развеселившаяся удачей компанія усаживалась за столиками на тротуарѣ передъ пивной, о чемъ-то (угадать не трудно о чемъ) съ жаромъ разговаривала; иные потирали руки, размахивали ими; потомъ вдругъ всѣ снимались съ мѣста и устремлялись въ одинъ изъ сосѣднихъ переулковъ, словно волки, почуявшіе добычу.

Мы провели весь день до вечера неподвижно на одномъ мѣстѣ, слѣдя съ парохода за ужасными, разыгрывавшимися передъ нами сценами убійства и грабежа. Мимо насъ провезли еще и еще нѣсколько фуръ мертвыхъ тѣлъ; тутъ же передъ самымъ нашимъ пароходомъ убили еще одного армянина, который выбѣжалъ изъ дома, намѣреваясь спастись въ лодкѣ, но его подстерегали уже, вѣроятно, и мигомъ покончили съ нимъ... Нѣкоторое время его трупъ пролежалъ на улицѣ, и проходившіе толкали и били его ногами; бдительная и аккуратная

полиція, однако, не замедлила убрать его. Насталъ вечеръ; мракъ быстро сгустился надъ городомъ, огней почти нигдѣ не зажигали, наступила ночная тишина, нарушаемая лаемъ собакъ и выстрѣлами, раздававшимися въ различныхъ частяхъ города. Мимо по пристани проходили безпрестанно одна за другой шайки турокъ съ палками въ рукахъ, напоминавшія шакаловъ, выходившихъ на ночную охоту. Противъ нашего парохода, на бревнахъ усѣлись нѣсколько турокъ, которые, видимо, расположились здѣсь прочно на всю ночь; не трудно было угадать ихъ намѣренія: они выслѣживали добычу, которую чуяли на пароходѣ; дѣйствительно, на нашемъ пароходѣ удалось укрыться нѣсколькимъ армянамъ, которыхъ французы приняли, успокоили и обѣщали безплатно провезти изъ Константинополя до одного изъ греческихъ портовъ.

Можно себѣ представить, въ какомъ состояніи находились ихъ семьи въ городѣ; не зная, что они нашли себѣ убѣжище, они, конечно, считали ихъ погибшими. Удостовѣриться въ смерти пропавшихъ не было никому изъ родственниковъ никакой возможности; тѣла, которыя, какъ мы видѣли, возили въ фурахъ, сваливали потомъ въ баркасы и безъ счета топили въ томъ мѣстѣ, гдѣ при входѣ изъ Босфора въ Мраморное море существуетъ довольно сильное теченіе. Говорили, что такихъ тяжело нагруженныхъ баркасовъ съ тѣлами убитыхъ было свалено въ теченіе ночи въ море 42. «Истиннаго же числа жертвъ даже приблизительно никто никогда не будетъ знать», замѣтилъ кто-то.

Страшно тяжелая, тревожная, гнетущая была эта ночь; все время на палубѣ велись тихіе разговоры о случившемся, а на берегу смотрѣли устремленные на насъ жадно глаза турокъ, ожидавшихъ добычи, выли собаки, а внизу къ спуску съ парохода на берегъ нѣсколько разъ подходили турки и плескались подолгу, усѣвшись на мостки; при одномъ изъ выходовъ луны изъ-за тучъ мы разглядѣли, что они отмывали у себя на тѣлѣ кровь...

Съ восходомъ солнца снова пошло то же самое; вѣроятно, не прекращавшіяся и ночью звѣрства, которыя прикрылъ на нѣкоторое время мракъ, опять стали видны повсюду. Утромъ нѣсколько моряковъ отправились въ городъ и принесли извѣстія, что всѣ рѣшительно армянскіе магазины и лавки разграблены, что число убитыхъ особенно велико въ Стамбулѣ, гдѣ даже вывозить трупы не успѣваютъ и что сегодня побоище грозитъ принять еще большіе размѣры... Въ переулкѣ противъ нашего парохода, гдѣ вчера мы наблюдали описанную выше сцену, предъ тѣмъ самымъ домомъ снова собралась толпа. Они провѣдали, что въ домѣ укрылось еще нѣсколько армянъ, и отправились на розыски ихъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ неизвѣстности: найдутъ ихъ или нѣтъ? Толпа, ожидавшая на улицѣ, не могла дольше ждать; еще многіе полѣзли брать домъ словно приступомъ; остальные образовали плотно сомкнутую стѣну поперекъ улицы, чтобы не дать убѣжать ни одному армянину, котораго найдутъ въ домѣ. Немного погодя, изъ оконъ и на какомъ-то выступѣ дома показалось нѣсколько турокъ, которые волочили новыя жертвы... Я больше не видѣла, что потомъ произошло... Говорятъ, ихъ бросали на мостовую внизъ головой; наваливъ ими телѣгу, ихъ увезли. А толпа снова раздѣлилась: однихъ увлекъ дальше разыгравшійся инстинктъ кровожадности, у другихъ взяла верхъ жадность—они оста-

лись и долго еще продолжался грабежъ... Мимо по набережной ѣхали кареты, открытые экипажи, въ которыхъ сидѣли, судя по одеждѣ, видныя лица города; прохаживалась полиція, небольшіе отряды—человѣкъ по 10 солдатъ; жизнь шла своимъ порядкомъ; никто какъ бы не хотѣлъ обращать вниманія на происходившіе у всѣхъ на глазахъ убійство и грабежъ. И что особенно производило странное впечатлѣніе, такъ это то, что тутъ же, въ виду этого повальнаго истребленія людей, стояли вдоль берега и дальше въ проливѣ громадныя суда—представители всѣхъ европейскихъ державъ. Вся эта рѣзня не производила бы, кажется, такого вдвойнѣ ужаснаго впечатлѣнія гдѣ-нибудь въ глуши, въ какомъ-нибудь захолустномъ турецкомъ городишкѣ, но не здѣсь, въ столицѣ, въ присутствіи всѣхъ властей, мѣстныхъ и иностранныхъ. Это не была стычка, война, подавленіе возстанія, а просто какое-то отвратительное, повальное, массовое убійство, охота на человѣка; по крайней мѣрѣ, такой видъ имѣло избіеніе въ той части города, которую мы могли наблюдать; но отъ другихъ приходилось слышать, что и тамъ было то же самое.

На другой день (въ четвергъ) пришлось видѣть (слава Богу, хотя издалека) еще болѣе раздирающія сцены: спасавшихся въ безумномъ страхѣ на крыши армянъ настигали и тамъ преслѣдователи и бросали ихъ съ высоты 3-хъ, 4-хъ-этажныхъ домовъ, на виду у ихъ женъ, дѣтей. Женщинъ и дѣтей не трогали, правда, но ихъ, во всякомъ случаѣ, послѣ смерти отцовъ, братьевъ, мужей ожидала нищета, а можетъ быть, и голодная смерть.

Нашъ пароходъ, по распоряженію французскаго агентства, долженъ былъ остаться на неопредѣленное время въ Константинополѣ, чтобы предоставлять убѣжище французамъ, жителямъ Константинополя.

Намъ посовѣтовали продолжать путешествіе на другомъ пароходѣ (Gironde), что мы и сдѣлали. Когда мы ходили туда наводить справки, примутъ-ли насъ, было 2 часа дня; какъ разъ въ это время толпы убійцъ направлялись снова къ пристани. Заслышавъ выстрѣлы, служащіе на пароходѣ посовѣтовали намъ идти какъ можно скорѣе, чтобъ избѣжать опасности, такъ какъ толпа приближалась быстро. Пока мы прошли разстояніе отъ одного парохода до другого по пристани, слыша тревожные совѣты французовъ: скорѣй, скорѣй! и раздававшіеся за нами все громче и громче выстрѣлы и вой толпы, я поняла отчасти и еще живѣе представила себѣ весь ужасъ этихъ убійствъ; ощутила, такъ сказать, ихъ реальность, тогда какъ раньше, видя все это съ парохода, я не вѣрила своимъ глазамъ: нѣсколько разъ казалось, что это какое-то жестокое театральное представленіе, сильно дѣйствующее на нервы, а не живая дѣйствительность; не вѣрилось, что все, что мы видѣли, происходило дѣйстительно на нашихъ глазахъ наканунѣ XX-го столѣтія, что мы не перенесены въ какомъ-то снѣ далеко назадъ, въ средніе вѣка.

О. Кайданова.

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. Образчикъ частной дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія.

Къ числу капитальныхъ недостатковъ недавно закрывшейся выставки въ Нижнемъ должно быть отнесено почти полное отсутствіе на ней экспонатовъ, характеризующихъ *работу частныхъ лицъ и частныхъ обществъ въ области народнаго просвѣщенія*. Какъ извѣстно, эту сторону нашей жизни предполагали широко представить на выставкѣ петербургскій и московскій комитеты грамотности, собравшіе уже было не мало интересныхъ данныхъ, характеризующихъ это интереснѣйшее теченіе русской жизни. Къ сожалѣнію, преобразованіе комитетовъ, послѣдовавшее въ концѣ прошлаго года и значительно измѣнившее характеръ ихъ дѣятельности, привело, между прочимъ, и къ тому, что комитеты, называющіеся теперь «обществами грамотности», совсѣмъ не участвовали въ выставкѣ. Лишь одно изъ проявленій частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія—частныя воскресныя школы—было представлено на выставкѣ довольно полно, чѣмъ мы обязаны энергіи одного лица, Х. Д. Алчевской, которая выстроила на свои средства особый павильонъ (такъ какъ въ казенномъ помѣщеніи выставки для воскресныхъ школъ отводилось самое незначительное пространство), обратилась ко всѣмъ частнымъ воскреснымъ школамъ, съ приглашеніемъ участвовать въ выставкѣ, и такимъ путемъ собрала матерьялы, характеризующіе большинство воскресныхъ школъ, по крайней мѣрѣ, городскихъ. За то другія проявленія частной иниціативы въ области народнаго просвѣщенія совершенно отсутствовали на выставкѣ. Напрасно сталъ бы посѣтитель ея искать данныхъ, которыя познакомили бы его съ положеніемъ дѣла народныхъ чтеній, съ распространеніемъ народныхъ библіотекъ, съ дѣломъ книжныхъ складовъ, спеціально устраивающихся въ цѣляхъ сдѣлать хорошую книжку доступною народнымъ массамъ, съ обществами, задающимися цѣлью распространенія просвѣщенія въ народѣ, съ разными типами школъ, созданныхъ частною иниціативою, подъ вліяніемъ запросовъ народной жизни, съ размѣрами частныхъ пожертвованій на народное образованіе, съ числомъ школъ и другихъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій, созданныхъ на частныя средства или существующихъ, благодаря безплатному труду работающихъ въ нихъ, и т. д. Ничего этого на выставкѣ не было. Лишь случайно посѣтитель наталкивается въ разныхъ частяхъ выставки на матерьялы, характеризующіе дѣя-

тельность того или иного частнаго общества. Такъ, совершенно неожиданно внимательный наблюдатель могъ натолкнуться въ отдѣлѣ глинобитныхъ построекъ на нѣсколько таблицъ харьковскаго общества грамотности; въ одномъ изъ павильоновъ, среди груды учебныхъ изданій, затерялись отчеты барнаульскаго общества грамотности; въ образцовомъ зданіи училища министерства народнаго просвѣщенія висѣли таблицы тамбовскаго общества народныхъ чтеній; въ павильонѣ воскресныхъ школъ находились отчеты фарфоровскаго приходскаго попечительства (одного изъ наиболѣе работающихъ частныхъ просвѣтительныхъ обществъ) и общества распространенія начальнаго образованія въ г. Ставрополѣ (на Кавказѣ). И этимъ, кажется, ограничивается все, что предлагала выставка своимъ посѣтителямъ, для ознакомленія съ частною дѣятельностью въ области просвѣщенія народныхъ массъ. Нельзя не сказать, что этого слишкомъ мало для того, чтобы посѣтители не только составили себѣ понятіе о любопытномъ движеніи среди нашей интеллигенціи, все болѣе развивающемся въ послѣднее время, но даже догадались о томъ, что такое движеніе имѣетъ мѣсто. Въ этомъ отношеніи выставка, устроенная на святкахъ 1895 — 1896 года въ Москвѣ, при 2-мъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, давала неизмѣримо больше для ознакомленія съ частной иниціативой въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, хотя и на ней экспонаты носили чисто случайный характеръ и могли дать о предметѣ лишь самое общее представленіе.

А между тѣмъ, систематическій подборъ экспонатовъ по всѣмъ отраслямъ частной дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія ясно показалъ бы, что эта дѣятельность уже и теперь даетъ весьма осязательные результаты, что она съ каждымъ годомъ развивается съ поразительною быстротою и что движеніе это оказывается въ состояніи преодолѣвать всѣ даже самыя неблагопріятныя внѣшнія условія, какъ это бываетъ со всѣмъ, что вызывается самою жизнью, что вытекаетъ изъ ея назрѣвшихъ потребностей.

Какъ уже сказано, посѣтитель Нижегородской выставки могъ видѣть это только на примѣрѣ одного изъ проявленій частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія—на частныхъ городскихъ воскресныхъ школахъ, выставка которыхъ была организована довольно систематически. Онъ узналъ, что послѣ закрытія всѣхъ воскресныхъ школъ въ 1862 году, этотъ типъ народнопросвѣтительныхъ учрежденій, не смотря на то, что онъ былъ разрѣшенъ закономъ 1874 года, долго почти совершенно отсутствовалъ въ нашей жизни, что къ 1888 году у насъ имѣлось едва 14 частныхъ городскихъ воскресныхъ школъ, что съ указаннаго года возникло цѣлое движеніе по устройству воскресныхъ школъ въ городахъ, а затѣмъ и въ селахъ, что въ настоящее время имѣется уже 168 частныхъ городскихъ воскресныхъ школъ и нѣсколько тысячъ сельскихъ и что всѣ эти школы, привлекающія массу учащихся (въ однихъ городскихъ воскресныхъ школахъ до 30.000 учащихся), созданы частною иниціативою, поддерживаются на частныя средства и основаны на даровомъ трудѣ работающихъ въ нихъ (въ однихъ городскихъ воскресныхъ школахъ работаетъ болѣе 3.000 чел.). И когда читатель вспомнитъ, что все это сдѣлано всего въ какіе-нибудь 7—8 лѣтъ, когда онъ ознакомится съ неблагопріятными въ высшей степени внѣшними условіями, ко-

торыми была обставлена дѣятельность піонеровъ даннаго дѣла, и узнаетъ, что, не смотря на эти неблагопріятныя условія, число частныхъ воскресныхъ школъ съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ и открывшіяся школы въ большинствѣ случаевъ быстро расширяютъ свою дѣятельность,—онъ невольно почувствуетъ, что передъ нимъ не случайное, а серьезное явленіе русской жизни.

Къ сожалѣнію, если даже спеціально-педагогическая печать стала посвящать вниманіе данному явленію нашей жизни лишь въ самое послѣднее время, то общая печать до сихъ поръ почти совершенно игнорируетъ его. А между тѣмъ, помимо чисто практическаго значенія частной инициативы въ области народнаго просвѣщенія, данное явленіе заслуживаетъ особаго вниманія со стороны общества уже въ силу особенностей нравственнаго характера.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, что всѣ эти общества грамотности, народныя чтенія, ежедневныя и воскресныя школы, народныя библіотеки, склады народныхъ книгъ, музеи и т. д., и т. п.—созданіе безкорыстнаго стремленія къ дѣятельности на пользу ближняго, на пользу темной массы. Мало того, здѣсь люди работаютъ не только въ силу возвышенныхъ требованій своей души, не только исключительно подъ вліяніемъ сознанія своего долга предъ народною массою, но и при условіяхъ, часто обращающихъ такого рода работу въ настоящій подвигъ. Сколько терній разсыпано на дорогѣ того, кто выступаетъ на этотъ путь безкорыстной, благородной дѣятельности! Развѣ не заслуживаетъ такое явленіе отмѣтки и одобренія, хотя бы въ видахъ нравственной поддержки лицъ, работающихъ въ данномъ направленіи, въ видахъ одобренія людей, заброшенныхъ въ глухіе уголки нашего отечества и борющихся съ темными силами часто совершенно въ одиночку, людей, для которыхъ ознакомленіе съ такою же борьбою другихъ, съ тѣмъ, что они не одиноки, а напротивъ, являются членами цѣлой арміи, является и стимуломъ для продолженія работы, и наградою за всѣ испытываемыя непріятности? Съ этой цѣлью на первый разъ мы предлагаемъ вниманію читателей очеркъ дѣятельности одного изъ провинціальныхъ просвѣтительныхъ обществъ—нижегородскаго, основанный на ежегодныхъ отчетахъ этого общества и, главнымъ образомъ, на обзорѣ этой дѣятельности за все время существованія общества, составленномъ секретаремъ совѣта общества, Н. Іорданскимъ.

Общество распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи возникло еще въ 1872 году. Первоначально оно называлось «Обществомъ распространенія грамотности» и имѣло уставъ, значительно отличающійся отъ существующаго въ настоящее время. Общество это было задумано еще въ 1868 году, но понадобилось четыре года, чтобы уставъ его былъ утвержденъ и общество, наконецъ, возникло. По уставу общества, ему предоставлялось открывать школы, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ, оказывать пособіе частнымъ школамъ, открытымъ помимо общества, снабжать учебными пособіями всякія школы, оказывать помощь народнымъ учителямъ и назначать преміи за лучшія сочиненія по сельскому хозяйству, пригодныя для народныхъ школъ. На первыхъ порахъ общество горячо принялось за свою дѣятельность. Въ первый же годъ въ число членовъ общества записалось 307 членовъ, а въ слѣ-

дующемъ 1873 году число членовъ общества поднялось до 341. Въ первые три года существованія оно собирало матерьялы о положеніи городскихъ и сельскихъ школъ и работающихъ въ нихъ учителей и разрабатывало вопросы объ устройствѣ библіотекъ и книжныхъ складовъ, о подвижныхъ школахъ и школахъ при тюрьмахъ, объ улучшеніи нравственнаго быта народныхъ учителей, объ открытіи читаленъ, объ устройствѣ народныхъ чтеній и публичныхъ лекцій. Практическая же дѣятельность общества за указанный періодъ выразилась въ томъ, что оно оказало помощь тремъ школамъ въ размѣрѣ 103 рублей, израсходовало на двухъ стипендіатовъ въ учительской семинаріи 345 рублей и израсходовало на учебныя пособія, разсылавшіяся по школамъ, 933 рубля. Затѣмъ всѣ остальныя начинанія общества встрѣчали препятствія или въ томъ, что мѣстная или высшая учебная администрація находила, что общество берется за дѣла, которыя не предоставлены ему по его уставу, или въ недостаткѣ средствъ, которыхъ общество все никакъ не могло собрать въ достаточномъ количествѣ, или, наконецъ, въ томъ, что совѣтъ общества находилъ невозможнымъ браться за осуществленіе этихъ начинаній, въ виду неблагопріятныхъ прецедентовъ.

Такою скромною явилась дѣятельность общества уже въ первые годы своего существованія, а затѣмъ она и совсѣмъ замерла, такъ что не осталось никакихъ данныхъ, которыя давали бы возможность судить даже о томъ, существовало-ли общество въ теченіе 1875 — 1884 годовъ, т.-е. выражалось-ли существованіе общества хотя бы формально—въ общихъ собраніяхъ его членовъ и выборахъ совѣта. Повидимому, и такого существованія общество не имѣло до 1884 г., когда въ Нижнемъ возникло общество исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ. И вотъ, иниціаторы этого общества пожелали воспользоваться скудными средствами, еще сохранявшимися въ кассѣ общества грамотности. Съ этою цѣлью они настояли на общемъ собраніи 1884 года на постановленіи, принятомъ большинствомъ, по которому общество грамотности закрывалось и средства его передавались обществу исправительныхъ пріютовъ. Къ счастью, по уставу общества грамотности, рѣшеніе о закрытіи общества подлежало утвержденію вторичнаго общаго собранія, которое состоялось въ началѣ 1885 года. На этомъ общемъ собраніи нашлись лица, которыя отстояли существованіе общества грамотности, и съ этого момента начинается новая эра въ его исторіи.

Прежде всего новый составъ общества задался цѣлью измѣнить уставъ его въ такомъ направленіи, чтобы онъ не становился поперекъ дороги тѣмъ начинаніямъ общества, которыя выдвигались самою жизнью и въ которыхъ всего естественнѣе было проявиться частной иниціативѣ. Съ этою цѣлью былъ выработанъ соотвѣтствующій проектъ, который получилъ утвержденіе только чрезъ два года, 22-го іюля 1887 года, а дѣйствовать общество на новыхъ началахъ стало только въ концѣ 1887 года. Съ тѣхъ поръ, дѣятельность общества съ каждымъ годомъ быстро развивается: съ каждымъ годомъ возникаютъ новыя учрежденія его, ранѣе возникшія расширяютъ свою дѣятельность, увеличиваются средства, а главное, постоянно растетъ число лицъ, безплатно работающихъ въ его учрежденіяхъ. Расходы общества съ 936 руб-

лей, въ 1886 году, возрасли до 4.841 рубля, въ 1895 году. Но главная сила его не въ тѣхъ средствахъ, которыя оно собираетъ разными путями и тратитъ на свои учрежденія, а въ томъ всеобщемъ сочувствіи, благодаря которому почти всѣ его учрежденія имѣютъ безплатныя помѣщенія и безплатныхъ работниковъ. Общество избираетъ такихъ лицъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не состоятъ дѣйствительными членами его, т.-е. не платятъ членскихъ взносовъ, — членами сотрудниками, и вотъ какъ растетъ число этихъ сотрудниковъ. Въ 1887 году ихъ было всего 29 человѣкъ, въ 1888 г.—42, въ 1889—54, въ 1890—77, въ 1891—99, въ 1892—180, въ 1893—214, въ 1894—231, въ 1895—249 чел. Но, кромѣ этихъ сотрудниковъ, въ учрежденіяхъ общества безплатно работаетъ и значительная часть дѣйствительныхъ членовъ общества, которыхъ въ 1895 году было 192. Еслибы трудъ этихъ безплатныхъ работниковъ былъ оцѣненъ на деньги, несомнѣнно, что полученная сумма выражалась бы ежегодно не въ одномъ десяткѣ тысячъ рублей. Только благодаря безплатному труду такого значительнаго числа лицъ, общество могло широко развить свою дѣятельность, и оно смѣло, все въ разсчетѣ на тотъ же безплатный трудъ, предпринимаетъ каждый годъ все новыя и новыя начинанія.

Обзоръ дѣятельности общества всего лучше начать съ работы его по *продовольствію дѣтей школьнаго возраста въ голодную годину*. Благодаря довѣрію, которое оно уже успѣло пріобрѣсть къ указанному времени и которое особенно упрочилось, при первыхъ удачныхъ шагахъ его на данномъ спеціальномъ поприщѣ, общество успѣло собрать для указанной цѣли весьма значительныя средства, всего 62.927 рублей. На эти средства общество кормило съ ноября 1891 года по августъ 1892 года болѣе 15 тыс. дѣтей въ 487 начальныхъ училищахъ Нижегородской губерніи. Такимъ образомъ, прокормъ одного ребенка обошелся всего въ 4 рубля. Такая скромность расходовъ обусловлена была прежде всего тѣмъ, что весь трудъ по веденію этого дѣла, вплоть до ближайшаго и непосредственнаго завѣдыванія дѣтскими столовыми, былъ безплатный. Общество съумѣло привлечь къ нему массу безкорыстныхъ лицъ, которыя могли, безъ всякихъ затратъ со стороны общества, вынести на своихъ плечахъ этотъ огромный трудъ по организаціи такого новаго и сложнаго дѣла, какъ продовольствіе болѣе чѣмъ 15 тысячъ дѣтей во множествѣ пунктовъ Нижегородской губерніи.

Не менѣе плодотворна дѣятельность общества и по снабженію населенія губерніи духовною пищею, въ частности хорошею книгою. Оно справедливо видѣло одну изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ въ распространеніи среди населенія хорошей книги. Съ этою цѣлью при обществѣ былъ устроенъ *книжный складъ*, который съ самаго начала своего существованія стремился имѣть отдѣленія въ разныхъ пунктахъ губерніи. Число такихъ отдѣленій возрастало съ каждымъ годомъ. Такимъ образомъ въ 1887 году было только пять отдѣленій склада; въ 1888 г. число отдѣленій возросло до 32, въ 1889 г. до 58, въ 1890 г. ихъ было 78, въ 1891 г.—92, въ 1892 г.—166, въ 1893 г.—216, въ 1894 г.—231 и въ 1895 г.—227 отдѣленій. Первоначально имѣлось въ виду открывать отдѣленія книжнаго склада, главнымъ образомъ, въ городахъ и торговыхъ селахъ; но затѣмъ жизнь заставила обратить особое вниманіе на нап-

болѣе глухіе деревенскіе углы, куда хорошая книга до сихъ поръ не проникала и не могла бы проникнуть безъ содѣйствія общества. Всего этимъ путемъ распространяется ежегодно отъ 15 до 72 тысячъ книгъ, при чемъ первая цифра относится къ началу дѣятельности склада, а послѣдняя—къ послѣднимъ годамъ. Въ теченіе 10 лѣтъ распространено чрезъ отдѣленія болѣе 330.000 книжекъ. Подборъ ихъ дѣлается особою коммиссіей, которая разсматриваетъ всѣ новыя книги, появляющіяся на народнокнижномъ рынкѣ, и о каждой составляетъ письменное заключеніе. Такимъ путемъ выборъ книгъ дѣлается очень серьезно и въ обращеніе поступаютъ только книжки, дѣйствительно заслуживающія распространенія. Вся работа по отдѣленіямъ выполняется безплатно лицами завѣдующими; это преимущественно народные учителя, но есть также и священники, врачи, земскіе начальники и частныя лица. Энергіи этихъ-то безкорыстныхъ тружениковъ общество и обязано расширеніемъ дѣла сбыта книгъ, и совершенно справедливо говоритъ въ своемъ очеркѣ г. Іорданскій, что «устройство книжныхъ складовъ наглядно указываетъ, что во всякомъ общественномъ дѣлѣ громадную роль играетъ общественная дружная работа сотрудниковъ, а не одни средства». И въ самомъ дѣлѣ, общество на организацію торговли книгами въ Нижегородской губерніи не затратило ни копѣйки денегъ, оно даетъ только оборотный капиталъ, и, однако, посмотрите, какіе широкіе размѣры приняло это дѣло, благодаря безкорыстному труду и энергіи сотрудниковъ. Энергія завѣдующихъ отдѣленіями книжнаго склада особенно выразилась въ способахъ, къ которымъ они пробѣгали для распространенія книгъ. Не довольствуясь простою продажею въ школахъ или на своихъ квартирахъ книгъ приходящимъ покупателямъ, завѣдующіе часто обходятъ крестьянскіе дома, предлагая книги, появляются въ праздничные дни на базарахъ, устраиваютъ продажу книгъ «со столовъ», высылаютъ на базары съ книгами своихъ бывшихъ учениковъ, устраиваютъ продажу книгъ при мѣстныхъ лавочкахъ и т. д. Многіе завѣдующіе устраиваютъ чтенія новыхъ книгъ желающимъ послушать, послѣ чего книга обыкновенно немедленно раскупается. Нѣкоторые организовали среди охотниковъ до книгъ складчины, причемъ книги покупаются на общій счетъ и послѣ того, какъ ихъ прочитаютъ всѣ участники, дѣлятся между послѣдними. Всѣхъ способовъ, къ которымъ прибѣгаютъ завѣдующіе складами, для ознакомленія населенія съ хорошею книгою, для распространенія ея въ народѣ и вытѣсненія лубочныхъ изданій, приносимыхъ населенію офенями, много. И хорошая книга все болѣе и болѣе побѣждаетъ лубочную. Дѣло доходитъ до того, что въ отдѣленія начинаютъ являться офени и здѣсь запасаются книжнымъ товаромъ...

Въ связи съ устройствомъ книжнаго склада, стоитъ организація обществомъ *библіотекъ*. Дѣятельность общества въ этомъ направленіи выразилась, во-первыхъ, въ организаціи библіотекъ по заказу, во-вторыхъ, въ созданіи народныхъ библіотекъ обычнаго типа, въ-третьихъ, въ организаціи народно-школьныхъ библіотекъ, въ-четвертыхъ, въ попыткѣ устраивать подвижныя библіотеки, и въ-пятыхъ, въ устройствѣ библіотекъ для народныхъ учителей.

Организація *библіотекъ по заказамъ* начата обществомъ всего съ 1889 года. Съ этого времени общество успѣло сформировать 40 библіотекъ, въ томъ числѣ

въ послѣдній 1895 годъ—18. Библіотеки сформированы по заказамъ какъ частныхъ лицъ, такъ и земскихъ управъ. Есть основаніе думать, что этой сторонѣ дѣятельности общества предстоитъ широкое развитіе.

Устройство *народныхъ библіотекъ* начато обществомъ съ устройства такъ называемыхъ «*уличныхъ*» *библіотекъ*. Библіотеки эти устраивались слѣдующимъ образомъ: разрѣзанная по листамъ брошюра вкладывалась за стекло въ особо устроенную витрину, и послѣдняя привѣшивалась на столбахъ или на стѣнѣ зданія такъ, что ее легко было читать. Такихъ библіотекъ первоначально было устроено три, а затѣмъ витрины были развѣшены въ 18 наиболѣе людныхъ мѣстахъ Нижняго. Читались брошюры, конечно, постоянно замѣнявшіяся новыми, очень усердно Среди читателей находились поденщики, ищущіе работы, рабочіе на судахъ, солдаты, приказчики. Нерѣдко происходили чтенія вслухъ, которыя выслушивались значительнымъ числомъ слушателей. Были любители чтенія, которые внимательно слѣдили за появленіемъ новыхъ брошюръ въ витринахъ и спѣшили прочитать ихъ. Эти уличныя библіотеки уничтожены съ открытіемъ безплатной народной библіотеки общества, и объ этомъ едва-ли не слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ, очевидно, какъ бы ни была доступна народная библіотека, всегда найдется контингентъ лицъ, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не пойдутъ въ нее и для которыхъ уличная библіотека нужна хотя бы въ видѣ разумнаго развлеченія.

Народная библіотека общества первоначально была устроена въ цѣляхъ снабженія книгами для чтенія учащихся въ начальныхъ школахъ. Она возникла одновременно съ книжнымъ складомъ и въ 1893 году снабжала книгами учащихся въ 10 сельскихъ школахъ и 36 городскихъ школахъ и пріютахъ. Въ 1894 году библіотека эта была преобразована въ народную, начавшую функціонировать только 22 января 1895 года. Къ 1 февраля настоящаго 1896 года безплатная народная библіотека и читальня общества имѣла 2.335 названій книгъ въ 2.990 томахъ. Какъ велика потребность въ подобнаго рода учрежденіяхъ, наглядно показываютъ слѣдующія данныя: за первый годъ существованія безплатной библіотеки общества, библіотеку и читальню посѣтили 26 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ читальню посѣтило около 8 тысячъ, а библіотеку около 18 тысячъ человѣкъ. Общее число абонентовъ библіотеки въ теченіе года было 1.721. Книгъ выдано библіотекою за годъ 31.450. Какъ видимъ, дѣятельность этой народной библіотеки въ первый же годъ достигла размѣровъ, до которыхъ достигаетъ дѣятельность лишь немногихъ провинціальныхъ библіотекъ, существующихъ для интеллигентной публики. Подписчикъ библіотеки былъ по преимуществу простонародный: мѣщане составляли 40%, крестьяне—31% и цеховые и солдаты—7%, а всего этотъ разрядъ лицъ—78% всѣхъ подписчиковъ библіотеки. Библіотека не брала съ подписчиковъ не только платы за чтеніе, но и залоговъ, и довѣріе, оказанное подписчикамъ, было ими вполнѣ оправдано, какъ это имѣетъ мѣсто и повсюду въ народныхъ библіотекахъ. Не смотря на значительную дѣятельность библіотеки, она обходится обществу крайне недорого, благодаря тому, что въ ней работа выполняется безплатно. Именно: изъ членовъ общества образовался особый «библіотечный комитетъ», вошедшія въ составъ котораго лица по очереди дежурятъ въ биб-

ліотекѣ, принимаютъ и выдаютъ книги, разрабатываютъ статистику библіотеки и вообще выполняютъ всѣ хлопотливыя занятія въ ней.

Въ настоящее время подготавливается открытіе второй безплатной библіотеки. Возникаетъ она при слѣдующихъ условіяхъ. Въ нижегородскую думу было внесено предложеніе объ открытіи городской безплатной библіотеки, и просвѣщенная дума нашла за лучшее вопросъ о библіотекѣ «отложить». Въ виду этого пассажа, среди нижегородскаго общества возникла подписка для устройства народной библіотеки, и подписка эта дала болѣе 2 тыс. рублей. Средства эти переданы въ распоряженіе общества, которое исходатайствовало разрѣшеніе на открытіе второй народной библіотеки и пріобрѣло уже книги для нея, такъ что, быть можетъ, къ тому времени, когда будутъ напечатаны эти строки, вторая народная библіотека въ Нижнемъ начнетъ уже дѣйствовать.

Кромѣ того, обществомъ въ настоящее время открываются еще двѣ народныя библіотеки внѣ Нижняго—въ г. Васильѣ и въ с. Васильевѣ, Балахнинскаго уѣзда.

Народно-школьныя библіотеки стали открываться обществомъ только съ 1892 года. Въ этомъ году было открыто 6 такихъ библіотекъ, въ 1893 году ихъ было уже 18, въ 1894—29 и въ 1895—36 библіотекъ. Книгъ во всѣхъ этихъ библіотекахъ 4.260 названій. Первоначально предполагалось сдѣлать эти библіотеки передвижными, но отъ завѣдующихъ ими учителей постоянно получаются по окончаніи года просьбы объ оставленіи библіотекъ еще на годъ, такъ что библіотеки неизбѣжно должны обратиться въ постоянныя. Библіотеками пользуются какъ ученики школъ, такъ и взрослые, притомъ не только изъ тѣхъ поселеній, въ которыхъ находятся библіотеки, но и изъ ряда сосѣднихъ поселеній. Такъ, напр., библіотекою № 13 пользовались жители 6 селъ и двухъ деревень, библіотекою № 15—населеніе 18 селъ и деревень, изъ которыхъ нѣкоторыя находились на разстояніи 10, 15 и даже 25 верстъ отъ мѣстонахожденія библіотеки, и т. д.

Озабочиваясь устройствомъ библіотекъ для взрослаго населенія и школьниковъ, общество не могло оставить безъ вниманія и тѣхъ, кто работаетъ надъ просвѣщеніемъ этого населенія и его дѣтей и кто работаетъ такъ много и для общества, завѣдуя отдѣленіями склада общества и его библіотеками,—народныхъ учителей. Желая придти къ нимъ на помощь въ дѣлѣ пополненія знаній и дальнѣйшаго умственнаго развитія, общество поставило себѣ цѣлью открывать *учительскія библіотеки*. Первая такая библіотека была открыта въ 1893 году, а въ настоящее время общество имѣетъ три учительскія библіотеки — въ заштатномъ городѣ Починкахъ и въ двухъ селахъ. Библіотеками этими пользуются учители значительныхъ районовъ. Напр., библіотекою въ Починкахъ пользуются учителя, работающіе въ 22 училищахъ (31 лицо).

Въ настоящее время общество приступило къ попыткѣ организовать оригинальную *подвижную библіотеку*, предназначенную какъ для читателя изъ народа, такъ и для учителей. Библіотека дѣлится на четыре части, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, имѣетъ два отдѣла — народный и учительскій. Каждая часть находится въ данной мѣстности извѣстное время, достаточное для

того, чтобы весь составъ этой части библіотеки былъ перечитанъ мѣстными читателями. По истеченіи установленнаго времени часть библіотеки передвигается въ новую мѣстность, а на ея мѣсто передвигается вторая часть библіотеки, такъ что вся библіотека побываетъ въ данной мѣстности въ теченіе четырехъ періодовъ. При такой организаціи четыре мѣстности будутъ имѣть возможность воспользоваться вчетверо большимъ составомъ книгъ, нежели какой могъ бы быть въ ихъ распоряженіи, еслибы онѣ располагали четырьмя постоянными библіотеками. Полный циклъ движенія библіотека должна совершить въ теченіе года, послѣ чего она переводится въ другой районъ, а въ данный районъ можетъ быть доставлена библіотека съ новымъ подборомъ книгъ. Если дѣло пойдетъ успѣшно, общество имѣетъ въ виду создать рядъ такихъ подвижныхъ библіотекъ, а пока организовало одну библіотеку, которая должна начать свою дѣятельность въ самомъ непродолжительномъ времени.

Общество не оставляетъ безъ вниманія и другіе способы образовательнаго воздѣйствія на массу. Изъ этихъ способовъ прежде всего должны быть указаны *народныя чтенія*. Первыя чтенія въ Нижнемъ были устроены еще въ 1883 году, но окончательно организовалось это дѣло лишь въ 1886 году. Первымъ помѣщеніемъ для чтеній послужилъ малый залъ всесословнаго клуба. Затѣмъ два года чтенія устраивались въ большомъ залѣ того же клуба. Далѣе они перебрались въ зданіе театра. Въ 1889 году для нихъ была предоставлена зала городской думы. Наконецъ, съ 1893 года чтенія произносятся въ обширномъ залѣ всесословнаго клуба, вмѣщающемъ болѣе 1.000 слушателей. Число устраивавшихся въ теченіе года чтеній и число посѣтителей этихъ чтеній вполнѣ зависѣло отъ того, въ какомъ помѣщеніи устраивались чтенія и насколько свободно общество могло располагать этимъ помѣщеніемъ. Чтецы всегда находились среди мѣстной интеллигенціи, въ томъ числѣ и среди артистовъ мѣстнаго театра. Что же касается слушателей, то чтенія всегда были переполнены и приходилось отказывать многимъ желающимъ за недостаткомъ мѣстъ. Надо имѣть еще въ виду, что доступъ на чтенія былъ платный и лишь часть билетовъ раздавалась безплатно. Именно безплатные билеты посылались на фабрики и заводы для раздачи рабочимъ и въ мѣстныя воскресныя школы для учениковъ послѣднихъ. Всего перебывало на чтеніяхъ за 8 лѣтъ болѣе 80.000 человѣкъ.

Успѣхъ чтеній въ главной аудиторіи общества побудилъ его расширить свою дѣятельность устройствомъ чтеній какъ въ другихъ пунктахъ Нижняго, такъ и внѣ Нижняго, въ особенности въ селахъ. Такимъ образомъ, съ 1892 года начаты чтенія при кунавинскомъ городскомъ училищѣ, а въ 1895 году они организованы на нижегородскомъ вокзалѣ. Кромѣ того, общество снабжаетъ фонарями и картинами и вообще оказываетъ всяческое содѣйствіе чтеніямъ, устраивающимся въ домѣ трудолюбія, въ благовѣщенскомъ училищѣ, въ Печерской слободѣ, въ казармахъ мѣстныхъ войскъ, въ школахъ и пріютахъ города. Еще болѣе важную заслугу общества составляетъ организація чтеній внѣ Нижняго. Эта сторона дѣятельности общества началась въ 1892 году, когда были организованы чтенія въ гор. Сергачѣ. Въ 1893 году они были организованы еще въ трехъ селахъ разныхъ уѣздовъ. Въ 1894 г. прибавилось еще 14 пунк-

товъ съ чтеніями, въ 1895 году чтенія велись въ 30 пунктахъ и наконецъ въ 1896 году уже въ 38 пунктахъ. Изъ этихъ 38 пунктовъ—шесть уѣздныхъ городовъ, а остальныя чтенія организованы въ селахъ. При этомъ нужно отмѣтить, что общество снабжаетъ эти пункты фонарями и картинами, а для самаго веденія дѣла вездѣ находятся мѣстные добровольцы, которые и выносятъ на своихъ плечахъ весь трудъ по устройству чтеній, само собою разумѣется, безъ всякаго вознагражденія. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, кромѣ того, собраны и мѣстныя средства для пріобрѣтенія фонарей и картинъ. Понадобилось, такимъ образомъ, только придти къ мѣстнымъ силамъ съ иниціативой и первою помощью, чтобы дѣло стало на ноги и поддерживалось именно мѣстными силами.

Въ виду того, что для народныхъ чтеній разрѣшено немного брошюръ, и желая дать возможность большой публикѣ ознакомиться съ лучшими произведеніями русской и иностранныхъ литературъ, общество въ 1895 году начало устраивать такъ называемыя «*общедоступныя литературно-музыкальныя утра*», которыя, не смотря на то, что доступъ на нихъ оплачивается не менѣе, какъ 10 копѣйками (безплатные билеты даются только учащимся въ воскресныхъ школахъ), привлекали въ среднемъ по тысячѣ человѣкъ каждое «утро».

Упомянемъ еще объ опытѣ устройства для народа *драматическихъ спектаклей*, которые имѣли громадный успѣхъ.

Наконецъ, отмѣтимъ постановленіе общаго собранія членовъ общества отъ 15 апрѣля настоящаго года объ устройствѣ *передвижнаго музея учебныхъ пособій для начальныхъ школъ*.

Такова почтенная просвѣтительная дѣятельность нижегородскаго общества. Надо имѣть въ виду, что нижегородское общество, по размѣрамъ своей дѣятельности, занимаетъ лишь среднее мѣсто среди провинціальныхъ просвѣтительныхъ обществъ. Такъ значительно болѣе обширную дѣятельность развили харьковское общество грамотности, одесская коммиссія народныхъ чтеній, томское общество попеченія о начальномъ образованіи, общество распространенія образованія среди грузинъ и нѣкоторыя другія общества того же типа. Дѣятельность этихъ обществъ значительнѣе и по размѣрамъ, и по бо́льшему разнообразію начинаній. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать результаты, достигнутые нижегородскимъ обществомъ въ сравнительно короткій срокъ, прошедшій со времени его возрожденія и преобразованія, весьма значительными и поучительными. Помимо всего прочаго, дѣятельность нижегородскаго общества является прекрасною иллюстраціей къ нерѣдко раздающимся у насъ жалобамъ на то, что у насъ «нѣтъ людей». Какъ видимъ на примѣрѣ нижегородскаго общества, люди у насъ, оказывается, есть и есть повсюду, не исключая самыхъ глухихъ угловъ. Необходимо только начать дѣло, а работники для его веденія всегда найдутся. Нѣтъ недостатка, какъ показываетъ примѣръ того же нижегородскаго общества, и въ людяхъ иниціативы, умѣющихъ работать и при тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, которыя имѣются теперь и которыя, конечно, далеко не благопріятствуютъ такого рода работѣ.

Въ нынѣшнемъ году нижегородское общество выполнило одно крупное дѣло,

имѣющее уже всероссійское значеніе. Именно, оно въ виду открытія выставки въ Нижнемъ приняло на себя заботу о предоставленіи возможности побывать на ней наибольшему числу народныхъ учителей. Съ этою цѣлью общество исходатайствовало гдѣ слѣдуетъ разрѣшеніе предоставить народнымъ учителямъ безплатное помѣщеніе въ начальныхъ училищахъ Нижняго, приняло на себя заботу о размѣщеніи учителей въ этихъ училищахъ, вошло въ переписку съ разными лицами и учрежденіями о распредѣленіи учителей всей Россіи, изъявившихъ желаніе побывать на выставкѣ, по очереди, такъ чтобы всѣ они имѣли возможность воспользоваться даровымъ помѣщеніемъ, и наконецъ организовало для учителей, пріѣзжающихъ на выставку, дешевое проловольствіе. Благодаря стараніямъ нижегородскаго общества, потребовавшимъ отъ его членовъ, конечно, весьма и весьма не малыхъ трудовъ, многія тысячи народныхъ учителей и учительницъ получили возможность побывать на выставкѣ, ознакомиться этимъ путемъ со многими сторонами русской жизни, войти хотя на короткій срокъ въ общеніе со множествомъ товарищей, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи, и этимъ путемъ освѣжиться и набраться бодрости, столь необходимой для нашего народнаго учителя при теперешнихъ условіяхъ его дѣятельности. Эта заслуга будетъ оцѣнена всѣмъ русскимъ обществомъ.

Я. Абрамовъ

II. Къ вопросу о земскихъ финансахъ.

Хозяйственный департаментъ министерства внут. дѣлъ только что выпустилъ сводъ цифровыхъ данныхъ относительно приходо-расходнаго бюджета земствъ въ 1894 г.,—сводъ, который дополняетъ серію подобныхъ же изданій за предъидущее двадцатилѣтіе. Новый выпускъ заключаетъ въ себѣ обычныя свѣдѣнія: 1) о земскихъ расходахъ, назначенныхъ по смѣтамъ и дѣйствительно произведенныхъ; 2) о количествѣ земскихъ сборовъ, опредѣленныхъ смѣтой и поступившихъ въ дѣйствительности, и 3) о состоявшихъ въ распоряженіи земскихъ учрежденій капиталахъ, помимо смѣтныхъ суммъ.

Общая картина доходовъ и расходовъ всѣхъ 34 земствъ для 1894 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Доходы (сборы).	Р а с х о д ы.		
			Въ томъ числѣ:	
	Всего, въ тыс. руб.	Вс., въ т. р.	Обязательн.	Необязател.
Назначено по смѣтѣ . . .	49.291,5	60.302,2	24.571,8	35.730,4
Поступило, произведено . .	44.679,4	56.638,1	19.542,2	32.420,1 [1]).

Въ бюджетномъ отношеніи, какъ всегда случалось и раньше, смѣт-

---

[1]) Составители свода не оговариваютъ, почему сумма «произведенныхъ» расходовъ обѣихъ категорій не сходится съ общимъ ихъ количествомъ. Оставлены также безъ оговорки ошибки или опечатки, попадающіяся въ таблицахъ. Вообще говоря, изданія хозяйственнаго департамента о земскихъ смѣтахъ не могутъ похвалиться точностью.

ный годъ для земствъ былъ не особенно благопріятнымъ. Уже по смѣтамъ выходилъ дефицитъ въ 11.010,7 тыс. руб.; на самомъ же дѣлѣ этотъ дефицитъ возросъ на 948 тыс., причемъ, съ одной стороны, сократилось количество поступленій на 4.612,1 т. р., а съ другой—земствамъ пришлось урѣзать предположенные расходы на 3.664,1 т. р.

Наибольшая сумма израсходована земствами на предметъ народнаго здравія — 12.574,9 т. р. (22,2%); далѣе, на народное образованіе — 7.701,1 т. р. (13,6%); на содержаніе земскаго управленія—4.433,3 т. р. (7,8%); на пособіе правительству въ пользу учрежденій, преобразованныхъ 12 іюля 1889 г.—4.426,1 т. р. (7,8%); на подводную повинность—4.056,1 т. р. (7,2%); на дорожную—3.222,5 т. р. (5,7%); на дѣло общественнаго призрѣнія—2.932,3 (5,2%); на содержаніе мѣстнаго гражданскаго управленія—1.843,2 т. р. (3,2%); наконецъ, на постойную повинность пошло—195,4 т. р. (0,3%). На «другіе» расходы оставалось 10.171,7 т. р., или 16,2% общаго расходнаго бюджета.

Нельзя не обратить вниманія на значительность расходовъ «обязательныхъ», возложенныхъ на земство и носящихъ, за малыми изъятіями, характеръ общегосударственный. Ихъ совокупность составляла 34,5% всѣхъ произведенныхъ земствами тратъ, оставляя на долю расходовъ прочихъ разрядовъ 57,2% [1]). Отсюда народное здравіе и народное образованіе взяли львиную часть (35,8%); затѣмъ еще надо было уплатить по долгамъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка [2]).

Матерьялы настоящаго свода, къ сожалѣнію, заключаютъ въ себѣ слишкомъ крупныя номенклетуры расходовъ, чтобы можно было составить полное понятіе о дѣятельности земства въ той или иной хозяйственной области. Мы не знаемъ, напр., сколько денегъ пошло на эпидеміи, психіатрическія лѣчебницы или городскія больницы, на сельско-врачебную часть; сколько тратилось на начальныя школы, на стипендіи, на средне-учебныя или педагогическія заведенія; во что обошлось содержаніе личнаго состава управъ, статистическихъ, страховыхъ и иныхъ бюро при нихъ; сколько расходовалось на уплату долговъ, на воспособленіе сельскому хозяйству и промышленности, и т. д. Однако, приходится мириться съ тѣмъ, что есть.

По общему количеству произведенныхъ расходовъ, губерніи располагаются въ такомъ порядкѣ: Пермская, Харьковская, Полтавская, Саратовская, Вятская, Таврическая, Херсонская, Московская, Курская (2.920,3—2.059,2 т. р.), Самарская, Рязанская, Воронежская, Владимірская, Тамбовская, Казанская, Черниговская, Тверская, Екатеринославская, Нижегородская, С.-Петербургская, Новгородская, Тульская,

---

[1]) 34,5+57,2=91,7? См. предыдущее примѣчаніе.

[2]) Уплата долговъ, по смѣтамъ земствъ на 1895 годъ, должна была поглотить 12,1% расходнаго бюджета. («Расходы земствъ по смѣтамъ 1895 г.», изд. департамента окладныхъ сборовъ, стр. 147).

Орловская, Бессарабская, Костромская, Ярославская, Вологодская, Калужская, Уфимская, Симбирская, Смоленская, Псковская (1.979,4—1.010,5 т. р.), Пензенская и Олонецкая (886,6 и 669,3 т. р.). Расходы собственно губернскихъ земствъ колебались между 1.371,7 тыс. (Харьковская) и 515,4 тыс. (Владимірская), между 430,6 т. (Калужская) и 131,5 т. (Вологодская). Относительно же уѣздныхъ земствъ оказывается, что тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ сумма расходовъ простиралась отъ 25 тыс. до 50 тыс., числилось 16; отъ 50 до 75 тыс.—64; отъ 75 до 100 тыс.—86; отъ 100 до 125 тыс.—62; отъ 125 до150 тыс.—46; отъ 150 до 175 тыс.—20; отъ 175 до 200 тыс.—12; отъ 200 до 300 тыс.—26 и свыше 300 т. руб. числилось 8.

При этомъ въ особенности выдается расходъ по Днѣпровскому уѣзду (702 тыс. руб.), существенно превышающій самую крупную цифру расходовъ остальныхъ уѣздовъ (370,6 т. въ Бердянскомъ).

Что касается дѣйствительнаго выполненія земскаго расходнаго бюджета, то въ большинствѣ губерній истрачено гораздо менѣе, нежели предполагалось. Несоотвѣтствіе между дѣйствительностью и смѣтой видно изъ нижеслѣдующей схемы:

Произведено менѣе, чѣмъ назначено. Въ тыс. р. р.	Произведено болѣе, чѣмъ назначено. Въ тыс. р. р.
На 887,7 и 740,7 въ 2 губ.	На 799,9 въ 1 губ.
» 487,7 — 436,9 » 3 »	» 709,0 » 1 »
» 364,7 — 312,6 » 2 »	» 308,9 » 1 »
» 266,5 — 201,8 » 4 »	» 262,5 » 1 »
» 199,1 — 102,9 » 8 »	На 63,2—16,9 въ 5 губ.
» 97,6 — 10,2 » 4 »	» 1, 1 и 0,3 » 2 »

Колебанія аналогичныхъ величинъ для губернскихъ земствъ заключались въ предѣлахъ: для минуса—496,9 и 0,4 т. р. (25 губ. з. з.), для плюса—853,8 и 24,4 (5 губ. з. з.). По отдѣльнымъ уѣздамъ данныя величины вращались между 245,8 и 10,1 т. р. (163 у. у.)—съ одной стороны, между 135,7 и 9,5 тыс. (38 у. у.)—съ другой.

Такое, часто не въ мѣру осторожное, обращеніе съ земскими средствами обусловливается ненадежностью и недостаточностью источниковъ, откуда они должны покрываться (мы не говоримъ уже о стѣсняющихъ земства «обязательныхъ» повинностяхъ, имѣющихъ часто мало общаго съ «мѣстными пользами и нуждами»).

По губерніямъ количество дѣйствительно поступившихъ сборовъ распредѣляется такъ: отъ 2.989,6 до 2.074,3 т. р. въ губ. Саратовской, Пермской, Вятской, Херсонской, Полтавской, Таврической; отъ 1.965,5 до 1.017,8 тыс. — въ губ. Московской, Самарской, Курской, Тамбовской, Владимірской, Воронежской, Черниговской, Казанской, Нижегородской, Калужской, Харьковской, С.-Петербургской, Костромской, Тверской, Екатеринославской, Вологодской, Орловской, Новгородской, Уфимской, Рязанской; отъ 879,9 до 611,9 тыс. руб. — въ губ.

Тульской, Пензенской, Смоленской, Ярославской, Симбирской, Олонецкой, Бессарабской, Псковской. Цифры дохода губернскихъ земствъ варіируютъ между 934,3 и 71,8 т. р. Изъ анализа уѣздныхъ доходовъ усматривается, что число тѣхъ изъ уѣздовъ, сумма сборовъ коихъ достигала 25—50 тысячъ, было 34, 50—75 т. было 80-ть, 75—100 т. было 96-ть 100—125 т. было 57-мь, 125—150 т. было 25-ть, 150—175 т. было 27-мь, 175—200 т. было 12 и свыше 200 т. было 22.

Несоотвѣтствіе между предположенными по смѣтѣ и поступившими на дѣлѣ земскими сборами представляется въ слѣдующей таблицѣ:

Поступило менѣе, чѣмъ ожидалось. Въ тыс. руб.			Поступило болѣе, чѣмъ ожидалось. Въ тыс. руб.		
На	799,4	въ 1 губ.	На 89,8 и 89,6	въ 2	губ.
»	482,6—470,5	» 3 »	» 71,9	» 1	»
»	379,6—330,0	» 3 »	» 44,1 и 34,9	» 2	»
»	279,8—224,8	» 6 »	» 13,7 » 9,1	» 2	»
»	153,1—122,9	» 3 »	» 1,6	» 1	»
»	82,3— 18,6	» 10 »			

Изъ уѣздныхъ земствъ только 46 получили болѣе, нежели ожидали по смѣтамъ; а 134—менѣе.

Само собою разумѣется, что недоборы земствъ зависятъ почти исключительно отъ того, что объектомъ земскаго обложенія служитъ преимущественно земля, достаточно уже подверженная всякаго рода испытаніямъ. Такіе источники дохода, какъ торгово-промышленныя предпріятія, даютъ земству очень скромную дань. Въ 1894 г. съ земли предназначались къ поступленію въ земскія кассы 36.557.1 т. р. (74% общихъ смѣтныхъ сборовъ), а съ торгово-промышленныхъ «помѣщеній» — 2,964,6 т. р. да еще 3.304,9 тыс. съ торговыхъ документовъ, т.-е. всего 12,7%. И странно то,—если судить по матерьяламъ свода,—что поступленіе сборовъ съ указанныхъ «помѣщеній» не оправдало смѣты на 1.753,6 т. р., или на 59,2%! Послѣ этого нужно удивляться, какъ земля дала только 8.903,5 тыс. р. недобора. (24,4%).

Кстати о землѣ. Между тѣмъ какъ съ 92.825,9 т. дес. крестьянской надѣльной земли земскія смѣты разсчитывали взять (въ 1894 г.) 17.950,2 т. р.,—со 131.844 тыс. дес. земли иного владѣнія—казенной, удѣльной, частной—предполагалось получить 14.383,3 т. р. Иначе: въ первомъ случаѣ размѣръ подесятиннаго обложенія равнялся 19.3 коп., а во второмъ—10,9 коп. И такая разница въ обложеніи наблюдается постоянно. Десять лѣтъ назадъ, въ 1884 году, соотвѣтственныя величины выражались 17,1 и 9,6; въ 1889 году крестьянская десятина несла 17,3 коп., земля же владѣльцевъ другихъ категорій—9,7 коп. Въ 1893 году, послѣ того, какъ новое положеніе измѣнило составъ гласныхъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго расширенія дворянскаго элемента въ земскихъ собраніяхъ,—не смотря

на близкое вліяніе голоднаго года, крестьянская земля облагалась уже 20,2 коп., а другихъ владѣльцевъ 11,1 к.

Приведенныя свѣдѣнія попутно свидѣтельствуютъ о неуклонномъ возрастаніи земельнаго обложенія со стороны земства, для котораго иные источники доходовъ, кромѣ земли,—повторяемъ,—почти закрыты, которому одновременно приходится считаться и съ необходимостью увеличенія расходнаго бюджета.

Весьма замѣтнымъ подспорьемъ для земствъ являются находящіеся въ ихъ рукахъ капиталы, позволяющіе удовлетворять нужды, хотя и спеціальнаго свойства. Общая совокупность всѣхъ этихъ продовольственныхъ, страховыхъ, благотворительныхъ, школьныхъ, пенсіонныхъ, эмеритурныхъ, оборотныхъ и прочихъ капиталовъ достигала въ 1894 г. 72.330,1 т. р. наличныхъ и 14.606,2 т. рублей, состоящихъ въ ссудѣ (и потому едва-ли надежныхъ). Губернскія земства капиталами обладали въ такихъ размѣрахъ: харьковское, черниговское, московское, полтавское, тверское, ярославское, нижегородское, бессарабское, рязанское, пермское, вятское—въ суммѣ отъ 4.878,4—2.107,8 т. р., владимірское, вологодское, херсонское, смоленское, екатеринославское, костромское, новгородское, тульское, с.-петербургское, таврическое, симбирское, воронежское, курское—въ суммѣ отъ 1.988,3 до 1.093,3 тыс. р.; казанское, тамбовское, калужское, уфимское, самарское, саратовское, псковское, орловское, пензенское, олонецкое — отъ 959,4 до 154,3 т. руб. Изъ уѣздныхъ земствъ высшимъ капиталомъ располагало херсонское (1.225,4 т. р.); среди остальныхъ лишь 8 уѣздовъ имѣли капиталовъ на сумму свыше 500 тыс. р.

Какъ бы то ни было, финансовыя затрудненія земствъ изъ году въ годъ становятся сложнѣе и сложнѣе. Приходится обращаться къ услугамъ кредиторовъ. Къ 1 янв. 1895 г. всѣ долги земствъ выражались суммой въ 37.466.300 рублей, составляющей 62,1% расходной смѣты. Наиболѣе долговъ, въ абсолютныхъ числахъ, лежитъ на Самарской губерніи (4.412,6 т. р.), наименѣе—на Симбирской (219,8 тыс.); между другими 2 губерніи (Пермская и Нижегородская) должны 2.727,7 и 2.513,0 т. р., 10 губерній (Курская, Орловская, Воронежская, Саратовская, Тверская, Казанская, Тамбовская, Вологодская, Уфимская, Калужская)—отъ 1.942,3 до 1.015,8 тыс., и наконецъ 20 губерній имѣютъ долговъ на 979,5—250,5 т. руб.

Очевидно, земства крайне нуждаются въ открытіи для нихъ новыхъ источниковъ дохода для того, чтобы мало-мальски сносно выполнять свои функціи на ряду съ извнѣ порученными. Къ сожалѣнію, ничего нельзя утверждать о возможности осуществленія желаній и ходатайствъ земства въ этомъ направленіи. Не лишнимъ будетъ здѣсь упомянуть, что Высочайше утвержденная коммиссія по пересмотру устава о земскихъ повинностяхъ, засѣдавшая въ 1895 году подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища министра финансовъ, т. сов. Антоновича, въ одной

изъ своихъ резолюцій выразила, что «*обложенію земскими сборами подлежитъ средній чистый доходъ отъ торговли и промысловъ*» [1]).

Но это пока въ проектѣ, а на практикѣ пока наблюдается нѣчто иное. Извѣстно, что, въ силу закона 1 іюня 1895 г., суммы, бравшіяся отъ земствъ на содержаніе учрежденій, преобразованныхъ 12 іюля 1889 г., обращены въ дорожные капиталы. И слѣдуетъ надѣяться, что со введеніемъ въ дѣйствіе упомянутаго закона дороги наши придутъ въ цвѣтущее состояніе. Вотъ нѣсколько относящихся сюда довольно краснорѣчивыхъ цифръ въ тысячахъ рублей.

Губерніи.	Расходъ 1894 г.	Дорожн. капит.	Всего.
Бессарабская	8,3	206,7	215,0
Воронежская	71,9	195,8	267,7
Калужская	82,1	144,9	227,0
Костромская	65,4	152,4	217,8
Нижегородская	60,2	166,1	226,3
Орловская	46,4	201,7	248,1
Пензенская	34,1	97,3	131,4
Самарская	46,9	174,1	221,0
Саратовская	39,7	207,7	247,4
С.-Петербургская	59,1	163,8	222,9
Симбирская	58,5	130,1	188,6
Смоленская	29,9	158,2	188,1
Тамбовская	84,2	233,6	317,8
Тверская	75,8	153,3	229,1
Тульская	42,6	163,0	205,6
Уфимская	48,4	159,1	207,5
Черниговская	83,2	226,2	309,4
Ярославская	58,3	121,6	179,9

А для всѣхъ земскихъ губерній траты на дороги, должны увеличиться съ 3,336.4 (съ 1894 г.) до 9.310,7 тыс. рублей, т.-е. на 179,1%. Нельзя не пожалѣть, что предметомъ попеченій, на счетъ земства, выбраны исключительно дороги, по которымъ иной разъ и возить нечего, а не народное образованіе, наприм., такъ обездоленное въ государственной росписи, или мѣропріятія въ сферѣ хозяйственной культуры, содѣйствія народной обработывающей промышленности и т. п.

С. Г—инъ.

III. Изъ юридической области.

Устройство кретьянскаго землевладѣнія въ Сибири.

Въ августѣ текущаго года обнародованъ законъ, который, какъ

[1]) См. журналъ коммиссіи, отъ 5 мая, стр. 133. Кстати, названная коммиссія довольно долго не возобновляетъ своихъ занятій: ея послѣднее засѣданіе происходило 19 мая 1895 г.

показываетъ самый его заголовокъ: «*О главныхъ основаніяхъ* поземельнаго устройства крестьянъ и инородцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ губерній Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской», долженъ составить эру въ исторіи сибирскаго землевладѣнія, призванъ вообще сыграть въ ней видную роль. Исторія эта шла до сихъ поръ своеобразнымъ путемъ и привела къ своеобразнымъ результатамъ; она развивалась въ такихъ условіяхъ, которыя для культурныхъ странъ Европы, не исключая и Россіи, составляютъ глубокую, сѣдую старину, едва мерцающую изъ «мрака неизвѣстности», при колеблющемся освѣщеніи историческихъ загадокъ и гипотезъ. Своеобразіе земельныхъ порядковъ, которые создавались при такихъ условіяхъ, не можетъ не быть весьма значительнымъ, хотя, необходимо тутъ же оговориться, своеобразіе это все-таки относительное: оно состоитъ не въ исключительной, нигдѣ невиданной оригинальности сложившагося въ Сибири строя, а въ томъ, что строй этотъ рѣзко отличается отъ современнаго ему земельнаго уклада въ другихъ мѣстахъ, и еслибы мы захотѣли найти ему подходящія и близкія аналогіи, то должны были бы обратиться для этой цѣли къ отдаленной, чуть-ли не первобытной исторіи права. Только страницы этой исторіи сохранили для насъ въ неполныхъ и отрывочныхъ чертахъ отраженіе такого порядка вещей, которому неизвѣстны никакія опредѣленныя, юридически утвержденныя формы землевладѣнія, въ которомъ эти формы еще только складываются, образуются и могутъ быть наблюдаемы «im Werden», какъ говорятъ нѣмцы. Впрочемъ, даже по сравненію съ аналогичными эпохами, отступающими въ исторіи другихъ странъ въ глубь вѣковъ, современное положеніе землевладѣнія въ Сибири представляетъ одну черту, которая принадлежитъ ей одной, которая встрѣчается только здѣсь и нигдѣ больше. Эта ужъ безспорно вполнѣ исключительная и безусловная оригинальность Сибири состоитъ въ разнообразіи ея земельныхъ порядковъ, хотя бы и вышедшихъ изъ одного корня. Современная эволюція въ Сибири происходитъ быстрѣе, чѣмъ въ тѣ соотвѣтствующіе ей по условіямъ культуры періоды, которые давно пережиты другими странами; чередованіе послѣдовательныхъ моментовъ совершается здѣсь съ такою скоростью, что новыя образованія еще не успѣваютъ вытѣснить отовсюду старыхъ формъ, какъ сами, въ свою очередь, подвергаются измѣненію, а на смѣну имъ появляется опять нѣчто новое. Картина земельныхъ порядковъ получается, такимъ образомъ, очень пестрая; свѣжіе побѣги выступаютъ рядомъ съ болѣе старыми насажденіями, которыя въ иныхъ мѣстахъ клонятся къ упадку, а въ другихъ далеко еще не утратили жизнеспособности и находятся въ періодѣ полнаго расцвѣта. Картина въ общемъ чрезвычайно поучительная для исторіи развитія формъ землевладѣнія вообще и въ особенности общинныхъ, такъ какъ, на сколько можно судить по тѣмъ чертамъ ея, какія выяснились въ настоящее время новѣйшими изслѣдованіями, оконча

тельной цѣлью, къ которой стремится развитіе сибирскаго землевладѣнія, является установленіе общиннаго строя.

Мы коснулись, однако, оригинальныхъ особенностей сибирскаго землевладѣнія вовсе не ради ихъ научной цѣнности. Какое бы они ни имѣли значеніе для исторіи права, для исторіи культуры вообще, для эмбріологіи общинныхъ формъ въ частности,—насъ онѣ интересуютъ въ настоящее время не съ этой стороны. Если мы заговорили объ условіяхъ, въ которыхъ возникали и смѣнялись до сихъ поръ формы землепользованія въ Сибири, то лишь имѣя въ виду воспользоваться данными этой эволюціи, какъ базисомъ для оцѣнки того вліянія и тѣхъ измѣненій, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ появленія, съ изданіемъ новаго закона, новаго вліятельнаго фактора земельнаго устройства— законодательной регламентаціи. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ этотъ факторъ, если и не отсутствовалъ вполнѣ, то значеніе его было не велико, даже можно сказать—оно было ничтожно по сравненію съ значеніемъ другихъ факторовъ. Факторы, дѣйствовавшіе здѣсь съ наибольшею силою, почти не встрѣчавшіе сопротивленія, это — естественныя производственныя отношенія, во-первыхъ (т.-е. степень земельнаго простора или земельнаго утѣсненія), и обычныя правовоззрѣнія населенія, во-вторыхъ. Нигдѣ, конечно, указанные дѣятели не остаются безъ вліянія; всегда и вездѣ они накладываютъ свою печать на юридическія формы, въ которыя отливается владѣніе землей. Но въ развитыхъ общественныхъ условіяхъ, составляющихъ плодъ зрѣлой культуры, вліяніе это скрадывается, маскируется другими, болѣе поверхностными причинами; отчасти оно ослабляется, парализуется противодѣйствіемъ со стороны другихъ соціальныхъ факторовъ. Не то въ Сибири, на ея дѣвственной почвѣ, не знавшей никакихъ межъ и границъ частныхъ владѣній; тамъ творческая сила коренныхъ органическихъ элементовъ, участвующихъ въ образованіи юридико-экономическихъ формъ, могла проявиться на полномъ просторѣ; тамъ имъ не приходилось имѣть дѣла съ обременительнымъ наслѣдствомъ прошлаго, съ отвердѣвшимъ скелетомъ исконныхъ, исторически сложившихся юридическихъ отношеній. Поэтому и вліяніе ихъ могло обнаружиться не въ сложномъ, трудно распутываемомъ процессѣ взаимодѣйствія и приспособленіи къ существующему, а въ прямомъ и свободномъ творчествѣ—сообразно съ законами своей собственной, внутренней логики. Но обратимся къ фактамъ.

По закону, земля въ Сибири принадлежитъ государству; права сельскаго населенія на занятыя имъ земли исчерпываются правомъ пользованія; распоряжаться же этими землями можетъ только казна, которая и является, по закону, ихъ исключительной собственницей. Однако, какъ сообщаетъ, напр,, г. Дубенскій, «мѣстное населеніе, осуществляя свое право владѣнія и пользованія, почти всегда расширяетъ его до права распоряженія, и хотя всѣ вытекающія изъ послѣдняго правоотношенія юридически должны быть признаны ничтож-

ными, но фактически, опираясь на обычай, они играютъ въ вопросѣ о формѣ землевладѣнія нисколько не меньшую роль, чѣмъ тѣ, которыя возникаютъ на почвѣ строгаго закона». Къ этому свидѣтельству вполнѣ присоединяется и г. Кауфманъ; по его мнѣнію, роль закона въ отношеніи вліянія на земельные распорядки сибирскаго населенія еще слабѣе [1]). Распорядки эти установились независимо и помимо закона и имѣютъ мало общаго съ привычными намъ представленіями объ индивидуальной или общинной собственности на землю.

Такова, прежде всего, та первоначальная форма землевладѣнія, которую называетъ онъ заимочной, а г. Дубенскій—вольной и захватно-родовой. Условіями, вызывающими ее къ жизни, являются чрезвычайно рѣдкое населеніе и почти безграничный земельный просторъ; вотъ почему эта форма почти исчезла въ Западной Сибири, гуще заселенной, чѣмъ Восточная. Тутъ мы видимъ черты сходства съ индивидуальной собственностью. Но есть, однако, и важныя различія. Во-первыхъ, при заимочномъ владѣніи болѣе или менѣе значительная часть угодій во всякой общинѣ остается внѣ заимокъ—«въ нераздѣльномъ общемъ пользованіи всѣхъ общественниковъ», какъ говоритъ г. Кауфманъ, или, по болѣе вѣрной характеристикѣ г. Дубенскаго, въ *свободномъ*, *вольномъ* пользованіи членовъ общины. Такое пользованіе распространяется на такія угодья, которыя имѣются въ изобиліи, такъ что нѣтъ необходимости въ ограниченіи частнаго пользованія ими, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ для эксплуатаціи своей не требуютъ никакихъ подготовительныхъ затратъ труда. Во-вторыхъ, при всей свободѣ захвата, община сохраняетъ сознаніе, что ей принадлежитъ верховное распоряженіе и распредѣленіе по отношенію къ землѣ; говоря словами г. Кауфмана, «какъ въ своемъ коллективномъ сознаніи, такъ и въ сознаніи каждаго отдѣльнаго общинника, она (община) есть *собственникъ* всей, хотя бы и вошедшей въ составъ какой-либо заимки земли; она только потому представляетъ отдѣльному общиннику неограниченную свободу захвата земли, что *не имѣетъ надобности* вмѣшиваться въ ея распредѣленіе между хозяевами». Быть можетъ, приведенныя выраженія слишкомъ опредѣленны, слишкомъ точны для всѣхъ явленій и существующихъ юридическихъ представленій, которыя въ нихъ характеризуются. Но одно то, что *единственнымъ* юридическимъ авторитетомъ, санкціонирующимъ эту форму, возводящимъ ее изъ грубаго состоянія фактическаго захвата на степень *права*, есть авторитетъ міра, общины,—одно это должно вызывать и питать въ общинѣ представленіе объ ея верховныхъ распорядительныхъ правахъ на землю, представленіе, которое, укрѣпляясь и очищаясь подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, переходитъ въ ясное и живое понятіе объ общинной собственности.

---

[1]) См. «Матер. по изслѣдов. земленольз. и хоз. быта сельск. нас. Иркут. и Енис. губ.», т. IV, стр. 135, ст. г. Кауфмана въ Сб. прав., т. VI, стр. 169.

Заимочная, или захватная, форма владѣнія, рядомъ постепенныхъ ограниченій, переходитъ въ *захватно-общинную*, по терминологіи г. Дубенскаго. Вотъ какъ характеризуется эта форма г. Дубенскимъ: «Характернѣйшимъ признакомъ, знаменующимъ переходъ захватно-родовой (заимочной) формы въ захватно-общинную, служитъ то обстоятельство, что обычноправовымъ постулатомъ индивидуальнаго владѣнія является уже не захватъ, а фактическое, непосредственное пользованіе. Захватъ утрачиваетъ при захватно-общинной формѣ всякое самостоятельное значеніе и является лишь моментомъ, сопутствующимъ, или, правильнѣе, нѣсколько предшествующимъ приложенію къ данному участку труда по его эксплуатаціи. Естественно, что, при такомъ значеніи захвата, владѣніе, съ прекращеніемъ фактическаго пользованія, также должно прекратиться, и участокъ вновь становится свободнымъ для захвата любого изъ однообщественниковъ». Процессъ этого постепеннаго перехода заимочной формы въ захватно-общинную, при распространеніи его на отдѣльные виды угодій, подчиняется двумъ стремленіямъ, дѣйствующимъ въ противоположномъ направленіи. Съ одной стороны, такая смѣна вызывается недостаткомъ въ томъ или иномъ видѣ угодій; слѣдовало бы поэтому ожидать, что правовая метаморфоза начнется съ наиболѣе цѣнныхъ угодій, съ пашенъ, а затѣмъ перейдетъ на другія угодья—луговыя и лѣсныя; тѣ угодья, которыя состоятъ въ свободномъ пользованіи, вслѣдствіе своего безграничнаго изобилія, должны были бы послѣдними подпасть ограничительному процессу. Кромѣ того, слѣдовало бы ожидать, что процессъ не только раньше начнется по отношенію къ наиболѣе цѣннымъ угодьямъ, но что и теченіе его въ этомъ случаѣ окажется быстрѣе, чѣмъ въ примѣненіи къ угодьямъ низшаго достоинства. Но на самомъ дѣлѣ такой именно послѣдовательности вовсе не бываетъ; болѣе того, вопреки ожиданію, позже и—что еще важнѣе—медленнѣе всего процессъ видоизмѣненія распространяется на пашни. Причина этой кажущейся неправильности состоитъ въ томъ, что, рядомъ съ земельнымъ «утѣсненіемъ», съ недостаткомъ угодій, какъ двигателемъ правовой эволюціи, дѣйствуетъ, только въ противоположномъ направленіи, фактъ болѣе или менѣе прочнаго освоенія, при господствѣ предшествующей формы, тѣхъ или иныхъ угодій въ индивидуальное владѣніе. Такъ, первоначальная форма пользованія лѣсными, пастбищными и покосными угодьями, при ихъ изобиліи, есть, какъ мы видѣли, пользованіе вольное или свободное; эксплуатація ихъ не требуетъ предварительной разработки, а потому заимка по отношенію къ нимъ имѣетъ характеръ непосредственнаго пользованія—сколько и какъ кто можетъ. Прочнаго индивидуальнаго освоенія такихъ угодій обыкновенно не бываетъ; по отношенію къ нимъ право общины вырисовывается тѣмъ яснѣе и рельефнѣе, чѣмъ болѣе неопредѣленны и расплывчаты права отдѣльныхъ лицъ. Вотъ почему эти угодья легче всего подпадаютъ процессу превращенія вольно-заимочной формы въ захватно-общинную;

этотъ процессъ вызывается немедленно, какъ только населеніе начинаетъ чувствовать въ нихъ недостатокъ. Само собою разумѣется, что и тутъ замѣчается постепенность, которая обусловливается уже всецѣло началомъ сравнительной цѣнности угодій, степени недостатка въ нихъ (раньше поемные луга, затѣмъ лѣсные покосы). Иначе обстоитъ дѣло относительно пашенныхъ угодій; прикрѣпленіе ихъ къ отдѣльнымъ лицамъ, при заимочной формѣ владѣнія, носитъ обыкновенно прочный, устойчивый характеръ: г. Дубенскій и называетъ поэтому данную форму *захватно-родовою*, указывая этимъ на наслѣдственный переходъ владѣльческихъ правъ. Достигнувъ такой устойчивости, опираясь на продолжительность владѣнія, съ одной стороны, и на фактъ приложенія труда, съ другой,—частное право только медленно и не безъ борьбы уступаетъ мѣсто общинному началу; превращеніе заимочнаго права на пашни въ захватно-общинное происходитъ съ крайнею медленностью, рядомъ почти неуловимыхъ переходовъ. Такимъ образомъ, оба фактора, дѣйствующіе въ описанномъ процессѣ, играютъ различную роль. Фактору естественно-экономическому (недостатку земли, являющемуся послѣдствіемъ прироста населенія) принадлежитъ стимулирующее, возбуждающее значеніе; онъ даетъ первый толчекъ движенію, онъ же поддерживаетъ и усиливаетъ его скорость. Если нѣтъ налицо этого стимула, преобразовательное движеніе вовсе не начинается; вольно-заимочное пользованіе какимъ-нибудь однимъ—особенно доступнымъ и обильнымъ разрядомъ угодій можетъ сохраниться еще тогда, когда всѣ прочія угодья уже подчинены захватно-общинной или даже болѣе совершенной уравнительно-общинной формѣ землевладѣнія. Другой факторъ, юридическій, въ видѣ совокупности «пріобрѣтенныхъ правъ», имѣетъ задерживающее вліяніе, это—консервативная сила, отстаивающая существующее, борящаяся за сохраненіе statu quo. Особенно любопытна роль, выпадающая въ этой борьбѣ на долю трудового начала. Оно поддерживаетъ пріобрѣтенныя права, по скольку они съ нимъ совпадаютъ, по скольку захватъ сливается съ приложеніемъ труда, но оно же ихъ и разрушаетъ, по скольку эти права идутъ съ нимъ въ разрѣзъ, и первая брешь въ захватномъ принципѣ пробивается, именно, по отношенію къ угодьямъ, эксплуатація которыхъ обходится безъ предварительныхъ трудовыхъ затратъ, и по отношенію къ такъ называемымъ «чертежамъ» (обведеннымъ, «очерченнымъ» пространствамъ, еще не расчищеннымъ заимочникомъ). Становясь на сторону то одного, то другого изъ борящихся принциповъ, трудовое начало дѣлается вслѣдствіе этого какъ бы регуляторомъ ихъ взаимныхъ столкновеній и ведетъ къ установленію компромисса, на которомъ сходятся обѣ враждующія стороны. Это именно и есть захватно-общинная форма, которая является выраженіемъ непосредственнаго и прямого, такъ сказать, кратчайшаго приложенія трудового начала къ пользованію землей и въ то же время переходной,

промежуточной стадіей между захватной формой владѣнія и общинно-уравнительной.

Но на этой промежуточной стадіи теченіе не останавливается; это какъ бы временное перемиріе, отъ котораго борьба разгорается съ большимъ ожесточеніемъ. Элементы броженія скрываются въ самыхъ условіяхъ захватно-общиннаго пользованія, въ его неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ. Богатые и сильные, имѣя возможность обработать больше земли, стѣсняютъ слабыхъ, захватывая ихъ «чертежи», залежи и пашни, случайно оставшіяся необработанными; споры между сосѣдними владѣльцами обостряются и учащаются; опасеніе лишиться оставленныхъ въ залежь пашенъ ведетъ къ непрерывной, безъ отдыха, эксплуатаціи ихъ и къ истощенію почвы. Эти неудобства расшатываютъ общинно-захватную форму, выдвигая на ея мѣсто идею *поравненія*. Господствующее значеніе при этой смѣнѣ имѣетъ самый фактъ мірского вмѣшательства въ частные споры, въ столкновенія отдѣльныхъ лицъ. Общинное начало выростаетъ изъ борьбы частныхъ интересовъ, какъ ихъ естественная гармонія; община, вмѣстѣ съ тѣмъ, при данныхъ условіяхъ, является единственнымъ принудительнымъ механизмомъ, регулирующимъ и разрѣшающимъ частныя столкновенія,—механизмомъ, который крѣпнетъ и развивается по мѣрѣ того, какъ, вслѣдствіе обостренія борьбы,—все чаще и чаще прибѣгаютъ къ его содѣйствію. Вмѣшательство міра проявляется первоначально въ такъ называемыхъ отводахъ. Сначала отводы практикуются только по отношенію къ «безроднымъ», выморочнымъ пашнямъ, пустующимъ, никѣмъ незанятымъ землямъ, которыя общество отводитъ, по своему усмотрѣнію, въ томъ или иномъ размѣрѣ отдѣльнымъ лицамъ; но оно пока еще не касается земель, которыя были заняты раньше. Но разъ обычай призналъ за обществомъ право распоряжаться хотя бы только пустующими землями, онъ неизбѣжно, съ теченіемъ времени, начинаетъ это право расширять и въ результатѣ распространяетъ уже на всѣ земли безъ изъятія, какъ свободныя, такъ и занятыя; такимъ путемъ создаются «*отводы-отрѣзки*», въ которыхъ уже ясно сказывается идея поравненія, хотя еще въ частныхъ, случайныхъ проявленіяхъ. На этой стадіи, въ большинствѣ случаевъ и остановился въ настоящее время процессъ развитія формъ землепользованія въ Сибири; переходъ отъ частнаго поравненія ко всеобщему передѣлу по душамъ представляется пока фактомъ исключительнымъ. Этотъ переходъ есть цѣль *будущаго*.

Какое вліяніе долженъ оказать на очерченную выше эволюцію формъ землевладѣнія новый законъ о главныхъ основаніяхъ поземельнаго устройства крестьянъ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ? Въ чемъ новый законъ примыкаетъ къ существующему порядку вещей, сложившемуся помимо и независимо отъ законодательнаго воздѣйствія, въ чемъ онъ измѣняетъ этотъ порядокъ и какой долженъ быть вѣроятный результатъ вносимыхъ перемѣнъ?

Содержаніе новаго закона состоитъ въ нижеслѣдующемъ.

Надѣлы отводятся сельскимъ обществамъ, а равно селеніямъ крестьянъ и тѣхъ инородцевъ, которые не принадлежатъ къ числу бродячихъ; на владѣніе отведенными надѣлами выдается особый актъ, именуемый отводной записью (ст. 1, 2). «Крестьяне и инородцы, владѣя предоставленными имъ, по отводнымъ записямъ, землями, обязаны вносить въ казну опредѣленный закономъ ежегодный платежъ, подъ названіемъ оброчной подати» (ст. 3). Пространство отводимаго надѣла опредѣляется «по соразмѣрности съ существующимъ пользованіемъ», но не свыше пятнадцати десятинъ на наличную душу мужского пола; исчисленіе наличныхъ душъ пріурочивается ко времени открытія поземельно-устроительныхъ работъ въ данной мѣстности (ст. 5, 6) Общества и селенія, пользующіяся въ настоящее время надѣлами, отведенными имъ съ подлежащаго утвержденія и окончательно отграниченными отъ земель, остающихся въ непосредственномъ распоряженіи казны, сохраняютъ свои надѣлы въ полномъ составѣ (независимо отъ числа десятинъ на душу) (ст. 4). При отводѣ пятнадцатидесятиннаго душевого надѣла, должны быть оставлены обществамъ и селеніямъ состоящія въ ихъ пользованіи, ко времени открытія поземельно-устроительныхъ работъ въ данной мѣстности, усадебныя и приусадебныя земли, сады и огороды, присельные выгоны или выпуски, передѣляемые покосы, сѣнокосныя расчистки, общественныя заказныя рощи (въ томъ числѣ и кедровыя), а также семейные и душевые лѣсные участки; сверхъ того, имъ отводятся и тѣ площади малоцѣнныхъ лѣсныхъ зарослей и иныхъ неразработанныхъ земель, которыя необходимо оставить въ составѣ надѣла для устраненія черезполосности и для спрямленія его границъ (ст. 7). Въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется, что размѣры существующаго пользованія не достигаютъ 15 дес. душевого надѣла, то, по ходатайству подлежащихъ обществъ и селеній, надѣлъ можетъ быть увеличиваемъ не свыше упомянутой нормы, если такая прирѣзка будетъ признана возможною и необходимою для обезпеченія хозяйственнаго быта сихъ обществъ и селеній. Когда же существующее пользованіе охватываетъ пространство, превышающее пятнадцать дес. на наличную душу мужского пола, то излишнія земли могутъ быть сохранены во владѣніи обществъ и селеній только подъ условіемъ, если общества примутъ на себя обязанность допустить въ свою среду такое число новыхъ членовъ, какое будетъ соотвѣтствовать излишне отводимому количеству земли, по разсчету 15 дес. на душу. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ со времени составленія отводной записи эти новые члены принимаются только по пріемнымъ приговорамъ, по прошествіи же срока могутъ быть причисляемы и безъ такихъ приговоровъ, по распоряженію подлежащаго мѣстнаго начальства. Впрочемъ, «при уважительныхъ мѣстныхъ условіяхъ», министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ предоставляется, по ходатайству обществъ и се-

леній, поддержанному мѣстною властью, сохранять за обществами излишнія земли и безъ возложенія на нихъ обязательства относительно приселенія новыхъ членовъ (ст. 8—10). Кромѣ земельныхъ надѣловъ, обществамъ и селеніямъ отводятся лѣсные надѣлы, пространство которыхъ должно опредѣляться въ зависимости отъ качества и относительнаго изобилія въ данной мѣстности лѣсныхъ насажденій, но, во всякомъ случаѣ, не свыше трехъ десятинъ на душу, считая и тѣ души, кои будутъ подлежать обязательному допринятію; за пользованіе лѣснымъ надѣломъ крестьяне и инородцы уплачиваютъ въ казну особый лѣсной налогъ (ст. 11, 12). «Казенныя земли и лѣса, отведенные по отводнымъ записямъ обществамъ и селеніямъ, не могутъ быть ими ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами» (ст. 13). Порядокъ опредѣленія земельныхъ надѣловъ и производства поземельно-устроительныхъ работъ, равно какъ порядокъ отвода лѣсныхъ надѣловъ, лѣсное на нихъ хозяйство, а также размѣръ и способъ взиманія лѣсного налога будутъ опредѣлены особыми правилами, которыя предоставляется выработать министру земледѣлія и внести на законодательное уваженіе. Одновременно министру финансовъ поручается составить законопроектъ о замѣнѣ государственною оброчною податью сборовъ и податей, взимаемыхъ нынѣ съ крестьянъ и инородцевъ.

Мы подробно цитировали законъ съ цѣлью показать одну его особенность: съ особеннымъ тщаніемъ онъ разрѣшаетъ вопросъ о пространствѣ пользованія; этому вопросу удѣлено въ немъ самое пристальное вниманіе, и съ детальнѣйшей обстоятельностью предусматриваются и опредѣляются всякія комбинаціи, дѣйствительныя и возможныя, существующія уже въ настоящее время и могущія возникнуть въ будущемъ; за то вопросъ о юридическомъ характерѣ и значеніи пользованія оставляется какъ бы въ тѣни. Земля отводится «обществамъ и селеніемъ» крестьянъ и инородцевъ, но владѣютъ ею «крестьяне и инородцы», внося за это особый оброчный налогъ: кто же является здѣсь субъектомъ владѣнія — общества или отдѣльныя лица? Что означаетъ самое «владѣніе», представляемое за оброчную плату? Есть-ли оно владѣніе вѣчное, потомственное, или временное, срочное, которое можетъ прекратиться въ любую минуту, какъ только этого пожелаетъ собственникъ—казна? Наконецъ, оброчная плата, взимаемая за землю—есть-ли это плата постоянная, неизмѣнная, или опредѣляемая по времени и обстоятельствамъ? Вотъ рядъ основныхъ вопросовъ, имѣющихъ прямое и непосредственное отношеніе къ «главнымъ основаніямъ» поземельнаго устройства, на которые нѣтъ прямого отвѣта. Косвенный отвѣтъ, пожалуй, можно найти: мы видимъ его въ той статьѣ закона, которая запрещаетъ «обществамъ и селеніямъ» продавать и обременять долгами отведенную въ надѣлъ землю. Не было бы надобности воспрещать отчужденіе земли и обремененіе ея долгами, если бы общества и селенія предполагались временными ея владѣльцами, вре-

менными держателями; такое запрещеніе подразумѣвалось бы тогда само собою. Стало быть, владѣніе, о которомъ говорится въ законѣ, есть владѣніе потомственное. Но составители закона, не безъ намѣренія, повидимому, уклонились отъ болѣе яснаго опредѣленія правъ владѣльцевъ и избѣгали всякаго выраженія, которое могло бы въ представленіи заинтересованныхъ лицъ быть смѣшано съ мыслью о собственности. Указанная неясность, неопредѣленность основныхъ положеній закона была бы въ немъ крупнымъ недостаткомъ, еслибы въ немъ опредѣлялись поземельныя отношенія крестьянъ къ частнымъ собственникамъ; но такъ какъ собственникомъ земли является въ настоящемъ случаѣ не частное лицо, а государство, то трудно предполагать, что государство можетъ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, поступать съ сибирскими крестьянами, которымъ оно отвело землю, на манеръ того, какъ англійскіе лэндлорды поступали съ ирландскими арендаторами. Разумѣется, и здѣсь нельзя отрицать возможности нѣкоторыхъ недоразумѣній со стороны нѣкоторыхъ представителей казеннаго интереса; но едва-ли такіе случаи могутъ выходить изъ области частныхъ случаевъ и не могутъ быть предусмотрѣны и разрѣшены дополнительными узаконеніями.

Если вопросъ объ юридическихъ отношеніяхъ владѣльцевъ земли, крестьянъ, къ ея собственнику, казнѣ, оставленъ въ тѣни, то относительно внутреннихъ отношеній по землевладѣнію между членами общества законъ устраняетъ себя отъ всякаго прямого вмѣшательства во внутреннюю жизнь общества, оставляя полную свободу водвориться и укрѣпиться тому порядку, къ которому тяготѣло само общество, къ которому оно приведено прошлой исторіей своихъ внутреннихъ земельныхъ отношеній. Точно такъ же, какъ относительно пространства отводимыхъ надѣловъ законъ принаравливается къ «существующему пользованію», такъ и въ отношеніи формы землепользованія онъ примыкаетъ къ тому, что есть, что установилось до него. Онъ оставляетъ за обществомъ значеніе регулятора внутреннихъ поземельныхъ отношеній въ его средѣ, и значеніе это признается въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно выросло естественнымъ путемъ, безъ внѣшней поддержки и внѣшнихъ помѣхъ, не касаясь даже его неравномѣрности въ разныхъ мѣстахъ. Правда, внося больше опредѣленности, если не во всѣ, то во многія стороны поземельнаго устройства, законъ тѣмъ самымъ создаетъ готовыя рамки для административной регламентаціи поземельныхъ отношеній, расчищаетъ почву для нея въ будущемъ; въ какомъ направленіи можетъ проявиться это воздѣйствіе и проявится-ли оно, предвидѣть, конечно, нельзя. Но въ настоящее время непосредственное вліяніе закона должно сказаться неминуемо въ усиленіи общиннаго начала. Съуженіе площади землепользованія, пріуроченіе надѣловъ къ наличнымъ душамъ, отрѣзка «излишней» земли или приселеніе на нее новыхъ членовъ (что должно совершиться на счетъ

наиболѣе многоземельныхъ владѣльцевъ изъ числа членовъ общества)—должно, несомнѣнно, дать толчекъ развитію идеи душевого равненія и укрѣпленію общинно-уравнительнаго принципа среди крестьянъ Сибири.

Д. Л.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

I. Изъ Тверской губерніи. (Къ вопросу о народныхъ библіотекахъ-читальняхъ).

Вопросъ о народныхъ библіотекахъ-читальняхъ выдвигается съ каждымъ годомъ все болѣе на очередь, и недалеко то время, когда уѣздныя земства и сельскія общества будутъ считать себя обязанными поддерживать эти учрежденія точно такъ же, какъ теперь поддерживаютъ школы. Нѣкоторые деревенскіе обыватели, неохотно раскрывающіе свою мошну на пользу ближняго, полагаютъ, что библіотеки не нуждаются въ просторномъ помѣщеніи: было бы только достаточно мѣста для храненія книгъ и небольшой уголокъ рядомъ, въ которомъ пришедшіе могли бы подождать своей очереди при раздачѣ.

Но въ такомъ случаѣ какая же это читальня?

На подобный наивный вопросъ вамъ обстоятельно возразятъ слѣдующее: «Мужикъ не любитъ обширныхъ и чистыхъ помѣщеній, среди мало знакомаго люда; тѣсно, кутно и грязно—вотъ вамъ его комфортъ: тутъ онъ покуритъ и поплюетъ, выругается и высморкается—все безъ церемоніи. Въ ваши же палаты онъ не пойдетъ, а потому *читальни* никогда не привьются. *Пока* народу нужны лишь библіотеки, т.-е. уголъ, гдѣ можно обмѣнять взятую книгу».

На первыхъ порахъ вы смущены такимъ обстоятельнымъ возраженіемъ. Но, кажется, одною изъ цѣлей устройства библіотекъ-читаленъ является именно желаніе вытянуть мужика изъ грязной обстановки. Хотѣлось бы мнѣ усомниться и въ томъ, будто каждому крестьянину дорогъ его тѣсный уголъ настолько, что онъ не промѣняетъ его на лучшую обстановку даже на 2 часа въ сутки.

Лично у меня иной опытъ: когда завѣдующіе вышневолоцкой воскресенской школой, получивъ субсидію отъ земства и города, рѣшили перемѣнить тѣсную, угарную квартиру на хорошее, свѣтлое, почти роскошное—по объему воздуха и свѣта—помѣщеніе, раздавалось не мало благоразумныхъ голосовъ: «зачѣмъ баловать рабочихъ, не привычныхъ къ такому комфорту?» «Они заплюютъ и загрязнятъ его въ одинъ мѣсяцъ такъ, что будетъ стыдно передъ хозяиномъ дома», и т. д. Что же оказалось на дѣлѣ? Рабочіе *гордились* своимъ новымъ помѣщеніемъ, любили и берегли его; если кто изъ подростковъ, по старой памяти, лѣзъ наверхъ, не снявъ пальто и не обтеревши о войлокъ ногъ, старшіе товарищи громкими голосами звали его обратно и осыпали упреками: «Въ хлѣву, что-ли?» «Не видишь обряда?» «За тебя одного всѣмъ срамъ будетъ!» Своими ушами слы-

шала я такія рѣчи, и могу засвидѣтельствовать, что въ теченіе цѣлаго года, квартира, по чистотѣ и порядку, не оставляла желать лучшаго.

Если народъ привыкъ къ грязи, покажи ему опрятную обстановку и пріучи къ ней. Легко махнуть презрительно рукой и сказать себѣ: «Мы—люди, то—скоты», и, успокоившись такимъ гуманнымъ приговоромъ, оставить все какъ было. Люди, любящіе народъ не на словахъ, а на дѣлѣ, стремятся къ лучшему, борятся и въ концѣ концовъ достигаютъ. Такъ въ великомъ, такъ и въ маломъ.

Но вернемся къ нашему «малому».

Личнаго опыта съ библіотекой-читальней у насъ пока немного. Однако, и имъ, а еще болѣе тѣми планами, которыми мы задаемся, хотѣлось бы подѣлиться съ читателемъ.

Макаровская библіотека-читальня открыта весьегонскимъ земствомъ (Тверской губерніи) въ память покойнаго П. Еф. Гропскаго, бывшаго нѣсколько лѣтъ предсѣдателемъ весьегонской земской управы и оставившаго по себѣ добрую память. Деньги на книги, въ количествѣ 270 руб., были собраны нѣкоторыми гласными очередного земскаго собранія 1894 года. Сверхъ того, собраніе ассигновало изъ земскихъ суммъ 100 руб. Читальня разрѣшена и наконецъ открыта 16 марта 1896 года.

Въ такой небольшой промежутокъ времени трудно получить достаточно данныхъ для характеристики новаго дѣла, тѣмъ болѣе, что и подборъ книгъ, составленный по образцовому каталогу спб. ком. грам., оказался слишкомъ серьезенъ для мало подготовленной публики; затѣмъ, лѣтомъ, былъ большой естественный перерывъ, когда крестьянину читать некогда. Только теперь, осенью, подготовивъ новый запасъ хорошихъ, удобопонятныхъ книгъ, завѣдующіе могутъ приступить къ дѣлу сознательно и толково.

Не смотря на то, что макаровская читальня открылась весной, когда молодежь уходитъ на заработки въ Рыбинскъ, въ теченіе перваго мѣсяца до 14-го апрѣля включительно, желающихъ пользоваться книгами оказалось 110 человѣкъ; къ началу мая ихъ было уже 128, а въ іюнѣ количество подписчиковъ поднялось до 140. Большинство весеннихъ посѣтителей, уходя на сторону, вернуло книги. Лѣтними посѣтителями остались дѣти и интеллигенты разныхъ возрастовъ.

Большое количество подписчиковъ весной доказываетъ огромное желаніе народа пользоваться книгой, и можно смѣло сказать, что зимой количество читателей удвоится. Раздѣляя всѣхъ подписчиковъ по возрасту и образованію на группы, получимъ:

Подростковъ отъ 12—15 лѣтъ	38 ч.
Молодежи отъ 15—25 лѣтъ	63 »
Людей зрѣлаго возраста отъ 25—50 лѣтъ	32 »
Мѣстныхъ помѣщиковъ, духовенства, учителей и т. п.	17 »
Итого . . .	140 ч.

Большая часть читающей публики, включая и послѣднюю группу, требуетъ отъ библіотеки легкаго чтенія: историческихъ романовъ, путешествій, біографій, бытовыхъ разсказовъ—вообще книгъ, изложенныхъ удобопонятнымъ языкомъ. Но

къ прискорбію, должно сказать, что не мало изданій, внесенныхъ въ образцовый каталогъ спб. ком. грам. и одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, совершенно недоступны мало развитому читателю. Главнымъ камнемъ преткновенія служитъ часто не содержаніе, а тотъ тяжелый слогъ, которымъ почему-то принято переводить иностранныя сочиненія.

Возьмемъ для примѣра наипопулярнѣйшій романъ Диккенса «Оливеръ Твистъ» (изд. «Дешев. библ».) и откроемъ первую страницу:

«Между многими общественными зданіями одного извѣстнаго города стоялъ домъ призрѣнія бѣдныхъ. Въ этомъ домѣ родился слабый смертный, имя котораго написано въ заглавіи моего романа. Долгое время послѣ того, какъ онъ введенъ былъ въ этотъ міръ заботъ и горестей приходскимъ медикомъ, не знали еще, нужно-ли будетъ давать ребенку какое-нибудь имя, и будетъ-ли онъ живъ» и т. д.

Должны сознаться, что «въ этомъ мірѣ заботъ и горестей» намъ, «слабымъ смертнымъ», прибавляется лишняя забота перетолковывать читателю книги на простой русскій языкъ. Мы сказали бы большое спасибо переводчикамъ, еслибы они съ первыхъ словъ не отталкивали отъ хорошей книги нашего юнаго читателя.

Конечно, «Дешев. библ.» не задается цѣлью снабжать народныя читальни книгами, но самая доступность изданія по цѣнѣ указываетъ на то, что онѣ печатаются для бѣдной публики. Если романы Диккенса берутся неохотно и не безъ нѣкотораго навязыванія, то что же сказать о серьезныхъ сочиненіяхъ, которыя также изложены. Среди нихъ есть прекрасныя книги для лицъ, получившихъ среднее образованіе, но въ сельскихъ библіотекахъ онѣ лежатъ безъ движенія.

Относясь критически къ нѣкоторымъ изданіямъ, одобреннымъ спб. комит. грам. для употребленія въ народныхъ библіотекахъ, мы должны, однако, указать и на удачныя книжечки, появленіе которыхъ въ деревнѣ особенно важно. Я говорю: О «Химіи» *Роско*, о «Первомъ знакомствѣ съ физикой» *Герасимова* и т. п. Первая изобилуетъ наглядными рисунками, съ помощью которыхъ просто и ясно изложены: горѣніе, составъ воздуха, воды и земли; во второй — составитель, начиная свои бесѣды съ указанія на магнетическія явленія въ природѣ, переходитъ къ объясненію электричества, даетъ понятіе о вѣсѣ, жидкости, теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ.

Оба учебника можно давать съ довѣріемъ на руки подросткамъ, окончившимъ земскую школу, въ томъ случаѣ, если они уже успѣли ознакомиться съ природой по книгамъ Зобова [1]), Животовскаго и др. народнымъ изданіямъ.

Эти книжечки важны и для взрослаго, такъ какъ выясняютъ явленія, о которыхъ у него имѣются лишь смутныя, чаще суевѣрныя понятія. Онѣ же дадутъ ключъ къ пониманію многихъ сельскохозяйственныхъ брошюръ, которыя безъ элементарнаго знакомства съ химіей мало доступны. Пригодны также нѣкоторыя изданія по гигіенѣ (Вишневскій), книги Песоцкаго («Системат. обуч. столярн. и плотничн. дѣлу») и Рейнбота («Отвѣты на вопросы, какъ и изъ чего это сдѣлано»). Вообще, не слѣдуетъ думать, что крестьяне читаютъ исключительно по-

[1]) Въ книгѣ Зобова—«Бесѣды о природѣ» есть научныя неточности, но, за неимѣніемъ другого болѣе доступнаго изданія, приходится пользоваться ею для объяснительнаго чтенія съ мальчиками, окончившими народную школу.

вѣсти: они возьмутъ и книгу серьезнаго содержанія, если послѣдняя изложена доступнымъ языкомъ. Часто, начитавшись историческихъ романовъ изъ временъ Петра I, междуцарствія или другой излюбленной эпохи, нетолько старичекъ, но и мальчикъ проситъ: «дай мнѣ книгу, гдѣ бы все о всѣхъ царяхъ было». *Петрушевскій*, *Павловичъ*, *Водовозовъ* (его краткая исторія: VIII вѣкъ — не читается), *Сиповскій* («Родная старина») берутся охотно. Можно надѣяться, что со временемъ будетъ спросъ и на всеобщую исторію. За неимѣніемъ лучшаго— *Грубе*, его «Очерки изъ исторіи народн. сказаній» удовлетворятъ любознательнаго, такъ какъ книга составлена интересно и изложена довольно просто.

Но, прежде чѣмъ предлагать читателю всѣ эти хорошія и посредственныя книги, завѣдывающій долженъ узнать свою публику и установить каждому рядъ промежуточныхъ ступеней, по которымъ онъ правильно подымался бы вверхъ и достигалъ возможной высоты. На этомъ подборѣ пригоднаго чтенія обыкновенно расходятся самые, повидимому, единомыслящіе люди, и никакой вопросъ педагогіи не вызываетъ болѣе горячихъ споровъ. Если руководитель библіотеки одаренъ эстетическимъ вкусомъ и чуткимъ пониманіемъ художественныхъ образовъ, онъ горячо рекомендуетъ крестьянину Тургенева. Но мужикъ сѣръ, «голодъ не тётка», ему негдѣ и некогда было развить въ себѣ эстетику, и Тургеневъ не находитъ читателей, не смотря на всѣ усилія заставить оцѣнить его. Любители художественныхъ произведеній Л. Толстого предлагаютъ: «Войну и миръ». Мужикъ читаетъ усердно, беретъ томъ за томомъ. «Ура!» кричитъ руководитель: «крестьянство можетъ увлекаться даже такими глубокими сочиненіями!» Но радость преждевременна: возвращая послѣдній томъ, читатель, въ отвѣтъ на горячій вопросъ, какъ и что понравилось, объявляетъ: «война больно занятно описана, про войну я все прочелъ, ну, а миръ не того... «миръ» я пропускалъ».

Представьте себѣ ощущеніе руководителя. Вслѣдъ за восхищеніемъ—полное разочарованіе: «Ну, стоитъ-ли давать такому чтецу хорошую книгу! Пусть читаетъ «Наѣзды» Марлинскаго или «Битву съ кабардинцами»!

Но и этотъ приговоръ оказывается скороспѣлымъ: мужикъ беретъ біографію Вашингтона и приходитъ въ неописанный восторгъ, прочитываетъ книгу нѣсколько разъ отъ доски до доски, толкуетъ о ней каждому, кто только желаетъ слушать, и является въ библіотеку просить еще такой же «занятной» книжечки. Въ томъ-то и бѣда, что всѣ мы въ данномъ случаѣ еще очень мало подготовлены.

Первая обязанность библіотекаря народной читальни—подробно ознакомиться со степенью развитія и вкусами каждаго читателя. Само собой разумѣется, что основательное знакомство съ книгами должно предшествовать этому, иначе вся работа сведется на мертвую запись въ книгу именъ и заглавій. Но многія-ли наши библіотеки могутъ выдвинуть такихъ сознательныхъ работниковъ? Есть библіотеки, гдѣ книги раздаетъ случайно подвернувшійся подъ руку крестьянинъ, правда—грамотный, но и только. Ничего нельзя имѣть противъ знающаго дѣло крестьянина или помощника, въ лицѣ толковаго, грамотнаго крестьянина. Но такой помощникъ, прежде чѣмъ стать библіотекаремъ, долженъ добрыхъ 5—6 лѣтъ образовывать себя, хотя бы съ помощью лучшихъ книгъ той же библіотеки и подъ руководствомъ интеллигентнаго и опытнаго завѣдывающаго.

Большимъ подспорьемъ библіотекарю при раздачѣ книгъ могутъ служит подробные каталоги, составленные лицами, хорошо изучившими имѣющіяся налицо книги. Такіе каталоги оказываютъ не малую услугу и тѣмъ подписчикамъ, которые мало знакомы съ книгами и, явившись въ читальню, не знаютъ, что спросить.

Въ подробныхъ каталогахъ, принадлежащихъ Макаровской библіотекѣ, книги распредѣлены по отдѣламъ; каждый отдѣлъ внесенъ въ особую тетрадь. Это имѣетъ свое удобство: читатель, интересующійся литературой, не стѣсняетъ того, кто просматриваетъ книги по сельскому хозяйству. Въ макаровскихъ подробныхъ каталогахъ внесены не только заглавія книгъ. но и характерная часть оглавленій—въ упрощенной формѣ для того, чтобъ не запугать читателя непонятными словами. Тутъ же дается объясненіе научнымъ терминамъ, встрѣчающимся въ оглавленіи: зоологія, минералогія, гигіена и др. Тамъ же, гдѣ оглавленіе недостаточно исчерпываетъ содержаніе—въ повѣстяхъ, романахъ и драмахъ,—особенно къ сочиненіямъ иностранныхъ писателей,—приложено краткое содержаніе фабулы. Рядомъ съ такимъ изложеніемъ, въ особой графѣ,—замѣтка, въ которой говорится, для какого возраста и какой степени развитія данная книга предназначается. Особыя тетради имѣются для журналовъ, какъ дѣтскихъ, такъ и для взрослыхъ.

Знать подробно содержаніе журналовъ важно не только для читающей публики, но и для учителей, которые могутъ пожелать воспользоваться подходящей статьей для чтенія въ классѣ. Особенно богаты популярно-научнымъ содержаніемъ журналы: «Дѣтское Чтеніе» и «Дѣтскій Отдыхъ». Книги эти охотно читаются взрослыми и подростками, окончившими земскую школу.

Насколько важно знакомить читателя съ содержаніемъ книгъ, завѣдующіе Макаровской библіотекой убѣдились въ тотъ же день, когда были выложены на столъ каталоги по литературѣ. До тѣхъ поръ иностранные писатели (между ними и Шиллеръ) лежали новенькіе на полкахъ: къ нимъ не притрогивались; но стоило только одному изъ посѣтителей прочесть содержаніе драмы «Іоанна д'Аркъ», какъ тотчасъ же явилось требованіе на этотъ томъ произведеній Шиллера. Такъ случилось и съ книгами по зоологіи (Бэръ), гигіенѣ и сельскому хозяйству.

Все, что мы сказали до сихъ поръ, относится исключительно къ дѣятельности Макаровской библіотеки. Читальня еще не открыта, главнымъ образомъ, потому, что помѣщеніе слишкомъ тѣсно, а зимой—будетъ и холодно. Начиная съ весны, все лѣто и осень народъ приходилъ въ библіотеку только 2 раза въ недѣлю: въ воскресенье и четвергъ. Дни эти были назначены съ согласія крестьянъ, которые въ рабочую пору не могутъ располагать частыми досугами.

Однако, хотя читальни и не существуетъ, можно было уже испробовать на дѣлѣ, насколько она привьется: ранней весной, по воскресеньямъ, при большомъ стеченіи публики, удавалось удерживать многихъ крестьянъ, предлагая имъ на выборъ нѣсколько, наиболѣе доступныхъ, сельско-хозяйственныхъ брошюръ; нѣкоторые изъ взрослыхъ присаживались къ столу, увлекаясь данной брошюрой или газетой и при этомъ, кажется, забывали, что они зашли на минуту и еще не обѣдали. Мальчики охотно глядѣли картинки иллюстрированныхъ жур-

наловъ и рады были, когда завѣдующій подходилъ къ нимъ объяснять непонятное. Соберись вся эта публика вечеромъ, когда нѣтъ крайности торопиться домой, она навѣрное просидѣла бы тутъ охотно часъ—другой.

Къ сожалѣнію, на предстоящую зиму такія собранія приходится отложить. За то съ будущаго года, когда откроется новое, довольно обширное зданіе—при хорошемъ освѣщеніи, возможномъ удобствѣ и внимательномъ отношеніи къ посѣтителямъ—можно надѣяться, что читальня станетъ любимымъ сборнымъ пунктомъ всего окрестнаго грамотнаго люда. Но тутъ надо оговориться: воздвигая новое зданіе для Макаровской библіотеки-читальни, завѣдующіе этимъ дѣломъ не имѣли въ виду ограничиться выдачей книгъ и надеждой соединить по вечерамъ нѣсколько десятковъ посѣтителей.

Новое зданіе должно быть пріютомъ подростающему поколѣнію и служить ему на самые разнообразные лады: въ большой залъ (12 кв. саж.) можно собирать по утрамъ до 40 человѣкъ подростковъ для повторно-школьныхъ занятій по программѣ [1]), которая, можно надѣяться, будетъ утверждена. Полагаемъ, что юноши и дѣвушки отъ 14 лѣтъ и старше, поучившись подъ руководствомъ преподавателя 3 утра въ недѣлю, могутъ въ промежуточные дни съ успѣхомъ заняться дома, работая самостоятельно на заданныя темы по письму; а остальныя 3 утра та же большая комната можетъ служить сборнымъ мѣстомъ для дѣвушекъ, желающихъ обучиться кройкѣ, шитью и друг. рукодѣльямъ, а также для мальчиковъ, которые не прочь усвоить элементарные пріемы столярнаго и переплетнаго дѣла. Конечно, всѣ эти занятія, по недостатку средствъ, не могутъ быть поставлены на такую ногу, какъ стоятъ въ ремесленномъ училищѣ, но, во всякомъ случаѣ, могутъ возбудить въ мальчикѣ самодѣятельность и желаніе совершенствоваться въ начатомъ ремеслѣ. На худой конецъ, мальчикъ, подъ руководствомъ деревенскаго столяра средней руки, смастеритъ рамы для собственнаго дома, простую мебель—все то, что въ помѣщичьи и крестьянскіе дома мастеритъ его учитель. Дешевые переплетчики окажутся въ уѣздѣ еще нужнѣе: при настоящемъ развитіи книжнаго дѣла въ уѣздѣ—городскіе переплетчики положительно завалены работой; учебники въ школы запаздываютъ, а частная работа валяется мѣсяцами.

Въ виду собственнаго удобства,—не говоря уже объ естественномъ желаніи поддержать крестьянскую молодежь, обученную этому дѣлу въ зданіи читальни,—управа, вѣроятно, согласится отдавать партіи учебниковъ на отвѣтственность лица,

---

[1]) Программа для повторной школы предполагается слѣдующая:

Зак. Бож.: Чтеніе и объясненіе евангелія; внутр. смыслъ богослуженій; исторія церкви (кратко).

Русск. яз.: Письм. изложеніе прочитаннаго и пережитаго; упражненіе въ составленіи писемъ и условій. Диктанты и самостоят. примѣры на выдающ. правила этимологіи и синтаксиса.

Ариѳметика: Именов. числа: кубич. и квадратн. мѣры.

Геометрія: (черченіе). Съемка плановъ.

Географія: Россія и части свѣта въ объемѣ Элемент. географіи Пуцыковича.

Исторія—въ объемѣ принятаго всюду учебника. Рождеств.

Естествозн.—въ объемѣ книги для объяснит. чт.: «Бесѣды о природѣ» Зобова

завѣдывающаго этимъ дѣломъ, съ тѣмъ, чтобъ, за вычетомъ матеріала, деньги, полученныя съ управы шли на руки ученикамъ. Школы и библіотеки, количество которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ, будутъ тоже нуждаться въ работникахъ, умѣющихъ чинить старыя книги.

Вообще, пользу ремесла въ нашей примитивной обстановкѣ отрицать трудно. Къ числу занятій болѣе доступныхъ—при скромныхъ средствахъ завѣдующихъ лицъ—можетъ принадлежать также культура сѣвернаго шелководства: уходъ за растеніемъ, выкармливаніе личинокъ, внимательное отношеніе къ температурѣ—все это трудъ, не требующій большого напряженія силъ и, при умѣломъ руководствѣ, можетъ быть исполняемо дѣвочками-подростками.

Само собой разумѣется, что всякое новое дѣло нуждается въ большой осмотрительности и провѣркѣ на мѣстѣ прежде, чѣмъ будетъ рекомендовано недовѣрчивому крестьянству. Но это ужъ—насущный тактъ, безъ котораго нельзя и касаться деревенской среды.

Перечисляя всѣ занятія, которыя можно съ успѣхомъ вести въ зданіи библіотеки, я думаю убѣдить не только друзей просвѣщенія, но и враговъ его, жалѣющихъ отвести крестьянамъ подъ читальню хорошее, спеціально для нихъ удобства приноровленное, помѣщеніе. Конечно, одного зданія недостаточно: нуженъ и человѣкъ умѣлый, толковый и дѣятельный, любящій дѣло и вѣрящій въ его успѣхъ.

Въ настоящее время, библіотекарь, на обязанности котораго одна раздача книгъ, получаетъ отъ уѣздн. зем. управы 60 руб. въ годъ. Еслибы управа платила 200 р., она могла бы найти библіотекаря изъ среды учителей, достаточно подготовленнаго для того, чтобы взять на себя руководительство такимъ симпатичнымъ дѣломъ. Между учителями, окончившими учительскую семинарію, пѣтъ лицъ, незнакомыхъ съ столярнымъ и переплетнымъ дѣломъ. Тѣ изъ нихъ, которымъ случалось руководить подобными занятіями, знаютъ по опыту, что только самое начало затруднительно: лишь только молодежь усвоитъ первые пріемы—лучшіе ученики оказываются помощниками учителя. Усердіе при исполненіи ремесленныхъ работъ всегда очень велико, и учителю скорѣй приходится умѣрять рвеніе посѣтителей, чѣмъ возбуждать его. Извѣстно также, что разнообразное дѣло утомляетъ менѣе, и мнѣ кажется, труднѣе вести земскую школу, изо-дня въ день занимаясь съ малышами, чѣмъ имѣть дѣло съ юношами сознательнаго возраста, направляя ихъ умственное и физическое развитіе поочередно. Надо еще имѣть въ виду и то, что занятія въ повторной школѣ могутъ продолжаться только 5 мѣс., съ 1-го ноября по 1-е апрѣля. Остальная часть года уходитъ на полевыя работы и сторонніе заработки въ Рыбинскѣ, куда молодежь уплываетъ съ первымъ пароходомъ.

Практическое рѣшеніе вопроса, т.-е. захочетъ-ли земство поставить читальню на одинъ уровень со школой и найдетъ-ли возможнымъ, въ смыслѣ жалованья, сравнять завѣдующаго библіотекой съ учителемъ земской школы, едва-ли встрѣтитъ затрудненіе: весьегонское земство до сихъ поръ всегда чутко отзывалось на умственныя нужды населенія; однимъ изъ первыхъ оно заговорило о необходимости всеобщаго обученія и уже въ 1892 году приняло проектъ А. С. Медвѣ-

дева, выработавшаго наплучшій планъ для реализаціи этого дѣла, а въ настоящемъ году открываетъ въ 10-ти земскихъ школахъ воскресные повторные классы и въ 15-ти другихъ—воскресныя чтенія съ туманными картинами.

Идя на встрѣчу требованіямъ времени, оно никогда не отличалось скаредностью, потому мы и надѣемся, что вопросъ объ усыновленіи читаленъ на ряду со школами пройдетъ благополучно въ засѣданіи очереднаго земскаго собранія.

Но гдѣ же то гостепріимное зданіе, которое собирается съ будущей осени открыть свои двери всему окрестному деревенскому люду? 8 мѣсяцевъ тому назадъ оно еще не существовало; въ настоящую минуту оно красуется рядомъ съ большой Макаровской школой и радуетъ глазъ прохожаго своимъ веселымъ видомъ, пропорціональностью размѣровъ и чистотою работы. На какія же деньги оно сооружилось такъ быстро?

Вотъ въ этомъ-то и секретъ всѣхъ русскихъ начинаній: вѣрь крѣпко въ дѣло, положи въ него всю свою энергію, а добрые люди всегда найдутся и поддержатъ какъ разъ въ ту минуту, когда помощь наиболѣе необходима.

Лѣсъ на постройку дала Ю. Эн. Гронская (вдова покойнаго, въ память котораго открыта библіотека). Вскорѣ послѣ того, какъ читальня была утверждена, крестьяне Макаровской волости пожертвовали изъ волостныхъ суммъ 120 р. Эти первыя деньги были особенно кстати: онѣ оплатили вывозку лѣса и камня и, что всего утѣшительнѣе, вернулись такимъ образомъ въ руки крестьянъ той же волости. Стѣны воздвигались уже на счетъ моск. ком. грам., пожертвовавшаго на зданіе 300 р. Теперь домикъ готовъ вчернѣ. Еще 400—500 р., и все необходимое по внутренней отдѣлкѣ, обстановкѣ и меблировкѣ будетъ слажено. Можетъ быть, кто-либо изъ благоразумныхъ людей и сомнѣвается, откуда взять еще такую большую добавочную сумму?.. Менѣе всѣхъ сомнѣваются завѣдывающіе постройкой: зданіе обѣщано къ осени 1897 года, и оно *будетъ* готово. Планъ постройки выработался не сразу; сначала строители, стѣсняясь деньгами, полагали возвести небольшое зданіе, заключающее въ себѣ залъ для читальни, библіотеку, прихожую и сѣни. Но опытъ убѣдилъ, что необходимо имѣть тутъ же и квартиру библіотекарю: крестьяне часовъ не имѣютъ, къ точности не привыкли; въ дни, назначенные для раздачи книгъ, приходится дежурить въ библіотекѣ отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера, а это возможно только въ томъ случаѣ, если завѣдывающій живетъ въ самомъ зданіи. Въ библіотекахъ, гдѣ раздающій книги является изъ-за 2 — 3-хъ верстъ, многіе крестьяне, поклонившись запертой двери, уходятъ неудовлетворенные, и читатели мало-по-малу отпадаютъ.

Для того, чтобы избѣжать подобнаго неудобства, и пришлось строить болѣе обширное зданіе (28 кв. с.), заключающее въ себѣ: залъ (12 кв. с.), небольшую библіотеку, прихожую и 2 комнаты для завѣдывающаго (жилую и кухню). Подобное зданіе, конечно, даже при даровомъ лѣсѣ, не можетъ обойтись дешевле 1.000 р. Съ такимъ расходомъ и пришлось мириться. «Не назадъ, а впередъ идемъ», говорятъ строители: подъемъ грамотности увеличиваетъ съ каждымъ годомъ количество народа, желающаго пользоваться такимъ пріютомъ. Черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ помѣщеніе окажется скорѣе мало, нежели велико. Да и какъ-то стыдно жалѣть денегъ въ деревнѣ: тутъ каждый рубль идетъ на насущное дѣло

и создастъ такую массу удобствъ бѣдному люду, какой не дадутъ въ столицѣ и десятки рублей.

Въ заключеніе хотѣлось бы привести нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, какъ скромны требованія деревни. Вотъ примѣръ: сосѣднюю Макаровскую школу посѣщаютъ зимой до 150 ребятъ. Такъ какъ при школѣ есть удобное помѣщеніе для ночлега, то нѣкоторые дальніе ученики живутъ тутъ цѣлыми недѣлями, уходя домой въ субботу послѣ занятій. Такихъ ночлежниковъ бываетъ, среднимъ числомъ, до 25 человѣкъ. Питаются они обыкновенно сухимъ хлѣбомъ и печенымъ картофелемъ. Ю. Эп. Гронская (въ настоящее время попечительница школы) уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ вошла въ бѣдственное положеніе ночлежниковъ, обреченныхъ питаться сухой коркой 5 дней въ недѣлѣ, и рѣшила снабжать ихъ ежедневно горячими щами. Взявъ на себя это обязательство, она въ первую минуту и не представляла себѣ, дешево или дорого обойдется ей эта новая затѣя. Къ всеобщему удивленію, трата на провизію, съ 1-го ноября по 1-е февраля, оказалась совершенно незначительной: 5 пудовъ мяса (купленнаго осенью на бойнѣ по 2 р. за пудъ), въ видѣ солонины, хватило на всѣ скоромные дни; капуста, крупа, соль, мелкая рыбка (въ постные дни)—стоятъ ежегодно отъ 5—8 р. Значитъ, maximum 18 р. обходится помѣщику добавочное питаніе 25 человѣкъ въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ (исключая праздниковъ). Что значатъ эти деньги въ городѣ, въ рукахъ богатой женщины, у которой одна шляпа на головѣ стоитъ вдвое дороже. Она выкинетъ эти деньги шутя, а между тѣмъ, какую пользу приноситъ только *половина* этой суммы, согрѣвая голодные желудки жалкихъ ребятишекъ, которые и дома видятъ мясные щи развѣ въ праздникъ. И не только каждый грошъ имѣетъ въ деревнѣ свою удесятеренную цѣну, каждая теплая тряпка бываетъ насущно нужна и спасаетъ ребенка отъ холода и болѣзни. Прошлой зимой, случайно, заѣхала я въ одну знакомую школу. День былъ сильно морозный. Я застала молодую учительницу въ ея комнатѣ, судорожно перебиравшею старое тряпье.

«Повѣрите-ли,—обратилась она ко мнѣ,—дня не проходитъ, чтобъ я не рылась въ этихъ старыхъ вещахъ: ребятишки мои приходятъ совсѣмъ голые; у одного сѣрый, домотканый кафтанъ на груди не сходится, у другихъ уши зябнутъ и болятъ, а о ногахъ и говорить нечего; вѣдь многіе, дальніе, бѣгутъ въ школу въ лаптишкахъ, съ ногами, обернутыми въ полотняныя тряпицы. Прибѣгутъ—ревутъ, не могутъ пальцы раздвинуть. Откуда хочешь, добывай имъ шерстяныя онучи.»

Озябшимъ до боли и слезъ на этотъ разъ оказался «старшой»—маленькій 8-ми-лѣтній мальчуганъ, любимецъ учительницы. Дружба ихъ началась съ перваго дня поступленія мальчика въ школу. Онъ насмѣшилъ всѣхъ своей простотой и наивностью; съ открытымъ, улыбающимся личикомъ вошелъ онъ въ классъ и смѣло подошелъ къ учительницѣ, протягивая руку:

«— Здорово! Какъ можешь?

— Спасибо. А ты какъ?—улыбаясь, отвѣтила учительница, беря протянутую руку.

— Все слава Богу! Вотъ учиться пришелъ. Ты меня запиши: Степанъ Колечкинъ. Степанъ, слышь, имя, а Колечкинъ фамилія... Еще въ прошломъ году собирался я въ школу, да тятька не пустилъ. Я вѣдь у него старшой; ему безъ меня дома не осилить».

Вотъ этотъ-то самый «старшой» (кличка за нимъ такъ и осталась), любя

школу, бѣгалъ въ нее, не глядя на погоду и на плохую обувь, и морозилъ себѣ ноги.

Да и онъ-ли одинъ! **А. Б.**

15 октября 1896 г.

II. Изъ Кузнецкаго у. Саратовской губ., (Къ вопросу о переселеніяхъ).

Трудно найти въ Саратовской губ. деревушку—не говоря уже про большія селенія—гдѣ бы вопросъ о переселеніи не волновалъ крестьянскаго міра. Нашъ уѣздъ въ этомъ отношеніи не отстаетъ отъ другихъ. Съ каждымъ годомъ стремленіе къ переселенію въ немъ увеличивается. За послѣднія 4—5 лѣтъ это движеніе охватило даже мордовскія селенія, сравнительно лучше обезпеченныя землею (4,55 дес. на 1 наличн. д.). До этого времени переселенія изъ нихъ бывали только группами въ 1, 2—3 семьи. Теперь же въ нѣкоторыхъ мордовскихъ селахъ группы желающихъ переселиться доходятъ до 30 семей. Группы эти, соединяясь между собою, посылаютъ предварительно ходока, которому дается на расходы по 20 коп. съ переселяющейся души. Ходокъ избирается съ большою осторожностью и преимущественно изъ грамотѣевъ. Отъ него требуется честность, расторопность и хозяйственная смѣтка. Послѣднимъ качествамъ придается бо́льшее значеніе, нежели грамотности. Поэтому въ ходоки попадаютъ и неграмотные. Нѣкоторые изъ нихъ вполнѣ понимаютъ важность принимаемой на себя обязанности и смотрятъ на нее, какъ на серьезную общественную миссію. Въ нынѣшнемъ году отправилось изъ нашего уѣзда нѣсколько ходоковъ въ разныя мѣста Сибири: на Амуръ, въ Томскую губ. и т. д. У большинства переселенцевъ преобладаетъ желаніе пристроиться къ мѣстнымъ старожиламъ и только въ исключительныхъ условіяхъ рѣшаются они основать новое поселеніе. По своему хозяйственному положенію, переселяющіеся принадлежатъ ко всѣмъ типамъ домохозяевъ; зажиточныхъ, впрочемъ, очень немного; большинство ихъ составляютъ бѣдняки и крестьяне средняго достатка. Бѣдняковъ гонитъ къ переселенію буквально отчаяніе. На доказательства о трудности переселенія они отвѣчаютъ одно: «чтобъ ни было—хуже ужъ не будетъ!..» Вторая группа идетъ подъ вліяніемъ тѣсноты надѣла, увеличивающейся съ каждымъ годомъ. Они потеряли всякую увѣренность на улучшеніе своего положенія на родинѣ при существующихъ условіяхъ и ищутъ выхода въ переселеніи. По даннымъ земской статистики [1]), въ 1886 г. крестьянскія хозяйства нашего уѣзда по размѣрамъ своихъ владѣній распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: изъ 100 хозяйствъ—11,2 не имѣютъ надѣла, 22,6 имѣютъ до 2,5 дес., 23,7—отъ 2 до 5 дес., 30,2—отъ 5 до 10 дес., 10,9—отъ 10—20 и 1,4 хоз.—болѣе 20 дес. Наиболѣе нуждающимися въ землѣ являются бывшіе помѣщичьи крестьяне. Среди нихъ 16% вовсе не имѣютъ пахотнаго надѣла, тогда какъ изъ бывшихъ государственныхъ таковыхъ 7%. Среди крестьянъ, имѣющихъ надѣлы, наименѣе обезпечены землею дарственники. Составляя почти 12% крестьянскаго населе-

---

[1]) Сборн. стат. свѣдѣній по Сар. губ. т. X. (Остальныя цифры взяты отсюда же).

нія, они владѣютъ лишь 3% надѣльныхъ земель уѣзда; причемъ приходится земли: на 1 рев. д. 1,04 дес.; наличн. д.—0,83, а на 1 д. об. п.—0,40 дес. Недостатокъ въ землѣ заставляетъ крестьянъ прибѣгать къ усиленной арендѣ. Только 72% фактическаго посѣва производится на своей землѣ, а остальные 28%—на арендуемой. Безъ аренды пахотной земли обходится только 56% всѣхъ наличныхъ хозяйствъ (сюда входятъ и не производящіе посѣва—18,4%). Остальные же 44% (10.294 хозяйства) арендуютъ *41.645,5 дес.* на сумму *229.755,6* руб. Въ дѣйствительности сумма эта выше, такъ какъ 8,7% составляетъ аренда *испольная*, при которой стоимость всѣхъ работъ въ пользу владѣльца превышаетъ денежную арендную цѣну земли; къ тому же, она отнимаетъ у крестьянъ много времени. Поэтому къ ней прибѣгаютъ лишь тѣ крестьяне, которымъ «за деньги брать землю силы не хватаетъ». Главную роль въ крестьянской участковой арендѣ играютъ земли помѣщичьи—64,7% и удѣльныя—34,6%. Сюда нужно еще прибавить аренду пастбищъ. Только 160 общинъ уѣзда могутъ довольствоваться надѣльными пастбищами, а остальныя 110 (40,7%) принуждены арендовать въ сосѣднихъ имѣніяхъ *2.338 дес.* разныхъ угодій. Въ общемъ, по вычисленіямъ кузнецкаго уѣзднаго при сутствія, «оброка въ пользу помѣщиковъ» ежегодно причитается на одну душу *7 р. 40 к.* [1]). Мы не имѣемъ данныхъ объ увеличеніи приведенныхъ цифръ за послѣдніе 10—15 л. Но другіе платежи крестьянъ за 30 л. (съ 1854 по 1886 г.) увеличились вдвое: съ 4 р. 92 до 10 р. 4 к. на рев. д. Вслѣдствіе этого, во многихъ селеніяхъ нашего у. давно уже «надѣлъ не окупаетъ лежащихъ на немъ платежей». Такимъ образомъ, съ уменьшеніемъ надѣловъ и вообще доходности крестьянскаго хозяйства, растутъ платежи. Это обстоятельство является однимъ изъ серьезнѣйшихъ мотивовъ къ переселенію. Тѣснота владѣній губительно отражается и на крестьянскомъ скотоводствѣ. Особенно въ неблагопріятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находятся селенія, вблизи которыхъ нѣтъ частныхъ экономій. Въ такомъ положеніи находится большинство селеній, окруженныхъ владѣніями казны. Аренда ея участковъ подъ пастбища обставлена такими сложными условіями, что нерѣдко лишаетъ крестьянъ возможности прибѣгать къ ней. Результатомъ этихъ условій иногда является полное отсутствіе подножнаго корма для скота. Для примѣра возьмемъ с. Кулясово. Не смотря на то, что оно окружено обширными казенными лѣсами и лугами, *лѣтомъ 1893 г. въ немъ былъ падежъ скота отъ голода.* Сообщеніе кулясовскаго общ. объ этомъ (приговоръ 30 мая 1893 г.) подтверждено изслѣдованіемъ земскаго начальника и ветеринарнаго врача. Потребовалось вмѣшательство администраціи, чтобы спасти оставшійся скотъ отъ гибели, т.-е. добиться разрѣшенія пасти за *обычную арендную плату* [2]) въ дѣлянкахъ казны. Чтобы выйти изъ такого положенія, названное общество рѣшило (приговоръ 15 августа 1894 г.) обратиться съ ходатайствомъ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ о продажѣ ему ближайшаго участка лѣса. Однако мѣстная администрація не дала движенія ходатайству, и крестьяне остаются

[1]) Отчетъ кузнецк. у. по крест. дѣламъ присутствія за 1880 г.

[2]) Но пастьба лошадей и свиней не была разрѣшена.

въ прежнемъ положеніи. Вопросъ о пастбищахъ настолько важенъ, что въ мордовскихъ селеніяхъ переселенія вызываются преимущественно нуждою въ нихъ. Подъ вліяніемъ подобныхъ условій, крестьянское скотоводство въ нашемъ у. за послѣднія 30 л. (до 1896 г.) уменьшилось на 16,2%. На душу м. п. приходится теперь скота на 3½% меньше. Лучшимъ показателемъ въ этомъ отношеніи служитъ число рабочихъ лошадей. Для хозяйства нашего крестьянина лошадь является единственнымъ рабочимъ скотомъ (волы не употребляются). Съ потерею лошади обязательно разрушается и все хозяйство крестьянина. Поэтому послѣдній напрягаетъ всѣ свои силы, лишь бы сберечь ее. Вотъ что говорятъ цифры:

Годы.	% безлош. дворовъ.	На 100 дес. удобн. зем. рабоч. лош.
1886	26,8	?
1891	30,8	11,8 [1]).
1893	34,5	8,7

Въ 1882 г. число безлошадныхъ дворовъ Саратовской губ. не превышало 21,7 на 100 кр. хозяйствъ, а въ 1893 г.—таковыхъ стало 29,2. Съ 1891 по 1893 г. число ихъ увеличилось на 15,3%. Эти цифры, полученныя изъ данныхъ конскихъ переписей военнаго вѣдомства, приводятъ къ выводу, что, «параллельно постепенному сокращенію крестьянскаго коневодства, идетъ постепенный ростъ безлошадныхъ хозяйствъ. Такая параллель тѣмъ болѣе интересна,—говоритъ авторъ ст. «Коневодство въ Саратовской губ.»,—что данныя почерпнуты изъ одного и того же оффиціальнаго источника, который, конечно, никто не станетъ упрекать въ тенденціозности.

Къ экономическимъ условіямъ, вынуждающимъ крестьянъ покидать родныя мѣста, присоединяются еще моральныя. Въ наиболѣе интеллигентной и чуткой въ нравственномъ отношеніи части крестьянства существуетъ стремленіе завести «въ новыхъ мѣстахъ новые порядки»... «Здѣсь больно ужъ непорядки большіе... Постоянныя обиды со всѣхъ сторонъ, а правды не добьешься» и т. д. Передѣлать эти порядки—какъ внутри общины, такъ и внѣ ея—они считаютъ себя безсильными. «Съ нонѣшнимъ народомъ,—говорятъ они,—ничего не подѣлаешь»... Этимъ объясняется ихъ живой интересъ къ вопросамъ «о сибирскихъ порядкахъ», «объ отношеніяхъ администраціи къ населенію» и проч. Чтобы устроить жизнь «по новому», т.-е. согласно своимъ понятіямъ о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ общины, группы этихъ переселенцевъ составляются съ строгимъ выборомъ. Осуществить свои мечты эти наивные люди надѣются организаціей новыхъ колоній или же присоединеніемъ къ существующимъ въ Сибири.

Г. У.

III. Изъ Якутской области.

Якутская область безъ преувеличеній можетъ быть названа пустыней. Во-

---

[1]) Данныя по этому вопросу взяты изъ ст. ветерин. врача г. Березова (Коневодство въ Сар. губ.). Сборн. сар. земства 1895 г. № 4.

образите себѣ географическое пространство, занятое всѣми губерніями Европейской Россіи (безъ Архангельской и Вятской), и на всемъ этомъ пространствѣ 272.000 населенія (т.-е. меньше, чѣмъ въ одной самой малонаселенной Архангельской губ.) и вы получите приблизительно точное представленіе о томъ, что такое Якутская область съ ея $3^1/_2$ милліонами квадр. верстъ. Но картина этой пустынности становится еще болѣе унылой, когда мы обратимъ вниманіе на то, что 92% населенія области составляютъ бродячіе и кочевые инородцы (якуты, тунгусы, ламуты, чукчи, юкагиры и чуванцы), а изъ остальныхъ 8% около 3% составляютъ ссыльные всѣхъ наименованій (если не считать тѣхъ, которые уже приписаны въ «крестьяне изъ ссыльныхъ»). Занятіе этого ничтожнаго населенія вполнѣ подчинено власти дикой природы. Въ южной части кое-какъ развивается земледѣліе, въ средней—скотоводство, сѣвернѣе—скотоводство и рыболовство, еще сѣвернѣе—рыболовство и звѣроловство, на крайнемъ сѣверѣ—оленеводство и, наконецъ, собаководство, гдѣ даже мохъ, нужный для оленей, не растетъ. Борьба съ природой изъ-за одного только полусытаго существованія—вотъ господствующій интересъ жизни населенія этого края величайшихъ холодовъ въ мірѣ.

Въ рядѣ очерковъ мы попытаемся познакомить читателя и съ этими инородцами, и съ промыслами ихъ, въ связи съ ролью ихъ въ жизни населенія; познакомимъ его и съ суровымъ климатомъ края, съ пріемами борьбы населенія съ нимъ, и пр., и пр.

На этотъ же разъ считаемъ необходимымъ хоть нѣсколько освѣтить тотъ фонъ, на которомъ должны будутъ представиться читателю всѣ картинки жизни этого оригинальнаго, бѣднаго, грубаго, забытаго, «отдаленнѣйшаго» края обширныхъ россійскихъ владѣній.

Если въ стоячее болото, на гладкую тихую поверхность его бросить камень, то во всѣ стороны, во всѣ уголки болота разойдутся круги маленькихъ волнъ болотной цвѣтной воды. Бросьте не простой камень, а кусокъ золота, что угодно, — въ результатѣ опять-таки—маленькія волны болотной воды... Угрюмые обитатели болота не знаютъ, что взбудоражило ихъ тихое пристанище, не знаютъ, кому и зачѣмъ понадобилось поднять этотъ кругъ волнъ; они чувствуютъ, что произошла какая-то перемѣна. Одни, быть можетъ, боятся потерять привычный покой; другіе полны надеждъ на перемѣны къ лучшему. Но волны улеглись, покой возстановился—и тина болотной воды по старому засасываетъ жизнь, притупляетъ умъ и губитъ энергію.

Такъ точно и до нашего укромнаго, тихаго уголка доходятъ порой волны—отголоски событій, происходящихъ тамъ—гдѣ-то, внѣ вѣдомыхъ границъ нашего узкаго горизонта. Мы не знаемъ смысла событія, не знаемъ часто и самаго событія,—мы чувствуемъ, что насъ что-то покачнуло, прошла какая-то волна. А гдѣ произошло, зачѣмъ и что—мы не знаемъ, не можемъ знать, да и узнавать намъ некогда.

Когда-когда еще началась постройка великой сибирской желѣзной дороги!

А мы только сейчасъ узнали: «слышь, сказываютъ, купецъ Лобановъ нанимаетъ рабочихъ на чугунку; чугунку, значитъ, строить отъ Киренска на Томскій». И побрела наша голодная поселька къ Лобанову за задатками. «Беретъ, кто хошь иди,—будь ты поселенецъ, либо кто. Давай паспортъ, а вотъ задатокъ получай»... Но волна прошла, всколыхнула болото и улеглась. И некого винить въ томъ, что этотъ отголосокъ великой новости, дойдя до насъ, могъ разшевелить у нашего голоднаго поселенца одну только мечту о заработкѣ. Какъ винить поселенца въ томъ, что онъ во всѣ новости, урывками доходящія до него, вкладываетъ одно только толкованье своего голоднаго нутра!

Всякая новость зарождаетъ въ немъ мечты о перемѣнѣ его постояннаго житья. Приходитъ ко мнѣ сосѣдъ-поселенецъ. По обычаю здѣшнихъ мѣстъ, гость, ничего не говоря (поздоровавшись, конечно), сидитъ и молчитъ, ожидая вопросовъ хозяина. Понемногу завязывается бесѣда о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Много темъ будетъ перебрано въ разговорѣ; нѣсколько разъ бесѣда будетъ прерываться продолжительными паузами, пока гость наберется духа затронуть вопросъ, заставившій его придти ко мнѣ.

— Вѣдь ты «вѣдомости» читаешь?

— Читаю.

— Правда-ли, сказываютъ, будутъ раздавать 50 милліоновъ денегъ всѣмъ, кто землю пашетъ въ Якутской области?

Я сразу не могу даже понять, въ чемъ корень вопроса. Долго думаю и, наконецъ, вспоминаю, что года два тому назадъ было предположено ассигновать ежегодно по 50 тысячъ рублей на улучшенія земледѣлія во всемъ бассейнѣ р. Лены. Я стараюсь разъяснить гостю, въ чемъ дѣло.

— Ну, а какъ же теперь, примѣрно, вотъ хоть я? Земли мнѣ якуты дали 4 десятины... А у меня, знаешь, ребятъ пятеро. Ну, я пашу... Бьюсь, то-есть во-какъ! Какъ же мнѣ дадутъ, аль нѣтъ способіе-то?

Я опять силюсь разъяснить, что на такую сумму на такомъ громадномъ районѣ нельзя помогать отдѣльнымъ лицамъ. Вѣроятно, будетъ организовано что-нибудь въ общихъ интересахъ земледѣлія,—примутъ мѣры къ улучшенію сѣмянъ, устроятъ ферму и т. п. Гость уходитъ совсѣмъ разочарованный.

И благо ему, если онъ еще не утерялъ вѣры въ ожидаемую сытость.

Иначе безпощадное, безпредметное озлобленіе вырывается у него наружу рядомъ подвиговъ, которыми такъ славна наша «штрафная Сибирь».

И что, дѣйствительно, за жизнь поселенца въ Якутской области?

Бездомность, полная отчужденность отъ всего окружающаго, необезпеченность, страхъ за завтрашній день,—вотъ что испытываетъ поселенецъ съ перваго же дня своей «воли». Вообразите, въ самомъ дѣлѣ, положеніе человѣка, который съ собственнымъ багажомъ, вѣсомъ ровно въ 30 фунтовъ (больше не позволяется по закону имѣть въ пути по этапу), при пустомъ карманѣ, появляется въ средѣ якутовъ, не знающихъ ни слова по-русски и озлобленныхъ уже на «хайлака» раньше, чѣмъ онъ пришелъ къ нимъ. Пока онъ былъ въ тюрьмѣ (на каторгѣ, на пути по этапу), онъ былъ «скованъ по рукамъ и по ногамъ», но онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи «кормовыя», онъ былъ въ кругу товарищей.

Здѣсь же онъ «вольный человѣкъ», но одинъ-на-одинъ съ своимъ пустымъ желудкомъ, безъ всякой поддержки со стороны кого бы то ни было. Ему, правда, предоставляется право получить отъ инородческаго общества до 15 десятинъ земли для занятія хлѣбопашествомъ. Но что онъ станетъ съ нею дѣлать своими голыми руками? Да и общество инородцевъ даетъ землю крайне неохотно: самому мало земли для сѣнокоса.

Поселенецъ либо уходитъ куда-нибудь изъ своего общества и беретъ отъ инородцевъ «отступного», либо остается тамъ, куда приписанъ, и идетъ «на пропитаніе» къ якутамъ: по очереди обходитъ одну юрту якута за другою—и живетъ «незваннымъ гостемъ» на иждивеніи хозяина юрты. Понятно, какъ ненавидятъ другъ друга эти невольные сожители. Въ лицѣ русскаго якутъ видитъ обузу, дармоѣда, жаднаго и злого «хайлака»; поселенецъ видитъ въ якутѣ одно лишь озлобленіе къ себѣ, хитрость, коварство и ложь. Сколько драмъ разыгрывается на почвѣ этихъ натянутыхъ отношеній между подневольнымъ «культурнымъ русскимъ» и полноправнымъ «дикимъ якутомъ». Кому нужны эти драмы? Что выигрываетъ отъ нихъ та или другая сторона: культивируется-ли якутъ, исправляется-ли ссыльный?

Больше одиннадцати лѣтъ тому назадъ въ г. Якутскѣ нѣсколько человѣкъ ссыльныхъ убили въ еврейской моленной, какъ разъ въ день еврейскаго праздника «суднаго дня», старика-русскаго, нищаго, поселенца, обыкновенно и раньше нанимавшагося «снимать со свѣчъ» во время молитвенныхъ собраній евреевъ. Убили его съ цѣлью грабежа, такъ какъ знали, что у старика были накоплены деньги. Старика задушили, обобрали и, запрятавши въ мѣшокъ, положили на ночь въ сѣно; утромъ, среди бѣла дня, увезли этотъ мѣшокъ и спустили въ Лену.

Всю эту исторію видѣлъ случайный свидѣтель, нѣкій «Пашка», и молчалъ до поры до времени. Сейчасъ же послѣ убійства было начато слѣдствіе. Всѣ участники были арестованы. Но полицейскій надзиратель (къ несчастью, уже умершій) былъ добрый человѣкъ, далъ всѣмъ обвиняемымъ по нѣсколько размашистыхъ пощечинъ, взялъ по «красненькой» за «вразумленіе» и «дѣло» кончилось. «Пашка» и это все прекрасно зналъ. И вдругъ теперь все это всплыло наружу. Для мѣстныхъ нравовъ характерно то, какъ возникло вновь это дѣло.

Надо замѣтить, что то время, когда произошло убійство старика, было страшное время,—про него до сихъ поръ говорятъ, что тогда: «привози возъ денегъ и что хочешь дѣлай—и будешь правъ». Наслѣдіемъ отъ того во истину кроваваго времени до сихъ поръ остаются нѣсколько крупныхъ дѣлъ, которыя только теперь выходятъ на свѣтъ Божій. Были настоящія шайки заправскихъ разбойниковъ съ обширной организаціей, даже съ собственною фабрикою фальшивыхъ монетъ. Такой открытый грабежъ былъ возможенъ только благодаря массѣ хорошо дрессированныхъ, опытныхъ людей, собранныхъ въ г. Якутскѣ, какъ крайнемъ пунктѣ ссылки для тѣхъ, кто не «исправился» ссылкою въ Енисейскую или Иркутскую губерніи.

«Уголовщиной», интересами ея дѣлъ, разсказами объ ея подвигахъ была пропитана вся атмосфера г. Якутска. И въ настоящее время уголовщина даетъ себя знать на каждомъ шагу,—но тогда было несравненно хуже. Всѣ и теперь чувствуютъ себя какъ бы живущими на вулканѣ. Всѣ ежедневно волей и неволей сознаютъ себя нарушителями какой-нибудь изъ статей улож. о наказ. Если кто не вчиняетъ злодѣянія, то видитъ ихъ вчиняемыми кѣмъ-либо; если не видитъ, какъ вчиняютъ злодѣяніе, то слышитъ про нихъ отъ своего пріятеля. И всѣ привыкли молчать: кто прямо заинтересованъ, кто призналъ безполезность «вмѣшательства не въ свое дѣло». Но есть такіе (какъ вышеупомянутый «Пашка»), которые молчатъ до поры до времени, если не въ цѣляхъ шантажа, такъ «для случая». «Пашка» все знаетъ, и всѣ боятся его. Чуть кто задѣнетъ «Пашку»,—такъ онъ и начнетъ ему выкладывать: «да помнишь-ли то?», «да знаешь-ли вотъ это?» И пойдетъ, и пойдетъ. Я увѣренъ, что во всемъ г. Якутскѣ не найдется больше двухъ десятковъ лицъ, которыя были бы такъ смѣлы, чтобы не бояться «Пашки». И «Пашка» чувствуетъ, что онъ—сила, и съ сознаніемъ своего достоинства добивается входа въ «лучшіе дома» всѣхъ слоевъ общества.

Исторія убійства старика возникла только благодаря тому, что кто-то изъ участниковъ ея обругалъ «Пашку» подлецомъ. «Пашка» воспылалъ благороднымъ негодованіемъ.—«Такъ я—подлецъ?! Хорошо же! А ты честный?! Ладно! Ты узнаешь, какой такой я подлецъ...» И «Пашка» строчитъ доносъ, воспроизводя всю исторію: какъ убили старика, какъ покойный надзиратель былъ добръ и т. д.

Виновные давнымъ-давно разбрелись по бѣлу свѣту; кой-кого ужъ и на свѣтѣ нѣтъ. Всѣхъ, кого можно, собираютъ во едино. Говорятъ, что привлеченные не уступаютъ «Пашкѣ» въ знаніи интересныхъ дѣлъ и «развязали языки».

Еслибы «Пашки» ограничивались своею ролью обличителей, это еще было бы полъ-бѣды. А то вотъ въ нашей совсѣмъ-таки невѣжественной общественной средѣ они сплошь и рядомъ становятся вершителями общественнаго мнѣнія. У нихъ всегда про всякаго найдется (а то и выдумается) кое-что изъ «уголовныхъ тайнъ» — и всѣ вѣрятъ ихъ сплетнямъ, приправленнымъ сыскною фантазіей. А кто и не вѣритъ, такъ все равно—радъ подѣлиться съ пріятелемъ тѣмъ, что «слыхалъ» онъ про кого-нибудь. И «Пашки» прекрасно знаютъ, что именно слѣдуетъ шепнуть тому или другому.

Восемьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сперанскій писалъ изъ Иркутска: «Сибирь есть просто Сибирь, т.-е. прекрасное мѣсто для ссыльныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи, но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія. Худое управленіе сдѣлало изъ Сибири сущій вертепъ разбойниковъ. Едва вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться танцовать» (Ядринцевъ «С. и К.», стр. 372).

Но и теперь, какъ и тогда, въ Якутскѣ нѣтъ мѣста «для жизни и гражданскаго образованія». Спертая, затхлая нравственная атмосфера губитъ здѣсь

гражданское чувство. Никто не станетъ спорить, что въ созданіи этой атмосферы большую роль играетъ уголовная ссылка. Въ самомъ дѣлѣ, изъ Европейской Россіи сюда попадаютъ только тѣ изъ «привиллегированныхъ мошенниковъ», которые уже были разъ сосланы куда-нибудь въ «не столь отдаленныя мѣста»; изъ Сибири же сюда попадаетъ все, что только выдѣлилось на разныхъ служебныхъ поприщахъ наиболѣе дерзкою уголовщиной. Въ г. Якутскѣ часто можно встрѣтиться съ громкими именами: «бывшаго полиціймейстера», «бывшаго инспектора врачебной управы», «бывшаго совѣтника» и пр. И «бывшее» его служебное положеніе не теряетъ здѣсь своего обаянія.

Но еще большее значеніе въ выработкѣ этой затхлой нравственной атмосферы играетъ то, что давно уже извѣстно въ Сибири подъ вопросомъ о «недостаткѣ людей». Кому не знакомъ безпрестанный вопль всѣхъ начальниковъ всевозможныхъ частей управленія въ Сибири о томъ, что «пѣтъ чиновниковъ». Генералъ Казнаковъ открыто заявлялъ: «ни администрація, ни судъ, ни народное здравіе, ни учебное дѣло не обезпечены свѣдущими, добросовѣстными, преданными своему дѣлу людьми». Болѣе 50-ти лѣтъ изъ года въ годъ расходуется до 200.000 рублей на увеличеніе оклада жалованья тѣмъ, кто ѣдетъ на службу въ Сибирь. Десять лѣтъ тому назадъ, всякія служебныя льготы были значительно увеличены. И все-таки этотъ вопросъ о «недостаткѣ людей» до сихъ поръ губитъ въ Сибири всѣ благія начинанія. Этотъ же «недостатокъ людей» вынуждаетъ назначать на разныя должности тѣхъ же самыхъ чиновниковъ, которые уже не разъ и не два «удалялись» и по прошенію, и безъ прошенія, и даже съ отданіемъ подъ судъ за всякаго рода упущенія, злоупотребленія и пр.

Какъ деморализуютъ обывателя эти повторныя назначенія уже разъ удаленныхъ со службы лицъ! Ему непонятны скрытыя пружины рокового вопроса. Онъ видитъ одно: человѣкъ, вчера смѣщенный съ должности за какое-нибудь явное для всѣхъ беззаконіе,— быть можетъ, надругавшійся надъ его же честью и достоинствомъ,—сегодня снова получаетъ власть... Сколько тревожныхъ, обидныхъ мыслей переживаетъ бѣдный, темный обыватель!

Надо знать Сибирь, надо знать Якутскую область, чтобы понять, что значитъ для обывателя чиновникъ.

Въ 1829 году въ Якутскъ пріѣзжалъ Щукинъ. Характеризуя тогдашніе якутскіе нравы, онъ говорилъ: «Обманъ, взятка, утайка, присвоеніе, запирательство стали считаться принадлежностью ума или характера». И тутъ же онъ приводилъ воспоминаніе о томъ, что «въ Охотскѣ былъ начальникъ—коллежскій ассесоръ Кохъ. Этотъ человѣкъ, отличавшійся несправедливостями и притѣсненіями, составилъ для себя пословицу, выражающую вполнѣ его властолюбіе. Онъ твердилъ каждому: «на небѣ Богъ, а въ Охотскѣ Кохъ». Другой властелинъ, подобный ему, говорилъ: «на небѣ Илья, а здѣсь я» («Поѣздка въ Якутскъ», стр. 240).

Пожалуй, теперь у насъ не найдешь Коха, но вовсе не перевелись еще смѣльчаки, въ родѣ одного полицейскаго чиновника, который, во время послѣдняго пріѣзда въ Якутскъ генералъ-губернатора Горемыкина, въ присутствіи всей его свиты, не побоялся изъ-за спины начальника края грозить якуту кулакомъ за то, что якутъ подавалъ на него жалобу генералъ-губернатору.

Что бы ни дѣлалъ обыватель, о чемъ бы онъ ни хлопоталъ, на что бы ни жаловался, этотъ «кулакъ» изъ-за спины не даетъ ему покоя, и его робкое воображеніе рисуетъ дикую картину расправы надъ нимъ того, на кого онъ осмѣлился пожаловаться.

Можно было бы сейчасъ привести больше десятка примѣровъ тому, какъ разнаго рода чиновники время отъ времени удаляются отъ дѣлъ по «строжайшему предписанію» и потомъ вновь занимаютъ довольно видные посты, часто виднѣе прежнихъ. Вотъ-вотъ, кажется, попался и ушелъ со сцены навсегда,—анъ нѣтъ, глядишь, опять «вынырнулъ». И замѣтьте, разъ удалось ему «выкрутиться» изъ бѣды, его дерзости нѣтъ границъ, и его ужъ «не поймаешь на мякинѣ». И всему виной все тотъ же роковой вопросъ о «недостаткѣ людей»

Алек—повъ.

ОБО ВСЕМЪ.

(Лжелитература).

«Недѣля» отъ непротивленія необыкновенно быстро перешла къ противленію и даже нападенію: въ послѣдней ноябрьской книжкѣ и въ отдѣльной статьѣ («Лже-народничество»), и въ хроникѣ («Изъ литературнаго міра») наговорено по нашему адресу столько грубыхъ вещей, что мы, поистинѣ, не рады, что тронули... эту обитель смиренія. Зная, что противленіе въ сторону наименьшаго сопротивленія не только не составляетъ чего-либо неожиданнаго со стороны смиренныхъ молодыхъ старцевъ, а напротивъ, что тутъ они частенько обнаруживаютъ мелочную озлобленность,—такое мѣсто просто надо было обойти (береженаго Богъ бережетъ) и поискать другихъ примѣровъ для иллюстраціи литературнаго безвременья; а я не привыкъ къ такимъ литературнымъ обходамъ и направился прямо, подумавъ, что не можетъ быть особой бѣды, если—отнюдь не на личной почвѣ, а исключительно на почвѣ общественнаго и идейнаго интереса—будетъ указано на старанія и указанной обители, совмѣстно съ реакціонной печатью, похоронить и поскорѣе закопать поглубже тѣ идеалы и стремленія, которые многимъ такъ дороги и имѣютъ для жизни такой большой смыслъ и значеніе. У меня, какъ говорится, наболѣло сердце отъ тѣхъ прямыхъ и косвенныхъ заушеній и гоненій, какимъ подвергаются эти идеалы и ихъ носители. Быть можетъ, было бы лучше не отвѣчать на тѣ жалкія передержки и всяческія инсинуаціи, къ какимъ прибѣгли эти господа, чтобы исказить непріятную для нихъ справедливость моихъ указаній; но категоричность этихъ инсинуацій такова, что иной читатель, можетъ быть, и не разберется въ нихъ и не оцѣнитъ всѣхъ ихъ достоинствъ. Прежде всего вотъ лексиконъ разныхъ словъ, которыми встрѣтили меня въ обители; одинъ кричитъ: это «сыскъ», «доносъ по либеральному лагерю», «будочникъ либерализма»; другой перебиваетъ: это «выходка» (?), «добровольное прислужничество» (?), «дурной примѣръ «Н. Сл.» уже успѣлъ оказать свое развращающее дѣйствіе» (на одну хорошую провинціальную газету) и т. д. Согласитесь, что все это ужасно, до самаго развращенія какой-то провинціальной дѣвицы (имя не упоминается, а только говорится, что она хорошая). Въ «Недѣлѣ», которая даже

надъ покойниками производила «дознанія» и слѣдствія (надъ кн. Вяземскимъ) и такъ именно и называла свои дѣйствія,—вѣроятно, слова эти представляютъ близкія понятія и обычную рѣчь. Но это, такъ сказать, внѣшность. По существу же затронутыхъ мною вопросовъ абсолютно никакого отвѣта не дается, а употребляется пріемъ какихъ-то счетовъ (сами, молъ, хороши, не настоящіе вы народники, а лженародники, а о судѣ что говорите, и т. д.) и совершенно голословныхъ утвержденій и произвольныхъ квалификацій; а затѣмъ наговорено не мало неправды и сдѣлано совершенно неестественное и ни съ чѣмъ несообразное обвиненіе.

Первый пунктъ, гдѣ квалифицируется наше направленіе, полагаю, можно оставить. Читатель знаетъ наше направленіе и по именамъ людей, работающихъ въ литературѣ десятки лѣтъ, и по работамъ въ теченіе года тѣхъ новыхъ писателей, которые къ намъ примкнули. Не менѣе извѣстно, конечно, наше направленіе и «Недѣлѣ»,—направленіе, непріятное ей своею категоричностью, такъ что въ тѣ клички, которыя она теперь намъ даетъ,—«консервативные либералы», «либеральные ретрограды» и т. п.—она и сама не вѣритъ, потому что сама же въ концѣ-концовъ говоритъ, что «катихизисъ» нашъ остался «все тѣмъ же». Газета даже ждала отъ насъ вотъ чего: что мы, *«строго придерживаясь традицій и завѣтовъ 60-хъ годовъ и охраняя старые идеалы»*, будемъ въ то же время «органомъ народническимъ», напомнимъ «интеллигенціи о ея долгѣ народу», будемъ проповѣдывать «единеніе съ народомъ, вѣру въ него, движеніе къ нему». «Литературная молодежь—восьмидесятники съ девятидесятниками—ждали: вотъ на арену выступятъ стройной когортой ветераны періода «бури и натиска», и раздастся честное, вѣское, неподкупное, прямое «старое слово», которое воистину покажется «новымъ». Молодежь (читай: «Недѣля») ждала, что «старики постоятъ за себя. Закаленные въ бояхъ рыцари, они смѣло бросятъ перчатку всѣмъ современнымъ «Ваалам и Астартамъ» (стр. 292). Очевидно «Недѣля», даже нѣсколько преувеличивала наши скромныя силы. Мало этого: другой авторъ выдаетъ намъ даже аттестатъ за наше поведеніе: журналъ нашъ казался ему (даже «намъ») «симпатичнымъ и даже по своему направленію наиболѣе во всей русской печати приближающимся къ «Недѣлѣ» (334 стр.). Что можетъ быть выше такой чести! И такъ обстояло дѣло до самаго «послѣдняго времени», т.-е, до прегрѣшенія нашего; но, конечно, надеждъ «Недѣли» мы не оправдали. Не могу, однако, не замѣтить, что тутъ есть нѣкоторая неточность: во всей нашей печати никто такъ грубо и высокомѣрно, какъ «Недѣля», не встрѣтилъ «Новаго Слова», при его переходѣ подъ новую редакцію, когда разсѣянные тамъ и сямъ представители направленія, столько лѣтъ не пользовавшагося да и теперь не пользующагося благополучіемъ, собрались, наконецъ, подъ одну крышу.

Перейду къ другимъ неточностямъ и неправдѣ. Удивляетъ меня эта

непостижимая способность «нынѣшняго» писателя полемизировать и даже ругаться и не позаботиться о точности воспроизведенія порицаемыхъ словъ противника, которыя обыкновенно перепутываются, переиначиваются и прямо, безъ церемоніи, искажаются, не смотря на то, что приводятся нерѣдко въ кавычкахъ или курсивомъ безъ принятой въ такихъ случаяхъ оговорки—курсивъ-де нашъ. Вотъ, напр., относительно третированія «Недѣлей» лучшихъ писателей и критиковъ 60-хъ годовъ, я указываю время и мѣсто, когда и гдѣ такое третированіе наиболѣе ярко выразилось (см. «Нов. Слово», окт.), а одинъ изъ обвинителей увѣряетъ, что я, будто бы, указаній не дѣлаю, а говорю просто *помнится* (стр. 293). Время я также взялъ не случайно, а чтобы показать, что отрицательное отношеніе къ извѣстнымъ идеямъ не со вчерашняго дня началось и совпадаетъ съ выступленіемъ новыхъ силъ въ литературу, а выходитъ такъ, какъ будто я говорю это такъ себѣ, что называется, зря. Вѣдь то, что я приводилъ, говорилось «Недѣлей», зачѣмъ же такъ категорично отрицать это и восклицать: «конечно, не требуется доказывать нелѣпость и вздорность инсинуаціи «Н. С.»? Ни вчера, ни сегодня, ни пять, ни десять лѣтъ тому назадъ «Недѣля» ни передъ кѣмъ не дѣлала реверансовъ и не кидала никуда критиковъ 60 и 70 годовъ». Но вѣдь я приводилъ факты и указывалъ на страницы. Могу и еще привести подобные же факты, какъ изъ прошлаго, такъ изъ настоящаго «Недѣли». Но идемъ дальше.

«Недѣля» утверждаетъ, что для нея, какъ «для живой современности «конца вѣка», одинаково дороги писатели всѣхъ направленій и лагерей, вся литература 40 и 60 гг. въ ея цѣломъ» и что она ищетъ только «основного капитала идей». Рѣка временъ, видите-ли, «отмыла сырую руду мысли», при чемъ «легкій песокъ ошибокъ и преувеличеній сбѣгаетъ», а «тяжелыя крупинки чистаго золота» (въ видѣ Лѣскова и Страхова) остаются, и она ихъ собираетъ. Нѣтъ, не одинаково дороги ей писатели прошлаго. Въ то время, какъ такіе писатели, какъ Салтыковъ и критики 60-хъ годовъ, сдаются, какъ недозрѣлые, поскорѣе въ историческій архивъ и становятся для нея-чѣмъ-то въ родѣ отмытаго рѣкою песку, сопровождавшаго золото, ихъ литературные антиподы и противники необыкновенно цѣнятся. Лѣсковъ прямо ставится на пьедесталъ, вмѣсто сверженныхъ ложныхъ кумировъ. Страховъ, оказывается, принадлежалъ къ такимъ писателямъ, которые, если не создаютъ, то *составляютъ эпоху*. Будучи самъ поповичемъ, онъ не походилъ на другихъ поповичей (Бѣлинскаго, Добролюбова и т. п.). Начавъ писать въ то время, когда «поповичи стояли во главѣ прогресса, составляя его разрушительный авангардъ», онъ имѣлъ мужество говорить противъ нигилизма, о безплодности слѣпого преклоненія передъ Западомъ, объ односторонности Дарвиновской теоріи и проч. и «очень многое»—«увидѣлъ и предсказалъ на цѣлыя десятилѣтія раньше другихъ». («Кн. Нед.», № 3, стр. 254). А Достоевскій—такъ тому прямо

цѣны нѣтъ, и не той, повидимому, сторонѣ Достоевскаго, которая связываетъ его съ прогрессивнымъ движеніемъ нашей мысли, на что указывалъ г. Оболенскій въ той же «Недѣлѣ», а другой, которой онъ примыкаетъ къ теоріи непротивленія и славянофильству, и опять-таки не къ той сторонѣ послѣдняго, которую всѣ чтутъ, а особой, специфической, которая замазываетъ столько грѣховъ и пугаетъ прогрессивную мысль. Достоевскій «Бѣдныхъ людей» и «Мертваго дома»—также почитается только въ исторической перспективѣ, а на сомнительную философію его съ ея мистицизмомъ и распластываніемъ личности дѣлаются постоянныя ссылки по текущимъ вопросамъ; «Бѣсы» же его, вмѣстѣ съ подобными же произведеніями Лѣскова, вызываютъ подражаніе въ печатающемся романѣ «Люди разнаго безумія».

Невѣрно также, что я обращаю критиковъ 60-хъ гг. въ какихъ-то идоловъ и проповѣдую «застой мысли» («Кн. Нед.», ноябрь, стр. 294). Я говорю о преемственности и продолженіи прогрессивныхъ идей. Вотъ мои слова:

«Люди, не враждующіе съ передовымъ поколѣніемъ отцовъ, хорошо понимаютъ, что жизнь и мысль на мѣстѣ стоять не могутъ и должны постепенно обновляться, а потому пошли дальше, причемъ все ненужное въ жизни отцовъ само собою отпало или было просто оставлено, а все живое и цѣнное, напротивъ, глубоко сохранено въ душѣ, съ желаніемъ развивать его преемственно и предоставляя и будущему поколѣнію поступать совершенно также и относительно себя» («Нов. Сл.», окт., стр. 216).

Кажется, это совсѣмъ не то. Зачѣмъ же такъ искажать чужія слова?

Невѣрно также, будто я отношусь *отрицательно къ оживленію философской мысли въ Россіи*. Я отношусь отрицательно только къ философской абракадабрѣ, которая выдается за философію, къ тѣмъ старымъ тряпкамъ, которыя вытаскиваются изъ историческихъ музеевъ и складовъ и выдаются за нѣчто новое, къ той смѣлости, съ которою всѣ Кифы Мокіевичи, всѣ Молчалины, Митрофаны и даже гоголевскіе Петрушки и Коробочки зафилософствовали, къ той спекуляціи, которая происходитъ, въ виду оживившейся духовной потребности общества, къ той настоящей ярмаркѣ, гдѣ безцеремонные и бойкіе Митрофаны совершенно заглушаютъ голоса дѣйствительно философски образованныхъ людей. «Недѣлю» же, сколько бы она ни увѣряла, что она служитъ «живымъ откликомъ» новаго духовно-философскаго движенія, при всемъ желаніи, никакъ не могу причислить къ числу просвѣтительно-философскихъ источниковъ. Я говорю не о появляющихся тамъ изрѣдка статьяхъ со стороны, а о совершенно подавляющихъ ихъ ворохахъ домашней недѣльной философіи, которою нагружаются книжки ея присяжными философами. Пусть напр., кто-нибудь пойметъ, что такое за двигатель (или даже методъ)—«вдохновеніе разума сердца» (стр. 223, іюнь), или уразумѣетъ любовь растеній. Не знаю, испытываетъ-ли растеніе чувство любви къ чему-нибудь: такое увѣреніе, при всей симпатіи къ подобному явленію, мнѣ кажется

произвольнымъ, между тѣмъ намъ это выдается за нѣчто достовѣрно извѣстное: когда растеніе начинаетъ расти, то въ его «растительное существо впервые входитъ *міръ*, какъ необходимый органъ, какъ неотъемлемая часть растенія. Впервые нарождается любовь — въ видѣ тяготѣнія къ міру» (ib., 242). Я вообще не особенно довѣряю излишней чувствительности и нѣжности къ предметамъ неодушевленнымъ, когда говорятъ, напр., что «даже полевой цвѣтокъ намъ жаль помять напрасно» (іюнь, стр. 226), что не только растеніе для «внѣшнихъ отношеній», но даже минералъ нуждаются «въ нѣкоторой свободѣ» (апр., 242). Скептически отношусь я и къ указанію на признаніе въ звѣряхъ и птицахъ *своихъ братьевъ* (іюнь, 193), не потому, чтобы не сочувствовалъ этому или не могъ представить себѣ такихъ дѣйствительно добрыхъ людей, которые способны на такое отношеніе, а потому, что говорить объ этомъ въ то время, когда человѣку плохо живется, какъ-то неловко, потому что говорящіе это сплошь и рядомъ забываютъ о человѣкѣ. За примѣрами недалеко ходить: въ той же «Недѣлѣ», говорящей о свободѣ для кристаловъ, мы читаемъ: утративъ свободу и послѣ неудачныхъ усилій возвратить ее себѣ, «птица привыкаетъ къ клѣткѣ, рабъ къ кнуту, и разъ уже свыкнутся съ ними, то снова становятся свободными. Рабство дѣлается естественнымъ состояніемъ и болѣе не стѣсняетъ ихъ... Самое грубое и варварское на нашъ взглядъ насиліе еще не есть нарушеніе свободы для тѣхъ, которые привыкли къ этому насилію. Турецкій народъ поэтому вовсе не лишенъ свободы: по своему онъ свободенъ не менѣе англичанъ» (апр., стр. 246). Покорить людей однимъ насиліемъ нельзя. «Покорить человѣка значитъ завладѣть его душой, его разумомъ. его сердцемъ» (стр. 239). У большинства рабовладѣльцевъ (античныхъ временъ и даже въ Америкѣ).

«ихъ рабы были почти свободными и были привязаны къ хозяевамъ не насиліемъ съ ихъ стороны, а милосердіемъ. Рабу предоставлялась почти вся та свобода, которою онъ пользовался у себя на дикой родинѣ, а иногда и больше свободы: естественно, что ему не хотѣлось бѣжать изъ такого рабства. Онъ работалъ хозяину и получалъ хлѣбъ, жилище, необходимый отдыхъ, право имѣть свою семью, а иногда и ласковое слово въ придачу» (ib., стр, 240).

Хорошо также разсужденіе что для Гладстона было бы легче, если бы его оклеветали, оскорбили словесно, бросили въ него краюхой хлѣба или комкомъ грязи и даже усадили въ тюрьму, чѣмъ еслибы лишили пера и чернилъ (ib., стр. 244). Неужели это не пустословіе? Или:

«Человѣкъ живетъ на груди хаоса. Онъ—капля безпредѣльнаго океана непостижимой жизни. Велѣнія этой жизни — его законъ» (авг., 235). «Что же такое хаосъ?»—спрашиваетъ самъ себя тотъ же философъ и при помощи «провидцевъ-поэтовъ», Мильтона и Данте, излагаетъ разные взгляды на мірозданіе. По одному изъ такихъ взглядовъ хаосъ вотъ что такое: «Это живая соединительная «пуповина», по которой изъ міра абсолютнаго тождества, изъ «Сущаго» текутъ рѣки жизни и силъ, питающихъ объ сферы «подобій». Это среда твор-

ческихъ силъ, зачатковъ, прозябающихъ въ призрачномъ мірѣ, «подобій»; это граница, общая съ «потустороннимъ» міромъ, «по сю сторону» которой начинается господство разума и его контрастовъ» (авг., 244).

Затѣмъ передача извѣстнаго взгляда на міръ, какъ на представленіе, дѣлается въ слѣдующихъ удивительныхъ словахъ:

«Тотъ міръ, гдѣ мы живемъ, созданъ процессами сознанія, которые развиваются въ сѣромъ веществѣ нашего мозга, по поводу раздраженій, откуда-то доходящихъ по нервнымъ проводникамъ» (ib., 234). Міръ, какимъ мы его знаемъ, есть «чисто мозговой феноменъ. Онъ рождается въ сѣромъ веществѣ нашего мозга. Онъ всецѣло выдѣленіе мозга» (ib., 248). «Мы о дѣйствительности никакого знанія не имѣемъ. А если такъ, то «хаосъ» и «вѣчная пустота первобытной ночи» очень отъ насъ недалеки, вокругъ насъ, вотъ тутъ, внѣ нашей кожи и нервовъ»...

Скучно, однако, все это излагать, тѣмъ болѣе, что все это не такъ печально: у автора является возможность сдѣлать дальнѣйшее предположеніе, что эти мракъ и хаосъ у него «въ мозгу» (ib, стр. 249), а при такихъ условіяхъ можно начать клубокъ разматывать обратно и придти къ тому, что міръ не есть фикція, а «объективная реальность» (ib., стр. 249). Неизвѣстно также, зачѣмъ приводятся такіе невѣдомо откуда взятые разсказы, что праотецъ нашъ Адамъ былъ, будто бы, посаженъ въ рай на испытаніе, что, «по легендѣ», онъ «могъ бы ждать», пока снимется съ него заповѣдь, «могъ бы умолять» о яблокѣ познанія и «добиться справедливости кротостью», не прибѣгая къ «насилію» (іюнь, 225). Впрочемъ, кротость и любовь, это нѣжнѣйшее, созидающее жизнь начало, по ученію нашихъ философовъ, нѣсколько отличаются отъ обыкновенныхъ нашихъ представленій: любовь, напр., отличается и воинственностью, и двоедушіемъ. Она внесла въ жизнь раздвоеніе духа. «Миросознаніе античное было цѣльно и ясно, пока не вошла въ міръ любовь: кроткій голосъ ея разстроилъ единство духа» (апр., 227). Пусть читатель извинитъ маленькую хронологическую неточность: нѣсколько выше мы видѣли, что любовь вошла въ міръ раньше античнаго періода, въ качествѣ зиждущаго начала и спутницы органической жизни (любовь у деревьевъ). Но дальше еще любопытнѣе: кротость и прочія свойства этой любви таковы, что она непремѣнно *добивается* своего, добивается, правда, ласками и поцѣлуями, но все-таки своего. «Не гигантскими молотами циклоповъ разрыхляется гранитный материкъ, а нѣжнымъ прикосновеніемъ безконечно слабыхъ молекулъ воды, поцѣлуями лучей солнечныхъ, эфирными содроганіями электричества» (іюнь, стр. 219). Перенеся этотъ методъ на человѣческія отношенія, мы будемъ имѣть настоящія Іудины лобзанія. Любовь завладѣетъ человѣческой душой, сердцемъ, разумомъ и превратитъ человѣка, подобно американскимъ плантаторамъ, въ негра, и это будетъ

значитъ, что она его освѣтила, согрѣла, усовершенствовала. Относительно человѣческой жизни, впрочемъ, мы уже говорили въ нашей послѣдней статьѣ. Отмѣтимъ развѣ еще соблазнъ для человѣческаго превращенія въ безконечно малый атомъ.

Всѣ «тончайшія явленія природы—свѣтъ, теплота, электричество, сознаніе обнаруживаются въ моментъ распада накопленной энергіи... Истинная жизнь принадлежитъ не массѣ, а элементу, сила котораго близка къ нулю; всякая масса — пока она масса — представляетъ лишь складъ жизней, подобно икрѣ, лежащей въ чревѣ рыбы. Необходимо, чтобы масса распалась для того, чтобы высвободить живыя начала. И замѣчательно, что только доведенная до своего наименьшаго предѣла, до безсилія, сила становится неодолимой. Въ безконечно маленькой амплитудѣ своей атомъ всемогущъ... Онъ въ состояніи выдержать давленіе всей вселенной; онъ неуничтожимъ, тогда какъ всякая масса разрушается большей массой, не исключая солнечныхъ міровъ» (ib. 220). Соблазнительно! Другой философъ утверждаетъ обратное: что сила только въ массѣ, и противуполагаетъ силу и *мудрость толпы* безсилію и уму уединенной личности. Желая показать, насколько настоящее народолюбіе выше лженародничества, онъ говоритъ о «дѣвственной, не вывѣтрившейся, не ископленной кабинетными умствованіями» народной душѣ: «Эта душа—океанъ». (А Россія, нужно замѣтить, «океанъ племенъ»). «Сердце народное—цѣлый міръ чувствъ. Народное сознаніе—міръ образовъ. Есть идеи, есть настроенія, которыя становятся намъ доступны только тогда, когда мы принадлежимъ толпѣ и мыслимъ народнымъ умомъ, чувствуемъ сердцемъ вселенскимъ» (ноябрь. стр. 282). «Вѣрьте въ безошибочность жизненнаго строительства, въ творческія силы своего народа, въ самоисцѣляющую мощь его свободнаго духа!» (ib., 285). Всѣ «сомнѣнія имѣютъ власть только надъ уединеннымъ разумомъ, народъ же мыслитъ стихійно, и потому самому безошибочно, вѣра его такъ же безгранична, какъ и его вѣдѣніе» (ib., 284). Все это очень хорошо, но какъ же, въ такомъ случаѣ, совмѣстить непогрѣшимость народной мысли съ утвержденіемъ краснорѣчиваго автора, что на днѣ океана народной души, рядомъ съ безцѣнными жемчужинами, «гнѣздятся» и «страшныя чудовища и гады» (281)? Ичто съ ними дѣлать, стоя на точкѣ зрѣнія «Недѣли»? И такъ, оба автора, какъ видите, находятся въ нѣкоторомъ противорѣчіи. Въ одномъ, впрочемъ, они согласны: тотъ—превращеніе человѣка въ атомъ ставитъ идеаломъ, а этотъ сравниваетъ народную массу съ почвой, которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, представляетъ «нѣчто живое»—оказывается переполненной микроорганизмами (281). Если представить себѣ цѣлый океанъ такой гадости, то, право, можетъ сдѣлаться жутко. Мы избѣгаемъ подобныхъ представленій и продолжаемъ видѣть въ каждомъ человѣкѣ человѣка.

Не рѣдко случается, что одинъ и тотъ же авторъ противорѣчитъ

себѣ и иногда противорѣчитъ чуть не на одной и той же страницѣ. И это даже относительно вопроса о насиліи и непротивленіи: то «въ таинственномъ творчествѣ живой природы, въ самыхъ торжественныхъ ея дѣлахъ» («созданіи сѣмени, оплодотвореніи и ростѣ его, всасываніи листомъ углорода, работѣ клѣточекъ» и т. п.) нѣтъ насилій, то допускается, что если онѣ и есть, «то лишь безконечно малыя, сведенныя до минимума, при какомъ только возможно реальное осуществленіе этихъ актовъ» (іюнь, 221). Самыя малыя! Это очень хорошо, въ особенности послѣ изложенія могущества малыхъ величинъ. Точно также и относительно человѣческихъ отношеній: допуская возможность насилій только надъ кожей (для обуви), надъ деревомъ и камнемъ (для строительства), авторъ, однако, признаетъ пользу нѣкоторыхъ принудительныхъ дѣйствій; такъ напр., тѣ кавказскіе горцы, — говоритъ онъ,—«которые были обезоружены, привыкли къ этому очень быстро и чувствуютъ себя легко и безопасно» (№ 4, 235). «Черкесъ думалъ, что вся его свобода—въ остріѣ кинжала, и цѣлыя столѣтія былъ въ рабствѣ другихъ, угрожавшихъ отовсюду кинжаловъ; исчезли кинжалы—водворилась свобода» (ib., 230). Точно также и общество, т.-е. государство, «при самыхъ благихъ желаніяхъ», «сразу не можетъ отказаться отъ насилія» (ib., 241). Объ этомъ, говоритъ авторъ, даже соціальные мечтатели не думаютъ. Онъ, хотя не соглашается съ ними, но въ томъ только смыслѣ, что «каждый изъ насъ отдѣльно можетъ теперь же раскрыть въ себѣ Царство Божіе и жить такъ, какъ будто оно наступило и для всѣхъ» (ib., 242), т.-е., въ сущности, тоже соглашается. Такъ, конечно, лучше, тѣмъ болѣе, что есть люди, способные злоупотреблять свободой. Таковы, напр., нигилисты, на которыхъ указываетъ авторъ: «какъ злокачественная сыпь, язва нигилизма обезобразила прекрасныя черты свободы и заставила отшатнуться отъ нихъ». Хотя меньшинство людей избратыхъ «осудило мерзости нигилизма и устами лучшихъ писателей заклеймило ихъ презрѣніемъ», но, благодаря имъ, свобода все-таки оказалась опороченной и у самой даже нея оказались «пороки» (№ 2, 335), въ чемъ и кроется главная причина упадка общественнаго сочувствія къ ней. Это, конечно, такое солидное мнѣніе, опровергать которое нельзя. Возвращусь лучше къ указанію фактическихъ невѣрностей направленныхъ противъ насъ статей.

Поставленнаго въ кавычки выраженія, что, будто бы, «философія отвлекаетъ вниманіе отъ наболѣвшихъ вопросовъ жизни» («Нед.», № 11, 304) у меня нѣтъ. Я говорю лишь о хламѣ, который выдается за философію, и о людяхъ, дѣлающихъ изъ этой науки наукъ негодное употребленіе. Вотъ мои слова: рядомъ съ другими «встрѣчаются и люди, стремящіеся удовлетворить модному спросу на идеи, рядомъ съ простодушными Кифами Мокіевичами и люди, дѣлающіе изъ философіи довольно негодное употребленіе, обращая ее въ средство отвлеченія вниманія отъ наболѣвшихъ вопросовъ жизни» («Н. Сл.», № 12, стр. 246).

Невѣрно также, будто я высказываю «печалованіе на то, что у насъ появляются новыя книги, журналы и статьи» («Нед.», № 11, 303), такъ что авторъ совершенно напрасно пожималъ плечами и утруждалъ себя писаніемъ: «кажется, этому можно только радоваться, хотя бы въ нихъ говорилось о велосипедномъ спортѣ, а тѣмъ болѣе, когда эти журналы, книги, статьи *философскіе*!» Въ томъ-то и дѣло, что не философскіе. Я говорю не о солидныхъ философскихъ статьяхъ, книгахъ и журналахъ, пріумноженію которыхъ самъ былъ бы радъ, а о такихъ произведеніяхъ, которыя представляютъ собой спекуляцію, невѣжество или нѣчто реакціонное. Въ самомъ началѣ рѣчи, я указалъ на общій характеръ такихъ произведеній. Еслибы вся редакція пожала плечами, то и тогда не вышло бы того, что говоритъ сердитый авторъ. А что радоваться появленію такихъ произведеній и произведеній, толкующихъ о велосипедномъ спортѣ, я не могу, то это совершенно вѣрно. Пусть это радуетъ велосипедистовъ «Недѣли». Нѣтъ у меня также и насмѣшливаго указанія на то, что кто-то занимается «научнымъ обоснованіемъ матерьялизма» («Нед.», ib., 302). Я указываю на попытку научнаго обоснованія «символизма» («Нов. Сл.», стр. 246), а не матерьялизма. Нѣтъ и поставленныхъ на той же страницѣ въ ковычки словъ «за разсчистку заволоченной и заросшей бурьяномъ почвы». Это, положимъ, не существенно, но я не желалъ, чтобы не только одни слова замѣнялись другими, но чтобы читатель думалъ, что я вмѣсто «расчистки» пишу «разсчистка». Не называю я также «дерзостью» (опять кавычки) со стороны Л. Толстого и В. Соловьева то, что они занимаются философіей (ib., 303), а напротивъ, даже при несогласіи съ ихъ взглядами, говорю, что это имъ, «по складу ихъ ума и широтѣ горизонтовъ, какъ-то приличествуетъ» («Нов. Сл.», № 11, стр. 246). Мало этого, я указываю, что и въ накопившемся безпорядочномъ матерьялѣ, рядомъ съ несомнѣннымъ хламомъ, есть нѣчто «живое» и заслуживающее вниманія» (стр. 247), что надо отдѣлить отъ хлама, а также на труды тѣхъ скромныхъ, но дѣйствительно философски образованныхъ людей, которые, не претендуя на собственныя теоріи, знакомятъ насъ съ европейской философіей. Все это обойдено молчаніемъ, а послѣднему указанію, какъ мы видѣли, приданъ не тотъ смыслъ. Я очень цѣню этихъ людей и, разумѣется, никакъ не могу согласиться, что Л. Толстой и Вл. Соловьевъ «да еще Достоевскій», будто бы, за поясъ заткнули всю европейскую философію. Трудно также оцѣнить ихъ заслугу въ томъ отношеніи, что «они-то и сняли желѣзные обручи догматическаго матерьялизма, набитые на мозгъ интеллигенціи тѣми бондарями философіи, которые знакомили насъ съ движеніемъ философской мысли на Западѣ» («Нед.», 304), а трудно это уже по одному тому, что для этого надо испытать ощущеніе боченка вмѣсто головы. Бахвальство—одна изъ непріятныхъ чертъ русскаго человѣка: какъ прежде мы закидывали Европу шапками, такъ теперь

хотимъ закидать философскими колпаками. Что, какъ не бахвальство, напр., слѣдующее: указывая, при разборѣ сочиненій западника Шелгунова, на его партійную узость, сказывавшуюся въ не особенно лестномъ его взглядѣ на русское самосознаніе, одинъ изъ болтуновъ «Недѣли» говоритъ: «русскіе писатели—Толстой, Достоевскій, Тургеневъ—завоевали Европу. Мощь созданій этихъ геніевъ потрясла и изумила западныхъ людей» и т. д. (№ 2 1896, стр. 311). Зная, что никакихъ завоеваній Европы и никакихъ потрясеній тамъ не произошло, что такія славословія ничего къ славѣ нашихъ талантливыхъ писателей не прибавляютъ, невольно вспоминаешь, что болтунъ похожъ на вѣтреную мельницу и что когда она очень расходится, надо ее остановить. Но сдѣлать это съ болтливымъ человѣкомъ не особенно-то легко, потому что при этомъ надо подѣйствовать на чувство стыда, а его въ данномъ случаѣ совсѣмъ мало. Это мы видимъ и въ безцеремонномъ переиначиваніи чужихъ словъ, и въ еще болѣе безцеремонныхъ обвиненіяхъ. Какъ, напр., сказать, что въ разсказѣ «Тоска» учитель «прогналъ отъ себя» пріѣхавшаго къ нему поговорить по душѣ кулака-мельника (кн. «Нед.», № 11, стр. 299), когда онъ просилъ его остаться для выясненія тягостнаго для обѣихъ сторонъ недоразумѣнія, «высунулся до половины на улицу» изъ окна и говорилъ «вернитесь...» («Н. С.», № 9, стр. 191). Какъ сдѣлать выводъ изъ іюльскаго обозрѣнія г. В. П., что будто «Н. Слово» приравняло «русскаго мужика къ маніаку-убійцѣ, пьющему человѣческую кровь,» и будто бы доказываетъ, что русскій народъ «звѣрь, выродокъ, каннибалъ» («Н.», 306). Какъ усмотрѣть въ вводной сценѣ романа «Волчья Сыть» отдѣлываніе и оплевываніе гласнаго суда (ib., 296). Можно въ этой сценѣ усмотрѣть картину общихъ провинціальныхъ нравовъ, что исключительно авторъ и имѣлъ, конечно, въ виду; можно, при усиліи, усмотрѣть указаніе на столкновеніе формальнаго права съ духомъ закона, на разное положеніе различныхъ органовъ суда, на неблагопріятныя для его высокой идеи перемѣны, происходящія въ немъ, все, что угодно, можно усмотрѣть, только не то, что желаетъ усмотрѣть «Недѣля». А главное, можно-ли сцену изъ романа дѣлать какимъ-то profession de foi журнала? Зачѣмъ ставить также въ итогъ обвиненій противъ насъ не принадлежащее намъ названіе интеллигенціи «Альфонсами своего отечества»? Это выраженіе принадлежитъ г. Розанову, пусть ему и принадлежитъ. Теперь посмотримъ, наконецъ, въ заключеніе на болѣе тяжкія обвиненія.

Одинъ авторъ пишетъ:

«Въ противность всѣмъ литературнымъ традиціямъ, въ противность требованіямъ примитивной порядочности, журналъ (т.-е. «Н. Сл.») сначала набросился на писателя, не имѣющаго возможности защищаться (??), ополчился на ту статью майской «Книжки Недѣли», которую мы не можемъ отстаивать,—статью, къ тому же, неоконченную. Затѣмъ, очевидно, почувствовалъ самъ всю безтактность и неприличіе своей сентябрьской выходки, и желая предупредить негодованіе печати и заглушить

его «обличительнымъ» шумомъ, журналъ въ октябрѣ прямо выступилъ съ доносомъ на «Недѣлю» по «либеральному лагерю» (стр. 293).

Другой продолжаетъ:

«Первое неприличіе заключается въ нападкахъ (и притомъ рѣзкихъ) на одну, напечатанную въ «Кн. Недѣли», статью, вызвавшую оффиціальное осужденіе. Какъ бы ни было «Н. Сл.» убѣждено въ справедливости этого осужденія,—это еще не принуждало его идти въ добровольные прислужники, тѣмъ болѣе, что въ его услугахъ никто въ данномъ случаѣ не нуждался и его помощи не просилъ. До сихъ поръ еще не считалось честнымъ стрѣлять въ безоружнаго человѣка. До сихъ поръ, какъ бы по молчаливому соглашенію, вся наша печать держалась традиціи, созданной естественной деликатностью и простымъ чувствомъ порядочности совершенно не касаться статей осужденныхъ», которыхъ «коснулся болѣе сильный авторитетъ». Второе «неприличіе гораздо менѣе грубо, чѣмъ первое, и для людей съ покладистыми взглядами можетъ показаться условнымъ; мы же усматриваемъ въ немъ великую опасность для литературной нравственности (Боже, какія страсти!). Неприличіе это заключается въ особомъ полемическомъ пріемѣ не разбирать собственныя мнѣнія критикуемаго (?) по существу, а составлять о нихъ какъ бы сыскное, инквизиціонное производство, доказывающее ихъ отличіе—а слѣдовательно, будто бы, «измѣну»—отъ взглядовъ какого-либо излюбленнаго авторитета, и тайныя дурныя тенденціи обличаемаго» (id., ст. 335).

Такъ какъ послѣднее обвиненіе довольно трудно понять, то довольно трудно и отвѣтить на счетъ инквизиціонныхъ пріемовъ. Инквизиторъ (т.-е. я) можетъ отвѣтить развѣ только одно, что онъ не имѣлъ ни желанія, ни надобности, ни достаточнаго духовнаго интереса спеціально заниматься «Недѣлей», а взялъ просто первую случайную нелѣпость, которыхъ такъ много и которыхъ искать нечего, потому что онѣ сами, какъ грибы изъ земли, лѣзутъ изъ каждой книжки. Что же касается до другихъ обвиненій, то прежде всего я удивленъ, почему авторъ указываемой статьи не имѣетъ возможности защищаться? Это было бы еще понятно, еслибы я говорилъ о чемъ-либо трудно-защитимомъ, а не исключительно о молчалинской морали, которую защищать, кажется, никому и нигдѣ не возбраняется. Если этого не хочетъ дозволить ему издатель «Недѣли», то для этого есть другіе органы; наконецъ, онъ знаетъ правило, что еслибы въ нашей статьѣ было что-либо невѣрное, то онъ имѣетъ и юридическое, и обычное право на печатаніе опроверженія въ «Нов. Словѣ». Относительно же незаконченности и неприкосновенности его статьи, о которой мы говорили, можно сказать, что незаконченность едва-ли можетъ тутъ имѣть какое-либо значеніе, такъ какъ мы говорили о совершенно законченномъ кругѣ мысли, котораго ужъ никакъ нельзя измѣнить никакими продолженіями и окончаніями, не впадая въ самоотрицаніе. Присяжные философы «Недѣли» пишутъ статьи продолжительныя, которыя тянутся, независимо отъ какихъ-либо иныхъ обстоятельствъ, изъ книжки въ книжку чуть не цѣлый годъ, такъ что сколько же времени пришлось бы ждать этого окончанія? Обстоятельство это можетъ сдѣлать многое также надолго неприкосновеннымъ. Что же касается другой неприкосновенности, къ которой съ такимъ священнымъ трепетомъ, какъ къ вещи, вѣроятно, неожиданной, относятся недѣльные воль-

терьянцы, то желательно было бы знать: имѣетъ-ли эта неприкосновенность какой-нибудь срокъ или безсрочна и на всю жизнь должна сдѣлать и ихъ, и напр. кн. Мещерскаго и всякій вздоръ, какой они будутъ нести, неприкосновенными; или же должна распространяться и на другіе случаи, о которыхъ я говорилъ въ моей послѣдней статьѣ, когда «Недѣля» преслѣдовала и взводила самыя щекотливыя обвиненія на направленіе и идеи, находившіяся въ гораздо худшемъ положеніи и заслуживавшія гораздо бо́льшей деликатности. Лично я, признаться, думалъ, не въ угоду, конечно, «Недѣлѣ», а въ общелитературномъ интересѣ, что выясненіемъ истиннаго смысла неприкосновенной статьи я помогу выясненію истины и невинности, а вышло, что истина не всегда пріятна, что бываютъ случаи, когда пріятнѣе бываетъ убить сразу нѣсколько зайцевъ: отдѣлаться отъ отвѣта по существу, пококетничать извѣстнымъ положеніемъ и взвести инсинуацію на серьезное идейное возраженіе. Раздвоенное сознаніе, двойственность духа, двойственность ощущеній и т. д.. о которыхъ такъ часто говорятъ философы «Недѣли», составляютъ, къ сожалѣнію, больное ихъ мѣсто. Раздвоеннаго человѣка, раздвоенную душу не склеишь и какъ помочь этому—не знаю.

Оставляю всѣ грубости «Недѣли» на ея совѣсти; а въ заключеніе, въ виду любви «Недѣли» къ текстамъ, приведу, въ назиданіе ей, изъ Премудростей Іисуса, сына Сирахова, и я одинъ хорошій текстъ, который однажды уже приводилъ по другому поводу: «Горе сердцамъ страшливымъ, и рукамъ ослабленнымъ и грѣшнику (амъ), ходящу (имъ) на двѣ стези».

С. К.

НЕКРОЛОГИ.

В. О. Португаловъ.

20-го октября въ Самарѣ умеръ извѣстный публицистъ, врачъ и общественный дѣятель, Веніаминъ Осиповичъ Португаловъ.

Веніаминъ Осиповичъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей той плеяды общественныхъ дѣятелей, которые дали намъ 60-е годы. И въ настоящее время, столь бѣдное цѣльными характерами и людьми устойчивыми въ борьбѣ съ препятствіями, жизнь этого человѣка, всецѣло проникнутая самоотверженнымъ служеніемъ общественнымъ интересамъ, является намъ живымъ напоминаніемъ завѣтовъ, оставленныхъ лучшими дѣятелями нашихъ лучшихъ временъ.

Веніаминъ Осиповичъ родился въ 1838 г., въ Полтавѣ, въ еврейской семьѣ. Окончивъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ въ 60-хъ годахъ, покойный, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, попалъ на крайній сѣверъ Пермской губ., гдѣ ему пришлось прожить нѣсколько лѣтъ. Въ это-то время Португаловъ выступаетъ впервые на литературное поприще. Сначала онъ пишетъ статьи по вопросамъ медицины и общественной гигіены, а затѣмъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, онъ появляется въ журналѣ «Дѣло» со статьями публицистическаго характера. Съ этого времени онъ дѣлается постояннымъ сотрудникомъ какъ этого, такъ и другихъ журналовъ: «Слова», «Недѣли», прежняго «Русскаго Богатства» и другихъ. Кромѣ того, онъ участвуетъ и въ газетахъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. Тотъ, кто читалъ его статьи, помнитъ, конечно, ихъ горячность, искренность и тотъ живой, общественный пульсъ, которымъ онѣ бились.

Въ началѣ 70-хъ же годовъ В. О. разрѣшено было занять мѣсто врача въ самарской губ. земской больницѣ, гдѣ онъ, совмѣстно съ двумя другими земскими врачами, съ увлеченіемъ занялся выработкою санитарной организаціи губерніи. Въ 1873 г. Португаловъ былъ приглашенъ на должность губернскаго земскаго санитарнаго врача въ г. Вятку, гдѣ онъ однако пробылъ недолго; въ 1874 г. онъ оставилъ службу и, въ качествѣ вольнопрактикующаго врача, возобновилъ свою дѣятельность въ Самарѣ. Здѣсь скоро всѣ отъ мала до велика узнали доктора Португалова, который шелъ по первому зову и къ богатому, и къ бѣдному. Особенно энергично свою самоотверженную дѣятельность проявилъ онъ во время ветлянской чумы въ 1878 г. и во время холерной эпидеміи 1892 года. Намъ думается, что еслибы въ борьбѣ съ холерой всѣ врачи работали такъ, какъ Португаловъ, и были такъ же популярны, какъ онъ, врядъ-ли холерные безпорядки имѣли бы мѣсто. Проживъ послѣднія 20 лѣтъ своей жизни въ Самарѣ, В. О. принималъ самое горячее участіе въ дѣлахъ города и губерніи. Съ одной стороны, онъ зорко слѣдилъ за общественной неправдой, изобличая хищниковъ и выводя на свѣтъ Божій въ своихъ корреспонденціяхъ разныя темныя стороны провинціальнаго быта. Нужно вспомнить только дѣло присяжнаго повѣреннаго Ященко, выплывшее на свѣтъ, благодаря Пор-

тугалову, и изобличеніе имъ губернской управы, осрамившейся во время голоднаго года. Съ другой стороны, не было въ городѣ благого общественнаго начинанія, въ которомъ бы не принималъ участія покойный, и не только не принималъ участія, но не отдавалъ бы частицы своей души, своего времени, своихъ заботъ: Какъ человѣкъ горячій, увлекающійся, Португаловъ не умѣлъ сдерживаться, дѣйствовалъ напрямки и часто не щадилъ самолюбія окружающихъ. Неудивительно поэтому, что у него были и враги. Но у его раскрытой могилы всѣ счеты были забыты, и все самарское общество, вмѣстѣ съ массой бѣдняковъ и рабочихъ, собралось почтить память печальника своихъ интересовъ.

Португаловъ умеръ отъ болѣзни сердца. «Онъ жилъ сердцемъ, горячо бившимся; онъ и умеръ отъ сердца», скажемъ мы словами корреспондента «Самарской Газеты».

А. П. Батуевъ.

Принимая близко къ сердцу интересы провинціальной и особенно земской жизни и горячо сочувствуя всѣмъ ея выдающимся, честнымъ дѣятелямъ, мы съ глубокою скорбію должны отмѣтить и преждевременную кончину предсѣдателя вятской губернской земской управы, Авксентія Петровича *Батуева*.

По сообщеніямъ газетъ, Авксентій Петровичъ, возвращаясь вечеромъ 25-го октября пѣшкомъ съ засѣданія агрономовъ, былъ смертельно раненъ душевно-больнымъ Шабалинымъ, жившимъ въ городской богадельнѣ.

А. П. былъ еще молодой человѣкъ, но уже успѣлъ создать себѣ огромную популярность въ губерніи своей благородной и энергичной дѣятельностью на земскомъ поприщѣ. Подъ его руководствомъ вятское земство сдѣлало громадные успѣхи въ развитіи народнаго образованія, основало массу школъ, подготовило почву для введенія всеобщаго обученія, учредило множество народныхъ библіотекъ, стало издавать первую въ Россіи земскую народную газету, организовало дѣятельную помощь кустарнымъ производствамъ, укрѣпляло народное хозяйство всевозможными мѣрами, бѣднѣйшимъ крестьянамъ выдавало съ погашеніемъ въ разсрочку рабочій скотъ, устраивало образцовыя насѣки, сельскохозяйственныя выставки, учредило должности аграрныхъ старостъ, объѣзжавшихъ деревни съ земскими молотилками и вѣялками для лучшей сортировки хлѣба, широко поставило дѣло снабженія крестьянъ сельскохозяйственными орудіями съ казеннаго Воткинскаго завода, и пр., и пр. Кромѣ того, по словамъ лицъ, близко знавшихъ А. П. въ его частной жизни, это былъ человѣкъ съ глубокой, отзывчивой душой, прекрасный въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. И тѣмъ горше его утрата.

Редакція «Новаго Слова» имѣетъ поводъ сожалѣть покойнаго, кромѣ того, еще и какъ своего цѣннаго провинціальнаго сотрудника. Послѣ перехода журнала подъ новую редакцію, Авк. Петр. одинъ изъ первыхъ выразилъ желаніе участвовать въ провинціальномъ отдѣлѣ и обѣщалъ намъ цѣлый рядъ корреспонденцій по земскимъ вопросамъ своей губерніи. Первая изъ нихъ была напечатана въ іюньской книжкѣ «Новаго Слова» (Итоги губернскаго земскаго собранія).

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Белльгъ, К. Музыка съ соціологической точки зрѣнія («Междунар. библ.» № 45). Изд. І. Юровскаго. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Булгаковъ, В. К. Поэмы, думы и пѣсни. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вагнеръ, К. Молодежь, ея настоящее и будущее. Сочиненіе, удостоен. премія франц. академіи. Перев. съ 16-го франц. изд. Ѳ. Ѳ. Тровинеръ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Васильевъ, И. И., и Кирпичниковъ, Н. В. Псковская судная грамота (1397—1467). Подлинная и въ перев. на современ. языкъ съ примѣчаніями по установленію переводн. текста. Псковъ. 1896 г.

Вестермаркъ, Е. Исторія брака. Перев. И. Семенова. М. 1896 г. Ц. 60 к.

Гатцукъ, А. Крестный календарь на 1897 г. М. 1897 г. Ц. 15 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Русскій сельскій календарь съ полезными свѣдѣніями для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ. Годъ IV. М. 1897 г. Ц. 20 к.

Горчаковъ, Д. А. Мірской учитель. (Разск. для народа). Симбирскъ. 1896 г.

Гретъ, В. Думы и пѣсни. Сборникъ стихотвореній. Екатеринбургъ. 1896 г. Ц. 35 к.

Гурьевъ, А. Реформа денежнаго обращенія. Ч. І. Вліяніе бумажн. денегъ на народн. и государствен. хозяйство. Ч. ІІ. Критич. обзоръ возраженій противъ денежн. реформы. Вып. І и ІІ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Залшупинъ, А. С. Вопросы банковой политики. Къ реформѣ денежн. обращенія. Спб. 1996 г. Ц. 1 р.

Комарскій, Ф. С. Бесѣды, избранныя изъ Брукса, Гейки, Джонса, Друммонда, Монтефельтро, Ньюмана, Ньютона, Спурджона, Фаррара, Фебра и др. Вып. V. Любовь Іисуса Христа. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Конискій, Ол. Тарас Шевченко на першому засланню. Критично-біографичний нарис.

Его же. Проба, улаштованнѧ хронольогіі до творів Тараса Шевченка. Ч. І.

Курнинъ, С. В. О воскресномъ отдыхѣ приказчиковъ и служащихъ въ торгово-промышл. заведеніяхъ. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Лексисъ, В., проф. Современное положеніе вопроса о валютѣ. Перев. Ал—ра Каневскаго. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Ломброзо, Цезарь, проф. Безуміе прежде и теперь. Перев. съ итал. Одесса. 1897 г. Ц. 25 к.

Люба, В. Участіе Монголіи въ японско-китайск. войнѣ. Иркутскъ. 1896 г.

Менгеръ, Антонъ. Соціальныя задачи юриспруденціи. Перев. съ нѣмецк. Н. А. Гредескула. Харьковъ. 1896 г.

Мошковъ, В. А. Скиѳы и ихъ соплеменники ѳракійцы. Этнографич. этюдъ Варшава. 1896 г. Ц. 50 к.

Нейманъ-Спалльртъ, Ф. Кс. Протекціонизмъ и всемірн. хозяйство. (Критика системы покровительствен. пошлинъ). Перев. съ нѣмец. Л. С. Зака. (Библ. общ. знан., вып. 9-й). Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Сазоновъ, Г. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельск. хозяйству (1865—1895 гг.). Изд. Д-та земледѣлія. Т. III. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Святскій, Ив. Пѣвчія птицы («Полезн. библ.»). Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Strasser, Alois, Dr. Компрессы, способъ дѣйствія ихъ и примѣненія. Съ 10 рис. Перев. д-ра А. С. Аршавскаго. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Тардъ, Г. Происхожденіе семьи и собственности (перев. съ франц.). Съ прибавл. очерка Л. Е. Оболенскаго: О происхожденіи семьи и собственности по теоріи эволюціонистовъ и экономич. матерьялистовъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Тезяковъ, Н. И. Объ огражденіи сельско-хозяйств. рабочихъ отъ поврежденій сельско-хозяйств. орудіями (Отт. изъ ж. «Вѣстн. Общ. Гигіены»).

Тихомировъ, Д. И. Вешніе всходы. 3-я, 4-я книга для классн. чтенія и бесѣдъ. Изд. ред. «Дѣт. Чтенія». М. 1896 г. Ц. 60 к.

Трайль, Г. Д. Общественная жизнь Англіи. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историч. развитіи съ древнѣйш. періода до настоящ. времени. Изд. Г. Д. Трайля. Т. I отъ древнѣйш. времени до восшествія на престолъ. Эдуарда I. Перев. съ англійск. Л. Ч. подъ ред. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1896 г. Ц. 3 р.

Тэнъ, И. О методѣ критики и объ исторіи литературы. («Международ. библ.» № 44). Изд. І. Юровскаго. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Ферри, Энрико. Преступники въ искусствѣ. Перев. съ франц. Н. Л. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Фонвіелль, В. Южный полюсъ. Перев. Е. Костко. («Полезн. библ.»). Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Фрейбергъ, П. Р. Растенія—друзья человѣка. (Культурно-ботанич. очерки). I. Финиковая и кокосовая пальма.—II. Бамбукъ. М. 1896 г. Ц. кажд. кн. 20 к.

Хейденфельдтъ, Х. фонъ-. Изъ женской жизни. По поводу Крейцеровой сонаты. Перев. съ нѣмец. В. Мосоловой. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Журнальныя постановленія Черниговской губернск. земск. Управы за 1895 г. Черниговъ. 1896 г.

Изданія «Посредника». № 260. Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Излож. съ англійск. Е. Б. М. 1896 г. Ц. 30 к.—№ 252. Величко, Вас. Княжна Нина Разск. М. 1896 г. Ц. 1 к.—№ 257. Кайгородовъ, Д. проф. Дерево и его жизнь. Народн. чтеніе. М. 1897 г. Ц. 6 к. —№ 254. Сутуловъ, С. Картофель, какую онъ приноситъ пользу и способы посѣва, сохраненія и лѣченія болѣзни его. М. 1897 г. Ц. 3 к.

Отчетъ общества взаимн. вспомощ. учителямъ и учительницамъ Нижегор. губ. съ 1-го авг. 1895 г. по 1-е мая 1896 г. Н.-Новгородъ. 1896 г.

Путеводитель по Волгѣ. Изд. Ив. Иванова. Годъ II. Казань. 1896 г. Ц. 30 к.

Сооруженіе и открытіе памятника Императ. Александру II въ Казани (Кратк. историч. оч.). Казань. 1896 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА.

М. А. Антоновичъ.

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ и ЕГО ТЕОРІЯ.

Съ біографіей, обзоромъ его сочиненій и съ портретомъ.

ИЗДАНІЕ **А. К. Томашевскаго.**

Спб. 1896 г. Цѣна **2** р. **50** к.

Выписывающіе изъ редакціи «Новаго Слова» за пересылку не платятъ.

НОВАЯ КНИГА:

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.

В. Г. Яроцкаго.

Спб. 1895 г. Цѣна за два большіе тома **5** р.

Выписывающіе отъ автора (Спб., Спасская, 1) или изъ конторы редакціи «Нов. Слова» за пересылку не платятъ.

НОВАЯ КНИГА.

Е. Дюрингъ.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

Переводъ съ 4-го нѣмецк. изд.

Ю. М. Антоновскаго,

съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга.

Спб. 1896 г. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. **50** к.

Выписывающіе изъ конторы «Новаго Слова» за пересылку не платятъ.

ИСКУССТВО И ПРИРОДА.

Новая теорія изящныхъ искусствъ.

Сочиненіе ВИКТОРА ШЕРБЮЛЬЕ, члена Французской Академіи.

Перевелъ съ французскаго М. Калмыковъ.

Изданіе ***Г. А. Кувшинова.*** Спб. 1894 г. Ц. 1 р. **50** к.

Рекомендовано Учен. Комитетомъ М-ва Н. Пр. для фундаментальныхъ библіотекъ средн. учебн. заведеній.

Выписывающіе изъ конторы «Новаго Слова» за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Въ 1897 г. «Новое Обозрѣніе» будетъ выходить въ Тифлисѣ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно, по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Условія подписки: съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца—3 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 50 к. *За границу*: на годъ—17 р., на полгода—9 р., на три мѣсяца—5 р. (Подписка принимается не иначе, какъ считая съ перваго числа любого мѣсяца). Для сельскихъ учителей льгота: подписная цѣна на годъ—7 р., полгода—4 р.

Для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится—3 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—3 р., и къ 1-му сентября—2 р.

Подписка и объявленія принимаются ВЪ ТИФЛИСѢ: въ конторѣ газеты, Барятинская ул., № 8.

Иногородные адресуютъ свои требованія: въ Тифлисъ, въ редакцію «Новаго Обозрѣнія».

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА газ. «НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ» производится: въ Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ ЛЕДЕРЛЕ, Невскій просп., № 42, д. армянской церкви; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ КАРБАСНИКОВА, Моховая улица; въ книжныхъ шкапахъ станцій ростово-владикавк. жел. дороги: Владикавказъ, Бесланъ, Тихорѣцкая и Ростовъ.

Лица, подписавшіяся на годовое изданіе «Новаго Обозрѣнія» 1897 г. въ настоящее время, будутъ безплатно получать газету въ текущемъ году со дня подписки.

3—1

ТАМБОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

будутъ издаваться въ 1897 году по слѣдующей программѣ:

1) ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Дѣйствія правительства, распоряженія губернскаго начальства и объявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

2) ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

а) Правительственныя распоряженія и новыя узаконенія, придворныя извѣстія, статьи (руководящія) о предметахъ внутренняго управленія и политики, о выдающихся потребностяхъ мѣстной общественной жизни, по вопросамъ городскаго благоустройства и земскаго хозяйства въ губерніи, телеграммы (собственныхъ корреспондентовъ и россійскаго телеграфнаго агентства). б) Мѣстная хроника. в) Иногородныя извѣстія. г) Корреспонденціи. д) Сельско-хозяйственный отдѣлъ. е) Иностранныя извѣстія. ж) Письма въ редакцію. з) Библіографическій указатель. и) Фельетонъ. і) Объявленія частныхъ учрежденій и лицъ.

Газета будетъ выходить, попрежнему, три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ОБА ОТДѢЛА ВМѢСТѢ: съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—6 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

НА ОДИНЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—4 р. 20 к., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 60 к.

Для сельскаго духовенства и учителей народныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ газета (отдѣлъ неоффиціальный) будетъ высылаться за 3 рубля въ годъ съ пересылкою, при чемъ допускается разсрочка по третямъ года, съ уплатою по 1 рублю за треть года впередъ.

Сельскимъ, волостнымъ, народнымъ и училищнымъ библіотекамъ Тамб. губерніи газета, по просьбѣ администраціи ихъ, высылается безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи тамбовскаго губернскаго правленія, въ уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленіяхъ и у гг. становыхъ приставовъ.

3—1

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОКТРЫТА ПОДПИСКА

на

год XXXIX. **1897 г.** год XXXIX.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКІЙ

СЪ КАРИКАТУРАМИ

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Рекомендуется любителямъ веселаго и остроумнаго, доступенъ всякому возрасту, полу, званію и состоянію. Журналъ существуетъ давно, извѣстенъ всякому, а потому распространятся о немъ нечего.

Въ 1897 году каждый подписчикъ **Развлеченія** непремѣнно получитъ

200,000 рублей

(если, разумѣется, онъ имѣетъ билетъ какого-либо внутренняго съ выигрышами займа и на него въ тиражъ падетъ этотъ выигрышъ).

Годовая цѣна журнала безъ всякихъ премій и приложеній, но зато съ оберткой, упаковкой, переноской, перевозкой и пересылкой всего только 6 рублей, за полгода 3 рубля.

(Пробный № высылается за три семикопѣечныя марки).

АДРЕСЪ: ***Москва, журналу Развлеченіе.***

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

НА ЖУРНАЛЪ

XVII ГОДЪ. ОСКОЛКИ ГОДЪ XVII.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ «ОСКОЛКИ» съ карикатурами, вступая въ СЕМНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1897 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1896 году.

Журналъ «ОСКОЛКИ» издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакція старается, по мѣрѣ силъ и возможности, откликаться въ легкой и живой формѣ: карикатурами, юмористическими стихами, фельетонными очерками, сценками, шаржами и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной. Рисунки печатаются частью черными, частью ВЪ КРАСКАХЪ. Въ 1897 году редакція обратитъ вниманіе на всестороннее улучшеніе журнала.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:	
На годъ	9 руб.	На годъ	8 р. — к.
На полгода	5 »	На полгода	4 » 50 »
На три мѣсяца	3 »	На три мѣсяца	2 » 50 »
За границу на годъ	10 »		
» » » 1/2 года	6 »		

Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ Казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала «Осколки».

Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала «Осколки» въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели: *Н. Лейкинъ и Р. Голике.*

3—1

Вышла ДЕСЯТАЯ (октябрьская) книга
ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
РУССКАЯ МЫСЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Подвальный этажъ. (Повѣсть). Продолженіе. И. Н. Потапенко.—II. Письма И. С. Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. Продолженіе.—III. Стихотворенія. Василія Величко.—IV. Извѣстія, полученныя неизвѣстно откуда, или эпоха счастья. Нѣсколько главъ изъ утопическаго романа Вильяма Моррисъ. Переводъ съ англійскаго А. В. П.—V. Кара. Н. Анненковой-Вернардъ.—VI. Стихотвореніе. Владиміра Соловьева.—VII. Замужество Люсили. Повѣсть. Антуана Альбала. Переводъ съ французскаго М.—VIII. Стихотворенія. Вл. Ладыженскаго.—IX. Политическій переворотъ въ Соединенныхъ штатахъ. В. Макъ-Гаханъ.—X. Педагогическіе курсы и учительскіе съѣзды. Продолженіе. Н. А Феликсова.—XI. Новыя данныя о состояніи Москвы въ 1812 году. М. С. Корелина.—XII. Задачи и организація земскихъ книжныхъ складовъ. Вл. Муринова.—XIII. Столичные комитеты грамотности. Окончаніе. П. М. Шестакова.—XIV. Женское движеніе въ Англіи. Д. К.—XV. Современныя общества мира. Гр. Л. А. Комаровскаго.—XVI. Торольдъ Роджерсъ объ экономической исторіи Англіи. И. Г.—XVII. Нѣсколько цифръ объ армянахъ на Кавказѣ. Окончаніе. А. Н. Сазонова.—XVIII. Старое и новое направленіе въ исторической наукѣ. М. Г.—XIX. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова.—XX. Внутреннее обозрѣніе.—XXI. Иностранное обозрѣніе. В. А. Г.—XXII. Библіографическій отдѣлъ.—XXIII. Объявленія.

Для новыхъ подписчиковъ прилагается начало ром. Сенкевича «Камо грядеши», напечатанное въ «Рус. Мысли» въ 1895 г.

Принимается подписка на 1896 г.

(семнадцатый годъ изданія).

	На годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р.
За границу.....	14 »	10 » 50 »	7 »	3 » 50 »	— »

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр. къ 1 іюля и 1 октября по 3 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ журнала — уголъ Леонтьевскаго пер. и Бол. Никитской, д. № 2—24. Въ С.-Петербургѣ—въ книж. магаз. Н. Фену и К°. Невскій просп. Въ Кіевѣ—въ книж. маг. Л. Идзиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію посторонніе изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЗЕМСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ПСКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВѢ.

ПРОГРАММА ВѢСТНИКА:

1) Законы и распоряженія правительства, до земскихъ учрежденій относящіяся. 2) Рѣшенія псковскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. 3) Земская хроника. 4) Постановленія городскихъ думъ и хроника городскихъ общественныхъ управленій. 5) Статьи и замѣтки по земскимъ вопросамъ. 6) Сельско-хозяйственный отдѣлъ. 7) Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Одна книжка постановленій губернскаго земскаго собранія и 8 книжекъ постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній Псковской губерніи. Сельско-хозяйственный обзоръ Псковской губерніи.

Подписная цѣна: Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи на годъ **1 руб. 50 коп.**

Подписка принимается: Псковъ, губернская земская управа, а также и всѣхъ уѣздныхъ управахъ Псковской губерніи. 2—2

Открыта подписка на 1897 г.

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи;** II) **документы, извѣстія и замѣтки;** III) **критика и библіографія.** Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки,** исполненные фототипіей, и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ.**

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. Б. Антоновича, А. А. Андріевскаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, Й. М. Команина, Е. А. Кивлицкаго, Ѳ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Лясковскаго, проф. Ѳ. Г. Мищенка, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, Ѳ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, В. Н. Сторожева, Л. Д. Синицкаго, проф. Ѳ. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шутурова, В. И. Щербины, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка **«Малороссійскій Словарь»,** который въ полномъ видѣ займетъ **болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца,** редакція «Кіевской Старины» разсчитываетъ **въ теченіе 1897 года** выпустить въ свѣтъ **2-й томъ** этого словаря, объемомъ **до 25 печатныхъ листовъ.** Этотъ томъ составитъ **безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала «Кіевская Старина» въ 1897 году.**

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки	8 » 50 »
За границу	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по **8 руб.** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *К. М. Гамалѣй.* Редакторъ *В. П. Науменко.*

XIII годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897-й ГОДЪ.** XIII годъ изданія.

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ,

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго газета носитъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	Р.	К.	Съ доставкой и пересылкой:	Р.	К.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
» полгода	2	50	» полгода	3	—
» 3 мѣсяца	1	50	» 3 мѣсяца	1	75

Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками.

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи «Сѣвернаго Кавказа».

3—2

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть оффиціальная: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы.

2) Часть неоффиціальная: а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты, объ ученыхъ командировкахъ и т. п); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: диссертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Овсянико-Куликовскій.**

3—2

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1897 году подъ тою же редакціею и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издательницы—Ольги Александровны Риккеръ (Петербургъ, Невскій, 14). Къ ней же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т. д.). 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„КАСПІЙ"

(XVII годъ изданія).

Въ 1897 году «Каспій» будетъ выходить въ Баку ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ, по прежней программѣ газеты литературной, общественной и политической, съ обширнымъ нефтянымъ отдѣломъ.

Подписная цѣна:

Съ доставкой: на 12 мѣс.—7 р., на 11 мѣс.—6 р. 50 коп., на 10 мѣс.—6 р., на 9 мѣс.—5 р. 50 к., на 8 мѣс.—5 р., на 7 мѣс.—4 р. 50 к., на 6 мѣс.—4 р., на 5 мѣс.—3 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—2 р. и на 1 мѣс.—1 р.

Съ пересылкой: на 12 мѣс.—8 р. 50 к., на 11 мѣс.—7 р. 50 к., на 10 мѣс.—7 р., на 9 мѣс.—6 р. 50 к., на 8 мѣс.—6 р., на 7 мѣс.—5 р. 50 к., на 6 мѣс.—5 р., на 5 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—3 р., на 2 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс.—1 р. 50 к.

За границу:

На годъ . . . . . 13 руб.
» полгода. . . . . 7 »

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится не менѣе 3 руб. городскими и 4 руб. 50 коп. иногородними подписчиками; затѣмъ 15-го февраля—2 руб. и 15-го марта—2 руб.

Иногородніе адресуютъ свои требованія: въ Баку, въ редакцію газеты „Каспій".

Лица, подписавшіяся (безъ разсрочки) на годовое изданіе «Каспія» 1897 г., въ настоящее время, будутъ безплатно получать газету въ текущемъ году со дня подписки.

Подписка принимается: въ Баку—въ конторѣ газеты, Армянская улица, домъ Красильникова; въ Тифлисѣ—въ «Центральной книжной торговлѣ» и въ отдѣленіи конторы (книжный магазинъ Хиддекеля); въ Кутаисѣ—при книжномъ магазинѣ братьевъ Чиладзе, противъ собора, на Тифлисской ул., собственный домъ; въ Батумѣ—при книжно-газетномъ агентствѣ М. Николадзе; въ Елисаветполѣ—у Г. А. Альтгаузена, при его торговлѣ аптекарскими товарами; въ Москвѣ—въ конторѣ Метцль; въ Н. Новгородѣ—въ Рождественскомъ газетномъ кіоскѣ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи. 3—2

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1897 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ Ѳ. Мищенко.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„ЕНИСЕЙ“
ВЫХОДИТЪ въ Красноярскѣ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) **Телеграммы**, помѣщаемыя въ текстѣ газеты, или отдѣльными бюллетенями. 2) **Отдѣлъ оффиціальный**, важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) **Передовыя статьи**, касающіяся жизни русскихъ областей, совмѣстно съ интересами сибирскихъ губерній, соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея, а также вопросы русской политики на Востокѣ. 4) **Статьи и очерки по вопросамъ** Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири,—по городскому и земскому хозяйству, статьи по сельскому хозяйству, экономическія, торговыя по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. 5) **Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи**. Городская хроника. Театръ и музыка. 6) **Политическія извѣстія**, общія и въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ. 7) **Корреспонденціи** изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея, соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи. 8) **Научный отдѣлъ**—открытія и путешествія по Сибири и ея окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 9) **Литературное обозрѣніе**,—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. 10) **Фельетонъ**. Романы, повѣсти и разсказы, очерки, сцены, наброски, летучія замѣтки и стихотворенія. 11) **Судебная хроника**, безъ обсужденія рѣшеній. 12) **Смѣсь**. Отвѣты редакціи. 13) **Справочный отдѣлъ**: судебныя свѣдѣнія, святцы, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ, недоставленныя телеграммы и т. п. 14) **Объявленія** казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «ЕНИСЕЙ», собственный домъ, Воскресенская ул.; **въ Минусинскѣ**: въ отдѣленіи редакціи «ЕНИСЕЙ»; **въ Томскѣ**: въ отдѣленіи редакціи «ЕНИСЕЙ», Почтамтская ул., д. Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; **въ Омскѣ**: въ книжномъ магазинѣ Александрова; **въ Иркутскѣ**: въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; **въ Петербургѣ и Москвѣ**: въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

3—2

годъ второй. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ **годъ второй.**

двухнедѣльнаго журнала, посвященнаго общественной медицинѣ и гигіенѣ,

ОБЩЕСТВЕННО-САНИТАРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Приступая ко второму году изданія, мы будемъ держаться намѣченной программы и главной задачей ставимъ разработку практическихъ вопросовъ общественной гигіены въ широкомъ значеніи этого слова и будемъ слѣдить за дѣятельностью общественныхъ учрежденій въ этой области и за проявленіями въ ней общественной самодѣятельности, откликаться на запросы жизни въ сферѣ охраненія народнаго здравія, улучшенія санитарной обстановки народной жизни, организаціи врачебной помощи и общественнаго призрѣнія и стараться содѣйствовать правильному разрѣшенію возникающихъ въ этой сферѣ вопросовъ. Программа журнала: 1) правительственныя распоряженія, имѣющія отношеніе къ врачебно-санитарному дѣлу. 2) Руководящія статьи по вопросамъ общественной санитаріи и организаціи земской, городской и фабричной медицины. 3) Самостоятельныя и переводныя научныя статьи по общественной гигіенѣ (санитарныя условія жизни населенія, отхожихъ промысловъ, фабрикъ; питаніе населенія; школьная гигіена; общественное призрѣніе; эпидеміологія, эпизоотологія, статистика и т. д.). 4) Корреспонденціи, извѣстія и обзоры дѣятельности общественныхъ учрежденій по медицинѣ и гигіенѣ (земская, городская, фабричная медицина); дѣятельность частныхъ обществъ, касающаяся народнаго здравія и общественнаго призрѣнія и т. д. 5) Врачебно-бытовые вопросы. 6) Новости санитарной литературы. 7) Критика и библіографія. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

Въ теченіе 8 мѣсяцевъ 1896 г. въ журналѣ были помѣщены: руководящія статьи о земской санитарной организаціи, о санитарныхъ врачахъ, о безплатности и доступности медицинской помощи, о пересмотрѣ т. XIII, о новомъ положеніи о порядкѣ открытія и содержанія фабрикъ, о борьбѣ съ проказой, о казенной продажѣ вина и пр. отчеты о II профессіональномъ съѣздѣ въ Москвѣ, о VI Пироговскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, о противдифтеритномъ съѣздѣ въ Казани, о съѣздахъ врачей Симбирской и С.-Петербургской губ., о постановленіяхъ Курскаго, Орловскаго, Бессарабскаго, Таврическаго, Петербургскаго и др. земскихъ собраній, о школьногигіенической выставкѣ въ Москвѣ и гигіенической въ Варшавѣ; напечатаны статьи **Щербакова** «опредѣленіе соды въ молокѣ»; **Виреніуса** «тѣлесное воспитаніе въ дошкольномъ періодѣ»; **Уварова** «о земской медицинѣ въ Елизаветградскомъ у.», «о С.-Петербургской городской организаціи»; «значеніе амбулаторіи въ организаціи народной медицины»; **Тезякова** «о медицинской помощи и санитарной организаціи въ городахъ Херсонской губ.»; «объ организаціи лѣчебнопродовольственныхъ пунктовъ для отхожихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ»; **Д. Никольскаго** «о популяризаціи гигіеническихъ свѣдѣній» **Максимова** «общія основанія правильной организаціи общественнаго призрѣнія»; **Корчакъ-Чепурковскаго** «эпидеміологическіе вопросы въ системѣ изслѣдованія санитарнаго состоянія Россіи»; **П. Розанова** «смертность въ Ялтѣ» и «судьба санитарно-медицинской организаціи въ Таврической губ.»; **Касторскаго** «къ вопросу о безплатной врачебной помощи въ земскихъ амбулаторіяхъ»; h. «о пятачковомъ сборѣ»; **А. Герценштейна** «санитарное состояніе г. Тифлиса» и «народное здравіе и врачебная помощь въ Закавказьѣ»; **М. Зиборова** «чертежи и описаніе вентиляціонной печи и подвижнаго выгреба»; **Лялина** «объ огнеупорныхъ постройкахъ»; **Тхоржницкаго** «квартиры рабочихъ въ Варшавѣ»; **В. Н.** «лѣтнія дѣтскія колоніи»; **Додина** «вольная врачебная практика въ деревнѣ»; **Гинкеля** «посемейная запись больныхъ»; **К.** «наброски,—нужна ли номенклатура болѣзней»; **Брусянина** «опредѣленіе спирта»; **К. Шидловскаго** «Кужерская стеклянная фабрика»; **Рашковичъ** «санитарное состояніе мѣстечекъ Бессарабской губ.»; **А. Лозинскаго** «общественная гигіена и медицинская помощь на рыбныхъ промыслахъ»; **У-скаго** «о дѣятельности медицинскаго персонала Донецкаго округа»; **Преображенскаго** «о постановкѣ оспопрививанія»; **Золотавина** «о чахоткѣ въ Осьминскомъ участкѣ»; **Е-лаго** «о медицинской помощи на лѣсныхъ промыслахъ въ Новгородской губ.»; **Погожева** «музей фабричной гигіены»; «дѣйствующій порядокъ изданія обязательныхъ постановленій по фабричной санитаріи» и «о порядкѣ разрѣшенія фабричныхъ заведеній»; **Бѣлусова** «объ обезвреживаніи городскихъ нечистотъ почвой»; проф. **Скворцова** «о совмѣстной организаціи взаимной помощи и благотворительности»; **Вырубова** «о санитарной организаціи на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ»; статьи по сифилису **Ефремова, Десятова, Клевезаля**; статьи по дифтериту и лѣченію сывороткой **Тезякова, Віолина, Николаева, Федорова, Гаврилова**; рефераты объ очисткѣ зерна отъ спорыньи, по сифилису и дефтириту, о фильтрахъ, о чистотѣ воды и почвы и т. д.

Ближайшее участіе въ дѣлахъ редакціи принимаютъ Н. П. Брусянинъ, А. М. Левинъ, В. Ф. Нагорскій, Д. П. Никольскій, В. Ю. Скалонъ, К. И. Самецкій, М. С. Уваровъ и А. И. Яроцкій. Статьи и корреспонденціи, за подписью автора и съ его адресомъ, доставляются въ редакцію по адресу: С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5-я линія, д. № 38, кв. № 10.

Цѣна журнала: въ годъ 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣсяца 2 руб., подписка принимается въ конторѣ Редакціи при книжномъ складѣ А. М. Калмыковой: Литейный просп., № 60. Редакторъ-Издатель **Ив. Дмитріевъ.**

3—2

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ.

«Екатерин. Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатериносл. Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ, передовыя по вопросамъ внутренней, государственной и мѣстной губернской жизни, статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и проч., театральныя рецензіи, корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ, обозрѣніе печати, желѣзнодорожныя вѣсти, внутреннія и внѣшнія извѣстія; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ.

на годъ	8 р. — к.	на три мѣсяца	2 р. 60 к.
на полгода.	4 » 40 »	на одинъ мѣсяцъ . . .	1 » — »

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи.

Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начиная съ января.

3—2

1897. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **1897.**

на ежедневно политико-общественную, литературную и торгово-промышленную газету

„АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

издаваемую въ форматѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ газетъ и по ихъ программѣ, а именно:

1) Передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ вопросовъ края. 2) Статьи и сообщенія, посвященныя изученію и разработкѣ вопросовъ торгово-промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ. 3) Мнѣнія печати по вопросамъ, касающимся края, а также нефтянаго, рыбнаго и соляного промысловъ, судоходства и пр., съ критическою оцѣнкою ихъ. 4) Мѣстная хроника: дѣйствія и распоряженія Правительства, касающіяся края, мѣстныя административныя распоряженія, перемѣны по службѣ, происшествія; отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, ученыхъ обществъ и пр. 5) Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія и сообщенія о торгово-промышленныхъ оборотахъ, цѣнахъ на разные товары, фрахты; въ этотъ отдѣлъ входитъ совершенно самостоятельный отдѣлъ, подъ рубрикою: «РЫБНОЕ ДѢЛО» У НАСЪ И ЗАГРАНИЦЕЙ и въ которомъ читатели найдутъ все ихъ интересующее какъ въ научномъ такъ и практическомъ отношеніяхъ; ярмарочныя свѣдѣнія. 6) Судебный отдѣлъ: отчеты о засѣданіяхъ. 7) Телеграммы агентскія и собственныхъ корреспондентовъ. 8) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ губерніи, приволжскихъ и прикаспійскихъ городовъ. 9) Текущая жизнь: извлеченія изъ газетъ разныхъ выдающихся явленій общественной жизни. 10) Политическій отдѣлъ. 11) Театральная и музыкальная хроника. 12) Фельетонъ; повѣсти и разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные; обозрѣніе журналовъ и критическій разборъ статей въ нихъ помѣщаемыхъ. 13) Смѣсь: факты изъ сферы изслѣдованій, изобрѣтеній, открытій; историческіе и другіе анекдоты и пр. 14) Справочный отдѣлъ: календарныя свѣдѣнія, почтово-телеграфныя, афиши и пр. 15) Объявленія.

Газета выходитъ ежедневно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Конторѣ Редакціи, въ Астрахани, въ домѣ Усейнова, на Знаменской ул.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою въ Астрахани: за годъ 7 р.. за полгода 4 р.; за три мѣсяца 2 р. 50 к.; съ пересылкой во всѣ города: за годъ 7 р. 50 к., за полгода 5 р. за три мѣсяца 3 р. 25 к.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ новые годовые подписчики, внесшіе полную годовую плату, будутъ получать газету СО ДНЯ ПОДПИСКИ ДО КОНЦА ТЕКУЩАГО ГОДА.

БЕЗПЛАТНО.

Редакторъ Н. А. Длинбергъ.

3—2

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на 1897 годъ.

ЖУРНАЛЪ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА
ОХРАНЕНІЯ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

«**Журналъ**» выходитъ ежемѣсячно книжками, отъ 5 до 7 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

I. Самостоятельныя статьи и научныя сообщенія.—II. Отчеты о засѣданіяхъ отдѣловъ и секцій Общества: 1-й—біологической, 2-й—статистической, эпидеміологической и медицинской географіи, 3-й—общественной и частной гигіены, 4-й—гигіены дѣтскаго и школьнаго возрастовъ, 5-й—бальнеологіи и климатологіи.—III Научныя корреспонденціи.—IV. Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ русской и иностранной литературы,—по біологіи, статистикѣ, эпидеміологіи, гигіенѣ, бальнеологіи и климатологіи.—V. Критика и библіографія.—VI. Хроника.—VII. Частныя объявленія и публикаціи.—VIII. Приложенія.

Въ **Приложеніи къ Журналу**, между прочимъ, напечатаны:

Въ 1893 году: 1) Сравнительная статистика населенія (смертность) проф. Янсона. 2) Журналы засѣданій Москов. Гигіенич. Общества. 3) Отчеты Спб. город. санит. комиссіи за 1892 г. 4) Отчетъ Спб. город. лабораторіи. Въ 1894 году: 1) Врачебныя учрежденія С.-Петербурга. Путеводитель для членовъ V съѣзда рус. врачей. 2) Молоко Спб. коровъ, статья д-ра Архангельскаго. 5) О санитарномъ надзорѣ за пищевыми продуктами въ Спб. 6) Отчетъ Спб. гор. санит. комиссіи за 1893 г. 7) Отчетъ Спб. город. Лабораторіи.

Въ 1895 году: 1) Журналы засѣд. Моск. Гигіенич. Общества. 2) Отчетъ Спб. гор. санит. комиссіи за 1894 г. 3) Отчетъ Спб. город. лабораторіи.

Въ 1896 году: 1) Чертежи къ «проекту участковой земской больницы». 2) Дѣтскія лечебныя колоніи въ Варшавѣ. 3) Труды комиссіи по вопросу о водоснабженіи г. Тулы. 4) Медиц. отчетъ Спб. город. санит. комиссіи за 1895 г. 5) Очеркъ развитія дѣтскихъ лечебныхъ колоній въ Россіи и за границей д-ра М. Д. ванъ-Путеренъ.

Подписная цѣна въ годъ 4 руб. съ доставкою и пересылкою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи—Разъѣзжая ул., д. 5, кв. 2, и въ книжныхъ магазинахъ: **Риккера, Карбасникова, Петрова, Ярошевской, Сойкина** и др.

«ЖУРНАЛЪ» можетъ быть высланъ наложеннымъ платежемъ.

Плата за объявленія—за одинъ разъ: за страницу 10 руб., за 1/2 страницы 7 руб., за 1/4 страницы 4 руб. При многократномъ печатаніи объявленій—уступка. Объявленія впереди текста на 25% дороже.

О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, печатается объявленіе или отзывъ.

Экземпляры „ЖУРНАЛА“ за предыдущіе годы по 3 р. съ перес.

Редакторъ **А. А. Линскій.**

3—1

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

на ежедневную

политическую, общественную, литературную и торговую газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ др. города

НА ГОДЪ—7 РУБ.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., ½ мѣс.—50 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р. до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз. 3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

30 ГОДЪ.

„ДОНЪ“

XXX Г.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

НА 1897 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Съ 1897 года газета «Донъ» начинаетъ 30-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 29-ть лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила больше четверти столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1897 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты, то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полгода.	На 1 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежъ . . .	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— р. 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города .	7 »	4 » — »	2 » 50 »	1 » — »

3—1

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

ВЪ 1897 ГОДУ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ Іюля и Августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціею проф. В. Н Латкина.

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства; проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстама—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Приамурскомъ краѣ; Я. Городыскаго — Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго — О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Націонализація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова — О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова — Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго — Бродяги и законъ; В. Волжина — Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ; Ф. Клингберга—Къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. Н. Суворова — Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала — О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества. В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева — Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго — Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака — Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности; В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикація; В. Кобцева—Къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В. Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Въ СПБ. безъ доставки	8 р. — к.
Съ доставкою	8 » 50 »
Съ пересылкою въ другіе города	9 » — »

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою и съ пересылкою 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и *учащіеся* пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ., Новонсакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. **В. Н. Латкинъ.**

3—1

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА. — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать ВАЖНЫЯ И СУЩЕСТВЕННЫЯ УЛУЧШЕНІЯ въ изданіи, небывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія ВЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ СКРОМНОЙ подписной платы, что, въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной литературы ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной БѢЛОЙ БУМАГѢ съ 7—10 рисунками. 52

ПРИ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЮТСЯ:

I. 52 нумера «Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для вышиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

ОТПЕЧАТАННЫМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ

(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРЫХЪ ВХОДЯТЪ: НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, а также СТИХОТВОРЕНІЯ, НАУЧНЫЯ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ СТАТЬИ, СМѢСЬ И ПРОЧ.

Ежемѣсячно выходитъ ОДИНЪ ТОМЪ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только НОВЫЯ литературныя произведенія, а не ПЕРЕПЕЧАТКА старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно ОДИНЪ или ДВА законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ дост. и по Имперіи: 8 р.—Безъ дост. въ Спб. 7 р —въ Москвѣ 7 р. 75 к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи). 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р.

Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—«БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЕ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч. уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная Контора журнала: Спб., Невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылаются безплатно.

3—1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета 1897.

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, **ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ**, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

● ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ ●

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, печатаемыхъ на зеленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.
2) ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ «МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ», замѣняющіе «модный журналъ».
3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ разсылается, какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты.

■ НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ. ■

Въ числѣ 52-хъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя.

А. МИХАЙЛОВА — «ГРѢХИ ПРОШЛАГО».

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ **8** р.—На полгода **4** р.—На три мѣсяца **2** р.—На одинъ мѣс. **1** р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты «Сынъ Отечества» **ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.** Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

4 Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества. **2**

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи).

На годъ 4 рубля. | На полгода 2 рубля. | На три мѣс. 1 рубль.

Годовые подписчики газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЕ“

(200 КАРТИНЪ СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И ВЪ ИЗЯЩНОЙ ОБЕРТКѢ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) **ОДИНЪ** руб. **50** коп.

Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная Контора: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—1

Годъ изд. 3-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1897.

ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ

выходитъ въ форматѣ и объемѣ большихъ дорогихъ литературныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ и СОВРЕМЕННЫЕ)

РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книги «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» выходятъ ежемѣсячно аккуратно между первымъ и десятымъ числами, въ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ, какъ напримѣръ: «Вѣстникъ Европы» и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 320—400 страницъ) убористой печати, что составитъ въ годъ болѣе 5.000 страницъ интереснаго чтенія, въ изящномъ изданіи.

«ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности выписывать дорого стоящіе журналы.

Въ книгахъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскихъ и иностранныхъ) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуются въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь.

Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановимся и въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этой цѣлью мы пригласили къ участію въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

Михайловъ, А. (А. А. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ. — Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.— Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій»). «Ясное утро». Большой романъ.—Случевскій, К. К. «Мой дядя». разсказъ.—Голицынъ, Д. П. князь («Муравлинъ»). «Рѣзанпновы». Ром. изъ больш. свѣта. — Гнѣдичъ, П. П. «Чужое», повѣсть. — Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ, К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ. — Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера»). «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ, И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева). «Любимица», повѣсть.— Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.— Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть. — Тангіева, Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ» больш. ром.—Федоровъ, А. М. «Въ степи», больш. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», романъ.—Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.— Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ. — Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калханъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости», повѣсть.—Меньшиковъ, Н. «Игра судьбы», ром.—Уманецъ, Е. О. «За что?» повѣсть.—Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригорѣло», разоказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха», разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая», разсказъ.—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Илловайскій, П. І. «Дочь ростовщика», романъ. — Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть. — Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ, и проч.

Въ приложеніяхъ журнала «Домашняя Библіотека» будетъ, между прочимъ напечатанъ новый большой романъ **Жюля Верна.**

Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ» (съ доставкою по Имперіи).

На годъ (за 12 книгъ) **ЧЕТЫРЕ** р. На полгода (за 6 книгъ) **ДВА** р. 50 к.

За границу (на годъ)—**ВОСЕМЬ** рублей.

СЪ ПОДПИСКОЙ ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ:

С.-Петербургъ, Невскій прос., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ). Издатель С. Добродѣевъ.

3—1

Подписка на 1897 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ДѢЯТЕЛЬ.

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе принять участіе профессора: А. И. Александровъ, Е. Ѳ. Будде, А. Ѳ. Гусевъ, Л. О. Даршкевичъ, И. М. Догель, Г. Ѳ. Дормидонтовъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣсскій, Н. А. Засѣцкій, М. Я. Капускинъ, Н. Ѳ. Катановъ, Ѳ. Г. Мищенко, А. В. Поповъ, П. А. Никольскій, О. А. Рустицкій. И. Н. Смирновъ, П. В. Сорокинъ, Е. П. Янишевскій, А. П. Подбѣльскій и, кромѣ, того, А. В. Нечаевъ, Б. Н. Агаѳоновъ, С. С. Бырдинъ, С. М. Капустина, Л. Ф. Мищенко, Я. Посадскій, Р. В. Разположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. И. Сорокина, М. С. Сегель. П. В. Траубенбергъ, свящ. В. А. Охотинъ, В. А. Исленьевъ, М. В. Казанскій и М. Д. Закревская.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигіеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, разсказы, стихотворенія и другія статьи бытоваго, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и въ другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библіографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ **2** *рубля.*

Адресъ редакціи: Казань, типографія Императорскаго Казанскаго Университета, Черноозерская улица, собствен. домъ.

Чрезъ Редакцію журнала ДѢЯТЕЛЬ можно пріобрѣтать слѣдующія книги:

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. А. И. Александрова	— р. 40 к.
Отчего гибнутъ люди, за сотню	1 » — »
Всемѣрно должно удаляться отъ пьянства. Тихона Задонскаго	1 » — »
Вино-ядъ. Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ матерямъ, за сотню	1 » 50 »
Слова отца Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства, за сотню	1 » — »
Исторія Сююмбекиной башни. П. Невзорова	— » 10 »
Вино для человѣка и его потомства ядъ, за сотню	2 » — »
Въ защиту вина	— » 20 »
Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. И. М. Догеля	— » 40 »

За редактора-издателя *А. Соловьевъ.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

„ФОТОГРАФЪ"

(годъ изданія 2-й).

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Въ каждомъ № дается въ сжатомъ, но живомъ и общедоступномъ изложеніи систематическій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ новостей въ области политики и общественной жизни за недѣлю, а также отчеты о всѣхъ выдающихся и интересныхъ новинкахъ русской литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, что можетъ до извѣстной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Газета предназначается преимущественно для лицъ, неимѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежедневными изданіями и ежемѣсячными журналами и разбираться въ массѣ даваемаго ими матеріала. Изданію придана серьезная постановка. Особенное вниманіе обращено на сообщенія изъ провинціи, силами которой питаются наши центры, умственный и моральный ростъ которой составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни.

Газета выходитъ еженедѣльно нумерами обычнаго формата еженедѣльныхъ и иллюстрированныхъ изданій.—Условія подписки: на годъ съ дост. и пер. три р. За границу на годъ 5 р.—Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская ул., д. 10. Редакторъ-издатель И. В. Скворцовъ.

3—1

НОВОЕ СЛОВО.

САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ.

Газета посвящена преимущественно мѣстнымъ интересамъ Саратовской области, къ которой нужно причислить, кромѣ Саратовской губерніи, смежные уѣзды Тамбовской и Пензенской и Самарское Заволожье (Новоузенскій и Николаевскій уѣзды).

Цѣна за годъ съ перес. 7 руб., за 6 мѣс.—4 руб., за 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., за 1 мѣсяцъ—1 руб.

МАРКО ВОВЧОКЪ.

Полное собраніе сочиненій.

ВЫШЕЛЪ ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

IV+362 стр., in 8°. Ц. одинъ рубль.

Изданіе составитъ 8 томовъ, которые, кромѣ матеріала прежнихъ изданій, будутъ включать романъ «Въ глуши» и нѣкоторыя позднѣйшія повѣсти автора.

Томы въ отдѣльности будутъ продаваться отъ 1 р. до 1 р. 50 к., цѣна полнаго экземпляра—10 руб. (безъ пересылки).

Подписка на полный экземпляръ принимается исключительно въ Саратовѣ, въ книжномъ магазинѣ «Саратовскаго Дневника», за 6 руб. безъ пересылки и за 7 р. 50 к. съ пересылкою. Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ, 2 р.—послѣ выхода 2-го тома, 2 р. послѣ 4-го, 1 р. 50 к.—послѣ 6-го.

Къ свѣдѣнію библіотекъ: изданіе печатается на прочной бумагѣ, безъ примѣси древесины.

Второй томъ выйдетъ къ 15 ноября.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„С.-Петербургскія Вѣдомости“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ доставкой по гор. почтѣ: на годъ 16 р., 6 мѣс. 9 р., 3 мѣс. 4 р. 50 к., 1 мѣс. 1 р. 80 к. Съ пересылкою иногороднымъ: на годъ 17 р., 6 мѣс. 10 р., 3 мѣс. 5 р. 50 к., 1 мѣс. 2 р. За границу: на годъ 26 р., 6 мѣс. 14 р., 3 мѣс. 8 р., 1 мѣс. 3 р.

Съ казенными прибавленіями. Съ доставкой по гор. почтѣ: на годъ 18 р. 6 мѣс. 10 р. Съ пересылкою иногороднымъ: на годъ 19 р., 6 мѣс. 11 р. За границу: на годъ 28 р., 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье, (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель **Князь Э. Э. Ухтомскій.**

3—1

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

Астраханскій Листокъ

въ 1897 году

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ ТОМЪ ЖЕ

БОЛЬШОМЪ ФОРМАТѢ

И СЪ ТѢМИ ЖЕ РУБРИКАМИ.

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя, точныя и разнообразныя какъ общія, такъ и мѣстныя, краевыя извѣстія: отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерніи и всего Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Царицына, Камышина, Саратова, Самары, Казани, Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и друг.; оригинальная и переводная беллетристика; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1 г.—7 р. 50 к., 1/2 г.—5 р., 3 мѣс.—3 р. 25 к., 1 мѣс.—1 р. 25 к.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, всѣ новые подписчики, внесшіе полную годовую плату ранѣе 1 января, имѣютъ право на полученіе газеты со дня подписки до 1 января 1897 г.

БЕЗПЛАТНО.

Подписка принимается въ Астрахани, въ конторѣ редакціи «Листка», по Эспланадной улицѣ, домъ Сергѣевыхъ. 3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

ФЕЛЬДШЕРЪ

посвященную медицинѣ, гигіенѣ и вопросамъ фельдшерскаго быта.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета «ФЕЛЬДШЕРЪ» выходитъ въ С.-Петербургѣ, **два раза въ мѣсяцъ**, въ объемѣ 1—2 листовъ, по слѣдующей программѣ: I. Самостоятельныя и переводныя статьи медицинскаго содержанія въ общедоступномъ изложеніи: о сущности, предупрежденіи и лѣченіи болѣзней, объ уходѣ за больными и о помощи въ несчастныхъ случаяхъ. II. Общедоступныя статьи по общей и частной гигіенѣ и о простѣйшихъ способахъ разпознаванія фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ. III. Статьи и корреспонденціи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и дѣятельности фельдшеровъ. IV. Мелкія извѣстія, рефераты и рецензіи книгъ, въ предѣлахъ программы газеты. V. Отвѣты редакціи и объявленія. Подписная цѣна за годъ съ пересылкою три рубля. Можно требовать присылки газеты съ наложеніемъ платежа, но за послѣдній нужно платить 20 к. особо. Съ требованіями обращаться на имя редактора-издателя газеты «ФЕЛЬДШЕРЪ», С.-Петербургъ, Забалканскій проспектъ, 34. Редакція проситъ не ссылаться на старый адресъ, но присылать новый, четко написанный.

Редакторъ-издатель: врачъ **Б. А. Оксъ.**

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ФЕЛЬДШЕРОВЪ ВСѢХЪ ВѢДОМСТВЪ НА 1897 ГОДЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Цѣна съ пересылкою 1 р. 20 к.

Спб., Забалканскій проспектъ, 34.

2—1

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Четвертый годъ изданія.

За годъ 2 рубля, за полгода 1 руб.

Съ доставкой и пересылкой.

С.-Петербургъ, Невскій, 60.

Содержаніе: 1) Хроника новостей политическихъ и внутреннихъ, излагаемая съ точки зрѣнія независимости, человѣколюбія и любви къ свѣту просвѣщенія, 2) Отдѣлъ историческій, философскій и научный, излагаемый чистымъ и яснымъ русскимъ языкомъ и имѣющій своей цѣлью ознакомить читателей съ новѣйшими выводами наукъ, созданныхъ для того, чтобъ учить людей любить другъ друга, помогать другъ другу, жить лучше и умнѣе. 3) Повѣсти, разсказы и романы, содержаніе которыхъ, по возможности, соотвѣтствуетъ вышесказанному общему направленію журнала. 4) Въ каждомъ номерѣ помѣщаются два изящныхъ рисунка, печатаемые по большей части красками и сопровождаемые подробнымъ и живымъ описаніемъ, принадлежащимъ перу извѣстнаго и маститаго литератора. **Отзывы печати о «С.-Петербургѣ»:** «Новое Время» пишетъ: «Мы отъ души желаемъ успѣха небольшому журналу, который умѣетъ быть интереснымъ и издается весьма изящно, не смотря на дешевизну его подписной цѣны» (№ 7034); «... номера журнала «С.-Петербургъ» обращаютъ на себя вниманіе какъ изяществомъ рисунковъ, такъ и литературнымъ матерьяломъ» (№ 7142)... «въ Петербургѣ издается и, право, очень недурно еженедѣльный журналъ «Петербургъ» за баснословно дешевую цѣну... онъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ качествѣ добропорядочнаго и вполнѣ литературнаго изданія» (№ 7053) и т. д. «Кронштадтскій Вѣстникъ» говоритъ: «Періодическая пресса обогатилась очень милымъ и серьезнымъ изданіемъ. «С.-Петербургъ» научный литературно-политическій еженедѣльный журналъ даетъ много интереснаго матерьяла... Изданіе составляется съ большимъ умѣньемъ и добросовѣстностью» (№ 113). «Одесскія Новости» сообщаютъ: «Еженедѣльный иллюстрированный журналъ «С.-Петербургъ» обращаетъ на себя вниманіе не только своею крайнею дешевизною, но и самымъ разнообразнымъ, интереснымъ и живымъ содержаніемъ... основы направленія «С.-Петербурга»— независимость и человѣколюбіе. Симпатичный журналъ составляется весьма толково, добросовѣстно и вполнѣ литературно. Помѣщаемые въ текстѣ его иллюстраціи—художественны и изящны» (1321) и т. д., и т. д. **Въ 1896 году въ журналѣ «С.-Петербургъ» были, между прочимъ, напечатаны: два романа—«Записки Лакея», Текерея и «Теверино»— Жоржъ Занда; разсказы Балуцкаго, Василевскаго, Вучетича, Диккенса, Золя, Молчанова, Перельмана, Титова и др. Статьи о природѣ:** изъ соч. Фламмаріона: «Милліоны солнцъ», «Переписка между Звѣздами»; и пр., изъ соч. Менье—«Тоже и на Небѣ»; «Волко-Люди» Быстраго, «Врачи и Силы Природы» Вирхова; изъ соч. Хедсона; «Музыка и Танцы въ Природѣ» и «Левъ Южной Америки» и т. д. **Статьи о природѣ человѣка:** «Сонъ и Сны» изъ соч. Маудсли, «Воспитаніе и Гипнозъ» изъ соч. Тома; изъ соч. Лоскутова: «Умственное переутомленіе и будущіе вѣка» и «Путь къ Будущему»; «За Растительную Пищу», «Печаль и Гнѣвъ» Ланге и т. д. **Историческія статьи:** «Смерть Петра» изъ соч. Костомарова; «Исторія Поцѣлуя» Ломброзо; «Казни Стрѣльцовъ» Корба; «О Павлѣ I» Даля; «Николай I» изъ изслѣд. Имп. Ист. Общ.; «Плохіе Пророки — Юмъ и Кардекъ — главы Спиритизма»; — изъ соч. Карновича: «Время—дѣлу, потѣхѣ—часъ»; «Изъ Классическихъ Временъ» Піо; «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ» изъ соч. Конторовича; «Монархи» Молчанова, «Наполеонъ I» Массона и т. д. **Статьи по философіи:** «Мысли русскихъ Сановниковъ» К. П. Побѣдоносцева и Т. П. Филиппова изъ недавно вышедшихъ сборниковъ ихъ сочиненій; «Афоризмы Спенсера», «Эпиграммы Классич. Временъ»; «Человѣкъ и Природа» изъ соч. Мензира; «Какъ сдѣлать себя лучше» изъ соч. Гижицкаго и т. д. **Статьи по женскому вопросу:** Изъ соч. Брандта: «Женщина и Бракъ»; «Женщина и Мужчина» Легуве; изъ соч. Миля: «Дайте права Женщинѣ» и т. д. **Статьи описательныя:** Изъ соч. Пржевальскаго—«Въ Китаѣ»; Брема—«Въ Суданѣ»; Шрейера—«Въ Японіи»; «По Македоніи» и «Персія» Ланскаго; «Абиссинія» Ѳедорова; «Панамскій Каналъ»; «Въ Ла-Маншѣ»; «У Мормоновъ» Русскаго; «Берлинская Дешевизна» Быстраго и т. д., и т. д.

Съ пересылкой и доставкой

За годъ 2 руб., за полгода 1 руб.

Такая дешевизна сдѣлалась возможной лишь благодаря Высочайшему повелѣнію, уменьшившему плату за доставку и пересылку по всей Россіи журнала «С.-Петербургъ» на 25% ниже почтовой таксы.

С.-Петербургъ, Невскій, 60. 3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ, болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ:

съ пересылкою иногороднымъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
11 —	**10 50**	**10 —**	**9 20**	**8 50**	**7 80**	**7 —**	**6 —**	**5 —**	**4 —**	**3 —**	**1 50**

Съ доставкою въ Харьковѣ:

10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимается въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель **А. А. Іозефовичъ.**

3—1

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВУЮ, БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ВЪ С-ПЕТЕРБУРГѢ ГАЗЕТУ

МІРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ,

1897 года,—

газету политическую, литературную, научную, общественную, финансовую и экономическую,

безъ предварительной цензуры.

(Всѣхъ нумеровъ выйдетъ 360 въ годъ).

Россія вступаетъ въ новый фазисъ своего историческаго существованія Обезпечивъ свою самобытность и неприкосновенность, она пріобрѣла могущественное вліяніе въ международныхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пробудившаяся у насъ *общественность*, вызываетъ къ тѣсному сближенію Россіи съ политическою и культурною жизнью другихъ государствъ.

Средствомъ къ разширенію общественнаго кругозора и послужатъ «Міровые Отголоски», которые, выясняя всесторонніе пользы и нужды родной земли, будутъ стремиться также дать вѣрную картину жизни и дѣятельности народовъ другихъ странъ на поприщѣ политики, хозяйства, науки и литературы, въ связи съ стремленіями къ достиженію высшихъ культурныхъ идеаловъ.

Безусловная искренность и *стойкость убѣжденій* для всякаго уважающаго себя органа печати должны стоять на первомъ планѣ. Основныя стремленія «Міровыхъ Отголосковъ» можно выразить въ немногихъ словахъ: упроченіе внѣшней политики Россіи, покоящейся на *прямодушіи* и на взаимномъ уваженіи въ области международныхъ отношеній, развитіе *образованности* и гражданственности, укрѣпляющихъ народное блосостояніе; сочетаніе финансовыхъ и вообще матеріальныхъ силъ *съ нравственнымъ преуспѣяніемъ*; развитіе благоустройства сельской Россіи; возможное объединеніе *въ союзъ мира* общественныхъ силъ вообще и разноплеменныхъ обитателей русской территоріи въ частности; наконецъ, согласованіе порядка и права съ *улучшеніями*, которыхъ жаждетъ жизнь дѣйствительная.

Какъ ни многообразны, какъ ни сложны намѣченныя здѣсь задачи, онѣ вполнѣ согласны съ положеніемъ великой державы, преслѣдующей великія цѣли, и разрѣшеніе ихъ въ положительномъ смыслѣ возможно. Господство косности, апатіи и редакціи не заставитъ сомнѣваться и отрицать тѣхъ, кто желаетъ сочувствовать, дѣйствовать и помогать. Такова руководящая идея новаго *истинно-русскаго* органа, соотвѣтствующая серьезности переживаемаго нами времени, и редакція приложитъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать газету цѣльной, живой и отзывчивой, не забывая завѣта: *духа не угашать, духомъ пламенѣть*.

Программа „Міровыхъ Отголосковъ“:

1) Руководящія статьи по разнымъ вопросамъ.—2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ въ Россіи и за границей, равно отъ разныхъ телеграфныхъ агентствъ.—3) Статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и международной политики, а также статьи научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ.—4) Обозрѣніе движенія русскаго и иностраннаго законодательства и государственнаго управленія.—5) Церковный отдѣлъ—духовная литература.—6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей.—7) Статьи и извѣстія по разнымъ отраслямъ финансовой и экономической дѣятельности въ Россіи и за границей.—8) Обозрѣніе событій государственной и общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. Некрологи.—9) Областныя обозрѣнія и корреспонденціи изъ Россіи и другихъ государствъ. Отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ.—10) Обзоръ текущей журналистики и замѣчательныхъ явленій литературы русской и иностранной. Критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ.—11) Статьи и извѣстія по вопросамъ искусства; новости театра, музыки, ремеслъ и пр.—12) Изящная словесность—повѣсти, романы, разсказы, сцены, стихотворенія, мемуары и путешествія.—13) Судебная хроника—русская и иностранная; судебныя рѣшенія и ихъ обсужденіе.—14) Статьи и извѣстія о движеніи повсемѣстно въ Россіи и за границей промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, горнаго дѣла и

торговаго мореходства.—15) Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ русскихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товариществъ.—16) Биржевыя извѣстія внутреннія и заграничныя. Ярмарки. Урожаи.—17) Рисунки историческіе и бытовые, соотвѣтствующіе содержанію статей. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей.—18) Справочный отдѣлъ и 19) Казенныя и частныя объявленія.

Условія подписки на «Міровые Отголоски».

«Міровые Отголоски» съ 1 Января 1897 года будутъ выходить ежедневно въ двухъ изданіяхъ: первое изданіе будетъ выходить одновременно со всѣми другими Петербургскими газетами въ 6 час. утра, а второе, составляющее повтореніе перваго,—въ 10 часовъ утра того-же дня.

Второе изданіе будетъ заключать въ себѣ всѣ извѣстія, доставленныя въ редакцію ночью и утромъ, которыя должны были-бы войти въ слѣдующей нумеръ. Благодаря этому иногородные подписчики, жительствующіе по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ Москвѣ и за Москвой, по трактамъ: Казанскому, Курскому, Нижегородскому и др., **будутъ получать всѣ новыя извѣстія сутками раньше.** Важныя правительственныя сообщенія и новости опубликованныя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» и въ издаваемыхъ Министерствомъ Финансовъ: «Вѣстникѣ Финансовъ» и «Торгово-промышленной газетѣ», **будутъ появляться во второмъ изданіи въ самый день ихъ опубликованія.**

Второе изданіе предназначается: 1) для тѣхъ городскихъ подписчиковъ, которые не пожелаютъ получать болѣе раннее первое изданіе и 2) для отправленія иногороднымъ подписчикамъ въ мѣстности по Николаевской желѣзной дорогѣ и за нею, съ почтовымъ поѣздомъ въ 3 часа дня. Городскимъ подписчикамъ второе изданіе будетъ доставляться по городской почтѣ послѣ 1 часа дня.

Въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій и телеграммъ, выпускаются для городскихъ подписчиковъ особыя прибавленія къ газетѣ.

„Міровые Отголоски“ будутъ выходить въ объемѣ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ формата бывшей газеты „Голосъ“ и будутъ печататься подобнымъ-же крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.

Всякаго рода рисунки и портреты будутъ печататься какъ въ текстѣ газеты, такъ и на особомъ полулистѣ, выходящемъ еженедѣльно по воскресеніямъ.

Подписная цѣна въ Россіи.	Безъ доставки.		Съ доставк. по городск. почтѣ.		Съ перес. иногородн.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Ко.
На годъ . . .	14	—	16	—	17	—
» 11 мѣс.	13	—	15	—	15	50
» 10 » .	12	—	13	50	14	50
» 9 » .	10	50	12	—	13	50
» 8 » .	9	80	11	—	12	50
» 7 » .	9	—	10	—	11	30
» 6 » .	8	—	9	—	10	—
» 5 » .	6	80	7	50	8	50
» 4 » .	5	50	5	80	7	—
» 3 » .	4	—	4	50	5	50
2 » .	2	80	3	30	4	—
» 1 » .	1	50	1	80	2	—

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

На годъ	26 р.	На 3 мѣс. . . .	8 р.
» 9 мѣс. . .	21 »	» 2 »	6 »
» 6 » . . .	14 »	» 1 »	3 »

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по соглашенію съ конторою черезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 6 р. въ концѣ марта и 4 р. въ концѣ августа для городскихъ, и 7 р. при подпискѣ, 7 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ августа для иногородныхъ подписчиковъ.

Гг. иногор., желающіе подписаться на условіяхъ разсроч. платежа подписныхъ денегъ, благоволятъ точно указывать это при подпискѣ.

Подписка принимается:

въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи «Міровыхъ Отголосковъ», Фонтанка (уголъ Лештукова переулка), домъ № 80, а также въ книжныхъ магазинахъ: Фену и К°, Невскій пр., 40, М. М. Ледерле, Невскій пр., 42 и Н. П. Карбасникова, Литейная ул., 46; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха; и въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.

Редакторъ-издатель К. В. Трубниковъ.

Вышли и разосланы гг. подписчикамъ октябрьская и ноябрьская книжки иллюстрированнаго дѣтскаго журнала

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Содержаніе октябрьской книжки: 1) Аленушкины сказки. **Д. Н. Мамина-Сибиряка** Съ рисунками художника. **П. Литвиненко.** 2) Осенніе мотивы. Стих. **Л. М. Медвѣдева.** 3) Мишинъ грѣхъ. Разсказъ. **Е. П. Гославскаго.** 4) Бунтъ Оли и Лели. Разсказъ. Гл. I—V. **М. К. Николаевой.** 5) Банковые билеты. Гл. II. Исторія второго банковаго билета. Разсказъ **Франца Гоффмана.** (Продолженіе). Съ нѣмецкаго. **Д. Л Михаловскаго.** 6) Строгая сестренка. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. **П. М. Невѣжина.** 7) Стихотвореніе. **А. Монастырскаго.** 8) Снѣжокъ и Картошка. Исторія одной дружбы. Гл. VIII. (Продолженіе). **М. Н. Альбова.** Съ рисункомъ художника **И. Г. Гуганавы.** 9) Второй императоръ. Историческая повѣсть. Гл. X—XVIII. (Окончаніе). **А. К. Сизовой.** 10) Джунгли. III. Рыжія собаки. **Р. Киплинга.** Съ англійскаго **А. Н. Рождественской.** 11) Въ глуши. Картинки изъ жизни кореловъ Гл. IV—V. (Продолженіе). **А. П. Смирнова,** 12) Баба. Разсказъ изъ жизни пеликана. **Чеглока.** Съ рисурками **П. Литвиненко.** 13) По бѣлу свѣту. Островъ Ява. **Е. Т.** 14) Изъ книгъ и журналовъ. Ручные слоны. **Е. Т.** Съ рисункомъ **П. Литвиненко.** 15) Шарады, загадки и ребусы. 16) Рѣшенія. 17) Объявленія.

Содержаніе ноябрьской книжки: 1) Портретъ Императрицы Екатерины Великой (Къ столѣтію ея кончины). 2) Аленушкины сказки. VII. Сказка о томъ какъ жила-была послѣдняя Муха. **Д. Н. Мамина-Сибиряка.** Съ рисунками художника **П. Литвененко.** 3) Мишинъ грѣхъ. Разсказъ. (Окончаніе). **Е. П. Гославскаго.** Съ рисункомъ художника **В. И. Андреева.** 4) Родіоновна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). **В. В. Огаркова.** 5) Покойной ночи. (Изъ Б. Гринченко). Стих. **И. А. Бѣлоусова.** 6) Бунтъ Оли и Лели. Разсказъ. Гл. VI—IX. (Продолженіе). **М. К. Николаевой.** Съ рисункомъ художника **В. И. Андреева.** 7) Банковые билеты. Гл. III. Исторія третьяго и послѣдняго билета. **Франца Гоффмана.** (Продолженіе). Съ нѣмецкаго **Д. Л. Михаловскаго.** 8) Изъ жизни и сказокъ. Христа-ради. **Н. А. Соловьева-Несмѣлова.** Съ рисунками **П. Литвиненко.** 9) Гаврошъ. (Изъ «Несчастныхъ»). **Виктора Гюго.** Съ французскаго **В. Ю. Доппельмайеръ.** 10) Милыя дѣти, не бойтесь... Стихотвореніе **В. Сысоева.** 11) Снѣжокъ и Картошка. Исторія одной дружбы. Гл. IX. Картошка присутствуетъ при одномъ таинственномъ совѣщаніи. (Продолженіе). **М. Н. Альбова.** 12) За юную украинку. Историческій разсказъ. Гл. I—IV. **Д. Л. Мордовцева.** Съ рисунками художника **В. И. Андреева.** 13) Цаганъ-Саръ. («Бѣлый мѣсяцъ»). Изъ воспоминаній объ Уссурійскомъ краѣ. **Д. И. Шрейдера.** Съ рисункомъ 14) Въ глуши. Картинки изъ жизни кореловъ. Гл. VI—VIII. (Продолженіе). **А. П. Смирнова.** 15) Изъ книгъ и журналовъ: Петръ Великій въ Парижѣ. Къ портрету Екатерины II. Дмитровская суббота. 16) По бѣлу свѣту. Гориллы. **Е. Т.** 17) Шарады, задачи и ребусы. 18) Рѣшенія. 19) Объявленія.

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Цѣна 5 руб. безъ пересылки, 6 руб. съ пересылкою въ Россіи, 8 руб. за границу; на полгода 3 руб. съ пересылкою.

Подписка принимается: Москва, Тверская ул., д. Гиршмана, кв. 40.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Вышла третья книга **«Вешніе всходы»** Д. И. Тихомирова, ц. 60 к. Продаются новыя книги книги изданія «Дѣтскаго Чтенія»: «Вешніе всходы», книга для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій—въ школѣ и дома—годъ первый, ц. 30 к.; годъ второй, 40 к. Обѣ книги допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Прос. для употребленія въ низшихъ школахъ. Руководство для учителя, ц. 30 к. Допущено Уч. К. М. Н. П. въ учительскія библіотеки. **Пушкинъ, А. С.** Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста, томъ первый. Младшій возрастъ. Второе изданіе. 1896 г. Цѣна 30 коп. Одобрено Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ начальныхъ и городскихъ училищъ. — **Васька-горюнстъ.** Разсказъ. **Г. А. Мачтета.** Съ четырьмя рисунками. Ц. 20 к. **Ручей и его жизнь.** (По Элизе Реклю). **Д. А. Коропчевскаго.** Съ рисунками. Ц. 50 к.—**Драма на дворѣ.** Повѣсть для дѣтей. **И. И. Потапенко.** Съ рисунками. Ц. 60 к.

XIII г. изданія. **Открыта подписка на 1897 г.** XIII г. изданія.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на морѣ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

50 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ №№., содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

БЕЗПЛАТНО

12 ТОМОВЪ, иллюстрированныхъ знамен. художн.: Эмилемъ Байяромъ, Невилемъ, Ріу и другими, и содержащихъ въ себѣ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большого формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80.000 верстъ подъ водою. 2 т.
II. Дѣти капитана Гранта. 2 тома.
III. Таинственный островъ. 3 тома.
IV. Воздушный корабль.
V. Зеленый лучъ.
VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней.
VII. Вверхъ дномъ.
VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики, при доплатѣ 1 р., получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,** состоящія изъ 2-хъ художествен. картинъ (олеографій). Картины, размѣромъ 20¼ вер. въ длину и 13½ вер. въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ съ оригиналовъ художника Кондратенко.

1) **Южный берегъ Крыма** съ видомъ Ялты
2) **Видъ Днѣпра у Кіева,**

Оригиналы этихъ картинъ спеціально для преміи 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя.

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюля Верна съ доставк. и пересылкою **4 р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 рубля, къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

КРОМѢ ТОГО, ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержденнымъ Т-вомъ И. Д. Сытина.

3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„КУБАНСКІЯ ОБЛАСТНЫЯ ВѢДОМОСТИ".

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Поставивъ главной своей задачей служить всестороннему изученію обширной Кубанской области, выясненію ея разныхъ потребностей и указанію, по возможности, болѣе вѣрныхъ средствъ къ удовлетворенію этихъ потребностей, редакція неоффиціальной части «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей» даетъ мѣсто въ газетѣ разнороднымъ статьямъ и сообщеніямъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ, задавшихся благою цѣлью послужить на пользу нашего края.

Съ этою же цѣлью въ этой части газеты разрабатываются мѣстные матеріалы: этнографическіе, статистическіе, историческіе, географическіе, топографическіе, археологическіе и др.; затѣмъ помѣщаются разнородныя, полезныя для мѣстнаго населенія свѣдѣнія, извѣстія о дѣятельности городскихъ, станичныхъ и сельскихъ общественныхъ управленій, судебныя извѣстія и свѣдѣнія о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ области, а также о явленіяхъ метеорологическихъ; на ряду съ этимъ печатаются статьи и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, объ урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, судоходствѣ, о движеніи поѣздовъ Владикавказской жел. дор., о рыночныхъ справочныхъ цѣнахъ, о торговыхъ и другихъ обществахъ, о выданныхъ привилегіяхъ на изобрѣтенія, отзывы о книгахъ, некрологи извѣстныхъ въ области лицъ и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкою и пересылкою на годъ . . . . . 5 р. 60 к.
» » » » ½ года . . . . . 3 р. — к.

За перемѣну адреса взимается 40 к.

Отдѣльно на неоффиціальную часть подписка не принимается.

Подписка на газету принимается исключительно въ г. Екатеринодарѣ, въ конторѣ типографіи Кубанскаго Областного Правленія.

На основаніи разрѣшенія Кубанскаго Областнаго Правленія (№ 62 «Куб. Обл. Вѣд.» за 1895 г.), подписныя деньги можно высылать, въ интересахъ скорѣйшаго полученія газеты, не чрезъ казначейство, а на имя завѣдывающаго типографіей—Эдуарда Александровича Нейберга.

Редакторъ неоффиціальной части В. Скиданъ.

3—1.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ (350 №№ ВЪ ГОДЪ)

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ ЗАУРАЛЬЯ

ДѢЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

(*Въ Екатеринбургѣ*).

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою на 12 мѣсяцевъ 5 р., на 11 м. 4 р. 50 к., на 10 м. 4 р., на 9 м. 3 р. 75 к., на 8 м. 3 р. 50 к., на 7 м. 3 р. 25 к., на 6 м. 3 р., на 5 м. 2 р. 75 к., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м. 1 р. 50 к., на 1 м. 1 р. Отдѣльные номера 5 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Екатеринбургъ, Колобовская ул., д. Магницкаго, № 21, и у агентовъ. (см. заголовокъ газеты).

Редакторъ П. П. Басинъ. Издатель В. Н. Алексѣевъ.

3—1.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИЗВѢСТІЯ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
И
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ“
въ 1897 году.

Въ 1897 г. «Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ» будутъ выходить е ж е н е д ѣ л ь н о по прежней программѣ: 1. Новые законы, касающіеся предметовъ вѣдомства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. 2. Распоряженія Министра. Измѣненія въ личномъ составѣ и награды по Министерству. 3. Циркулярныя предписанія по Министерству, по его Департаментамъ и Отдѣламъ. 4. Отчеты и донесенія Министерству. 5. Свѣдѣнія о сельскохозяйственной дѣятельности Земствъ, Сельскохозяйственныхъ Обществъ и т. п. 6. Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и сельскаго хозяйства вообще. 7. Таблицы цѣнъ на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій. 8. Метеорологическія свѣдѣнія. 9. Библіографическій Отдѣлъ. 10. Объявленія.

Подписка принимается на годъ и по полугодіямъ съ 1-го Января и съ 1-го Іюля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ пересылкою и доставкою: на годъ—4 р., на 1/2 года—2 р. 50 к.; оставшіеся нераспроданными экземпляры «Извѣстій Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ» за 1894, 1895 и 1896 годы можно получать въ Редакціи по 2 руб., за годовой экземпляръ безъ пересылки; за пересылку слѣдуетъ добавлять, смотря по разстоянію, какъ за посылку въ 2 фунта (1894) и въ 7 фунт. (1895 и 1896).

Объявленія принимаются съ платою за одинъ разъ: за цѣлую страницу 25 руб., за 1/2 страницы 14 руб., за 1/4 страницы 8 руб., за 1/8 страницы 5 руб., и за 1/16 страницы 3 руб., за послѣдующіе разы съ этой платы дѣлается скидка въ размѣрѣ отъ 10% до 25%, сообразно числу напечатанныхъ разъ. 3—2.

Вышла въ свѣтъ ЧЕТВЕРТАЯ (сентябрь-октябрь) книга журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“,

издаваемая Московскимъ Психологическимъ Обществомъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. А. Иванцовъ. Задачи искусства.—Н. А. Умовъ. Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ.—Л. Е. Оболенскій. Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ.—Кн. С. Н. Трубецкой. Основанія идеализма.—Вл. С. Соловьевъ. Нравственная организація человѣчества.—Л. М. Лопатинъ. Декартъ какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозерцанія.—В. А. Гольцевъ. По поводу статьи г. Оболенскаго.—С. А. Сухановъ. Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій *(съ рисунками)*.—А. К. Дживелеговъ. Вико и его система философіи исторіи.—В. П. Сербскій. Четвертый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Женевѣ.—Критика и библіографія: 1) Новый философскій журналъ. Александра Ив. Введенскаго; 2) Обзоръ книгъ; 3) Обзоръ журналовъ; 4) Новости иностранной философской литературы. Извѣстія и замѣтки. Психологическое Общество.—А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи Психіатрической клиники Императорскаго Московскаго Университета.

Открыта подписка на 1897 годъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1897 по 1-е января 1898 г.) безъ доставки 6 руб., съ доставкой въ Москвѣ 6 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города 7 руб., за границу 8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала: Москва. Б. Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. 2—24. Тамъ же продается новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества: Куно Фишеръ. «Артуръ Шопенгауэръ». Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Цѣна 3 руб.

Предсѣдатель Общества Н. Я. Гротъ. Редакторы: Л. М. Лопатинъ. В. П. Преображенскій.

1—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VI-й г. изд.

МІРЪ БОЖІЙ.

VI-й г. изд.

(Ежемѣсячно 25 печ. листовъ).

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «Міръ Божій»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ. Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: **Беллетристика:** «Живая жизнь», общественно-бытовой романъ въ трехъ частяхъ И. Потапенко; «Школяры», очеркъ В. Дмитріевой: «Въ тюремномъ карцерѣ», психологическій этюдъ Н. Инфантьева; очерки и разсказы постоянныхъ сотрудниковъ: Ю. Безродной, Е. Чирикова, Сѣрошевскаго, Савихина и пр. «Переломъ», соціальный романъ изъ жизни современной Англіи: «Записки философа», Роберта Гранта, бытовой романъ изъ американской жизни: разсказы: Вильденбруха, Жеромскаго, Б. Прусса. Э. Ожешко, Киплинга и пр. **Научныя сочиненія и статьи:** «Дыханіе и жизнь», проф. И. П. Бородина; «Отправленіе и организація», проф. Брандта; «Низкія температуры и ихъ значеніе въ наукѣ и техникѣ», В. Агафонова: «Общество, государство, культура въ XVI в. на Западѣ». проф. Виппера; «Нашъ вѣкъ», культурно-историческіе очерки Ив. Иванова. «Шекспиръ и Бѣлинскій», проф. Стороженко; «Основныя гарантіи правосудія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II», Г. Джаншіева; «Глѣбъ Успенскій», критическій этюдъ Ив. Иванова: «Хвощинская (В. Крестовскій—псевд.)», по неизданнымъ матеріаламъ и личнымъ воспоминаніямъ М. Цебриковой: «Факторы общественнаго развитія». (къ анализу экономическаго матеріализма), соціологическіе очерки *Люд. Кржвицкаго*. «Прогрессъ и бѣдность», Б. Эфруси. «Развитіе представительныхъ учрежденій» по Каутскому *Л. Давыдовой*: «Къ ученію матеріализма» (Отвѣтъ моимъ оппонентамъ), привдоц. Г. Челпанова; «Объ измѣреніи психическихъ явленій», проф. Оршанскаго: «Новая женщина въ современной литературѣ», Л. Гижицкой; «Изъ скандинавской жизни», М. Лучицкой; «Новый типъ американскихъ университетовъ», Тверскаго: «Отношеніе французскаго общества къ политикѣ», Н. В. Водовозова; «Естествознаніе въ очеркахъ и картинахъ», д-ра Данемана въ пер. прив.-доц. спб. университета М. Ю. Гольдштейна и пр

Постоянные отдѣлы: 1. Критическія замѣтки, А. Б. 2. На родинѣ. 3. За границей. 4. Научная хроника. 5. Библіографія. 6. Изъ западной культуры. 7. Новости иностранной литературы.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой 7 руб.; безъ доставки 6 руб.: за границу 10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ столичныхъ и провинціальныхъ магазинахъ. Черезъ магазины подписка съ разсрочкой не принимается. Магазины могутъ удерживать въ свою пользу 5% съ подписной суммы. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 руб. и остальные 3 руб. къ 1-му іюля. Полугодовой подписки нѣтъ. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

(12-й годъ изданія).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ нумерѣ двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей или образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

Въ «Рем. Газ.» дано было описаніе **Всероссійской промышленной и художественной выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.**

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т. е. во всякомъ семействѣ.

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫБРАТЬ или ЗАКАЗАТЬ нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какимъ современнымъ требованіямъ онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи «Ремесленная Газета» оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій.—Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя,) сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесл. Газетѣ» будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ** сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редакція будетъ давать **БЕЗПЛАТНО** отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогаго (многимъ недоступнаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

Редакція имѣетъ спеціальныхъ корреспондентовъ за границей въ большихъ промышленныхъ центрахъ, получаетъ отъ нихъ лучшіе образцы новѣйшихъ издѣлій и множество рисунковъ съ описаніями.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднымъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** всевозможное **СОДѢЙСТВІЕ** по различнымъ справкамъ, также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и др. предметовъ, которые высылаются по первому требованію немедленно съ **НАЛОЖЕННЫМЪ** платежомъ.

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» въ теченіе истекшихъ 11-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того **ОБИЛІЯ** полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) **50 №№ ВЪ ГОДЪ**, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ и 2) **СТО** листовъ приложеній (замѣняющихъ премій къ «Рем. Газ.»), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ **СВЫШЕ 20 р. с.** 3) Изящно иллюстрированный настѣнный календарь.

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.

Подписавшіяся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 6 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой (за полгода 4 р).

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ «Ремесленной Газеты» со всѣми приложеніями за 1886 г. по 10 р., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 г. (безъ книгъ) по 5 р. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись.

«Ремесленная Газета» **РЕКОМЕНДОВАНА** г. Министромъ Народ. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальн. училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ К. А. КАЗНАЧЕЕВЪ.

3—1.

Открыта подписка на 1897 годъ на

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ
и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

•жемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще *новостей* по *всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.*

(3-й годъ изданія).

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзнодорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и библіографія; смѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, промышленности, разныя мелкія извѣстія и т. д.; **справочный отдѣлъ**: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія.

Въ 1896 г. на страницахъ журнала помѣщено было описаніе „Всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ".

За истекшія семь лѣтъ въ составъ сотрудниковъ журнала вошли слѣдующія лица:

— **Профессоры, адъюнкты-профессоры и доценты** Технологическихъ институтовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго, Императорскго Московскаго Техническаго училища, Рижскаго Политехническаго института и др.— В. И. Альбицкій, К. А. Владиміровъ, А. П. Гавриленко, А. Д. Гатцукъ, А. В. Гречанинновъ, Г. Ф. Деппъ, В. Г. Залѣсскій, К. А. Зворыкинъ, П. А. Котурницкій, Н. П. Ланговой, А. П. Лидовъ, П. М. Мухачевъ, Я. Я. Никитинскій, П. П. Петровъ, В. М. Рудневъ, А. И. Сидоровъ, Н. И. Тавилдаровъ, П. К. Худяковъ, В. В. Шкателовъ и др.

— **Преподаватели, ассистенты, лаборанты**—И. П. Александровъ, А. П. Величковскій, П. В. Войнаровскій, Н. Л. Громъ, И. В. Егоровъ, Д. В. Зубаревъ. С. П. Ланговой, Л. М. Лялинъ, Н. А. Паповъ, В. А. Пантелеевъ, К. М. Плѣшковъ, А. Русановъ, А. М. Соколовъ, К. П. Тумскій, В. Г. Фонъ-Бооль, А. Н. Шустовъ и др.

— **Представители** фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. промышленныхъ предпріятій, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій—М. И. Алтуховъ, И. К. Андрюковъ, Л. Я. Аркинъ, В. Я. Бенинъ, Н. Е. Березовскій, М. Берловъ, И. П. Боклевскій, Л. А. Боровичъ, А. И. Бѣловъ, Ф. И. Вараксинъ, М. К. Васильевъ, И. Видавскій, Ю. Ф. Вишневскій, С. Гаршинъ, П. Гарберъ, Д. А. Головъ. І. П. Горенцель, А. Ф. Грязновъ, С. И. Гулишамбаровъ, И. Гурвичъ, А. Н. Державинъ, И. А. Добряковъ, К. Дьяконовъ, Л. П. Жеребовъ, А. А. Завадскій, А. Завалишинъ, И. Залкиндъ, Н. Н. Зворыкинъ, А. Д. Зеленинъ, И. М. Зиновьевъ, А. А. Зябловъ, П. Касаткинъ, М. Кергеръ, Д. Кирпичниковъ, С. А. Козьминъ, А. И. Коренблитъ, П. Н. Коротковъ, М. Г. Котельниковъ, П. А. Малыхъ, А. Мейро, А. П. Милинскій, А. М. Настюковъ, Ф. Ф. Надлеръ, М. А. Нетыкса, С. Я. Никитинскій, Н. П. Овсянниковъ, В. Н. Оглоблинъ, А. П. Опуфровичъ, П. А. Персіяниновъ, Н. А. Песоцкій, Л. О. Плущевскій, А. А. Прессъ, А. Т. Разуваевъ, К. Рейнеръ, Х. Х. Ремманъ, М. А. Рыловъ, А. Семеновъ, С. Сербиновичъ, П. И. Сиптицъ, О. Старикъ, М. Н. Триполитовъ, А. Угаровъ, А. Фадѣевъ, И. А. Федоровъ, Н. А. Филипповъ, М. Я. Цоллеръ, В. Черневъ, О. В. Шапыгинъ, Ю. А. Эльтерманъ, П. К. Энгельмейеръ и др.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія.

Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 гг. по 16 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№

Пробные №№ высылаются по первому требованію, съ наложеннымъ платежомъ по 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка. — 16 руб. въ годъ съ перес. и дост., за ½ года—9 руб.— Учащимся—скидка въ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Подписка принимается: въ РЕДАКЦІИ журнала и во ВСѢХЪ книжн. магазинахъ.

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. К. А. Казначеевъ.

Редакторъ Инж.-Техн. А. М. Кудрявцевъ.

3—1

XXVIII Г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „НИВА“

выходящій еженедѣльно, со многими безплатными приложеніями.

Гг. подписчики «НИВЫ» получатъ въ теченіе 1897 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала «Нива», заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 ТОМОВЪ СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА,

избранныхъ авторомъ и «Нивою» изъ числа лучшихъ его произведеній и представляющихъ все наиболѣе выдающееся и цѣнное, что было написано П. Д. Боборыкинымъ въ послѣднія 25 лѣтъ, начиная съ появленія его извѣстнаго романа «Китай-городъ».

Собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. Боборыкина будетъ отпечатано на хорошей глазированной бумагѣ, въ 12 томахъ, которые подъ заглавіемъ «Сборникъ Нивы», будутъ выходить въ началѣ каждаго мѣсяца и заключать въ себѣ:

ТОМЪ I. «Китай городъ», Романъ въ 5-ти книгахъ. ТОМЪ II. «Безъ мужей». Повѣсть. «Псарня». Разсказъ. «Умереть—уснуть». Разсказъ. «Пристроился». Повѣсть. «Безвѣстная». Разсказъ. ТОМЪ III. «По чужимъ людямъ». Разсказъ. «За красненькую». Разсказъ. «Послѣдняя депеша». Разсказъ. «Три афиши». Разсказъ. «Голубой лифъ». Разсказъ. «У плиты». Разсказъ. «Изъ новыхъ». Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть I. ТОМЪ IV. «Изъ новыхъ». Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II и III. ТОМЪ V. «На ущербѣ». Романъ въ трехъ частяхъ. ТОМЪ VI. «Обречена». Повѣсть. «Проѣздомъ». Повѣсть. «Вторая отъ воды». Разсказъ. «Въ отъѣздѣ». Разсказъ. ТОМЪ VII. «Перевалъ». Романъ въ 3-хъ част. Части I и II. ТОМЪ VIII. Перевалъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть III. «Съ убійцей». Повѣсть. «Горленки». Разсказъ. ТОМЪ IX. «Ходокъ». Романъ въ 3-хъ частяхъ. ТОМЪ X. «Поумнѣлъ». Повѣсть. «Измѣнникъ». Повѣсть. «Морзъ и Юзъ». Разсказъ. ТОМЪ XI. «Ранніе выводки». Повѣсть. «Трупъ». Разсказъ. «Василій Теркинъ». Романъ въ 3-хъ част. Часть I. ТОМЪ XII. «Василій Теркинъ». Романъ въ 3-хъ част. Части II и III.

При первомъ томѣ будетъ приложенъ гравированный на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ портретъ съ автографомъ П. Д. Боборыкина.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, которыя будутъ выходить при «Нивѣ» въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, разсказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ», выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

«СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ» на 1897 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе «НИВЫ» со всѣми вышеозначенными приложеніями: Безъ доставки въ СПБ. 5 р. Съ доставкою въ СПБ. 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) 6 р. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 7 р. ЗА ГРАНИЦУ 10 р.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22. 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
СИМБИРСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ
НА **1897** ГОДЪ.

Неоф. часть «Симбирскихъ Губ. Вѣдомостей», по-прежнему будетъ выходить два раза въ недѣлю: въ среду и субботу и издаваться отдѣльно отъ оффиц. части. Газета будетъ служить по преимуществу мѣстнымъ интересамъ, для чего будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать «Симбирскія Губ. Вѣдомости» мѣстнымъ органомъ печати въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Программа изданія. 1. Телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства. 2. Мѣстная хроника. 3. Вѣсти и факты. 4. Областныя извѣстія. 5. Театръ и музыка. 6. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. 7. Разныя извѣстія. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Библіографія. 10. Фельетоны.

Подписная цѣна на одну неоф. часть: съ доставкою и пересылкою на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 75 коп. Безъ доставки на годъ 2 рубля, на полгода 1 руб. На меньшіе сроки подписка на одну неоф. часть не принимается.

Подписка принимается: въ типографіи «Симбирскихъ Губ. Вѣдомостей» (Бол. Саратовская ул., д. Зеленкова), у полиціймейстеровъ, уѣздныхъ исправниковъ и становыхъ приставовъ. Отдѣльные номера продаются по 5 коп. въ типографіи и у разносчиковъ.

Редакторъ **Д. Горчаковъ.**

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ОБРАЗОВАНІЕ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; 2) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ изъ жизни и литературы въ Россіи и за границей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ устраненію.

Кромѣ статей научно-популярныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 100 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы: Библіографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе; даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обозрѣніе отмѣчаетъ все наиболѣе интересное въ общей печати). Письма изъ провинціи.—На Западѣ (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей). Изъ области знаній (научныя бесѣды).—Хроника.—Статистика образованія.

Въ 1897 году предполагается значительно расширить отдѣлъ Хроники и ввести новые отдѣлы: Новости литературы и науки за границей и Обзоръ иностранныхъ журналъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 15 печатныхъ листовъ.

Къ журналу въ 1896 году были даны два приложенія:

Исторія первобытнаго человѣчества. М. Гернеса, пер. съ нѣмецк. съ примѣч. и предисл. Н. Березина, съ 45 рис.

Исторія человѣческой культуры. І. Гонеггера, пер. съ нѣмец. М. Чепинской.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 руб. съ пересылкой.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Басковъ пер., 22.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.
(восьмой годъ изданія)

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,

Научно-популярный журналъ, предназначенный для родителей и воспитателей,

имѣющій цѣлью—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библіографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты).—4) Хроника.—5) Приложенія — литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.—6) Объявленія.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года; въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1891, 1892 и 1894 г. продаются по 2 руб. за годъ и по 3 руб. съ пересылкой.

Контора редакціи ПЕРЕВЕДЕНА на Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова и открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 12 час. до 3 ч. дня. Личныя объясненія съ редакторомъ по вторникамъ и пятницамъ съ 2-хъ до 3-хъ час.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

За редактора д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**
За издателя наслѣдники **Е. А. Покровскаго.**

1—3.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г.) на иллюстрированный ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ и ЭКОНОМИЧЕСКІЙ журналъ

ХОЗЯИНЪ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Кромѣ обычныхъ въ сельскохоз. журналахъ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хоз. и сел.-хоз. техники, въ журналѣ помѣщаются передовыя статьи, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельско-хоз. дѣятельности земствъ, научные обзоры, обворы сельско-хоз. литературы, рынки. Отвѣты на вопросы.

(Въ номерѣ 2500—2800 строкъ текста).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ дост. 6 р., на полгода 3 р. Разсрочка по рублю въ мѣсяцъ. Годовые подписчики получатъ въ 1897 г. безплатно слѣдующія **КНИЖКИ ХОЗЯИНА**: 1) Руководство по огородничеству. П. *М. В. Рытова.* 2) Справочная книжка по сельскохозяйственной архитектурѣ. 3) Архитектурный альбомъ сельскохозяйств. построекъ.

Новые подписчики получаютъ журналъ со дня подписки до 1897 г. безплатно

Въ журналѣ принимаютъ участіе своимъ сотрудничествомъ почти всѣ сельскохозяйственные писатели (журналъ насчитываетъ свыше 300 сотрудниковъ), въ томъ числѣ помѣщали свои статьи: И. И. Абозинъ, А. П. Андріановскій, В. А. Анзиміровъ, А. А. Арфмельдъ, В. А. Бекетовъ, графъ Ѳ. Г. Бергъ, В. А. Бертенсонъ, проф. С. М. Богдановъ, проф. В. фонъ-Бранке, проф. А. И. Воейковъ, князь В. Д. Друцкой-Соколинскій, проф. В. В. Докучаевъ, проф. Н. Ю. Зографъ, И. М. Кабештовъ, Ав. А. Калантаръ, проф. Ив. Калугинъ, князь В. А. Кудашевъ, В. Г. Котельниковъ, проф. П. Н. Кулешовъ, Пав Ив. Левицкій, С. В. Ленинъ, проф. К. Э. Линдеманъ, А. Я. Масленниковъ (съ Сѣверной фермы), А. П. Мещерскій (авторъ «Писемъ деревенскаго хозяина»), А. П. Мертваго, М. В. Неручевъ, князь Д. М. Оболенскій, инж. Г. Перимондъ, проф. М. А. Придорогинъ, Л. А. Потѣхинъ, проф. Д. Прянишниковъ, И. М. Рева, А. А. Радцигъ, М. В. Рытовъ, П. Р. Слезкинъ, А. П. Субботинъ, проф. А. В. Совѣтовъ, проф. И. А. Стебутъ, инж. П. В. Степановъ, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. И. Танфильевъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, А. Р. Ферхминъ, проф. Н. П. Чирвинскій. И. І. Шатиловъ, Р. И. Шредеръ, В. С. Щербачевъ, М. А. Энгельгардтъ и мног. др.

Конт. ред.: Спб., Невскій, 92. Ред. **А. Мертваго.** Изд. **И. Машковцевъ.**

3—1.

Книжный складъ П. П. СОЙКИНА.

С.-Петербургъ. Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

Высылаетъ иногороднымъ всѣ книги по дѣйствительнымъ цѣнамъ.

Требованія исполняются за наличныя или съ наложеннымъ платежомъ, т. е. съ уплатою денегъ на мѣстѣ полученія книгъ. Заказы съ наложеннымъ платежомъ исполняются на сумму не менѣе одного рубля, части рубля можно высылать почтовыми марками.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Соч. д-ра А. В. Елисѣева

въ четырехъ томахъ,

подъ общимъ заглавіемъ **«ПО БѢЛУ-СВѢТУ».**

Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта. Роскошное изданіе въ 4-ю долю листа.

Каждый томъ содержитъ до 380 стран. текста и около 400 оригинальныхъ рисунковъ художниковъ: академика В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, проф. А. Д. Кившенко, В. П. Овсянникова, А. А. Писемскаго, С. К. Піотровича, Ѳ. П. Ризниченко, Е. П. Самокишъ-Судковской, академ. Н. С. Самокишъ, Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина.

Цѣна каждаго тома 3 р., въ переплетѣ 4 р.

Томъ третій только что вышелъ изъ печати.

Томъ четвертый печатается и выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

I и II т. одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старш. возраста, библіотекъ мужск. средн. учебн. заведеній и для раздачи воспит. старш. классовъ сихъ заведеній въ видѣ награды; рекомендованы Главнымъ Штабомъ Военнаго Министерства для пріобрѣтенія въ офицерскія библіотеки.

Въ невѣдомыхъ мірахъ. Необыкновенныя приключенія русскаго ученаго. Астрономическій романъ въ 2-хъ томахъ. Соч. Лефоръ и Графиньи, съ предисловіемъ Камилла Фламмаріона. Перевелъ В. Семеповъ. Изд. 2-е.

Каждый томъ заключаетъ до 400 стр. текста и до 150 рисунковъ въ художеств. исполн. Н. Н. Каразинымъ обложкахъ.

Томъ I. Путешествіе на луну.—Томъ II. Вокругъ солнца.

Каждый томъ представляетъ вполнѣ законченный романъ. Цѣна каждаго тома въ обложкѣ 2 р., въ папкѣ 2 руб. 50 коп.

Христоферъ Колумбъ. Историческій романъ изъ эпохи открытія Америки. Евгенія Шрекника, въ 2-хъ частяхъ (305 стран.). Цѣна 2 руб.

Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Сочиненіе Мигуэля Сервантеса. Полный переводъ въ двухъ частяхъ Н. М. Тимофѣева. 654 стр. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 руб. 50 коп.

Басни Лафонтена съ рисунками Густава Дорэ, въ переводахъ Крылова, Измайлова, Дмитріева, Хемницера, Коринфскаго, Зарина, Лихачева, Жукова и друг. Большого формата въ 4-ю долю листа. Цѣна 1 руб.

Сочиненія Э. Золя

въ переводахъ: Ясинскаго, Чуйко, Степановой, Лендегренъ, Коропчевскаго, Сороченковой и друг.

Томъ I.—**Карьера Ругоновъ**, ром., съ краткой біографіей и портретомъ автора. 288 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

II.—**Добыча, брошенная собакамъ**, ром. 360 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

III.—**Чрево Парижа**, ром. 245 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

IV.—**Завоеваніе Плассанса**, ром. 427 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

V.—**Проступокъ аббата Мурэ**, ром. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

VI.—**Его превосходительство Эжень Ругонъ**, ром. 420 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

VII.—**Западня**, ром. 427 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

VIII.—**Страница романа**, ром. 380 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

IX.—**Нана**, ром. безъ предвар. цензуры. 595 стр. Цѣна 1 р., съ перес. 2 р. 25 к.

X.—**Накипь**, ром. 424 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 коп.

XI.—**Для счастья дамъ**, ром. 492 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

XII.—**Наслажденіе жизнью**, ром. 428 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

XIII.—**Въ мірѣ художниковъ**, ром. 426 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

XIV.—**Греза**, ром. 545 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

XV.—**Человѣкъ-звѣрь**, ром. 407 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

XVI.—**Деньги**, ром. 384 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

XVII.—**Погромъ**, ром. 496 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

XVIII.—**Докторъ Пасналь**, ром. 384 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

За всѣ 18 томовъ ВМѢСТѢ цѣна 7 р., въ изящныхъ переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ—9 руб. 50 коп.

Пересылка за 12 фунт. по разстоянію.

Альбомъ фототипій. 20 снимокъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ (Черкасова, Бунина, Казанцева, Каразина, Лемоха, Грузинскаго, Крачковскаго, Пряшникова, Айвазовскаго, Мещерскаго, Лагоріо, Кондратенко и другихъ. Цѣна въ папкѣ 1 руб.

Новый каталогъ книжнаго склада П. П. Сойкина—БЕЗПЛАТНО.

1—1

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ОКТЯБРѢ 1896 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 38-й.

Абаза, К. Отечественные героическіе разсказы. Съ рис., картами и планами. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Абрамовичъ-Барановскій, С. Значеніе военнаго начальства въ военно-уголовномъ судопроизводствѣ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Алексѣевъ, П. (д-ръ). О пьянствѣ. Съ предисловіемъ Льва Толстого; «Для чего люди одурманиваются». Изд. 2-е, значит. исправл. и дополнен. М. 1896 г. Ц. 60 к.

Альбовъ, М., и Баранцевичъ, К. Вавилонская башня. Исторія возникновенія, существованія и паденія одного фантастическаго общества. Юмористическій романъ въ 2 част. Съ 20 рис. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Альбомъ Крымскихъ видовъ. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Альмединген, А. Иностранныя вина и колоніальные товары. Естественно-историческій и техническій очеркъ. Съ 159 рис. и 12 гравюрами. Спб. 1896 г. Ц. 10 р.

Альтгаузенъ, Л. Искусственное удобреніе и сидерація въ Германіи и Россіи. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Анофріевъ, Н. Карманный охотничій календарь и справочно-записная книжка на 1897 г. Ц. 1 р. 20 к.

— Записная книжка карманнаго охотничьяго календаря. Ц. 30 к.

Арефа, Н. Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній о правѣ евреевъ на жительство и производство торговли въ Россійской имперіи съ сенатскими и министерскими разъясненіями. Изд. 2-е исправл. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Атава, С. (Терпигоревъ). Дорожные очерки. Въ странѣ фонтановъ и колпаковъ.—Съ дороги. — По тихому Дону. Спб 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Атскій. Взвейтесь соколы орлами. Изъ жизни юнкеровъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. Борцы. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Барклиндъ, Н. (д-ръ). Повторительный курсъ оперативнаго акушерства. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Бѣжецкій, А. Медвѣжьи углы. Повѣсти и очерки. Подъ небомъ голубымъ.—Итальянскій ветеранъ.—Венеція.—Миланъ. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

— На пути. Разсказы и очерки. Въ вагонѣ.—Таинственный свѣтъ.—Перчатка.—Поѣздка на Принцевы острова.—Парочный.—Испытаніе волонтеровъ.—Собачья война.—Въ тылу. Изданіе 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бевадъ, И. Краткое руководство къ сельско-хозяйственному химическому анализу. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Беэръ, В. Инструкція волостнымъ судамъ, преобразованнымъ по закону 12-го іюля 1889 г. Орелъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Бердниковъ, И. Архаическое направленіе въ церковномъ правѣ. Казань. 1896 г. Ц. 45 к.

Бернетъ, Ф. Исторія маленькаго лорда. Перев. съ англ. подъ ред. Е. Сысоевой. Изд. 3-е, съ рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Baets (de) Hermann. Искусство говорить на судѣ. Перев. съ франц. съ предисл. В. В. Выховскаго. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Романъ. Съ англ. изложила Е. В. М. 1896 г. Ц. 35 к.

Бланкъ, Н. Петръ Великій. Драматическая хроника. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

Богдановъ, М. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и разсказы. Съ 9 рис. и многими политипажами въ текстѣ, съ портретами, біографическимъ очеркомъ и предисловіемъ Н. М. Вагнера. Изданіе третье А. С. Суворина. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Бородкинъ, М. Графъ Л. Н. Толстой, какъ учитель жизни. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Борткевичъ, І. О денежной реформѣ, проектированной министерствомъ финансовъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Борхерсъ, В., д-ръ. Электро-металлургія. Полученіе металловъ при помощи электрическаго тока. Ч. I, съ 86 рис. и таблицами. Спб. 1896 г. Ц. по подпискѣ 5 р.

Бруттанъ, А. Зоологія. Съ 117 рис. Спб. Ц. 50 к.

Будде, Евг. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимов-

скомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Казань. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Булгаковъ, В. Поэмы, думы и пѣсни. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Булгаковъ, Н. О распространеніи электрическихъ колебаній вдоль проволоки, помѣщенной въ изотропной или анизотропной средѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вагнеръ, К. Молодежь, ея настоящее и будущее. Сочиненіе, удостоенное преміи Франц. Академіей. Перев. съ франц. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Васильевъ, А. Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 2 р.

Веберъ, К. Плуги, бороны, сѣялки, культиваторы, катки, волокуши, маркеры, окучники, пропашники и мотыги. Пособіе для хозяевъ при выборѣ земледѣльческихъ машинъ и орудій и при работѣ съ ними. Съ атласомъ въ 32 таблицы, съ 338 фиг. Спб. 1896 г. Ц. съ атласомъ 3 р.

Введенскій, А. Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Веймарнъ, П. Цезарь Антоновичъ Кюи, какъ романистъ. Музыкальный очеркъ. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Вейбергъ, А. Стихи. Одесса. 1896 г. Ц. 60 к.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Вып. VI. (Амвросій Андріевскій). Вып. VII (Андріевскій—Антрацитъ). Спб. 1896 г. Ц. кажд. вып. 35 к.

Вендрихъ, А. (фонъ). Желѣзнодорожныя дружины. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій очеркъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Саксоніи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 45 к.

«Виленскій вѣстникъ». Газета литературная и политическая. Органъ Сѣверо-Западнаго края. Вильна. 1896 г. Ц. 25 к.

Виреніусъ, А. Воспитаніе на вольной природѣ. Теорія Артура Шульца. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Владимірскій, Н. О значеніи слова «пространство». По поводу открытія памятника Н. Н. Лобачевскому. Казань. 1896 г. Ц. 10 к.

Внутреннія и дѣтскія болѣзни. Переводъ съ нѣмец. Подъ ред. д-ра В. Окса и заслуженнаго проф. В. В. Пашутина. Т. I. Первая половина. (Библіотека медицинскихъ наукъ). Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Волгинъ, Ф. Амуръ. Природа и люди Амурскаго края. Съ 17 рис., 3 портр. и картой. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Въ любовномъ чаду. Эпизодъ изъ жизни извѣстнаго артиста Эрнесто Росси. Перев. съ франц. П. Булацель. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Гартвигъ, Г. Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ. Съ 8-ю гравюрами. Переводъ съ нѣмецк. П. Ѳедорова. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Гассельблатъ, А. Графическая статика. Вып. I. Съ 41 политипажами и 2 гравиров. таблицами. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Гебель, В. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе, построеніе и доказательство, съ приложеніемъ статей къ курсу начальной геометріи. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Haeder. Паровыя машины изъ практики для практики. М. 1896 г. Ц. 4 р. 30 к.

Гейнце, Н. Судные дни Великаго Новгорода. Историческая повѣсть. — Сцена и жизнь.—Сценки, очерки и типы.—Мелкіе разсказы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

— Подъ гнетомъ страсти. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Гельферихъ, К. Вопросъ о валютѣ. (Критика биметализма). Пер. съ нѣм. Одесса. 1896 г. Ц. 30 к.

Герцль, Т. Еврейское государство. Опытъ современнаго рѣшенія еврейскаго вопроса. Спб. Ц. 50 к.

Головъ, Д. Теорія и практика громоотводовъ. Съ 66 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Гонеггеръ, І. Исторія человѣческой культуры. Перев. съ нѣм. М. Чепинской. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И., и Егоровъ, Я. Красное солнышко (съ азбукой-картинкой). Первая книга для чтенія дома и въ школѣ. Изданіе третье. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Гофманъ, К. Ботаническій атласъ по системѣ Де-Кандоля. Вып. 7. Ц. 1 р.

Графическая грамотность въ нашихъ школахъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Гранстремъ, Э. Цари морей. Открытіе Америки норманнами въ 1000 году. Съ 25 рис. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Гребнеръ, В. Практика 4-го Департамента и второго общаго собранія Правительствующаго Сената по торговымъ дѣламъ. Часть II. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Популярный очеркъ. Перев. и предисловіе Н. С. Рошковскаго. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Гротъ, Н. Очеркъ философіи Платона. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Губерти, Н. Матеріалы для русской библіографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ. 1725 — 1800 г. Вып. III. М. Ц. 6 р.

Данилевскій, В. (проф.). Душа и природа. 2 дополн. и переработ. изданіе. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Деноловичъ, П. Разсказы о землѣ Аравійской. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Джевонсъ. Станли, В. Краткое руководство политической экономіи. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Дидо. Велосипедный словарь французско-русскій. 2,500 словъ и выраженій, не переводимыхъ съ помощью полнаго словаря Макарова. Варшава. 1896 г. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, П. Сборникъ образцовъ русской словесности для выразительнаго чтенія и заучиванія наизусть, принятыхъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа. Казань. 1896 г. Ц. 25 к.

Добровлянскій, В. Урочныя нормы для лѣсокультурныхъ работъ и лѣсоводственныя задачи. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р.

Друммондъ, Генри. Эволюція и прогрессъ человѣка. Перев. съ англ. приватъ-доцента Н. Иванцова. М. 1897 г. Ц. 2 р. 25 к.

Ершовъ, П. Конекъ-горбунокъ. Русская сказка. Изд. 16-е. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Францискъ Ассизскій. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Е. Пименовой. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Жуковскій, В. (д-ръ). Болѣзни новорожденныхъ дѣтей. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Жукъ, В. Мать и дитя. Изд. 6-е. 1897 г. Ц. 3 р.

Журналъ юридическаго общества. Октябрь. 1896 г. Ц. 2 р.

Заринъ, А. Засохшіе цвѣты. Сборникъ мелкихъ разсказовъ и стихотвореній. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть 1-я. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Перев. съ нѣм. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Золотаревъ, Л. Родительскія заботы. Вып. 2-й. О предупрежденіи добрачныхъ половыхъ отношеній. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Ивановскій, В. Русское государственное право. Т. I. Верховная власть и ея органы. Вып. IV. Установленія окружного управленія. Казань. 1896 г. Ц. 70 к.

Иловайскій, С. Казенныя монополіи, какъ способъ обложенія предметовъ потребленія. Одесса. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Какъ я избавился отъ чахотки. Вѣрное и всѣмъ доступное средство. Доходъ съ настоящей брошюры авторъ жертвуетъ въ пользу санаторій для чахоточныхъ. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Какъ выйти замужъ и быть счастливой. Перев. съ англ. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Кайгородовъ, Д. Дерево и его жизнь. М. 1897 г. Ц. 10 к.

Кантъ, Иммануилъ. Критика чистаго разума. Переводъ Н. М. Соколова. 1-й вып. Спб. 1896 г. Ц. за 2 вып. 3 р.

Калашниковъ С. Алфавитный указатель дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1895 включительно) и гражд. законовъ, относящихся къ духовному вѣдомству православ. исповѣданія. Изд. 2-е. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Келлеръ, К. (проф.). Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Вып. VII. Ц. 60 к.

Кеннанъ. Кочевая жизнь въ Сибири. Приключенія среди коряковъ и другихъ инородцевъ. Перев. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кистеръ, М. Англійская ходьба «walking». Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

— Нарощеніе мышцъ гирями. Полное руководство. Съ рис. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

«Книжный Вѣстникъ». № 6—7. Ц. 60 к.

Кольцовъ, А. Стихотворенія. Съ портретомъ. Изд. 3-е (Дешевая Библіотека А. С. Суворина. № 239). Спб. 1896 г. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к.

Коринфскій, А. Вольная птица и другіе разсказы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

— Тѣни жизни. Стихотворенія. 1895—1896. Ц. 1 р.

Коростовецъ, И. Китайцы и ихъ цивилизація. Съ приложеніемъ карты Китая, Японіи и Кореи. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.

Cosmopolis. Revue internationale. Octobre, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котляревскій, Н. Пробѣгъ сотника 2-го Забайкальскаго коннаго полка А. И. Кенике, отъ Дудергофа до Читы, 6,568 верстъ, съ 14-го іюня по 16-е ноября. 1895 г. Ц. 1 р.

Котляръ, Е. Новѣйшія лѣкарственныя средства. Дополненія къ сочин. проф. Löbisch'a. Для врачей и студентовъ. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Котъ-мурлыка. Повѣсти, сказки и разсказы. Т. IV. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Красногорскій, П. Задачи по русскому правописанію, съ приложеніемъ ороографическаго словаря. Изд. 9-е, вновь пересмотрѣнное. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Краткое руководство для начинающихъ заниматься фотографіею. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Крживицкій, Л. Антропологія. Перев. съ польскаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кропоткинъ, А. (князь). Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. Литература «маленькаго народа». Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. Вып. I. М. 1897 г. Ц. 85 к.

Крыловъ, Ив. Басни. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣчаніями. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изданіе третье (Дешевая Библіотека А. С. Суворина, № 318). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.

Куницкій, С. Начала статики сооруженій. Основанія графическихъ способовъ расчета сооруженій. Съ 61 политипажемъ. Изд. 2-е, исправл. и улучшенное. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Куркинъ, С. О воскресномъ отдыхѣ приказчиковъ и служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ. М. 1896 г. Ц. 30 к.

— Къ животворящему Гробу Господню. Съ 75 рис. и 2-мя хромолитографіями. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

«Курьеръ». Практическій путеводитель для русскихъ по городамъ и курортамъ Западной Европы. 1896—1897. Ц. въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Кутше, Н. Елабужское городское трехклассное училище (1809—1896 гг.). Историческая записка (1809—1896 гг.). Съ 4 портр. Казань. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Къ столѣтію открытія предохранительнаго оспопрививанія Эдуардомъ Дженнеромъ. Рѣчь проф. Э. Лейдена. Съ портретомъ Э. Дженнера. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Landois, L. (д-ръ). Учебникъ физіологіи человѣка, со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи и въ примѣненіи къ практической медицинѣ. Съ 375 рис. Первая половина. Изд. 3-е. Харьковъ. 1896 г. Ц. на все сочиненіе 8 р. 50 к.

Лебедевъ, А. Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. Обзоръ ихъ догматической дѣятель-

пости въ связи съ направленіями школъ Александрійской и Антіохійской. Изд. 2-е. Сергіевъ посадъ. 1896 г. Ц. 2 р.

Лексисъ, В. (проф.). Современное положеніе вопроса о валютѣ. Перев. А. Каневскаго. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Леттовъ-Форбекъ, О. (фонъ). Исторія войны 1806—1807 г. Перев. съ нѣм. Шульмана подъ ред. ген.-лейт. А. Пузыревскаго. 4 т. Варшава. 1895 г. Ц. 4 р.

Летурно, Ш. Физіологія страстей. Перев. съ франц. В. Святловскаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Либерзонъ, Е. Лѣченіе угрей и прыщей лица. Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Литвиновъ, М. Исторія крѣпостного права въ Россіи. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лурбе, Ж. Женщина предъ судомъ современной науки. Перев. съ франц. Е. А. Предтеченскаго. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Лыкошинъ, Н. Мурадъ-бекъ и Фатима. (Хивинское преданіе). Ташкентъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Маврицкій, В. Правила и программы реальныхъ училищъ. Изд. 8-е. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Майнъ-Ридъ. Морской волкъ. Романъ. Съ рис. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 35 к.
— Водяная пустыня. Ц. 35 к.
— Переселенцы Трансвааля. Ц. 35 к.
— Квартеронка. Ц. 50 к.
— Островъ Дьявола. Ц. 35 к.
— Затерявшаяся гора. Ц. 35 к.
— Ямайскіе марроны. М. 1895 г. Ц. 35 к.

Максимовъ, В. Св. Ѳеодосій Черниговскій. Спб. 1896 г. Ц. 5 к.

Маленькимъ дѣтямъ. Съ рис. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Марксъ, К. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Пер. съ нѣмецк. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Мартьяновъ, П. Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки. Т. 3-й. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Маслянниковъ, К. За десять лѣтъ (1886—1895). Изъ дневника неунывающаго хозяина. I. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Менгеръ, Антъ. Соціальныя задачи юриспруденціи. Перев. съ нѣмецк. И. Гредескула. Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

Мензисъ А. Исторія религіи. Очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ. Перев. съ англ. М. Чепинской. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Мерчингъ, Г. Канатная передача и канатныя желѣзныя дороги. Съ 4 лист. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Мэхэнъ, А. Вліяніе морской силы на исторію 1660—1783 гг. Перев. съ англ. П. П. Азбелева. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. съ англ. Изд. 2-е, дополн. и исправленное. М. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Михайловъ, П. Роль и значеніе первобытной женщины. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Михельсонъ, М. Ходячія и мѣткія слова. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 5 р., въ перепл. 5 р. 75 к. и 6 р.

Моэсъ-Оскрагелло, К. Природная пища человѣка. Пер. съ польскаго Ю. О. Якубовскій. М. 1896 г. Ц. 35 к.

Моранъ, Женщина и ея судьи (по поводу книжки г-жи Маргольмъ «О женщинѣ»). Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Мясоѣдовъ, А. Альбомъ наиболѣе вредныхъ древесныхъ паразитныхъ грибовъ и причиняемой ими порчи древесины главнѣйшихъ породъ русскихъ лѣсовъ. Подъ ред. проф. И. П. Бородина. Ц. по подпискѣ 8 р.

Надеждинъ, А. Спиритизмъ предъ судомъ христіанства. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

«Неврологическій Вѣстникъ», Т. IV, вып. 3. Казань. 1896 г Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, В. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нефедовъ, Ф. Дѣтство Протасова. Повѣсть. Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Новое manuale pharmaceuticum, изданное при участіи д-ра E. Rossetti Eugen Dieterich'омъ, подъ ред. д-ра П. П. Иванова. Вып. II. Съ 27 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 80 к.

«Новое Слово». Журналъ научно-литературный и политическій. № 12. Сентябрь. Ц. 1 р.

Новгородцевъ, П. Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. Опытъ характеристики основъ школъ Савиньи въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Обзоръ учебной и научной литературы по русскому языку. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Обзоръ кустарныхъ занятій въ Казанской губерніи. Казань. 1896 г. Ц. 30 к.

Обломковъ, П. Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земного шара. Изд. 2-е исправл. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

«Образованіе», Педагогическій и научно-популярный журналъ. № 10. Октябрь. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Объясненіе о церкви, всѣхъ частяхъ ея, о вещахъ и утвряхъ, къ ней принадлежащихъ. Часть I. Новой скрижали. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Оксъ, А., и Якобсонъ, Л. Краткій медицинскій русско-латинскій словарь. Спб. 1896 г. Ц. 70 к.

Острогорскій, А. Коммерческое образованіе, его современная организація на Западѣ и возможная постановка въ Россіи. Ч. I. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1894 г. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Витебскаго общества сельскихъ хозяевъ за 1894 г. Витебскъ. 1895 г. Ц. 50 к.

Павловскій, А. Успѣхи техники и вліяніе ихъ на цивилизацію. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Petzoldt E., dr. и Stintzing, R., dr. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ 38 рис. Подъ ред. д-ра Г. А. Шапиро. Спб. 1896 г. Ц. 6 р.

Петровъ, И. Проекціонное черченіе. Курсъ дополнительн. класса реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. Кіевъ. 1896 г. Ц. съ атласомъ 1 р. 25 к.

Пребываніе князя Болгаріи Фердинанда въ Россіи. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Пташицкій, И. (приватъ-доцентъ). Курсъ аналитической геометріи. Лекціи. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 75 к.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1800 г.). Вып. I. Спб. Ц. 1 р.

Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая географія, т. XVIII. Южная Америка. Область Андовъ. Съ 66 рис. Спб. 1896 г. Ц. 8 р.

Рудневъ, Я. Каталогъ книгъ и статей географическаго содержанія, предназначаемыхъ для чтенія книгъ младшаго возраста (отъ 11 до 15 лѣтъ). Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

«Русская музыкальная газета». Октябрь. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Русская коса. Повѣсть. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Русская Бесѣда. Сентябрь 1896 г. Ц. 1 р.

Русскій Торговый флотъ. Списокъ судовъ къ 1-му января 1896 г. (по даннымъ переписи 1895 г.). Изданіе Д-та Торговли и Мануфактуръ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Рущкій, П. Училище для ремесленниковъ въ Ригѣ. Рига. 1896 г. Ц. 40 к.

Рѣдинъ, Е. Профессоръ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. Къ тридцатилѣтней годовщинѣ его ученo-педагогической дѣятельности. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Сабинъ-Гусъ, Д. Дѣятели русской исторіи въ стихотвореніяхъ русскихъ поэтовъ и въ народныхъ пѣсняхъ. Сборникъ. Тифлисъ. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сазоновъ, Г. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895 гг.). Т. III Изданіе Д-та Земледѣлія. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Саккетти, Л. Изъ области эстетики и музыки. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Саковичъ, В. Государственный контроль въ Россіи, его исторія и современное устройство въ связи съ изложеніемъ смѣтной системы, кассоваго порядка и устройства государственной отчетности. Часть I. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сапожниковъ, А. Что есть истина? Нужно ли знать истину? Спб. 1896 г. Ц. 10 к.

Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по врачебной и санитарной части въ Имперіи. Изданіе Медицинскаго Департамента. Вып. I. Спб. 1896 г. Ц. по подпискѣ на 3 тома 5 р.

Святскій, Ив. Пѣвчія птицы. Ловля, содержаніе въ неволѣ, нравы и образъ жизни пѣвчихъ птицъ. Съ 22 рис. Спб. Ц. 50 к.

«Сѣверный Вѣстникъ». Октябрь. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Селивановъ, Т. Харьковская третья гимназія 25 лѣтъ тому назадъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 10 к.

«Сельскій Хозяинъ». № 51. Ц. 20 к.

Семеновъ, Ив. Исторія культуры Съ 20 рис. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Сенъ-Кеитонъ, А. де. Любовь бабиста. Романъ изъ персидской жизни. Перев. съ франц. И. Гриневской. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Сергіевъ, Іоаннъ. О крестѣ Христовомъ. (Противъ раскольниковъ). Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Скворцевъ, Н. Недуги нашего учебнаго дѣла. I. Діагнозъ недуговъ М. 1896 г. Ц. 1 р.

Смирновъ, А. (протоіерей). Псалмы Соломона, съ приложеніемъ одъ Соломона. Вып. 3-й апокрифовъ Ветхаго Завѣта. Казань. 1896 г. Ц. 75 к.

— Современные идеалы воспитанія. Казань. 1896 г. Ц. 30 к.

Соколовъ, Н. Новый русско-французскій и французско-русскій словари. Спб. 1896 г. Ц. каждой части 2 р.

Соловьевъ, А. Искусство выразительнаго чтенія. Опытъ теоретическаго пособія для учениковъ городскихъ училищъ. Казань. 1897 г. Ц. 15 к.

— Сборникъ образцевъ русской литературы для выразительнаго чтенія и заучиванія наизусть, принятыхъ въ городскихъ училищахъ Казанскаго учебнаго округа. Казань. 1895 г. Ц. 15 к.

Сперанскій, Н. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Съ приложеніемъ автобіографіи Θ. Платтера. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Справочная книжка для управляющихъ домами, старшихъ дворниковъ и швейцаровъ. Руководство при исполненіи ими полицейскихъ обязанностей. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи въ 1895 г. Вып. III. Долги по долгосрочнымъ займамъ въ государственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ къ 1895 г. I. Долги частнаго землевладѣнія. II. Долги владѣльцевъ городской недвижимости. Подъ ред. А. К. Голубева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Суворинъ, А. А. Палестина. Вып. 23-й Ц. выпуска 1 р. 50 к. По подпискѣ на все сочиненіе 35 р. Допускается разсрочка.

Сумцовъ, Н. (проф.). Личные обереги отъ сглаза. Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

— Литературная родня разсказа гр. Л. Н. Толстого «Чѣмъ люди живы». Легенды о покаяніи ангела, преимущественно малорусскія. Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

— Организація общественныхъ и школьныхъ библіотекъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

Табашниковъ, И. (проф.), Прошлая ученая дѣятельность цивилиста И. П. Цитовича. (Критическая оцѣнка его важнѣйшихъ ученыхъ произведеній въ области цивилистики). Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

Тарабукинъ, А. Новая практическая грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Торгово-промышленныя акціонерныя предпріятія Россіи. Составилъ Ф. Кр—нъ и М. Ма—ръ. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р. 80 к.

Трайль, Г. Общественная жизнь Англіи. Т I. Отъ древнѣйшаго времени до восшествія на престолъ Эдуарда I. М. 1896 г. Ц. 3 р.

Тэнъ, И. О методѣ критики и объ исторіи литературы. Международная библіотека № 44. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Урбаницкій (фонъ), А. Домашній электротехникъ. Общедоступное руководство къ изученію основныхъ свойствъ электрической энергіи, выбору, установкѣ и уходу за электрическими приборами, въ примѣненіи къ домашнему быту, съ практическими задачами и ихъ рѣшеніями. Съ 206 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Указатель желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и иныхъ пассажирскихъ сообщеній. Зимнее движеніе. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Улэ, О. Почему и потому. Учебникъ физики въ 440 вопросахъ и отвѣтахъ. Перев. съ нѣм. Съ 110 политипаж. Изд. 15-е Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Уманскій, А. Кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Съ портретомъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Успенскій, П. Востокъ христіанскій. Путешествіе въ метеорскіе и осоолимпійскіе монастыри въ Оессаліи въ 1859 г. Издано подъ ред. П. А. Сырку. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Федотьевъ, П. Добываніе поташа изъ золы Практ. руководство къ приготовленію древеснаго и травянаго поташа. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Филипповъ, Т. И. Сборникъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Флоровъ, Е. Квасоваръ. Боярскій квасъ, хлѣбные фруктовые и ягодные квасы; меды, соки, сиропы; пива и разные прохладительные напитки домашняго приготовленія Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Харзѣевъ, А. Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній и опредѣленіе положенія точки въ пространствѣ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Цвѣтаевъ, Дм. Основаніе русскаго флота. Историч. очеркъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

— Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ. Историко-біографическій очеркъ. Варшава. 1896 г. Ц. 75 к.

Цѣхановичъ, А. Петербургская Нана. Романъ изъ современной столичной жизни. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Чаплинъ, А. Учебникъ географіи Россійской имперіи. Вильно. 1895 г. М. 80 к.

Чекмзревъ, Атласъ сраженій XIX вѣка. Періодъ времени съ 1820 г. по настоящее время. Вып. VIII. Ц. 1 р. 50 к. Вып. IX и X. Ц. 3 р.

Strasser, Alois, dr. Компрессы, способъ дѣйствія ихъ и примѣненіе. Съ 10 рис. Спб. 1896 г, Ц. 60 к.

*)**Чеховъ, А.** Каштанка. Разсказъ. Изданіе пятое. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Чечулинъ, Н. Внѣшняя политика въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II (1762—1774). Изслѣдованіе. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Шапиро, Б., д-ръ. Учебникъ фармакологіи. Основы лѣкарствовѣдѣнія въ систематической обработкѣ. Пятое изд., просмотр. и дополн. съ прибавленіемъ о новыхъ средствахъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Швецовъ, А. Достопримѣчательности Москвы и ея окрестностей. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Шевченко, Т. Иллюстрированный «Кобзарь». Съ малороссійскимъ и русскимъ текстомъ. Вып. 3-й. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шершеневичъ, Г. (проф.). Опредѣленіе понятія о правѣ. Казань. 1896 г. Ц. 75 к.

Шестаковъ, І. Памятная книжка для духовенства, изданная по случаю 500 лѣтія блаженной кончины святителя Стефана Пермскаго. Пермь. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шефтель, Я. Repetitorium кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Шмулевичъ, Я. Общедоступный лѣчебникъ домашнихъ животныхъ съ особеннымъ отдѣломъ о содержаніи и уходѣ за ними. Изд. третье. Со многими рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Штоль, К. д-ръ. Записки по женскимъ болѣзнямъ, Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

*)**Щегловъ, И.** Корделія. Мпньона. Петербургская идиллія. Кожаный актеръ. Проводы. Миръ праау. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Щегловъ, Ив. Веселый театръ. I. Одноактныя шутки: Мышеловка. — Не въ добрый часъ.—Комикъ по натурѣ.—Влюбленный майоръ.—Гастролерша.—Турусы на колесахъ.—Театральный воробей. — Женская чепуха.—Докторъ принимаетъ.—Испанская любовь.—Господа театралы. — Заоблачный житель.—Автора въ театрѣ нѣтъ. II. Въ горахъ Кавказа. Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Всѣ означенныя здѣсь піесы безусловно дозволены къ представленію. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Энциклопедическій словарь. Полутомъ 37-й. Мекеленъ-Мифу-Баня. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Элманъ, А. Легенда о римскихъ царяхъ, ея происхожденіе и развитіе. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Эспинасъ, А. (проф.). Исторія политико-экономическихъ доктринъ. Перев. съ франц. (Юридическая библіотека, № 12). Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Эстурпель де Констанъ, П. Грядущая опасность. Европа и ея соперники. Перев. съ франц. Одесса. 1896 г. Ц. 25 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

Дозволено цензурою 26 сентября 1896 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 18.

воспѣвали любовь [1]), розъ, птицъ, весну, «когда цвѣты всего благоуханнѣе, когда луна всего свѣтлѣе», и женскія прелести. Въ честь женщинъ слагались самые восторженные эпитеты, ее прославляли, какъ царицу ангеловъ, и о каждомъ ея физическомъ совершенствѣ говорилось съ восторгомъ: «ихъ тѣло было бѣло, какъ молоко, и гладко, какъ шелкъ, ихъ губки были алы и служили имъ для чтенія романовъ, такъ какъ тогда читали не только глазами, но и губами; ихъ голосъ былъ мелодичнѣе пѣнія птицъ». Однимъ словомъ, со временъ Эдуарда I замѣчается та смѣсь мистицизма и сластолюбія, которая составила характеристическую черту XIV вѣка.

Однако, англійскіе поэты въ своихъ пѣсняхъ никогда не достигали легкости французской музы: читая популярные романы той и другой страны, невольно приходишь въ удивленіе отъ существующаго между ними контраста. Въ веснѣ англичанъ слышится зима, а въ веснѣ французовъ—лѣто; первые воспѣваютъ май, вспоминая объ апрѣлѣ, а послѣдніе—предвкушая іюнь. «Дуй сѣверный вѣтеръ и принеси на своихъ крыльяхъ мою подругу», говорятъ англійскіе поэты [2]). Серьезность англосаксонцевъ нѣсколько стушевалась отъ столкновенія съ веселостью французовъ, но не совершенно исчезла, и чувствуется возможность возврата къ мрачнымъ мыслямъ среди радостей веселой Англіи.

Но мы приближаемся къ той минутѣ, когда впервые, и не смотря на возвратъ ко временамъ печальныхъ мыслей, эта веселая Англія достигла своего апогея въ ея свободномъ развитіи. Эдуардъ III вступилъ на престолъ, Чосеръ родился, и вскорѣ будущій Черный Принцъ одержитъ побѣду подъ Кресси.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
АНГЛІЯ АНГЛИЧАНАМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Новый народъ.

I.

Двойное сліяніе, сліяніе расъ и языковъ, медленно подготовлявъ-

между Совой и Соловьемъ на счетъ красоты ихъ тѣла и пѣнія, при чемъ они прибѣгаютъ въ свою защиту къ пословицамъ Альфреда и даже къ брани.

[1]) Пѣсни о любви—Wright: Anecdota Literaria. London. 1844. Относятся ко времени Эдуарда I и служатъ подражаніемъ Chastoiement des Dames—въ Barbazan et Méon, t. II.

[2]) Wright: Specimens of lyric poetry. London. 1842.

шееся въ предшествовавшія царствованія, утверждается окончательно въ царствованіе двухъ послѣднихъ Плантагенетовъ, Эдуарда III и Ричарда II. Главенство французовъ надъ туземцами прекращается; съ этихъ поръ на островѣ остаются только англичане.

До четырнадцатаго года царствованія Эдуарда III, каждый разъ, что въ Англіи случалось убійство, и виновники его оставались неизвѣстными, убитый считался *à priori* французомъ и все графство облагалось штрафомъ. Но графство не подвергалось никакому взысканію, если оно могло доказать, что покойный былъ англичанинъ. Въ тринадцатомъ вѣкѣ Брактанъ высказывается на этотъ счетъ очень точно: требовалось произвести слѣдствіе «ut sciri possit utrum interfectus *Anglicus* fuerit, vel *Francigena*» [1]). Слѣдовательно, различіе между англичаниномъ (Anglicus) и французомъ (Francigena) еще существовало, и они не пользовались равными правами передъ закономъ. Правило это не вышло изъ употребленія, такъ какъ для уничтоженія его потребовался особый статутъ (1340 г.), который и отмѣнилъ представленіе «доказательствъ объ англійской національности» [2]) (Englischerie), изглаживая такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ слѣдовъ, оставленныхъ завоеваніемъ.

Въ то же время, какъ происходитъ сліяніе нарѣчій, окончательно устанавливается и англійскій языкъ. Въ началѣ четырнадцатаго вѣка (1311 г.) въ государственныхъ статутахъ еще сохранился латинскій текстъ королевской присяги, съ оговоркой, что «если король не зналъ по-латыни», то долженъ давать присягу на французскомъ языкѣ [3]). На этомъ же языкѣ присягалъ и Эдуардъ II въ 1307 г.; никому не приходило даже въ голову, чтобы можно было давать присягу на англійскомъ языкѣ. Между тѣмъ, въ концѣ этого вѣка мы видимъ совершенно противоположное явленіе: Генрихъ Ланкастерскій захватываетъ престолъ и въ парламентѣ, собравшемся въ Вестминстерѣ, произноситъ на англійскомъ языкѣ торжественныя слова, которыми требуетъ корону: In the name of Fadir, Son and Holy Gost, I, Henry of Lancastre, chalenge yis Rewme of Yngland [4]).

Сліяніе языковъ совершилось въ промежуткѣ. Видно, что оно происходитъ мало-по-малу, почти изъ года въ годъ; въ началѣ

---

[1]) De Legibus et Consuetudinibus Angliae, книга III, глава XV (Rolls t. II, p. 385). Отсутствіе штрафа, если покойный англичанинъ: «Pro Anglico vero et de quo constari possit quod Anglicus sit, not dabitur murdrum».

[2]) Statutes of the Realm, 14. Ed. III, глава 4.

[3]) «Si rex fuerit litteratus, talis est...—Forma juramenti si Rex non fuerit litteratus: Sire, voilez vous graunter et garder... lesley es et les custumes...» ibid.

[4]) Rotuli Parliamentorum, t. III, p. 422.

столѣтія, «люди неимущіе», «простонародье» (rurales homines) продолжаютъ еще упорно изучать французскій языкъ, satagunt omni nisu; они хотятъ «офранцузиться» (francigenare) [1]) въ подражаніе дворянству и чтобы пользоваться уваженіемъ. Усилія ихъ ознаменовались замѣчательнымъ результатомъ именно потому, что они не достигли никогда знанія правильнаго французскаго языка, и въ ихъ малопросвѣщенныхъ умахъ никогда не укладывалось точное различіе между обоими языками. Дворяне, болѣе образованные, могли говорить на обоихъ языкахъ, не смѣшивая ихъ, но это было недоступно простонародью, которое лепетало съ трудомъ на языкѣ своихъ повелителей, смѣшивало въ одно оба словаря и обѣ грамматики, перепутывая между собой женскій и мужескій родъ и употребляя въ среднемъ родѣ всѣ слова, гдѣ не обозначенъ полъ существъ, то-есть, говоря другими словами, создавало новый языкъ. Сліяніе произошло сначала въ рѣчахъ простонародья, которое было истиннымъ основателемъ англійскаго языка. Въ составъ его вошло столько же «французскаго нарѣчія» изъ Стредфордъ-этъ-Боу, сколько и «парижскаго нарѣчія».

Впрочемъ, даже и дворяне не могли совершенно избѣжать результатовъ безпрерывнаго общенія съ простонародьемъ. Еслибы послѣднее не знало ни слова по-французски, тогда языкъ ихъ господъ сохранилъ бы больше чистоты и правильности; но они говорили по-французски на свой ладъ, и ихъ манера выражаться, дѣйствуя заразительнымъ образомъ, передалась и высшимъ классамъ. Французскій языкъ дѣтей лучшихъ домовъ, находившихся въ постоянной близости съ туземными слугами и крестьянскими дѣтьми, становился все менѣе и менѣе правильнымъ. Съ конца XIII и въ началѣ XIV вѣка, они начинаютъ смѣшивать сходныя французскія слова, и начинается путаница, отъ которой такъ много страдали, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и страдаютъ до сихъ поръ въ дѣтствѣ англичане, а именно затрудняясь въ правильномъ употребленіи словъ: «*мой*» и «*моя*», то-есть — различіе родовъ. Ихъ принуждены учить этому по руководствамъ, и популярность книги, составленной въ XIV вѣкѣ Готье де-Бибельвёрсомъ [2]), доказываетъ, насколько эти учебники были необходимы. «Дорогая сестра,—пишетъ Готье г-жѣ Діонайзъ де-Монтчензи,—я написалъ эту книгу для того, чтобы ваши дѣти могли знать точное значеніе вещей и правила, когда они должны употреблять *мой* или *моя*, *этотъ* и *эта*, *я* или *мнѣ*». Онъ начинаетъ прямо

[1]) Ranulphe Higden, *Polychronicon* (Rolls), t. II, p. 158.

[2]) A volume of Vocabularies, from the X th to the XV th centuries, éd. Th. Wright, Londres, 1857, 4-e, стр. 143 и слѣд.; справиться также у П. Мейеръ, Romania, t. XIII, стр. 502.

съ примѣровъ и совѣтовъ: «У васъ есть губа (la lèvre) и заяцъ (le levre, lièvre). Фунтъ (la livre) и книга (le livre). Губа закрываетъ зубы, а заяцъ живетъ въ лѣсу; фунтъ употребляется для торговли, а книга въ святой церкви».

Все это представляетъ громадныя трудности, которыя тѣмъ болѣе безвыходны, что въ англо-саксонскомъ языкѣ были свои роды, такіе же произвольные и не согласующіеся съ родами французскаго языка. Понятно, что въ числѣ сдѣлокъ между этими двумя языками, изъ которыхъ образовался англійскій языкъ, одной изъ главныхъ уступокъ было упраздненіе съ той и съ другой стороны затруднительнаго различія родовъ.

То же самое, что произошло въ замкахъ, мы видимъ и въ судахъ. Тамъ также говорили на французскомъ языкѣ, какъ это было установлено, и пренія отличались часто большой живостью, доказательствомъ чего можетъ служить тотъ судья, который измѣняетъ условную формулу: «Идите къ Богу» и говоритъ защитнику, честерскому епископу: «Идите къ діаволу» [1]). («Какъ, братъ Жанъ, замѣчаетъ Понократъ, вы ругаетесь? Это только для красоты слога,—отвѣчаетъ монахъ; это цвѣты цицероновскаго краснорѣчія»). Но, по множеству защитительныхъ рѣчей, внесенныхъ на французскомъ языкѣ въ *Yearbooks*, очевидно, что адвокаты (sergeants) говорятъ не безъ труда и что они переводятъ свои англійскія мысли на французскій языкъ.

Затрудненія ихъ постепенно увеличиваются. Во второй половинѣ вѣка они доходятъ до такой степени, что является необходимость въ преобразованіи; защитники и кліенты перестаютъ понимать другъ друга. Въ 1362 г. законъ постановляетъ, что рѣчи будутъ произноситься на англійскомъ языкѣ, а записываться полатыни; въ англійскихъ судахъ устраняютъ «французскій языкъ, слишкомъ мало извѣстный въ этомъ государствѣ». Незнаніе это теперь вполнѣ достовѣрно: оно констатировано Фруассаромъ: англичане дурно соблюдаютъ договоры, говоритъ онъ, «и виной всему ихъ недостаточное пониманіе всѣхъ оборотовъ французскаго языка; не знаешь, какъ вбить имъ въ голову то, что говоритъ не въ ихъ пользу» [2]). Тревиза, переводя около того же вре-

---

[1]) Замѣчаніе судьи Жана Мобрей (Moubray), Пасхальная сессія, 44 Ed. III Yearbooks of Edward I, éd. Horwood (Rolls), 1863 и слѣд., t. I, стр. XXXI. Судья Хенгемъ прерываетъ адвоката словами: «Нечего толковать законы; они извѣстны намъ лучше вашего, потому что мы сами составляли ихъ». Ibid.

[2]) Потому что королю неоднократно доказывалось духовенствомъ, герцогами, графами, баронами и всѣми коммунами, что въ королевствѣ совершались важные проступки вслѣдствіе того, что законы, обычаи и уложенія вышеназваннаго государства недостаточно извѣстны въ странѣ, потому что судъ, разборъ и защита дѣла происходятъ на французскомъ языкѣ, который

мени на англійскій языкъ хронику Ранульфа Хигдена и, дойдя до того мѣста, гдѣ говорится, что деревенскіе жители изучаютъ съ великимъ рвеніемъ французскій языкъ,—дѣлаетъ поправку и говоритъ: «Положеніе вещей измѣнилось со времени большой чумы... (1349 г.). Теперь во всѣхъ англійскихъ школахъ дѣти оставляютъ французскій языкъ и занимаются, пользуясь въ рѣчи строемъ англійскаго языка», что значительно способствуетъ ихъ успѣшному образованію; но за то, теперь «они не знаютъ ни слова по-французски, и это сильно вредитъ, если имъ приходится путешествовать въ различныхъ странахъ. Дворяне перестали также обучать своихъ дѣтей этому языку» [1]).

Англичане смѣются сами надъ своимъ французскимъ языкомъ, они стыдятся говорить такъ, какъ говоритъ настоятельница у Чосера на французскомъ изъ Стредфорда-эттъ-Боу или, какъ Скупость въ *Видѣніяхъ* Лангланда французскимъ языкомъ «норфолькскаго нарѣчія» [2]).

Еще нѣсколько позже и въ государствѣ появляются уже высокопоставленныя особы, составляющія, правда, исключеніе, съ которыми нельзя вести дѣла на французскомъ языкѣ. Такъ именно случилось съ посланниками, которыхъ Генрихъ IV англійскій, тотъ самый Генрихъ Ланкастерскій, который требовалъ корону англійской рѣчью, шлетъ въ 1404 г. во Фландрію и во Францію. Они умоляютъ «Paternitates ac Magnificentias» французскаго верховнаго совѣта отвѣчать имъ по-латыни, такъ какъ французскій языкъ для нихъ «все равно, что еврейскій»; но Magnificentias верховнаго совѣта, сообразуясь съ традиціей, оставшейся неприкосновенной до настоя-

---

слишкомъ мало извѣстенъ въ королевствѣ. Такъ что обвинители и обвиняемые въ королевскомъ и другихъ судахъ не знаютъ и не понимаютъ того, что говорится за и противъ нихъ защитниками и обвинителями...» Чтобы впредь дѣла «защищались бы, велись, разбирались и судились на англійскомъ языкѣ, а переводились и записывались на латинскомъ». 36 Ed. III, stat[1] I, chap. 15, *Statutes of the Realm*. Несмотря на эти распоряженія, процессы продолжали вписываться на французскомъ языкѣ въ *Yerbooks*, многіе изъ которыхъ вошли въ составъ коллекціи «Maître des Rôles». Авторъ «*Miroir de Justice*», писавшій около 1300 года, остановилъ еще свой выборъ на французскомъ языкѣ, «какъ на самомъ понятномъ, съ вашей помощью, и для простого народа». Хроники, изд. Люсъ, т. I, стр. 306.

[1]) Polychronicon (Roles), т. II, стр. 159. Въ изданіи находится латинскій текстъ Хигдена и англійскій переводъ Тревиза.

[2]) And J can no frenche in feith but of the ferthest ende of Norfolke. Visions, ed. Skeat, texte B, passus V, vers 239. Le ms. DD 12, 23 въ библіотекѣ Кембриджскаго университета, заключаетъ въ себѣ «трактатъ о французскихъ спряженіяхъ». Онъ не представляетъ ничего полезнаго для исторіи французскихъ спряженій, а «можетъ только показать, какъ сильно было извращеніе французскаго языка, который употреблялся въ Англіи въ четырнадцатомъ вѣкѣ». P. Meyer *Romania*, t. XV, p. 262.

щаго времени, отказываются вести переговоры на какомъ бы то ни было языкѣ, кромѣ своего [1]). Развѣ онъ не былъ самымъ любимымъ современнымъ языкомъ въ Европѣ, такъ же какъ во времена Брюнетто Латини? Съ этимъ соглашались добросовѣстные люди даже въ Англіи, отдавая при этомъ должное уваженіе латинскому языку; авторъ одного изъ многочисленныхъ трактатовъ, написанныхъ въ этой странѣ для желавшихъ поддержать свое знаніе французскаго языка, говоритъ: «Нѣжный французскій языкъ есть послѣ школьной латыни прекраснѣйшій, изящнѣйшій и благороднѣйшій изъ разговорныхъ языковъ во всемъ свѣтѣ, любимый и цѣнимый выше всѣхъ остальныхъ... По нѣжности и красотѣ онъ можетъ быть сравненъ съ рѣчью небесныхъ ангеловъ» [2]).

Не смотря на такіе почетные отзывы, въ Англіи наступаетъ конецъ для этого «цѣнимаго и любимаго» французскаго языка. Поэты, какъ напримѣръ, Гоуэръ, употребляютъ его еще въ своихъ балладахъ, также какъ и прозаическіе писатели, какъ напримѣръ, авторъ «*Лондонской Хроники*» [3]); но они составляютъ исключеніе: онъ остается языкомъ, который употребляется при дворѣ и высшими лицами; Черный принцъ пишетъ на французскомъ языкѣ стихи, которые вырѣзаны на его памятникѣ; но все это не болѣе, какъ интересные факты. Депутаты парламента, болѣе образованные, чѣмъ адвокаты, говорятъ еще на немъ, но даже между ними англійскій языкъ начинаетъ завоевывать себѣ мѣсто, и въ 1363 г. канцлеръ открываетъ засѣданіе рѣчью, произ-

---

[1]) Посланниками были «Thomas Swynford, miles, custos castri villae Calisii et Nicholaus de Ryssheton utriusque juris professor». Они признаютъ, что французскій языкъ есть языкъ договоровъ, но латинскій имѣетъ за себя авторитетъ святого Іеронима. Они пишутъ герцогинѣ Бургундской: «Et quamvis treugae generales inter Angliam et Franciam per Dominos et principes temporales videlicet duces Lancastriae et Eboraci necnon Buturiae ac Burgundiae, bonne memoriae, qui perfecte non intellexerunt latinum sicut gallicum, de consensu eorumdem expresso, in Gallico fuerunt captae et firmatae, litterae tamen missivae ultra citroque transmissae... continue citra in Latino, tanquam idiomate communi et vulgari extiterunt formatae; quae omnia habemus parata ostendere, exemplo Beati Jeronimi...» Французы, ни мало не тронутые этимъ примѣромъ, отвѣчаютъ на своемъ языкѣ, и разсерженные послы увѣдомляютъ о полученіи письма въ не совсѣмъ дипломатическихъ терминахъ: «Vestras litteras scriptas in Gallico, nobis... indoctis tanquam in idiomate hebraico... recipimus Calisii». Royal and historical Letters, ed. Hingeston, 1860 (Rolls), t. I, стр. 357 и 397. Такого же рода споръ произошелъ съ такимъ же результатомъ въ царствованіе Лудовика XIV. Справиться A French Ambassador at the court of Charles II, p. 140.

[2]) La manière de Langage, composée en 1396, à Bury Saint-Edmond p. p. P. Meyer, Revue critique, t. X, p. p. 373 et s.

[3]) Средина четырнадцатаго вѣка, изд. Онжье, Camden Society, 1844, 4°.

несенной въ Вестминстерѣ въ первый разъ на англійскомъ языкѣ. Знаніе французскаго языка стало считаться, подъ конецъ, просто щегольствомъ; его продолжали еще изучать настолько, насколько г-жа де-Севинье занималась итальянскимъ—«для поддержанія благородства». Въ высшемъ классѣ знаніе французскаго языка считалось и считается и до сихъ поръ традиціоннымъ щегольствомъ. Въ началѣ шестнадцатаго вѣка законы писались, въ силу привычки, еще по-французски, но къ Генриху VIII начали обращаться съ жалобами по этому поводу, и подданные указывали ему на то, что слѣдуетъ стереть этотъ знакъ стараго подданства Англіи французскимъ нормандцамъ. Знакъ этотъ исчезъ, но оставилъ по себѣ довольно замѣтный слѣдъ; формула ратификаціи законовъ осталась и до сихъ поръ французская: «Королева хочетъ!» точно такъ же и формула отказа: «Королева рѣшитъ!»; послѣдняя употребляется, впрочемъ, гораздо рѣже, чѣмъ во времена Плантагенетовъ.

И такъ, французскій языкъ исчезаетъ. Но онъ исчезаетъ не потому, что забывается, а въ силу постепеннаго поглощенія. Онъ исчезаетъ, но то же самое происходитъ въ то же время съ англосаксонскимъ, и образуется новый языкъ, потомокъ двухъ предъидущихъ, съ новой грамматикой, новымъ стихосложеніемъ и новымъ словаремъ; онъ походитъ меньше на англо-саксонскій языкъ временъ Альфреда, чѣмъ итальянскій языкъ Данта на латинскій.

Прежде всего значительно измѣняется словарь; до Завоеванія въ немъ насчитывалось нѣсколько, но очень не много словъ латинскаго происхожденія; это были слова, напоминающія великія сооруженія римлянъ, какъ, напримѣръ, *street*, *chester*, отъ *strata* и *castrum*, или слова, заимствованныя у церковниковъ и относящіяся, главнымъ образомъ, къ религіи, какъ *mynster*, *tempel*, *bisceop*, происходящія отъ *monasterium*, *templum*, *episcopus*, и т. д. Завоеваніе внесло большую перемѣну, но она сказалась не тотчасъ; языки, какъ мы видѣли, были въ началѣ совершенно раздѣльны: потомъ, въ тринадцатомъ и, главнымъ образомъ, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, они проникаютъ одинъ въ другой и сливаются.

Въ 1205 г. въ шестнадцати тысячахъ длинныхъ стихахъ Лайамона — *Брутъ*—насчитывалось только пятьдесятъ словъ латинскаго происхожденія; а въ 1298 г. въ первыхъ пятистахъ стихахъ Роберта Глостера ихъ оказывается уже сто, и сто семьдесятъ—въ пятистахъ стихахъ Роберта Мѣннингъ Брюна въ 1303 году [1]).

---

[1]) Можно взять, какъ письменный образецъ смѣшенія обоихъ словарей, въ *необработанномъ видѣ*, трактатъ о снахъ (при Эд. II), изданный Райтомъ и Хелливелемъ, который начинается слѣдующими характерными словами: «*Her comenez a bok of Swevenyng*» *Reliquiae antiquae*, Лондонъ. 1841—3.

Въ теченіе четырнадцатаго вѣка успѣхи подвигаются еще быстрѣе; многія семейства словъ натурализируются въ Англіи и образуется языкъ, въ словарѣ котораго находится въ настоящее время вдвое больше словъ французскаго или латинскаго, чѣмъ германскаго происхожденія. Въ концѣ этимологическаго словаря Скита [1]) находится таблица словъ, распредѣленныхъ по ихъ происхожденію; слова, заимствованныя у германскаго и скандинавскихъ языковъ, занимаютъ семь съ половиной столбцовъ; слова же, взятыя изъ французскаго, романскихъ и классическихъ языковъ, занимаютъ шестнадцать столбцовъ.

Пропорція словъ, употребляемыхъ на страницѣ обыденнаго англійскаго языка, не соотвѣтствуетъ, безъ сомнѣнія, этимъ цифрамъ; у нѣкоторыхъ авторовъ, такъ, напримѣръ, у Шекспира, у Тѣннисона, которые оказываютъ замѣтное предпочтеніе къ употребленію англо-саксонскихъ словъ, это представляется совершенно въ обратномъ порядкѣ. Нужно замѣтить, тѣмъ не менѣе, что, съ одной стороны, составъ словаря съ его большинствомъ французско-латинскихъ словъ есть фактъ неоспоримый, и съ другой стороны, что въ обыкновенной страницѣ на англійскомъ языкѣ пропорція словъ германскаго происхожденія увеличена множествомъ англо-саксонскихъ членовъ, союзовъ и мѣстоименій, то-есть, словами, играющими какъ бы роль слугъ въ отношеніи остальныхъ и которыя, въ сущности, оказываются, какъ это и слѣдуетъ, многочисленнѣе своихъ господъ. Придется значительно меньше удалиться отъ результатовъ, даваемыхъ списками Скита, если не считать настоящихъ, независимыхъ и свободныхъ словъ—гражданъ языка, не представляющихъ ни тѣни, ни отблеска, ни одного изъ двухъ языковъ.

Доля французскаго языка, содѣйствовавшаго составленію новаго словаря, соотвѣтствуетъ роли, сохранившейся на островѣ за побѣдителемъ. У его родного языка заимствованы слова, изъ которыхъ образовались языки коммерческій, юридическій, научный, языкъ искусствъ, метафизики, философскій и языкъ игръ, развлеченій, турнировъ, рыцарскій и военный. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлки не состоялись; ни французское, ни саксонское слово не хотѣли уступить другъ другу мѣсто и умереть, и оба сохранились до нашего времени живыми и несокращенными: *act* и *deed*; *captive* и *thrall*; *chief* и *head* и т. д. [2]), Это такой же слѣдъ Завоеванія, какъ и формула: «Королева хочетъ».

---

[1]) Лондонъ 1882 г.

[2]) Списокъ въ «*Philology of the English tongue*», Earl'я 5-е изданіе. Оксфордъ, 1892 г. 8-е, стр. 84. Извѣстны уже справедливыя замѣчанія Вальтеръ Скотта о параллельномъ существованіи такихъ словъ какъ, «swine, ox, sheep». означающихъ живое животное, которое пасетъ англо-саксонскій пастухъ, и

Чосеръ, во времена котораго это двойное параллельное существованіе словъ было, понятно, многочисленнѣе, чѣмъ въ наше время, употребляетъ часто разомъ оба слова, въ полной увѣренности, что будетъ такимъ образомъ понятенъ каждому: «любовь есть безуміе».

They callen love a woodnes or a folye [1]).

Въ тѣхъ же размѣрахъ измѣняется и стихосложеніе; здѣсь опять идетъ сдѣлка между двумя находящимися налицо просодіями. Туземные стихи имѣли два украшенія: извѣстное число удареній и повтореніе одинаковыхъ слоговъ; французскіе стихи четырнадцатаго вѣка имѣли также два украшенія: извѣстное число слоговъ и риому. Французы отказались считать строго свои слоги и удовольствовались тѣмъ, что соразмѣряли число удареній: а туземцы отказались отъ повторенія одинаковыхъ звуковъ и взамѣнъ этого усвоили риому. Такимъ образомъ были созданы англійскіе стихи, имѣвшіе германскій размѣръ и французскую риому, и такова была просодія Чосера, который написалъ свои Кентерберійскія сказки (Contes de Cantorbéry) въ англійскихъ стихахъ, которые имѣли риому и пять удареній, но число слоговъ колебалось между девятью и одиннадцатью.

Въ стихосложеніи, также какъ и въ словарѣ, сліяніе совершалось постепенно. Въ тринадцатомъ вѣкѣ Лайамонъ смѣшивалъ, какъ мы знаемъ, обѣ просодіи въ своемъ *Брутѣ*, употребляя то риому, то повтореніе одинаковыхъ слоговъ, а иногда и то и другое вмѣстѣ. Четырнадцатый вѣкъ былъ послѣдней эпохой, въ теченіе которой процвѣталъ стихъ съ повтореніемъ одинаковыхъ слоговъ, пережившій, однако, эпоху Возрожденія. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ придумали, главнымъ образомъ въ подражаніе Италіи и древнимъ писателямъ, уничтожить риому и создали бѣлые стихи, которые Шекспиръ и Мильтонъ употребляли въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ; но повтореніе слоговъ не допускалось уже въ нормальной англійской просодіи.

То же преобразованіе происходитъ и въ грамматикѣ. Въ старинной англо-саксонской грамматикѣ имена существительныя и прилагательныя склоняются такъ же, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ; глаголы спрягаются безъ вспомогательнаго; степени сравненія въ прилагательныхъ обозначались не посредствомъ нарѣчій, какъ во французскомъ, а перемѣной окончаній; словомъ, отношеніе словъ

pork, *beef*, *mutton*, названія, даваемыя животному убитому, разрѣзанному и поданному на столъ нормандца. На счетъ исчезновенія саксонскихъ собственныхъ именъ и замѣны ихъ именами нормано-французскими, «Вильямъ, Анри, Роже, Вальтеръ, Ральфъ, Ричардъ, Джильбертъ, Робертъ», справиться Grand Allen. *Anglo-Saxon Britain* гл. XIX, Англо-саксонская номенклатура.

[1]) Troilus, III, str. 191.

между собою и роль, которую они играли въ фразѣ, не обозначались другими спеціальными словами: предлогами, нарѣчіями или вспомогательными глаголами и всѣми этими полезными слугами, а перемѣнами окончаній, которыя носили названія *флекцій*. Необходимость войти въ сдѣлку съ французскимъ языкомъ, утратившимъ свои первоначальныя склоненія, доставила новому языку замѣчательно простую и понятную грамматику. Употребленіе вспомогательныхъ глаголовъ помогло лучше оттѣнять обозначеніе дѣйствій. Родъ существительныхъ соединялъ въ себѣ всѣ странности и трудности, какъ французскаго, такъ и нѣмецкаго языка. *Mona*, луна, была какъ по-нѣмецки мужского рода; *sunne*, солнце—женскаго: *wif*, женщина, была не женскаго, а средняго рода, такъ же какъ и *maeden*—молодая дѣвушка. Въ происшедшей сдѣлкѣ англо-саксонскій и французскій языки отказались оба отъ произвола управлявшаго ихъ родами; имена всѣхъ существъ мужского пола были мужского рода, имена существъ женскаго пола были женскаго рода; всѣ остальные принадлежали къ среднему; слова *wife* и *maeden* вернули свой полъ, тогда какъ *nation*, *sun* и *moon* принадлежали къ среднему роду. Прилагательныя, согласованіе которыхъ было очень сложно и которыя употреблялись то въ твердомъ, то въ мягкомъ склоненіи, смотря по правиламъ, которыя были такъ же трудны, какъ нѣмецкія, перестаютъ принимать знакъ отличія родовъ, отчего ясность фразы ни мало не утрачивается.

Всѣ эти видоизмѣненія какъ словаря, такъ и просодіи совершались постепенно; въ тринадцатомъ вѣкѣ царитъ полнѣйшій безпорядокъ; въ *Брутѣ* и въ *Ancren Riwle* авторы видимо не имѣютъ опредѣленнаго понятія относительно флекцій и различія родовъ. Только въ царствованіе Эдуарда III и Ричарда II окончательно устанавливаются главныя правила англійской грамматики. Но въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ сохраняется, также какъ и въ словарѣ, употребленіе параллельно французскихъ и англосаксонскихъ правилъ: такимъ-то образомъ, родительный падежъ можетъ быть выраженъ или такъ же, какъ по-французски, съ помощью предлога: «The works of Shakespeare», или съ помощью прежняго родительнаго падежа: «Shakespeares works».

Такимъ образомъ, благодаря сліянію двухъ языковъ, образовался новый языкъ. Въ наше время писатели пытались противодѣйствовать, подъ вліяніемъ нѣсколько напускного патріотическаго чувства, послѣдствіямъ Завоеванія и идти противъ того, что выработано восемью вѣками. Они старались всѣми силами удалять, по возможности, въ своихъ произведеніяхъ слова франко-латинскаго происхожденія и употреблять слова только англосаксонскаго происхожденія. Какое легкомысленное предпріятіе!

нельзя остановить хода судна, опершись плечомъ въ его стѣнку,—и вмѣстѣ съ тѣмъ странная историческая ошибка: англійская нація происходитъ отъ двухъ народовъ; у нея были и отецъ и мать, союзъ которыхъ былъ хотя и бурнымъ, но плодороднымъ, и тотъ изъ предковъ, котораго нѣкоторые отрицаютъ нынче подъ предлогомъ дѣтской любви, занимался, быть можетъ, съ большей любовью, образованіемъ и развитіемъ ихъ общаго потомства.

II.

Раса и языкъ подверглись преобразованію, и нація, въ смыслѣ политической организаціи, также преобразуется. До четырнадцатаго вѣка центромъ мыслей, стремленій и честолюбія были, смотря по личному призванію, то Парижъ, то Римъ, то, наконецъ, подвижной и постоянно перемѣщающійся съ мѣста на мѣсто королевскій дворъ; свѣтъ, сила и успѣхи въ свѣтѣ исходили изъ этихъ различныхъ центровъ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ, съ націей происходитъ то же самое, что произошло съ расой и языкомъ; она сплачивается и сгущается, начинаетъ яснѣе сознавать свои предѣлы; она опредѣляетъ и отстаиваетъ ихъ; вмѣшательство Рима въ дѣла ограничено; апелляціонныя жалобы, приносившіяся папскому судилищу, запрещены [1]), и хотя къ нимъ и продолжаютъ еще прибѣгать, но народная воля выражала много разъ желаніе имѣть судьей короля, а не папу; это первый эскизъ духовнаго верховнаго главенства англійскихъ государей. Оксфордъ между тѣмъ выросъ, ѣздить учиться въ Парижъ нѣтъ уже никакой необходимости. Французскія войны сдѣлались войнами королевскими, а не національными, и когда Эдуардъ III принялъ титулъ короля французскаго, подданные обязываютъ его обозначить, что они подчинены ему только какъ англійскому королю, а вовсе не какъ королю Франціи [2]). Нація становится уже не англо-фран-

[1]) Справиться въ спискѣ статутовъ *Provisors* и *Praemunire* и ихъ утвержденіяхъ (право жалованія мѣстами и апелляціонныя жалобы римскому суду), 25 Ed. III, ст. 6; 27 Ed. III, ст. I; 38 Ed. III, ст. 2; 3 Рич. II, глава 3; 12 Рич. II, глава XV; 13 Рич. II, ст. 2, глава II, 16 Рич. II, глава 5; всѣ касаются одного и того же предмета, ограниченія вліянія Рима надъ Англіей сообразно съ желаніемъ коммунъ, которыя протестуютъ противъ апелляцій къ римскому суду и просятъ вслѣдствіе этого «передѣлать и уничтожить законы королевства» (25 Ed. III, 1350—1), и противъ «римскаго двора, который долженъ быть корнемъ и источникомъ святости», и который, по своей алчности, «привлекаетъ къ себѣ раздачу епископствъ, аббатствъ и другихъ достоинствъ святой англійской церкви, сумма которыхъ превосходитъ въ пять разъ доходы, которые приходятся со всего королевства, въ теченіе года на долю короля». Петиція коммунъ милостивому (au Bon) парламенту, 1376 года, Rotuli Parliamentorum, томъ II, стр., 337.

[2]) 1340 года, 14 Ed. III, *Rotuli Parliamentorum*, т. II, стр. 104.

цузской, нормандской, анжуйской и гасконской, а англійской; туманное пятно сгущается въ звѣзду.

Первымъ послѣдствіемъ завоеванія было присоединеніе Англіи къ южной цивилизаціи; опытъ оказался удачнымъ и далъ рѣшительные и окончательные результаты: продолжать его не было никакой надобности; теперь связи могутъ ослабѣвать, если не совсѣмъ порваться. Въ томъ эволюціонномъ движеніи, которое безпрерывно обнаруживаетъ человѣчество, этотъ первый опытъ продолжался въ теченіе трехсотъ лѣтъ, и вслѣдъ за нимъ начинается другой, въ совершенно обратномъ направленіи. Общему вниманію представляется постепенно новый и неизвѣстный до сихъ поръ центръ, который начнетъ скоро привлекать взгляды англичанъ сильнѣе, чѣмъ Римъ, Парижъ и даже самый королевскій дворъ; центромъ этимъ является Вестминстеръ. Смѣшанное, полу-германское, полу-французское учрежденіе, которому суждено было понести у насъ неудачу, развивается тамъ, какъ нигдѣ. Парламентъ, находившійся въ тринадцатомъ вѣкѣ въ зачаточномъ состояніи, оказывается въ концѣ четырнадцатаго вполнѣ окрѣпшимъ, на началахъ живущихъ и понынѣ, съ могуществомъ, преимуществами и государственнымъ значеніемъ, выше котораго ему рѣдко приходилось достигать впослѣдствіи.

Нормандцы, анжуйцы и гасконцы не напрасно выказали передъ туземцами свою ловкость, свой практичный характеръ и произвели смѣшеніе обѣихъ расъ. Ихъ качества и достоинства перешли къ побѣжденнымъ, и не поражаешься, видя, какъ парламентъ сознаетъ съ перваго дня свою силу и какимъ духомъ онъ одушевленъ: это было настоящее собраніе нормандцевъ. Буйные и непостоянные англо-саксонцы, поддающіеся такъ же легко энтузіазму, какъ и отчаянію, въ парламентѣ разсчитываютъ, обдумываютъ, соображаютъ, не спѣшатъ, сохраняютъ въ критическіе моменты полное хладнокровіе, и прибѣгаютъ къ дипломатическимъ уловкамъ, *торгуются*. Всѣ доклады парламента и двора представляютъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ рядъ торговыхъ сдѣлокъ, парламентъ оплачиваетъ реформы, совершаемыя королемъ; долгъ платежемъ красенъ, за исполненіемъ договора устанавливается тщательное наблюденіе. Парламентъ оказывается хитрѣе двора; онъ прибѣгаетъ къ продѣлкамъ, дѣйствуетъ искуснѣе и становится господиномъ, истымъ нормандцемъ.

Плантагенеты смотрятъ съ удивленіемъ на ростъ этого могущества, которое они не въ силахъ уже подчинить себѣ, сынъ, рожденный ими, силенъ и могучъ; онъ кусаетъ свою кормилицу.

Послѣ попытокъ Симона де-Монфора, Эдуардъ I созвалъ въ 1295 г. первый настоящій парламентъ; онъ провозглашаетъ основной принципъ всякаго рода свободы, слѣдуя латинскому пра-

вилу, по которому: «то, что́ касается интересовъ всѣхъ, должно быть одобрено всѣми» [1]). Онъ усваиваетъ привычку обращаться къ своему народу; ставитъ его посредникомъ между собой и своими буйными баронами [2]) и ведетъ себя во многихъ случаяхъ такимъ образомъ, словно чувствуя, что *надъ ними* есть нація. Представляется, напримѣръ, такое странное зрѣлище: потомокъ норманд-скихъ самодержцевъ объясняетъ скромно свои планы войны съ Франціей и Фландріей и извиняется за *помощь*, которая нужна ему со стороны его подданныхъ; онъ доходитъ до того, что проситъ ихъ оказать ему невещественное благодѣяніе, и не отказать помолиться за него: «Онъ, король, доводитъ до свѣдѣнія своихъ подданныхъ и излагаетъ передъ ними положеніе, въ которомъ находится онъ самъ и государство... Онъ не можетъ защищать ни себя, ни своей страны безъ помощи своихъ добрыхъ людей. И его очень угнетаетъ мысль, что онъ отяготилъ ихъ по этому случаю столькими налогами... Онъ проситъ ихъ принять въ оправданіе, что то, что́ онъ сдѣлалъ, сдѣлано имъ не для по-купки земель и мызъ, замковъ или городовъ, но для защиты са-маго себя, ихъ и всего государства... И такъ какъ онъ твердо вѣритъ, что усердныя молитвы его добрыхъ людей, много помо-гутъ ему въ томъ, чтобы довести дѣло до благополучнаго окон-чанія, то онъ и проситъ у нихъ горячей молитвы за него и за тѣхъ, которые будутъ ему сопутствовать» [3]).

Парламентъ сначала глубоко удивленъ: такая честь тревожитъ его; но потомъ онъ понимаетъ представляющійся ему случай и угадываетъ, что въ предлагаемомъ ему договорѣ выгоды мо-гутъ оказаться на его сторонѣ. Съ этихъ поръ успѣхи идутъ быстро, и видно, какъ, изъ года въ годъ, образуется множество его окончательныхъ привиллегій. Коммуны имѣютъ своего speaker'a, «Господинъ Томасъ Гёнгердорфъ, рыцарь, имѣетъ право голоса, въ качествѣ представителя коммунъ Англіи» [4]): депу-таты избираются «настоящими выборами» и парламентъ проте-стуетъ противъ оффиціальныхъ кандидатуръ и избранія королев-скихъ чиновниковъ. Въ случаѣ возникновенія затруднительныхъ

---

[1]) «Sicut lex justissima, provida circumspectione sacrorum principum stabilita, hortatur et statuit ut quod omnes tangit ab omnibus approbetur...» Rymer, Foedera, 1705, t. II, p. 689. Правило это, извлеченное изъ узаконеній Юстиніана, не примѣнялось во Франціи, хотя оно было извѣстно тамъ и на него дѣлались ссылки.

[2]) Потому что, говоритъ онъ, нѣкоторые люди могутъ передать и внушить народу многія неточныя слова. Подъ словами «нѣкоторые люди» подразумѣваются Богунъ и Бигодъ. Напечатано 1297 года, въ Rymer, Foedera, t. II. p. 783.

[3]) Rymer, Foedera, 1705. т. II, стр. 783, 1297 г.

[4]) Парламентъ 1376—7 года, 51, изд. III.

вопросовъ, депутаты просятъ разрѣшенія вернуться въ свои провинціи и посовѣтоваться, раньше чѣмъ подавать голосъ, съ своими избирателями [1]). Со всѣми аристократическими идеями, которыми имъ случается еще воодушевляться, многіе изъ этихъ отважныхъ людей, требующихъ реформъ и сопротивляющихся волѣ короля, были по своему положенію весьма незначительными личностями, видно, что въ Вестминстерѣ засѣдаетъ множество такихъ лицъ, какъ: «Вальтерусъ-бакалейщикъ», «Паганусъ-портной», «Родульфусъ-красильщикъ» и «Рикардусъ-золотыхъ дѣлъ мастеръ» [2]).

Могущество этого смѣшаннаго собранія очень велико; помимо него не можетъ быть установленъ никакой новый налогъ; каждый простой смертный, каждая важная или властная особа, имѣющая надобность подать прошеніе или жалобу, обращается съ ними въ Вестминстерское собраніе. Король совѣтуется съ нимъ насчетъ объявленія войны и заключенія мира: «И такъ,—спрашиваютъ у коммунъ въ 1354 году,—вы согласны на заключеніе вѣчнаго мирнаго договора, если онъ окажется достижимымъ?» И вышеназванныя коммуны отвѣчаютъ единогласно: «Да! да!». Для парламента нѣтъ ничего ни слишкомъ великаго, ни слишкомъ малаго: къ нему обращаются короли, духовенство, а также и нищіе; гринвичская «бѣднота» жалуется на то, что ей не подаютъ милостыни, какъ въ былые годы, принося этимъ, говорятъ они, значительный ущербъ душамъ мѣстныхъ благодѣтелей, «находящихся въ чистилищѣ». Монастыри обращаются съ требованіемъ привиллегій, изглаженныхъ временемъ; слуги требуютъ свое жалованье; брадобрѣй Эдуарда II проситъ о продолженіи милостей, дарованныхъ ему принцемъ, которому онъ пускалъ кровь и котораго брилъ въ теченіе двадцати шести лѣтъ [3]).

Этимъ же собраніемъ улаживаются и другія распри; оно обвиняетъ министровъ короля, Латимера и Невилля, и оно при-

---

[1]) Примѣры: чтобы депутаты въ графствахъ «избирались бы коммуной изъ числа лучшихъ людей въ упомянутыхъ графствахъ, указанныхъ и удостовѣренныхъ шерифомъ». Милостивому парламенту въ 1376 году. Просьба о томъ, чтобы шерифы не могли быть представителями графства, находясь на службѣ, 1372, 46 Ed. III, Rotuli Parliamentorum, томъ II, стр. 310; чтобы ни одинъ представитель «не былъ шерифомъ или какимъ-нибудь чиновникомъ», 13 Ed. III 1339 года. Прошеніе чиновъ парламента вернуться домой, чтобы посовѣтоваться съ своими довѣрителями: «они не посмѣютъ дать свое согласіе, пока не посовѣтуются и не узнаютъ мнѣнія въ коммунахъ ихъ мѣстности» 1339 годъ, Rotuli Parliamentorum, томъ II, стр. 104.

[2]) Return of the names of every member returned to serve in each Parliament, Londres, 1878, pol. (Blue book). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ эти обозначенія указываютъ на профессію депутата въ данное время: напримѣръ, «Johannes kent, mercer» стр. 217.

[3]) 4 Ed. III Rotuli Parliamentorum, т. II, стр. 33.

суждаетъ къ наказанію любовницу его, Алису Перерсъ [1]), вводитъ реформы въ его домѣ, между его приближенными и въ его расходахъ; не трудно уже предвидѣть тотъ моментъ, когда, въ силу работы исторіи, король будетъ царствовать, но перестанетъ управлять, что почти и осуществилось уже въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Парламентъ свергаетъ съ престола Ричарда II, который считалъ себя королемъ, поставленнымъ отъ Бога, и утверждалъ задолго до Стюартовъ, что владѣетъ короной, какъ «даромъ Божьимъ» [2]). Въ спискѣ обвиненій противъ него, который былъ составленъ собраніемъ для объясненія причинъ этого сверженія, приводятся, между прочимъ, слова, приписыемыя королю: «что законы исходятъ съ его языка или изъ его сердца и что только одинъ онъ имѣетъ право издавать и измѣнять законы» [3]). Такія рѣчи считались преступными въ Англіи уже въ 1399 году; въ 1527 же году, первый президентъ парижскаго парламента, Клодъ Гальяръ говоритъ въ своемъ предостереженіи французскому королю Франциску I: «Мы не хотимъ, государь, допускать сомнѣнія или оспаривать вашу власть; это было бы своего рода святотатствомъ, и знаемъ, что вы стоите выше законовъ и что ни законы, ни постановленія не могутъ касаться васъ...[4]). Понятія о политическомъ «святотатствѣ» сильно разнилось въ этихъ двухъ странахъ.

Начиная съ конца четырнадцатаго вѣка, англичанинъ могъ уже сказать, какъ и въ настоящее время: то, что составляетъ мою собственность, не есть собственность государства, но то, что

---

[1]) Bon Parlament de 1376.

[2]) Коммуны позволили себѣ пожаловаться на чрезмѣрныя траты короля и на слишкомъ большое количество прелатовъ и дамъ, которыхъ онъ содержалъ: «на множество епископовъ, владѣющихъ помѣстьями и выдвигаемыхъ королемъ и его приближенными; а также и на множество дамъ съ ихъ свитами, живущими въ отелѣ короля и на его счетъ». Ричардъ отвѣчаетъ въ разгнѣванномъ тонѣ, что онъ «желаетъ пользоваться королевскими привилегіями и свободой, которыя даетъ ему корона» въ качествѣ наслѣдника Англіи, «дарованной ему Богомъ» 1397, *Rotuli Parliamentorum*, т. III, стр. 339. Коммуны уступаютъ, но не безъ мысли отплатить ему.

[3]) «Dixit expresse, velut austere et protervo, quod leges sue erant in ore suo et aliquotiens in pectore suo. Et quod ipse solus posset mutare et condere leges regni sui». Rotuli Parliamentorum, т. III, стр. 419.

[4]) Chéruel, *Dictionaire des institutions de la France*, на словѣ *парламентъ*. Брэктонъ заявлялъ въ Англіи еще въ тринадцатомъ вѣкѣ, что «законы связываютъ законодателя» и что король обязанъ ихъ соблюдать: во всякомъ случаѣ, его тезисъ менѣе отваженъ, чѣмъ тотъ, которымъ коммуны руководствуются въ четырнадцатомъ вѣкѣ: «Dicitur enim rex a bene regendo et non a regnando, quia rex est dum bene regit, tyrannus dum populum sibi creditum violenter opprimit dominatione. Temperet igitur potentiam suam per legem quae frenum est potentiae, quod secundum leges vivat, quod hoc sanxit lex humana quod leges suum ligent latorem». *De Legibus*, 3-я часть, глава IX.

принадлежитъ государству, принадлежитъ и мнѣ. Въ этой формулѣ резюмируется вся англійская конституція, отъ вотированія налоговъ и до *habeas corpus*. Франція же, практичная, разсудительная и во многихъ отношеніяхъ такая логичная нація, но любящая слишкомъ сильно пѣсни и забавы, не съумѣла воспользоваться представлявшимися ей выгодами; депутаты не являются на засѣданія; заключенные договоры соблюдаются дурно. У сосѣдей нашихъ, назначаютъ субсидіи взамѣнъ реформъ; народъ платитъ, а король вводитъ реформы; а у насъ, въ средніе вѣка, народъ старается уклониться отъ платежа, а король отъ введенія преобразованій. Такимъ образомъ, требованіе субсидій въ 1356—1357 году было во Франціи причиной кровавыхъ смутъ; народъ, плохо сознающій свои выгоды, безжалостно нападаетъ на своихъ защитниковъ; въ Руанѣ и въ Аррасѣ убиваютъ государственныхъ агентовъ; король Іоаннъ Милостивый издаетъ запрещеніе исполнять распоряженія правительства и пріобрѣтаетъ сейчасъ же популярность самой варварской мѣрой всего своего царствованія.

Значительная разница между политической организаціей обѣихъ странъ оказываетъ большое вліяніе и на направленіе мыслей обоихъ народовъ; онѣ возбуждаютъ изъ столѣтія въ столѣтіе удивленіе, а иногда и восторженное изумленіе французовъ. «Англійскій король долженъ повиноваться своему народу,—говоритъ Фруассаръ,—и дѣлать то, что тотъ хочетъ» [1]). «А по моему мнѣнію,—говоритъ Камминь,—изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ королевскихъ земель, страна, въ которой лучше всего организованы общественныя дѣла, гдѣ царитъ меньше всего произвола надъ народомъ и гдѣ нѣтъ раззоренныхъ и разрушенныхъ борьбой зданій,—это Англія» [2]). «Англичане властны надъ своимъ королемъ», пишетъ посланникъ Онорэ Куртенъ въ 1665 году, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Фруассаръ: «Ихъ король можетъ провести то или другое мѣропріятіе лишь тогда, когда его воля сходится съ народнымъ желаніемъ [3]).

III.

И такъ, побѣдители и побѣжденные подъ Гастингсомъ слились въ одинъ народъ и надѣлены парламентомъ, обезпечивающимъ ихъ свободу. «Они,—говоритъ позже Монтескьё,—съумѣли воспользоваться лучше всѣхъ другихъ народовъ этими тремя великими ве-

---

[1]) *Хроники*, изд. С. Люса, I, стр. 337.

[2]) *Мемуары*, изд. Дюпона. *Soc. de l'histoire de France*, 1840 г. и слѣдующ. год., т. II, стр. 142, *sub anno* 1477.

[3]) Неизданныя письма къ г. де Ліонн, изъ Лондона, 6 іюля 1665 г. Архивы иностранныхъ дѣлъ, Англія, т. LXXXVI.

щами: религіей, торговлей и свободой [1]). Они пользовались [2]) этими тремя великими вещами за четыреста лѣтъ до Монтескьё. Въ царствованіе послѣднихъ Плантагенетовъ Англія была тѣмъ, чѣмъ она осталась съ тѣхъ поръ и прежде всего «торговымъ островомъ».

Она разрабатываетъ свои рудники и даже «копи морского угля», какъ его называли въ то время «carboun de meer» [3]). Имѣетъ значительный коммерческій флотъ, который развозитъ по Балтійскому морю, въ Исландію, во Фландрію и въ Испанію шерсть, кожи, сукна, хлѣбъ, масло и сыры, «buyre et furmage», олово, свинецъ и желѣзо. Венеціанскія галеры доставляютъ ей ежегодно хлопчатую бумагу, дамасскій шелкъ, сахаръ, пряности, благовонія, слоновую кость и стекло. Большіе торговые дома и торговыя общества составляютъ своего рода силу въ государствѣ; Эдуардъ III даетъ лондонскимъ гильдіямъ право имѣть въ парламентѣ своихъ депутатовъ, которое они и сохранили до реформы 1832 г. Богатые торговцы даютъ ссуды королю, призываются къ нему на совѣтъ и ведутъ себя, какъ великіе граждане. Антуанъ Блэкъ даетъ въ долгъ Эдуарду III 11.720 фунтовъ; семейство бристольскихъ Бленкетъ наконлятъ огромное богатство; Жанъ Фильпотъ, умирая, въ 1405 г. завѣщаетъ одну треть своего состоянія женѣ, одну своимъ дѣтямъ и одну бѣднымъ; Джонъ Фильпотъ, лондонскій бакалейщикъ, садится на свои суда и защищаетъ королевство; Ричардъ Уатингтонъ, все имущество котораго сперва заключалось, какъ гласитъ легенда, въ одной кошкѣ, пріобрѣтаетъ извѣстность въ исторіи, благодаря своему богатству и щедрости. Въ 1398, 1406 и 1419 годахъ онъ занимаетъ должность лондонскаго мэра. Эти купцы получаютъ дворянство и становятся родоначальниками, отъ которыхъ происходятъ герцоги и графы; Пооль, торговцы шерстью изъ Гуля, закладываютъ свои имущества для короля. Вильямъ Пооль спасаетъ Эдуарда III, который долженъ былъ пріостановить военныя дѣйствія во Фландріи по недостатку денежныхъ средствъ, и получаетъ званіе знаменнаго рыцаря; сынъ его Михаилъ сдѣланъ графомъ Суффолькъ, одинъ изъ его внуковъ былъ убитъ подъ Азенкуромъ, а другой участвуетъ въ осадѣ Орлеана, освобожденнаго Іоанною д'Аркъ, становится герцогомъ Суффольскимъ, потомъ приговаривается къ смерти за государственную

[1]) Esprit des Lois, t. XX chap. VII. Esprit de l'Angleterre sur le Commerce.

[2]) А. Сорель, Европа и французская революція т. I, стр. 337.

[3]) Парламентъ занимается много разъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ этими копями. «Такъ какъ въ различныхъ частяхъ англійскаго королевства находятся различныя угольныя копи, большая часть которыхъ принадлежитъ означеннымъ коммунамъ...» 51. Ed. III, *Rotuli Parliamentorum.*

измѣну и умираетъ въ 1450 г. обезглавленный; его родъ осыпанъ всяческими почестями.

Начиная съ царствованія Эдуардовъ, коммуны обнаруживаютъ заботливость о морскомъ могуществѣ и славѣ страны; мысленно, онѣ уже считаютъ океанъ своимъ владѣніемъ. Замѣчается-ли, по ихъ мнѣнію, уменьшеніе морскихъ силъ Англіи, онѣ жалуются королю въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, которыя раздавались много разъ съ тѣхъ поръ подъ сводами Вестминстера. «Двадцать лѣтъ тому назадъ и всегда раньше флотъ королевства былъ во всѣхъ портахъ и городахъ, морскихъ и рѣчныхъ, отличался такимъ достоинствомъ и обиліемъ, что всѣ страны величали нашего повелителя «королемъ моря»! [1]). Въ это время, въ 1372 г., страна могла назваться по справедливости Англіей англичанъ.

Съ этого времени англичане встрѣчаются въ одиночку или небольшими группами на всѣхъ моряхъ и по всѣмъ дорогамъ [2]). Склонности ихъ измѣнились и, въ противоположность англо-саксонцамъ, ихъ островъ кажется имъ тѣснымъ. «Онъ не знаетъ ничего внѣ своихъ предѣловъ», думаютъ они заодно съ Дешаномъ; имъ любопытно узнать, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ и, въ качествѣ людей практичныхъ, воспользоваться этимъ. Вездѣ, гдѣ представляется случай какого бы то ни было свойства, они цѣпляются за него; случается имъ встрѣтить сарациновъ, они побиваютъ ихъ: все-таки лишняя заслуга, чтобы попасть въ рай; проникая въ Италію, они не замедливаютъ понять выгоды жизни кондотьеровъ, усвоиваютъ ее, даже совершенствуютъ, а послѣ смерти ихъ торжественно погребаютъ въ соборѣ во Флоренціи, и Паоло Учелло рисуетъ на стѣнѣ ихъ портреты [3]). Вездѣ и во всемъ они оказываются настоящими нормандцами; на засѣданіяхъ въ залахъ Вестминстера, въ своихъ конторахъ въ Сити, на большихъ дорогахъ Италіи и на океанѣ они оказываются вездѣ такими же практичными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣлыми, какъ ихъ властелины, передавшіе имъ свой духъ: «они хорошіе ходоки и хорошіе

---

[1]) 46 Ed. III. Rotuli Parliamentorum, t. II, p. 311. Король даетъ неопредѣленный отвѣтъ.

[2]) «They travaile in every londe», говоритъ о нихъ Гоуэръ въ своей Confessio Amantis, изд. Паули, т. III, стр. 109.

[3]) Jaonnes Acutus, eques Britannicus (John Hawkwood)... rei militaris peritissimus... Pauli Vecelli opus», надпись на картинѣ работы Учелло въ пятнадцатомъ вѣкѣ, въ память Хоквуда, умершаго на службѣ Флоренціи въ 1394 году. Онъ былъ сыномъ одного кожевенника въ графствѣ Эссексъ; корпорація портныхъ утверждала, что онъ занимался ихъ ремесломъ; ему было посвящено нѣсколько народныхъ романовъ: *The honour of the Toylors, or the famous and renowned history of sir John Hawkwood, Knight, containing his..... adventures..... relating to love and arms,* Лондонъ, 1687, 4°. Картина Учелло была переведена на полотно и поставлена на входную стѣну собора.

наѣздники», говоритъ о нихъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ Ранульфъ Хигденъ; «они любопытны и любятъ разсказывать замѣченныя ими странныя вещи». Сколько книгъ, наполненныхъ описаніемъ путешествій, обязаны своимъ появленіемъ этому свойству! Они объѣзжаютъ всѣ государства и пользуются въ дальнихъ странахъ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ дома... Они разливаются по всему свѣту, и всякая земля, на которой они поселяются, становится ихъ отечествомъ [1]). «Они остаются сами собой, не стараются быть другими и мало-по-малу перестаютъ *офранцуживаться* (francigenare). Благодаря такой-то смѣси упорства и смѣлости, создаются далекія учрежденія, которыя удерживаются за собой; благодаря именно этимъ качествамъ, создалась позже колоніальная англійская имперія и, благодаря имъ же, Плантагенеты могли претендовать, съ четырнадцатаго вѣка, на титулъ «морского короля».

Вмѣстѣ съ торговлей появляется роскошь, комфортъ и любовь къ искусству. И въ Лондонѣ происходитъ то же, что и въ Венеціи, Флоренціи и Брюггѣ: эти дворяне и купцы любятъ «красивыя вещи». Начинается эпоха благоденствія для рисовальщиковъ, миніатюристовъ, живописцевъ и скульпторовъ [2]); богачи заказываютъ рѣзчикамъ Мадоннъ изъ слоновой кости съ нѣжной, полу-свѣтской улыбкой, которая особенно прелестна своей двойственностью, порождающею сомнѣніе въ томъ, принадлежитъ-ли она небу или землѣ; записныя книжки съ листами слоновой кости или золота и прозрачной эмали, золотые стаканчики съ фигурами, серебряные кубки съ «эмалированнымъ изображеніемъ дѣтскихъ игръ», солонки, имѣющія форму льва или собаки, «золотыя изображенія св. Іоанна Крестителя въ пустынѣ» [3]), и всю ту прелестную домашнюю утварь, которой наполнены наши музеи. Эду-

---

[1]) Polychronicon, ed. Babington (Rolls), t. II, pp. 166, 168.

[2]) Самыми блестящими образцами живописи того времени, въ Англіи, была живопись домовой церкви св. Стефана въ Вестминстерскомъ дворцѣ, которая была окончена около 1348 года и потомъ расписана. Главнымъ архитекторомъ ея былъ мастеръ-каменьщикъ Томасъ Кентерберійскій, главными же живописцами (судя по высокой заработной платѣ) Гюгъ-де-Сентъ-Альбанъ и Джонъ Коттонъ (*Foedera*. 1705, t. V, p. 670, VI, 417). Церковь эта, вмѣстѣ съ остатками парламента, сгорѣла въ текущемъ вѣкѣ; отъ нея уцѣлѣлъ только склепъ; нѣкоторыя части живописи были спасены и хранятся въ Британскомъ музеѣ. На нихъ изображена исторія Іова. Достойны замѣчанія привѣтливыя и улыбающіяся фигуры, особенно женскія, напоминающія счастливыхъ людей.

[3]) См. списокъ драгоцѣнныхъ вещей, упоминаемыхъ въ англійскихъ завѣщаніяхъ четырнадцатаго вѣка; At collection of.... wills, Londres, Nichols, 1780, 4° pp. 37, 50, 112, 113, и въ The ancient Kalendars and Inventories of the Treasury, éd. Palgrave. Londres 1836, 3 vol. 8°. Шахматная доска Эдуарда III, t. III, p. 173, Cf pour la France. *Опись движимости Карла V*, изд. Лаборта (неизданные документы) 1879 г., 4°.

ардъ II посылаетъ папѣ, въ числѣ прочихъ подарковъ, золотой кувшинъ съ тазомъ, украшенный прозрачной эмалью и доставленный ему лондонскимъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Роже Фроцикомъ за сто сорокъ семь фунтовъ. Гумфри Богунъ, умершій въ 1361 году, молится по золотымъ четкамъ; Эдуардъ III играетъ въ шахматы на яшмово-хрустальной доскѣ, украшенной серебромъ. Миніатюристы рисуютъ на поляхъ молитвенниковъ рай, или изображаютъ красками изящныя легенды, или, наконецъ, фантастическія исторіи, битвы рыцарей съ исполинскими бабочками посреди цвѣтовъ [1]). Не смотря на войну съ иноземцами, внутреннія возмущенія, на періодически возвращающуюся чуму (въ 1349, 1362, 1369 и 1375 г.), на большой бунтъ крестьянъ и на послѣдовавшія затѣмъ смуты и побоища, искусство въ четырнадцатомъ вѣкѣ процвѣтаетъ, отличаясь веселымъ характеромъ.

Это совпаденіе не такъ удивительно, какъ кажется; жизнь была въ то время такъ мало прочна и ей грозило такъ много опасностей, что всѣ свыкались съ самаго дѣтства съ мыслью потерять ее скоро и внезапно; войны, появленія чумы и побоища не захватывали людей врасплохъ; они были какъ бы въ порядкѣ вещей, ихъ ожидали въ старое время; возможность вѣроятныхъ несчастій устрашала меньше, чѣмъ въ болѣе спокойныя эпохи; въ тѣ времена люди были ежеминутно готовы драться, убивать и быть убитыми. Игры походили на битвы, а битвы на игры; любимой забавой были турниры, гдѣ рисковали жизнью ни за что, изъ удовольствія. Эдуардъ уѣзжаетъ на войну съ Франціей, и его бароны берутъ съ собой такъ же, какъ и онъ, своихъ сокольниковъ и стаи собакъ, точно отправляясь на охоту [2]). Никогда не выказывали больше того, что Рабле называетъ «презрѣніемъ къ неожиданностямъ». Времена измѣнились и въ ожиданіи, пока люди вернутся къ аналогичному состоянію — что вовсе не невозможно; мы являемся нынѣ на свѣтъ съ идеями мира, порядка и продолжительной жизни; мы негодуемъ, если ей

---

[1]) Эдуардъ III покупаетъ для Изабеллы Ланкастерской, монахини въ Омресбёри, рукописный романъ и хранитъ его постоянно въ своей комнатѣ, заплативъ за него 16 фунтовъ 13 шиллинговъ и 4 пенса (въ это время волъ стоилъ двѣнадцать шиллинговъ). Для молодого Ричарда покупаютъ за 28 фунтовъ два тома, въ одномъ изъ которыхъ заключался Романъ Розы, а въ другомъ Исторія Персеваля и Гоуэна (9. Ed. III, et 3. Ric. II. Issues of the Exchequer, изд. Девана. 1837, стр. 144 и 213).

[2]) «Многіе вельможи и богатые люди имѣли при себѣ такъ же, какъ и ихъ повелители, короли, своихъ собакъ и птицъ». Экспедиція 1360 г. изд. Люса, кн. I, глав. 83. Турниры такъ многочисленны и влекутъ за собой такіе безпорядки, что короли хотя безуспѣшно, но постоянно запрещаютъ ихъ. Такъ насчитывается больше сорока запрещеній въ царствованіе одного Эдуарда II (см. Foedera).

угрожаютъ, и приходимъ въ отчаяніе, видя, что она близится къ концу; при болѣе продолжительномъ счастьѣ мы рѣже улыбаемся. Фруассаръ рисуетъ веселыми красками, а предметомъ своей живописи беретъ Францію и столѣтнюю войну. «Веселая Англія» въ «Cursor Mundi»—это Англія сильной чумы и крестьянскаго бунта, въ которой изъ четырехъ королей двухъ убивали, и вмѣстѣ съ тѣмъ это Англія улыбающихся мадоннъ.

Въ архитектурѣ англичане способствуютъ развитію особаго рода ими изобрѣтенной готики, такъ называемой *перпендикулярной*, стиль которой богатъ и отличается хорошимъ расположеніемъ; онъ практиченъ, пріятенъ для глазъ и болѣе человѣченъ. Развитію его способствовалъ болѣе, чѣмъ кто-либо, канцлеръ Эдуарда III и Ричарда II, Вильямъ Уайкхемъ, епископъ винчестерскій, возстановитель Виндзора, основатель новой коллегіи въ Оксфордѣ, самый крупный строитель вѣка [1]). Стѣны и своды часовень покрываются украшеніями; широкія окна пропускаютъ сквозь цвѣтныя стекла разноцвѣтный свѣтъ, изъ карнизовъ выступаютъ ангелы съ золотистыми волосами; архитектура также улыбается такой же, какъ мадонны, полу-религіозной и полусвѣтской улыбкой.

Жилища укрѣпляются уже не въ прежнемъ широкомъ масштабѣ; между множествомъ замковъ, точно унизанныхъ укрѣпленіями, въ глубинѣ равнины, въ которой лежитъ городъ св. Давида, возвышается епископскій дворецъ, который едва-ли годился бы Вильгельму де-Лоншану или Гюго Пюгусту — это великолѣпное зданіе безъ оборонительныхъ башенъ, рвовъ и подъемныхъ мостовъ, жилище совсѣмъ исключительное, построенное словно съ увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ [2]).

Внѣшность становится менѣе сурова; внутренность украшается и обогащается, жить начинаютъ уже не такъ тѣсно, какъ прежде; жизнь уже менѣе патріархальна и болѣе утонченна; при-

---

[1]) Родившись въ Уайкхемѣ, въ 1324 г., въ семьѣ низкаго происхожденія (изъ чего и вытекаетъ его девизъ: *Manners makyth man*, то-есть, заслугу человѣка составляютъ нравственныя качества, а не что-либо другое), онъ былъ въ 1356 г. клеркомъ королевскихъ работъ, присутствуетъ при заключеніи мира въ Бретиньи, въ 1366 г. сдѣланъ епископомъ въ Винчестерѣ, канцлеромъ въ 1367 г. и снова въ царствованіе Ричарда II; умеръ слишкомъ восьмидесяти лѣтъ въ царствованіе Генриха IV. Списокъ его бенефицій занимаетъ больше четырехъ страницъ въ Lowht (*Life of W. of Wykeham*, Oxford, 1777, pp. 28 et s.). Фруассаръ удостовѣряетъ то громадное вліяніе, которымъ «Wican» пользовался въ государствѣ.

[2]) Построенъ почти вполнѣ епископомъ Гоуэромъ, 1328—47, «Wykeham Saint-Dawid.» *History and antiquities of St. Davids*, par Jones et Freeman, Londres, 1856, 4°, pp. 189 et s. Теперь остались однѣ, но, тѣмъ не менѣе, прекраснѣйшія развалины.

верженцы старинныхъ временъ жалуются, что богачъ «обѣдаетъ въ комнатѣ, имѣющей каминъ, и измѣняютъ большой залѣ, предназначенной для общей трапезы» [1]). Въ этихъ комнатахъ съ каминами стѣны расписаны или покрыты тканными обоями, на которыхъ изображены, какъ у Эдуарда II, король, окруженный своими приближенными [2]), или какъ у Чернаго принца ущелье Саладина, или «морскія сирены» съ бордюромъ изъ «лебедей съ женскими головами (химерами) и страусовыми перьями», или какъ у сэра Джона Фальстафа, въ слѣдующемъ вѣкѣ, поклоненіе волхвовъ, соколиная охота, осада Валуа (взятаго въ 1417 г.), женщина, играющая на арфѣ около какого-то замка, «исполинъ, прокалывающій коломъ кабана»; все это очень интересныя для насъ произведенія, такъ какъ онѣ представляютъ собой литературу, изображенную въ краскахъ, или въ вышивкахъ [3]).

Начинаютъ заботиться о комфортѣ и объ изяществѣ стола; повара пишутъ на англійскомъ языкѣ кулинарные рецепты, такъ же какъ и дворецкіе, излагающіе на томъ же языкѣ распредѣленіе мѣстъ за столомъ и правила, которыми долженъ руководиться безукоризненный слуга. Безукоризненный лакей не скребетъ у себя въ головѣ и старается не чихнуть въ блюдо; онъ не обтираетъ тарелокъ языкомъ, а когда нужно рѣзать мясо, онъ беретъ его въ лѣвую руку (вилки были еще неизвѣстны) и рѣжетъ правой; онъ указываетъ каждому свое мѣсто и помнитъ,

---

[1]) Now hath uche riche a reule-to eten bi hym-selve,
In a pryve parloure-for pore mennes sake,
Or in a chambre with a chymneye-and leve the chief halle,
That was made for meles men te eten inne
Visions concerning Piers Plowman (изд. Скита), texte B. passus. X vers 96.

[2]) Обои, за которые король заплатилъ лондонскому торговцу, Томасу Хибенхитсу, тридцать фунтовъ. (*Wardrobe accounts of Edward II.—Archaeologia*, t. XXVI, p. 314.

[3]) Завѣщаніе Чернаго принца у Никольса, A *Collection of Wills*, Лондонъ 1780, 4° опись книгъ Фальстафа (умершаго въ царствованіе Генриха VI) *Archaeologia*, t. XXI, p. 232; только въ одномъ изъ его замковъ, а именно въ Кестеръ близъ Ярмута, нашли послѣ его смерти 13.400 унцій серебра. Уже въ тринадцатомъ вѣкѣ, Генрихъ III, страстно любившій искусства, велѣлъ нарисовать въ своей компатѣ, въ башнѣ, исторію Антіохіи (3-й крестовый походъ), а въ своемъ кларендонскомъ дворцѣ то ущелье Саладина, которое находилось на одномъ изъ ковровъ Чернаго принца. Въ Вестминстерѣ, надъ его каминомъ была картина Жесса. (Гарди, *A Description of the close rolls in the Tower*, Лондонъ 1833, 8°, стр. 179, и Девонъ, *Issues of the Exchequer*, 1837, стр. 64). Онъ такъ любитъ свою живопись въ Кларендонѣ, что въ свое отсутствіе велитъ покрывать ее полотномъ, чтобы она не портилась (Паркеръ и Тюрнеръ, *Domestic architecture*, стр. 47). Въ четырнадцатомъ вѣкѣ предпочитаютъ обивать стѣны, которыя въ тринадцатомъ вѣкѣ расписывались; подборъ обоевъ дѣлался на всю компату; низшаго сорта тканые обои работались въ Норвичѣ, но самые лучшіе получались изъ Фландріи.

что папа не имѣетъ равнаго себѣ; «the pope hath no peere». Когда господинъ его одѣвается, его сажаютъ на стулъ у огня, разстилаютъ ему на плечи платокъ и чешутъ его «учтиво» костянымъ гребнемъ; «обмываютъ его тепловатой розовой водой»; когда ему случается брать ванну, воздухъ наполняется ароматомъ травъ, привѣшенныхъ къ потолку. Когда онъ ложится спать, изъ комнаты его выносятся всѣ собаки и кошки, которыя могутъ тамъ находиться, или имъ даютъ маленькія подстилки.

Пища становится роскошной и утонченной. Ѣдятъ разрѣзанныхъ на кусочки куръ и кроликовъ, приправленныхъ толченымъ миндалемъ, коринкой, сахаромъ, лукомъ, солью и травами, облитыми жиромъ; если смѣсь оказывается недостаточно густа, въ нее прибавляютъ рисовой муки и все вмѣстѣ подкрашиваютъ шафраномъ; журавли, цапли и павлины приготовляются съ имбиремъ. Обращается большое вниманіе на внѣшній видъ и на окраску; блюда должны быть зеленыя или желтыя, или украшены «золотыми или серебряными листьями»,—мода, сохранившаяся до сихъ поръ на Востокѣ. Приготовляютъ украшенную утварь—«тонкости», какъ онѣ назывались тогда; на нихъ изображается «Пресвятая Дѣва Марія и Гавріилъ, который, привѣтствуя ее, произноситъ Ave» [1]).

Точно также какъ и домъ, украшается и собственная особа; роскошь въ одеждѣ доведена до такой крайности, что парламентъ находитъ нужнымъ вмѣшаться и запрещаетъ женщинамъ изъ простонародья носить какіе бы то ни было мѣха, кромѣ кошачьяго и кроликоваго [2]). Эдуардъ III покупаетъ у Поля-де-Монтефлора платья для королевы изъ тканей, «пришедшихъ изъ-за моря», за громадную сумму въ тысячу триста тридцать фунтовъ; у него есть у самого бархатный камзолъ, на которомъ онъ заказалъ Вильяму Куртенэй, лондонскому золотошвею, вышить золотомъ нелликановъ. Онъ даритъ своей любовницѣ Алисѣ Перрерсъ 21.868

---

[1]) Указанія и совѣты находятся въ: *The forme of Cury, a roll of ancient English cookery compiled about A. D. 1390, by the master cook of king Richard II*, éd. Pegge, Londres, 1780, 8° (находится также въ *Antiquitates culinariae* Варнера, 1791, 4°). Мы узнаемъ изъ пролога, что главный поваръ Ричарда руководился этими правилами и что книга «was compiled by assent and avysement of maisters (of) phisik and of philosophie that dwellid in his court». *The boke of Nurture folowyng Englandis gise by me John Russel*, éd. Furnivall, *Early English text* Society, 1868, 8-e. Рёссель былъ дворецкимъ герцога Хёмфри Глостера, онъ писалъ въ первой трети пятнадцатаго столѣтія, будучи уже старикомъ: такъ какъ онъ претендуетъ учить прежнимъ традиціямъ и хорошимъ манерамъ, то нужно считать, что онъ описываетъ нравы въ царствованіе Ричарда II.

[2]) Годъ 1363. Онъ допускаетъ еще однако «l'aignel» и «le gopil». Rotuli Parliamentorum, t. II, p. 281.

жемчужныхъ зеренъ и, сверхъ того, тридцать унцій болѣе мелкаго жемчуга; онъ даритъ также своей дочери Маргаритѣ, къ ея свадьбѣ, двѣ тысячи жемчужныхъ зеренъ и покупаетъ своей сестрѣ Элинорѣ вызолоченную карету, всю обитую и вышитую, съ шелковыми подушками и занавѣсками, за которую платитъ тысячу фунтовъ [1]); въ то время можно было купить за эту цѣну стадо въ тысячу шестьсотъ воловъ.

Понятіе о красотѣ, почитаніе и культъ ея распространяются въ средѣ народа, мысли котораго слѣдовали когда-то совсѣмъ по другому направленію. На физическую красоту обращается вниманіе, которымъ она никогда не пользовалась въ такой степени; мужчины и женщины носятъ одежду, обрисовывающую формы тѣла; Черный принцъ, въ стихахъ, написанныхъ имъ самимъ для своего памятника въ Кентербери, оплакиваетъ свою «красоту, которая исчезла» [2]).

Ричардъ II приказываетъ вырѣзать, при жизни, на своемъ памятникѣ, что онъ былъ «corpore procerus». Страсть англичанъ къ роскошной одеждѣ была такъ извѣстна, что имъ приписываютъ, даже во Франціи, изобрѣтеніе новыхъ модъ. Напоминая своимъ дочерямъ, съ цѣлью подѣйствовать на ихъ скромность, что «потопъ произошелъ во времена Ноя въ наказаніе за гордость и переряживаніе мужчинъ и въ особенности женщинъ, которыя обезображивали себя уборами и платьями», рыцарь де-ла-Туръ Ландри прославляетъ, или, лучше сказать, стыдитъ англійскихъ дамъ за изобрѣтеніе вычурныхъ головныхъ уборовъ того времени; дурной признакъ: это страна, въ которой черезчуръ много веселятся; «въ Англіи есть много достойныхъ осужденія,

---

[1]) *Issues of the Exchequer*, ed. Devon, 1837, pp. 142, 147, 189 и 209, шестой годъ царствованія Эдуарда III. Ричардъ II платитъ за карету для королевы 400 фунтовъ, а за простую повозку только 2 фунта. Ibid., pp. 236 и 263.

[2]) Стихи Чернаго принца (*infra*, p. 361) помѣщены въ его завѣщаніи, со всѣми мелочными подробностями объ изваяніяхъ, которыми долженъ быть украшенъ его памятникъ и о томъ, какъ онъ долженъ быть самъ изображенъ «въ полномъ боевомъ вооруженіи». Stanley, *Historical Memorials of Canterbury*, 1885, p. 132; памятникъ существуетъ и сохранился въ очень хорошемъ видѣ. Памятникъ Ричарда II въ Вестминстерѣ былъ воздвигнутъ при его жизни и у него на глазахъ. Имѣются еще въ оригиналѣ контракты (документы, разрѣзанные надвое) по которымъ Никлась Брокеръ и Годфрей Престъ, лондонскіе граждане и бронзовщики, обязуются сдѣлать статуи Ричарда и Анны въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ находятся въ настоящее время, съ «надписями вокругъ названныхъ памятниковъ». 14 апрѣля 1395 года. Другой контрактъ относится къ работѣ изъ мрамора. Оба находятся въ *Record-Office Exchequer Treasury of the recipt.—Miscellanea*, 3—40.

Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Извлечены и приведены въ систему Юліею Рэймондъ Гинджеллъ. Съ портретомъ Г. Спенсера. Пер. съ англ. А. Гойжевскій, подъ ред. Вл. Соловьева. Спб. 1896 г.—Г. П. Сазонова. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895 гг.). т. 1-й, 2-й и 3-й.—**Педагогія. Народное образованіе,** В. Л. Вахтерова. Внѣшкольное образованіе народа. Сельскія библіотеки. Книжные склады. Воскресныя школы и повторительные классы. М. 1896 г.—Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. М 1896 г.—Памяти К. Д. Ушинскаго. Изд. 1896 года. . . . . 60— 81

14. ВОСПОМИНАНІЕ О ЖЕНСКОМЪ МЕЖДУНАРОДНОМЪ КОНГРЕССѢ ВЪ БЕРЛИНѢ. А. Шабановой . . . . . 82— 93

15. О БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКИХЪ СРЕДСТВАХЪ РОССІИ. Л. Бертенсона. . . . . 94—103

16. ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ. Л. Е. Оболенскаго. . 104—120

17. ДМИТРІЙ НАРКИСОВИЧЪ МАМИНЪ. А. Скабичевскаго. . . 121—146

18. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Изъ жизни современной Германіи. I. Берлинскія злобы дня Промышленная выставка.—Два убійства.—Правовое чувство.—Офицерская честь.—Милитаризмъ.—Реакція противъ него.—Рѣчь профессора Квидде.—II. Готскій партейтагъ. Двадцать одинъ годъ.—Дѣло Либкнехта.—Искусство и рабочій классъ.—Академики.—Правовѣрная и еретичка.—Анархисты.—Профессіональные союзы. **В. Поссе** . . . 147—170

I. **Европейскіе интересы дня.** Отголоски европейскихъ выставокъ и конгрессовъ.—Труды по общественному образованію въ Женевѣ.—Вопросъ о современномъ журнализмѣ въ иностранной прессѣ.—Борьба католичества съ масонствомъ, какъ съ культомъ дьявола.—Протестъ голландца Ванъ-деръ Веера противъ войны и мнѣніе о немъ гр. Л. Н. Толстаго и «Journal des Débats».—Гражданское воскресенье въ Лондонѣ.—Можно-ли арестовать китайца въ Англіи безъ суда?—Китайскія тайныя общества. . . . . 170—182

II. **Между журналами и газетами.** В. Т. . . . . 182—193

Константинопольская рѣзня. (Письмо изъ Константинополя). **О. Кайдановой.** . . . . . 193—197

19. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

ОБРАЗЧИКЪ ЧАСТНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ОБЛАСТИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. **Я. Абрамова.** . . . . . 198—208
КЪ ВОПРОСУ О ЗЕМСКИХЪ ФИНАНСАХЪ. С. Г—ина. . . . . 209—213
ИЗЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ. Д. Л. . . . . 213—223
ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Тверской губерніи. (Къ вопросу о народныхъ библіотекахъ-читальняхъ). **А. Б.**—Изъ Кузнецкаго у. Саратовской губ. (Къ вопросу о переселеніяхъ). **Г. У.**—Изъ Якутской области. **Алек—нова.** . . . . . 223—240

20. ОБО ВСЕМЪ. С. К. . . . . 241—252

21. НЕКРОЛОГИ: В. О. Португаловъ и А. П. Батуевъ . . . . . 253—254

22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

23. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерана** . . . . . 145—168

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЕ СЛОВО

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «НОВОЕ СЛОВО» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на **запросы и нужды провинціи**, съ которою желательна **живая связь**. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно **большаго числа мѣстъ** свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ **мѣстной жизни**. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще **«письма изъ провинціи»**.

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, редакція желаетъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, И. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко;* проф. *И. В. Лучицкій, Н. Максимовъ, Д. И. Мамминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Д. Л. Михаловскій, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. Пружанскій, Н. А. Рубакинъ, В. И. Савихинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ,* проф. *К. А. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.).* проф. *В. Г. Ярошкій, А. И. Эртель* и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ, который начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ**. Вслѣдствіе этого **годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается**

СЪ 1-го ОКТЯБРЯ 1896 г. ПО 1-е ОКТЯБРЯ 1897 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
» » » » на полгода . . .	5 » — »
» » » » на три мѣсяца. . . .	2 » 50 »
» » безъ пересылки на годъ	9 » — »
» » съ перес. за границу на годъ	12 » — »

За ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 окт. 1895 г. по 1 окт. 1896 г.

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Адресъ **конторы редакціи:** Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «НОВОЕ СЛОВО», книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ Спб., **за пересылку не платятъ**, исключая сочиненій **Н. А. Добролюбова**, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію, и изданій по подпискѣ.

Каталогъ изданій по требованію высылается **безплатно**.

Редакція проситъ авторовъ, не желающихъ печатать свои статьи съ редакціонными сокращеніями и измѣненіями, оговаривать это на рукописяхъ.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ отъ 1 до 3 час. дня.

Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала просятъ присылать въ редакцію не позже мѣсячнаго срока съ обозначеніемъ № адреса.

Иногородніе просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р., изъ иногородніе въ городскіе 50 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Редакторъ **А. Н. Поповъ.** Издательница **О. Н. Попова.**